

Александр
БЕЛЯЕВ

Александр БЕЛЯЕВ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ТОМ
2

ВОРОНЕЖ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «АННА»
1992 г.

ББК 84Р7
Б44

Комментарии А. Балабухи

Рисунки Л. Карюкова

Б 4702010201—002
В89(03)—91 Подп. изд.

ISBN 5-87570-002-5

© Издательский центр
«Анна», 1991

Последний человек из АТЛАНТИДЫ

КАК БЫЛА ОТКРЫТА АТЛАНТИДА

1. ПОДВОДНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

— Это мысль!

Отложив книгу в сторону, мистер Солли еще раз повторил:

— Да. Это мысль! — и погрузился в раздумье.

Мистер Солли — удачливый нью-йоркский фабрикант и биржевик, нажившийся на военных поставках во время мировой войны*.

Война — прекрасная вещь для таких людей. Чем выше росли горы трупов на полях сражений, тем больше округлялся текущий счет мистера Солли. К концу войны мистер Солли «стоил» несколько миллиардов долларов.

Но когда он достиг вершины финансового могущества, с ним случилась неприятная история. Роскошные обеды, обильно орошаемые тонкими винами, вызвали заболевание мозговых сосудов. И он слег от мозгового удара, когда менее всего ожидал этого. У него отнялись правая рука и нога. Удар был легкий, и при тщательном медицинском уходе через несколько месяцев больной оправился. Паралич, казалось, прошел. Но врач категорически запретил мистеру Солли возвращаться к коммерческой деятельности.

— Довольно, поработали, — сказал врач. — Если вы хотите сохранить здоровье, вы должны совершенно изменить образ жизни. Путешествуйте, занимайтесь коллекционированием, благотворительностью — одним словом, чем хотите, лишь бы заполнить ваше время и развлечься, но избегайте умственного и нервного напряжения. Иначе я не отвечаю за вашу жизнь.

После такого ультиматума перед мистером Солли

встал нелегкий вопрос: чем наполнить жизнь и как использовать свои несметные богатства?

Он был одинок. Это еще больше осложняло положение. Ему не о ком было заботиться, кроме как о самом себе.

Ехать в Африку и охотиться на львов, как это сделал Рузвельт? *

Слишком сильные ощущения такого спорта не привлекали Солли.

Благотворительность?

Одна мысль об этом вызывала на его жирном, красном лице гримасу брезгливости. Слишком избито, пошло. Написать чек на сотню тысяч долларов в пользу университета, чтобы потом полюбоваться на свой портрет в газете? Пустое и скучное занятие.

Мистер Солли попробовал заняться коллекционированием. Начал скупать картины старых итальянских мастеров. Но все эти Леонардо да Винчи и Рафаэли**, очевидно, не учли американского спроса. Большинство уннков¹ было уже скуплено. Оскандалившись с покупкой «подлинного» Корреджио***, оказавшегося ловкой подделкой, Солли почувствовал отвращение к живописи.

Потом следовали коллекции австралийских бумерангов, китайских колокольчиков... Коллекция, составленная из трехсот пятидесяти видов живых блох, собранных со всех стран мира, заставила говорить о себе некоторое время. Но все это было не то... Нужно было найти что-нибудь выдающееся, что, быть может, обессмертило бы его имя.

Вкусив от плодов богатства и власти, мистер Солли тайне мечтал и о славе. Но как купить ее? Это было совсем не так просто, как с биржевыми акциями.

И вот, когда он уже терял надежду найти достойную его цель жизни, простой случай пришел на помощь.

Личный секретарь мистера Солли случайно оставил на письменном столе пеструю книжку с серыми и голубыми полосками обложки. Это был томик на французском языке: «Роже Девинь. Исчезнувший материк. Атлантида, шестая часть света».

Миллионер, скучая, просмотрел эту книгу, но несколько строк остановили его внимание.

«Необходимо создать, — писал автор, — экспеди-

¹ У н к — редкий, единственный в своем роде предмет.

цию из кораблей всех наций для исследования Атлантического океана, чтобы найти священную землю, в которой спят общие предки древнейших наций Европы, Африки и Америки».

«Подводная экспедиция для отыскания Атлантиды... Это идея!»

Закурив сигару, мистер Солли погрузился в честолюбивые мечты. Он, мистер Генри Солли, открывает этот исчезнувший материк. Он будет новым Колумбом. Он водрузит звездное американское знамя на этом исчезнувшем материке. А коллекции со дна океана! Там уж, наверно, не будет подделок. Все уники неизмеримой ценности. Недурное помещение для капитала, — мелькнула мысль, привыкшая ко всему подходить с коммерческим расчетом. — И слава, слава...

Да, решительно над этим следует подумать. Надо изучить вопрос. Мистер Солли осмотрел приложенную библиографию в конце книги: «Одна коллекция книг в Смитсоновском институте содержит более 50 000 томов...»

«Ну, это уж слишком! — мистер Солли поморщился, представив себе эти груды книг. — Впрочем, для чего существуют ученые? Мы поручим им сделать необходимые выборки. А пока познакомимся с Девинем».

Забыв даже о строгом режиме врача, мистер Солли засиделся за полночь, погруженный в чтение книги.

Пришедший на другое утро личный секретарь мис-с-тер Картер увидел своего патрона необычайно оживленным и был ошеломлен его словами.

— Картер! Мы отправляемся в подводную экспедицию разыскивать Атлантиду...

Картер широко открыл глаза, потом покосился на оставленный вчера томик Девиня и понял все.

«Уж лучше бы блох своих ловил», — подумал Картер. Ему совсем не улыбалась эта экспедиция. Он только недавно был помолвлен.

Но с обычной любезностью он промолвил:

— К вашим услугам, сэр.

II. АТЛАНТИДА И МЭРИ

Работа закипела. Мистер Солли был неузнаваем. Апатия и вялость исчезли бесследно. С утра до вечера он совещался с учеными, инженерами, моряками. Солли входил во все мелочи и проявлял свои недюжинные практические и организаторские способности.

Инженеры вырабатывали типы подводных кораблей. Воплощалась в жизнь фантазия Жюль Верна об открытии Атлантиды «Наутилусом» капитана Немо. Солли забраковал проект постройки одного большого подводного корабля.

— Он нам может понадобиться лишь в конце, когда Атлантида будет найдена. И потом большие субмарины¹ дороговязки даже для моего кармана. Нам нужны ищейки, флотилия мелких судов, которые будут рыскать под волнами океана и производить предварительные изыскания.

Остановились на типе небольшой подводной лодки и стали вырабатывать ее конструкцию.

На подводных лодках предполагалось устроить окна из толстого стекла и сильные прожекторы для наблюдения изнутри судна. В дне корпуса должны были находиться отверстия, через которые на дно океана могли бы опускаться особые зонды для исследования почв. Наконец особые люки могли выбрасывать и забирать обратно водолазов. С надводным миром предполагалось поддерживать постоянную связь при помощи радио. Решили построить пять таких субмарин. Смета все росла, но это не смущало Солли. По его плану, суда необходимо было построить в два года; расходы могли быть покрыты одними процентами с его капитала. Первая лодка должна была быть готова через полгода. Если ей посчастливится, остальные можно будет и не строить.

Несмотря на все эти кипучие сборы, дело могло расстроиться и только потому, что в судьбу открытия Атлантиды оказалась замешанной судьба белокурой Мэри, невесты Картера. Секретарь миллионера был так же увлечен ею, как Солли Атлантидой. В ее лице Атлантида приобрела сильную соперницу.

¹ Субмарины — подводные лодки.

Картер смотрел на затею Солли как на одну из его причуд, которые могут пройти так же быстро, как прошли его другие увлечения. Но эта причуда могла надолго оторвать его от мисс Мэри Ривс.

И он повел тайную интригу, чтобы разрушить эту затею. Он уверял врача, что увлечение Солли Атлантидой вредно для его здоровья. Он умышленно осложнял работу, чтобы оттянуть отъезд. Он разыскивал профессоров, которые не верили в существование Атлантиды, и просил их уговорить старика Солли отказаться от его затеи. Он создал целую кампанию в печати. Большинство ученых осмеивали фантазерство Солли. Газеты помещали карикатуры. Но Солли был непреклонен.

На несчастье Картера, Солли нашел в лице профессора Ларисона фанатичного сторонника экспедиции.

Старик Ларисон, с шарообразным, безволосым черепом и узкими, веселыми глазками, переселился к Солли и прямо гипнотизировал его своими возбужденными речами об Атлантиде, ее несметных богатствах, погребенных на дне океана.

Потеряв всякую надежду расстроить экспедицию, Картер заявил Солли в одно утро о своем уходе.

— Как, вы покидаете меня в такую минуту? — спросил Солли огорченно. — Но какая причина?

Все это было сказано с таким искренним огорчением, что Картер после некоторого колебания решил сказать правду.

— Я предполагаю скоро вступить в брак и не нахожу возможным в такое время отправиться в экспедицию, которая займет, может быть, несколько лет.

Солли опустил голову. Потом он вдруг вскочил с кресла и, махнув обеими руками, закричал:

— Так за чем дело стало! Женитесь скорей и берите ее с собой!

«С собой... — это была новая мысль, которая еще не приходила Картеру в голову, — И согласится ли Мэри?»

Неожиданно для него Мэри согласилась принять участие в экспедиции и даже выразила живейший интерес.

Мэри перестала быть опасной для Атлантиды.

III. В ПОИСКАХ АТЛАНТИДЫ

Прошло еще три года. Годы разочарований и обманутых надежд. Уже четыре года субмарины бороздили пучины Атлантического океана между северо-западными берегами Африки и восточными берегами Северной и Южной Америки. Было сделано много интересных геологических и палеонтологических находок, но следов Атлантиды не находилось. Целые отряды водолазов зондировали дно морское на сотни метров вглубь, но везде находили только вулканический туф, кристаллизовавшийся под давлением воды, гранит и глинистый сланец.

Участники экспедиции были явно утомлены. У Мэри Картер значительно остыл интерес к Атлантиде.

Ее муж проклинал Атлантиду, Ларисона и Солли. Но хороший оклад удерживал его в экспедиции. Сам Солли временами впадал в сомнение. Расходы росли, ему давно пришлось тронуть основной капитал, и он, Солли, «стонл» уже намного меньше, чем до экспедиции.

Подводящая экспедиция Солли вначале возбудила громадный интерес. На время Атлантида стала самой модной темой. О ней читались бесчисленные лекции, велись ученые споры. Некоторым мерещились богатства, погребенные на дне океана. Поднимался даже вопрос об основании акционерного общества для ведения совместных с Солли работ. Но простой расчет заставил подождать результатов экспедиции Солли. А эти результаты пока были плачевны. Газеты и журналы писали об экспедиции все холоднее, потом перешли к высочиванию, высчитыванию, сколько стоит «миф об Атлантиде», и, наконец, замолчали совершенно. Это для Солли было хуже всего. В довершение неприятностей он потерял часть состояния, заключенного в нефтяных акциях.

Дальнейшее «закапывание денег в океан», как писали в газетах, грозило ему разорением.

Солли стал молчалив и раздражителен.

Не унывал один Ларисон.

— Все наши неудачи ничего не доказывают. Просто мы допустили ошибку в исследованиях. Но эту ошибку легко исправить. Дело в том, что до сих пор мы

ковыряли только вершины вулканических гор Атлантиды. Вспомните, что еще Платон* упоминал об этих высоких горах. Города лежали у их подошвы. Следовательно, чтобы искать их, нужно опуститься в долины по крайней мере на три тысячи метров глубины, лежащие на дне океана, и проделать в почве несколько глубоких косых траншей. И мы найдем Атлантиду. Она ждала вас десятки тысяч лет, и неужели теперь, когда вы так близко от нее и от славы, — да, от славы! — вы бросите все?

Хитрый Ларисон давно нашел слабую струнку Солли. Слава!

— Сколько она стоит? То есть сколько это будет стоить еще? — спросил он.

Стали подсчитывать. Работы на дне океана стоили безумно дорого. Но упорство и привычка рисковать заставили Солли решиться на этот шаг.

Для последних исследований выбрали местность на 12° северной широты и 40° западной долготы.

На дно были опущены громадные воздушные колокола, так как на глубине трех тысяч метров давление воды было слишком велико для работы водолазов. Сверла, приводимые в движение электричеством с кораблей, стоящих на поверхности океана, бурили и дробили землю, которая через герметические люки выбрасывалась из колокола. Несколько раз вода проникла под колокол. Шесть рабочих уже поплатились жизнью. Все труднее было найти охотников на место выбывших, все дороже оплачивался труд. Три месяца шла эта упорная работа. Героические усилия экспедиции привлекли вновь к ней внимание «надземного мира». Неутомимый Ларисон энергично руководил работами на дне океана. Солли большую часть времени проводил на плавучем доке, устроенном около места работ, — на открытом воздухе. Пребывание в подводных лодках было для него тяжело. Зато морской воздух очень укрепил его здоровье. Физически он чувствовал себя прекрасно. Но это лечение обошлось ему не дешево. В одно утро, посидев над счетами и подведя баланс, он увидел, что ему хватит средств продолжать работу только на два месяца. А дальше — конец. Он разорен и, вдобавок, опозорен, как старый фантазер и мечтатель.

Вечером, когда Ларисон, усталый, но бодрый и шум-

ный, как всегда, поднялся к нему со дна океана, Солли поведал печальную новость.

Ларисон в первый раз почувствовал себя растерянным.

Он никогда не думал, что этот золотой мешок может иссякнуть. Но Ларисон был слишком поглощен своими работами, чтобы предаваться отчаянию.

— Этого не может быть!

— То есть как не может быть? Вот посмотрите итог.

— Не может этого быть, говорю я, чтобы работа прекратилась на самом интересном месте. Мы дошли до мягкого туфа. Работать легче. И только сегодня я нашел что-то чертовски напоминающее кусок черепицы от крыши. Деньги? Их надо достать!

— Но как?

Ларисон пожал плечами и ушел к себе. Он долго писал в этот вечер, сделал какие-то распоряжения и наутро, наскоро позавтракав, нырнул «к себе» на дно океана.

IV. НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ

Два роковых месяца были на исходе. Солли занимался тем, что подсчитывал, что останется ему на скромную жизнь, когда он бросит «глупую затею» с Атлантидой и ликвидирует ее. Вызванный управляющий делал ему доклад. После ликвидации овечьих ранчо в Техасе оставались кое-какие крохи в несколько сот тысяч долларов.

Солли в задумчивости пускал струи дыма, рисуя картину своего будущего. Он уедет в уединенное имение в южных штатах и будет доживать свой век в полном одиночестве. С африканского берега тянуло горячим дыханием раскаленных пустынь.

Вдруг на севере показался ряд кораблей. Когда они подошли, Солли увидал развевающиеся вымпелы.

— Это что еще за флотилля?

Он не знал, что это шла неожиданная международная помощь. Ларисон не дремал. Он написал горячее воззвание в газеты разных стран с призывом ко всему культурному человечеству помочь экспедиции «во имя

науки». Его горячо написанное воззвание произвело впечатление. Был сформирован вспомогательный флот, корабли которого подходили теперь к плавучему маяку. Солли давно уже не читал газет: «Ничего, кроме неприятностей». И потому не знал о воззвании Ларнсона.

Помощь пришла вовремя, и работа закипела с удвоенным темпом. Вскоре были найдены неоспоримые следы Атлантиды: каменная кладка из черных, белых и красных камней, хорошо сохранившихся в водонепроницаемом слое. Открытие произвело необычайную сенсацию во всем мире. Почти все государства, словно желая наверстать потерянное, приняли участие в раскопках.

Работа шла медленно, но теперь это уже была не слепая работа крота.

Каждый месяц приносил все более радостные новости. Солли, оживший и вновь повеселевший, проплывал на субмарине вдоль места работ и в окно иллюминатора глядел, как из синевы океана, освещенной прожектором, показывались то полуразрушенный ряд колонн, сквозь которые проплывали рыбы, мягко шевеля плавниками, то стены дома, то покосившийся портик храма...

На пятом году экспедиции были найдены развалины храма Посейдона, а в них — громадная библиотека, состоящая из бронзовых полированных пластин, на которых были вытравлены надписи. Надписи прекрасно сохранились. Их удалось расшифровать одному русскому ученому-лингвисту. Постепенно Атлантида раскрывала свои тайны: храмы, пирамиды, статуи, дома, бронзовое оружие, утварь и бесчисленное количество «бронзовых книг» атлантов.

По окончании раскопок была создана международная конференция из представителей дипломатии и ученого мира для разрешения вопроса о судьбе извлеченных со дна океана ценнейших археологических коллекций.

Было решено не дробить «центральное ядро» археологического материала, дающее полное, почти исчерпывающее представление об Атлантиде, ее цивилизации и жизни. Но между Европой и Америкой завязался горячий спор: кому владеть этим ядром?

В конце концов спор был разрешен в пользу Амери-

ки, но в виде уступки Европе, там был создан Международный музей Атлантиды.

Это было грандиозное здание, построенное в стиле атлантов и состоявшее из трехсот шестидесяти громадных залов, наполненных статуями, утварью, предметами культа и тому подобным. К этому главному зданию примыкал ряд других: Международный институт по изучению Атлантиды и библиотека, включавшая уже более двухсот тысяч томов книг по Атлантиде.

Первая речь на торжественном открытии этого музея и института была предоставлена профессору Ларисону. Она продолжалась более шести часов и была прослушана с захватывающим интересом. Мистер Солли также не был забыт на этом торжестве, и его самолюбие было удовлетворено. Ведь в конце концов его скука и лишние деньги помогли открыть Атлантиду. Дубликатов археологических находок было достаточно, чтобы создать богатейшие музеи в Европе. Среди них самыми полными и богатыми оказались музеи Москвы, Парижа и Лондона.

На этом мы и закончим краткую историю открытия Атлантиды. Далее идет уже история самой Атлантиды. Эту историю написал неугомонный старик Ларисон. Такой энтузиаст, как Ларисон, не мог написать сухого ученого трактата. Он написал скорее роман, чем историю. Но роман, в котором каждое положение обосновано на научных данных. К сожалению, Ларисон неожиданно умер, и рукопись, о которой знали многие из его друзей, считалась потерянной. Лишь недавно она была найдена среди хлама на чердаке его уединенного дома.

Рукопись снабжена примечаниями Ларисона, которые мы сохранили. Вот эта рукопись.

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ АТЛАНТИДЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я пишу для себя. На изучение Атлантиды я потратил долгие годы. Я слишком сжился с нею. Я бродил среди развалин Атлантиды на дне океана. Там передо мною проносились картины ее былого величия и ужасного хонца. По многим документам, найденным на дне океана и на поверхности земли в различных странах, я познакомился с судьбой ее обитателей и даже отдельных лиц. И у меня явилась непреодолимая потребность записать все это. Я не предполагаю печатать эту рукопись.

Моя повесть об Атлантиде слишком научна для романа и слишком романтична для науки.

Но я не могу не написать ее, потому что эти видения преследуют меня, как галлюцинации.

Может быть, описав их, я буду с большим спокойствием продолжать свои научные работы.

Профессор Ларисон

I. АТЛАНТИДА

Солнце склонилось к западу. Вечерний береговой ветер доносил до самого корабля ароматы цветущих апельсиновых деревьев, магнолий и душистых горных трав.

Пассажиры вышли на верхнюю палубу пятиэтажного корабля и любовались величественной картиной.

Перед ними дремали в лучах горячего солнца берега великой Атлантиды.

У самого берега возвышался знаменитый Посейдон-

ский маяк¹ — одно из мировых чудес. Он имел форму конуса, усеченная вершина которого, казалось, упиралась в небесный свод. Маяк был сложен из громадных каменных кубов красного, черного и белого цвета, расположенных красивым узором. Вокруг маяка спиралью вилась широкая дорога, по которой свободно проезжало рядом шесть колесниц.

День и ночь по винтовой дороге тянулись повозки. Одни из них доставляли смолистые деревья на вершину маяка, другие увозили обратно пепел и угли. На верху маяка была круглая площадка, на которой свободно мог разместиться целый городок. Здесь были огромные запасы дров, ямы для пепла и углей, решетки для костров и целая система шлифованных вогнутых бронзовых зеркал. Смолистое дерево, смешанное с серой и нефтью, давало яркое пламя, которое не могла погасить даже буря. На случай ливня был установлен бронзовый навес. Бронзовые зеркала, как сильные конденсаторы, собирали свет и бросали лучи в океан на много десятков миль.

Маяк стоял у гавани, окруженный садами, среди которых были разбросаны дома кубической формы из камней черного, красного и белого цвета. Дальше почва постепенно возвышалась, переходя в горную цепь.

На склонах горы, как расплавленное золото, сверкали под солнцем своей бронзовой облицовкой здания Посейдониса — столицы мира и Атлантиды. Еще выше, как сторожевой дозор, высился полукруг гигантских гор с снежными вершинами.

А вдоль всей горной цепи протянулось одно из самых чудесных произведений искусства атлантов, создание великого ваятеля Атлантиды — Адншнрны-Гуанча*; бог Солнца, изображенный в виде полулежащего на левом боку юноши. В правой руке, протянутой вдоль бедра, он держал рог, из которого низвергался громадный водопад. Опершись на локоть, он протянул раскрытую ладонь левой руки и с улыбкой рассматривал расположенные на ней храмы, с великим храмом Посейдониса посредине, громадные пирамиды и обелиски. Вся фигура бога была высечена из горной цепи. Требова-

¹ Большинство имен собственных мною взято из языка атлантов. Но некоторые имена (Посейдонис, Атлантида и др.) оставлены в том правописании, которое установилось со времени Платона, как более знакомое современникам. — Ларисон.

лось два с половиной дня пути, чтобы пройти от склоненного локтя статуи до конца ноги. Десятки тысяч рабов трудились над нею.

Статуя эта с моря, на расстоянии нескольких часов пути от берега, производила необычайное, ни с чем не сравнимое впечатление. Громадные храмы и пирамиды на ладони статуи казались прекрасными маленькими грушками.

Снежные вершины окаймляли статую бога Солнца, как белое облако, утопавшее в синеве тропического неба.

Пассажиры с немым благоговением смотрели на эту величественную панораму.

— Да, велик бог Атлантиды, — задумчиво сказал один из них.

Он сидел на золотом троне, под полосатым балдахинном, в шелковой пурпуровой одежде, вышитой яркими узорами. Красные рубины сверкали на его одежде, как угли, в лучах заходящего солнца. Черная длинная борода его на щеках была завитая в мелкие кольца, а ниже заплеталась в жгуты. На голове конусообразная тиара была усыпана драгоценными камнями.

Это был владыка далекого Ашура, один из царей, подвластных Атлантиде.

Он приехал с обычными дарами на годовой праздник Солнца.

Корабль входил в бухту.

Матросы опускали громадные пурпуровые паруса, на которых разноцветными шелками были расшиты крылатые быки. И паруса падали вдоль мачт, построенных в форме «Л», как на сложенный дождевой зонтик. Один ряд за другим гребцы опускали тяжелые весла, обитые тонкими листами бронзы. Только в самом нижнем ярусе весла ударяли еще по воде под ритмические звуки флейты.

Наконец был опущен и небольшой носовой треугольный парус. Он затрепетал на ветру, как крылья бабочки, и замер.

Корабль входил в широкий канал, берега которого были скованы белым камнем.

Канал проходил через три гавани, лежащие одна за другой. При приближении корабля к первой гавани слышались громкие звуки громадных бронзовых труб морской стражи.

Шесть таможенных барок, плоских, с заостренными и приподнятыми носами и короткими мачтами, в форме «Л», подплыли и остановились полукругом около прибывшего корабля. На барках стояли солдаты с длинными пиками, короткими мечами и в касках из полированной бронзы.

Начальник морской стражи вошел на палубу корабля.

Он протянул руку в знак почтения, — свободные атланты не падали на колени даже перед царями, — и просил продолжать путь. Весла вновь мерно опустились в воду.

Но вот канал неожиданно оборвался, и корабль вошел в Большую Гавань Посейдониса, освещенную заходящим солнцем. Ветер трепал флаги на верхушках целого леса мачт. Крик человеческих голосов, звуки песен, скрип воротов, лязг бронзовых цепей сливались в однообразный шум.

Корабль проследовал дальше в большой канал, длиною в девять километров. По берегам канала потянулись дома, храмы, склады, богатейшие поля майса и пшеницы, орошаемые сетью мелких каналов. Среди зелени садов были разбросаны низкие белые кубообразные дома из белого, красного и черного камней, сложенных простым, но красным узором.

Направо, в последних лучах заходящего солнца вышло здание Морской Биржи с высокими обелисками, испещренными надписями. Перед нею шумела и волновалась толпа, разноплеменная, пестрая: скандинавцы, даже здесь не оставлявшие своих меховых одежд со скрытыми под ними коварными мечами; азиаты в красных колпаках и длинных одеждах, расписанных золотом; нубийцы — продавцы слоновой кости в конических тиарах, звенящие своими амулетами; желтолицые продавцы лошадей и барышники...

Наконец корабль остановился в третьем, внутреннем, морском бассейне, на поверхности которого скользили, как быстрые водяные жуки, небольшие лодки, фелюги, гондолы *.

Путешественники сошли с корабля и расположились в черных гондолах, украшенных диском солнца.

Гондолы быстро поплыли вдоль прямого канала, который пересекался тремя концентрическими каналами. Внутри этих каналов, закованных в красную бронзу,

поднимался Священный Холм города Посейдониса.

Без сумерек пала на землю южная ночь. Издали, от Морской Биржи, донеслись заглушенные расстоянием звуки песен, шум толпы...

На холме высились громадные бронзовые колонны-«фонари», с вершины которых падали яркие лучи света.

На фоне неба чернели леса у края снежных горных вершин, защищавших Атлантиду от северных гиперборейских ветров...

Между первым и вторым кольцевым каналами были расположены громадные здания казарм. В них помещались испытанные в своей верности воины, которых набирали главным образом среди белокурых, длинно-волосых галлов и смуглых берберов.

Гости сошли с гондол и стали пешком подниматься на Священный Холм.

На его вершине уже ясно виднелись пирамиды, окружавшие храмы, с храмом Посейдона посредине. Храмы окружало роскошное ожерелье дворцов, монастырей, часовен, всяких садов, астрономических башен и научных лабораторий жрецов.

По обе стороны дороги росли драконовые деревья с их острыми листьями и корнями, сок которых похож на кровь. Среди пальм струились фонтаны.

Взошла луна, и свет ее ярко осветил город. Аромат цветов наполнял воздух.

От времени до времени от казарм доносились резкие звуки труб.

Никто не встречался на пути, кроме стороживших воинов, стоявших неподвижно, как статуи. Закованные в блестящие латы, они блеснули при свете луны, как бронзовые монолиты. Это были «кавалеристы Нептуна» — сыновья жрецов и царей. Только знатное происхождение доставляло им честь стоять на страже в этих запретных местах.

На высоте холма сильнее чувствовалось освежающее дыхание океана...

Храм Посейдона был воздвигнут на усеченной пирамиде, покрытой бронзой. Он имел стадий¹ в длину и весь был покрыт серебром, золотом и бронзой. Внутри храма статуй и колонны были украшены слоновой ко-

¹ Стадий — древнегреческая мера длины, в разных местах неодинаковая. Аттический стадий был равен 177,6 метра.

стью. На верху храма возвышалась гигантская статуя бога, стоящего на своей колеснице, запряженной крылатыми конями. Вокруг статуи высились ряды астрономических колонн, бронзовых нереид и золотые статуй царей и цариц, происшедших от десяти сыновей Посейдона.

Все эти архитектурные сооружения, облицованные сверкающей бронзой, производили впечатление несколько варварского, но поражающего великолепия.

Недалеко от храма, из скалы, вытекало два источника: один с холодной, другой с горячей водой. Источники вливались в бассейны, над которыми были воздвигнуты бани: одна летняя, и другая, крытая, — на время зимних дождей.

Проводник привел гостей к одному из дворцов, стоявших недалеко от храма Посейдона, в лавровой роще. Цветущие глицинии обвивали колонны.

Луна освещала бронзовую облицовку двери, на которой был изображен лик бога Солнца, в виде человеческой головы с разбросанными, пылающими волосами.

На стук проводника дверь открылась.

— Трижды великий царь Атлантиды предоставил этот дворец в ваше распоряжение, — сказал проводник царю Ашура, протягивая руку.

Почетная стража атлантов потрясла копьями и ударила ими о щиты в знак салюта, и гости вошли во дворец.

II. СЕЛЬ

— Какая душная ночь! Эта бронзовая облицовка за день так накаляется, что даже ночью дышать нечем. Надо сказать нашему архитектору Кунтинашару, чтобы он выстроил мне дворец из пористого камня, как у Шишена-Итца. Открой завесу, Ца!

Старуху, няньку царицы Сель, звали Гу-Шир-Ца. Но Сель с детства называла ее кратко: «Ца».

Старуха отдернула лиловую завесу, расшитую серебряными лилиями. В открывшейся раме между колоннами сверкнула полоса поверхности океана, переливающаяся лунным серебристым светом. В комнату вор-

нался свежий ветер и колыхнул широкие концы пояса Сель.

Сель стояла у столика из слоновой кости, заставленного коробочками из яшмы, хрустальными и золотыми флаконами удлиненной формы, миниатюрными чашечками из оникса и сердолика для белил и румян и маленькими статуэтками.

В протянутой руке она держала зеркало из полированной бронзы. Полотняный кусок материи с вытканными змеями и цветами, узко стянутый у бедер, прикрывал ее тело до пояса. Сверх полотна был повязан темно-синий широкий пояс, завязанный узлом у живота. Концы пояса спускались ниже колен. Грудь, шея и руки были обнажены. Руки выше локтя были перехвачены браслетами в виде обвивавшихся змеек. Мелкая чешуя их отливала зеленоватым золотом. На их приподнятых головках сверкали изумрудные глаза.

Сель любовалась собой в зеркало, поправляя распущенные черные волосы.

С одной стороны девушка была освещена красным огнем высокого бронзового светильника, с другой — голубым лучом луны, падавшим сквозь высокие колонны. Бронзовое зеркало несколько золотило ее смуглый цвет кожи, и вместе с двойным освещением ее лицо, отраженное в зеркале, приобрело необычайную сложную окраску.

— Ца, сделай мне прическу. Много приехало гостей на праздник?

И Сель улеглась на низкую кушетку, покрытую шкурой леопарда.

— Едут и едут... Одних царей шестнадцать уже приехало... Царь Шеркурлы, Агада, Эреха, Ура, Ишна, Марсама, Атцора — всех не перечесть... Могуч Гуан-Атагуераган! Весь мир покорили атланты. Взять, к примеру, хотя бы царя Ашура. Каково ему-то на поклон ехать! А не откажешься...

— Ца, какой я сегодня сон видела! Будто мою голубку схватил коршун и уносит. Я стала кричать, а голоса нет... Вдруг орел поднялся — и камнем на коршуна! И они задрались так, что летели перья. Но тут я проснулась. Какая досада!.. Я так и не узнала, спас ли орел голубку... Как ты думаешь, что означает этот сон? Спросить разве у Эльзаира? Он хорошо толкует сны.

— И спрашивать нечего. Я сама растолкую. Голубка — это ты. Из-за тебя уж давно пух и перья летят: ссорятся женихи, значит. Вот слыхала я, что царь Ашур-а опять сватается за тебя. Он и в прошлом году сватался.

— Этот черный, с длинной бородой в кудряшках? Ни за что! Чтобы я поехала с этим коршуном на край света, оставила свою прекрасную страну? Ни за что!

— Слово царское — закон. Не все по нашей воле делается!

— Я сама себе — слово царское. Ну, это мы посмотрим! Что ты долго возишься с прической?

— Готово. Какое платье прикажешь подать к завтрашнему празднику?

— Завтра не платье, а латы, меч и копье!

И она сделала резкое движение рукой, как бы рассекая мечом воздух. Под тонкой кожей зангнали хорошо развитые мускулы.

— Я завтра еду с отрядом своих амазонок. Пусть знают все иностранные соколы и орлы, что дочери атлантов владеют копьем и мечом не хуже их воинов. Может быть, это отобьет у них охоту брать в жены амазонку¹.

Протянув плащ под правую руку, она свободным движением закинула конец его на левое плечо.

— Заколи на плече! Опять волочиться будет, — ворчливо сказала Ца и подала Сель булавку, сделанную из красной яшмы в виде человеческого сердца, пронзенного золотой стрелой.

Сель улыбнулась, взглянув на этот древний символ несчастной любви. Брошь была сделана рабом Адширной-Гуанчем, ваятелем и придворным ювелиром.

— Что делает Адширна-Гуанч? Как его Золотые Сады? Он успеет их закончить к празднику?

— Говорят, все готово. Он там, в садах.

— Я пойду посмотреть на его работу!

— Что ты, Сель!.. — замахала руками Ца. — Отец строго запретил входить в Золотые Сады, пока они не будут окончены. Завтра их откроют, тогда смотри сколько хочешь!

— Я потихоньку!.. У меня есть ключ.

¹ Женщины атлантов принимали участие в войнах, сражаясь наравне с мужчинами. — Ларисон.

— Ни один ключ не подходит к замкам, открывающим Золотые Сады.

— А мой подойдет!

Ца подозрительно посмотрела на свою воспитанницу.

— Откуда он у тебя?.. Уж не сам ли Адиширна-Гуанч преподнес его тебе?

— А хоть бы и так! — И, рассмеявшись, Сель обняла Ца. — Идем со мной, моя старушка...

Ца была обезоружена лаской своей любимицы.

— А вдруг отец придет туда и застанет тебя?

— Он сейчас занят своими государственными делами. Вот что: пройдем к нему и посмотрим, что он делает. Если у него с докладом Шншен-Итца, то можно бродить безопасно в Золотых Садах хоть до утра.

Ца неодобрительно покачала головой, но поплелась, ковыляя, за девушкой.

III. ГУАН-АТАГУЕРАГАН; ЦАРЬ АТЛАНТИДЫ

Царь занимался государственными делами в длинной, узкой комнате без колонн. Стены были покрыты бронзовыми барельефами, изображавшими подвиги царей Атлантиды. Низ стен, на высоте двадцати локтей, был увешан цветными коврами с вытканными сценами из мифологии. Над самым потолком сквозь квадратные окна виднелось звездное небо. Другой ряд окон выходил во внутренние помещения дворца, на второй этаж.

Сюда и забралась Сель со своей нянькой и заглянула вниз из-за шелковой занавески окна.

Гуан-Атагуераган сидел у узкой стены в конце коридорообразной комнаты на высоком троне из драгоценного дерева. Спинка трона украшалась золотым диском солнца. Львиные лапы, вырезанные из слоновой кости, поддерживали ножки трона.

По одну сторону стоял в длинной черной одежде один из жрецов — Вестник Солнца, который совершал объезды владений Атлантиды.

По другую сторону — любимый жрец царя — Шншен-Итца.

У трона на разостланной по мозанчному полу шкуре пещерного медведя лежал на животе раб-скоропсец.

Перед ним стоял небольшой пюпитр с листами папируса, тушью и кисточкой.

Царь сидел, устремив неподвижный взор в пространство, и медленно диктовал.

— Пиши: «Я — царь, могучий, почитаемый, исполин, первый, сильный, отважный, лев и богатырь Гуан-Атагуераган, могущественный царь, владыка Атлантиды. Я — непреодолимое оружие, разрушитель городов, попиратель врагов, царю Уруазала, поднявшему восстание против власти моей, — гнев мой падет на тебя.

Я воздвигну пирамиду из голов непокорных. С живого сдеру кожу твою и растяну ее на городских воротах, как охотник растягивает шкуры затравленных зверей. Я воздвигну столб перед воротами города, со всех бунтовавших вельмож я сдеру кожу и этими кожами обтяну тот столб, как сделал это в Мушизимбардуне. Иных я посажу на колья, вверх столба, а еще иных на колья, расставленные вокруг него. Я отрежу пленным ноги и сложу в кучи. Я отрежу уши, носы и руки. Подростков обоего пола я сожгу живьем. И гнев мой постигнет тебя даже у края земли...» Перепиши приказ и поставь мою печать, — обратился он к Шишену. — Пошли тысячу кораблей с Непобедимыми Легионами, — обернулся царь к Вестнику Солнца, — и пусть они не оставят камня на камне. Власть атлантов должна стоять незыблемо, как сама земля!

До сих пор это так и было. Бронзовое оружие, неисчислимый флот и расчетливая дальновидная политика подчинила атлантам все известные народы мира. Их власть, как бронзовое кольцо, опоясала земной шар. Там, где трудно было достигнуть цели одной силой оружия, атланты пускали в ход политику. Пользуясь междоусобными войнами, они приходили на помощь одной из воюющих сторон, брали под свою защиту, побеждали врага и постепенно подчиняли своей воле оба враждующих государства. У атлантов завязались торговые сношения с отдаленнейшими государствами. Цивилизация атлантов, их архитектура, астрономия, медицина проникли во все страны мира. Изменяясь на новых местах, эта цивилизация все же сохраняла свои основные черты. Лишь тайны своей металлургической промышленности, секрет выработки бронзы, которой придавалась крепость стали, бережно хранились атлантами.

Восстания были редки. Но если они были, их подавляли с беспощадной жестокостью.

Высота научных знаний касты жрецов и варварская пышность и жестокость правления уживались в Атлантиде.

Покончив с Вестником Солнца, царь обратился к Шишену-Итца:

— У тебя что?

— Трижды великий, могучий, непобедимый...

— Короче. Мы одни, и у меня немного времени до восхода солнца.

— Верховный Совет жрецов просит подтвердить на новый год прежний порядок взимания десятины в пользу храмов со всех государственных доходов.

— Довольно будет и пятой части. Жрецы скоро будут богаче меня.

— Но это вызовет недовольство и даже, может быть...

Царь нахмурил брови. Над его длинным носом легли две глубокие складки — признак сдерживаемого гнева.

— Что такое?.. Недовольство?.. Жрецы забываются. Они берут на себя слишком много. Они хотят управлять от моего имени. Я не могу потерпеть ограничения моей власти!.. На заседаниях Верховного Совета жрецы стараются подавить мой авторитет авторитетом своих знаний. А если я и настаиваю на своем, они призывают авторитет божества. Воля богов для меня священна, но так ли интересуются боги нашими земными делами, как это представляют жрецы? Довольно! Я слишком долго терпел своеволие! Отныне в Совете вместо семи Верховных жрецов будет только три. Четыре места я отдаю военачальникам и лицам царствующего дома Посейдонисов. Заготовь приказ!

Шишен-Итца вытер ладонью выступивший на лбу холодный пот.

— Великий царь...

— Довольно слов! Я хочу быть великим на деле...

— Пусть гнев твой обрушится на меня, но это невозможно...

— Ну, теперь они не скоро кончат, — шепнула Сель и, дернув няньку за одежду, побежала по крутой малахитовой лестнице.

Нянька ковыляла вслед за нею, тряся старой головой.

— Быть беде... быть беде... Не может быть здорово тело, когда руки ссорятся с головой...

— Что ты ворчишь там?

— Нельзя обижать жрецов! Гнев богов страшнее царского гнева!

IV. АДИШИРНА-ГУАНЧ

Сель подошла к высокой золотой стене, ограждавшей Золотые Сады. У стены была низкая дверь. Вынув из-под плаща бронзовый ключ, Сель открыла замок, пружина которого издала мелодичный звон. Тяжелая дверь подалась с трудом.

— Идем!

Ца тяжело вздыхала и колебалась.

— Ну, оставайся здесь, если боишься. Я одна пойду! — решительно сказала Сель и проскользнула в полуоткрытую дверь.

Сгорбившись, кряхтя и мотая головой, старуха последовала за нею.

В проходе она зацепилась платьем за острый край золотого листа и изорвала платье.

— Не к добру это... не к добру, — ворчала она.

А Сель уже стояла на высокой площадке и смотрела как зачарованная на волшебную картину, расстланную перед нею.

Золотые Сады спускались широкими террасами. Каждая терраса сверкала в лунных лучах своими золотыми деревьями, листьями, плодами, феерическими цветами. Все это было вычеканено из золота и серебра. На цветах сидели бабочки, раскрыв свои крылья, на ветках — птицы; свернутые ужи, громадные ящерицы и улитки виднелись в золотой траве. Целые поля маиса были вычеканены из золота и серебра с волшебным искусством. По обе стороны дорожки, усыпанной золотым песком, дремали громадные золотые львы.

Самый сильный ветер не мог поколебать ни одной ветки, ни одного листа в этом необычайном саду.

Сель долго не могла оторваться от этой картины...

Даже старуха Ца, забыв о своем неповновении царскому слову, в восторге хлопнула кривыми, костлявыми пальцами по коленям и воскликнула:

— Вот так внук!

— Какой внук? — с недоуменном спросила Сель.

— Адиширна, внук он мне...

— Я и не знала!.. Отчего же ты не говорила мне об этом?

— Мы люди маленькие, кому интересно наше родство. А только нельзя не похвалиться. Ведь такие способности дали ему боги!.. Не всякому и жрецу впору сделать такое... А так рабом и умрет... Что делать!.. (Одному на роду написано царствовать, а другому быть рабом... Каждому свое...

— Я и не знала, — сказала еще раз в задумчивости Сель. — Да... Одному царствовать, а другому быть рабом. Но боги или люди создали это разделение?..

Ца взмахнула руками.

Не дав ей ответить, Сель быстро заговорила:

— Слушай, Ца, ты ведь меня любишь?.. Ну, конечно! Я знаю. Не целуй край моего плаща. Так слушай, Ца: сиди вот здесь, на этом золотом льве — не бойся, он не проснется и не тронет тебя. Сиди смирно и дождайся меня. Я скоро вернусь... Я одна!..

Прежде чем Ца успела открыть рот, Сель уже бежала вниз по золотистой дорожке.

На второй террасе были видны люди в коротких одеждах рабов. Некоторые из них имели только повязку у бедер. Они возились около фонтанов.

Около группы склоненных рабов стоял стройный юноша в черной короткой рубаше, перетянутой широким кожаным поясом. Руки выше локтей и широкая грудь его были открыты. Густые, выщипанные волосы стянуты узким ремешком. Несмотря на этот простой костюм, юноша был прекрасен, как молодой бог.

Это был раб Адиширна-Гуанч, гениальный художник, скульптор и ювелир.

Сель подбежала к нему сзади и в смущении остановилась.

Рабы прервали работу и подняли голову. Адиширна повернулся и замер от удивления...

— Ты?!

— Я пришла посмотреть на работы, — сказала она. — Что ты тут делаешь?..

Чтобы скрыть смущение и радость, художник с жаром принялся объяснять:

— А вот посмотри. Струи фонтанов сделаны из бриллиантов. Мы сейчас оживим их!

Наклонившись к колодезю в земле, он крикнул на берберском наречии:

— Ширан, дай свет!

Фонтан осветился лучом света, идущим из-под земли. Свет переливался цветами радуги, скользил внутри бриллиантовых струй фонтана, и это создавало иллюзию струящейся воды.

Сель была по-детски восхищена.

— Да ты колдун, — сказала она смеясь и поправила красную розу на своей груди. — Покажи, что здесь еще интересного.

— Вон там пруд...

— Идем! — повелительно сказала она.

Сель и Адиширна отделились от рабов и подошли к уединенному пруду.

— Вода в нем сделана из горного хрусталя!

Адиширна наклонился к земле, повернул скрытый рычаг, и пруд осветился голубым светом.

Еще один поворот рычага, и в хрустальной глубине медленно поплыли золотые рыбки, шевеля плавниками и хвостиками.

— Колдун, колдун! — И, по-детски восхищенная, Сель захлопала в ладоши.

— Здесь нет колдовства, — сказал художник, и румянец удовольствия покрыл его смуглые щеки. — Законы механики, не больше! Все эти птицы, — и он махнул рукою по направлению веток с сидящими птицами, — могут петь и махать крыльями. Желаеть посмотреть?

— Нет, не надо... — сказала Сель и задумалась. — Скажи мне, Адиширна, как пришла тебе в голову мысль создать этот волшебный сад?

— Как пришла мне в голову эта мысль? — медленно проговорил художник, опуская голову.

Он что-то обдумывал и, казалось, колебался. Потом, решительным движением вскинув голову, он взглянул прямо в глаза Сель.

— Вот как... Для меня этот сад — символ.

Что же он означает? — спросила Сель, несколь-

ко смущенная пристальным взглядом художника, но не опуская глаз.

— Посмотри на этот сад! — с воодушевлением начал художник. — Ты видишь в нем роскошные плоды, но не можешь насладиться их вкусом. Ты видишь диковинные цветы, но не можешь сорвать их. А если захочешь сделать это, они только больно уколут руки. Здесь все чарует глаза, и ничто не доступно для обладания... Жизнь — это тот же Золотой Сад...

Вздыхнув, художник опустил голову и замолчал.

Молчала и Сель.

Потом, подойдя к нему ближе, она спросила взволнованным, тихим голосом:

— Ты... ты хотел бы обладать всеми цветами мира?

— Только одним! — воскликнул художник, вновь окинув ее горячим взглядом.

— Каким же? — спросила Сель.

— Этот цветок ты! — страстно воскликнул юноша.

— Но ты забыл, что сад, в котором растет этот цветок, для тебя запретный, — лукаво смеясь, возразила Сель и, повернувшись, побежала к ждущей ее Ца.

V. ПРИ СВЕТЕ ЗВЕЗД

Синий купол звездного неба покрывал Атлантиду.

На вершине огромной пирамиды, у храма Посейдонса, жрец Эльзанр, астроном и астролог, наблюдал движение небесных светил.

На обширной площадке, мощенной шашками черных и белых мраморных плит, стояли различные астрономические инструменты из бронзы.

Астроном записывал на бронзовых пластинках свои наблюдения. Он макал стилос, сделанный из вещества, не растворяющегося в едких кислотах, в стеклянный сосуд в виде раскрытой пасти льва, и наносил на пластинку знаки, напоминающие ассирийскую клинопись. Кислота выедала на пластинках эти знаки неизгладимыми темными углублениями. Небольшая глиняная лампа, изображающая дельфина, с волокнистым фитилем, вставленным в масло, бросала слабый свет на полированные табллицы.

Жрец так был погружен в свое занятие, что не слышал, как в люк, закрывавший вход на площадку, постучались.

Стук повторился.

— Кто там?

— Именем Солнца!

Жрец поднял люк, и на площадку вошли пять жрецов: Кунтинашар — архитектор и математик, Анугуан — историк, законовед и дипломат, Зануцирам — химик и инженер металлургической промышленности, Агушатца — врач и Нуги-Эстцак — философ и хранитель культа.

— Как твои наблюдения, Эльзаир? — спросил Кунтинашар.

Эльзаир развел руками.

— Или в моей голове, или в небе творится что-то неладное. Планеты сдвигаются со своих орбит, и даже все неподвижные звезды будто сдвинулись немного вправо с предначертанного им в вечности места... Смотри сам...

Кунтинашар подошел к инструментам, внимательно осмотрел их, произвел градусные измерения, проверил цифры таблиц и пожал плечами

— Да, загадочное явление...

— Я сообщу об этом Ацро-Шану, хранителю Высших Тайн. Если не сумеет и он объяснить, то одни боги знают, что творится в небесах!

— Просматривал ли ты таблицы за прежние годы? — спросил историк Анугуан.

— Я просмотрел уже за четыре тысячи пятьсот лет. Ничего подобного в записях не встречается.

— Ну, вот что, — произнес Зануцирам, — вы, звездочеты и математики, интересуетесь только небом, а нам интересно то, что творится здесь, на земле. Нуги-Эстцак, посмотри, хорошо ли прикрыта подъемная дверь!

— Кого?.. — спросил рассеянно Нуги-Эстцак.

Философ не слышал вопроса. Мысли его были далеко.

Посмотрев на него и безнадежно махнув рукой, Зануцирам подошел к двери, поднял ее, убедился, что внизу никто не подслушивает, и, плотно закрыв, сказал вполголоса:

— Мы одни... Агушатца, скажи, что ты сегодня узнал во дворце?

Агушатца осмотрелся кругом, как бы не доверяя и этому уединенному месту, и так же тихо начал говорить...

— Плохие новости... Царь жаловался на боль головного мускула¹, и я был у него... Ничего серьезного.

— Ничего серьезного? Да, это плохие новости, — с иронией проговорил Зануцирам.

— Есть хуже, — продолжал Агушатца. — Возвращаясь из опочивальни царя, я встретил царского скорописца. И он успел шепнуть мне, что Гуан-Атагуерган уменьшил наши доходы наполовину и изменил не в нашу пользу состав Верховного Совета.

— Этого надо было ожидать...

— Так дальше продолжаться не может!

— Здесь нас пять из семи членов Верховного Совета. Великий Апро-Шану, хранитель Высших Тайн, живет в тысячелетиях, — он выше наших забот. Шишен-Итца с тех пор, как царь пленился его дочерью и «породнился» с ним, взяв ее в свой гарем, готов лизать царские пятки. Только мы одни можем защитить интересы великой касты жрецов. Мы — соль Атлантиды. Мы — истинная сила ее. Мы храним знания, накопленные десятками тысячелетий.

— Так откажемся строить, откажемся лечить, выделять бронзовое оружие и строить корабли, — и царь сразу почувствует, что значит ссориться со жрецами!

— Нож хочет перестать быть острым, а солнце горячим? — с улыбкой произнес архитектор Кунтинашар. — Не забросят ли нож и не разведут ли костры, если угаснет солнце, чтобы обогреться? Ты увлекаешься, Агушатца. Это опасный путь!.. А что, если обойдутся без нас? Посмотри на этого выскочку, раба Адишнру-Гуанча. Он не накапливал знания тысячелетиями, как наша каста, и он вырос в грязи, а сумел создать произведения, достойные богов. Он был и остался рабом, и тем не менее мне, великому Кунтинашару, приходится завидовать этому мальчишке! Да, завидовать! Пе-

¹ Не только на бронзовых таблицах атлантов, но на ассирийских клинописях, трактующих о болезнях, встречается это упоминание о «головном мускуле»; точно нам не удалось установить смысл этой фразы. — Ларисон.

ред вами я не скрываю этого. Когда приезжают иноземцы, что поражает их больше всего? Не мой маяк, а его бог Солнца, на чьей ладони мы помещаемся сейчас со всеми нашими храмами и пирамидами. «Кто создал это чудо?» — спрашивают иноземцы. Раб. Не я!.. Как это перенести? А среди этого сброда найдется немало таких, как Адцширна. Мы держим их в полуживотном состоянии и этим охраняем наши законные права. Но что, если развяжут их скрытые силы?.. Твой план, Агушатца, никуда не годится...

— Но что же нам предпринять?..

— Надо убрать неугодного нам царя.

Эта мысль была у всех жрецов, но никто не осмеливался высказать ее первой.

И они сидели в выжидательном молчании.

— Ты — философ, Нугн-Эстцак, — нарушил молчание жрец-архитектор, — скажи нам, что бы ты сделал, если бы камень преградил тебе дорогу?

— Чтобы решить эту задачу, не нужно быть философом, — простодушно ответил Нугн-Эстцак, — на это хватит ума и у раба. Я отбросил бы ногой камень в сторону...

Жрецы переглянулись и поняли друг друга.

— Да, но как это сделать?.. — задумчиво произнес архитектор.

— Вот как, — добросовестно показал философ, шаркнув своей сандалней по скользким плитам.

Жрецы улыбнулись.

— Если бы это было так просто! — произнес архитектор.

— А что этот... головной мускул, — обратился к Агушатце астроном, — чем его излечивают?

— Настой из двенадцати горных трав, собранных на заре в новолуние.

— Нет ли чего-нибудь покрепче? Да, покрепче! Чтобы сразу мускул этот самый головной...

— Есть, конечно. Но, может быть, ты сам подашь царю это питье «покрепче», Эльзанр? Первый глоток он заставляет выпить раба, второй — меня, а потом пьет сам.

— Какое возмутительное недоверие к жрецам!..

— Бросим загадки, — сказал Кунтинашар, — Гуан-Атагуераган обречен нами на смерть!..

— История знает такие примеры, — воскликнул ис-

торик Анугуан, — восемь тысяч двести двадцать семь лет тому назад был убит царь Абунарцалаган, пять тысяч шестнадцать лет тому назад был такой же случай цареубийства «для блага великой Атлантиды». Так и записано в летописи нашего тайного архива: «для блага великой Атлантиды».

— Но жрецам, — сказал Кунтинашар, — не следует принимать непосредственного участия. Надо создать дворцовый переворот. Пусть это будет делом рук брата царя — Келетцу-Ашинацака. Маленькому князьку Атцора¹ заманчиво сделаться властелином мира. Его не трудно будет убедить в том, что он законный наследник, неправильно устраненный от престола. За доказательствами дело не станет. Можно призвать на помощь магию и астрологию — это по твоей части, Эльзаир. Возведенный на престол с нашей помощью, он будет послушным орудием в наших руках. Воспользуемся его приездом на праздник Солнца и посвятим его в наш план.

— Этот план лучше других, — сказал Анугуан, толстый старик с полузакрытыми глазами. — Но здесь есть одно препятствие: Келетцу-Ашинацак родился с сердцем овцы. Он вялый, нерешительный и боязливый. Едва ли нам удастся склонить его на такой поступок... Что ж, попробуем! А если не удастся, про запас у меня имеется план получше... Я имею сведения, что среди рабов...

В подъемную дверь кто-то сильно постучал три раза.

Жрецы переглянулись, быстро разошлись в разные стороны и сделали вид, что углубились в астрономические наблюдения за звездами.

— Три стука... Царь... — шепнул Эльзаир и открыл люк. Вошел царь в сопровождении двух вооруженных белокурых телохранителей и жреца Шишена-Итца.

Царь подозрительно оглядел жрецов.

— Почти весь Верховный Совет совещается со звездами? — сказал царь, иронически улыбаясь.

— Великий царь! Звезды меркнут, когда восходит солнце! — певуче, на придворный манер, произнес Эльзаир.

— До зари еще далеко! — холодно отстранил царь

¹ Атцор вместе с Атлантидой погибли на дне океана. На поверхности остались лишь вершины гор, составляющие теперь Азорские острова. — Ларисон.

льственное приветствие Эльзаира. — Составь мне гороскоп на завтра. Мне хочется узнать, успешно ли пройдет завтрашнее празднество, на которое съехались все мои вассалы.

— Гороскоп составлен, трижды великий владыка. Звезды благоприятствуют тебе. Вот он: «Государю-царю моему доношу я, Эльзаир, главный астроном города Посейдониса. Привет с пожеланием мира царю моему. Да будут милостивы боги к царю-государю моему. В шестой день месяца Ану приступили мы к наблюдению нашему, и видели мы...»

Царь слушал и исподлобья испытующе смотрел на присутствующих.

Лица жрецов были непроицаемы...

VI. ПРАЗДНИК СОЛНЦА

Ночь была на исходе. Воздух посвежел. Побледнели звезды. Потянуло предутренним ветерком.

На огромной площадке, обрывающейся на востоке крутыми утесами к океану, при свете факелов служители храма спешно заканчивали убранство алтарей. Рабы снимали лестницы, веревки, брусья, окончив декоративные работы. Наконец все было готово.

Наступил великий годовой праздник Солнца.

К нему Посейдонис готовился целые месяцы. Это был не только религиозный праздник. Это была демонстрация, которая должна была показать всем приезжим подвластным царям и правителям великолепие, богатство и могущество метрополии.

С горы, от Священного Холма, по горной извилистой дороге показались огни, вытягиваясь и изгибаясь вдоль пути, как длинный светящийся змей. В тишине ночи слышались визгливые звуки флейт, громы ханне бронзовых колесниц, тяжкие вздохи громадных слонов.

Головная колонна уже входила на площадку, разливаясь по ней огнями факелов, а светящийся хвост процессии еще виднелся на Священном Холме.

Впереди шел отряд воинов, сверкавших бронзовым вооружением, за ним — жрецы в роскошных тяжелых служебных одеяниях, усыпанных драгоценными камнями.

ми. На черных носилках, с золотыми дисками солнца по сторонам, четыре служителя храма несли самого Лиро-Шану — великого Верховного жреца, хранителя Высших Тайн, который один раз, в год, в праздник Солнца, оставлял свой недоступный даже многим жрецам дворец у храма Посейдониса и являлся миру.

Он считался самым старым человеком на земле. Одни определяли его возраст в двести лет, другие — еще более. Народ был уверен в его бессмертии.

Иссохшее, морщинистое лицо его напоминало мушню. Густая белая борода достигала колен. На этом безжизненном пергаментном лице — большие, молодые, горящие как угли глаза производили жуткое впечатление.

Толпа невольно отхлынула. Многие рабы пали на колени.

Верховного жреца бережно усадили на высокий престол пред главным жертвенником. Остальные жрецы заняли свои места у жертвенников, расположенных полумесяцем, замыкавшим выступ площадки. В центре этого полумесяца стоял еще более высокий трон царя плантов, на семидесяти двух постепенно суживающихся мраморных ступенях.

Вверху спинки трона был укреплен большой бронзовый диск солнца, поддерживаемый двумя переплетающимися бронзовыми змеями. Вокруг этого трона расположены были семьдесят два трона царей главнейших стран, подчиненных Атлантиде.

В шестии этих царей, окруженных придворной стражей, были представлены все окраски и оттенки человеческой кожи — от черной, как эбонит, кожи нубийцев, до белой, как слонобая кость, северных галлов; все одежды, все разнообразие вооружения и украшений.

Когда прибывшие заняли свои места, все огни внезапно были погашены, как будто опустили темный занавес на весь этот пестрый, разноплеменный человеческий муравейник.

Только вверху мерцали побледневшие звезды.

Резко прозвучала большая бронзовая труба, и вдруг стало тихо. Если бы не пофыркивание коней и слонов да случайный лязг медного вооружения, от времени до времени нарушавшие тишину, можно было подумать, что вся громадная площадь пуста...

Среди этой жуткой тишины вдруг раздался голос

жреца. Высоким тенором, надрывно, с переливами и неожиданными паузами, так же неожиданно прерываемыми вскриками, он пел об ужасах мрака, таящего в себе неведомые опасности, о страхе смерти, о тоске души, лишенной солнца...

Как бы в ответ на этот вопль раздался хор детских голосов. Хор пел однообразную, заунывную мелодию, а жрец покрывал ее своими плачущими переливами...

Вдруг, как будто из недр земли, послышался тихий хор басов. Он незаметно вплеся в хор детей, как шум прибоя.

Наконец тысячи бронзовых труб огромного органа, приводимого в движение паром, потрясли прибрежные скалы — и вдруг все сразу смолкло...

Резкий, неожиданный переход к полной тишине потряс толпу больше раскатов грома...

Нервы присутствовавших были напряжены до последнего предела. Люди в толпе сдвигали руками грудь, будто им не хватало воздуха, падали на землю, некоторые рвали на себе волосы...

Но ритуал был построен искусной рукой. В этот самый последний, крайний, опасный предел первого напряжения, среди страшной тишины, которая, как обрушившаяся скала, придавила всех, послышался простой, спокойный, задушевный старческий голос Верховного жреца. Не пение, а молитва, похожая на простую беседу, полная тихой ласки и надежды.

— Бог-Солнце, услышь наше моление и даруй страждущему, истомленному человечеству свой благодатный свет...

К невидимому жрецу из толпы протягивались руки...

— Ты один — защитник наш...

— Спаситель...

— Заступник перед всемогущими богами... — слышались сдержанные, рыдающие выкрики из толпы.

Слабый голос Верховного жреца окреп. Он уже не молил, а почти приказывал богу:

— Озари благодатным светом народ твой, трижды священный бог; теплом твоим, как покрывалом, покрой землю твою, да пронзастит она плоды на потребность человеку. Дай лицезреть нам сияющий лик твой!..

Читая молитвы, жрец наблюдал за песочными часами. Они стояли на алтаре, скрытые от глаз толпы священными сосудами.

Восток заалел. Черная фигура жреца уже ясно выделялась на розовом фоне неба. И вдруг жрец протянул руку с жезлом и громким, повелительным голосом воскликнул:

— Явись!.. Явись!.. Явись!..

И, словно послушный его воле, из-за горизонта брызнул золотой луч, сверкнул край солнца, и оно поднялось, сияющее над океаном, и сразу залило своим светом площадку, загорелось на полированной бронзе воинов, засверкало на парче и бриллиантах царей и жрецов и всю землю наполнило яркими красками. Будто только теперь из-под земли поднялись высокие мачты, увитые розами, арки из зелени и живых цветов, яркие флаги и пестрые ковры...

Весь океан, насколько мог охватить глаз, был покрыт разукрашенными пятипалубными кораблями неисчислимого флота атлантов...

«Да, могуч царь Атлантиды и трудно бороться с ним», — невольно думали гости, глядя на усеянный судами океан.

Воины ударяли медными мечами о щиты, радостный крик понесся по океану навстречу солнцу...

Тысячеголосый хор запел гимн Солнцу — трижды снисценному богу, жизнеподателю, светлому, сильному, радость несущему.

Ритуал закончился обычными жертвоприношениями быков и тельцов. На пылающий жертвенный огонь были пролиты вино и масло.

От бронзовых курьльниц прямыми столбами, розолыми в лучах восходящего солнца, поднимались еще клубы дыма душистых трав и смол, когда по трубному сигналу толпа всколыхнулась, чтобы идти на поле бога Войны, где предстоял парад войскам.

Вторичный звук труб заставил толпу двинуться в путь.

Шествие растянулось лентой по прекрасной военной дороге, которыми славилась Атлантида.

Весь путь был усеян цветами и зелеными ветками.

Впереди шествия на высоком золотом шесте, увитом красными розами, сверкал диск солнца.

На повороте дороги, перед самой колесницей царя, вдруг выросла фигура старика.

На нем была накинута одежда из разорванной шкуры козленка. Длинные, взлохмаченные седые волосы

головы и борода покрывали его до пояса. На бронзовом от загара лице пылали большие умные глаза.

Старик властным движением руки остановил колесницу царя.

Стража бросилась к старику, но царь сделал жест рукой, и воины отошли в сторону.

Царь боялся и уважал старика На-Шана, пророка и прорицателя.

— Во что еще бить вас, — грозно закричал старик, — продолжающих ваши беззакония?.. Вся голова больна, и все сердце в скорби... От стопы ноги до головы нет ничего целого... Язвы и багряные пятна и гноящиеся раны, не очищенные от гноя, не перевязанные и не размягченные маслом...

Его голос перешел в истерический крик.

— Земля ваша пуста! Ваши города будут сожжены огнем и опустеют от безлюдья, и земля обратится в пустыню. Где была тысяча виноградных лоз, вырастет терновник и колючий кустарник, и во дворцах царей возрастет репейник и на укреплениях — терновник... Совы и демоны будут перекликаться в развалинах... Вот грядет гнев бога, и огонь пожирающий поглотит вас... Горе, горе, горе!..

Толпа притихла в благоговейном ужасе. Царь слушал смущенный, но старающийся сохранить вид невозмутимого величия.

«Неужели гнев богов, — думал царь, — обрушится на меня? В чем я согрешил перед ним?..»

И вдруг его взгляд встретился с устремленным на него взором жреца Кунтинашара. И взор показался царю полным укора и угрозы...

Их взгляды скрестились, как мечи...

VII. АКСА-ГУАМ-ИТЦА И АТА

У склона скалы прилепился маленький глинобитый домик с плоской крышей. Маленькое квадратное оконце не имело рамы; двери из тонких досок на ремennых завесах, прибитых бронзовыми гвоздями, были открыты.

В тени дома сидела старуха и пряла. Космы седых

волос падали ей на лицо, изборожденное глубокими морщинами, и она время от времени отводила костлявой рукой прядь волос от ввалившихся глаз. Ее длинный нос почти соединился с выдающимся острым подбородком.

Перед нею на земле сидела хорошенькая худенькая девочка. Перебирая грязными ручонками камешки, она смотрела в лицо старухи.

— Ну дальше, бабушка!

— Дальше. Да... о чем я?... — шамкала старуха, сглизывая порвавшуюся нить пряжи.

— О Золотом веке, — как же ты забыла, бабушка?

— Да, да... О Золотом веке... Ну, вот, говорю я, давно, давно это было...

— И все было золотое?... И хлеб золотой? И камни, и яблоки?

— Время было золотое... Все люди жили счастливо, как боги на небе. Не было ни царей, ни рабов, ни бедных, ни богатых. Бог-Солнце грел, ласкал и баловал людей, как любимого первенца. Из зеленых ветвей люди делали себе пояса и венки на голову и так ходили, свободные и радостные, среди садов, которые круглый год давали им сладкие плоды. Чистые источники утоляли жажду. Люди рождались среди цветов, наслаждаясь жизнью до глубокой старости, и мирно засыпали вечным сном, окруженные детьми, внуками и правнуками. И смерть их была так же легка, проста и спокойна, как закат солнца...

— А потом?

— А потом люди согрешили, и боги прогневались на них.

— Чем они согрешили?

— Они захотели быть равными богам и все знать.

— И боги отняли у них этот Золотой век?

Послышались шаги.

К дому подходил Акса-Гуам-Итца, сын жреца Шинена-Итца. На нем была черная шелковая туника, расшитая по краям золотым узором; на ногах его были легкие светло-желтые сандалии. Он подхватил девочку на руки, а она, смеясь, вырывалась.

— Здравствуй, бабушка! — сказал Акса-Гуам, опуская девочку на землю. — Ата дома?

— На работе. Скоро придет.

— Даже сегодня на работе?

— Для нас нет праздников...

— А старик Гуамф?

— В доме.

Акса вошел в помещение. Все оно состояло из одной комнаты, чисто выбеленной известкой и перегородженной домотканой полотняной занавеской с вышитыми на ней мелкими цветами. Грубый деревянный стол, несколько скамеек и шкафчик с глиняной посудой составляли всю меблировку. В углу поместилась домашняя мельница для помола зерен: каменный куб и на нем каменный цилиндр с ручками. Рядом стояла высокая каменная ступа с пестом для выжимания масла. В другом углу, на мраморном постаменте, стояла небольшая статуя Бога-Солнца, прекрасная скульптура, сделанная еще в детстве Адишнрной-Гуанчем.

Дед Гуамф, лысый, с седой бородой, сидел на лавке у окна и мастерил силки для птиц. При входе Акса-Гуама он поднялся и рукой приветствовал гостя.

— Сиди, сиди, дедушка Гуамф. С праздником! Что же ты не пошел на встречу Солнца?

— Куда уж мне! Там меня задавят, старика. Будет. Шесть десятков лет провести в сырых шахтах — это не шутка. А солнышко я и здесь встретил, как полагается. Слава ему, оно не гнушается посылать свет свой и нам, бедным рабам...

— А Аднширна-Гуанч где?

— Все возится со своими Золотыми Садами.

— Говорят, он создал удивительные вещи.

— А какой для него из всего этого толк? Одно только, что плетями не бьют. У меня вот они какие рубцы на спине от ременных семихвосток. А состарится он и тоже будет, как я, птиц силками ловить, чтобы прокормить себя.

— Послушай, Гуамф. Тебе не приходили в голову мысли, что могло бы быть иначе?

— Как иначе-то?

— Но ведь всякому терпению может быть конец. Вас миллионы...

— Вот куда ты гнешь? Бунтовать? Пробовали. И бунтовали. Только что же из этого вышло? У нас кирки да лопаты, а у них мечи, острые копья...

— А если бы...

Гуамф неожиданно вспылел.

— Если бы... Если бы... Оставь! Не ковыряйся в

старых ранах! Пусть грызут привычной болью...

Акса-Гуам опустил голову и задумался.

— Ну, однако, пойду я, — сказал он, поднимаясь. — Я, вероятно, встречу Ату на дороге... Прощай, старик!

— Да хранит тебя пресветлый бог!..

Не успел Акса-Гуам выйти из дома, как услышал на дворе чужие голоса и остановился. Выглянув из окна, он увидел, что во двор вошли два человека в одеждах служителей храма. Акса-Гуам не хотел, чтобы они видели его здесь.

— Повивальная бабка Цальна здесь живет? — спросили они.

— Здесь, — ответила Цальна, в испуге роняя веретено. — Я Цальна.

— Именем Солнца приказываю тебе явиться сегодня после захода солнца к воротам священного храма. Мы встретим тебя там и проведем дальше.

— Слушаю... — Цальна низко поклонилась. — Роды, осмелюсь спросить?

— Там узнаешь!

Служители храма удалились.

Акса-Гуам вышел из дома и пошел по белой, сверкающей на солнце дороге. Палящий зной умерялся тенью финиковых пальм и платанов.

По правой, нагорной, стороне лежали шахты, где добывали руду.

Слева, до самых берегов океана, на сколько хватает глаз, раскинулись рабочие поселки. Жалкие глинобитые сакли прижимались друг к другу, как испуганное стадо.

В грязи маленьких двориков катались черномазые голые дети.

В шахтах, несмотря на праздничный день, шли работы.

Акса-Гуам спустился в одну из шахт.

Его жреческая черная одежда с вышитым золотом диском на груди служила ему пропуском.

Надсмотрщик склонил голову и протянул к нему руку, в знак почтения.

Акса-Гуам небрежно кивнул головой и углубился в лабиринт шахт. Своды шахт были укреплены толстыми, покосившимися бревнами. Кое-где мерцали небольшие масляные светильники. Было душно и жарко.

Выходящие газы не раз взрывались в этих шахтах

от пламени светильников. Нередко происходили и обвалы. Рабочие гибли сотнями, но на это мало обращалось внимания: в них недостатка не было. Если руда была богатая, на месте обвала производили раскопки. Заживо погребенные рабочие выходили тогда из своих могил. Но если пласт руды был тонок или обвал требовал слишком много времени на восстановление шахты, они просто забрасывались с зарытыми рабами, а шахта прокладывалась в другом месте.

Чем дальше пробирался Акса-Гуам, тем уже и ниже становилась шахта. Приходилось идти согнувшись.

Навстречу ему ползли на четвереньках рабы, впряженные в бронзовые корытца, наполненные рудой.

Некоторым из них Акса-Гуам кивал головой и тихо говорил:

— После вечерней смены... в старых шахтах...

Шахта сузилась еще больше.

Здесь, лежа на боку, забойщики рубили рудоносную почву бронзовыми кирками.

Нагнувшись к одному из забойщиков, Акса-Гуам шепнул ему:

— Скажи своим... сегодня после вечерней смены, в старых шахтах.

— Будем, — ответил забойщик и отер с лица обильные струи пота, застилавшие глаза.

Акса-Гуам вышел из шахты и вздохнул всей грудью. Дальше шли поля, где месяцами обжигалась руда. Целые пирамиды ее высились кругом, курясь дымом. Под ними рабы и день и ночь поддерживали пламя.

Акса-Гуам бросил им ту же фразу и пошел дальше.

Солнце жгло все сильнее. Дорога стрелой тянулась между курящимися пирамидами. Здесь было тяжело дышать, и Акса-Гуам, несмотря на усталость, ускорил шаги.

Груды обжигаемой руды кончились. Начались поля, где руду дробили и просеивали сквозь бронзовые сита.

Еще дальше потянулись каменные ограды, над которыми поднимались густые клубы дыма. Здесь помещались плавильные печи.

Рядом высилась еще более высокая стена, окружавшая целый город, где очищенные руды меди и олова превращались в сплав бронзы. Здесь же изготовлялось бронзовое оружие. Сюда никто не имел доступа, кро-

ме жрецов, наблюдавших за работами. Рабы жили при заводах и не выпускались за ограду стены, которая охранялась стражей.

Ата работала у плавильных печей, перетаскивая в узкой корзине на спине шлак.

Акса-Гуам остановился у ворот. В ворота непрерывной вереницей въезжали повозки с рудой, обратно — порошние. Рабы хлестали ослов, надсмотрщики — рабов. Полна движения была и дорога. Беспрерывным потоком двигались нагруженные поклажей ослы, лошади, верблюды и слоны. Свист плетей сливался с ревом животных и короткими выкриками рабов.

Женщины несли за спиной, в плетеных корзинках, детей.

За стеной прозвучала бронзовая труба, и рабы начали выходить из ворот.

Акса-Гуам стал в стороне на груде шлака.

— Ата!..

Одна из рабынь обернулась.

Черные удлинненные глаза ее сверкнули радостью.

Акса-Гуам повернулся и пошел вверх от дороги, по горной тропинке.

Ата, сестра Адиширны-Гуанча, последовала за ним на некотором расстоянии.

Вслед ей пронеслось несколько шуток и замечаний из толпы рабов:

— Бегай, бегай за ним! Он тебя в жены возьмет — во дворце жить будешь!

— Мало им гаремов своих. За рабынями таскаются! Тьфу! — со злобой произнес чернокожий раб и угрозил кулаком вслед удалявшейся паре.

Ата догнала Акса-Гуама за поворотом тропинки, скрывшей их от большой дороги.

Акса-Гуам протянул руки к Ате.

— Не бери моих рук, они грязны от работы... Я сейчас вымоюсь в ручье, — сказала она с краской смущения на лице.

Акса-Гуам взял ее за плечи и поцеловал в лоб.

— Что же ты не на празднике? — сказала Ата, плескаясь у горного ручья.

Позолоченные солнцем брызги падали на ее смуглую кожу. С невольной грацией она вытянула руки навстречу падающей сверху хрустально чистой струе.

Акса-Гуам залюбовался ею.

Она была так же хорошо сложена, как Адиширна-Гуанч. В такой же короткой черной рубаше, перетянутой ремненным поясом, она казалась его младшим братом. Только тяжелая коса, закрученная на затылке, удлинявшая еще больше ее удлиненный череп атлантов, да контуры девичьей груди говорили о том, что она не мальчик. Кончив умываться, он сорвала дикий шинповник и приколола к волосам.

— Ну вот... — и она сама протянула Акса-Гуаму руку.

Акса-Гуам горячо пожал ее, и рука об руку они углубились в густую тень лавровой рощи, к тому месту, где из расщелины скалы ниспадал горный ручей.

Они сели.

Воздух был наполнен запахом полыни, горьких горных трав. Откуда-то тянуло ароматом цветущих апельсиновых деревьев.

Снизу, с дороги, доносился разноголосый шум.

Дальше виднелась полоса океана, греющегося в лучах полуденного солнца.

Высоко над ними лежало поле бога Войны.

Временами оттуда доносились громовые раскаты бронзовых труб и крики толпы.

Но в роще было тихо. Только звенящий многоголосый хор цикад стоял в воздухе... Однообразный, он сам сливался с тишиной. Это была звенящая тишина.

— Почему ты не на празднике? — с лукавой улыбкой повторила свой вопрос Ата. Она держала в руках сорванную ветку лавра и медленно обрывала листья.

— Оттого, что я здесь! — с такой же улыбкой произнес Акса-Гуам.

— А вдруг там заметят твое отсутствие?

— Ну что же! Отец посердится, тем дело и кончится. Довольно того, что я был на встрече Солнца. И в конце концов все это очень скучно. Наши войска будут ослеплять глаза иноземных гостей своей полированной бронзой, трубы будут так реветь, что лошади станут взвизгивать на дыбы и падать на колени. Конечно, это величественное зрелище, но я видал его уже много раз. На свете есть более интересные вещи!.. — и он с ласковой улыбкой взглянул на нее.

— А потом? — спросила Ата, опуская длинные густые ресницы, от которых под ее глазами ложились сние тени. — Что будет дальше?

— Потом будут военные игры. Затем уже при свете факелов состоится церемония подношения подарков. Это интереснее. Белолицые люди в меховых одеждах, говорят, привезли из гиперборейских стран живого белого медведя и какого-то диковинного зверя вроде рыбы, с круглой головой и сильными плавниками. Говорят, они водятся на краю света, где вода от холода становится твердая, как хрусталь.

Ата слушала с детским любопытством, широко открыв глаза.

— Где же эти животные?

— Они подошли от жары...

— Бедные звери!.. Ну, что же будет потом?

— Потом наш царь будет одаривать гостей тканями, редкими благовониями из душистых смол, корней и сока цветов, винами, золотом, камнями — всем, чем только богата наша страна, только не бронзовым оружием...

— А твоя сестра тоже на празднике? Ведь она теперь царица? — задала Ата неожиданный вопрос.

Акса-Гуам нахмурился.

— Нет, она не царица. Она будет в царском гареме. Отец, Шишен-Итца, в восторге от этой «чести»... Бедная сестра моя... Как она рыдала! Она ненавидит паря... Но я не допущу этого!.. — Акса-Гуам потряс сжатым кулаком. — Ну, довольно об этом. Скажи и ты что-нибудь мне про себя... Почему тебя поставили на эту тяжелую работу? Я уже не раз задавал тебе этот вопрос.

— Оставь, не все ли равно!

— Нет, на этот раз ты не уклонишься от ответа! Иначе я расправлюсь с тобой, как с рабыней!

И, взяв у нее ветку лавра, он шутя стал бить ее по плечу.

— Говори же, говори!

— Ну слушай, если ты уж так настаиваешь. Я служила в доме жреца Кунтинашара. Однажды вечером, когда я ставила ему на ночь прохладное питье, он сказал мне: «Ты нравишься мне, Ата. Я хочу иметь тебя в своем гареме». — «А ты не нравишься мне, Кунтинашар, и я не хочу быть в твоём гареме», — отвечала я.

— Так и сказала?! — восхищенно воскликнул Акса-Гуам, хлопая в ладоши.

— Так и сказала.

— Ну а он что?

— Он улыбнулся, считая это ответом девочки, которая говорит, не обдумывая своих слов.

«Не забывай, что ты раба, а я господин твой. Иди ко мне!»

Я стояла неподвижно.

Он поднялся и пошел ко мне.

Тогда я одним прыжком уклонилась от него и схватила короткий меч, лежавший у его изголовья.

Он испугался и страшно рассердился.

«Змея!» — прохрипел он и вызвал раба, дежурившего за дверью.

«Отправить ее немедленно на тяжелую работу в Черный город...» Вот и все...

— Какая смелость! — воскликнул Акса-Гуам. — Он мог тут же убить тебя этим же мечом.

И, улыбнувшись, он прибавил:

— Да, не везет Кунтинашару. Твой брат заставляет зеленеть его от зависти, а ты... Но, слушай, Ата! Так дальше продолжаться не может. Надо изменить все это. Ты знаешь, что я люблю тебя и для меня ты не рабыня. Отец никогда не согласится на наш брак, это противно законам. Но мы изменим законы. Мы всю Атлантиду перепашем бронзовым плугом!..

— Я знаю, что никогда не буду твоей женой. Эта мысль мне и не приходила в голову. Мне довольно твоей любви.

— Но я хочу, чтобы ты была моей женой. И не только это. Любовь к тебе мне открыла глаза на ужас рабства, несчастная судьба моей сестры — на ужас царского самовластья. И я увидел целый океан страдания рабов... Их заглушенные стенания преследуют меня, отравляют мне жизнь. Мне кажется, что в каждом из них стонет твоя душа. Освободить их, освободить тебя — вот что хочу я...

Ата смотрела на него широко открытыми глазами, в них светился ужас.

Но Акса-Гуам уже не видел ее. Он говорил, как в бреду:

— Я говорил с Адиширной, предлагая ему примкнуть к готовящемуся восстанию рабов. Он витает в грезах, он слишком художник, чтобы много думать об этом. Но и он примкнет к нам, ты увидишь. Его по-

мощь необходима. Среди рабов уже давно идет брожение... Я стану во главе восстания. Я сам поведу их на Священный Холм. Мы овладеем арсеналами и скрестим мечи с воинами царя. И мы победим их, потому что с нами правда!

В этот самый момент легкий волнообразный поджимный толчок колыхнул землю.

Ата покачнулась и побледнела.

— Что это?..

— Мы не оставим камня на камне! А потом мы создадим новую, свободную Атлантиду, где не будет ни рабов, ни царей, а только радость свободного труда. И настанет вновь Золотой век!

Второй, более сильный толчок заставил Акса-Гуама перннуться к действительности.

Колыхнулись листья деревьев. Небольшой камень, лежавший у самого края утеса, сорвался и покатился вниз, ударяясь о камни с постепенно замирающим цоканьем.

— Что-то эти колебания почвы стали повторяться все чаще!

Увидев бледное от испуга лицо Аты, он шуткой постарался успокоить ее.

— Видишь, Ата, сама земля содрогается от преступлений жрецов и царя!

Но Ата не улыбнулась.

Она с тоской посмотрела на Акса-Гуама и тихо прошептала:

— Не делай этого!

— Ты боишься?

— За тебя...

— Ты будешь с нами, Ата?

— Я умру за тебя...

VIII. В МАГИЧЕСКОМ КРУГЕ

В комнате уже находились жрецы: Кунтинашар, Зануцирам, Анугуан, Агушатца и Нуги-Эстцак.

— Вот и Эльзаир, — сказал Кунтинашар. — Нет только Келетцу-Ашинацака.

— По обыкновению, колеблется. Мы нарочно наз-

начили это свидание в полдень, когда царь и весь его двор засыпают. Но Келетцу-Ашинацак придет за гороскопом, который я составил для него, — сказал Эльзаир.

— Его звезда, конечно, восходит?

— Так же верно, как то, что звезда царя Гуана-Атагуерагана заходит.

— Хорошо уметь повелевать звездами! — с улыбкой сказал Кунтинашар.

— Не смейся! Звезды не лгут, — обиделся астролог.

— Еще бы звезды лгали! Лгут только люди!.. Но не будем препираться. Анугуан, ты хорошо подготовил старуху?

— Цальна угадывает с полуслова. Хитрая старушонка! Надо ей бросить пару солнечных дисков¹. Пусть они прогреют ее старые кости.

Дверь открылась, и в комнату вошел брат царя Атлантиды. — Келетцу-Ашинацак, царь Атцора, в сопровождении жреца Шитца.

Жрецы встали и подняли руки в знак благословения и приветствия.

— Да будет свет твоего величия с нами, — сказал Кунтинашар.

— Привет вам. Ну, как мой гороскоп, Эльзаир? Хорошо? Все благополучно?

У Келетцу-Ашинацака были близорукие глаза, которыми он пристально смотрел, закинув несколько голову.

Его маленькие сухие ручки были в непрерывном движении. Он суетливо теребил пальцами рыжеватую бороду. Только при торжественных выходах он сдерживал эти невольные суетливые движения, не приличествующие царскому величию.

— Слава Солнцу! Великий царь, твой гороскоп прекрасен! Звезды благоприятствуют тебе. Позволь мне прочесть.

И Эльзаир начал нараспев:

— Великому и славному, могущественному властелину Атцора

— Не надо, не надо... — замахал Келетцу сухими

¹ На монетах атлантов изображались: на одной стороне диск солнца, а на другой — голова царя. Поэтому атланты называли иногда золотую монету «солнечный диск». — Ларисон.

ручками, — главное!.. Да... главное говори... и своими словами... да...

— Твоя звезда, великий царь, в своем восходящем течении горела ярче всех и пересекла путь звезды трижды великого царя Атлантиды Гуана-Атагуерагана, и лучи его звезды померкли в лучах звезды властелина Атцора.

Келетцу-Ашинацак был взволнован, обрадован и испуган.

— Что же это значит? Что это значит? — спросил он, обводя жрецов пристальным взглядом сощуренных, близоруких глаз и усиленно теребя рыжеватую бороду.

— Великий царь! — выступил жрец Анугуан. — Что-бы ответить тебе на этот вопрос, я изучил все бронзовые таблицы государственного архива со дня твоего рождения. И вот что узнал я: законный царь Атлантиды — ты.

— Я?.. Вот как! Но я младший? Хотя мы родились двойней!..

— Ты — старший, великий царь! Об этом говорят не только наши таблицы!

Анугуан подошел к стене, открыл потайную дверь и пустил Цальну.

— Вот повивальная бабка, которая принимала тебя и твоего царственного брата. Говори, старуха, кто родился первым: царь Келетцу-Ашинацак или Гуан-Атагуераган.

— Первым родился царь Келетцу-Ашинацак. Я хорошо заметила у первенца большую родинку на правом плече...

— Родинку?.. Да, у меня есть большая родинка на плече.

— Потом родился Гуан-Атагуераган. Когда младенцев омыли и показали родителю, трижды великому царю Атагуераган-Кукулькану, то он сказал, указывая на Гуана:

— Вот первенец и наследник мой!

— Но почему же? Почему!.. — обиженно воскликнул Келетцу-Ашинацак.

— Не гневайся, великий царь! Твоему родителю не понравился цвет волос на твоей голове. И еще: лицом ты был похож на овцу... И потом: ты родился слабенький, и отец боялся, что ты можешь умереть или будешь хилым царем...

— Хилым царем? Да? Так и сказал?

— Или хилым мужем, — я уж точно не помню...

— Ты больше не нужна, Цальна, — сказал Кунтинашар.

И Цальна, низко кланяясь, удалилась.

Жрецы выжидательно молчали. Келетцу-Ашинацак сидел озадаченный, теребя свою бородку. Наконец Ану-гуан нарушил молчание.

— Великий царь! Я — хранитель законов. И я считаю, что во имя святости закона ты должен быть восстановлен в своих правах!

В близоруких глазках Келетцу всыхнула радость, но он испуганно замахал ручками.

— Что ты!.. Что ты!.. А как же брат?

— Мы предложим ему уступить место добровольно. Если же он не согласится, то...

— Конечно, не согласится! Конечно! Столько лет царствовал — и вдруг...

— Если не согласится, то у тебя есть армия и флот. Часть войск и военачальников Гуана-Атагуерагана недовольна им. Среди подвластных Атлантиде царей ты всегда можешь найти союзников. Мы — с тобой. Тебе нужно лишь одно: заявить о своих правах. Остальное сделаем мы... с тобой и от твоего имени.

— Я не знаю... Это так неожиданно...

— Твои колебания понятны, великий царь, — сказал Эльзанр. — Родственные чувства... любовь к брату... Но наш земной путь предначертан на небесах. Если ты еще сомневаешься, то мы сделаем вот что. Данной мне богами властью я вызову тень твоего отца. Пусть он сам решит судьбу престола.

— Тень отца? — с испугом и интересом воскликнул Келетцу-Ашинацак.

— Да, тень отца!

И, отворив скрытую в стене дверь, Эльзанр повелительно сказал:

— Войди!

Келетцу-Ашинацак нерешительно вошел. Жрецы последовали за ним.

Совершенно круглая комната, окрашенная в голубой цвет, с куполообразным потолком, напоминала небесное полушарие. Сходство дополняли разбросанные по куполу золотые звезды. В центре мозаичного пола из синих камней был выложен геометрически правиль-

ный круг со вписанным в него пентаклем *. Посреди круга возвышался узкий бронзовый трон, с диском солнца на верху спинки. По сторонам трона стояли два высоких бронзовых светильника в виде трех перебитых змей. Их загнутые хвосты служили ножками. Три золотые головки, с изумрудными глазами и открытыми, как для укуса, ртами, склонились над пламенем.

— Садись! — так же повелительно сказал Эльзаир. Келетцу-Ашинацак боязливо переступил черту круга и взобрался по ступенькам на трон.

— Сейчас разорвется завеса времени!..

И Эльзаир, подняв руку, стал торжественно и протяжно произносить заклинания: АЦАН, ЦИТА, АТИЦ, НАЦА.

При каждом его слове пламя светильников меркло и, наконец, совсем погасло.

Комната погрузилась в непроницаемый мрак.

У Келетцу-Ашинацака от нервного напряжения зашумело в ушах и перед глазами пошли зеленые круги.

Томительное молчание длилось.

Вдруг вдали послышались нежные звуки флейты. В тот же момент на стене появилась змейка голубоватого света.

Световая змейка беспрерывно двигалась, то разгораясь, то бледнея. Ее движения и сила света были неразрывно связаны со звуками флейты. Мелодия звучала быстрее и сильнее — быстрее извивалась и ярче светилась змейка. Звуки замедлялись и затихали — бледнел и замедлялся в своем движении свет; однообразная мелодия состояла всего из пяти повторяющихся нот.

Эта однообразная музыка и игра света гипнотизировали Келетцу. Он никак не мог понять, видит ли он светящиеся звуки, или слышит игру света.

Одновременно присоединилась вторая световая змейка и вторая флейта. Потом третья, четвертая, звуки и световые змейки догоняли друг друга, сплетались, расходились. Постепенно из отдельных змеек образовался светящийся круг. Тогда движение змеек прекратилось, умолкли и звуки флейты. Круг горел ровным фосфорическим светом. Он стал углубляться и превратился в круглое окно, за которым было пустое пространство, наполненное легким туманом.

Перед пораженным Келетцу-Ашинацаком предстала, как ему показалось, тень его отца.

Тень подняла руку по направлению к Келетцу, и в комнате ясно прозвучал голос:

— Келетцу-Ашинацак! Трон Атлантиды ждет тебя... Все погрузилось во тьму.

Келетцу вскрикнул и потерял сознание.

Жрецы вынесли его в первую комнату и привели в чувство.

— Трижды великий царь Атлантиды! — торжественно обратился к нему Кунтинашар.

— Я еще не царь Атлантиды... — слабо произнес Келетцу с блуждающим взглядом.

— Для нас ты уже царь. Тень отца твоего возвела тебя на престол!..

— Да, но тень отца сказала: «Трон ждет тебя...» Может быть, по смерти брата?..

Кунтинашар бросил раздосадованный взгляд на Эльзаира.

— Ответ твоего отца совершенно ясен: «Трон ждет тебя». Значит, нельзя медлить, — сказал Эльзаир.

— Да, да... Хорошо. Я подумаю... Я слишком устал. Я дам ответ... да... Шитца, проводи меня...

И Келетцу-Ашинацак, опираясь на руку жреца, удалился.

— Не мог ты заставить эту тень говорить иначе! «Трон ждет тебя». Сказал бы: «Келетцу! Я приказываю тебе силой отнять трон у Гуана. Ты законный наследник престола», или что-нибудь в этом роде, — сердился Кунтинашар. — Удивительная у вас, магов, привычка говорить туманно, загадками. Вот и перетуманил!

— Кто ж его знал!.. — смущенно проговорил Эльзаир. — Ему все разжевать и в рот положить надо...

— А царек ничего... подходящий был бы царек, — сказал Зануцирам. — Очень удобный!..

— Удобный, когда будет царем. А посадить-то его как?

— Надо начать с другого конца, — сказал Ануган. — Мне известно, да теперь и вам известно, что готовится восстание рабов. Во главе стоит Акса-Гуам-Итца, сын Шишена-Итца — верного царского пса! То-то молодость! Увлекся, говорят, какой-то рабыней и теперь всю Атлантиду перевернуть хочет! Вот этого-то

Акса-Гуама мы и используем. Если восстание направить умелой рукой, они могут убить Гуама-Атагуера-гана. Нам это и нужно. С рабами же скоро расправимся и на престол возведем эту атцорскую овечку — Келетцу. И мы будем неограниченными правителями Атлантиды. А сорвется восстание и уцелеет голова Гуана-Атагуерагана — слетит голова Акса-Гуама, да и его отцу несдобровать. Мы же останемся в стороне.

— Вот истинный дипломат Атлантиды! Хранитель законов, поддерживающий восстание рабов! — со смехом сказал Кунтинашар.

Легкий волнообразный подземный толчок отбросил всех влево. Где-то зашуршала обвалившаяся штука-турка.

— Эти подземные толчки начинают беспокоить меня!

— Пустяки! — беспечно сказал Кунтинашар.

— Но не всегда дело кончается пустяками, — возразил Анугуан. — Наши таблицы повествуют о нескольких ужасных землетрясениях и извержениях вулканов. Вот эта самая пирамида, которая крепче скалы, дала три тысячи семьсот лет тому назад громадную трещину, и ее пришлось перекладывать. Что же было тогда с дворцами и храмами?..

— Ты собираешься жить три тысячи лет, Анугуан? И думаю, на наш век хватит! А там... Пусть хоть все пирамиды лопаются, как скорлупа печеных яиц!

Сладко зевнув, он прибавил:

— Однако пора и на покой!

IX. ЗМЕЕНЫШ

— Конечно!

Адишириа-Гуанч положил бронзовое зубило и молоток, отошел от статуи и окинул ее взглядом.

Перед ним, как живая, стояла Сель в короткой легкой тунике, с копьем в правой руке, приготовленным для метанья. Вся фигура дышала порывом. Правая нога выдвинута вперед и согнута в колене. Левой рукой, на ремешке, она сдерживала пару остромордых, поджарых собак с напряженными для прыжка мускулами. Волосы Сель были плотно обтянуты лентой, скелотой

вперед булавкой в виде полумесяца. Этот полумесяц символически изображал ее имя¹.

Адиширна залюбовался своим произведением. Такой он увидел Сель в первый раз на охоте, в лесу.

Большая луна уже поднялась над океаном. Лунный луч скользил по мраморному лицу статуи, и Адиширне показалось, что Сель улыбнулась ему.

В порыве любви он подошел к статуе и поцеловал ее в холодные мраморные губы.

— Кхе, кхе, кхе... боги святые, он с ума сошел...

Адиширна в смущении отпрянул от статуи и обернулся. Перед ним стояла нянька царевны Сель — бабушка Гу-Шир-Ца.

— Что случилось? Говори скорее!

Ца стала рыться непослушными, старческими руками в складках своей одежды, причитая и охая; наконец извлекла свернутый кусок материи и подала Адиширне.

— На вот... читай...

Адиширна вырвал из рук Ца кусок материи, раскрыл и в волнении начал читать при свете луны. Потом он вскрикнул, засунул послание за пазуху и быстро убежал.

Адиширна-Гуанч мчался по широким улицам к Священному Холму.

Жители Атлантиды наслаждались прохладой ночи. Из темной зелени садов неслись звуки песен, флейт и воркование китцар². Дома были освещены. Отдернутые занавеси меж колонн открывали для глаза внутренние помещения. Атланты возлежали у столов, увитых розами и уставленных блюдами и чашами. Рабы наливали вино в чаши тонкой рубиновой струей, высоко поднимая узкие, длинные амфоры. Слышались шутки и смех.

— ...Ты мало пьешь, оттого и боишься землетрясений, — услышал Адиширна отрывок фразы. — Пей больше, и ты привыкнешь к колебаниям почвы. Земля пьяна и шатается. Будем пить и мы. Раб, вина!..

Адиширна продолжал быстро идти. В густой тени лавровой рощи зазвучала веселая песня. Чей-то женский голос пел:

¹ Сель на языке атлантов означает «луна». — Ларисон.

² Китцара — музыкальный инструмент, напоминающий греческую кифару. — Ларисон.

Атлантида тихо дремлет
В голубых лучах луны...
Как луна целует землю,
Поцелуй меня и ты!

Мужской голос отвечал:

Пусть зажгутся страстью очи!
Поцелуями, любовью,
Виноградной, сладкой кровью
Мы наполним чашу ночи!

Оба голоса слились в дуэт:

Будь что будет! Не печалься!
Ярко светит нам луна...
Песни пой и обнимайся,
Чашу ночи пей до дна!

Раздался смех и звук поцелуя.

Адиширна взошел на подъемный мост у Священного Холма.

— Кто идет? — окликнул воин.

— Адиширна, раб. Меня вызвали во дворец Шини-Итца починить трубы в ванной комнате.

Адиширна-Гуанч, гениальный скульптор и ювелир, которые родятся один раз в тысячелетие, принужден был исполнять по требованию жрецов и царя самые различные работы, вплоть до починки водопроводов и дверных замков. Адиширну знали на Священном Холме, и он беспрепятственно переступил запретную черту.

На холме не было такого оживления, как в самом городе. Дворцы стояли особняком, окруженные высокими стенами.

Адиширна свернул на боковую дорогу, густо обсаженную кипарисами. Кипарисы стояли сплошной стеной, и здесь было почти темно. Пахло смолистой хвоей. Впереди послышался треск песка под чьими-то сандалиями. Адиширна спрятался меж кипарисов.

Медленной походкой, напевая под нос песню, прошел один из сторожей. Когда его шаги замолкли вдали, Адиширна отправился дальше. В конце аллеи светились огни дворца.

Адиширна пробрался через чашу кипарисов и стал обходить, приближаясь ко дворцу. Занавесы между колоннами были закрыты. За ними слышались голоса. На площадке перед дворцом, у одной из колонн, ук

рывшись за кустом олеандра, стоял раб Куацром, слуга в доме жреца Шишен-Итца, и подслушивал.

Адиширна подошел к нему и тихо спросил:

— Где Акса-Гуам?

Куацром махнул на него, приложил ладонь к своему рту в знак молчания и показал на занавес.

Адиширна прислушался к голосам. Говорили жрец Шишен-Итца и его жена.

— Позор! Позор! Проклятие на твою голову! Ты родила и вскормила своей грудью змееныша! Акса, мой сын, — изменник и предатель!.. Он замышляет царевубийство. Он проводит время с рабами и подготавливает восстание... Он опозорил мое великое в истории Атлантиды имя... Я должен сейчас же донести на него царю!..

— Но, может быть, можно все исправить... Не допустить восстания. Расстроить их планы. Не спеши, молю тебя!..

Адиширна быстро отвел Куацрома в сторону:

— Донос?

— Донос.

— Слушай, Куацром... Надо во что бы то ни стало помешать Шишену-Итца... задержи его, придумай что-нибудь... мне сейчас некогда об этом думать... царь не должен знать о заговоре, понимаешь? По крайней мере, чем позже он узнает о нем, тем лучше. Где Акса-Гуам?

— Он в старых шахтах, на тайной сходке рабов.

— Ладно. Так помни же, Куацром!..

Адиширна быстро зашагал по кипарисовой аллее.

Х. В СТАРЫХ ШАХТАХ

Адиширна вмешался в толпу рабов.

Акса-Гуам кончал речь.

Он говорил о тяжких страданиях рабов, об их жизни, похожей на вечную каторгу, и призывал их восстать, сбросить цепи, убить царя, захватить власть в свои руки и стать свободными, какими они и были когда-то.

Яркие лучи луны обливали людской муравейник. Полуголые рабы заполняли громадную котловину за-

брошенных старых шахт. Рабы облепили своими телами кучи щебня, сидели на утесах, деревьях, камнях...

Адиширна внимательно оглядел толпу и сразу почувствовал: в ней нет единства.

Одни из рабов жадно слушали Акса-Гуама, открыв рот и кивая утвердительно головами, другие стояли неподвижно и смотрели на него недоверчиво и праждебно.

— Смерть или свобода!.. — крикнул Акса-Гуам и сошел с утеса.

Его место занял раб, по прозванию Злой. Он имел светлую окраску кожи. Серые глаза его смотрели насмешливо. Злая улыбка кривила рот.

— Акса-Гуам, жреческий сынок, говорил нам о наших страданиях. Спасибо ему, что он просветил нас, без него мы и не знали бы об этом!

В толпе послышался смех.

— Но откуда у него вдруг появилась такая любовь к рабам? Не вместе ли с любовью к одной из наших девушек? — и он покосился на Ату, стоявшую рядом с Акса-Гуамом. — А что, — обратился он прямо к Акса-Гуаму, — если твоя любовь пройдет или Ата бросит тебя? Тогда ты воспылаешь к рабам такой же ненавистью? Вы, рабы, — продолжал он, обращаясь к толпе, — хотите стать свободными. С чего вы начинаете? С того, что выбираете себе нового царька Акса-Гуаму. А что, если он подведет нас под плети, а потом сбежит на свой Священный Холм?.. Только сами рабы могут освободить себя от рабства! Восстание — не дело влюбленных в расшитых золотом одеждах. Вот мое мнение! — И он сошел со скалы.

Толпа пришла в сильное возбуждение. Теперь толпа казалась единодушной. Но это единодушие явно было не в пользу Акса-Гуама. На него устремились тысячи враждебных глаз. Над толпой поднимались кулаки.

— Не верьте ему!..

— Он подослан жрецами! — слышались возгласы. — Гнать его вон!

На скале появился Кривой. Надсмотрщик выбил ему глаз, и с тех пор за ним утвердилось это прозвище. Кривой хитро прищурил свой единственный глаз и поводил головой из стороны в сторону, потом приложил указательный палец к кончику носа и сказал:

— Так вот...

Толпа заинтересовалась этим комическим началом и затихла.

— Злой прав. Но только он смотрит одним глазом, которым я не вижу...

— Хо-хо, — засмеялись в толпе.

— А теперь я посмотрю другим глазом, которым я вижу... Скажите мне, положив руку на сердце, верите ли вы сами в успех восстания, в то, что вы будете свободны, что вы победите легионы атлантов? Нет, не верите. И все-таки восстание будет. Почему? Потому, что нет сил больше терпеть. Потому, что нам хуже не будет: убитым — мир, живым — та же каторга. В это время приходит к нам Акса-Гуам и говорит: «Я с вами. Я помогу вам». А, хоть бы и так? Лучше с нами, чем против! Что побудило его прийти — не все ли равно? Наша девушка? Верно! Но ведь девушек-то наших у них полные гаремы. Выбирай любую. А он к нам. Может, и почувствовал горе наше? Что же выходит? Верить — не верьте ему, а гнать тоже незачем... Авось пригодится. Верно я говорю?

И, ткнув опять пальцем в кончик носа, он сошел со скалы.

Акса-Гуам вытер со лба пот. Он совершенно не ожидал такого поворота дела. Он привык смотреть на рабов как на безгласное стадо, забитое и покорное. Довольно сказать им ласковое слово, погладить по шерсти, и они пойдут за ним. Он снизошел до них. Он так долго умилялся своей ролью благодетеля и спасителя — и вдруг вся эта сходка превратилась в какой-то суд над ним. Эти резкие свободные речи о нем, о его личной жизни, этот язвительный или насмешливый тон... Он чувствовал, как против его воли в нем поднимается вековая ненависть и презрение его касты к рабам...

Суровый и гордый, поднялся он на скалу.

— Я пришел помочь вам, а вы судите меня. Я не собираюсь делаться вашим царьком. Пусть Злой станет во главе восстания... Я...

Толпа вдруг заволновалась, расступилась. Через толпу, расталкивая рабов, быстро шел Куацром. В руках он нес какой-то мешок.

— Расступись! Расступись! Важное известие!..

Куацром подошел к скале, поднял мешок и вытряс из него на землю какой-то круглый шар.

— Что это?.. — с недоуменном спросил Акса-Гуам и вдруг сильно побледнел и в ужасе отшатнулся.

Освещенная лунным светом, на него смотрела остекленелыми глазами голова его отца, жреца Шишена-Итца...

Акса-Гуам схватился за скалу, чувствуя, что теряет сознание.

Ата истерически вскрикнула.

— Шишен-Итца узнал о восстании и шел к царю, чтобы донести на тебя и предупредить его о восстании, — заявил Куацром. — Адиширна сказал мне: «Задержи во что бы то ни стало Шишена-Итца, чтобы он не донес о заговоре рабов». Я не мог иначе задержать его... Лучше он, чем ты. Он был злой господин... Чтобы не сразу узнать, кто убит, я отрезал голову и унес в мешке... Вот... Я сделал, как мне было приказано...

Толпа выслушала эти слова в полном молчании.

Акса-Гуам сел на камень и опустил голову на руки.

Ата боязливо жалась к нему, не решаясь открыто проявить участие.

Когда первое впечатление прошло, рабы начали обсуждать создавшееся положение. Теперь царь неизбежно должен был узнать о готовящемся восстании. Так же неизбежна была тяжкая расплата за заговор. Надо было решаться действовать немедленно. После долгих и горячих споров план восстания был выработан. Решено было идти приступом на Священный Холм.

Но тут неожиданно на скалу поднялся Адиширна-Гуанч.

— Этот план никуда не годится, — сказал он решительным голосом.

— Брат! — воскликнула Ата.

Акса-Гуам поднял голову и с недоуменном посмотрел на Адиширну.

— Священный Холм прекрасно укреплен со стороны каналов. Мосты могут быть подняты. Вы должны будете наполнить трупами каналы, прежде чем перейти их. Но там вас встретит бронзовая щетина копий. Мы поведем на приступ только часть нашей армии, чтобы отвлечь внимание. Главные же силы мы пустим в обход и обрушимся на Священный Холм со стороны гор. Это кратчайшая дорога и к царскому дворцу. Но

нам нужно раньше овладеть оружием. Я подумаю над этим...

— Итак, на заре!.. — Адиширна не успел закончить. Сильный подземный толчок потряс скалы и волной прокатился по долине. Зашуршали падающие камни.

— Если подземные силы раньше не разрушат Священный Холм, — добавил он.

Но слова его потонули в шуме взволнованной толпы. Муравейник пришел в движение. Рабы расходились, обсуждая события.

Акса-Гуам, Ата, Адиширна и Гуамф шли по дороге.

— Прости меня, Акса, я был невольным виновником смерти твоего отца!.. Но я думал, что Куацром умнее...

Акса-Гуам только мрачно кивнул головой.

Они вышли на безлюдную боковую дорожку. Ата взяла Акса-Гуама за руку и крепко сжала ее, желая утешить. Акса-Гуам ответил рукопожатием.

— Ты тоже примкнул к... восстанию? — спросил Акса. Он хотел сказать: «примкнул к нам», но после речей рабов не смог сказать этого.

— Я не верю в восстание! — сказал Адиширна — Я преследую личные цели и откровенно говорю об этом.

И, вынудив из-за пазухи кусок материи с письменами Сель, он подал его Акса-Гуаму.

Акса-Гуам прочитал:

«Отец выдает меня замуж за царя Ашура. Я скоро должна уехать. Отец узнал о моем свидании с тобой в Золотых Садах от раба и очень рассердился. Он запер меня в Соколином Гнезде. Сель».

Акса-Гуам знал Соколиное Гнездо. Это была своего рода тюрьма для лиц царского дома. Подземный ход вел из самого дворца к горе. Внутри горы была проложена винтовая лестница, которая выводила в помещение, вырубленное на громадной высоте: небольшой балкончик над отвесным, как стена, утесом. Побег был невозможен.

— У меня один путь к Сель — через дворец! — сказал Адиширна.

Оба замолчали, думая каждый о своем.

— Брось это дело! — сказал Гуамф Акса-Гуаму.

Ата только крепче сжала его руку и пристально посмотрела ему в глаза.

Он тяжело вздохнул, до боли сжал руку Аты и сказал глухим голосом:

— Поздно!

XI. АЦРО-ШАНУ и КРИЦНА

Дворец хранителя Высших Тайн Ацро-Шану стоял особняком у храма Посейдона, окруженный высокой стеной.

Дворец имел два этажа: нижний помещался под землей. В верхнем были парадные залы для приема, украшенные со сказочным великолепием. Золотые статуи богов, мебель, треножники, осыпанные драгоценными камнями, ослепляли глаза.

Ацро-Шану очень редко бывал здесь. Только ранним утром, проведя ночь за бронзовыми таблицами, он приходил иногда подышать свежим воздухом. Он садился у балюстрады на открытой площадке, щурил глаза и тихо дремал или думал. Раб приносил скромный завтрак — маленькую пресную булочку в виде двух сплюснутых шаров и чашу ключевой воды.

Как только жар усиливался, он спускался в свои подземные комнаты. Здесь всегда стояла ровная прохладная температура. Хорошая вентиляция освежала воздух. Дневной свет проникал, преломленный шлифованными зеркалами. Зеркала эти вращались по ходу солнца. Но в дневном свете не было нужды: Ацро-Шану работал только ночью.

Нижнее помещение представляло полный контраст с верхним этажом. Белые мраморные стены не имели никаких украшений. Комнаты были обставлены почти скудно, самой необходимой деревянной мебелью. Простая деревянная кровать была покрыта двумя шкурами леопардов. Вдоль стен длинной анфилады комнат тянулись полки с рядами бронзовых таблиц. Каждая полка имела надпись на бронзовой пластинке и номер; сами пластинки были также классифицированы и пронумерованы. Один каталог этой библиотеки занимал целую комнату.

Была ночь.

Ацро-Шану сидел в деревянном кресле у длинного

стола. Огонь светильника золотил бронзовые пластинки, грудями лежащие на столе. Заслонив рукой глаза от света, Ацро-Шану внимательно читал. Рядом с ним сидел молодой жрец Крицна — его ученик. Тишина была необычайная. Ни один звук не проникал сверху.

Старик откинулся на спинку кресла и, полузакрыв глаза, тихо сказал:

— Бедная Атлантида!

Крицна не осмелился нарушить молчания.

— Я стар... мне сто сорок девять лет. Пора и на покой, — начал Ацро-Шану после долгой паузы. — Тебя избрал я, Крицна. Тебя посвящу в Высшие Тайны Атлантиды. Ты молод. Моложе других. Но в тебе сильный дух и бесстрашная мысль. Чувствуешь ли ты себя готовым, чтобы узнать истину? Готов ли во имя ее расстаться с самым дорогим для тебя?

— Готов! — твердо произнес Крицна.

— Так слушай: Высшая Тайна в том... что ее нет!

Крицна смотрел на жреца с недоумением.

— Для толпы, даже для царей и низших жрецов у нас много тайн. Мы знаем, как лечить болезни. Мы знаем ход небесных светил. Мы даже знаем, когда должно наступить затмение солнца или луны. Мы можем вызывать мертвых. Чего же больше? Да, мы обладаем великими знаниями, но в них нет ничего таинственного... Тысячи лет мы наблюдали за ходом болезней человека и записывали эти наблюдения. Тысячи раз мы испробовали — сперва на больных рабах — тысячи разных трав, настоев и смесей. Тысячи больных умирали от наших лекарств, но от некоторых они выздоравливали. Мы тщательно записывали все это, сверяли записи, делали выводы. Так ошупью, слепо, опытным путем мы создавали нашу медицину. Почему настой горькой коры известного нам дерева исцеляет лихорадку? Мы не знаем сами. Мы лишь знаем его целебное действие... Тысячи лет мы наблюдали светила неба и записывали наши наблюдения. Сравнивая их, мы заметили закономерность и периодичность многих небесных явлений и научились предсказывать наступление этих явлений... У нас нет других тайн, кроме тысячи накопленных наблюдений. Но и это тайны лишь потому, что наш опыт мы скрываем от непосвященных. И только в этом наше могущество!

— А вызывание духов?..

Мы прибегаем ко многим средствам, чтобы удержать свое влияние и власть. Зная заранее о затмении солнца, мы говорим, что гнев богов сокроет солнечный свет и лишь по нашей молитве вернет его людям. И при помощи этого мы заставляем самого царя повиноваться нашей воле.

И царь не знает?..

Царь верит в тайну и суеверен так же, как и последний из рабов. Воспитание царей находится в наших руках... Ты спрашивал о вызывании духов. Отражение на парах при помощи зеркал восковой фигуры и слуховая трубка... Вот и все привидение... Как-нибудь я объясню тебе, как это делается...

Крицна был поражен. После некоторого колебания он сказал:

Но это обман!

В чем истина? Разве сами чувства не обманывают нас? И потом народ любит чудо и тайну, и мы даем их народу. Обман? Да! Но это дало нам возможность посвятить себя исключительно знанию и сделать много полезных народу открытий...

— Почему же не посвятить в эти знания и народ?.. И что получают рабы от всех полезных открытий?..

Апро-Шану нахмурился.

— Рабы?.. Кто же будет копаться в шахтах, если рабы станут заниматься наукой?..

Крициу не удовлетворил этот ответ. Целый вихрь мыслей и сомнений закружился в его голове. Несколько успокоившись, он спросил:

— Ну, а боги?..

— Их нет!

Крицна почувствовал, что у него кружится голова. Искоса посмотрев на него, Апро-Шану смягчил удар.

— Если хочешь, они есть, но не таковы, какими представляют их цари и рабы. Солнце «божественно» своей оплодотворяющей силой, теплом и светом. Но ни один раб не исполняет с такой точностью свою работу, как солнце свой восход, течение по небу и заход. Может ли оно убавить свой свет или ускорить свой путь? Солнце не бог, а раб времени и пространства...

Крицна молчал, опустив голову...

Лицо его было бледно, густые брови нахмурены. Громадное напряжение мысли и внутренняя борьба отражались на этом лице.

Ацро-Шану незаметно наблюдал за ним, как врач наблюдает больного, производя над ним опасную операцию.

— Я знаю, Кришна, это трудно... Сомнения терзают тебя и будут терзать... Но ты выйдешь победителем... А когда буря уляжется в твоей душе...

Вошел раб.

Это было необычно. Во время занятий никто не имел права входить в комнату Ацро-Шану.

Жрец нахмурился и недовольно забарабанил иссохшими пальцами по столу.

— Что-нибудь срочное?..

Раб преклонил одно колено.

— Трижды священный! Вестник Солнца и Эльзаир просят тебя впустить их по неотложному делу.

— Пусть войдут!

Эльзаир и Вестник Солнца вошли, опустив головы. Ацро-Шану благословил их поднятием руки.

— Говорите...

— Трижды священный! — сказал Эльзаир. — Я не осмеливался раньше нарушить твой покой... Меня уже давно беспокоят необычайные явления в небесах... Светила как будто сошли со своих мест... Их путь не проходит уже по точкам, установленным на наших пирамидах и инструментах... Не предсказывают ли эти явления, думал я, великих бедствий?.. И вот является Вестник Солнца, и его сообщения как будто подтверждают мои опасения...

— Говори! — обратился Ацро-Шану к Вестнику Солнца.

— Трижды священный! Я совершил свой обычный объезд по нашим владениям для сбора налогов и ревизий. И везде я заставал ужасные картины. На восток и на запад от Атлантиды все острова в огне вулканов. Многие города уже погибли от извержения и землетрясений. Земля колеблется, здания рушатся, и люди мечутся, как стадо испуганных овец...

— Бедная Атлантида!.. — вновь тихо произнес Ацро-Шану. — Ты прав, Эльзаир! Твои наблюдения имеют связь с наступлением печальных событий, о которых говорит Вестник Солнца. И все же ты ошибся, Эльзаир. Планеты не сместились со своих мест, и неподвижные звезды так же неподвижны, как и раньше.

— Но мои наблюдения?.. Проверь их сам! Это истина! Я видел своими глазами!..

— А ты веришь глазам? — И, обратившись к Крицне, он сказал: — Слушай. Вот хороший пример твоей «истины». Что ты думаешь, Эльзаир, если после чаши крепкого вина тебе покажется, что все шатается вокруг?

Эльзаир покраснел от обиды.

— Но я был трезв...

— Я не о том. Подумаешь ли ты, что колонны сместились с мест, или найдешь причину явлений в своей голове?.. Так и здесь. Сместились не звезды, а пирамиды, и потому вершины пирамид и твои инструменты не совпадают с обычными течениями звезд.

Эльзаир был совершенно озадачен.

— Но пирамиды стоят незыблемо на земле!

— А сама земля?..

Эльзаир начал понимать.

— Не проще ли допустить, что сдвинулась одна земля, а не весь небесный свод? Так оно и есть. Подземные силы огня изменили положение самой земли; сдвинулись и все твои точки наблюдений. Только сейчас я изучал явления, предшествовавшие ужасным землетрясениям, постигавшим уже Атлантиду тысячелетия тому назад. Тогда было то же самое... И так же, как теперь, первыми начали действовать вулканы на соседних с Атлантидой островах; они меньше Атлантиды, и подземным силам огня легче справиться с ними — прорваться наружу! Увы!.. На основании моих исследований я пришел к заключению, что мы перед небывалой катастрофой... Атлантида обречена!.. Сообщения Вестника Солнца лишь говорят о том, что мы ближе к катастрофе, чем я предполагал...

Эльзаир и Вестник Солнца стояли пораженные. Только Крицна не проявил особого волнения: «подземные силы» клокотали в нем самом.

— Созовите на завтра Верховный Совет... Если мы бессильны предупредить несчастье, позаботимся о спасении.

— Крицна, сообщи во дворец о созыве Верховного Совета.

Крицна поднялся наверх и вышел на мраморную балюстраду дворца.

Внизу лежала Атлантида, упоенная лунным светом и ароматом цветов. Как всегда, со стороны города до-

носились смягченные расстоянием звуки музыки и песен. Вдали мерно вздыхал океан.

Но Крицна ничего не видел. Он крепко сжал голову и стоял с искаженным лицом под яркими лучами луны. «Все ложь и обман... Нет богов... нет тайны... Есть только жадная, корыстная каста жрецов, которая из знания делает тайну, чтобы угнетать народ и утопать в роскоши...»

Взгляд его упал на золотую статую Бога-Солнца, сияющую в лучах луны.

Вдруг, в порыве бешеного гнева, Крицна сбросил статую с пьедестала.

Она со звоном покатилась по мраморным плитам пола.

ХII. ВОССТАНИЕ РАБОВ

Жрецы и двор давно знали о готовящемся восстании рабов, хотя время восстания им еще не было известно. Священный Холм спокойно ожидал событий.

До сих пор эти восстания не представляли большой опасности для «государства», то есть для его господствующих каст: царского дома, жрецов, военачальников. Эти восстания походили скорее на неорганизованные бунты.

Однако на этот раз события разворачивались иначе. Задолго до рассвета, еще в полной тьме, рабы тихо, бесшумно оставили шахты. Так же бесшумно наносились внезапные удары тяжелыми бронзовыми кирками в головы надсмотрщиков и сторожей. И они падали как снопы, не издав ни звука.

Не прошло часа, как весь Черный город оказался в руках восставших. Мрак и тишина скрывали события.

У дорог и тропинок, ведущих к Священному Холму, были поставлены сторожевые отряды, чтобы задерживать случайно уцелевших надсмотрщиков и сторожей, которые могли предупредить о событиях Священный Холм. Но это было сделано лишь из предосторожности: в Черном городе не осталось ни одного сторожа, ни одного надсмотрщика с уцелевшим черепом...

Рабы двинулись к старым шахтам.

Здесь находился штаб восстания.

Если мы и не победим, мы дадим почувствовать священному Холму растущую силу рабов, — сказал Гной, обращаясь к толпе. — Нам нужно во что бы то ни стало вооружиться бронзовыми мечами и копьями. Арсеналы охраняются большими и хорошо вооруженными отрядами воинов. Нам не одолеть их нашими мотыгами и кирками. Итак, чтобы достать оружие из арсенала, нам нужно уже быть хорошо вооруженными. Много готового оружия имеется еще на заводе. Это здесь, под рукой. Завод охраняется меньшим отрядом, чем арсенал. Но при первом же натиске они могут зажечь огни с сигналом тревоги и вызвать к себе на помощь дежурные легионы. Надо овладеть заводами так же быстро и бесшумно, как мы овладели Черным городом. Но как это сделать?

Мне известно, — сказал Акса-Гуам, — что перед рассветом сменится отряд, охраняющий завод. Смена будет идти по дороге Дракона. У двух источников эта дорога проходит в глухом месте через котловину... Найдём на этот отряд, покончим с воинами, наденем их доспехи, явимся на завод в виде смены и займем ее место. Тогда завод будет в наших руках со всем его оружием.

А пароль? — спросил Адиширна.

Я узнал его: «Змей и Солнце».

План был принят.

На дороге Дракона, у двух источников, произошло первое сражение.

Рабы пропустили отряд, отрезали отступление и сразу напали на него с трех сторон: спереди, с тыла и с левой стороны дороги, — правая обрывалась крутым утесом.

Удар был неожиданный, но закаленные в боях воины атлантов оказывали упорное сопротивление. Щиты защищали их от камней. Копья были длиннее мотыг и кирок. Воины разили ими рабов без особого вреда для себя. Отряд мог быть легко сброшен с утеса, но надо было по возможности полностью сохранить вооружение воинов. На стороне рабов был численный перевес. Копья вострели в телах рабов, но прежде чем воины успели извлекать острия копья, к древку тянулись десятки рук и цепко хватались за него, несмотря на удары других копий. Мало-помалу большинство копий перешло в руки рабов. Движения воинов затруднились не-

достаточной шириной дороги. Потеряв копья, воины пустили в ход мечи. Но копья дали явный перевес рабам: мечи были короче копий. Один за другим падали воины, загромождая трупам дорогу, что еще больше затрудняло маневрирование.

Отряд был обречен...

Через какой-нибудь час он представлял груды тел. Ни одного человека в отряде не осталось в живых. Рабы быстро сняли с трупов воинов вооружение, смыли кровь у источника и надели его на себя.

Акса-Гуам нарядился в доспехи начальника отряда, и все двинулись в путь. У дороги остался заградительный отряд.

«Смена стражи» у завода произошла благополучно. Начальники отрядов обменялись паролями, и ночная смена, звеня бронзовым оружием, потянулась в обратный путь.

К их приходу все трупы были сброшены с утеса, путь был очищен, следы сражения заметены.

Покончить с небольшим отрядом внутренней стражи завода не представляло большого труда. Громадные заводы, изготавливавшие бронзовое оружие, были в руках восставших.

На заводе оказалось семь тысяч готовых мечей и копий и пять тысяч еще не полированного, но годного к бою оружия. Рабы ликовали. Никогда еще восстание не начиналось такой удачей. Крепла вера в победу над Священным Холмом.

Приближалась заря, и надо было спешить покончить с арсеналом и до восхода солнца перебросить главные силы в горы.

Вооруженные рабы, представлявшие уже грозную военную силу, быстро двинулись к арсеналу.

Их вооружение ввело гарнизон арсенала в заблуждение.

— Кто идет? — спросил выдвинутый вперед дозор.

— По распоряжению Кетцаль-Коотля, начальника вооруженных сил Атлантиды, легионы охраны для подкрепления гарнизона, — ответил Акса-Гуам.

Половина рабов успела перейти мост, когда обман был обнаружен, и то лишь по недосмотру самих рабов: часть слишком ретивых рабов, не получивших вооружения, последовала за отрядом со своими кирками. Их заметили и подняли тревогу. Но было уже поздно. Мечи

скрестились, потрясая тишину ночи лязгом бронзы. Воины атлантов сражались с обычной скойкостью. Рабы геснили их, воины отступали внутрь громадного арсенала, отдавая с боя каждый шаг. С треском ломались тяжелые двери складов, толпы полуголых рабов вливались туда, выходя обратно в полном боевом вооружении. Рабы побеждали.

Еще продолжались отдельные схватки в самих складах и в углах широких мощеных дворов, а вооруженные ряды рабов уже двигались быстрым маршем по горной дороге в обход Священного Холма. Короткие стычки по дороге со сторожевыми отрядами не задерживали этого стремительного продвижения.

За одну ночь безоружные, бессильные рабы превратились в грозную армию, вооруженную шестнадцатью тысячами мечей и копий.

Несмотря на все предосторожности, от Священного Холма не удалось скрыть захвата арсенала. Арсенал помещался у подножия Священного Холма. Шум битвы явно доносился туда в тишине ночи. Но это же сражение у арсенала дало возможность главным силам рабов продвинуться далеко вперед в горы, прежде чем рабы были замечены. Во главе этих главных сил были Кривой и Адиширна. На долю Злого и Акса-Гуама выпала трудная задача: с меньшими силами вести наступление на Священный Холм со стороны наиболее защищенной и принять на себя главный удар лучших легионов атлантов — «кавалерии Нептуна» и «Непобедимых».

Священный Холм уже ослепительно сверкал бронзой своих храмов и дворцов в утренних лучах солнца, когда Акса-Гуам и Злой со своими отрядами подошли к кольцевому каналу у подножия Священного Холма. Подъемные мосты были подняты. Вся набережная на стороне Священного Холма горела, как бронзовая стена, вооружением выстроившихся в боевом порядке воинов.

Рабы приуныли, глядя на густой лес копий противника... Канал преграждал путь рабам.

Но обе враждующие стороны недолго стояли в выжидательном молчании.

В канале у берега стояло множество мелких судов. Злой махнул рукой на эти суда, и работа закипела. Рабы стягивали баркасы и фелюги к одному месту и под

ударами копий, пущенных с того берега, составляли плавучие мосты. Набережная поднималась над водой на полтора человеческих роста, но это не останавливало рабов. Они двинулись по мостам и, становясь друг на друга, карабкались на берег. Копья сбрасывали их. Скоро из тел рабов на судах у берега выросло возвышение, по которому ползли, как муравьи, новые ряды рабов. Весь канал покраснел от крови вниз по течению. Трупы покрывали поверхность воды. Но главное было сделано: прежде чем солнце достигло зенита, рабы были на другом берегу. Многие из них впервые вступили на Священный Холм. Воины атлантов отошли на широкую площадь перед каналом, чтобы получить большую свободу маневрирования, и здесь началась длительная, упорная борьба.

У воинов атлантов было большое преимущество в том, что они стояли на холме, рабы же внизу, на узкой площадке, имея за собой канал. Подкрепление к рабам могло вливаться лишь медленно, по мере захвата площади. Груды тел затрудняли движение. Рабы стали ослабевать. Атланты усилили натиск. Наступил момент, когда прижатые к каналу ряды рабов могли быть сброшены в воду.

Злой и Акса-Гуам сражались в первых рядах. Оглянувшись, Злой увидел, что рабы отступают.

«Конец!» — подумал он.

Но в этот момент среди воинов атлантов также произошло замешательство. Их задние ряды спешно отступали.

Как потом оказалось, на горном фронте положение атлантов было отчаянным. Адишириа и Кривой лавиной обрушились с гор и вплотную подошли к самому дворцу царя. Туда и было спешно вызвано подкрепление.

Отряд Акса-Гуама и Злого вздохнул свободнее. Скоро рабы перешли в наступление и упорно теснили врага к вершине Священного Холма.

Но в это самое время на Священном Холме произошли события, предрешившие исход восстания.

В ту ночь, когда рабы подняли восстание, у царя Гуан-Атагуерагана был прощальный прием отъезжающих после праздника Солнца подвластных царей.

Чтобы поразить их в последний раз богатством и великолепием двора, прием происходил в Изумрудном

Зале, помещавшемся в подземной части дворца. Все стены громадного зала были сплошь покрыты драгоценными камнями. Эти камни, подобранные по цветам, изображали фантастические цветы и пейзажи.

На бронзовом небе сияло топазовое солнце, хризопразовые деревья отражали свою зелень в изумрудных водах.

Желтые и розовые бериллы, красные рубины венчиками цветов поднимались из хризолитовой травы.

Трон стоял у стены, сплошь выложенной одними изумрудами, разные оттенки которых составляли сложный узор. Это была в буквальном смысле изумрудная стена; она была отделена от капитальной стены коридором, в котором помещались светильники. Свет их проникал сквозь изумруды, производя необычайный световой эффект.

Царь был предупрежден уже о восстании. Церемония приема была затянута, чтобы ко времени ее окончания порядок на Священном Холме был восстановлен: приезжие цари не должны были знать о восстании. Это было тем легче сделать, что в Изумрудный Зал не проникал никакой звук с поверхности земли.

Но восстание ворвалось и в это скрытое помещение.

Прежде чем подоспели на помощь горному фронту пинны, снятые с поля сражения у канала, Адиширна и Кривой овладели дворцом. Звук мечей уже послышался в соседнем зале. И вдруг вооруженные рабы ворвались в Изумрудный Зал. Почетные караулы царей и сами цари принуждены были пустить в дело мечи.

Только Гуан-Атагуераган восседал еще на престоле с величавой неподвижностью статуи и наблюдал за битвой. Но в душе его было смятение. Дворцовая стража и цари дрались с мужеством отчаяния, но ряды их редели с каждой минутой... Смерть смотрела в глаза царя Атлантиды...

В то мгновение, когда падали последние защитники дворца, царь вдруг вспомнил о возможном спасении. Он хотел гордо встретить смерть, как подобает царю Атлантиды. Но мысль о спасении заставила его сбросить маску величия. Быстро сбежав по ступенькам трона, он вынул тяжелый бронзовый меч, крепко сжав рукоятку, усыпанную бриллиантами, и с размаху разрубил изумрудную стену. Несколько ударов образовало

проход в стене. Крупные изумруды, как горох, покатились на мозаичный пол. Царь бросился в образовавшийся проход. По его пятам к проходу кинулось несколько рабов.

Вдруг один из рабов, увидев крупные изумруды, наклонился к полу, стал пригоршнями собирать их, засовывая в рот и за панцирь. Другие рабы, с разбегу, налетели на него и упали. Куча тел заслонила проход. Царь бежал...

Пылающий гневом Кривой подбежал к замешкавшимся у разбитой стены рабам и стал избивать их.

Адиширна потрясал мечом и призывал к порядку. Ничего не помогло. Не видя больше противника, толпы рабов рассеялись по залам дворца и занялись грабежом. В кладовых нашлись громадные амфоры с вином. Вино наливали в вогнутые щиты, и, истомленные зноем и битвой, рабы жадно пили и тут же падали от опьянения...

XIII. КОНЕЦ ВОССТАНИЯ РАБОВ

Как только жрецы узнали о восстании, они собрались на совет в одной из пирамид. Здесь они были в безопасности. Подземные ходы, соединявшие дворцы и пирамиды, были хорошо скрыты. От своих служителей жрецы узнали о ходе борьбы.

Несмотря на посланный жрецами приказ военачальникам подавить восстание немедленно, сверху приходили неутешительные вести.

Исход продолжавшегося сражения был сомнителен. В окрестностях Посейдониса были расположены громадные гарнизоны. С помощью их не представляло труда подавить восстание, но теперь каждый лишний час битвы причинял жрецам убытки: рабы разоряли их дворцы, и притом большинство рабов составляло «движимое имущество» жрецов. Этот живой товар не плохо расценивался на Морской Бирже.

Только к закату солнца успех правительственных войск определился окончательно. Армия Кривого и Адиширны была оттеснена в горы и рассеяна в лесах. Кривой был убит во дворце, и труп его разрублен на ча-

сти «кавалерией Нептуна». Адишириа-Гуанч пропал без вести.

Покоичив с главными силами рабов, воины атлантов двинулись на остатки армии Злого и Акса-Гуама. Рабов прижимали к каналу, они падали в канал и топились.

Небольшая группа рабов со Злым во главе, как разъяренные львы, защищали мосты, прикрывали отступление.

Наконец, пронзенный в горло, пал Злой. Священный Холм был очищен. Оставались лишь отдельные группы рабов, которых воины травили, как собак, загоняли во дворы и тупики и зверски убивали.

Акса-Гуам был ранен в руку и голову. Его оттеснили от отряда Злого.

Отбиваясь от наседавших воинов, он стал в углубление бронзовой стены, окружавшей дворец Верховного жреца Апро-Шану, прислонившись спиной к узкой бронзовой калитке.

От кровотечения из ран и усталости у Акса-Гуама кружилась голова и глаза застилало туманом. Как во сне, он машинально махал мечом, отбивая удары копий.

Неожиданно калитка открылась за ним, и он едва не упал навзничь. Подозревая ловушку, он обернулся и увидел перед собой Крицну — ученика Апро-Шану. Крицна поддержал его и, ухватив за руку, втолкнул в калитку. Сюда же бросился один из воинов. Крицна выхватил из слабеющей руки Акса-Гуама его меч и ударил воина по голове. Тот свалился. Но за ним вырос другой. Длинным копьем он пронзил грудь Крицны.

— Закрой калитку! — успел крикнуть Крицна и упал, обливаясь кровью.

Акса-Гуам захолопнул калитку и заложил тяжелый бронзовый засов.

Он склонился к Кричне. Глаза Крицны тускнели. Кровь с клокотанием выходила из раны в груди и из рта.

— Умираю... так лучше... все ложь и обман... и жизнь обман... — хрипло говорил он с паузами. — Оставь меня... беги...

И Крицна склонил голову на землю. Легкая судорога прошла по его телу.

Акса-Гуам медленно шел по саду. Он не думал о

бегстве... Он ни о чем не думал. Он был слишком разбит телом и духом.

Из-за стены доносились звуки удаляющегося сражения, крики и стоны.

Но здесь было тихо и мирно, как всегда.

Пальмы горели своими веерообразными вершинами в лучах вечернего солнца. Цветы благоухали. В яркой зелени деревьев кувыркались и кричали бело-розовые и красно-зеленые попугаи, привязанные за ногу золотыми цепочками.

— Доброе утро, Акса-Шану! — картаво и резко прокричал вслед Акса-Гуаму попугай.

Акса-Гуам спускался по желтой песчаной дорожке, усаженной по сторонам цветущими белыми лилиями и белыми туберозами. Их сильный, сладкий запах пьянил ему голову.

На ветке большого апельсинового дерева сидела ручная обезьяна и внимательно чистила большой, зрелый, сочный плод. Увидев Акса-Гуама, она сорвала еще один апельсин и с насмешливым криком запустила в него. Как оранжевый мяч, апельсин покатился по желтой дорожке.

Акса-Гуам вспомнил, что со вчерашнего дня он ничего не ел.

Он поднял апельсин и с наслаждением стал есть его сладкую, сочную, душистую мякоть. Обезьяна что-то закричала ему вслед на своем языке.

Он невольно улыбнулся, кивнул обезьяне головой. Она приветливо закивала в ответ. И странно ему стало как-то легче на душе.

Он подошел к мраморному водоему, снял с себя тяжелые доспехи и вымылся холодной ключевой водой. Оставшись в короткой черной тунике жреца с расшитым на груди золотыми нитками диском солнца, он почувствовал себя легко и свободно. С удовольствием он растянулся на зеленой траве, расправляя усталые члены.

«Если бы не болели раны, было бы совсем хорошо», — подумал он.

Сладкая истома сковывала тело. Он невольно закрыл глаза и стал погружаться в дремоту.

Вдруг словно какой-то толчок разбудил его. Он быстро сел.

Ата! Что с ней?.. Как мог он так долго не думать о ней!

Ата умоляла его позволить ей сражаться вместе с ним.

— Многие наши женщины-рабыни вооружаются и идут на Священный Холм, чтобы умереть или победить... Я не могу остаться дома... Я сильна, и я хочу быть с тобой...

Но он настоял на своем. Он убедил ее остаться, уверяя, что, если она будет рядом с ним на поле сражения, опасения за ее жизнь будут отвлекать его и это скорее может погубить их и повредить восстанию.

Со слезами на глазах она простилась с ним прошлой ночью на старых шахтах...

«Что с нею?.. Не пошла ли она разыскивать меня и не убили ли ее воины атлантов?»

Одним прыжком он поднялся на ноги и быстро пошел вниз по дорожке. Перелез через стену и стал спускаться со Священного Холма.

Кратчайшая дорога вела мимо дворца его покойного отца.

Минуту Акса-Гуам колебался, но потом решительно зашагал по этой дороге. Она уже вся была очищена от рабов. От времени до времени встречались отряды воинов. О его участии в восстании знали немногие обитатели Священного Холма. В своей одежде жреческой касты он беспрепятственно шел вперед.

Подходя к дворцу отца, он невольно замедлил шаг.

Дворец одной стороной выходил на дорогу, поднимаясь своими тяжелыми колоннами над бронзовой оградой.

Вдруг Акса-Гуам остановился. У него перехватило дыхание.

В одном окне стояла его мать с растрепанными, седыми космами волос и безумными глазами. Она узнала его и, указывая на него пальцем протянутой руки, истерически захохотала:

— Вот он!.. Вот он!.. — кричала она. — Змееныш! Змееныш! Где ты прячешь голову твоего отца? Она нужна Агушатце... Он делает мумию. Разве бывают мумии без головы?.. Отдай голову отца!.. Отдай голову!..

Две рабыни подхватили ее под руки и силой оттащили от окна.

Акса-Гуам зажал уши и бросился бежать. Но крик матери стоял в его ушах:

— Отдай голову твоего отца!..

Только добежав до моста у канала, он несколько успокоился.

Бедная мать!.. Голова отца... Она на старых шахтах... Голова жреца... Акса-Гуам даже не знает, закопали ли ее в землю...

XIV. ГИБЕЛЬ АТЫ

В Черном городе еще не улеглось волнение. Толпы рабов наполняли улицы. Воины атлантов не преследовали рабов. Священный Холм очищен, а от кары рабам не убежать.

На широкой площади, где перекрещивались две дороги, какой-то раб узнал его:

— Смотрите, он! Вот он! Вот Акса-Гуам, царь рабов!

— Предатель!

— Изменник!

Толпа окружила его. В него полетели камни.

Разъяренные женщины протягивали к нему кулаки и кричали:

— Отдай мне убитого мужа!

— Ты погубил моего сына!

— Где брат мой?

Какой-то раб-фракнец подскочил к нему и сбил его ударом на кучу щебня. Потом посадил, нахлобучил ему на голову свой красный колпак и закричал:

Коронование царя рабов!

Кольцо толпы сжималось все теснее. Град камней падал на Акса-Гуама. Окровавленный и бледный, сидел он в красном колпаке и смотрел на толпу невидящим взором.

— Что смотреть на него? — сказал раб-бербер с копьем в руках. — Разве в нем не кровь врагов наших? Отойдите!

Рабы отошли в сторону, и раб-бербер пустил копьё прямо в грудь Акса-Гуама.

Но прежде чем оно вонзилось, из толпы раздался

женский отчаянный крик, чье-то тело метнулось между Акса-Гуамом и летящим копьём.

Копье пронзило насквозь грудь молодой женщины. Это была Ата.

Она повернула голову к Акса-Гуаму и успела только сказать:

— Мою жизнь... — Кровь хлынула из горла и раны, и она замолчала, тяжело хрипя.

— Ата! — крикнул Акса-Гуам. Но силы изменили ему. Он потерял сознание и свалился с кучи камня к группе Аты.

Толпа отхлынула и затихла, взволнованная неожиданной смертью Аты.

Но тот же раб-бербер, рассерженный тем, что ему испортили меткий удар, которым он хотел похвастаться, закричал:

— Еще одну рабыню сгубил он! Смерть ему! — и бросился к Акса-Гуаму. Несколько рабов последовали за ним.

— Стой, собака! — вдруг вырос как из-под земли старик Гуамф, заслоняя собой тела Аты и Акса-Гуама.

Рабы остановились в смущении. Старика Гуамфа шали и уважали в Черном городе.

— Уйди, старик! — понижая тон, сказал раб-бербер.

— Звери вы или люди? — накинулся на него Гуамф. — Вам мало кровн? Так убейте и меня, старика!

И, обратившись к рабу-берберу, Гуамф продолжал:

— Где ты был, Ширна, когда брали Священный Холм? Ни один из рабов, которые бились там, не поднимет руку на Акса-Гуама: кто бы он ни был, он бился вместе с нами и за нас отдавал жизнь, как последний из рабов. Где ты достал копьё, Ширна, которым хотел убить Акса-Гуама и убил мою внучку? Поднял на дороге после сражения? Я знаю тебя и твою шайку. Когда нас давят, вы подлизываетесь к надсмотрщикам и доносите на своих. Когда мы воюем, вы подускиваете других и выжидаете дома, кто победит, чтобы лягнуть копытом побежденного. Нам всем жилось бы легче, если бы не было таких, как ты. И ты смеешь судить побежденного?

— Раб-бербер смутился и исчез в толпе.

— Слушайте, рабы! Акса-Гуам потерял отца, — продолжал старик. — Мать его лишилась рассудка. Девочка, которую он любил, лежит перед вами с копьём

в груди. Ему нет дороги назад, на Священный Холм...

Не дослушав конца речи, толпа рабов вдруг отхлынула и побежала к шахтам: По дороге, со стороны Священного Холма, медленно двигался отряд конницы. Не прошло пяти минут, как площадь была пуста. Слышно было только цоканье бронзовых подков по каменным плитам дороги да бряцание оружия.

Как победители, гордые и самоуверенные, воины атлантов медленно проехали, не кинув даже взора на группу у каменной кучи: трупов валялось слишком много на дороге, а дряхлый старик не стоил внимания.

Стало совсем тихо. Только жужжал рой синих мух, блестящих в закатных лучах, собравшийся над зияющей раной Аты.

Гуамф оттащил Акса-Гуама от дороги и скрыл за кустом труп Аты.

Акса-Гуам пришел в себя.

Гуамф ласково положил ему руку на плечо:

— Ты не сердись очень на них. — Он махнул рукой в сторону шахт. — Тяжело опять становиться в ярмо... Помнишь, как я сам рассердился на тебя, когда ты заговорил об освобождении рабов? Когда это будет и будет ли? Может быть, когда-нибудь, через тысячи лет, и взойдет наша звезда и исцелит раны наши. Но только тогда уж нас не будет, а может быть, не останется следа и от самой Атлантиды... И никто не будет знать, что и мы боролись за дело рабов и через тысячелетия посылали привет тому, кто будет счастливее нас...

— Пить... — хрипло прошептал Акса-Гуам и застоял от боли.

ХУ. ОБРЕЧЕННЫЕ

Заседание Верховного Совета открылось в Медном Зале царского дворца.

Стены зала были покрыты медными листами с барельефами, изображающими подвиги царей Атлантиды. Развешанное внизу по стенам бронзовое оружие атлантов, от древнейших, грубо отделанных секир до мечей и панцирей последней отделки, полированных до зеркального блеска, придавало залу вид музея. Все чле-

ны Верховного Совета были в сборе, кроме Верховного жреца Ауро-Шану.

Но царь не стал ожидать его. Сидя на высоком бронзовом троне, в полукруге кресел, занимаемых членами совета, царь открыл заседание.

— Именем Солнца и волею нашей...

В Атлантиде произошло неслыханное событие. Восставшие рабы посягнули на мою священную жизнь. От руки презренной черни погибли все мои гости и цари. Лишь царь Ашура избежал ужасной гибели, бежав след за мной, и любезный брат мой, царь Атцора, — он не был во дворце по причине недомогания.

В восстании — о великий позор! — принимал участие и один из сыновей жрецов. Отец его заплатил своей головой за сына-изменника... Главные зачинщики: Акса-Гуам-Итца, — пусть гнев богов падет на его голову, — и раб Адиширна-Гуанч, — да разверзнется под ним земля, — до сих пор не разысканы. Кто в этом повинен, Кетцаль-Коотль?

Военачальник склонил голову.

— Они будут разысканы, трижды великий...

— Если они не будут разысканы живыми или мертвыми, прежде чем солнце трижды скроется за утесом Льва, ты не увидишь, Кетцаль, четвертого восхода солнца. Но рабы... — и царь в гневе даже привстал с кресла, что было совершенно необычайным нарушением этикета. — Гнев мой не имеет границ. Пусть рабское племя помнит из поколения в поколение, что значит гнев царя Атлантиды. Я истреблю их всех до единого. Я подвергну их таким пыткам, от которых содрогнется сама земля. Повелеваю набрать в наших колониях новых рабов! Рабы обречены. Все до единого...

Кетцаль-Коотль тяжело вздохнул.

— Не гневайся, трижды великий... Почти все рабы покинули Черный город... Их бегство было столь поспешно, что в их квашнях остался замешанный хлеб. Они укрылись в лесах... Остались лишь старики, старики и дети-сироты...

— И ты, старая собака, не сумел выследить дичь... Это измена. Все вы изменники и заговорщики!.. Оценить леса!...

— Сделано!

— Обыскать все тропинки с охотничьими собаками...

— Ищут, и многих уже поймали.

— Травить их, как диких зверей. Пусть вся Атлантида зальется их кровью.

В зале произошло движение.

На черных носилках четыре служителя храма осторожно внесли Ацро-Шану, Верховного жреца.

Поддерживаемый под руку, жрец медленно сошел с носилок, благословил царя, подошел к своему креслу и, не опускаясь в него, обратился к царю с речью:

— Трижды великий, могучий, непобедимый, богами хранимый владыка Атлантиды! Моя старая грудь разрывается от тоски, глаза источают слезы и язык мой не повинуется мне... Но боги бессмертные повелели мне сообщить тебе о великом бедствии, которое надвигается на Атлантиду. Увы, увy... Мы все погрешили перед богами, и гнев их обрушился на нас...

Гуан-Атагуераган заметно побледнел.

— Говори скорее, в чем дело, — сказал он глухим голосом.

— Атлантида обречена... Атлантида должна погибнуть... от страшного землетрясения. Огонь пожрет ее. Боги открыли мне прошлой ночью, что гибель Атлантиды неизбежна. Бог-Солнце, пылающий и грозный, явился мне в виде вонна. Одежды его были как расплавленная бронза, и свет лица его ослеплял. И он сказал мне: «Спасайтесь!.. Спасайтесь, пока не поздно. Ибо не останется камня на камне и не уцелеет ни одно живое существо. Огонь истребит, океан поглотит Атлантиду. И там, где стояли высокие горы, только волны морские будут вздымать гребни свои. И сама память об Атлантиде сотрется в веках...»

Ацро-Шану говорил грозно, как пророк, и каждое слово его леденило сердце...

Царь откинулся, судорожно сжал ручку трона и прикрыл глаза. По его лицу прошла судорога.

— Ты лжешь, старик!.. Вы все лжете!.. Я не верю вам! Вы хотите запугать меня. Не за то ль, что уменьшил ваши доходы?

— Ничто не спасет Атлантиду! Страшный день гнева близится! — воскликнул Ацро-Шану.

И как бы в подтверждение этих слов, вдруг прокатился сильный волнообразный подземный удар.

Со светильников сорвались языки пламени и некоторые из них погасли. Бронзовое оружие со звоном и лязгом обрушилось на пол. Кресла и царский престол

покачнулись. С оглушительным треском расселась капитальная стена. По всему мозанчному полу, от входных дверей, протянулась большая трещина. Постепенно суживаясь, она доходила до самого подножия престола.

Царь с ужасом смотрел на эту трещину, как на подползавшую змею, которая готова ужалить его.

Снаружи слышались крики и плач испуганных женщин и детей. Но в самом зале стояла гнетущая тишина. В эти немногие мгновения сознание людей должно было примириться с мыслью, которая переворачивала всю их жизнь. Это было так неожиданно, так необычайно странно и нелепо, что мозг отказывался понять... И царь смотрел как загипнотизированный на зловещую трещину и не мог произнести ни слова.

Раздался второй толчок.

Зазвенело оставшееся на стенах оружие и задрепетали хрустальные подвески на бронзовых светильниках...

Царь встал с престола и, забыв об этикете, подошел к окну, чтобы освежить голову. Ветер доносил сюда соленую свежесть океана.

Царь посмотрел вниз на огни Атлантиды, расстилавшейся у подножия Священного Холма.

— Бедная Атлантида... — прошептал он, повторяя слова Ацро-Шану.

Убитый, растерянный, обернулся он к собравшимся. Хрустнул пальцами, унизанными кольцами и перстнями, и, обводя взором жрецов, спросил:

— Что же делать теперь?..

Члены Верховного Совета поднялись со своих кресел и образовали шумную толпу. От торжественности заседания не осталось и следа. Они говорили все разом, не слушая друг друга и размахивая руками. Только Ацро-Шану сохранял полное спокойствие.

— Тише! — сказал он. — Стыдно! Вы не рабы! Если потеряем спокойствие, кто позаботится о нашем спасении?

Наступило молчание. Все были смущены.

— С Атлантидой кончено, — продолжал Верховный жрец. — Надо подумать о нашем спасении. А оно может быть только в одном бегстве. Не теряя ни одной минуты, мы должны собираться в путь; мы должны взять с собой наше оружие, нашу армию — это первое

и главнейшее, так как нужно будет заново строить свое могущество... Многие друзья отвернутся от нас и станут врагами. Нужно взять с собой наши драгоценности, наших животных, семена наших хлебных растений. Наш флот может перевезти только армию... Для жителей Священного Холма и свободных граждан должны быть построены новые огромные корабли-ковчеги. Предстоят бури и ливни, и корабли должны быть построены так, чтобы бороться с ними!.. Надо немедленно браться за работу. Каждая минута дорога...

— Но кто будет строить корабли? Кто возьмет на себя всю черную работу по сборам в путь? Рабы бежали! — сказал Кунтинашар.

— Надо вернуть рабов, — ответил Ацро-Шану. — Надо объявить им помилование и поставить на работы.

— Никогда! — гневно воскликнул царь. — Помиловать бунтовщиков? Цареубийц? Никогда! Мы привлечем к работам воинов!

— У воинов будет достаточно своей работы! — осмелился возразить Кетцаль-Коотль. — И потом... Мои воины? Какие же они столяры и плотники? Воины умеют только владеть мечом! Их пришлось бы еще долго учить новому ремеслу.

— Сейчас не время для мести... — сказал Ацро-Шану. — У нас нет выбора: или помиловать рабов, или погибнуть вместе с ними.

— Лучше погибнуть, чем помиловать! — упрямо ответил царь.

— Ну что ж! Твоя воля священна. Будем готовиться к гибели, — сказал Ацро-Шану, лукаво взглянув на царя из-под нависших бровей.

— Но... я успею спастись! — смущенно произнес царь, помолчав.

— Да, ты можешь успеть. Но что будет с тобой, если при тебе не будет армии, жрецов, оружия, всяческих запасов и золота? Ты будешь как тростник, ветром колеблемый.

Царь колебался.

— Вот что... — продолжал Ацро-Шану с той же скрытой улыбкой. — Ты жаждешь мести. Она не минует рабов. Мы можем пообещать им помилование. Но ничто не помешает нам взять лишь столько рабов, сколько нам нужно для путешествия и устройства на новом месте. Остальных мы оставим, в последний мо

мент пообещав вернуться за ними. Поверь, что гнев богов настигнет их здесь вернее, чем меч Кетцаль-Коотля. Ни один не уцелеет... А когда обживешься на новом месте и обзаведешься новыми рабами, можно будет покончить с мятежниками, вывезенными из Атлантиды. Не так ли?..

Царь нахмурился и процедил сквозь зубы:

— Согласен!.. Кетцаль-Коотль! Разошли вестников по всем лесам. Объяви им от моего имени о царской милости.

XVI. КРЫЛАТЫЙ ЗМЕЙ

Во все города и селения Атлантиды были разосланы гонцы. На площади у храмов звучали бронзовые трубы этих вестников несчастья. Глашатаи кричали перед испуганной толпой:

— Гнев богов обрек Атлантиду на гибель!.. Все население волей царя призывается на общественные работы... Мы должны спешно готовиться к бегству!..

Посейдонис походил на встревоженный муравейник. Люди бегали по улицам испуганные, бедные, как во время пожара. Общее несчастье сблизило людей и нарушило кастовые преграды. Незнакомые люди различных каст окликали друг друга:

— Слышали?

— Да. Ужасно!.. — и разбегались в разные стороны.

Казалось, вся Атлантида потеряла голову. Люди перебрали свои вещи, отбрасывая ценное, складывая ненужное, суетились без толку, забывая о сне и еде. Некоторые впадали в странное оцепенение: сидели молча, ничего не слыша, как статуи. Женщины плакали, прижимая детей к груди.

Так длилось несколько дней, пока Священный Холм не организовал правильных работ.

Хмурые, плохо верящие в «царскую милость», возвращались рабы из лесов. Другого выхода им не оставалось. Все же часть рабов не вернулась в Черный город. Одни из них не верили в неизбежную гибель Атлантиды, другие предпочитали лучше умереть свободными, чем вернуться к рабству.

Близкая опасность, казалось, удесятворяла силы людей. Работы шли днем и ночью с короткими перерывами на сон и обед.

По горным дорогам из лесов тянулись непрерывной лентой обозы, снабжавшие доки и верфи строительными материалами. Люди и животные падали замертво на дороге, их оттаскивали в сторону, очищали путь, и работа продолжалась с той же лихорадочной поспешностью.

Готовые корабли нагружались оружием, домашним скарбом, животными, не только домашними, но и дикими; атланты хотели сохранить по возможности все, что напоминало бы им на новых местах их солнечную родину. Каждому свободному гражданину разрешалось взять по семи пар домашних животных и птиц и по две пары диких.

Новые верфи покрывались тысячами строящихся судов; на судах были сооружены крытые палубы на случай бурь и ливней.

При всей напряженности и лихорадочности работ скоро выяснилось, что с первыми отходящими кораблями можно будет вывезти лишь ничтожную долю накопленных тысячелетиями богатств Атлантиды. Царские и жреческие сокровища казались неисчерпаемыми. Решено было взять в первую очередь самое ценное и менее громоздкое. Если катастрофа замедлится, оставшееся имущество можно будет вывезти постепенно. Однако на это было мало надежды. Чтобы вывезти в первую очередь хотя бы часть несметных богатств правящих каст, нужно было сознательно бросить почти на верную гибель не только рабов, но и часть свободного населения Атлантиды. Однако, чтобы избежать паники и восстаний, Священный Холм заверял население, что все оно, до последнего раба, будет увезено до наступления катастрофы.

Наконец сборы царствующего дома были окончены. Все члены царской семьи собрались во дворце царя перед тем, как отправиться на корабли. Не было только Сель, находившейся еще в Соколином Гнезде. Послали за нею. Но посланный вернулся в смущении: Сель не было в Соколином Гнезде.

Ее жених, царь Ашура, был огорчен этим известием, а Гуан-Атагуераган разгневан. Он возлагал большие надежды на брак царя Ашура со своей дочерью.

Теперь царь Атлантиды особенно нуждался в дружбе и помощи могучего подвластного царя! Увы! Останется ли он подвластным? Удастся ли сохранить хотя бы дружбу его?..

Царь потребовал немедленно привести для допроса няньку Сель, старуху Гу-Шур-Ца.

Она явилась перед грозные очи царя, низко кланяясь, всхлипывая и утирая слезы краем плаща.

— Где Сель? — спросил сурово царь.

— Трижды великий!.. — И Ца упала на колени. — Не гневись на рабу твою... Я не виновата... Я хранила ее как зеницу ока, но в прошлую ночь крылатый змей спустился с горы... Крылья его были, как у летучей мыши, а ноги, как у льва... Из ноздрей его шел дым, и огнем дышала пасть его... Сель сидела на балконе и отдыхала в ночной прохладе. Вдруг змей схватил ее в свои когти и взвился с ней на воздух... Я успела уцепиться за плащ Сель. Змей и меня приподнял на воздух... Но плащ упал с плеча Сель, а вместе с ним упала и я... Вот все, что осталось от Сель... — И Ца бросила к ногам царя голубой шелковый плащ Сель, расшитый серебряными лилиями.

Все были поражены рассказом. Но царь подозрительно посмотрел на жрецов.

— Что ты скажешь, Кунтинашар?

— Трижды великий... Я не знаю, что сказать. Бежать Сель не могла... Может быть, ее похитили...

Царь глубоко задумался.

Одно несчастье преследует его за другим... Неужели боги наказывают его за ссору с жрецами?.. Гордость и страх боролись в его душе. Страх победил.

— Да будет воля богов!.. — И обратившись к жрецам, он сказал: — Молнитесь богам, чтобы не до конца преследовал нас гнев их... А я... я сделаю все, что могу... Я восстанавливаю ваши права!.. Корабли ждут нас. Но пусть продолжаются поиски Сель после нашего отъезда. Может быть, нам удастся спасти ее...

И тяжело вздохнув, он обратился к рабам:

— Носилки!..

Последний царь Атлантиды, мерно колыхаясь на золотых носилках, спускался со Священного Холма, чтобы никогда сюда не возвращаться.

XVII. «ЗОЛОТОЙ ВЕК»

Акса-Гуам поправлялся медленно. Он долго бредил восстанием.

Наконец лихорадка оставила его.

— Ну что, сынок, ожил? — ласково спросил его дедушка Гуамф.

Акса-Гуам посмотрел вокруг. Он лежал в старой шахте. Слабый свет виднелся со стороны входа.

— Три недели я тебя берег в этой мышинной норе от ваших ищеек. Первое время очень опасно было. Ну, теперь у них столько забот, что не до тебя. Адиширна был. Тайком пробрался. Зовет в лес. Говорит, хорошо у них там!..

Акса-Гуам ушел к Адиширне, как только позволили силы. Гуамф проводил его. Ночью, тайными тропами пробирались они среди гигантских стволов, поднимавшихся ввысь, как колонны храма. Когда-то, в старину, эти стволы и брали для колонн. Теперь они шли на постройку кораблей.

— Ну и проказник внук мой! Такую штуку выкинул, что... Да вот сам увидишь! — болтал дедушка Гуамф и смеялся беззубым ртом.

Среди стволов, у пещеры, показалось пламя костра. Когда путники подошли ближе, они увидели Адиширну, который жарил на вертеле горную серну.

— Ого-го! — закричал дедушка Гуамф.

Адиширна вскочил и схватился за меч. Но узнав Акса-Гуама и деда, он бросился к ним навстречу.

Акса-Гуам дружески поздоровался с ним.

Вдруг, привлеченная их голосами, из пещеры вышла женщина.

Акса-Гуам взглянул на нее и отшатнулся, пораженный неожиданностью.

— Царевна!.. Сель!..

— Да, это она, — сказал Адиширна... — Моя жена! — прибавил он с радостным смущением.

— Но почему ты здесь, Сель?..

Все расположились около костра, и Адиширна рассказал Акса-Гуаму историю похищения Сель «крылатым драконом». Этим «драконом» был сам Адиширна. Он решил во что бы то ни стало похитить Сель. Проникнуть через дворец ему не удалось. Тогда он рискнул

на последнее средство. Достал канат, укрепил его на вершине горы, над Сокольным Гнездом, и спустился по канату к балкону Сель. Канат оказался коротким: до балкона не хватало всего каких-нибудь два локтя. Адиширна поднялся по канату, привязал конец его у ступни ноги и бросился вниз головой. Протянутые руки достали до рук Сель. Привыкшая к физическим упражнениям, сильная и ловкая, Сель сама поднялась по канату, а вслед за ней и Адиширна. Чтобы избавить няньку от царского гнева, Адиширна успел крикнуть ей о «крылатом драконе», который похитил царевну.

— Так удалось мне сорвать недоступную розу Золотых Садов, — закончил он рассказ, весело взглянув на Сель.

Акса-Гуам не понял этих слов, но Сель ласково улыбнулась Адиширне в ответ.

Дедушка Гуамф зашевелился.

— Ну, дети, мне пора... Цальна, наверно, давно уже ворчит. Навешайте старнка! А когда отчалят все корабли, спускайтесь с ваших гор. Здесь хорошо, да больно холодно... Жрецы говорят, что Атлантида погибнет в огне. А я так не очень им верю! Ну, погремит, потрясет, тем дело и кончится. Мало я на своем веку этих подземных толчков пережил! Земля прочно построена. Поверьте мне, старику!.. Да хранят вас боги!..

И он скрылся во мраке леса.

Акса-Гуам поселился в соседней пещере.

Но ему не легко было смотреть на счастливую пару. При виде Адиширны и Сель его рана — потеря Аты — болела сильней.

И он старался забыться в движении, пропадая целыми днями на охоте. Адиширна и Сель с эгоизмом влюбленных были очень довольны этим увлечением Акса-Гуама охотой. Акса-Гуам обеспечивал их провизией, и они все время могли проводить вместе. Они переживали «золотой век». Поглощенные своею любовью, они не думали о катастрофе. Кругом был простор нетронутой человеком природы. Далеко внизу, как игрушечный, виднелся великий Посейдонис; еще дальше — голубая пелена океана. Чистый горный воздух был наполнен ароматами горьких трав и хвои, близость пояса вечных снегов умеряла зной.

Особенно радостны были восходы солнца. Разноголосый хор птиц, румянец зари и разливающаяся по оке-

ану золотая река солнечных лучей приводили их в такой восторг, что они падали на колени перед восходящим светилом, воздевали руки и начинали петь гимн солнцу. Это было не религиозное обожествление солнца, но чистый восторг перед великолепием мира...

Потом приходил Акса-Гуам, уставший, часто окровавленный, и приносил на плече свежую дичь, горных коз, меха убитых зверей.

Пока аппетитно дымилось поджариваемое мясо, Акса-Гуам рассказывал о своих охотничьих приключениях...

И дни проходили незаметно.

Казалось, их «золотой век» никогда не кончится.

Но катастрофа сама напомнила о себе.

Еще накануне извержения вулкана в жизни леса стало твориться что-то неладное. Птицы срывались со своих гнезд и беспокойными криками целыми стаями тянулись к океану. Из земли вылезали змеи и большие ящерицы; змеи с шипеньем целыми клубками скатывались вниз. Среди деревьев мелькали горные козлы, лисичи и крупные дикие звери. Блеяли козы, звери рычали и бежали все в одном направлении — вниз. Ломая деревья и громко трубя, промчался слон-отшельник. В воздухе стояла необычайная тишина и то особенное напряжение, которое испытывают нервные люди перед грозой. Но земля была неподвижна. Уже несколько дней не чувствовалось ни малейшего колебания почвы. Однако непонятное беспокойство овладело обитателями лесов¹.

Адиширна и Сель уговаривали Акса-Гуама не идти на охоту.

— Пустяки! — ответил Акса-Гуам. — Сегодня-то и охотиться! Смотрите, козы бегут целыми стадами. Прощайте! Я скоро вернусь! — И он бодро зашагал в чашу.

Адиширна и Сель с тревогой проводили его глазами.

Акса-Гуам вышел на поляну и с изумлением остановился. Вся она была покрыта стадами бегущих коз. Он уже стал выбирать, в какую из них бросить копье, как вдруг ужасный толчок бросил его на землю. Как одна, упали и все козы, но тотчас поднялись и с жалостливым блеянием побежали вниз еще быстрее. Вслед

¹ Не только животные и птицы, но и некоторые люди инстинктивно чувствуют приближение вулканических катастроф. — Ларсон.

за толчком раздался взрыв необычайной силы. Человеческое ухо не способно было уже воспринять его как звук. Акса-Гуаму показалось, что его ударили в оба уха. Он опять упал, почти потеряв сознание. Лежа на земле, он увидел, как над самым высоким горным хребтом вздымается огромный столб пара. С оглушительным грохотом жерло вулкана выбрасывает целые горы мелких и крупных камней. Пар, вода и пепел, поднимаясь все выше, распластывались над вершиной, как зонтик. Небо быстро затягивалось мглой. Над вулканом в несколько минут образовались темные тучи. Засверкала молния, загредел гром. Дождь и мелкие камени затрещали по листьям деревьев и скалам. Ухо несколько привыкло к грохоту вулкана и уловило новые звуки: отдаленный рев, быстро приближающийся.

— Откуда этот рев? — воскликнул Акса-Гуам и вдруг увидел, что столбы пара и тучи окрасились багровым светом...

— Огоны!.. Огонь и горячий пар растопили вековые льды и снега на вершине гор!..

Так оно и было. Через несколько минут огромные водопады уже неслись с вершин гор, увлекая в своем течении тысячепудовые камни, стволы деревьев, барахтавшихся животных и зверей.

Еще минута — и один из водопадов обрушился в долину, на высоком берегу которой находился в это время Акса-Гуам. Путь к пещере был отрезан. Нечего было и думать перебраться через это бешеное течение... Приходилось думать лишь о собственном спасении.

Пары спускались ниже, наполняя воздух удушливым запахом серы и углекислоты... Кружилась голова... Несколько камней больно ударили по телу... Акса-Гуам поднялся, обмотал голову шкурой леопарда, которая была на нем, и бросился вниз, по горному кряжу, разделяющему два потока.

Высеченная из скал статуя Бога-Солица преграждала путь водопадам, и они растекались по обе стороны. Священный Холм не заливался водой, и туда бежал Акса-Гуам...

С величайшими усилиями ему удалось добраться до Холма.

Но здесь он увидел новые ужасы — ужасы человеческого безумия.

Сюда, на Холм, собрались брошенные, обреченные

на гибель рабы. Власти больше не было. Не было ни царей, ни жрецов, ни воинов. Все были свободные, вольные, все были равны. И все были безумно богаты... Да, да!.. В Атлантиде остались еще несметные богатства. Землетрясение разрушило скрытые сокровищницы, и из храмов, пирамид, дворцов просыпались прямо на дорогу, в грязь, целые горы золота, бриллиантов, изумрудов... Безумие охватило толпу... Рабы собирали драгоценности, набирали в мешки, дрались, отнимали друг у друга, убивали... Закапывали бриллианты, хватали пригоршнями драгоценные камни, жадно прижимали их к груди или вдруг разбрасывали с безумным смехом. И самоцветные камни горели в грязи, как капли крови, в багряном свете вулкана. Иные надевали роскошные, кованные золотом и усыпанные бриллиантами тяжелые облачения жрецов и праздничные одежды царей и с высокими коронами и тиарами на головах плясали безумный танец... И все это покрывалось непрерывным грохотанием вулкана...

«Что, если кто-нибудь из них узнает меня?» — в ужасе подумал Акса-Гуам.

Но все они были слишком возбуждены, чтобы понимать что-нибудь.

Близкий к безумию, он бросился к Черному городу.

«Дедушка Гуамф, Цальна!.. Что с ними?..»

Он был уже недалеко от их дома, когда новый подземный удар потряс почву. И вдруг громадная трещина разверзлась между ним и домом дедушки Гуамфа. Из недр земли поднялся пар, насыщенный серой.

В клубах пара он увидел, как на другой стороне трещины появилась девочка Ле, сестра Адиширны.

Она размахивала ручонками и что-то кричала.

Он не мог помочь ей... Ветер отнес в сторону пар, и он увидел, как большой камень, упавший с неба на голову Ле, замятво уложил кудрявую шалунью...

— Здесь больше некого спасать!.. — крикнул он с отчаянием и бросился к порту. В гавани еще стоял один из последних кораблей. Гребцы с усилием налегали на весла, но встречный ветер затруднял выход в открытый океан. Акса-Гуам бросился в волны и поплыл. Среди высоких бурных волн, освещаемых зловещим красным светом, виднелись головы рабов. Они плыли к кораблю, но немногие из них достигли цели: одних топили волны, других убивали падающие на головы кам-

ни с неба. Подплывавших совсем близко поражали с корабля метко пущенные копья.

Акса-Гуам упорно плыл, стиснув зубы. Мрак сгустился, волны поднимались все выше. Гребцы бились из последних сил и медленно подавали корабль вперед. Акса-Гуам увидел. Копья замелькали вокруг него. Акса-Гуам нырнул, проплыл под водою до самого корабля и слабеющей рукой ухватился за бронзовое кольцо...

ХVIII. ГИБЕЛЬ АТЛАНТИДЫ

Адиширна и Сель не пострадали от первого извержения, выбросившего массы паров, грязи и камней. Пещера укрыла их от каменного дождя, а потоки воды низвергались вниз бушующими водопадами по сторонам и водяной завесой с верхней скалы. В воде недостатка не было, а в пещере хранились запасы сушеных плодов и вяленого мяса, заготовленного Акса-Гуамом.

Но сам Акса-Гуам пропал бесследно. Адиширна и Сель оплакивали его гибель.

Прошло несколько дней.

Когда вода несколько спала, Адиширна и Сель вышли из своего убежища. Оглядевшись вокруг, они были поражены. Местность стала неузнаваемой. По сторонам пещеры еще бурлили потоки мутной воды. Громадные стволы лежали как трупы на поле сражения. Уцелевшие деревья, лишенные листвы, с поломанными сучьями наводили уныние. Вода пронзела громадные выбоины и колеи, вывернула и переместила скалы, нанесла кучи камней, ила и грязи, смешанной с пеплом. Среди поваленных деревьев и мусора виднелись вспухшие трупы животных и птиц.

Земля была опустошена, обезображена и пустынна. Мертвое молчание нарушалось лишь завыванием ветра.

Угрюмо и безотрадно было и небо. Солнце скрылось, и тяжелая пелена туч, пара и пепла задернула когда-то сияющий голубой полог неба.

Атлантида потеряла все свои краски и все свое величие... Адиширне казалось, будто он смотрит на ужасный, обезображенный труп любимого существа. Он

был потрясен как художник и человек. Мысль о неизбежной гибели впервые вошла в его сознание, чтобы не оставлять его.

Как испуганные, брошенные дети, прижались они друг к другу и долго с немим ужасом смотрели на опустошенный мир...

Слезы струились по щекам Сель.

Адиширна заметил их и поспешил успокоить свою подругу.

— Не печалься, Сель! Не все еще погнбло! Что было бы с нами, если бы мы раньше сошли вниз? Тебя отняли бы от меня и увезли далеко, а меня ждала неизбежная смерть. Но теперь мы подумаем о нашем спасении. Мы проберемся в порт и посмотрим, не осталось ли там какого-нибудь парусного судна. Если нет, я сколочу плот, прикреплю парус, и мы постараемся перебраться на восточный материк. Пролив невелик. И в нем много мелких островов¹. Завтра с рассветом мы двинемся в путь.

— О, если бы вулкан хоть несколько дней дал нам сроку... Завтра рано утром мы отправляемся в путь...

Но вулкан не дал им отсрочки.

В ту же ночь, когда Сель мирно спала на разостланных шкурах, а Адиширна обдумывал план бегства, подземные силы огня вдруг опять заработали. Извержение паров было только началом².

Сильный подземный толчок вдруг потряс пещеру. Большой камень оторвался от верхнего свода и ударил в плечо спящей Сель. Она вскрикнула от боли и проснулась. Адиширна подбежал к ней и быстро вынес из пещеры.

При свете костра Адиширна с ужасом увидел, что плечо раздроблено. Он готов был сейчас же нести на руках свою драгоценную ношу, но это было невозможно: вверху была отвесная стена, а внизу два бурных потока, обтекавших скалу, сливаясь, замыкали выход.

¹ Восточный материк — Африка, отделявшаяся от Атлантиды проливом. Когда-то они составляли одно целое. О мелких островах, лежавших между Атлантидой и Африканским материком, упоминается и у Платона. Верность этого упоминания нашла полное подтверждение, как и многое другое, рассказанное Платоном об Атлантиде. — Ларисон.

² Извержение вулканов чаще всего начинается выбрасыванием паров: иногда этим дело и кончается; но обычно вслед за этим следует извержение расплавленных масс лавы. — Ларисон.

Нечего было и думать перейти этот бурный поток с катящимися в нем камнями во тьме ночи, с живою ношей на руках...

Адиширна положил Сель на землю.

Оглушающий рев ветра, бушевание бури, громыхание камней, увлекаемых бурным потоком, удары грома, шум ливня, тьма... И вдруг, покрывая все звуки, из самых недр земли раздалось глухое рокотанье. Оно росло, приближалось, сотрясало почву. Дрожащая земля начала подниматься, опускаться, качаться из стороны в сторону. Подземный рев вырывающихся чудовищ огня все возрастал и вдруг превратился в оглушительный взрыв сверхъестественной силы. Вся верхушка конуса вулкана взлетела на облака. Обломки скал излетали в воздух, освещенные снизу все усиливающимся заревом расплавленной лавы, которая поднималась вверх по жерлу вулкана. Тучи стали багровыми, как будто они налились кровью. На темном фоне гор, с боку усеченной вершины вулкана, вдруг появилось пятно ослепительной яркости. Это расплавленная лава переплеснулась через край вулканического жерла. Скоро донеслось ее горячее дыхание. Воздух накалялся и все более насыщался серой и углекислотой. Становилось трудно дышать. Громадные камни, выброшенные на воздух, падали обратно в жерло. Прорывающиеся из недр земли, сжатые жерлом пары вновь выбрасывали их. Это создавало необычайный шум, лязг и грохот, словно работала какая-то чудовищная кузнца. Мелкие камни долетали до Адиширны и Сель и с сухим треском падали вокруг них. Адиширна был так поражен, что сидел неподвижно, устремив безумный взор на все увеличивающуюся ослепительную полосу у вершины вулкана.

Расплавленная лава, как солнечное ожерелье, опоясала уже всю вершину вулкана. Ожерелье ширилось, от него стали отделяться такие же ослепительные яркие «подвески»-потоки и стекать вниз по вековым пластам ледников. Лед плавился, превращался в пары, багровые в зареве вулканического огня. Новые бурные потоки воды устремились вниз.

Когда Адиширне казалось, что все уже потеряно, он с радостью заметил, что потоки лавы, охлаждаемые воздухом, почвой и водой, затвердевают, спускаясь ниже, медленно тускнеют и, наконец, покрываются тем-

новатой корой. По этой коре еще вспыхивают некоторое время, как искры потухающего костра, прорывающиеся струи расплавленной лавы. Постепенно гаснут и они. Но новые потоки лавы вдруг переплескиваются через край жерла и с необычайной быстротой катятся по гладкой и горячей коре уже застывшей лавы. Только достигнув ее края и расплываясь по холодной неровной почве, эти потоки замедляют движение и так же медленно застывают.

С каждым новым потоком лава спускалась все ниже, и пласт ее становился чем выше, тем толще.

От удушливого воздуха и тяжелой раны Сель потеряла сознание.

Адиширна держал ее на руках, как ребенка, пытался привести в чувство и машинально повторял:

— Только бы дождаться утра!

Он не знал, что утро давно настало, что день склонился уже за полдень, но небо и земля были погружены в тот же полумрак, освещаемый багровым светом вулкана.

Над вершиной вулкана кружились вихри пара и туч. В свете огня они казались пламенными. Молнии, как змеи, переживали этот хаос. Удары грома заглушались непрерывным грохотанием вулкана.

Ждать больше было нельзя. Уже довольно крупные камни падали все чаще вокруг них. Несколько камней ушибло Адиширну и Сель. Она дышала все тяжелее. Озаренное багровым светом, с мутными зрачками глаз и приоткрытым ртом, ее лицо, искаженное застывшей гримасой страдания, казалось лицом мертвеца.

Сам Адиширна дышал с трудом, часто вдыхая отравленный воздух широко открытым ртом. Он ощущал, как струи горячего ливня смешиваются на его теле с выступавшим холодным потом. Голова кружилась, в ушах шумело, стучало в висках...

Он с трудом поднялся, взял на руки безжизненное тело Сель и вдруг в изнеможении опустился на землю... Ноги дрожали от слабости и волнения. Почва колебалась, уходила из-под ног или вдруг вырастала, подламывая ноги в коленях. Он чувствовал, что близок к потере сознания. Усилием воли он поборол слабость. Завернув голову Сель и свою звериными шкурами, он отправился в путь, чувствуя в слабеющих руках как будто все увеличивающуюся тяжесть тела Сель. Он па-

дал вместе с Сель, слушал ее дыхание и вновь шел среди стоющего, искалеченного леса, спотыкаясь о камни. стволы и трупы животных, пока бурный поток не преградил ему путь. Адиширна остановился в нерешительности. Вода клокотала, огромные камни, увлекаемые потоком, гремели по острым выступам русла. Обернулся назад, как будто ища спасения. Но потоки лавы спустились еще ниже. Они уже почти достигли их покинутой пещеры... Надо было решаться.

Адиширна искал переправы.

Собрав силы, он стал переходить поток вброд. Но бурное течение сразу сбило его с ног, и он погрузился вместе с Сель в воду. В тот же миг он был прибит к берегу, больно ударившись боком о скалу. С трудом вышел он на берег и положил Сель. Вода несколько освежила его. Сель подавала слабые признаки жизни.

Отдохнув, он пустился в дальнейший путь. Здесь было уже меньше падающих камней, деревья сохранили часть листвы, и она задерживала проникновение удушливых газов. Дышать стало легче, и Адиширна ускорил шаги. Но идти было трудно, почва колебалась по-прежнему. Приходилось обходить трещины и образовавшиеся складки горной породы. Наконец он спустился на Священный Холм.

Здесь уже не было того безумного возбуждения, которое наблюдал Акса-Гуам. Большинство рабов укрылось в подземельях. На улицах встречались сошедшие с ума. Их было много. Они хохотали, прыгали и размахивали руками или отчаянно рыдали и рвали на себе волосы. Иные сидели на земле, неподвижные, безучастные ко всему, как статуи...

Новый подземный удар потряс землю. С вершины вулкана поднялся столб дыма и огня, вознесся выше туч; раскинулся над кратером, как распушенный зонтик, и вдруг стал быстро спускаться на землю.

При первом же порыве ветра, принесшем клубы едкого дыма, Адиширна почувствовал присутствие в воздухе отравленных паров. Он задыхался. Бежать в порт было поздно... Адиширна оглянулся кругом и увидел, что он находится у дворца Апро-Шану, Верховного жреца, хранителя Высших Тайн. Ворота в стене, ограждавшей сад, были открыты. Он бросился в сад, вбежал во дворец и по знакомым коридорам спустился в подземное помещение.

Здесь воздух был чище. Но все стены дали трещины. Он вбежал в библиотеку и остановился в изумлении. Потолок комнаты обвалился и в образовавшийся пролет было видно багровое небо. На полу валялось несколько трупов рабов, служивших у Ацро-Шану, придавленных обрушившейся частью потолка. У одного из столов стоял светильник. Груды бронзовых пластинок лежали на столе.

У стола сидел сам Ацро-Шану в своей черной жреческой одежде. Спокойный, как всегда, он старательно писал стилосом на бронзовой пластинке.

— Ты здесь?! — в изумлении воскликнул Адиширна.

Ацро-Шану поднял голову и посмотрел на Адиширну. Насмешливый огонек сверкнул в его живых черных глазах.

— А! «Крылатый дракон» слетел с гор и принес похищенную голубку?..

Адиширна опустил Сель на пол и начал приводить ее в чувство.

— Оставь ее! — строго сказал Ацро-Шану. — Забвение — ценный дар природы. Не лишай ее этого дара. Иди сюда!

Адиширна повиновался. Укрыв Сель, он подошел к жрецу.

— Ты не уехал? — спросил он жреца.

— Я умру с Атлантидой, — спокойно ответил Ацро-Шану и с улыбкой прибавил: — И потом надо же кому-нибудь вести летопись. Без записи событий этих последних дней Атлантиды ее история не будет полна.

— Но какой смысл, если Атлантида погибнет?.. — с недоумением спросил Адиширна.

— Погибают народы, живет человечество, — ответил Ацро-Шану¹. — Расскажи мне, что происходило с тобой и что ты видел, — я запишу. Все мои рабы погибли, и круг моих наблюдений ограничен.

Было что-то властное в словах Ацро-Шану.

Адиширна, как в полусне, начал рассказывать. Ац-

¹ Ацро-Шану, очевидно, обладал большим историческим кругозором; он писал для истории, для «нас», которые будут жить много тысячелетий спустя; и он не ошибся: мы нашли эти записи, и они дали чрезвычайно ценный материал, который я использовал и для настоящей повести. Научная ценность «бронзовой библиотеки» Атлантиды известна всему ученому миру. — Ларисон.

ро-Шану старательно записывал, иногда задавал вопросы.

Пол, стены и мебель дрожали, бронзовые пластинки позванивали и передвигались на столе, качало стул, на котором сидел Акро-Шану. Струи ливня заносились в пролет обрушившегося потолка и лужами растекались по полу, смешиваясь с лужами крови убитых рабов, а Акро-Шану писал спокойный и бодрый, как всегда.

Удушливые газы начали постепенно проникать и сюда. У Адиширны кружилась голова.

Он смотрел на каменные плиты, пытаясь в затуманенном сознании восстановить какое-то событие, и никак не мог понять: кажется ли это ему, или в самом деле каменные плиты пола отходят друг от друга, между ними образуется трещина, она все растет. И вдруг он ясно осознал, что это не сон и не бред: громадная трещина прошла по полу, превратилась в зияющую щель и отделила его от Сель. Сель, лежащая на другой стороне образовавшейся трещины, вдруг вместе с полом отплыла куда-то от него. Толстые стены шатались, с треском рвались, разваливались, все качалось и рушилось. Акро-Шану вместе со своими таблицами и стилосом в руке куда-то внезапно провалился...

Адиширна бросился к трещине в полу и протянул к Сель руки, но что-то ударило его в плечо и свалило с ног. Он упал на пол и увидел, как пропасть между ним и Сель со все ускоряющейся быстротой увеличивалась, превращалась в бездну, которая быстро заполнилась огнем. Стены далеко отошли друг от друга, открывая вид на вулкан и океан. Пол высоко поднялся, и Адиширна, уже теряя сознание, увидел последнее: как пропасть разодрала на две части весь материк через горный хребет от берега до берега океана. Открывшаяся бездна была полна огня. Океан устремился в эту огненную бездну. Вода превратилась в пар и рвала материк еще больше, освобождая новые огненные массы... Безумная борьба стихий... Все это длилось, быть может, несколько мгновений...

Адиширна стремительно полетел вверх, вместе со всем Священным Холмом, достигая косматых туч, и потом так же стремительно упал вниз и погрузился в бездну океана с Посейдонисом, со всеми храмами, пирамидами, маяком, горною цепью, людьми и животными.

Конец!

В одну ночь Атлантиды не стало.

На том месте, где стоял цветущий Остров Блаженных, заклокотала в бешеном водовороте гигантская воронка, превосходящая размерами величайшие материи.

Огонь и пары прорывались через нее и вырастали в огненно-водяные конусы.

Постепенно затихла эта борьба воды и огня, пока над погибшей Атлантидой не успокоилась гладь океана, усеянная всплывшими стволами деревьев, трупами людей и животных.

ХІХ. КОРАБЛЬ МЕРТВЕЦОВ

Большой корабль, расшатанный, без мачт, без весел, увлекаемый стремительным течением, плыл по бурному океану под темным, свинцовым небом, с которого падал зловещий, сумрачный свет.

Казалось, небо, отягченное косматыми громадами туч, обрушилось на океан. А океан в бешеном порыве заплескивал вершины громадных водяных гор за облака. Ураган с ливнем, волны и тучи неслись в дикой пляске, обнимаясь, смешиваясь в безумном хаосе стихий.

Рев ветра и грохот разъяренных волн потрясали полуразбитый корабль, и он трещал, скрипел и дрожал предсмертной дрожью раненого животного.

Ураган обгонял тучи и воли, волны обгоняли корабль, и все вместе они неслись с бешеной скоростью, будто низвергаясь с поверхности земли в мировую бездну. От времени до времени огненные снопы разрывали темные тучи, громовой раскат заглушал рев бури. На мгновение молния освещала водяную вершину, в которую она зарывалась с чудовищным шипением, окутывая паром место падения.

При вспышке молний во мраке пяти палуб были видны сидящие один за другим рабы, прикованные цепями.

Все они были мертвы.

В трупном оцепенении они еще держали скрюченными пальцами обломки тяжелых весел. В остекленев-

ших глазах застыл последний ужас смерти. Ветер трепал уцелевшие тряпки на их полуобнаженных телах.

Все они разделили участь поработившего их «Государства Солнца». В пучине океана и огне вулканов погибла великая Атлантида, вслед за нею погибли ее рабы...

Погибли и спасавшиеся бегством жрецы.

Только в одном человеке сохранилась еще жизнь.

Суровый старик с длинной седой бородой, живой еще под саваном воды, струившейся по его черной длинной одежде, стоял на носу корабля, со взглядом темным и ледяным, в котором чувствовалось дыхание бездны, и крепко сжимал руками треножник, поддерживающий медный диск.

Жрец пытливо всматривался во мрак, ниспадая с берега сохранившегося еще мира, где корабль мог бы пристать.

В короткие мгновения, когда сквозь тучи проглядывало небо, атлант по звездам пытался определить направление.

Огромные волны вздымались на пути и сдерживали быстроту движения корабля.

Корабль входил в одну из многочисленных флотилий, отплывавших от берегов обреченной Атлантиды, когда ее гибель стала очевидной.

Один из многих...

Что случилось с остальными кораблями?..

Первой отплыла из Атлантиды флотилия с царствующим домом и семьями жрецов. Жрец сопровождал эту флотилию.

Она пересекла африканский пролив и высадилась на берег.

В это время Атлантида уже вся дрожала от потрясших ее подземных ударов, а в ее столице — великом Посейдонисе многие здания дали трещины. Сгустился мрак, шел непрерывный ливень. Изредка еще проглядывавшее солнце было красно и тускло: разгневанный лик божества. Жрец вспомнил печальный караван, который потянулся в глубь Африки. Караван тот напоминал собой погребальное шествие. Да так оно и было: умирало «Государство Солнца», гибли великие Острова Блаженных, погибала высокая цивилизация...

Бесконечной лентой потянулся караван через кус-

тарники и леса Западной Африки, откуда атланты набирали себе рабов. Все дальше и дальше двигалось это мрачное шествие, до стран Тольтеков, Майя и Карли...

Тянулись дни более мрачные, чем ночь. Рыдали женщины, кричали дети, стонали рабы, подгоняемые плетями, ревели ослы и верблюды. Тяжелые бронзовые колесницы тонули в грязи. Красный свет факелов вырывал из тьмы то золотую статую бога, мерно покачивающуюся на руках жрецов, то громадную, лоснящуюся от дождя тушу священного слона, то блестящие бронзовые копья и мечи, то испуганное лицо матери с ребенком на руках...

На мгновение свет упал на золотые носилки. Из них выглянуло лицо того, кто так недавно владел миром: последнего царя Атлантиды, Гуана-Атагуерагана.

«Власть атлантов должна быть незыблемой, как сама земля», — вспомнил жрец любимую фразу царя. И вот он, бледный, измученный, владыка мира, еще более жалкий, беспомощный и ничтожный от желания сохранить маску величия и гордости...

Вой урагана и свист смерча сливались все звуки в один долгий, непрекращающийся однообразный вопль умирающей земли...

Доставив на африканский материк этих первых беглецов, жрец вернулся в Атлантиду руководить отплытием остальных флотилий.

Мрак сгустился над Атлантидой еще больше. Почва лихорадочно дрожала. Все чаще следовали короткие толчки, один сильнее другого. Посейдонис освещался факелами. Одна из вершин вулкана курилась, и над ней стояло зловещее багровое зарево. Многие здания уже обрушились.

Жрец прошел на Священный Холм, к храму Посейдониса. Сюда доносились шум толпы, рыдания народа, покинутого и обреченного на смерть или изгнание. Этот шум заглушался громоханием вулкана, который тяжело дышал и будто собирался с силами.

Каста жрецов отплыла с последней флотилией. В Атлантиде остались только покинутые рабы. Остались еще некоторые граждане, слишком привязанные к своей солнечной родине и не верившие в близкую гибель Атлантиды.

Вершина вулкана была вся в огне, когда на последней флотилии стали поднимать бронзовые якоря. Под-

темные удары чувствовались даже на воде, и корабли вздрагивали.

Наконец корабли отчалили, оставляя навсегда цветущую Атлантиду. Аромат ее цветов смешивался теперь с удушливым запахом вулканической серы.

Вся гора, у подошвы которой стоял храм Посейдона, была теперь освещена, но не благодным, радостным светом Бога-Солнца, а страшным, кровавым подземным огнем.

Оставшиеся на берегу рабы протягивали руки к отплывающим кораблям, падали на колени, умоляя взять их. Многие бросались вплавь, доплывали до кораблей, цепляясь за весла, и мешали грести. Тогда меткие стрелы с бронзовыми наконечниками и копья, пущенные с палуб, убивали их.

Женщины с берега протягивали детей или грозили кулаками и бросали вслед отходящим кораблям камни. Некоторые из них сходили с ума и с безумным смехом кидали детей в море...

Корабли вышли из бухты; ветер сразу натянул паруса на треугольных мачтах и понес беглецов во мрак, по безбрежному океану, в неизвестное будущее. И вот он один... Быть может, единственный уцелевший из всех отплывших с последней флотилией...

Куда понесет его течение? Увидит ли он когда-нибудь солнце?

День ото дня воздух становился холоднее. Тучи все еще покрывали небо, но цвет их приобретал серый оттенок. Таким же серым был океан.

День уже можно было отличить от ночи. Днем сумрачный, серый полусвет освещал корабль, синие, застывшие лица мертвых, их тусклые глаза.

Холод пронизывал ледяным дыханием тело жреца, привыкшее к теплу вечного лета. Но с наступлением холода уменьшился трупный запах от людей и животных, погибших на корабле.

Окоченевшими от холода руками жрец натянул на себя меховую одежду, которая хранилась среди запасов корабля.

Жрец заметил, что течение движется в косом направлении, то замедляясь, то вновь овладевая кораблем. Корабль вошел в область подводных рифов.

Наконец изгнанник увидел берег земли.

Безотрадные, угрюмые, дикие скалы, покрытые снегом, высились над серым океаном...

Медленно падали с серого неба крупные хлопья снега...

Так вот она, новая земля, где придется ему окончить свои странствования!..

Быстрое течение принесло корабль к берегу и выбросило на отмель.

Последний атлант сошел на землю¹.

Суровый старик поднялся на бугор и осмотрел чуждый, враждебный мир.

Кругом было мертво и пустынно. Только неизвестные птицы с резким криком летали над волнами океана.

Наступила ночь. Странник укрылся в пещере, зажег священный огонь, поставил треножник с диском солнца, протянул к согревающему свету заочевенвшие руки и слабым надтреснутым голосом запел гимн Солнцу...

Он долго сидел в эту ночь. И пляшущее пламя костра освещало его скорбное, задумчивое лицо...

Наконец, истомленный усталостью, он уснул, завернувшись в меховой плащ, грезя о солнце Атлантиды.

Наутро он стал устраиваться на новом месте. Перетащил с корабля бронзовые инструменты и оружие. При помощи корабельных досок соорудил дверь в пещеру. Сложил в ней запасы продовольствия и шкатулки, в которых хранились священные книги и семена.

Каждое утро он поднимался задолго до восхода солнца, шел на берег моря и ждал восхода солнца.

Небо по-прежнему было затянуто серой пеленой. Но он верил: солнце вернется — воскреснет сияющий бог.

И оно вернулось после одной ясной, морозной ночи.

Северный ветер, поднявшийся с вечера, снял с неба серую пелену, открыв темно-синее небо, на котором сверкали неизвестные созвездия.

Утро прошло такое же ясное и морозное. На востоке небо окрасилось розовым светом утренней зари.

И вдруг из-за горизонта поднялось солнце...

Оно казалось изможденным пережитой борьбой с силами мрака.

¹ Следы атлантов найдены на северном берегу французской Бретани. — Ларисон.

Но его бог был с ним после долгой, бесконечной начальной разлуки.

На одно мгновение солнце будто остановилось над самым морем, по обе стороны его диска тянулись края горизонта. А прямо от солнца, по морю, прошла к берегу, на котором стоял жрец, золотая полоса, как золотой мост от солнца к человеку.

В этот момент диск солнца, линия горизонта и золотая полоса на поверхности океана составляли фигуру, удивительно напоминающую священный символ атлантов, который можно найти везде: у Полярного круга и у тропиков, в Южной Америке и в глубинах Средней и Восточной Азии.

Суровый, седой жрец, взволнованный и растроганный, упал на колени, протянул руки к восходящему солнцу и запел гимн Солнцу.

Голос его окреп.

Простая, но красивая и торжественная мелодия зазвучала над пустынными берегами, будя эхо в прибрежных скалах...

Он пел о могуществе трижды священного бога, который побеждает ужасы мрака, дарует людям радостный свет и тепло, придает земле многообразие красок, наливает соком плоды и исцеляет болезни.

Он пел о солнце, которое превращается в горячую кровь человека, и в сладкий сок винограда, и в золотое зерно.

Он пел о солнце, которое есть радость и жизнь.

Он пел и не видел, как, привлеченные его пением, из-за утесов показывались белолицые люди в звериных шкурах, с голубыми глазами и русыми волосами. На кожаных ремнях у них висели каменные топоры.

Они с недоумением смотрели на диковинного старика в длинной черной одежде, поющего на незнакомом языке.

Откуда он взялся?.. Что ему здесь нужно?.. Какую опасность таит он в себе?..

XX. ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ АТЛАНТИДЫ

Суровый климат оказался губительным для старого атланта. Вскоре после высадки на берег он заболел. Вспомнив о том, что в полуразрушенном, выброшенном на берег корабле хранились запасы лекарств, жрец, преодолевая слабость, поднялся на его палубу.

И вдруг ему показалось, что он бредит.

У одной из мачт, греясь в бледных лучах северного солнца, сидел человек. Лицо его было измощено и носило следы болезни. Но все в нем обличало жителя Атлантиды: удлиненные череп и нос, черные волосы, цвет кожи золотисто-бронзового оттенка, одежда...

Жрец подошел ближе. Нензвестный оглянулся, и оба они одновременно воскликнули:

— Шитца!

— Акса-Гуам!

Они стояли в нерешительности: жрец Шитца и Акса-Гуам, примкнувший к восстанию рабов против Священного Холма, обреченный на смерть царем и жрецами...

И они дружески протянули друг другу руки в знак приветствия.

В эту ночь бывшие враги долго сидели у костра и рассказывали о пережитом.

В ту ужасную ночь, когда произошло первое извержение вулкана, Акса-Гуам вплавь достиг последнего отплывавшего корабля и уцепился за бронзовое кольцо. Под покровом ночи, по канату ему удалось проникнуть через полуоткрытый люк в трюм корабля, где он и скрывался во все время путешествия. От недостатка свежей пищи у него сделалась какая-то неизвестная в Атлантиде болезнь: опухли ноги, зубы шатались, десны кровоточили¹. Воздух был отравлен трупным запахом. Если бы не близость люка, через который проникал свежий воздух, он задохнулся бы. Он перенес необычайные мученья и уже почти не мог двигаться от слабости и боли в опухших ногах, когда корабль прибило к берегу.

Свежий воздух и солнце медленно возвращали ему силы.

¹ Нет сомнения, что это была цинга. — Ларисон.

Шитца, в свою очередь, рассказал ему о своих странствиях, вплоть до встречи с ним.

— Здесь живут белокурые люди в одеждах из звериных мехов. Это дикари, которые делают грубые топоры и ножи из отесанных камней¹. Они не умеют обрабатывать землю и питаются сырым мясом убитых животных. Даже добывание огня неизвестно им. Они едва не убили меня. Но вид разведенного мною костра привел их в священный трепет, а наше блестящее бронзовое оружие — в необычайный восторг. Теперь они почти боготворят меня. Язык их груб и беден. Он напоминает скорее язык животных, чем людей: рассерженные, они ворчат по-зверному, а нападая на зверя или врага — рычат, режут и лают, как он. Но они любопытны и переимчивы. Они понимают ласку, и тогда становятся доверчивыми, как дети... Кто знает, может быть, когда-нибудь и они станут такими же людьми, как атланты!

Шитца устал и закрыл глаза.

Он тяжело дышал. Лихорадочный огонь пожирал его и зажег румянец на старом, изможденном лице.

— Я скоро умру... Как хорошо, что я встретил тебя!.. Ты закроешь мне глаза и похоронишь по нашему обычаю. Проходит все... народы умирают, как человек, и гибнут целые государства... Быть может, ты последний человек из Атлантиды. Что случилось с другими?.. Умрешь и ты, и память об Атлантиде изгладится в грядущих тысячелетиях... Скоро восход... Вынеси меня на берег...

Акса-Гуам вынес жреца и положил лицом к востоку.

Шитца не мог уже говорить. Он смог только улыбнуться первым лучам солнца и умер.

Акса-Гуам остался один, — быть может, один во всем мире, последний человек из Атлантиды.

Он познакомился с обитателями этих унылых мест и скоро завоевал своими знаниями их глубокое уважение.

Когда настала весна, он научил их обрабатывать землю и засеивать вспаханные мотыгами поля. Он научил их добывать огонь посредством трения сухих кусков дерева или высекая искру из кремня в сухие ли-

¹ В то время как Атлантиде было уже известно изготовление бронзы, Европа переживала еще каменный век. — Ларисон.

стья и мох. Многим ремеслам и знаниям научились они от него. Одни из них стали оседлыми земледельцами, другие продолжали заниматься охотой и войнами. А в долгие зимние вечера он рассказывал им чудесные истории о Золотом веке, когда люди жили счастливые, среди вечно цветущих садов и деревьев, которые дают плоды несколько раз в год, — жили, не зная забот и нужды... Говорил о богатстве и великолепии Островов Блаженных, о Золотых Садах с золотыми яблоками, о героических битвах и об ужасной гибели целого народа и страны.

Люди слушали эти рассказы с захватывающим любопытством детей, передавали друг другу, прибавляли и украшали эти повествования от себя, берегли, как священное предание.

КОММЕНТАРИИ

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ АТЛАНТИДЫ

В сносках, обозначенных цифрами (в том числе — в «комментариях Ларисона»), даны примечания автора.

Стр. 5. Имеется в виду первая мировая война 1914—1918 годов.

Стр. 6. Рузвельт, Теодор (1858—1919) — двадцать шестой президент США (1901—1909) от республиканской партии.

Леонардо да Винчи (1452—1519) — великий итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер. Рафаэль Санти (1483—1520) — знаменитый итальянский живописец и архитектор.

Корреджо (ок. 1489—1534). В настоящее время принято написание Корреджо. Подлинное имя — Антонио Аллегри. Известный итальянский живописец школы Высокого Возрождения.

Стр. 11. Платон (427—348 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа. В 387 году до н. э. основал в Афинах Платоновскую Академию. В двух своих произведениях — диалогах «Тимей» и «Критий» — впервые изложил предание об Атлантиде.

Стр. 16. Адширна Гуанч. — Беляев включил в имя своего героя название гуанчей — народа, населявшего до испанского завоевания (XV век) Канарские острова; впоследствии большая часть гуанчей была вывезена и продана в рабство, остальные смешались с испанцами. Многие атлантологи считают гуанчей потомками атлантов.

Стр. 18. Фелюга — небольшое беспалубное судно с косым четырехугольным парусом, предназначенное для рыболовства и перевозки мелких грузов (грузоподъемностью около 5—6 тонн); распространена по всему бассейну Средиземного моря, на Черном, Азовском, Каспийском морях. Гондола — одновесельная плоскодонная лодка с поднятыми резными носом и кормой.

Стр. 51. Пентакль (лат.) — пятиконечная звезда.

Мёртвая ГОЛОВА

І. В ПОГОНЕ ЗА СЛОВОЙ

— Сбор ровно в полдень на этой поляне.

Жозеф Морель кивнул головой двум своим спутникам, поправил за спиной дорожный мешок и, помахивая сачком для ловли насекомых, углубился в чащу.

Это были владения пальм, папоротников и ллан.

Морель беспечно напевал веселую песенку, зорко всматриваясь сквозь стекла очков в зеленоватые сумерки тропического леса. Молодой ученый был в наилучшем настроении. Ему повезло в жизни. Морелю не было еще сорока лет, а он уже имел звание профессора. Его труд о пауках удостоился премии, и вот теперь он получил научную командировку в Бразилию, в малоисследованные верховья реки Амазонки, этого рая для энтомологов.

«Науке известно двести тысяч видов насекомых. Чарлз Риде допускает, что их не менее десяти миллионов. Каждый год описывается не менее шести с половиной тысяч новых видов. Будет недурно, если прибавится в этом году еще шесть тысяч, открытых Жозефом Морелем. Какой великолепный памятник из насекомых воздвигнет себе Морель!» — уносился в честолюбивых мечтах профессор. И мечты его были вполне осуществимы. В этом лесу хватило бы материала не на один «памятник». Пестрые кусочки будущего величия Мореля в виде красивых разноцветных бабочек носились перед ним, как хлопья снега. Надо было только собрать воедино эти сверкающие всеми цветами радуги хлопья — и научное бессмертие Мореля обеспечено. Его зоркий глаз ученого уже заметил несколько не-

обычных форм бабочек, но Морель не спешил. Среди этого неистощимого богатства он мог позволить себе роскошь быть разборчивым. Притом его больше интересовали пауки, а здесь их встречалось мало.

Чем больше углублялся Морель в чашу, тем гуще становились тени, молчаливее лес. Огромные стволы пальм, как колонны, уходили высоко вверх, закрывая свет солнца сплетающимися листьями. К косматым стволам пальм присосались растительные паразиты — орхидеи и бромелии. А внизу молодые пальмы и папоротники разбрасывали свои веерообразные листья, образуя густой подлесок. И от пальмы к пальме, от ствола к стволу протянулись, как змеи, узластые лианы — эти проволочные ограждения тропических лесов. Местами ярко-желтый луч солнца прорезал зеленоватый полумрак леса, и в золоте лучей вспыхивало красное крыло попугая, бриллиантом сверкал пролетевший колибри, пламенем зажигался цветок орхидеи.

— О-а! О-а! Ха-ха-ха! — резко кричал попугай. Ему отвечала большая обезьяна. Вися на хвосте, она ритмически раскачивалась, пытаясь дотянуться рукой до попугая. Но попугай, прикинув расстояние скошенным глазом, сидел неподвижно и продолжал свое ворчливое «о-а», как сосед, который затеял ссору от скуки. Две маленькие обезьянки заметили человека и некоторое время следовали за ним, ловко перебираясь на руках по лианам. Одна обезьяна ухватила за хвост другую. Та завизжала, оскалила зубы, и вот они начали драться, забыв о Мореле.

Лес жил своей жизнью.

Ноги Мореля мягко ступали по устланной мхом и перегнившими листьями земле. Становилось все труднее идти. Влажный, оранжерейный воздух был наполнен ароматами цветов и растений так сильно, что Морель задыхался. Как будто над этим лесом прошелливень из одуряюще пряных духов. Сачок путался в ветвях. Морель падал, зацепившись за лианы или поваленные стволы, обросшие мхом. Ученый прошел не более трех километров, а уже чувствовал усталость и весь был покрыт испариной. Он решил выйти на открытое место. Осмотревшись, Морель заметил вправо от себя светлое пятно, как будто там занималась заря, и пошел на этот просвет. Скоро он вышел на лесную прогалину, шедшую вдоль высохшего русла одного из бес-

численных мелких притоков Амазонки. В период дождей по этому руслу бушевала настоящая река, увлекавшая в своем стремительном течении бурелом. Но теперь дно было сухо и покрыто острыми болотными травами. Лишь по краям и кое-где по дну были разбросаны перегнившие стволы деревьев, оставшиеся от половодья.

Морель спустился в сухое ложе реки и вдохнул в себя более сухой и разреженный воздух. В ту же минуту его внимание было привлечено огромной бабочкой, имевшей размах крыльев более метра. Морель даже пригнулся, готовый к прыжку. В нем заговорил ученый и страстный охотник на насекомых.

«Совершенно новая разновидность *acherontia medor* (мертвая голова)», — подумал Морель, следя за полетом бабочки.

Спина бабочки была не бурая с серовато-голубым отблеском, как обычно, а золотистая, с темно-синим рисунком черепа и скрещенных костей. Передние крылья ее были такого же золотистого цвета, а задние — лазоревые. Морель с огорчением подумал о том, что его сачок слишком мал, чтобы захватить такое большое насекомое. Но выхода не было. Он должен был поймать эту бабочку, хотя бы с риском повредить ей крылья. И Морель прыгнул на бабочку, взмахнув сачком. Потревоженная бабочка издала свистящий звук и полетела вдоль ручья, как бы подзадоривая охотника. Морель, прыгая и падая, побежал за ней. Еще за минуту до этого единственным его желанием было растянуться в траве и отдохнуть. Но теперь он забыл об этом и стал гоняться за бабочкой с таким жаром, как будто ловил собственное бессмертие. А бабочка, медленно махая мягкими крыльями, продолжала манить его за собой, как болотный огонек, ловко увертываясь от сачка в своем зигзагообразном полете. Русло реки извивалось, разветвлялось на несколько русел, делало крутые повороты, что еще больше затрудняло погоню. С Мореля пот лил ручьями, заливая глаза; мешок за спиной и ящик для насекомых болтались на нем, как на избешенном верблюде, но он ничего не чувствовал и не видел, кроме порхавшего в воздухе «золотого руна»*. Десятки раз он был близок к победе и уже издавал торжествующий крик, но бабочка была неуловима, как сказочная «синяя птица»**. Морель давно уже перестал замечать дорогу для обратного пути. Если бы сей-

час половина Бразилии провалилась сквозь землю, он не заметил бы, загнипнотизированный «мертвой головой».

Крутой поворот русла — и перед Морелем внезапно поднялась целая стена бурелома, преграждавшая ему путь. Бабочка легко вспорхнула и перелетела бурелом. Морель бросился на приступ и тотчас увяз в перегнившей трухе. Тогда он побежал в обход. Но время было упущено. Бабочка порхала вдали и скоро скрылась за кустами парагвайского чая. Еще раз мелькнули золотисто-лазоревые крылья над густо-зелеными листьями молочайника и исчезли...

Морель пробежал несколько десятков метров с упорством отчаяния, но все было напрасно. Бабочки не было. Почти без сил ученый опустился на траву и бросил сачок.

«В конце концов не одна же такая бабочка существует в этих лесах!» — успокаивал он себя, несколько отдышавшись.

II. ЧЕЛОВЕК И ПАУК

Раскинув широко руки, Морель лежал на спине, давая отдых своему измученному телу. Потом он поднялся и посмотрел на часы. Десять часов сорок пять минут. Пожалуй, он опоздает к завтраку. Морель огляделся, чтобы сообразить, в какую сторону ему идти. Прямо перед ним к высохшему руслу ручья скатывалась застывшим водопадом зеленая масса леса. Позади него почва отлого поднималась. Здесь были владения папоротников. Сочные, огромные, с пышной темно-зеленой листвой, они покрывали здесь склон.

«Какая буйная, пышная растительность! — с невольным восхищением подумал Морель. — Целый лес папоротников! Можно подумать, что я каким-то чудом перелетел в прошлое, за триста миллионов лет, в каменноугольный период...»

Этот уголок леса был молчалив, как миллионы лет назад. Ни зверей, ни птиц... Только насекомые — мириады насекомых, летавших в воздухе, ползавших по листьям деревьев, копошившихся в траве... Пауки! Их

было больше всего. Они протягивали огромные полотна паутины между папоротниками, пронизывали воздух тончайшими нитями, кишели среди мха и корней. Казалось, сюда собрались пауки со всего света — от едва заметных микроскопических паучков до огромных волосатых птицеядов. Темно-коричневые, красные, полосатые, черные, серые — всех цветов и окрасок пауки наполняли воздух и землю. Даже в луже, сохранившейся в русле высохшей реки, копошились водяные пауки. От такого необычайного количества «дичи» у Мореля перехватило дыхание. На одном квадратном метре здесь было пауков больше, чем в университетском музее! Морель был поражен. Мысль его работала лихорадочно. Он классифицировал, с жадностью истого ученого намечая жертвы своей любознательности.

Огромный, величинной с кулак, паук, покрытый темно-коричневыми полосами, набежал на Мореля, с недоумением остановился и вдруг принял самую воинственную позу: поднялся на задние ноги, так что стало видно его брюшко, передние ноги приподнял, как боксер, готовый нанести удар, и неожиданно бросился на Мореля. Ученый едва успел отбежать от врага в сторону и оглянулся. Паук не преследовал его, но длинные черные серповидные челюсти насекомого угрожающе двигались. Морель знал, что укус этих челюстей иногда на много лет оставляет после себя острую боль. И все же ученый не мог отвести глаз от паука, до такой степени интересовало его это страшилище. И они смотрели друг на друга несколько минут — человек и паук, два существа, разделенные полумиллиардом лет происхождения. Морель уже не смотрел на паука как на свою жертву. В эти мгновения их роли поменялись. У него невольно пробуждался страх далеких предков человека перед своим извечным врагом. В душе человека каменного века этот небольшой по размерам враг возбуждал едва ли не больший ужас, чем огромный, как гора, мастодонт. Малый размер паука при его необычайной подвижности делал его особенно опасным. Паука трудно было убить, он подстерегал человека повсюду, нападал внезапно и поражал прежде, чем человек успевал шевельнуть рукой. Впервые за все время своей ученой деятельности Морель посмотрел на паука не как на интересный экземпляр для коллекции, а как на страшного врага. К счастью для Мореля, у

паука были дела поважнее. Помахав несколько раз мохнатыми лапами, как бы грозя кулаками, паук неожиданно повернулся и скрылся за папоротником.

Урок был дан. Морель уже с осторожностью ступал по траве, стараясь не задеть кишевших в ней пауков. Завидев черного тарантула, он обошел его сторонкой и сделал огромный прыжок, чтобы перескочить через многоножку...

«У гаучосов есть хорошая баллада, — думал Морель, пробираясь к руслу, — о том, как на город Кордову некогда напала армия чудовищных пауков. Жители вышли за город с ружьями, барабанами и развевающимися знаменами, чтобы отразить нападение, и начали стрелять; но после нескольких залпов люди побросали ружья и обратились в бегство, не будучи в силах сдержать несметные полчища пауков. Я думаю, это вполне возможная история».

Мысли Мореля были неожиданно прерваны. С угрожающим видом прямо на него бежал новый враг — паук необыкновенных размеров, ярко-серого цвета, с черным кольцом посередине туловища.

«*Lycosa* (лнкоза)», — по привычке определил Морель, в то время как ноги его как будто без всякого приказа со стороны двигательных центров перешли сразу в карьер. Лнкоза — самый хищный, свирепый и подвижный из всех пауков. Спасти́сь от его преследования бывает нелегко даже на лошади. И не мудрено, что Морель развил такую скорость, какой даже не подзревал в себе. Он не бежал, а летел на крыльях ужаса. Панический страх овладел им. В эти минуты он уже не был ученым, профессором. Он был дикарем каменного века, убегающим от смертельного врага. Морель делал гигантские прыжки, скакал через поваленные деревья, прорывал густые заросли...

Вот и высохшее русло реки. Здесь бежать стало легче. Но зато и его преследователь катился со скоростью кегельного шара, пущенного под уклон сильной рукой.

Морель задыхался. Ноги его подкашивались. Раз или два он споткнулся и с трудом поднялся на ноги. Паук выиграл несколько метров и уже преследовал Мореля по пятам, по-видимому, не чувствуя ни малейшей усталости. Будет ли конец этому бешеному состязанию? Мореля охватывал ужас. Еще несколько шагов — и он упадет от усталости, страшный паук прыг-

нет на него и начнет кусать поверженного врага твердыми, как железо, черными челюстями... Морель оглянулся и увидел, что паук на бегу делает огромные прыжки, пытаясь вспрыгнуть ему на ногу. Столкновение было неизбежно. Морель повернулся и попытался ударить паука сачком. Сетка сачка еще не прикоснулась к пауку, как он уже вскочил на нее и, как электрическая искра, пробежал по палке. Морель отбросил от себя палку в тот момент, когда косматая нога паука коснулась его руки. Теперь Морель выиграл несколько шагов, но положение его было по-прежнему безнадежным.

Русло сделало крутой поворот, и Морель вдруг увидел ручей в полтора метра шириной. Напрягая последние силы, Морель перепрыгнул через ручей и уже чувствовал себя спасенным. Но, посмотрев на врага, с ужасом увидел, что паук бросился вслед за ним в воду и поплыл. Течение отнесло паука на несколько метров ниже, пока он перебрался на сторону Мореля. Морелю ничего больше не оставалось, как прыгнуть обратно. Это повторялось несколько раз. Морель перепрыгивал через ручей, а паук переплывал, вылезая на берег несколько ниже Мореля.

Такая игра не могла продолжаться долго. Передышки были слишком коротки, чтобы отдохнуть, а Морель находился в последней степени изнеможения. И он решился на отчаянное средство. Вооружившись палкой, Морель вошел в ручей и стал поджидать врага. Оставалось принять бой и умереть или победить. Другого средства избавиться от паука не было.

В воде паук был менее подвижен и не мог делать прыжков. Когда косматый враг приблизился, Морель начал неистово его бить.

Паук погружался в воду, но тотчас всплывал и пытался уцепиться за палку.

Несколько раз это ему удавалось. Тогда Морель бросал палку, выбегал на берег, брал новую и вновь погружался по пояс в воду. Он изумлялся живучести насекомого. Две передние ноги паука были повреждены, но это, казалось, только увеличило его ярость. Еще одна нога бессильно повисла. Пауку уже трудно было справиться с течением. Его относило все больше. Наконец Морель решился выйти из ручья... Паук вылез след за ним и все еще пытался преследовать. Но он ковылял медленно, и Морель наконец отделался от сво-

его преследователя и уже шагом пошел вперед.

— Битва окончилась в пользу человека, — сказал Морель, шатаясь от усталости. — Иначе и не могло быть. Иначе земной шар был бы населен одними пауками!

Несмотря на усталость, Морель прошел еще добрый километр, пока не нашел места, свободного от пауков; тут он свалился на поляне. Откинувшись на спину, он заметил, что солнце уже прошло через зенит.

«Опоздал к завтраку!..» — была его последняя мысль. Морель уснул крепким сном человека, уставшего до полного бесчувствия...

III. СНОВИДЕНИЯ НАЯВУ

«...Солнце — огромный золотой паук, пробегающий по небу, и радуга — паутина его. Я, Морель, первый открыл это!»

«Что за чепуха лезет мне в голову!» — подумал Морель и открыл глаза. Но он, вероятно, еще не совсем проснулся, потому что то, что он увидел, могло быть только сном. Морель как будто опустился на дно океана. Сквозь розоватый туман виднелись смутные очертания зеленых пятен. В этом тумане колыхались длинные полосы, подобно змеям необычайной величины. Темное огромное пятно, как сорвавшаяся с орбиты планета, сновало в этой розовато-зеленой мгле, закрывая собою чуть ли не четверть всего поля зрения. И удивительнее всего было то, что движение этого темного пятна напоминало суетливый бег паука.

Морель несколько минут с полным недоумением наблюдал этот новый загадочный мир.

«Неужели я с ума сошел? Или это бред?» Он закрывал глаза, открывал вновь, но видение не исчезало. Морель потрогал рукою лоб. Он был влажный, горячий, но не слишком. Нет, это не бред. Рука Мореля задела очки, и в тот же момент планетообразный черный шар закатился за горизонт, очистив поле зрения.

«Очки! Секрет открывается просто».

Морель снял очки и посмотрел на стекла. Они были покрыты потом, испарениями и паутиной. По лево-

му стеклу бегал паучок величиною с булавочную головку.

«Так вот она, сорвавшаяся со своей орбиты планета!» — с улыбкой подумал Морель, сбивая пальцем паучка и протирая стекла платком. Он надел очки и осмотрелся вокруг. «Неужели я все еще не проснулся?» Опять сон, но на этот раз сон изумительно прекрасный.

Был вечер. Косые лучи солнца золотили папоротники и пальмы, стоявшие вправо от Мореля. Левая сторона поляны была погружена в синюю тень. Воздух, освещенный солнцем, светился всеми цветами радуги, как калейдоскоп. Как будто радужная паутина «пауки-солнца» разорвалась на мелкие части и закружилась вихрями самоцветов. Это был танец бриллиантов и алмазов. Каждый бриллиант был окружен легкой дымкой самых нежных цветов. В непрерывном движении они прорезывали воздух, изменяя на пути полета окраску, испыхивая то глубоким зеленым, то ярко-красным, то синим огнем, и как будто оставляли после себя светящийся след — так быстро резали они воздух. Фейерверк, калейдоскоп, северное сияние, радуга — ничто не могло сравниться по красоте с этим волшебным зрелищем пляски жемчужной росы, сверкающих алмазов и летучих огоньков...

Один из этих бриллиантчиков опустился на цветок. Туманная оболочка рассеялась. Сложились крылышки, и Морель увидел маленькую невзрачную птичку с единственным ярким пятном на оперении. Колибри! Но и после того как тайна раскрылась, Морель еще долго не мог оторвать глаз от воздушного танца пернатых балерин.

Однако проза жизни уже настойчиво стучалась в дверь. Морель почувствовал, что все тело его зудит. Он посмотрел на руки и увидал, что они искушены москитами, а в кожу впились мелкие красные клещи. Это вернуло Мореля к действительности.

Не только завтрак, но и обед давно были пропущены. Надо было спешить к своим, пока совершенно не стемнело. Морель почувствовал острый приступ голода и вспомнил о вкусных блюдах, которые обещал сегодня приготовить их повар (он же носильщик) негр Джим. Морель поднялся, потянулся и, посмотрев на солнце, пошел вверх по ручью. Он дошел до того места, где сражался со страшным пауком, и нашел брошенный

сачок. Подняв его, Морель стал соображать, куда идти. После некоторого размышления он повернул налево и углубился в чашу леса. Здесь было уже почти темно. Только кое-где сумеречный свет проникал сверху, освещая змееобразные лианы. Вдруг словно неведомое существо погасило этот последний слабый свет. Ночь на экваторе наступает внезапно. Мореля окружила густая темнота. Он сделал несколько шагов и упал.

«Придется ночевать в лесу, — подумал он. — И хоть бы кусочек хлеба!..»

Испарения усиливались. Тропическое солнце нагрело за день исполинский котел Амазонки, наполненный душистыми травами, пряно пахнущими смолистыми и эфирными деревьями и болотными цветами, и теперь Морель дышал густым паром этой гигантской парфюмерной фабрики.

Тишина леса нарушалась только разноголосым тончайшим звоном комаров и москитов, которые мириадами кружились над Морелем. Скоро к этим флейтистам присоединились низкие голоса лягушек. Никогда еще Морелю не приходилось слышать такого громогласного концерта. Пенне этих болотных певцов не напоминало отрывистого кваканья обычных лягушек. Оно было довольно мелодично и протяжно, как завыванье ветра. В конце концов оно нагоняло тоску.

Когда глаза привыкли к темноте, Морель увидел полосы фосфорического света — это летали светящиеся насекомые.

Москиты, комары и клещи, которыми была усыпана трава, не давали Морелю уснуть.

«Хоть бы скорее рассвет!» — мучительно думал он, ворочаясь во мху и расчесывая руки и шею. Только под утро он заснул тревожным сном.

Его разбудил визг обезьян.

Они сидели в ветвях над самой его головой и пронзительно кричали и визжали. На обезьяньем языке эти звуки, очевидно, обозначали крайнее удивление, потому что на шум сбегались новые стаи обезьян посмотреть на редкое зрелище — очкастую обезьяну, лежащую на земле. Более смелые спустились по лианам и, держась хвостом, размахивали «руками» на расстоянии какого-нибудь метра от головы Мореля с явным намерением познакомиться с ним поближе.

Но Морелю было не до обезьян. Он поднялся, мах-

нул на них сачком и зашагал в глубь леса. Обиженные таким приемом, обезьяны загалдели с новой силой и долго преследовали Мореля.

Морель шатался от голода и усталости, но упорно пробирался сквозь чащу. Наконец он вышел к небольшой речке, струившейся в заболоченных берегах. Несколько огромных лягушек прыгнуло в воду при его приближении.

«Все дороги ведут в Рим, — рассуждал Морель. — Все речки впадают в Амазонку. Если я пойду по этой речке, то выйду на Амазонку немного выше или ниже нашей экспедиционной базы. Это будет дальше, но вернее, чем искать по лесу обратный путь».

И он отправился вниз по реке.

Однако через час пути он с разочарованием увидел, что речка впадает в одно из болот, которыми так изобилует бассейн Амазонки.

— Неужели я заблудился? — прошептал Морель. И эта мысль впервые заставила его подумать обо всей серьезности положения.

Он был один среди девственного леса. На тысячу миль вокруг нет человеческого жилья. Сачок для ловли насекомых был его единственным оружием, а в небольшом мешке и фанерном ящике лежали только его научные принадлежности: увеличительное стекло, шприц, булавки, пинцеты...

«*Ithomia Pusio*, — по привычке продолжал Морель заниматься определением пролетающих бабочек. — Слава дается нелегко!»

Небольшой ручей, впадавший в болото, пересек Морелю дорогу. На сырой земле были видны отпечатки звериных следов. Здесь же валялись кости тапира, съеденного каким-нибудь крупным хищником, всегда подстерегающим животных в местах водопоя. Это открытие для Мореля было не из приятных. Морель перешел ручей и почувствовал под ногами более сухую и твердую почву. Здесь пальмы чередовались с фикусами и лавровыми деревьями, а еще выше поднимался лес фернамбуков, палисандров и кастанейро.

Морель поднял валявшийся на земле плод кастанейро величиною с детскую голову, разбил его, вынул орехи, заключенные в твердую кожуру, и начал поглощать маслянистые сердцевинки.

«Здесь по крайней мере не умрешь с голоду, — по-

думал он. — Подкреплюсь отдохну и отправлюсь на поиски дорог».

И вдруг неожиданно для самого себя он громко сказал:

— Солнце — огромный золотой паук! — и в тот же момент его охватил приступ сильнейшего озноба. — Лихорадка! Этого еще не доставало! — проворчал Морель, щелкая зубами.

IV. «СУМАСШЕДШАЯ» ПУМА

Что было дальше?

Много дней спустя, вспоминая это время, Морель с трудом мог восстановить в памяти последовательность событий.

Солнце — «золотой паук» спустился по вертикальной паутине с неба и впился в голову Мореля, охватив ее огненными лапами. Морель закричал от ужаса и бросился бежать. Отовсюду — с листьев пальм, из-под корней деревьев, из цветков орхидей — выбегали огненно-красные пауки, кидались на Мореля и впивались в его истерзанное тело. И тело горело как в огне, разрываемое бесчисленными челюстями огненных пауков. Морель кричал как безумный и бежал, бежал, отрывая от своего тела воображаемых пауков. Потом он упал и провалился в черную бездну...

Когда припадок лихорадки прошел, Морель открыл глаза. Он не мог определить, сколько времени пролежал без сознания. Было утро. В траве и на листьях копошились пауки — серые, рыжие, черные, красные. Но это были обыкновенные пауки. И солнце было только солнце. Оно поднималось над лесом, освещая золотистых ос, пестрые крылья бабочек, яркие наряды попугаев. Мысли Мореля были ясны, но он чувствовал во всем теле такую слабость, что едва мог приподнять голову. Нестерпимая жажда томила его. У края поляны протекал ручей. Но Морель не мог добраться до него. Вид струившейся воды увеличивал его страдания, и Морель испытывал настоящие муки Тантала. А солнце поднималось все выше. Зной становился нестерпи-

мым. Морель обливался потом, еще больше ослаблявшим его.

«Если я сейчас не выпью глотка воды, то погибну», — подумал Морель и сделал попытку подняться. Шатаясь и опираясь на руки, он сел на землю. Потом он опустился на четвереньки и пополз к ручью. Этот путь, в несколько десятков метров, показался ему бесконечно долгим. Но все же он дополз и, лежа на животе, прикоснулся почерневшими губами к воде и начал пить. Казалось, он хотел выпить ручей. Вода освежила его. Отдохнув у ручья, Морель почувствовал себя настолько хорошо, что смог подняться на ноги. Но в тот же момент он едва не свалился снова.

На поляну выбежал огромный зверь с густой короткой желтовато-красной шерстью. На спине шерсть была темнее, на животе — красновато-белая.

«Пума!» — с ужасом подумал Морель, напрягая все усилия, чтобы не упасть и этим не привлечь к себе внимания зверя.

Пума не могла не заметить Мореля, и тем не менее она не обращала на него никакого внимания, как будто желая продлить пытку человека, обреченного на смерть. Эта огромная кошка, достигавшая вместе с хвостом почти двух метров длины, вела себя как домашний котенок: она бесшумно прыгала по поляне, гоняясь за летавшими крупными бабочками. И надо сказать, что она это делала гораздо удачнее Мореля. Несмотря на весь ужас своего положения, Морель невольно залюбовался нязными ловкими прыжками золотистого зверя. Испуганные бабочки поднялись выше, и пума, наконец, обратила внимание на Мореля. Час его настал. Мягкой волнистой походкой пума приближалась к человеку.

Только бы не показать, что я боюсь ее!» — подумал Морель и сделал несколько шагов навстречу зверю. Пума махнула хвостом, сделала небольшой прыжок и остановилась перед Морелем. Глаза их встретились. Животное сощурило глаза, подобрав находившиеся под ними белые пятнышки. Оно будто смеилось...

«Да ну же, ешь скорее!» — подумал Морель, не будучи в силах перенести эту пытку. Но пума продолжила свою странную игру. Она подошла к Морелю вплотную и толкнула его пушистой головой, как бы

ласкаясь. Этого мягкого толчка было достаточно, чтобы сбить Мореля с ног.

«Конец!» — подумал он.

Но это было только начало. Пума упала на землю рядом с Морелем, перевернулась на спину и начала толкать его в бок головой, как бы приглашая играть. При этом она мурлыкала, как кот.

«Это какая-то сумасшедшая пума! — думал Морель. — Она, вероятно, помешалась от жары, поэтому и делает такие безумные поступки: ласкается, вместо того чтобы сожрать меня».

Морель не был склонен поддерживать игру. Подражая животным, он решил притвориться мертвым. Пуме это не понравилось. Чтобы растормошить свою игрушку, она легла на грудь Мореля, слегка прижав его плечо одной лапой, другую подняла над его лицом, и открыла пасть, обнаруживая ряд страшных клыков.

«Вот когда конец!» — подумал Морель. Но и на этот раз он ошибся. Неодобрительно фыркнув, пума вскочила и убежала в заросли кустарников.

Это было невероятно! Морель поднялся без единой царапины.

Оправившись от потрясения, он почувствовал сильный приступ голода и отправился на поиски орехов.

Вечером Морель вновь почувствовал приближение приступа малярии. Но прежде чем он потерял сознание, «сумасшедшая» пума еще раз навестила его. Она, как тень, выскользнула из кустарников, уже погруженных в сумрак, подошла к лежавшему Морелю и обнюхала его лицо. Морель не шевелился. Пума улеглась рядом с ним и широко зевнула, как бы располагаясь на ночлег вместе с ним.

Почти совсем стемнело. Стли крики обезьян, хлопотно размещавшихся на ночлег в высоких ветвях, умолкли птичьи голоса. Не слышалось даже лягушачьих заунывных песен. Лес засыпал. Ни звука. Только тонкое жужжанье комаров, не нарушая безмолвия ночи, пронизывало воздух...

«Гаучосы называют пуму другом человека. Они уверяют, что она никогда не нападает на человека и не трогает ни спящего, ни ребенка. Неужели это правда?» — подумал Морель, искоса поглядывая на своего косматого соседа. Пума лежала неподвижно. Только уши зверя едва заметно шевелились, точно он прислу-

шивался к отдаленным звукам. Как ни напрягал Морель слух, он ничего не мог уловить, кроме жужжания комаров. Лихорадка все сильнее овладевала Морелем. Он старался не дрожать, но от времени до времени его тело судорожно напрягалось, и его подбрасывало вверх, как на пружине. Однако, видимо, не это беспокоило зверя. Пума протянула лапы, выпустила когти и собралась в клубок, словно готовясь к прыжку на невидимого врага. Прошла еще минута напряженного ожидания, и Морель заметил в густых зарослях у ручья две светившиеся зеленоватым огнем точки. Это могли быть только глаза хищного зверя. Мысли Мореля мутились. Бред охватывал его, и ему казалось, что зеленые точки расширяются, на них вырастают мохнатые лапы... Два чудовищных зеленых паука приближаются к нему. Морель застонал и потерял сознание... Среди бредовых кошмаров ему слышались ужасающий рев, крики, стоны, словно тысячи злых духов сорвались с цепи, ревел ураган, завывал ветер, рычали звери, и кто-то хохотал громовыми раскатами. И опять черная бездна тишины. Небытие...

Зарево тропического утра. Солнце еще не видно, но небо уже пылает пурпуром. Морель открывает глаза. Он все еще жив. Кругом буйная жизнь играет всеми цветами, кричит тысячеголосым хором пернатых и насекомых. И опять жажда, нестерпимая жажда...

Морель тащится по земле, как змея с перешибленной спиной, к ручью. Здесь он видит необычайное зрелище. У самой воды лежит распростертый труп огромного ягуара — этого вечного врага пумы. Его красивая золотистая шерсть с черными продолговатыми пятнами изорвана в клочья. Правое ухо откушено. Один глаз вытек. На шее огромная рана. Земля залита вокруг кровью. Трава вырвана и разбросана, кустарник изломан. Здесь была страшная битва не на жизнь, а на смерть. Морель наклонился над убитым зверем и с жутким любопытством посмотрел в единственный сохранившийся глаз, тусклый, остекленевший. Неужели глаза этого зверя преследовали его по ночам? Морель вспомнил, что несколько раз замечал две фосфорические точки, мелькавшие в кустах. Но он не был охотником и думал, что это ночные светящиеся насекомые, которых так много в тропических лесах. Да, его подстерегал ягуар. И вот он лежит поверженный! Морель

оглянулся кругом и увидел, что кровавый след уходит в сторону и пропадает в кустах. Ученый не верил своим глазам. Но все, что он видел, не оставляло сомнения в том, что пума спасла его. Она охраняла его во время болезни и, рискуя сама, храбро бросилась на врага, чтобы спасти жизнь человека.

Это была неразрешимая загадка инстинкта. Невольно Морель почувствовал благодарность и даже нежность к своему спасителю. Но спаслась ли она сама? Бедная необычайная пума! Она уползла в чашу заливать свои раны и теперь, быть может, издыхает, даже не сознавая своего героизма.

V. ВОЗДУШНОЕ ЖИЛИЩЕ

Мореля охватило желание разыскать раненого зверя и, если можно, помочь ему. Несмотря на слабость, он отправился по следу. Но кровавый след уходил в густую чашу. Морель был еще слишком слаб, чтобы продолжать понски. Сделав несколько десятков шагов, он упал у зарослей хинного дерева, вдыхая душистый запах розовых и желто-белых цветов. У ног его валялась четырехгранная сломанная ветка.

«А ведь это хина! Почему бы мне не полечить свою лихорадку?» — подумал он и, отодрав зубами кору, начал жевать ее, морщась от горечи. Морель начал лечить лихорадку хинной корой, подобно индейцам, которые издавна пользуются этим народным средством. Приступы лихорадки стали ослабевать, и скоро Морель почувствовал себя здоровым. Но он был еще очень слаб. Ему приходилось питаться только растительной пищей. К орехам он скоро прибавил новое блюдо — муку, которую он добывал из корня кассовы. Из этой муки он умудрялся даже печь лепешки, разжигая огонь увеличительным стеклом. Иногда ему удавалось даже полакомиться печеной рыбой. Он ловил ее на крючок, сделанный из булавки и воткнутый в конец прута. Приманкой служили черви и насекомые.

Морель еще не оставлял мысли найти своих спутников или спуститься по одному из притоков к Амазонке и достигнуть жилых мест. Для этого он хотел исполь-

зовать дождливое время года: с ноября по март беспрерывные ливни превращают ручьи в широкие реки. О направлении заботиться не нужно. Морель устроит плот, сделает запасы пищи и отправится в путь.

Однако в ожидании этого времени надо было подумать о более оседлом существовании. До сих пор Морель жил, как лесной зверь: день бродил в поисках добычи и засыпал там, где заставляла его ночь. Но так продолжаться не могло. Его лицо и руки были совершенно изъедены москитами и комарами. Когда Морель смотрелся в стоячие воды, он не узнавал себя: так опухло его лицо. Клещи заползали под одежду. Вырвать их с головой не удавалось. Если же в теле оставалась голова, на этом месте образовывался нарыв, который причинял Морелю больше страдания, чем живой, сосущий его кровь клещ.

Но это было еще не все. Каждую минуту он рисковал встретиться с лесными хищниками: ягуаром, мексиканской дикой кошкой, красным волком, дикой собакой. Из них ягуар был самым страшным. Один ягуар погиб в борьбе с пумой, но тысячи их еще бродили в лесу. Иногда Морель замечал во тьме зеленые точки и спешил развести костер, добывая огонь кремнем. Но огонь нужно было поддерживать, и Морель не высыпался. В конце концов он решил, что самое безопасное — проводить ночь на ветвях высокого дерева, усаживался среди сучьев и привязывал себя ремнем к стволу. Морель долго не мог привыкнуть к такой «спальне». Когда он засыпал, голова его опускалась, и ему казалось, что он падает с дерева. Морель в ужасе просыпался, инстинктивно хватаясь за ветви. Но со временем он привык к своей воздушной кровати и хорошо высыпался. На высоте москиты и комары меньше беспокоили его. Крупные хищники не замечали добычи, укрывшейся в густой зелени дерева.

Постепенно из каких-то глубин его существа поднимались и оживали первобытные инстинкты, утраченные человеком на протяжении тысячелетий культурной жизни. Морель научился крепко спать и в то же время прислушиваться к малейшему шуму. Слух и обоняние его обострились. Только глаза ученого оставались такими же близорукими. Впрочем, в очках он видел неплохо. Эти очки составляли предмет его непрерывных мучений. Однажды, когда он спал на земле, положив воз-

ле себя очки, какая-то птица, очевидно такая же любительница блестящих вещей, как сорока, подхватила клювом очки и унесла. Взмахи крыльев разбудили Мореля, и он погнался за птицей. К счастью, она уронила очки. С тех пор Морель никогда не снимал очков, даже во время сна.

Была середина сентября, и дожди перепадали уже довольно часто. Они неожиданно налетали, опрокидывая на лес целые водопады, и так же быстро проходили. Ветви деревьев не могли защитить Мореля, и он промокал до костей. И Морель занялся устройством кровли над головой из ветвей и листьев. Это была трудная работа. Несколько раз он едва не срывался с дерева. Вдобавок ему приходилось вести борьбу с обезьянами. Достаточно было Морелю спуститься с дерева за сучьями и хворостом, как целые стаи обезьян собиравались на его стройку и пытались «помогать». Может быть, они делали это с самыми лучшими намерениями, но после их набегов Морелю каждый раз приходилось начинать строить заново. Так продолжалось несколько дней, пока Морелю не посчастливилось найти очень прочные и тонкие вьющиеся растения, которыми он туго связал остов крыши. Убедились ли обезьяны, что человек хорошо справляется с работой без их помощи, или им надоела эта новая забава, но скоро они оставили его в покое, и Морель благополучно достроил свое временное жилище. Теперь он был защищен от дождя. Морель втащил к себе на дерево даже некоторые запасы пищи: муки из кассовы, орехов и меда медовых мух — свое новое приобретение. Эти запасы могли пригодиться во время плавания. Вместе с тем они освободили его от необходимости искать пищу во время дождя.

В его новом жилище было подобие кровати, сделанной на ветвях и устланной мхом и листьями. Теперь он мог с некоторым комфортом, растянуться. Когда дождь мешал ему заниматься устройством плота, Морель лежал у себя на дереве и переносился мыслью в Париж. Но это было так далеко и так не похоже на то, что окружало Мореля, что Париж казался ему далеким сном.

В солнечные дни Морель усиленно трудился над устройством плота. Без топора работать было трудно. Морель нашел несколько острых кремней и попытался сделать каменный топор, перейдя, таким образом, к

следующей ступени культуры — в каменный век. Зажав кремьнь в рогатину, Морель привязал его к топоричу тонкими лианами. Но кремьнь соскочил с топорича при первом же ударе. Тогда Морель решил сделать топор по всем правилам искусства, пробив дыру в кремне ударами другого кремня. Этот египетский труд истомил его. Морель с отчаяньем бросил работу.

«Нет, видно, я не гоюсь в робинзоны!»

Однако мысль о топоре не оставляла его. Дерево легче поддается обработке. Надо начинать с топорича. Морель нашел подходящий корявый сук крепкого железного дерева и начал прожигать углями «игольное ушко» — продолговатую дыру. Это была тоже египетская работа, но все же дерево поддавалось обделке легче кремня. Скоро «игольное ушко» было готово. Морель вставил острый плоский камень и закрепил его растительными волокнами, старательно для этого приготовленными. Этот топор скорее напоминал булаву с необычайно большим набалдашником — так много намотал Морель «веревки», но все же это был топор. Он перерубал, вернее, перебивал ветви в палец толщиной. Он мог служить некоторой защитой. Таким топором можно было даже срубить толстое дерево. Но, занявшись «хронометражем», Морель высчитал, что на каждое дерево потребовалось бы не менее месяца. А ему для плота нужен был по крайней мере десяток деревьев.

Морель приуныл. При такой быстроте работы ему не выбраться ранее чем через год.

Тогда Морель решил использовать для плота бурелом и стволы подходящей длины, валявшиеся в руслах высохших рек. Их приходилось тащить отовсюду, часто издалека. Морель изнемогал от этой непосильной работы. Чтобы найти бревно подходящей длины, ему иногда приходилось уходить на расстояние целого дня пути от своего жилища. В этом лесу, однообразном, несмотря на все расточительное многообразие древесных пород, очень легко заблудиться. И Морель, уходя на поиски стволов, делал кремневым топором отметки на деревьях.

Наконец материал для плота был собран. Морель торопился. Проливные дожди шли уже каждый день, и высохшие русла рек наполнялись водой. К счастью, вода прибывала не так быстро, как ожидал Морель:

высохшая почва впитывала в себя огромное количество влаги, прежде чем насыщалась и пропускала воду дальше.

Морель связал плот, сделал небольшое прикрытис от дождя для себя и запасов пищи, сзади прикрепил руль из шеста с вилкообразным концом, переплетенным растениями, и начал ждать, ежедневно посматривая на уровень воды. Наконец она поднялась до плота, лежавшего на берегу. В этот день дождя не было.

«Сегодняшнюю ночь я еще могу провести на дереве, — подумал Морель. — Но это будет моя последняя ночь. Через несколько дней из древесного жителя я превращусь в человека двадцатого века».

И он забрался на свое дерево.

VI. НЕУДАЧНОЕ ОТПЛЫТИЕ

Ночь была тихая, но необычайно душная. Изредка бесшумно вспыхивали молнии далекой грозы. «А дождь все-таки будет. Ни комаров, ни москитов нет — попрытались», — думал Морель, засыпая.

Перед утром страшный удар грома разбудил его. Гроза разразилась внезапно: кругом гремело, словно кто-то открыл двери гигантской кузницы. Лес полыхал голубым мерцающим пламенем. Раскаты, словно канонады пушек, стрелявших у самого уха, слились в невообразимый гул. Зловещий зеленовато-белый свет зажегся в небе. Ветер все усиливался, но дождя еще не было. Внезапно небо опрокинуло на землю целый океан воды. Это был не дождь, даже не ливень. Водная стихия обрушилась сплошной массой.

— Пора! — крикнул Морель, но он не услышал своего голоса. Наскоро собрав свои пожитки, Морель спустился по дереву, цепляясь за сучья. Несмотря на то, что его защищали навес и густая листва, Морель через минуту был мокр, как рыба в воде. Падавший с неба водопад оглушал его, слепил глаза, давил на череп. Но Морель бежал, не останавливаясь. Вот он у плота. При свете непрекращавшейся молнии Морель увидал, что вода залила половину плота. Морель взбежал на плот и вошел в шатер. К его удивлению, здесь

было почти сухо. Недаром он потрудился, густо устлала крышу крупными и плотными листьями!

«По крайней мере я не буду испытывать во время путешествия недостатка в пресной воде», — подумал он, чувствуя нервный подъем духа. Однако эта радость скоро сменилась беспокойством: вскоре он почувствовал, что вода появилась на поверхности плота. Морель приподнялся, но вода скоро достигла щиколоток ног и прибывала непрерывно. Его плот решительно не всплывал. Быть может, он зацепился за что-нибудь? Должен же подняться хоть один его край! Для рассуждений, однако, не было времени. Вода уже доходила до пояса и угрожала смыть с плота неудачного путешественника вместе с шатром и пожитками.

Морелю ничего не оставалось, как спастись бегством на берег. Но и это было нелегкой задачей. Вокруг него бушевал поток, унося в своем бешеном стремлении вывороченные с корнями деревья. К счастью, Морель был неплохой пловец. Бросив на произвол судьбы запасы продовольствия, он решил спасти только себя и научные инструменты, помещавшиеся в мешке за спиной. Морель кинулся в поток. Его завертело как щепку и понесло. Не менее получаса ему пришлось бороться с течением, пока, наконец, на крутом повороте его не прибило к берегу.

Морель вылез, весь покрытый зеленой тиной и тонкими длинными листьями.

«Часы безнадежно испорчены, — подумал он. — Придется жить по солицу. Но это не беда. Главное, плот. Почему он не поплыл?»

Буря промчалась с такой быстротой, как это бывает только в тропиках. Ветер сдернул сизую завесу с неба, открыв второй, голубой полог. Выглянуло солнце, и лес внезапно ожил. Вылезли обезьяны, отряхнули, как собачки, намокшую шерсть и стали сушиться на солнце, шумно болтая и, вероятно, делясь на своем языке впечатлениями о пронесшейся буре. Деревья расцвели яркими красками перьев попугаев, пчелы и осы спешили пополнить запасы пищи до нового ливня. Лес жил полной жизнью, все живое веселилось, пожирая друг друга...

Один Морель был чужд этому веселью. Понуру возвращался он берегом бушевавшей реки к своему брошенному жилищу.

Вот и место, где он строил плот. Но от него не осталось и следа. Шалаш сорвало, а плот по-прежнему покоился на дне.

— Но в чем же дело, черт возьми? — раздраженно крикнул Морель.

Он взял валявшийся на берегу кусок железного дерева, из которого был сделан плот, бросил в воду и тотчас воскликнул:

— Есть ли еще на свете такой осел, как я?

Обрубок потонул, подобно камню. Железное дерево было слишком тяжело и не могло держаться на воде.

Тяжелый урок! Опустив голову, Морель смотрел на кипящую реку, в водах которой было погребено столько усилий и труда.

Дожди шли почти непрерывно. Морель был похож на земноводное животное, так как тело его почти не просыхало. Он жил как бы в водной стихии, только более насыщенной воздухом, чем воды океана. Температура почти не понизилась, но влажность невероятно увеличилась. Едва утихал дождь, как белая пелена тумана застилала все вокруг. Горячий влажный туман до такой степени наполнял легкие, что у Мореля по временам поднимался удушливый кашель. Его организм так напитался влагой, что Морель почти не пил воды. Единственным утешением этого времени года было то, что Морель отдохнул от комаров и москитов. Клещи, смытые с листьев деревьев, также меньше беспокоили его.

Мореля приводила в ужас мысль, что ему придется отложить путешествие на год. И он решил во что бы то ни стало отправиться в путь до окончания периода дождей. Глядя на грязные бурные воды потока, поднявшего со дна тысячи тонн ила, Морель обратил внимание на огромное количество тростников и вырванных с корнем стволов бамбука, плывших по поверхности. Легкие, полые внутри, они как бы самой природой были предназначены для устройства плота. К тому же с этими стволами легко мог справиться кремневый топор Мореля.

— Вот из чего надо делать плот! — воскликнул Морель.

И он вновь принялся за работу под непрекращавшимся проливным дождем. Работа пошла быстрее, чем

он ожидал. Ему не приходилось даже искать и собирать бамбук: каждый день река выбрасывала на берег огромное количество бамбуковых палок. Морелю приходилось только выбирать, связывать и складывать стволы. Через несколько дней плот был готов. Оставалось лишь стащить его в воду. Несмотря на легкость материала, из которого был сделан плот, он представлял значительную тяжесть для одного человека. Берега были размыты, и работать приходилось в непролазной грязи. Морель придумал целую систему рычагов, пользуясь вместо веревок тонкими гибкими стволами ползучих растений. Но сдвинуть плот оказалось труднее, чем построить его. Концы бамбуковых палок то и дело врезывались в грязь и застопоривали движение. Приходилось бросать работу, чтобы поднимать увязший в грязи край плота. Иногда в продолжение целого дня работы Морелю удавалось сдвинуть плот на несколько дюймов. Морель приходил в отчаяние. Наконец сама природа пришла ему на помощь. Напоянная дождями земля уже не вбирала в себя прежнего количества влаги; между тем небесные запасы воды казались неистощимыми.

Уровень воды в реке быстро поднимался. Морель сделал последние приготовления и переселился на плот. В тот же вечер он почувствовал, что плот медленно поворачивается, накрываясь набок. Еще один момент — и плот был подхвачен течением и понесся по бурлящей реке. Морель торжествуя крикнул.

Однако радость оказалась преждевременной. Его закрутило в водовороте, как волчок. Огромный конец дерева вынырнул из воды и ударил в плот с такой силой, что тот едва не перевернулся. Морель перебежал на высоко поднявшийся край плота, выровнял его и нырнул за шест. Теперь он мог торжествовать. Плот лежал стрелой среди мусора, обломков деревьев и вырванных с корнем пальм — туда, к людям, в двадцатый сек.

Морель внимательно оглядел воду. Река разлилась на огромное пространство, затопив низменные берега. Целые рощи пальм стояли в воде, задерживая своими стволами кучи хвороста и листьев.

Перед утром Морель заметил, что плот движется медленнее. Когда рассвело, он увидел, что его занесло в одну из обширных речных заводей. Положение Мо-

реля было не из веселых. Рассчитывая на течение, он не догадался сделать весло. Он еще раз выругал себя ослом, однако это не помогло делу.

Морель попробовал оттолкнуться шестом. Но как только ему удавалось протолкнуть плот в русло реки, шест переставал достигать дна и плот снова медленно относился в заводь. Морель решил отдаться на волю течения, надеясь, что оно, совершив круг, вынесет его из заводи. Плот медленно поплыл к тинистому берегу и, наконец, дрогнув, остановился. Рискуя надорваться, Морель налегал на шест, но от этого плот, погрузившийся нижними палками в тину, еще больше увязал.

Морель бросил шест, упал на плот и уснул, истомленный волнениями прошлого дня и бессонной ночью.

VII. «НЕБОСКРЕБ» В ЛЕСУ

Проснулся Морель только вечером. Обдумав свое положение, он решил, что ему ничего не остается, как высадиться на берег, вернее, выйти на сухое место, так как он находился не в русле реки, а на затопленной поляне леса, окруженной со всех сторон деревьями. Ночью он не решился этого сделать, улегся на плоту. Дождь прекратился, и тысячи комаров поднялись над водой. В заболоченной почве что-то чавкало, вздыхало, шевелилось... Из чащи леса доносился странный свист. Временами трещали кусты под чьими-то тяжелыми шагами. Морель яростно отгонял от себя тучи комаров, прислушивался к свисту и не мог уснуть.

Утром он посмотрел на почву, на которую должен был ступить, и содрогнулся от ужаса. Она вся словно дышала. От времени до времени на поверхности появлялась голова ужа или змеи-слепуны. Толстые жабы рылись в иле. Казалось, гады со всего света собрались сюда, чтобы полакомиться в жирном, напоенном водой или червями и личинками насекомых иле. Морель безнадежно посмотрел на плот. Нет, не сдвинуть. Выхода не было, и Морель, забрав мешок с инструментами и запасом пищи, вошел в грязную воду. Ноги увязли в тине; Морель с трудом вытаскивал их и медленно про-

бирался к берегу. Наконец он вышел из воды и добрался до полосы. Змеи шипели на него и уползали в сторону. Огромные цветные жабы с угрожающим видом бросались ему вслед. К счастью, жидкая грязь была плохим трамплином для прыжка и они не достигали Мореля.

Морель обошел заводь и пошел вниз по реке. Но чем дальше он шел, тем тинистее становилась почва и течение воды в реке делалось все медленнее. Наконец перед ним открылось огромное пространство, залитое водою.

«Неужели река не впадает в Амазонку?» — с тревогой подумал Морель. Несколько дней употребил он на исследование этого лесного озера с заболоченными берегами, но воде, казалось, не было края. Конечно, этого озера не найти ни на каких картах, так как в сухое время года оно высыхает. К тому же едва ли здесь когда-либо ступала нога географа.

Морель окончательно заблудился. Он целые годы может бродить по этим неисследованным дебрям и не выбраться отсюда. Неужели всю жизнь он принужден будет жить в этом лесу? Правда, этот тропический лес дает неизмеримо богатый материал для научных работ. Но к чему трудиться, если его открытия погибнут вместе с ним? Нет, Морель должен выбраться отсюда! Рано или поздно ему посчастливится напасть на какой-нибудь приток Амазонки. То, что река, по которой он пустился в путь, никуда не впадала, было только несчастной случайностью. Однако он слишком устал. Ему необходимо переждать дождливый период, с этим надо примириться. — он отдохнет, соберет коллекцию редчайших насекомых и с новыми силами пустится в путь. Но, чтобы лучше отдохнуть, надо устроиться с большими удобствами, чем он это делал до сих пор. У него уже есть опыт. Он не новичок. Прежде всего надо выбрать хорошее место, потом построить настоящее жилище, конечно на деревьях.

И Морель начал бродить по лесу в поисках подходящего участка. В одном месте леса почва поднималась и была более твердой. Скоро под ногами он почувствовал камни. Это уже не было сплошное царство пальм и папоротников. Здесь росли фернамбуковые деревья с двоякоперистыми листьями, мангровые, сандаловые, капайские, каучуковые, кустарники ипекауаны

Хина, какао, чай — чего еще больше? Даже табак рос на этой почве.

Морель поднялся еще выше, и перед ним открылась широкая поляна, освещенная солнцем.

«Здесь будет меньше комаров и москитов».

Посредине поляны находилась группа гигантских деревьев бразильского ореха. Их гладкие стволы достигали ста тридцати футов высоты.

«Вот то, что нужно. Под рукой и запасы пищи, и аптека, и даже сигары. На этой высоте я буду себя чувствовать в безопасности от зверей».

Однако на минуту Мореля охватило колебание. Справится ли он с задачей — устроить себе «небоскреб»?

«Времени много», — решил он и с жаром принялся за работу. А работы было немало. Нужно было сделать лестницу, чтобы взбираться на вершину. Нужно было заготовить прочные балки для остова дома и поднять эту тяжесть на огромную высоту. Для этого следовало свить прочные веревки из волокон растений. Кроме того, необходимы были блоки, чтобы облегчить поднятие балок. Нужно было, наконец, позаботиться и об инструментах для работы. Все это было чрезвычайно трудно для одного человека. Но, странное дело, с тех пор как Морель решил надолго обосноваться в лесу, у него как будто прибавилось энергии. Теперь все его мысли были сосредоточены на одном — Париж отодвинулся на задний план.

Так как дожди не прекращались, Морель выстроил временную хищину у подножия своего будущего «небоскреба», как он называл свое жилище. Наибольшее внимание Морель уделил устройству надежной крыши. И это ему удалось. Теперь он мог иметь постоянный огонь, сохраняя в пепле тлеющие угли и раздувая костер ночью, чтобы отгонять диких зверей.

Работа подвигалась медленно. Первою была готова лестница. Но когда Морель попытался поставить ее, он убедился, что не в силах этого сделать. Она была слишком тяжела. Морель часами ломал голову над трудной задачей. Если бы можно было подтянуть ее на блоке веревкой! Но для этого надо было сперва влезть на дерево, чего нельзя было сделать без лестницы, так как ствол был толстый и гладкий. Однако Морель не падал духом. Он соорудил ряд подпорок, и в конце концов ему удалось водрузить лестницу на ме-

сто. Дальше пошло легче. Правда, ему пришлось попо-
геть, втаскивая наверх тяжелые балки, но когда они бы-
ли уложены на разветвления сучьев, половина дела бы-
ла сделана. Морель, как птица, вил свое гнездо, при-
нося ветку за веткой. И дом вышел на славу. Морель
умудрился сделать две комнаты. Маленькая служила
спальней, а большая — кабинетом, лабораторией и му-
зеем. Здесь были сооружены стол, покрытый поверх
бамбуковых палок листьями, и полки для коллекций.

Когда все было окончено, Морель подошел к откры-
тому окну и с видом победителя посмотрел на рассти-
лавшийся внизу лес. Морель мог гордиться. Это была
победа. Морель больше не был беззащитным существ-
вом. Он сожалел, что у него нет фотографического ап-
парата, чтобы увековечить свое жилище и показать его
потом своим ученым товарищам.

Морель вызывал в своем воображении лица друзей
и знакомых и с удивлением заметил, что фамилии неко-
торых из них он не может вспомнить. «Что за стран-
ное ослабление памяти? — подумал Морель. — Может
быть, это последствие болезни? Так и говорить разу-
чусь...»

Морель решил чаще говорить вслух. Он читал лек-
ции своим воображаемым слушателям, и в дебрях тро-
пического леса слышались мудреные латинские слова,
которые, видимо, очень нравились попугаям. Казалось,
что отражало его речь в искаженном до неузнаваемости
виде.

— Паук мигалес, — говорил Морель.

— А у наес, — вторили попугай, заливаясь хохотом.

— Кыш вы, горластые! — кричал Морель на сво-
их недисциплинированных слушателей. Но они продол-
жали усердно повторять его лекцию, пока он не за-
молкал.

VIII. ЧЕЛОВЕК БЕЗ ИМЕНИ

Морель усердно упражнялся в произнесении речей.
Но постепенно эти занятия становились все реже. За-
боты дня и научная работа по собиранию и классифи-
кации насекомых отвлекали его. Не замечал он и дру-

ного: с каждым днем его лексикон становился все беднее, речь суше, бледнее. Она все больше была испещрена научными терминами, и его лекции напоминали уже латынь средневекового ученого. Только раз, тщетно стараясь вспомнить забытое слово, он обратил внимание на этот «распад личности» и несколько обеспокоился: «Да, я дичаю», — подумал он, но к этому факту подошел как натуралист.

«Естественный биологический закон, подмеченный еще Дарвином. Сложный организм, попавший в простейшую среду, должен или погибнуть, или «упроститься». То, что в культурном обществе было необходимо и составляло мою силу, теперь в лучшем случае является ненужным балластом, так же как в Париже мне не нужны были собачья острота обоняния и слух пумы. И если во мне пробудились инстинкты, дремавшие в человеке сотни тысяч лет, то, конечно, вернуться к моим «культурным» приобретениям, когда я возвращусь в свою среду».

Так успокаивал он себя, и все же где-то в подсознании шевелились тревожные, едва оформившиеся мысли: «Я дичаю, возвращаюсь на низшую ступень биологической лестницы. Если я проживу здесь несколько лет, то превращусь в дикаря».

Морель привык к одиночеству, был всегда углублен в себя, поэтому не очень страдал от отсутствия общества. Ему не приходило в голову приручить собаку или попугая, чтобы иметь общение с живым существом. Его единственным, но зато многочисленным обществом были насекомые и в особенности пауки. Он мог часами неподвижно сидеть, уставившись на какого-нибудь паука, и наблюдать за его работой. По-своему Морель был даже счастлив. Среди пауков, ос, муравьев он чувствовал себя в «своем обществе».

Бразилия в этом отношении была настоящим раем для ученого. Едва ли на всем земном шаре можно найти второе такое место, где волны жизни бушевали бы с такой неистощимой, ничем не сдерживаемой энергией. И Морель погрузился в этот безграничный океан; каждый день приносил ему что-нибудь новое, изумительно интересное. Морель был похож на золотонискателя и целыми днями, забывая о еде, подбирал свои «самородки» или бродил по лесам в поисках новых сокровищ. Морель-ученый спасал Мореля-человека от полного оди-

чания, и все же в Мореле происходил незаметный для него, но огромный внутренний процесс упрощения психики. В его мозгу оставались нетронутыми только клетки, принимавшие участие в его научной работе. Во всем остальном он действительно дичал. Он был нетребователен, как дикарь, в пище, запустил свою внешность. Его волосы отросли до плеч. Костюм давно висел на нем лохмотьями. Только ногти он остригал маленькими ножницами или чаще откусывал зубами, чтобы они не мешали ему при работе над насекомыми.

Главное изменение его психики заключалось в том, что у него постепенно угасало само чувство общественности. Ему не только не нужно было общество людей, но и научная работа как бы потеряла для него общественную ценность. Она стала самоцелью. Он делал величайшие открытия, которые привели бы в восторг не только натуралистов, но и химиков. Он находил новые красящие вещества, растения, содержащие огромное количество эфирных масел, ароматических смол, или такие, сок которых обладал свойствами каучуковых деревьев. Всего этого имелось здесь колоссальные, неисчислимые запасы. Но ему ни разу не пришла мысль об эксплуатации находящихся здесь богатств.

Он только отмечал, регистрировал эти факты как интересные научные открытия. Если бы Морель узнал, что все человечество, до последнего человека, погибло от какой-нибудь катастрофы и на безлюдной Земле остался только он один, это едва ли потрясло бы его и он продолжал бы заниматься своими научными работами по-прежнему. Даже честолюбие угасло в нем. Он уже не мечтал о славе. Мысль о возвращении к людям все реже посещала его. Только когда вторично наступил период дождей, Мореля охватило смутное беспокойство. Но он объяснил его тем, что дожди мешают ему совершать обычные экскурсии. Тогда он начал усиленно заниматься в своей лаборатории, приводя в порядок коллекцию.

Морель почти не замечал течения времени. Часы его давно стали. Календарь, который он вел одно время, вырезывая на палочках зарубки, был заброшен. Он стал отмечать только годы по периодам дождей, но вскоре оставил и это. К чему? Единственным измерителем времени мог служить его музей, который все пополнялся. Но и этот измеритель был неточен. Когда

полки, стены и даже пол его рабочего кабинета переполнялись собранными им насекомыми, как поле, покрытое саранчой. Морель начал выбрасывать одинаковые экземпляры, оставляя по одному каждого семейства или подсемейства. Но так как экспонаты все продолжали прибывать, ему пришлось выбрасывать одних насекомых, чтобы положить на их место других, более редких или впервые открытых им. Только феноменальная память Мореля сохранила всю историю его научных исследований. Однако эти драгоценные знания были затеряны вместе с их обладателем в дебрях бразильских лесов.

Морель давно уже не говорил вслух и не читал лекций своим воображаемым слушателям. Незаметно для себя он утрачивал речь и превращался в бессловесное существо.

Однажды целый день его преследовало слово, значение которого он не мог припомнить:

«Морель!.. Что бы это значило? Морель... Морель...»

Его бесило, что он не может припомнить значения слова, которое казалось таким привычным, знакомым. Эти усилия припоминания мешали ему, вносили беспорядок в работу мысли, и он постарался запрятать надоедливое слово в глубокий ящик подсознания. Морель не знал, что в этот день он стал человеком без имени.

IX. БЕССЛОВЕСНОЕ СУЩЕСТВО

— Здесь мы не найдем красных ибисов, — сказал Джон своему спутнику. — Ибис любит болота.

Джон был индейцем. Он прекрасно говорил по-английски и по-португальски, сын его учился в университете. Жил он в Рио-де-Жанейро, где имел собственный дом и магазин, обслуживавший главным образом туристов и путешественников, приезжавших в Бразилию из Старого и Нового Света, чтобы поохотиться в лесах или собрать коллекции. Ни одна научная экскурсия или экспедиция не миновала его магазина. Здесь можно было найти ружья, палатки, сетки для москитов, складные кровати, фляжки — словом, все необходимое для путешествия. Главной же приманкой был сам Джон.

Никто лучше его не знал малоисследованные области Бразилии. К его советам прислушивались профессора. Одетый по-европейски, сухой, подвижной, он мог сойти за испанца-коммерсанта. В его крови не умерло только одно наследие предков: склонность к приключениям бродячей жизни в лесах. Как дикая перелетная птица в неволе, каждый год он испытывал приступ тоски, желание расправить крылья и лететь... И ежегодно перед наступлением дождей он отправлялся с каким-нибудь путешественником к верховьям родной Амазонки.

На этот раз он оказал эту честь Арману Сабатье, богатому французу из Бордо, натуралисту-любителю и страстному охотнику.

Они поднялись по Амазонке на океанском пароходе до Маиауса, пересели на плоскодонный речной пароход, по Риу-Негру поднялись до Сан-Педро, затем пешком отправились на север. Через два дня пути они миновали извилистый бассейн реки и взобрались на возвышенность, поросшую густым лесом. По мнению Джона, в этом месте не могло быть красных небос.

— Ну что же, — сказал Сабатье, — нет красных, будем охотиться на белых. Здесь чудесно, Джон! Какая растительность... Тс...

Собака Сабатье, Диана, сделала стойку.

Арман Сабатье осторожно раздвинул кусты.

У ручья он увидел какое-то странное существо — полчеловека-полузверя, сидевшего на земле. Длинные седые волосы дикаря — если только это был человек — ниспадали на плечи. Чрезвычайно худые, но жилистые руки и ноги были голые, а туловище неизвестного покрывали обрывки серой ткани, словно он намотал на себя паутину. Дикарь сидел спиной к Сабатье и, видимо, был погружен в какие-то наблюдения.

Как ни тихо Сабатье раздвинул кусты, дикарь услышал приближение людей. Он повернул голову, из-за его плеча показалась длинная, всклобоченная борода, достигавшая согнутых колен. Старик сделал неожиданный прыжок и бросился в кусты с такой стремительностью, как будто он увидел не людей, а ягуара. Диана извизгнула и с отчаянным лаем погналась за убегающей «дичью». Сабатье и Джон поспешили за собакой. Без сомнения, она живо догнала бы беглеца, не будь на его стороне значительного преимущества: он, очевидно, прекрасно знал местность и с необычайной ловкостью

пробирался сквозь лианы и папоротники, тогда как Диана с разбегу не раз попадала в петли и узлы лиан и принуждена была останавливаться, чтобы освободиться. Она давно упустила из виду двуногого зверя, но шла по следу, руководствуясь обонянием и инстинктом. Сабатье и Джон следовали за нею, прислушиваясь к ее удаляющемуся лаю. Наконец они нагнали собаку у большого дерева. Подняв морду, Диана яростно лаяла. Джон посмотрел на вершину дерева.

— Вот где он! Сидит в ветвях, видите?

Сабатье не сразу заметил в густых ветвях дерева спрятавшегося старика, который смотрел на них молча и враждебно.

— Слезайте! — крикнул Сабатье по-французски.

— Слезайте, мы не причиним вам вреда! — в свою очередь крикнул Джон по-английски и еще раз по-португальски.

Но старик сидел неподвижно, как будто не слышал или не понимал их.

— Вот дьявол-то! — выбранился Джон. — Он глухой или немой. Что, если я влезу на дерево и сброшу оттуда этого лесовика?

— Нет, лучше подождемте его здесь, — ответил Сабатье. — Когда он убедится, что мы твердо решили познакомиться с ним, то, быть может, и сам спустится к нам.

Охотники расположились у дерева. Джон вынул из походного мешка чайник, консервы и сухари, разложил костер и вскипятил воду. Сабатье, сделав аппетитные бутерброды, высоко поднял руки и показал бутерброды старику, причмокивая губами, как будто приглашал есть кошку или собаку. Дикарь зашевелился. Вид пищи, видимо, возбуждал его аппетит. Приглашение к столу говорило о мирных намерениях неизвестных людей, так неожиданно нарушивших его одиночество. Однако старик еще долго не мог побороть чувства неприязни и недоверия. Он тихо замычал, как немой, и спустился ниже.

— Клюет, — весело сказал Сабатье, раскладывая на траве все содержимое своего мешка с продовольствием. Прошел еще добрый час, пока старик, спускаясь с ветки на ветку, оказался над самой головой охотников. Диана вновь неистово залаяла, но Сабатье за

ставил ее замолчать, и с недовольным ворчанием она улеглась у его ног.

Старик соскочил на траву, не говоря ни слова, подошел к охотникам, схватил несколько кусков вяленого мяса и стоя начал с жадностью поглощать мясо, почти не разжевывая и давясь.

— Видно, у него во рту давно не было мяса. Смотрите, как уплетает, — одобительно сказал Джон, протягивая старику новый кусок.

Насытившись, старик внимательно посмотрел на Сабатье и Джона, как бы изучая их, и кивнул головой. Этот простой жест доказывал, что охотники нмеют дело с существом сознательным, хотя и крайне диким. Сабатье, со своей стороны, внимательно изучал внешность старика. Это лицо, безусловно, принадлежало европейцу, хотя тропическое солнце и придало коже темно-бронзовый оттенок. Главное же, старик носит очки. Значит, когда-то он был знаком с цивилизацией. Сквозь стекла очков на Сабатье смотрели странные глаза. В этих выцветших голубых глазах горел огонек дикости или безумия, но вместе с тем взгляд старика отличался сосредоточенностью мысли, которая говорила о сложном интеллекте.

Старик, продолжая разглядывать Сабатье, как будто решал какой-то важный вопрос. Брови его нахмурились, почти прикрыв внимательные, зоркие глаза. Потом он подошел к Сабатье и, тронув его за руку, удалился, как бы приглашая следовать за собой.

Сильно заинтересованные, Сабатье и Джон быстро уложили свои вещи и пошли за стариком.

Они вышли на большую поляну, среди которой поднималась группа деревьев, а на них среди сучьев и зелени виднелось воздушное жилище лесного отшельника.

Старик обернулся, еще раз кивнул головой и начал карабкаться по некоему подобию лестницы.

— Однако для своих лет он недурно лазит! — сказал Джон, удивляясь легкости, с которой старик поднимался вверх.

Старик полез ползком в небольшую дверь.

Когда Сабатье и Джон вошли в его жилище, старик пригласил их в соседнюю комнату, так как спальня, где едва помещалась кровать, была слишком мала для трех посетителей. Сабатье не без опаски ступал по полу, сделанному из бамбуковых палок на высоте

сотни футов. Войдя во вторую комнату и оглядевшись, Сабатье и Джон замерли на месте от изумления... На столе аккуратно были разложены инструменты, употребляемые для препарирования насекомых и изготовления коллекций, — ланцеты, пинцеты, крючки, булавки, шприцы.

На полках, потолке и полу были расположены коллекции насекомых, образцы волокон каких-то тканей, краски в деревянных сосудах. Пораженный Сабатье, прикинув в уме, решил, что за такую коллекцию любой университет не пожалел бы сотен тысяч франков. Один угол комнаты был заткан паутиной. Маленькие паучки, как трудолюбивые работники, сновали взад и вперед, натягивая паутину на небольшие деревянные рамы.

Пока гости были заняты осмотром комнаты, старик принялся раскладывать добычу своего трудового дня. Потом он взял со стола птичье перо и обмакнул его в выдолбленный кусок дерева, в котором были налиты чернила, очевидно сделанные из каких-то зерен или стеблей.

Сабатье заинтересовался этими приготовлениями. Старик собирался писать, но на чем? Однако «бумага» лежала тут же на столе — это были высушенные листья дикой кукурузы.

Старик написал несколько слов и протянул лист Сабатье.

Письмо было написано на латинском языке, которого Сабатье не знал.

— Латынь мне не далась, — сказал он, обращаясь к Джону: — Может быть, вы прочтете?

Джон посмотрел на желтый лист с черными иероглифами.

— Если бы здесь было написано даже по-португальски, я не прочел бы этого почерка, — сказал он, кладя лист на стол.

Сабатье посмотрел на хозяина и развел руками:

— Не понимаем!

Старик был огорчен. Он попытался издать какие-то звуки, но, кроме мычания, у него ничего не получилось.

— Разумеется, он немой, — сказал Джон.

— Похоже на то, что он разучился говорить, — заметил Сабатье.

— Что же, попробуем обучить его. Интересно, на

каком языке он говорил, прежде чем его язык заржавел, — ответил Джон.

И они усиленно начали заниматься «чисткой ржавчины» языка старика. Они по очереди называли по-французски, по-английски и по-португальски различные предметы, показывая на них: стол, рука, годова, нож, де рево.

Старик понял их намеренно и, казалось, очень заинтересовался. Английские и португальские слова, видимо, не доходили до сознания старика. Он как будто не слышал их. Но когда Сабатье произносил французское слово, оно, словно искрой, зажигало какую-то клеточку в мозгу старика, пробуждая уснувшую память. У старика на лице появлялось более сознательное выражение, глаза его вспыхивали, он усиленно кивал головой.

Но как только дело доходило до речи, почти страдальческие морщины покрывали его лоб; язык и губы не повиновались, и изо рта исходило лишь нечленораздельное бормотание, весьма похожее на те звуки, которые издавали попугаи, повторявшие его лекции.

— Без сомнения, французский — его родной язык, — сказал Сабатье. — Старикашка — прилежный ученик. из него выйдет толк. Мне кажется, он уже вспомнил все слова, которые я произнес, но не может повторить их, потому что его язык, губы и горло совершенно отныкли от нужной артикуляции. Попробуем сначала поупражнять их.

И Сабатье начал обучать старика по новому методу. Он заставлял своего ученика отчетливо произносить отдельные гласные: а, о, у, е, и. Это далось легче. Потом перешли к согласным. Джон с трудом удерживался от смеха, наблюдая за гримасами, которые делал старик в попытках произнести какую-нибудь согласную. Он выпячивал губы, вертел языком вбок, вверх и вниз, подражая учителю, свистел, трещал шипел.

Успех этого метода превзошел ожидания учителя. К концу урока старик довольно отчетливо и вполне understandably произнес несколько слов.

— Ему нужно поставить голос, он слишком кричит, — сказал Сабатье. — Но на сегодня довольно. С него пот льет градом от напряжения. К тому же темнеет. Здесь слишком тесно, чтобы разместиться втроем. Мы будем ночевать внизу.

Гости еще не могли свободно изъясняться с хозяином. Пришлось прибегнуть к мимике и жестам, чтобы объяснить, что они не покидают его совсем. Распроставшись со стариком, Сабатье и Джон спустились по зыбкой лестнице.

— Ну, что вы скажете? Пошли за ибсами, а попали на дикобраза! Удивительная находка! Без всякого сомнения, старик — ученый. Но как попал он в этот лес? Хоть бы он скорее научился говорить!

— Вы прекрасный учитель, — заметил Джон, располагаясь на ночлег, — но все же на обучение должны уйти недели.

— Ради этого стоит пожертвовать несколько недель.

Пожелав друг другу спокойной ночи, они положили около себя ружья и улеглись спать.

Х. ФЕССОР

Превращение старика в «словесное» существо пошло довольно быстро. В конце недели с ним уже можно было вести довольно продолжительные разговоры, хотя он еще путал слова. Но Сабатье ждало некоторое разочарование. Если старик овладел речью настолько, что его можно было понять, то его память, по выражению Джона, заржавела более основательно, чем язык, и никакие методы тут не помогали. Старик мог рассказать немало интересного о своей жизни в лесу, но все, что относилось к прошлому, он забыл. Он не мог вспомнить даже своего имени.

— Сколько же лет пробыли вы в лесу? — спросил его Сабатье.

Старик посмотрел на палочки с зарубками и пожал плечами.

— Не знаю, должно быть, не меньше пятнадцати лет. — Старик наморщил лоб и, силясь припомнить, продолжал: — Примерно в тысяча девятьсот двенадцатом году я отправился в научную экспедицию...

— Значит, вы ничего не знаете о великой европейской войне?

Да, он ничего этого не знал. Он с недоверием слушал рассказы Сабатье и, видимо, не чувствовал к ним большого интереса.

— Да, не менее пятнадцати лет. Я заблудился в лесу, гоняясь за редкостной бабочкой. Совершенно неизвестный вид «мертвой головы».

И ученый подробнейшим образом описал все особенности насекомого.

— За все эти годы мне так и не удалось встретить второго экземпляра, — сказал он с неподдельной печалью.

Для него эта бабочка была важнее, чем все события, потрясавшие мир за последние пятнадцать лет. Он забыл свое имя, но не забыл, какого цвета была переднекрайняя жилка на внешнем крыле бабочки.

— Я долго искал моих спутников, конечно, и они меня. Они, наверно, решили, что я съеден зверями или что меня проглотила змея. Но я уцелел, как видите. Вы — первые люди, каких я вижу.

— От такого страшилища, как он, вероятно, все звери бежали! — сказал по-английски Джон. — Ему надо придать более человеческий вид.

— Вы были женаты? — продолжал расспросы Сабатье.

— Не помню... Кажется, что да, — продолжал Морель после долгой паузы. — Я вспоминаю в своей жизни женщину, которую я любил. Да, женщина... Но я не знаю, была это моя жена или мать. Наука и занятия настолько меня съели...

— Поглотили, — поправил Сабатье.

— Да, проглотили, что я уже не могу припомнить, как жил на свете.

— Но города вы представляете себе?

Старик, неопределенно разведя руками вокруг, кратко ответил:

— Шум.

— Неужто уши ваши помнят дольше, чем глаза? — удивился Джон и, подойдя к старику, спросил:

— Не разрешите ли вы мне вас остричь?

— Стричь?

Джон взял прядь его волос и показал пальцами, как стрижет парикмахер.

— Снять ваши волосы, — пояснил и Сабатье по-французски.

Старик не отвечал ни да ни нет. Ему было безразлично.

— Молчание — знак согласия. — Джон взял маленькие ножницы с рабочего стола и, усадив старика на самодельную табуретку, принялся стричь бороду и волосы на голове.

Окончив, Джон остался чрезвычайно доволен своей работой, хотя ему пришлось немало потрудиться: густые, свалевшиеся, как войлок, грязные волосы старика было трудно резать маленькими ножницами.

— Отлично. Я пройду в лагерь, возьму запасную палатку и сошью нашему старику костюм. К тому же нам надо как-нибудь окрестить его. Ведь он человек ученый, профессор. Кратко это будет «Фессор». Фессор — очень хорошая фамилия.

Когда Сабатье перевел старику предложение Джона, старик охотно согласился:

— Фессор — это хорошо. Я буду Фессор.

С тех пор за ним закрепилось это имя.

Костюм был скоро сшит. Правда, он напоминал погребальный саван, но зато не стеснял Фессора, привыкшего к удобной, легкой звериной шкуре.

— Ну что вы еще хотите с ним сделать? — с улыбкой спросил Сабатье, видя, что Джон критически оглядывает своего помолодевшего клиента.

— Подкормить, — ответил Джон. — Уж больно он худ?

— Вы чем питались? — спросил Сабатье Фессора.

— Зерна, ягоды, птичьи яйца, насекомые, — ответил Фессор.

— Ну разумеется, — сказал Джон, услышав ответ. — Не мудрено, что он тощ, как комар в засуху.

И они начали кормить старика чем могли из своих запасов и тем, что добывали охотой.

Однажды Джон, страстный рыболов, решил наловить Фессору рыбы, оглушая ее.

Он взял бутылку из-под виски, влил в нее четверть углерода, который у него был в запасе, и бросил в воду. Бутылка взорвалась, и от взрыва кругом была оглушена рыба. Все, в том числе и Фессор, начали поспешно вылавливать всплывшую на поверхность рыбу и тщательно промывать ее, чтобы яд не проник внутрь *.

— А у меня есть еще более простой способ ловить рыбу, не боясь отравиться ею, — сказал Фессор. — Я знаю паразитическое растение, оно растет вот в той части леса. Этим растением можно опьянить рыбу.

— Значит, вы и рыбой питались? — спросил Сабатье.

— Давно, — ответил Фессор. — Растение — очень высоко, а у меня нет времени лазать по деревьям, если можно питаться ягодами на ходу.

Джон очень заинтересовался этим растением, которое даже ему не было известно, и решил тотчас отправиться за ним.

Фессор указывал им путь. Он шел по лесу, как по музею, где каждый экспонат ему был хорошо известен. От времени до времени он справлялся по каким-то зарубкам, сделанным на деревьях. На вопросительный взгляд Джона он ответил:

— Я исходил лес во все стороны от хижины, и всюду через каждые пятьдесят — шестьдесят метров у меня сделаны на деревьях значки — они показывают путь.

Фессор завел своих спутников в такие дебри, что они с трудом пробирались.

— Вот там, вверху, видите — вьющиеся растения с белыми цветами. Это и есть мои рыболовные принадлежности.

Даже Джон, ловкий как обезьяна, с трудом взобрался на вершину дерева, опутанного лианами.

Он сбросил несколько веток с белыми, одуряюще пахнущими цветами. Слезая вниз, он увидел на мохнatom стволе дерева роскошную белую орхидею и сорвал ее.

— Я не знал, что вы такой любитель цветов! — сказал Сабатье, наблюдая за Джоном. Но Джон вместо ответа отчаянно вскрикнул, кубарем скатился с дерева и, не переставая кричать, запрыгал по траве, хватаясь за лицо и руки.

Сабатье решил, что его укусила змея. Но Фессор бросился на помощь Джону и начал сбрасывать с его рук и лица маленьких белых муравьев. Сабатье последовал за Фессором, и они вдвоем начали поспешно сметать с Джона муравьев. Несколько этих ядовитых насекомых упало на руку Сабатье, и он понял, почему Джон кричал так ненормально. Боль от укусов муравьев была нестерпима, как от укола раскаленной иглой. Когда, наконец, Джон был освобожден от насекомых, Сабатье подошел к орхидее и увидел, что вся внутренность цветка была сплошь усеяна белыми муравьями.

— Эти злые инсекты (насекомые), — сказал Фессор, — могут съесть живого человека. Однажды они напали на меня. Я спасся, потому что бросился в воду. В воде они еще долго кусали меня, пока их не смыло.

Все тело Джона горело, как будто он принял ванну из красного кайенского перца. Тем не менее он настаивал на продолжении рыбной ловли.

— Мне необходимо искупаться в реке, иначе я сгорю в собственной коже! — уверял бедняга.

Лов вышел удачный. Растение Фессора действовало изумительно. Несмотря на то что вода была проточная, хотя и с медленным течением, наркотический сок растения настолько одурманил рыбу, что вся поверхность реки покрылась ею. Но этого мало — Джону повезло поймать в реке животное из породы аллигаторов, водяную ящерицу, на вид весьма невинную, а в действительности по кровожадности мало чем отличающуюся от каймана.

— Что вы будете делать с этой ящерицей? — спросил Сабатье.

Но Джон только таинственно мигнул.

В этот день обед вышел на славу. Сварили и зажарили рыбу.

На закуску Джон вырезал лучшую часть для еды — хвост чудовища, затем вынул из тела яйца, которыми оно было наполнено. Печеные яйца ящерицы пришлись по вкусу Фессору, он признался, что не знал об этом вкусном блюде. Джон был, видимо, польщен.

В конце обеда вышла маленькая неприятность. Оказалось, в сахарнице почти нет сахара. Фессор тотчас предложил свести гостей к столетнему дереву, где водились медоносные мухи.

— Это недалеко, — сказал он, — и вы увидите, что там легко можно сделать запас сахара. Я изучал жизнь этих мух и знаю, как вынуть мед и не трогать их: задвину я всегда оставляю сверху дупла, а мед выгребая из-под мух. Мед этих мух вкуснее, чем пчелиный, а воск — белый-белый. Мухи дольше, чем пчелы, приготавливают воск; по этой причине я всегда возвращаю воск после того, как самодельной центрифугой извлеку из него весь мед.

Через полчаса маленькое общество уже сидело за чаем, наслаждаясь мушиным медом необычайного вкуса и аромата.

ХІ. НЕВЕДОМЫЕ БОГАТСТВА

Обычно Фессор уходил в лес на целые дни, и только вечером все собирались у костра за котелком чая, рассказывая друг другу события дня. За это время Фессор уже вполне овладел речью.

Однако в последние дни с Фессором стало твориться что-то неладное. Он возвращался в самые неопределенные часы, забирался в свою лабораторию и то сидел неподвижно у стола, обхватив руками голову, в глубокой задумчивости, то вдруг срывался с места, что-то возбужденно бормотал и с такой поспешностью спускался с лестницы, что Сабатье каждый раз боялся за него. Старик был крайне рассеян. Он отвечал невпопад на вопросы, иногда даже не слышал их или обрывал разговор на полуслове.

— Совсем помешался старик, — говорил Джон, поглядывая на Фессора.

Фессор действительно был похож на сумасшедшего.

Однажды он сидел недалеко от дома, внимательно разглядывая в траве какое-то насекомое. Вдруг Фессор поднялся и побежал с такою быстротой, словно за ним гнался ягуар. Он бежал по поляне как иступленный, крича во весь голос:

— Почему она не хочет брать мою эфиппигеру?

Потом он поймал какое-то насекомое, с такой же поспешностью вернулся на прежнее место и, бросив насекомое, издал торжествующий крик:

— Взяла, каналья!

Сабатье подошел к ученому и осторожно спросил его:

— У вас, господин Фессор, кажется, какие-то неприятности с вашими насекомыми?

— Неприятности? — ответил повеселевший Фессор. — Я чуть с ума не сошел, вот какие неприятности! Но теперь все в порядке. Еще одна сложнейшая загадка природы разрешена!

И, усевшись поудобнее, он с жаром начал объяснять:

— Осы — это ученые убийцы. Своих жертв — жужелиц, эфиппигер и других насекомых — они поражают отравленным книжалом в нервные центры и этим приподымают их в состояние полного паралича. Эти живые

трупы оса утаскивает к себе и складывает в кладовой — таким образом под рукой свежие продукты. Вот эта самая оса, лангедокский сфекс, едва не свела меня с ума! Она поразила свою жертву, эфиппигеру, на моих глазах и, ухватив за усики, не спеша потащила в свою норку. Я незаметно подкрался, ножницами обрезал усики, взял парализованную эфиппигеру и положил на ее место другую, только что пойманную мной. Оса, тащившая свою добычу, почувствовала, когда я перерезал усики, что ноша стала легче, и оглянулась. Конечно, она очень удивилась, увидев, что на месте парализованной лежит новая, живая эфиппигера. Моя оса не верила своим глазам и, помочив передние лапки во рту, начала ими протирать глазки. Убедившись, что это не обман зрения, оса начала искать первую эфиппигеру, а к моей даже не притронулась, хотя я сам подсовывал ей добычу. Почему она не брала мою эфиппигеру?

— Вам это показалось обидным? — спросил Сабатье.

— Не обидно, а непонятно, черт возьми! — вскричал Фессор. — Это противоречило инстинкту. Я был сам не свой, пока не разгадал загадку, которую мне задала оса.

— И в чем же было дело?

— В том, что я подложил ей самца. Оса же, как теперь я убедился, охотится на самок, потому что в их вздутом брюшке содержится большой запас сочных янчек — лучшее питание для личинок сфекса. Мне нужно было во что бы то ни стало найти эфиппигеру-самку, пока оса не утщила свою добычу. Вот почему я с такой поспешностью бегал по полю.

Сабатье стало понятно настроение Фессора.

Необъяснимое отступление от инстинкта, этого закона природы, для Фессора было столь же невыносимо, как для астронома непонятные ему возмущения в движении небесных светил. Теперь гармония космоса и души Фессора была восстановлена. Как будто тяжкий груз свалился с плеч. Он стал общительней и даже предложил показать, каким способом он ловит насекомых.

— Я подсекаю стволы одного кустарника, из которого капля за каплей вытекает своего рода клей, который и служит приманкой для различных насекомых. Да вот вы сами увидите.

Фессор «слетал» на свое гнездо и принес оттуда

горшочки и палочки, которые роздал Сабатье и Джону.

Фессор научил их, как нужно его клеем смазывать листья, ветви и даже мох, тщательно прикрывая те места, где расставлены ловушки.

Когда перед вечерним чаем они пришли к ловушкам, Сабатье увидел, что они действуют великолепно, — смазанные листья оказались сплошь покрытыми самыми разнообразными насекомыми.

— Это гораздо легче, чем бегать по полянам, как жеребенок. Да мне это уж и трудно становится.

Фессор нагнулся, вынул из клея какую-то божью коровку и раздавил ее между пальцами. Пальцы его мгновенно окрасились в ярко-синий цвет.

— Эта краска по яркости и прочности превосходит анилиновые краски и обладает одним замечательным свойством... Впрочем, позвольте пока не открывать вам секрета этой краски, — сказал он, о чем-то подумав.

В этот день Фессор был общителен, как никогда. После чая с медом он пригласил гостей к себе на дерево. Пройдя в свою лабораторию, он вынул из небольшого ящика образчики тканей, кусками в двадцать и тридцать сантиметров каждый.

— Эти кусочки материй, — сказал он, — сотканы из волокон растений или животных. Попробуйте. Никакая шерсть не сравнится по легкости, мягкости, прочности и теплоте с этой тканью. Но у меня есть кое-что поинтересней.

И Фессор протянул Сабатье кусок серой ткани. Когда Сабатье положил ткань на руку, он был поражен. Ткань была так легка и тонка, что казалась сотканной из паутины.

— Попробуйте-ка разорвать ее! — улыбаясь сказал Фессор.

Сабатье сначала осторожно потянул ткань, опасаясь, что она расползется при первом натяжении. Но ткань не разорвалась. Тогда он потянул сильнее, наконец рванул изо всех сил. С таким же успехом он мог попытаться разорвать железный лист. Джон также захотел испытать свою силу, но ткань решительно не поддавалась. И вместе с тем она была легка и воздушна.

— Сам черт не разорвет этой ткани! — сказал Джон, протягивая кусок Фессору.

Глаза и губы Фессора улыбались. В своем длинном балахоне он казался алхимиком, Фаустом двадца-

того Ъска. Помахав, как флагом, тканью, Фессор сказал:

— Я удивлю вас еще больше, если скажу, что эта ткань сделана водяным пауком. Из этой ткани водяные пауки строят свои подводные дома. Ткань совершенно водонепроницаема. Если ее пропитать соком одного растения, она станет непроницаема и для воздуха. Недурная была бы оболочка для дирижаблей! А как она держит тепло! Из этой ткани вы можете сделать трико. Вы будете казаться голым и вместе с тем смело можете отправиться в этом трико на Северный полюс, не рискуя замерзнуть.

— А вот эта ткань, — продолжал старик, — продукт особого вида шелковичных червей. И знаете, каким образом я добиваюсь, чтобы эти существа (мои ученики, как я их называю) изо дня в день работали на меня? Я избавляю их от всяких врагов и кормлю той пищей, какая им нужна, как это делают китайцы. Я месяцами, годами изучал нравы и инстинкты этих трудолюбивых насекомых и сделал из них прекрасных работников. Вот посмотрите на этого паука.

Сабатье еще в первый день обратил внимание на маленького паука, который наматывал паутину на деревянную рамку.

— Если бы у меня было больше места, я заказал бы этому ткачу целый костюм, и он бы соткал мне его по мерке без единого шва. Из этой паутины я делал себе рубашки. Ткань мне изготовляли пауки, а нитки — шелковичные черви.

— Но как вы добились этого?

— Наблюдением и терпением... Остальные образчики тканей сделаны из волокон разных растений, и все они очень прочны. Лучшие из этих растений те, волокна которых нужно долго разминать, отчего они делаются мягкими. Затем я их кладу в воду, смешанную с каким-нибудь дубителем, и это их делает еще более нежными. Я нашел также дикую коноплю из того же семейства, что растет в Индии. Ее волокна, погруженные в дубитель, также очень быстро приобретают большую прочность.

У Фессора словно прорвалась плотина молчания. Он готов был говорить целую ночь о новых, совершенно неизвестных цивилизованным людям материалах, об изумительных красках, тканях, чудодейственных соках

неведомых растений и о пауках — пауках больше всего. Говоря о них, Фессор превращался в поэта.

Но Сабатье уж не мог слушать. Нельзя было в один вечер усвоить и переварить все то, что Фессор узнал и открыл за пятнадцать лет жизни, каждый час которой был посвящен упорному труду исследователя. Наконец старик отпустил своих гостей, сказав им на прощание загадочную фразу:

— Сегодня ночью дух леса снизойдет к вам! — И Фессор засмеялся странным, почти безумным смехом.

XII. «ДУХ ЛЕСА»

Когда они спустились по лестнице и разложили у подножия дерева походные кровати, Джон долго тер себе лоб и сказал, обращаясь к своему спутнику:

— Знаете что, господин Сабатье, я больше не могу! Если мы пробудем здесь еще неделю, я совершенно обалдею от этого старика!

— Вы не правы, Джон. За этот месяц мы узнали столько интересных вещей, сколько не узнать за годы. Фессор поделился с нами только небольшой частью своего опыта. Но и этого было бы достаточно, чтобы поразить весь ученый и промышленный мир. Знаете ли вы, что за самое незначительное открытие Фессора любой фабрикант не пожалел бы миллиона? Некоторые из его открытий похожи на взрывчатые вещества необычайной силы. Они могут перевернуть вверх дном целые области промышленности и создать совершенно новые. Все это так грандиозно, что я не в силах разобраться в этом необычайном богатстве. Подумать только, что оно оставалось неизвестным миру целых пятнадцать лет!

— И останется неизвестным, — отозвался из темноты Джон.

— Этого не должно быть! — серьезно ответил Сабатье. — Мы попытаемся уговорить Фессора уехать вместе с нами. Мы захватим часть его коллекций и его самого.

— Едва ли он согласится на это, — возразил Джон. —

Как бы там ни было, нам пора собираться в дорогу. Скоро начнется период дождей.

Они замолчали, погруженные каждый в свои мысли. Сабатье думал о возможной эксплуатации «клада» Фессора, Джон же — о своем магазине.

— Однако пора зажигать костер и ложиться спать, — сказал Джон.

В этот момент легкий скрип дерева привлек их внимание. Они насторожились, но даже тонкий слух охотников не мог сразу определить, откуда исходит звук. Уловить его направление в самом деле было нелегко. Джон первый догадался поднять голову кверху и вскрикнул от удивления.

Можно было подумать, что во тьме тропической ночи к ним спускается звездный кусочек Млечного Пути.

Джон увидел кучу звезд, которые горели спокойным, мягким фосфорическим светом.

— Что за наваждение! — воскликнул Джон.

Конечно, тут не могло быть ничего сверхъестественного. Млечный Путь не мог скрипеть легкими перекладинами лестницы.

Среди тишины ночи послышался короткий смешок Фессора.

— Лесной дух спускается к вам! — сказал Фессор.

Когда он спустился, Сабатье и Джон не могли не вскрикнуть от удивления. Весь балахон Фессора сиял фосфорическими пятнами.

— Недурной маскарадный костюм! — сказал, улыбаясь, Сабатье.

— Вы угадали, это мой маскарадный костюм, — ответил Фессор. — Помните божью коровку, содержащую синюю жидкость? Эта жидкость фосфоресцирует ночью. Я намазал ею костюм и превратился в созвездие, гуляющее по тропическому лесу.

— Но зачем вам этот маскарад? — спросил Сабатье.

— А вот зачем. Каждое светящееся пятно напоминает своей формой тело какого-нибудь фосфоресцирующего ночного насекомого, и насекомые летят на мой костюм. Светящиеся пятнышки покрыты легким слоем клея. И насекомые садятся на эту приманку. Таким образом, гуляя по лесу, я в то же время ловлю насекомых. Как видите, я весьма упростил свою работу.

И, пожелав гостям спокойной ночи, Фессор удалился.

ся, словно блуждающий огонек, то появляющийся, то исчезающий среди кустов.

Когда утром Фессор вернулся, он уже не был похож на кусочек звездного неба. Весь его костюм был сплошь покрыт прилипшими за ночь насекомыми.

— Хороший улов! — весело приветствовал он Сабатье.

— Вы прямо ходячая коллекция, господин Фессор! Не хотите ли чаю?

— Сейчас, только освобожусь от насекомых и приведу в порядок костюм, — ответил Фессор, поднимаясь по лестнице.

Когда Фессор вернулся, Сабатье налил ему кружку чаю и сказал:

— Дорогой Фессор, мы хотим похитить вас. Скоро наступит период дождей, и мы отправимся в путь.

— Желаю успеха.

— А вы?

— Мне и здесь хорошо, — решительно ответил Фессор.

— Неужели вы не испытываете никакого желания перенестись к людям? — спросил Сабатье. — Пятнадцать лет — как будто достаточный срок для научной экспедиции. Вы только подумайте, какую сенсацию произведут ваше возвращение и открытия! Ваше имя станет известным во всем мире.

Сабатье пытался играть на струнке тщеславия, но эта струнка уже не вибрировала в душе Фессора.

— Здесь есть кое-что поинтересней газетной шумихи. — И, подумав, Фессор добавил: — Нет, я не могу оставить леса.

— Но что вас удерживает?

— «Мертвая голова» — та самая бабочка необычного вида, которую я встретил в лесу пятнадцать лет назад. Я думал о ней дни и ночи, искал ее все эти годы, но не мог найти. До тех пор, пока ее не будет у меня, я не уйду из этого леса.

— Но поймите же, — рассердился Сабатье, — вы сами давно превратились в мертвую голову, упрямый человек! Ну какая польза от всех ваших открытий, если о них не знает ни один человек на земле? Что толку от всех ваших коллекций и знаний? Не сегодня-завтра вас может съесть ягуар, проглотить удав. Наконец, вы умрете естественной смертью и унесете в могилу все сокровища. Вне общества, без людей ваше

существование бесцельно, ему грош цена! Наука для науки — это игра в бирюльки, чепуха, бессмыслица! Вы должны подумать о своем долге перед обществом, без которого вы были бы бессловесным животным!

Сабатье говорил долго, и Фессор, видимо, начал склоняться на его доводы. Наконец старый ученый, опустив голову, сказал:

— Хорошо, я поеду с вами. Но только для того, чтобы вернуться сюда во главе хорошо оборудованной экспедиции и закончить свои работы. Мы, конечно, заберем с собою мои коллекции.

— Ну разумеется, — ответил Сабатье, подумав: «Только бы его вытащить отсюда!»

Дожди стали выпадать все чаще, и маленькое общество начало деятельно готовиться к отъезду.

Однажды Сабатье, бродя у берега вздымавшейся реки, обратил внимание на валявшиеся стволы железного дерева. От них исходил крепкий аромат.

— Такому дереву позавидовала бы любая парфюмерная фабрика! — сказал Сабатье. — Что, если из таких деревьев сделать плот?

Фессор покачал головой.

— Это дерево сыграло уже со мной скверную шутку! — ответил он. — Оно не будет держаться на воде. Плот надо делать из легкого бамбука.

Скоро плот был готов. Он отличался довольно большими размерами. Джон устроил на нем поместительную палатку. Когда начались дожди, все трое переселились в палатку, ожидая момента отплытия. Коллекции еще находились в древесной хижине Фессора. Путники выжидали, пока небо прояснится, чтобы перенести огромное количество насекомых, не испортив их дождем. Фессор очень волновался и ежеминутно поглядывал на небо.

— Кажется, проясняется, — сказал он однажды утром.

Дождь перестал, проглянуло солнце. Лес начал оживать.

— Да, надо пользоваться случаем, — ответил Сабатье.

Все поспешили к хижине.

Вдруг Фессор громко вскрикнул и побежал как безумный.

— Мои коллекции! Мой дом! — кричал он.

Сабатье и Джон последовали за ним и увидели, что ветхий домик Фессора разрушен бурями и ливнями последних дней. У подножия деревьев лежала груда трухи вперемешку с высохшими насекомыми.

Фессор в отчаянии бросился на останки своего жилища и начал ворошить мусор руками, крича.

— Мои коллекции! Мой труд! Моя жизнь!

Джон пытался оттащить старика, но он, казалось, помешался.

— Оставьте его, пусть он немного успокоится, — сказал Сабатье, взволнованный искренним горем ученого.

Набежала туча, сразу стало темно. Гремел гром, сверкала молния. Ветер трепал верхушки деревьев и свистел в бамбуковой роще. Дождь вновь полил как из ведра. Но Фессор не замечал ничего. В его настроении наступила реакция. Он сидел неподвижно, как маньяк, устремив взгляд на погибшие сокровища.

Сабатье нахмурился и, тронув ученого за плечо, сказал:

— Вот видите, мы вовремя решили увезти вас отсюда. Но не печальтесь. Вы вернетесь сюда, и тогда...

— Да, да! — Фессор пришел наконец в себя. — Надо начинать сначала! Я вернусь!

— С большой экспедицией, оборудованной наилучшим образом. Но нам надо спешить. Идемте скорей, Фессор!

— Да, да, надо спешить... Работы много. Все — сначала. Скорей же! Идем!

Фессор торопил своих спутников. Он спешил к людям, чтобы скорее вернуться в лес. Этот лес поработил его душу, сделался его стихией, его маньей.

Они пришли на реку как раз вовремя. Неожиданно прибывшая вода уже поднимала плот.

Фессор ухватил шест и начал отталкиваться.

— Не делайте этого! — прикрикнул на него Джон. — Вы можете загнать острые концы плота в тину. Вода сама поднимет плот. Имейте терпение!

Фессор покорно положил шест и вновь погрузился в мрачное молчание, устремив взор на мутные воды.

Мимо него, как много лет назад, мчались стволы деревьев, трупы животных, пальмы. Но он, казалось, ничего не замечал. Только один раз его глаза загорелись мыслью.

Путешественники увидели зрелище, которое могло

привести в себя даже полупомешанного Фессора...

По реке мимо них тихо плыл остров с десятком пальм и папоротников. Огромные орхидеи спускались к самой воде. В ветвях пальм прыгали и беспокойно кричали обезьяны.

— Плавающий остров! Неужели это не мираж? — воскликнул удивленный Сабатье.

— Наводнение смывает целые группы деревьев, — ответил Фессор таким тоном, как будто читал лекцию в университете. — Случается, что такие острова выплывают в море далеко от берега и долго носятся по волнам; сплетенные корнями деревья долго не распадаются. Многие мореплаватели встречали в океане такие плавающие острова. Здесь нет ничего... — он оборвал на полуслове и ушел в свои мысли, внезапно забыв об острове.

— Вот бы на таком острове совершить плавание! — сказал Сабатье.

— Индейцы проплывают иногда на этих странствующих островах значительные пространства, — ответил Джон. — Помню, в детстве я сам пускался в такие путешествия.

Плот сильно качнулся, и его понесло течением.

— Наконец-то! — ожил Фессор. — Скорей бы, скорей! Столько работы!.. — И он снова замолчал, низко опустив голову. Джон посмотрел на Фессора, потом на Сабатье и тихо сказал:

— Пожалуй, нам не следовало брать с собой старика. Смотрите, он совсем спятил.

— Ничего, отойдет. Нельзя же было оставить его в лесу!

— Удивительная история! — сказал французский консул в Рио-де-Жанейро, когда Сабатье окончил свой рассказ. Затем консул открыл шкаф, порылся в старых газетах, аккуратно сложенных в стопки, вынул желтый номер и протянул Сабатье.

— Вот посмотрите.

Сабатье раскрыл газету. Она была от 12 сентября 1912 года. На третьей странице была помещена заметка о гибели в лесах Бразилии французского ученого Мореля, написанная одним из его спутников по экспедиции. К статье был приложен портрет человека в очках, с гладко выбритым лицом.

— Да, это он, наш Фессор! — сказал Сабатье. — Время сильно изменило его, но глаза те же.

— Глаза человека не знают старости, — ответил консул. — И вы говорите, что он жив и здоров? Приведите его ко мне. Интересно взглянуть на этого нового Робинзона!

Однако привести Мореля к консулу было не так легко.

Когда Сабатье вернулся в номер гостиницы, его встретил Джон, сильно расстроенный.

— Опять ушел! — сказал Джон. — Этот Фессор совсем помешался, должно быть, от городского шума. Он бредит, говорит какие-то непонятные латинские слова. Убежал в городской сад, прыгает по траве и ловит бабочек, а сторожа ловят его. Он собрал вокруг себя целую толпу. Я пытался его увести и сам едва ушел: сторожа хотели отвести меня в полицию. Они говорят: «Если это ваш помешанный, то вы должны за ним следить и не выпускать его из дома». Нечего сказать, хорошую сделали мы находку! Я говорил вам, что не надо было увозить его из леса.

— На него повлиял слишком резкий переход от одиночества в лесу к жизни большого города. Ему, вероятно, придется полечиться. Но я надеюсь, что постепенно он придет в нормальное состояние, — сказал Сабатье.

За окном послышался шум, и они услышали голос Мореля-Фессора:

— Зачем вы преследуете меня? Что вам от меня нужно? Не мешайте мне, я ищу «мертвую голову»!

КОММЕНТАРИИ

МЕРТВАЯ ГОЛОВА

Впервые рассказ был опубликован в журнале «Вокруг света» (1928, № 17). При жизни писателя в его книги не входил и увидел свет на страницах сборника только в 1959 году, когда издательство «Молодая гвардия» выпустило составленную Борисом Ляпуновым антологию советских научно-фантастических рассказов двадцатых — тридцатых годов «Невидимый свет». Впоследствии рассказ включался в сборники произведений Беляева.

«Мертвая голова» — один из ранних научно-фантастических рассказов Беляева, близких по жанру географическо-приключенческой литературе. Сюжет рассказа и на этот раз опирается на реальный факт — газетное сообщение о найденном где-то в джунглях Амазонки одичавшем человеке.

Название рассказа несет двойную нагрузку: с одной стороны, это наименование редкого вида южноамериканских бабочек — в погоне за одной из них и заблудился в джунглях герой рассказа; а с другой — это символ утраты человеком своей человеческой сущности в социальном безмолвии необитаемых лесов. Такие символические, метафорические заглавия Беляев давал своим произведениям неоднократно.

В сносках, обозначенных цифрами, даны примечания автора.

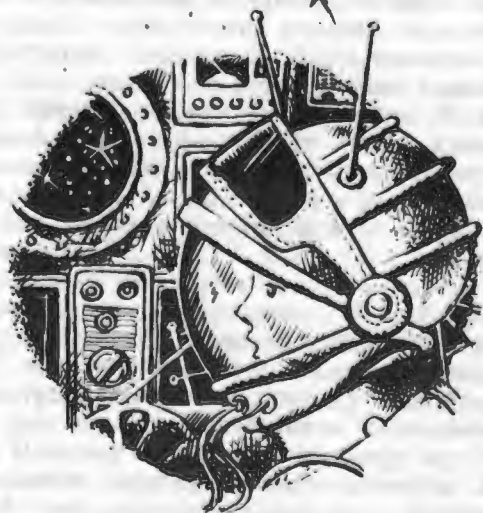
Стр. 111. Золотое руно — в греческом мифе об аргонавтах — богатство, которое манит, которым стремятся овладеть.

Синяя птица — символ ускользающего счастья в пьесе бельгийского поэта и драматурга, лауреата Нобелевской премии (1911 г.) Мориса Метерлинка (1862—1949) «Синяя птица» (1908).

Стр. 146. Способ приготовления Джоном взрывчатки описан Беляевым условно. Точно так же невозможно изготовить, скажем, нитроглицерин по способу инженера Сайреса Смита в романе Жюль Верн «Таниственный остров».

С

Держи
на ЗАПАД!

Великий Ум был слишком погружен в занятия, чтобы думать о смерти. Но зато об этой приближающейся смерти думали все окружающие, думала страна, думал весь мир. Смерть Великого Ума была бы для человечества ужасной, быть может, невозвратимой потерей. Великий Ум был гордостью человечества и его великой надеждой. Это был гений, сверхгений, к рождению которого готовилось несколько поколений. Сменившиеся ряды ученых-евгенистов* тщательно подбирали наследственные черты, гены, искусственным подбором создавали то, что до сих пор было неожиданным даром природы. Это был первоклассный ум, который когда-либо знала человеческая история. За свою долгую жизнь он подарил человечеству столько полезных открытий и изобретений, сколько не было сделано за несколько веков. Но — увы! — и эта чудесная машина мысли подчинена общему закону изнашивания. И вот теперь, когда Великий Ум был занят своим самым важным изобретением, врачи принесли печальную весть: конец приближается, и едва ли Великий Ум успеет окончить это изобретение, которое откроет новую эру в истории человечества.

Не так давно Великий Ум сказал:

— Человечество жаждет долголетия. Я могу разрешить эту задачу, но раньше надо разрешить другую: обеспечить людей энергией и пищей. Люди размножаются слишком быстро, и если они к этому еще будут жить долго, то они начнут испытывать всевозможные затруднения. Поэтому я сначала обеспечу их: открою способ добывания энергии в неограниченном количестве и способ превращения одного вида материи в другой.

И это должно было исполниться, потому что все, о чем говорил Великий Ум, всегда исполнялось. Но он не думал об одном, что смерть может остановить его работу. Врачи, лечившие и исследовавшие его, не должны были отнимать ни одной минуты его работы. Осторожные, невидимые щупальцы радиоволн освидетельствовали его пульс, давление крови, силу радиоволн, излучаемых мозгом, и пришли к печальному выводу: уже никакие лекарства, незаметно даваемые с пищей, не могли ему помочь. Все, что можно было сделать для отсрочки конца, также было уже сделано. Наступали последние, неотвратимые сроки.

Великий Ум сидел в звуконепроницаемой комнате в широком халате, склонившись над большим письменным столом, и думал на валик радиограмма. Радиограмм — это прибор, который записывает мыслеизлучения на стальную проволоку, непрерывно наматываемую на большую катушку. Так, как паук, в тиши тклет свою паутину мысли Великий Ум. Потом эту паутину «разматывают»: электроволны, намагничивающие проволоку, превращаются в световолны, световолны отпечатываются на особые пластинки и превращаются в звуковолны и в обычные письма. Армия ученых изучает эти записи, производит опыты, изготавливает новые аппараты, словом, работает под руководством Великого Ума.

Великий Ум думает больше формулами, математическими знаками. Длинная нить формул и знаков вдруг сменяется образом, — яркой картиной того, что должно получиться в мире реальных вещей, когда формулы будут претворены в жизнь. Он думает напряженно, сосредоточенно, и такая тишина в его кабинете! Ни единого звука не долетает сюда из внешнего мира. А в соседней комнате, за четырьмя изоляционными стенами, смятенный шепот врачей. Они еще продолжают консультироваться, хотя все уже ясно для каждого: «близок конец». Вот они выходят в большую комнату, залитую искусственным солнечным светом, где ожидают пятьсот ученых — помощников Великого Ума.

Самый молодой и самый умный врач безнадежно разводит руками и говорит:

— Граждане! Надежды нет. Близок час, когда Великий Ум погаснет. Ему осталось жить не более месяца.

Из среды ученых вышел физик в халате, прожженном кислотами, и сказал:

— Но Великий Ум еще не кончил своей работы. И потому он не может, он не должен умереть! Он создан нами и жил для нас. И умереть он может тогда, когда...

— Когда наступит смерть, — перебил врач.

— Когда окончит свое дело, дело своей жизни! А ваше дело, — продлить ему жизнь. Я ближе всех стою к Великому Уму. Я знаю весь ход его мышления, но без него я не могу окончить работу. Я знаю только, что два месяца Великому Уму достаточно, чтобы закончить все. И вы, врачи, обязаны найти средство дать ему эту отсрочку, иначе народ не простит вам...

— Средств нет! — безнадежно проговорил врач.

— Я сказал: вы должны найти их!

— Да, вы должны найти это средство! — слышались голоса ученых-физиков. Они были так возбуждены, что начали наступать на врачей, как будто те были виноваты в приближающейся смерти Великого Ума. Врачи невольно попятились назад. Молодой врач поднял руку и воскликнул:

— Слушайте! Я обещаю вам сделать все возможное. Мы будем думать дни и ночи, думайте и вы. Все ученые будут думать, как продлить жизнь Великого Ума. Может быть... в последнюю минуту средство будет найдено.

Так начался великий консилнум врачей и ученых всего мира. Проходили дни и ночи. Солнце всходило и уходило, а ученые, поддерживая себя искусственными средствами, все думали над тем, как отсрочить смерть Великого Ума, и не находили. А роковой конец все приближался.

В начале четвертого дня физик в прожженном кислотами халате сказал по радио, и его услышал весь мир:

— Я нашел средство, как спасти от смерти Великий Ум!

— Как? Как? Как? Как? Как?.. — закаркали радиоголоса.

И когда шум стих, голос физика ответил:

— Надо обратиться к самому Великому Уму. Прервать на время его работы, объяснить положение вещей и просить его подумать. Если никому не удалось

найти средство продлить жизнь, то сам он, наверное, найдет.

И вот произошло необычайное: покой Великого Ума или, вернее, напряженное течение его мыслей было нарушено, работа прервана, в его тишейшей комнате зазвучали человеческие шаги, послышалось человеческое дыхание. Великий Ум поднял голову от стола и, глядя на вошедшего физика, спросил одними глазами: что ему надо и зачем он нарушил его работу.

— Простите, — ответил физик, — но время не терпит. Врачи сказали, что вам осталось жить не более пяти дней, а я знаю, что работа ваша требует для окончания, по крайней мере, еще месяца. Все врачи и все ученые думали над тем, как бы найти средство отсрочить вашу смерть на месяц, но никто не нашел этого средства. Я решил, что только вы один можете найти его. — Физик замолчал. Молчал и Великий Ум. На его лице не отразилось волнения. Оно было только глубоко задумчивым. Потом он начал медленно говорить, как человек, который разучился делать это от долгого молчания.

— Неужели так быстро прошла жизнь?.. — Он еще помолчал немного и продолжал: — Сейчас я вспомнил о всех своих работах и подсчитал время, необходимое на их осуществление. Да, на это могла уйти вся жизнь. Сто сорок пять лет, ведь такой мой возраст? Это почти норма человеческой жизни. Обычно у нас теперь живут сто пятьдесят, не так ли? Но я жил слишком напряженной жизнью и состарился преждевременно. — Великий Ум улыбнулся. И еще раз подумав, сказал: — Вы правы. Мне необходимо отложить мою работу и подумать над средством продлить мою жизнь. Я должен окончить дело прежде, чем умереть. Дайте мне материалы по медицине, по статистике рождаемости, смертности, заболеваемости, материалы по биологии, физике, химии, танатологии *. Если этого будет недостаточно, я скажу, что мне еще прислать.

Физик откланялся и вышел. Скоро к комнате, смежной с кабинетом Великого Ума, подкатили огромные катушки двухметрового диаметра. На этих катушках были намотаны тончайшие проволоки, с магнитными радиозаписями. Это были своеобразные «книги», хранившие в самом концентрированном виде, как стенографическая запись, всю мудрость веков. Последние научные

данные подавались в виде сжатых конспектов и сразу могли ввести в круг знаний человека, мозг которого был подготовлен для таких восприятий.

Великий Ум надел на голову металлический колпак с шишечкой наверху. В этой шишечке была скважина, сквозь которую проходила тонкая проволока, отведенная от одного из барабанов. Затем эта проволока была выведена в другую комнату, где она наматывалась на другой барабан. Загудел мотор, и тончайшая проволока с необычайной быстротой начала перематываться с одного барабана на другой, проходя сквозь скважину на металлическом колпаке, надетом на голову Великого Ума. Великий Ум воспринимал электроколебания, которые в его мозгу превращались в мысли, и таким образом изучал новые для него области знания. В продолжение часа сменилось несколько катушек с диаметром в два метра. Десятки тысяч километров проволоки проскользнули над головой Великого Ума, а в каждом сантиметре этой проволоки заключалось несколько мыслей. И все эти мысли, текущие с огромной быстротой, усваивались мозгом Великого Ума, и усваивались критически. Великий Ум вбирал в себя знания, как мощная турбина, и перерабатывал их в токи высокого напряжения собственных новых мыслей и знаний. Физики, его помощники, не успевали подкатывать все новые и новые барабаны. Медицина, медицинская статистика, биология, танатология были поглощены.

— Довольно, — сказал Великий Ум и задумался. В его мозгу происходил процесс величайшего напряжения. Из колоссального количества разносторонних знаний должен был выплавиться какой-то новый сплав, никакая-то истина, какое-то великое знание. Все напряженно ожидало. Великий Ум сам себе должен был вынести приговор: смерть или помилование, по крайней мере, отсрочка. И наконец он сказал:

— Да, врачи правы! Медицина бессильна продлить мою жизнь!

Услышав эти слова, средние умы были горестно поражены; большие умы ждали продолжения, ибо Великий Ум сказал, что бессильна помочь медицина, но не сказал, что нет больше никакой надежды. И большие умы не ошиблись. Великий Ум продолжал после паузы говорить в микрофон:

— Медицина бессильна. И потому я начал ис-

кать спасения в других областях знаний... и нашел!

Все вздохнули с облегчением.

— Врачи! — продолжал Великий Ум, повышая голос, как если бы он говорил в большой аудитории. — Обратили ли вы внимание на такие цифры медицинской статистики: летчики наших восточных воздухоплавательных линий умирают раньше, чем летчики западных линий. Почему это так? Отвечайте!

— Мы не знаем, — отвечал главный врач.

— Быть может, потому, — слышался голос молодого врача, — что у летчиков, которые всегда летят на восток, совершая непрерывно кругосветное путешествие, левая сторона тела, где находится сердце, все время пребывает в тени и потому недостаточно питается ультрафиолетовыми лучами. Летчики же западной кругосветной линии всегда имеют солнце по левую сторону. Утром оно обогревает их спину, в полдень — левый бок, на закате — голову. И только правый бок находится в тени.

— Это верно только для приполярных линий. На экваторе же разница только в том, что на восточных линиях солнце освещает сначала лицо, потом темя, а потом спину летчика, на западных же — наоборот, — возразил главный врач.

— Вы оба неправы, — ответил Великий Ум. — И вам, как лицам, поставленным охранять народное здоровье, надо было обратить на это внимание давно и не допускать одного человека все время летать вокруг земного шара на восток, а другого на запад. Одного и того же летчика надо было каждый раз посылать с обратным рейсом, иначе говоря, заставлять летать туда и обратно, а не все время в одну сторону. Почему? Очень просто. Время, как все на свете, — понятие относительное. Вам должно быть известно, что человек,двигающийся на запад вместе с солнцем, выигрывает один день в году, тогда как путешественник, идущий на восток, один день проигрывает. Если авиатор во время своей жизни сделает триста шестьдесят пять кругосветных путешествий все время на запад, то он выигрывает в продолжение своей жизни целый год и умирает он на год моложе того, что ему будет значиться по календарному исчислению. И наоборот, человек, совершивший триста шестьдесят пять путешествий на восток, будет на год старше. Вот почему авиаторы нашей

восточной линии умирают скорее, чем их товарищи на западной. Теперь вы понимаете, как продлить мою жизнь?

— Держи на запад! Все на запад! — воскликнул физик. — Ура!..

— Да, — ответил Великий Ум. — Детали вы сможете разработать без меня. За пять дней, остающихся до моей смерти, я думаю, вы успеете приготовить все для того, чтобы мне в буквальном смысле слова убежать от смерти. Принимайтесь за дело! Я нашел средство отсрочить смерть.

И Великий Ум опять погрузился в вычисления. Еще далеко не все поняли, в чем заключается спасительное средство, открытое Великим Умом для продолжения жизни, а физик уже работал над осуществленным планом. И он говорил своим молодым помощникам:

— И как это нам самим не пришла в голову такая простая вещь? Мне вспоминается прошедший новый год, который я встречал на Гринвичской обсерватории. Ровно в двенадцать часов ночи по гринвичскому времени я поздравил с новым годом по радио моего друга, японского физика. Он, конечно, ответил мне, что я опоздал на несколько часов поздравить его, что у них в Японии новый год наступил уже десять часов тому назад. Тогда я обратился с тем же поздравлением к моему второму другу, живущему на западном берегу Канады. Мой друг ответил мне в ту же минуту, что я слишком рано поздравляю его с новым годом, так как у них еще только час дня тридцать первого декабря старого года. Теперь представьте себе, что я со скоростью радиолуча перелетел бы к своим друзьям. Если бы я полетел в Японию, то ясно, что я потерял бы десять часов жизни в новом году, так как там было бы уже десять часов утра нового года, в то время как из Гринвича я вылетел ровно в полночь. Наоборот, летя на запад и делая остановки у моих многочисленных друзей, я мог бы много раз встречать новый год вплоть до западного берега. Таким образом, летя на запад, я все время выигрывал бы во времени, а следовательно, и в продолжительности жизни.

Для Великого Ума была приготовлена большая ракета, на которой он должен был лететь на запад до тех пор, пока не окончит своего труда. Инженеры и физики немало поработали в эти дни. Для того чтобы не

отнимать ни одной минуты у Великого Ума, он был перенесен на ракету вместе со своим кабинетом, который выдвигался из дома, как ящик стола. В ракете имелось все необходимое для научных занятий. Несколько человек отправлялось вместе с Великим Умом для его обслуживания. Все совершилось с такой точностью, что Великий Ум даже не почувствовал, как ракета поднялась на воздух и полетела на запад.

— Держи на запад! — крикнул на прощание физик, махая шляпой. — Теперь он окончит свой труд — труд всей его жизни. Управление ракетой находится в надежных руках. Вокруг экватора около сорока тысяч километров. Если лететь со скоростью тысяча шестьсот шестьдесят шесть и шесть десятых километра в час, то есть с той же скоростью, с какой Земля летит в воздушном пространстве, то ракета облетит вокруг Земли в сутки. Солнце будет неизменно, неподвижно стоять над их головой, так как они вылетели ровно в полдень. Иначе говоря, время как бы остановится для них. Они будут переживать один сплошной, непрерывающийся полдень.

— Да ведь это значит бессмертие?! — спросил молодой инженер.

— Вроде того. Стой, Солнце, пока я не окончу работу.

Мир повеселел. Великий Ум даст людям неограниченные запасы силы, энергии и пищи. Потом Великий Ум найдет средство продлить жизнь людей. Впрочем, это средство уже найдено. Найден ключ времени, которое больше не властно над людьми. Человечество переселится на ракеты, которые будут все время держать курс на запад. И люди будут бессмертны! Однако почему ракета не отвечает на радиозапросы? Или испортилась ее радиостанция?.. Прошло уже несколько часов с тех пор, как Великий Ум оставил Землю и даже пределы земной атмосферы и летел где-то на огромной высоте, а радист на ракете еще бездействовал. Почему? Это начинало беспокоить жителей Земли. Они отправляли на ракету сигнал за сигналом, но ракета продолжала безмолвствовать. При помощи особых аппаратов удалось только установить, что ракета летит со скоростью 1666,6 километра в час.

— Придется послать на разведку другую ракету, — сказал физик. И через час ракета уже была отправле-

на. Она сообщала о своем полете по радио. Все шло благополучно. Но как только скорость ракеты достигла цифры 1666,6 километра в час, радиосообщения и с этой ракеты прекратились.

— Совершенно непонятно! — сказал физик. — Неужели и на этой ракете стряслось что-нибудь?

— Может быть, человек не в состоянии перенести такой скорости? — спросил врач. Физик пожал плечами.

— Да разве люди не переносят все время такой скорости? Ведь это же обычная скорость полета нашей Земли вокруг Солнца!

— Да, но это, так сказать, нормальный полет, а на ракете искусственный, притом в противоположном направлении.

— Это не меняет дела!

На помощь первым двум была послана третья ракета, но и ее постигла та же участь. Она замолчала, как только достигла скорости вращения Земли. На Земле настало уныние. Уже почти никто не сомневался в том, что Великий Ум погиб. Правда, ученые утешали человечество тем, что в их «питомниках» подрастает еще несколько великих умов и что скоро в великих умах вообще не будет надобности, так как один исключительный мозг вполне возможно будет заменить коллективной планомерной работой больших и средних умов. Другие же ученые уверяли, что благодаря успехам евгеники все умы будут одинаково великими. Средние и низшие умы исчезнут, как несовершенные формы вымерших животных. Но эти прекрасные перспективы утешали далеко не всех.

Технический совет, не рискуя больше отправлять новые ракеты, решил задержать полет молчавших ракет с Земли. Для этого вблизи путей пролета были установлены на определенной высоте неподвижные ракеты, снабженные огромными электромагнитами. Эти магниты тормозили полет ракет, когда те пролетали мимо. После двух или трех кругов полет ракет был значительно заторможен, и в тот же момент на ракеты были отправлены радиосигналы, на которые получился ответ: «В чем дело?» Значит, на ракетах были живы. Но почему же никто не отвечал?

— Сейчас к вам придет физик!

Физик перебрался в особом костюме со своей ракеты

на ракету, в которой находился Великий Ум, и спросил радиста, почему тот не отвечал. Радист очень удивился этому вопросу.

— Да ведь мы только что вылетели! Я не успел положить руку на ключ радиотелеграфа, как вы спросили меня, почему я не отвечаю.

— Вы ошибаетесь, мой друг, — возразил физик. — Вы уже много раз облетели вокруг Земли. Прошло несколько дней.

— Этого не может быть! — убеждению ответил радист. — Вот, смотрите. Я не успел еще выкурить папиросу, которую закурил в момент отлета!

Физик решил, что радист сошел с ума. Однако и пилот, и другие члены экипажа утверждали, что не прошло несколько минут, как они вылетели. Тогда физик подошел к аппарату, который регистрировал мыслительный процесс Великого Ума, и посмотрел записи. Увы! Запись стояла на том месте, на котором она была, когда ракета покидала Землю. Очевидно, Великий Ум все это время не мыслил, в его работе произошла какая-то непонятная остановка. И только с тех пор, как ракета задержала свой полет, появилась новая запись, служащая продолжением мыслей, начатых на Земле.

Физик потер себе лоб и задумался. Конечно, если спросить Великий Ум, то он сейчас же найдет причину. Но его нельзя беспокоить. Приходится прийти к выводу, что как только скорость ракеты достигла скорости движения Земли, то время на ракете стало. И получилось не удлинение жизни, а как бы ее остановка. В таком состоянии Великий Ум и все обитатели ракеты могли бы просуществовать тысячи лет, не живя и не умирая. Очевидно, они не сознавали, что время для них стало. Они помнили только предшествующий момент и момент после того, как скорость полета уменьшилась. А время полета со скоростью 1666,6 километра в час выпало из их сознания. Они, вероятно, в это время напоминали персонажи из сказки о «Спящей царевне»: все они находились в оцепенении, сохраняя ту позу, которую приняли перед «предельной» скоростью полета. Это еще хорошо. Значит, время во всяком случае не потеряно. Надо пустить ракету с меньшей скоростью, и все будет в порядке.

Физик отдал распоряжение и опустил на Землю. С ним вместе опустились на Землю и две ракеты, по-

сланные на помощь ракете Великого Ума. На этих двух ракетах время также стояло, пока они летели со скоростью Земли.

Физик следил за полетом ракеты Великого Ума. Теперь ракета летела со скоростью восьмисот километров. По мнению физика, этой скорости было достаточно, чтобы удвоить время для всех живущих на ракете.

Однако несчастный случай спутал расчеты. По ошибке радиста, принявшего радиотелеграмму с Земли, пилот вдруг ускорил полет ракеты до невероятной скорости, во много раз превышающей скорость полета Земли, и в то же время связь с ракетой была прервана. Приходилось опять останавливать ее, чтобы посмотреть, что там произошло. Но скорость полета была так велика, что даже мощные электромагниты не могли сразу уменьшить ее. Прошло немало дней, прежде чем скорость полета уменьшилась. И еще много дней, пока ракета не достигла скорости в шестьсот километров в час. Физик посылал радиозапросы, но ответа не было. Неужели невероятная скорость убила всех, и ракета движется только по инерции? Еще раз физик совершил перелет на ракету Великого Ума. С большим трудом ему удалось войти в ракету. И странное, жуткое зрелище представилось его глазам. Он вошел, прежде всего, в кабину пилота и не нашел его. Вместо пилота на полу лежал посиневший трупик младенца, завернутого в костюм пилота. Несколько таких трупики было обнаружено в рубке, где помещалась команда.

А там, где находился Великий Ум, на письменном столе лежал младенец, еще живой. Он держал во рту конец резиновой трубки, соединенной с баллоном молока, и сосал. Физик понял, что случилось. Пилот развил такую скорость, что опередил земное время, и все жизненные процессы на ракете пошли в обратном порядке... Все обитатели ракеты стали молодеть, обращаться в детство.

Великий Ум остался Великим Умом. Он, видимо, понял первый, что происходит с ними. Неизвестно, почему он не сигнализировал об опасности. Впрочем, если бы он и сделал это, то помочь все равно нельзя было раньше. Физик сделал все возможное, чтобы задержать полет ракеты. Но прежде чем это случилось, экипаж ракеты превратился в младенцев. Грудные, беспомощные младенцы умерли без пищи. И только Великий Ум, ви-

ли, какой оборот принимают дела, постарался насколько возможно продлить свою жизнь. Пока он был еще мальчиком, он успел приготовить все нужное, чтобы хоть на несколько дней обеспечить жизнь грудного младенца, каким он должен был скоро сделаться. Быть может, он еще успел высчитать, за какое время ракета может остановиться и когда придет помощь. И он не ошибся: помощь пришла вовремя.

Великий Ум был жив. Остается только подождать, пока он подрастет, и когда он кончит свою работу.

Физик взял проволоку и начал расшифровывать последние записи мысли Великого Ума. Мыслительный процесс шел задом наперед. Великий Ум передумывал все, о чем думал раньше. Но вместе с тем на проволоке нмелись как бы вторичные слабые записи. Очевидно, Великий Ум, побеждая самое время, старался думать и о настоящем, постичь свое положение и принять меры к спасению. Это было удивительнее всего!

Физик потер себе лоб и воскликнул:

— Надо захватить этого младенца и скорее на Землю, иначе на этой ракете я сам начну думать наизнанку!

КОММЕНТАРИИ

ДЕРЖИ НА ЗАПАДЕ!

Впервые рассказ был опубликован в журнале «Знание — сила» (1929, № 11). Вторично напечатан в журнале «Уральский следопыт» (1978, № 4). С тех пор не перендавался.

В форме юмористического рассказа-парадокса Беляев здесь попытался дать представление об относительности времени. Для этого он использовал как парадоксы, возникающие при пересечении линии перемены даты (180-меридиан) и уже использовавшиеся его литературными предшественниками (Эдгар По, «Три воскресенья на одной неделе»; Жюль Верн, «Вокруг света в восемьдесят дней»), так и парадоксы теории относительности, более основательным литературным исследованием которых писатель впоследствии занялся в романе «Прыжок в ничто» (1933).

Стр. 163. Ученых-евгенистов. Евгеника — теория о наследственном здоровье человека и путях его улучшения. Принципы евгеники, которые были впервые сформулированы в 1869 году английским психологом и антропологом Фрэнсисом Гальтоном (1822—1911), впоследствии пытались использовать для обоснования своих человеконенавистнических теорий расисты.

Стр. 166. Танатология — учение о смерти, ее причинах, биологических механизмах и признаках.

Невидимый СВЕТ

— По всему видно, что Вироваль — знаменитый врач.

— Приходится согласиться, если это видно даже абсолютно слепым.

— Откуда вы знаете, что я абсолютно слепой?

— Меня не обманут ваши ясные голубые глаза. Они неподвижны, как у куклы. — И, тихо рассмеявшись, собеседник добавил: — Между прочим, я вертел пальцем перед самым вашим носом, а вы даже глазом не моргнули.

— Очень любезно с вашей стороны, — горько усмехнулся слепой и нервно пригладил свои и без того причесанные каштановые волосы. — Да, я слепой и сказал «по всему видно» по старой привычке. Но богатство и славу можно воспринимать не только зрением. Лучший квартал города. Собственный дом-особняк. Запах роз у входа. Широкая лестница. Швейцар. Аромат дорожных духов в вестибюле. Лакеи, камеристки, секретари. Фиксированная высокая плата за визит. Предварительный осмотр ассистентами. Мягкие ковры под ногами, обитые дорогим шелком кресла, благородный запах в этой приемной...

— Замечательная психическая подготовка, — негромко заметил собеседник, сморщив в иронической улыбке свое желтое лицо. Он бегло осмотрел роскошную приемную Вировалья, как бы проверяя ощущения слепого. Все кресла были заняты больными, многие из которых носили темные очки или повязки на глазах. На лицах пациентов — ожидание, тревога, надежда...

Ведь вы недавно потеряли зрение. Как это произошло? — обратился он снова к слепому.

— Почему вы думаете, что недавно? — удивленно поднял брови слепой.

— У слепых от рождения иные повадки. У вас, по-видимому, поражены зрительные нервы. Быть может, некроз нерва, как последствие весьма неприятной болезни, которую не принято называть...

Щеки, лоб и даже подбородок слепого порозовели, брови нахмурились.

— Ничего подобного, — быстро, с негодованием в голосе заговорил он, не поворачивая головы к собеседнику. — Я электромонтер. Работая в одной из экспериментальных лабораторий Всеобщей компании электричества по монтажу новых ламп, излучающих ультрафиолетовые лучи...

— Остальное понятно. Я так и думал. Отлично! — Собеседник потер руки, наклонился к слепому и зашептал ему на ухо: — Бросьте вы этого шарлатана Вировалю. С таким же успехом вы могли бы обратиться за врачебной помощью к чистильщику сапог. Вироваль будет морочить вам голову, пока не вытянет из вашего кошелька последнюю монету, а потом заявит, что сделал все возможное, и по-своему будет прав, так как ни одной монеты больше из вас уже не извлечет ни один специалист? У вас много денег? На что вы живете?

— Вы, вероятно, считаете меня простаком, — сказал слепой с гримасой отвращения. — Но даже и слепой простак видит вас насквозь. Вы агент какого-нибудь другого врача.

Собеседник беззвучно рассмеялся, собрав в морщины свое лицо.

— Вы угадали. Я агент одного врача. Моя фамилия Крусс.

— А фамилия врача?

— Тоже Крусс!

— Однофамилец?

— И даже больше, — хихикнул Крусс. — Я агент самого себя. Доктор Крусс к вашим услугам. Разрешите узнать вашу фамилию?

Слепой помолчал, затем неохотно ответил:

— Доббель.

— Очень приятно познакомиться. — Крусс дружески тронул слепого за локоть. — Я знаю, что вы обо мне думаете, господин Доббель. В этом городе торго-

шей и спекулянтов тысячи врачей отбивают друг у друга пациентов, прибегая к самым грязным средствам, уловкам и обманам. Но кажется, еще ни один врач не унижал себя настолько, чтобы лично ходить по приемным других врачей, обливать конкурентов грязью и пербовать себе пациентов. Признавайтесь, что именно такие мысли приходят вам в голову, господин Доббель.

— Допустим, — сухо сказал слепой. — И что же дальше?

— А дальше я имею честь сообщить, что вы ошибаетесь, господин Доббель.

— Едва ли вам удастся переубедить меня, — возразил слепой.

— Посмотрим! — живо воскликнул Крусс и продолжал вполголоса: — Посмотрим. Я приведу вам аргумент, против которого вы не устоите. Слушайте. Я доктор совершенно особого рода. Я не беру денег за лечение. Больше того, я содержу пациентов на свой счет.

Веки слепого дрогнули.

— Благотворительность? — тихо спросил он.

— Не совсем, — ответил Крусс. — Я буду с вами откровенен, господин Доббель, надеюсь, что и вы подарите меня своей откровенностью. Скоро ваша очередь, буду краток... Родители оставили мне приличное состояние, и я могу позволить себе роскошь заниматься научными исследованиями по своему вкусу у себя на дому, где содержу небольшую клинику и имею хорошо оборудованную лабораторию. Меня интересуют такие болезни, как вы...

— Что же вы хотите мне предложить? — нетерпеливо перебил Доббель.

— Сейчас ничего, — усмехнулся Крусс. — Мое время наступит, когда вы отдадите Вировалю последнюю монету. Однако мне нужно узнать, каковы ваши сбережения. Поверьте, я не посягаю на них...

Доббель вздохнул:

— Увы, они невелики. Случай с моим ослеплением стал известен: о нем писали в газетах. Компания, чтобы скорее погасить шум вокруг этого дела, принуждена была уплатить мне сумму, которая обеспечивала меня на год. И это была большая удача. В наше время даже совершенно здоровые рабочие не могут считать себя обеспеченными на год.

— И на сколько времени у вас еще осталось средств?

— Месяца на четыре.

— А дальше?

Доббель пожал плечами.

— Я не привык заглядывать в будущее.

— Да, да, вы правы, заглядывать в будущее становится все труднее и для зрячих, — подхватил Крусс. — Четыре месяца. Гм... Доктор Вироваль, надо полагать, значительно сократит этот срок. И у вас тогда не будет денег не только для лечения, но и для жизни. Великолепно! Почему бы вам тогда не прийти ко мне?

Доббель не успел ответить.

— Номер сорок восьмой! — объявила медицинская сестра в белой накрахмаленной косынке.

Слепой поспешно поднялся. Сестра подошла к нему, взяла за руку и увела в кабинет.

Крусс начал рассматривать иллюстрированные журналы, лежащие на круглом лакированном столике.

Через несколько минут Доббель с радостно-взволнованным лицом вышел из кабинета. Крусс подбежал к нему.

— Позвольте мне довести вас на своей машине. Ну как? Вироваль, конечно, обещал вам вернуть зрение?

— Да, — ответил Доббель.

— Ну разумеется. Иначе и быть не могло, — захихикал Крусс. — С его помощью вы, конечно, прозреете... в некотором роде. Вы спрашивали, что я могу обещать вам. Это будет зависеть от вас. Возможно, впоследствии я приложу все усилия, чтобы вернуть вам зрение полностью. Но сначала вы должны будете оказать мне одну услугу... О, не пугайтесь. Небольшой научный эксперимент, в результате которого вы, во всяком случае, выйдете из мрака слепоты...

— Что это значит? Я буду отличать свет от тьмы? А Вироваль обещает вернуть мне зрение полностью.

— Ну вот! Я же знал, что сейчас говорить с вами на эту тему преждевременно. Мой час еще не пришел.

Когда они подъехали к дому, где квартировал Доббель, Крусс сказал:

— Теперь я знаю, где вы живете. Разрешите вручить вам свою визитную карточку с адресом. Месяца через три надеюсь видеть вас у себя.

— Я также надеюсь видеть вас, видеть собственны-

ми глазами, хотя бы для того, чтобы доказать, что Вироваль...

— Не обманщик, а чудотворец? — засмеялся Крусс, захлопывая дверцу автомобиля. — Посмотрим, посмотрим!

Ничего не ответив, слепой уверенно перешел тротуар и скрылся в подъезде.

* * *

И вот Доббель снова сидит на мягком сиденье автомобиля. Денег осталось ровно столько, чтобы оплатить такси. Звонки трамваев, шум толпы затихли вдали. На коже ощущение тепла и как бы легкого давления солнечных лучей. На этой тихой улице, очевидно, нет высоких домов, которые заслоняли бы солнце. Запахло молодой зеленью, землей, весной. Доббель представил себе коттеджи, виллы, окруженные садами и цветниками. Тишину изредка нарушает только шелест автомобильных шин по асфальту. Машины принадлежат, вероятно, собственникам особняков. Крусс должен быть действительно богатым человеком, если он живет на этой улице.

Шофер затормозил, машина остановилась.

— Приехали? — спросил Доббель.

— Да, — ответил шофер. — Я провожу вас к дому. Запахло цветами. Под ногами закрипел песок.

— Осторожнее. Лестница, — предупредил шофер.

— Благодарю вас. Теперь я дойду сам.

Доббель расплатился с шофером, поднялся на лестницу, тронул дверь — она была не закрыта — и вошел в прохладный вестибюль.

— Вы к доктору Круссу? — слышался женский голос.

— Да. Прошу ему передать, что пришел Доббель. Он знает...

Теплая маленькая рука прикоснулась к руке Доббеля.

— Я провожу вас в гостиную.

По смене запахов и температуры — то теплой, то прохладной, по изменению отраженных от стен звуков Доббель догадывался, что спутница ведет его из кабинета в комнату — большие и маленькие, освещенные солнцем и погруженные в тень, заставленные мебелью и пустые. Станный дом и странный порядок водить пациентов по всем комнатам.

Чуть скрипнула дверь, и знакомый голос Крусса произнес:

— О, кого я вижу! Господин Доббель. Можете идти, Ирен.

Маленькую теплую руку сменила холодная, сухая рука Крусса. Еще несколько шагов, и Доббель почувствовал сильный смешанный запах лекарства. Звенели, стекла, фарфор, сталь. Вероятно, кто-то убирал медицинские инструменты и посуду.

— Ну, вот вы и у меня, господин Доббель, — весело говорил Красс. — Садитесь вот сюда в кресло... Однако сколько мы с вами не виделись? Если не ошибаюсь, два месяца. Позвольте, совершенно верно. Мой почтенный коллега доктор Вироваль обчистил ваши карманы даже раньше предсказанного мною срока. Видите ли вы меня, — об этом, полагаю, спрашивать не нужно.

Доббель стоял, опустив голову.

— Ну, ну, старина, не вешайте носа, — Красс трескуче рассмеялся. — Вы не пожалеете, что пришли ко мне.

— Что же вы хотите от меня? — спросил Доббель.

— Буду говорить совершенно откровенно, — отвечал Красс. — Я искал такого человека, как вы. Да, я возьмусь бесплатно лечить вас и даже содержать на свой счет. Я употреблю все усилия, чтобы по истечении срока нашего договора полностью вернуть вам зрение...

— Какого договора? — с недоумением воскликнул Доббель.

— Разумеется, мы заключим с вами письменный договор, — хихикнул Красс. — Должен же я обеспечить свою выгоду... У меня есть одно изобретение, которое мне необходимо проверить. Предстоит операция, связанная с известным риском для вас. Если опыт удастся, то вы, временно оставаясь слепым, увидите вещи, которых не видел еще ни один человек на свете. А затем, зарегистрировав свое открытие, я обязуюсь сделать все от меня зависящее, чтобы вернуть вам нормальное зрение.

— Вы полагаете, что мне остается только согласиться?

— Совершенно верно, господин Доббель. Ваше положение безвыходно. Куда вам от меня идти? На улицу с протянутой рукой?

— Но объясните же мне по крайней мере, что произойдет со мною после операции? — раздраженно воскликнул слепой.

— О, если опыт удастся, то... Я думаю, я уверен, что после операции вы сможете видеть электрический ток, магнитные поля, радиоволны — словом, всякое движение электронов. Невероятные вещи! Каким образом? Очень просто.

И, расхаживая по комнате, Крусс тоном лектора продолжал:

— Вы знаете, что каждый орган реагирует на внешние раздражения присущим ему, специфическим образом. Ударяйте легонько по ушам, и вы услышите шум. Попробуйте ударить или надавить на глазное яблоко, и вы получите уже световое ощущение. У вас, как говорят, искры из глаз посыплются. Таким образом орган зрения отвечает световыми ощущениями не только на световое раздражение, но и на механическое, термическое, электрическое.

Я сконструировал очень маленький аппаратик — электроноскоп, нечто вроде панцирного гальваноскопа высочайшей чувствительности. Провода электроноскопа — тончайшие серебряные проволоки — присоединяются к зрительному нерву или зрительному центру в головном мозгу. И на ток, который появится в моем аппарате-электроноскопе, зрительный нерв или центр должен реагировать световым ощущением. Все это просто.

Трудность заключается в том, чтобы мертвый механизм электроноскопа приключить к системе живого зрительного органа и чтобы вы могли световые ощущения проецировать в пространстве. По всей вероятности, ваш зрительный нерв не поражен на всем протяжении. Не легко будет найти наилучшую точку контакта. Впрочем, к операции мы прибегнем лишь в крайнем случае. Ведь электрический ток может добраться до зрительного нерва и по смежным нервам, мышцам, сосудам. Вот основное. Подробности я вам объясню, если вы решите..

— Я уже решил, — ответил Доббель, махнув рукой. — В жизни мне нечего терять. Экспериментируйте как хотите. Можете даже долбить мне череп, если потребуется.

— Ну что же, отлично. У вас теперь по крайней мере есть цель жизни. Видеть то, чего еще не видел ни один человек в мире! Это не всякому выпадает на долю.

— А уж на вашу долю в связи с этим, наверное, тоже кое-что перепадет! — язвительно сказал Доббель.

— Выгодная реклама, не больше, которая поможет мне отбить у Вироваля всех его пациентов, — с самодовольным смехом ответил Красс.

* * *

— Темнота. Черная как сажа и глубокая как бездна, впрочем, я лгу: полная темнота не имеет пространственного измерения. Я не представляю, простираются ли передо мною тысячи кубических километров или сантиметры темноты, нахожусь ли я в пустоте или же со всех сторон меня окружают предметы. Они для меня не существуют, пока я не дотронусь до них или не расшибу себе лба...

Доббель замолчал.

Он лежал на кровати в большой белой комнате. Голова его и глаза были забинтованы. Красс сидел в кресле возле кровати и курил сигару.

— Скажите, доктор, почему вы так тяжело дышите? — спросил Доббель.

— Не знаю. Наверно, сердечко шалит. От волнения... Да, я волнуюсь, господин Доббель... Волнуюсь, наверное, больше вашего... Почему так долго ничего...

— Послушайте! — вдруг воскликнул Доббель и приподнялся на кровати.

— Лежите, лежите! — поспешил Красс уложить голову Доббеля на подушку.

— Послушайте! Мне кажется... я вижу...

— Наконец-то! — свистящим шепотом произнес Красс. — Что же вы видите?

— Я вижу... — взволнованно ответил Доббель, — мне кажется... если это только не зрительная галлюцинация... Бывают зрительные галлюцинации у слепых?

— Да ну же, ну, что вы видите? — вскричал Красс, ерзая в кресле.

Но Доббель замолчал. Его лицо было бледным и таким сосредоточенным, словно он к чему-то прислушивался. Красс поднялся, осторожно ступая, дошел до двери и нажал кнопку электрического звонка. Когда

появилась санитарка в белом халате, Красс приказал тихо, как бы боясь нарушить грезы Доббеля:

— Скорее... нитроглицерин... у меня сердечный припадок.

— Доктор! Господин Красс! Да, да, я вижу... тьма ожила! — заговорил Доббель, как в бреду. — Проходят какие-то сгущения светового тумана...

— Какого цвета? — взвизгнул Красс, хрипло дыша.

— Свет белый... хотя на фоне мрака кажется чуть-чуть голубоватым... Световые пятна проходят и уходят ритмически, как волны...

— Волны! — хрипел Красс. — Проклятье! Недостает только, чтобы я умер именно сейчас. Давайте! Скорее давайте! — обратился он к вошедшей санитарке, жадно выпил лекарство, опустил веки и откинулся на спинку кресла. Хрипы становились все реже и тише.

— Прохождения световой материи бывают то короче, то длиннее, — говорил Доббель о своих видениях.

— Быть может, это работает радиотелеграф? — высказал предположение Красс. — Ну вот, мне лучше. Мне значительно лучше. Я вас слушаю.

— Удивительно. Передо мною словно проявляется фотографическая пластинка. Я вижу больше света... Пятна, точки, дуги, кольца, волны, узкие, трепещущие лучи пересекают, пронизывают друг друга, сливаются, расходятся, переливаются... Световая сетка, узоры... Как трудно разобраться во всем этом!

— Замечательно! Бесподобно! — восхищался Красс удачными результатами своего опыта. — Вам трудно разобраться потому, что вы еще не приспособились регулировать аппарат и не можете выделять токи различной силы. Не мудрено, что вы находитесь как бы в системном хаосе. Но вы быстро овладеете регулятором и сможете выделять токи от слабых до сильных любого напряжения. Да не жалеете же слов, дружище! Что вы видите еще?

— Нет больше темноты, — продолжал Доббель. — Пространство полно света. Свет разной силы и — да, да! — разной окраски голубой, красноватый, зеленоватый, фиолетовый, синий... Вот с левой стороны вспыхнуло световое пятно величиною с яблоко. От него исходят голубоватые лучи, как от маленького солнца...

— Что такое? — воскликнул Красс, вскакивая с кресла. — Вы видите? Не может быть! Ведь это луч солн-

да из окна упал и осветил полированный шарик на ручке двери. Но не можете же вы видеть этот шарик!

— Я не вижу шарика. Я вижу только световое пятнышко и голубоватые лучи, исходящие от него.

— Но как? Почему? Какие лучи?

— Мне кажется, я нашел разгадку, господин Красс. Энергия солнечного луча, осветившего шарик, начала вырывать с металлической поверхности шарика электроны.

— Да, да, да, да! Вы правы. Вы совершенно правы. Как только я сразу не догадался. А ну-ка, сделаем такой опыт. Вы, конечно, не видите, где находятся провода электрической лампы? Так. Теперь я включаю свет. Электрический ток двинулся, н...

— И я увидел электрический провод. Светящаяся линия проходит по потолку, — Доббель указывал пальцем, Красс утвердительно кивал головой, — по стене... а вон там, в углу, происходит утечка тока. Вам придется пригласить монтера... Дальше провод проходит через ряд комнат, спускается в первый этаж, выходит на улицу... Я вижу и горящую электрическую лампу. Вот она. Только я вижу не свет, а токи электронов от накалированного волоска...

— Термионная эмиссия, или эффект Эдиссона, — кивнул головой Красс.

— А знаете что, господин Красс? — весело сказал Доббель. — Я вижу кое-что и более интересное, чем эффект Эдиссона в горящей лампочке. Вижу, даже не поворачивая головы. Будьте добры, подойдите к моей кровати. Так. Здесь ваша голова? А здесь ваше сердце?

— Совершенно верно... Гром и молния! Неужели вы... неужели вы видите электротоки, излучаемые моим мозгом и сердцем? Хотя что же тут удивительного? Ведь в каждой клетке нашего организма происходят сложные химические процессы, сопровождаемые электрическими явлениями. Но сердце и мозг — это настоящие генераторы.

— От вашей головы исходит мягкий лиловый свет. Он усиливается, когда вы усиленно думаете. А когда волнуетесь, разгорается пламенем ваше сердце, — сказал Доббель.

— Вы клад, Доббель! Вы золото! Вы незаменимый для науки человек! Ведь гальванометр не может рассказать всего, как вы! Я горжусь собою... и вами, Доб-

бель. Сегодня вечером мы покатаемся с вами по городу в автомобиле, и вы расскажете мне о ваших видениях!

* * *

Перед Доббелем открылся новый мир. Тот вечер, когда Крусс катал его по городу в авто, навсегда остался в памяти Доббеля. Этот первый вечер был совершенно волшебным, фантастическим.

Доббель видел свет всюду, где только имелся электрический ток, а где нет электричества в большом городе! Доббель видел вспышки высокого напряжения, которые дает магнето * автомобильного двигателя. Моторы трамваев катились по улицам, как китайские колеса фейерверков, отбрасывая от себя снопы искр — электронов. словно расплавленные канаты, висели вдоль улиц трамвайные провода. Вокруг них были такие мощные магнитные поля, что светом наполнялась вся улица. Доббель видел, вернее, угадывал, как свет — ток от воздушного токонесущего провода — бежал по буферу под крышу вагона к контроллеру на передней площадке, затем — под пол — в железную раму вагона, в ось, в колеса, в рельсы, в подземный кабель. Многочисленные кабели ярко светились под землей. Кое-где они были неисправны, и Доббель отчетливо видел уходящие в землю голубые ветвистые ручейки — утечка тока. А позади себя, далеко на окраине города, он видел зарево и целые каскады огня. Там была расположена одна из многих городских электростанций с ее мощными альтернаторами **. Они-то и излучали эти огненные каскады.

Любопытно было смотреть на многоэтажные дома. Доббель не видел стен. Он видел только ярко светящуюся сложную решетку проводов электрического освещения и более слабый свет телефонных проводов, как бы светящийся скелет небоскребов. По этим скелетам Доббель узнавал отдельные здания города. Там и сям в домах виднелись косматые световые пятна — моторы.

Все пространство было наполнено рассеянным светом от проходящих радиолучей, а над городом, до самых звезд, как бы связывая небо с землею текли световые потоки, ливни, реки света — то была игра космических лучей, вырвавшихся из недр солнца электронов и магнитных токов самой земли...

— Не один ученый дал бы выколоть себе глаза, что бы видеть все это! — восторженно воскликнул Красс, слушая описания Доббеля. — Кстати, будьте готовы, Доббель. Завтра вас интервьюируют журналисты крупнейших газет, а послезавтра я демонстрирую вас в научном обществе.

* * *

Изобретение Красса произвело сенсацию. Несколько дней подряд все газеты наперебой трубили о нем, и Красс купался в лучах славы. Доббеля тоже непрерывно интервьюировали и фотографировали, а затем он начал получать письма с деловыми предложениями.

Военное ведомство предполагало использовать Доббеля для перехватывания во время войны радиотелеграмм противника. Доббель воспринимал волны радиотелеграфа как ряд световых вспышек разной продолжительности. Преимущество Доббеля перед приемной радиостанцией заключалось в том, что ему не надо было перестраиваться на длину волн: он видел их все — и длинные и короткие.

Крупная фирма «Электроремонт» предлагала ему работу — контроль над утечкой тока в подземных кабелях и обнаружение так называемых бродячих токов, причинявших повреждения подземным кабелям и разным металлическим конструкциям. Фирма подсчитала, что живой аппарат — Доббель — обойдется дешевле монтеров и техников, вооруженных обычными аппаратами, определяющими место утечки тока.

Наконец, Всеобщая компания электричества сделала ему предложение — служить живым аппаратом при опытных работах в научной лаборатории компании. В экспериментальной лаборатории испытывались различные системы катодных трубок и ламп, осциллографов, аппаратов, излучающих ультрафиолетовые и рентгеновы лучи, искусственные гамма-лучи; здесь изучалась вся шкала электромагнитных колебаний, делались опыты бомбардировки атомного ядра, изучались свойства космических лучей. Такой живой аппарат, как Доббель, конечно, мог быть очень полезен при производстве опытов над невидимыми лучами.

Красс разрешил Доббелю принять предложение Всеобщей компании электричества.

— Но жить вы будете по-прежнему у меня, — сказал Красс. — Так мне будет удобнее. Ведь договор наш остается еще в силе. Я не произвел еще над вами всех интересующих меня наблюдений.

* * *

Для Доббеля вновь началась трудовая жизнь.

Ровно в восемь утра Доббель уже сидел в лаборатории, где всегда пахло озоном, каучуком и какими-то кислотами. Производились ли опыты при солнечном свете, или же вечером, при свете ламп, или, наконец, в полной темноте, Доббель всегда был окружен своим прозрачным миром светящихся шаров, колец, облаков, полос, звезд. Машины гудели, жужжали, трещали. Доббель видел, как возле них возникают сияющие магнитные поля, как срываются потоки электронов, как эти потоки изгибаются или ломаются в пути под влиянием хитроумных электрических преград, сетей и ловушек. И Доббель объяснял, объяснял и объяснял все виденное. Две стенографистки записывали его речь.

Он видел интереснейшие световые феномены и делал ученым сообщения о вещах совершенно неожиданных. Когда начинала работать гигантская электромагнитная установка, которая была больше и тяжелее самого большого паровоза, Доббель говорил:

— Фу, ослепнуть можно! Эта машина наполняет ярким светом целый квартал города, а крайние пределы сияющего магнитного поля выходят далеко за окраину города. Ведь я вижу весь город насквозь — электрический скелет города, вижу сразу во все стороны. И теперь вижу все вещи и вас, господа. Электроны облепили меня, как светящийся улей. Вон у господина Ларднера искры уже сыплются с носа, а голова господина Корлиса Ламотта напоминает голову Медузы Горгоны в пламени. Я отчетливо вижу все металлические предметы, они горят, как раскаленные, и все связаны сияющими нитями.

При помощи Доббеля, говорящего и мыслящего аппарата, было разрешено несколько не поддававшихся разрешению обычным путем научных вопросов. Его ценили. Ему хорошо платили.

- Я могу считать себя самым счастливым среди ученых, но зрячие все же счастливее меня, — говорил

он Круссу, который ежедневно выслушивал его отчеты о работе и продолжал на основании их свои изыскания по усовершенствованию изобретенного им аппарата.

И вот настал день, когда Красс сказал:

— Господин Доббель! Сегодня истек срок нашего договора. Я должен исполнить свое обязательство — вернуть вам нормальное зрение. Но вам тогда придется потерять вашу способность видеть движение электронов. Это все-таки давало вам преимущество в жизни.

— Вот еще! Преимущество быть живым аппаратом! Не желаю. Довольно. Я хочу иметь нормальное зрение, быть нормальным человеком, а не ходящим и болтающим гальваноскопом.

— Дело ваше, — усмехнулся Красс. — Итак, начнем курс лечения.

* * *

Настал и этот счастливый день в жизни Доббеля. Он увидел желтое, покрытое морщинами лицо Красса, молодое, но злое лицо сестры, помогающей Крассу, увидел капли дождя на стеклах большого окна, серые тучи на осеннем небе, желтые листья на деревьях. Природа не позаботилась встретить прозрение Доббеля более веселыми красками. Но это пустяки. Были бы глаза, а веселые краски найдутся!

Красс и Доббель некоторое время молча смотрели друг на друга. Потом Доббель крепко пожал руку Красса.

— Не нахожу слов для благодарности...

Красс отошел от кресла, приподняв правое плечо.

— Благодарить незачем. Для меня лучшая награда — успех в моей работе. Я же не шарлатан, не Вироваль. Вернув вам зрение, я доказал это всем — надеюсь, его приемная очень скоро опустеет... Но довольно обо мне. Вот вы и зрячий, здоровый, нормальный человек, Доббель. Можно позавидовать вашему росту, вашей физической силе и... что же вы теперь намерены делать?

— Я понял ваш намек. Я больше не ваш пациент и потому не должен обременять вас своим присутствием. Сегодня же я перееду в отель, а затем подыщу себе квартиру, работу.

— Ну что ж, желаю вам успеха, Доббель.

Прошел месяц.

Однажды Крусса попросили сойти вниз, в вестибюль. Там стоял в пальто с приподнятым воротником и со шляпой в руках Доббель. Струйки дождя стекали на паркетный пол с полей его шляпы. Доббель выглядел уставшим и похудевшим.

— Господин Крусс! — сказал Доббель. — Я пришел еще раз поблагодарить вас. Вы вернули мне зрение. Я прозрел...

— Вы лучше скажите, удалось найти вам работу?

— Работу? — Доббель желчно рассмеялся. — Я прозрел, господин Крусс. Прозрел вдвойне. И я хочу просить вас... ослепить меня. Сделайте меня слепцом, навсегда слепцом, видящим только движение электронов.

— Добровольно подвергнуть себя ослеплению?! Но ведь это чудовищно! — воскликнул Крусс.

— У меня нет другого выхода. Не умирать же мне с голоду.

— Нет, я не сделаю этого, решительно отказываюсь! — горячо возразил Крусс. — Что подумали бы обо мне! И потом вы опоздали. Да. Занимаясь электроноскопом, я внес в него кое-какие конструктивные изменения, запатентовал и продал патент Всеобщей компании электричества. Теперь каждый человек может с помощью моего электроноскопа видеть электроток. И компания не нуждается в таких ясновидящих слепцах, каким были вы, Доббель.

Доббель молча надел мокрую шляпу и в раздумье посмотрел на свои сильные, молодые руки.

— Ладно, — сказал он, в упор взглянув на Крусса. — Они годятся по крайней мере на то, чтобы сломать всю эту чертову мельницу. Прощайте, господин Крусс! — И он вышел, хлопнув дверью.

Дождь прошел, и на синем осеннем небе ярко сияло солнце.

КОММЕНТАРИИ

НЕВИДИМЫЙ СВЕТ

Первый рассказ был опубликован в журнале «Вокруг света» (1938, № 1). Впоследствии ни в какие авторские или коллективные сборники не включался до 1959 года, когда увидела свет составленная Борисом Ляпуновым антология советских научно-фантастических рассказов двадцатых — тридцатых годов «Невидимый свет». В 1964 году рассказ был включен в последний том восьмитомного Собрания сочинений Александра Беляева.

В этом произведении удачно совмещаются две характерные для советской фантастики двадцатых — тридцатых годов функции: научно-популяризаторская и социально-сатирическая. Беляев первым начал разрабатывать тему скрытых возможностей человеческого организма, которую впоследствии отечественные писатели-фантасты исследовали глубоко и всесторонне (например, рассказы М. Ейцева и Е. Парнова «Оружие твоих глаз» и Е. Войсунского и И. Лукодянова «И увидел остальное», роман В. Савченко «Открытие себя» и так далее).

Стр. 187. Магнето — магнитоэлектрический генератор, подающий ток высокого напряжения для искробразования (зажигания) в цилиндры двигателя внутреннего сгорания.

Альтернатор — устаревшее название электрического генератора переменного тока.

ИНСТИНКТ ПРЕДКОВ

1. СУМАСШЕДШИИ

Последние посетители давно оставили территорию Московского зоопарка. Ворота закрылись, лучи солнца погасли на куполе соседней церкви, летняя ночь покрыла синим пологом вольеры и дорожки парка, погасила блеск прудов, перекрасила зелень деревьев в черный цвет. И звезды, как глаза любопытных волчат, засверкали на небе — им хотелось узнать, что делается в зоопарке, когда он опустеет от посетителей, назойливо сверлящих тысячами любопытных глаз обитателей сада. И глаза небесных волчат видели более любопытные вещи, чем видят глаза людей.

Когда уходят посетители, звери вздыхают свободно, как актеры, исполнив надоевшую им роль. Театр опустел, зрители разошлись, и можно, наконец, быть собою, помечтать о своем, личном, далеком, невозвратимом. Мрак расширяет тесные пределы тюрьмы, и если прищурить глаза, то можно представить себе, что находишься в беспредельной африканской пустыне, в джунглях Индии, в ледяных просторах Арктики, — кому что нравится. Лев выше поднимает свою могучую голову, шевелит ушами, как кошка, почуявшая мышь, расширяет ноздри, втягивает свежий ночной воздух, потрясает гривой и вдруг испускает короткий, отрывистый, глухой звук, похожий на рев крупного, породистого быка. Еще один короткий звук, — лев как будто прочищает горло. Потом он наклоняет морду к земле и ревет по-настоящему тем могучим, протяжным ревом, который арабы называют «раад», что значит «гром гремит». От этих звуков дрожит земля и волнами отража-

ет «гремящий гром», который как будто исходит из самых недр земли. На несколько километров вокруг этот «гром» вспугивает зверей — и лев выходит на охоту. Сонная львица просыпается от своей дневной дремоты, зевает, потягивается и легкой походкой приближается к своему царственному пленнику — супругу. Где-то откликнулись шакалы — ведь им остаются крохи от пира властелина пустыни. Белохвостый орлан закричал пронзительно: «ай, ай, ай», как несмазанная трамвайная ось. Скрежещущий звук разорвал воздух и разбудил уток на малом пруду, они испуганно закричали, скрываясь в осоках. Скоро весь парк наполнился звуками. Это становилось уже настолько интересным, что из-за камней ограды совиным глазом выглянула луна. И при ее свете туша слонихи казалась вылитой из древней, позеленевшей бронзы, только что откопанной из земли. Слониха вытянула хобот, повертела им из стороны в сторону и недовольно фыркнула. Уши ее беспокойно зашевелились. А бурый медведь, сидевший у воды своего зверного острова на задних ляжках, зачерпнул воду правой лапой, поднес к морде и вдруг насторожился, не успев обсосать ее. Нет, решительно сегодня, в эту лунную, теплую ночь, в парке творилось что-то необычайное. И чуткое ухо сторожа уловило в оттенках звериных и птичьих криков какие-то тревожные нотки, как будто что-то неведомое и волнующее зверей приносил легкий ветерок, наполненный запахом цветов. Но что? Ни человеческое ухо, ни зрение, ни обоняние не улавливало этого. Быть может, зверей томил лунная ночь?

Сторож медленно шел по дорожке сада мимо здания буфета. Вдруг он остановился и повернул голову. Он услышал фыркание оленя, стук копыт... Огромный марал вырвался из своего загона и, прыгая через клумбы и изгороди, мчался по направлению к большому пруду. А следом за ним, не отставая ни на шаг, бежал какой-то коренастый человек в спортивных трусиках. Олень мчался стрелою по берегу пруда, человек преследовал его, время от времени ударяя кулаком по крупу. Сторож был так удивлен, что несколько минут стоял неподвижно, не сводя глаз с фигур оленя и человека, то приближавшихся к нему, то удалявшихся. Человек, видимо, приходил все в большее возбуждение. Он начал издавать хриплые звуки, еще более пугая оленя.

который пробежал уже один круг. Человек опередил оленя и старался преградить ему дорогу. Олень, не уменьшая бега, опустил рога, готовый поднять на них человека. Но человек как будто ждал этого. Он схватил оленя за рога и круто повернул шею. Олень упал со всего разбега и забил когтями. Человек издал торжествующий крик. Между ним и оленем началась борьба. Человек, не выпуская рога, стягивал оленя к воде. Ноги оленя уже билась в пруду, поднимая сверкавшие при лунном свете брызги. Неизвестно, чем могла окончиться эта необычайная борьба, но сторож уже пришел в себя. Он неистово засвистал и бросился к человеку. Пронзительный свисток разнесся по всему саду, взбудоражил и без того взволнованных зверей и птиц. Кричали обезьяны, испуганно гоготали гуси, выли волки, лаяли лисы, гортанно перекликались попугаи. Со всех концов парка сбегались сторожа. Даже звери на новой территории волновались. Бурый медведь влез, как на вышку, на дерево, ствол которого был обтянут железными листьями, ухватился за сук и, раскачиваясь, пытался узнать о причине шума. Его косматые товарищи поднялись на задние лапы и смотрели на него с интересом, как бы ожидая, что он сообщит им. Но он ничего не видел, хотя и старался придать себе глубокомысленный вид. Зато лебеди на острове большого пруда были счастливее: они видели все. Их длинные шеи от испуга и любопытства вытянулись еще длиннее. И если бы они могли рассказать медведю, он узнал бы, чем окончился весь переполох.

Увлеченный борьбою человек увидел сторожей, когда они были от него всего в нескольких шагах. Он неохотно оставил свою жертву, быстро поднялся, перепрыгнул с ловкостью горной козы через расставленные руки сторожа и побежал к стене, далеко оставляя за собой погоню. Однако навстречу ему бежали два сторожа с другой стороны. Человек в трусиках не растерялся. Он, по-видимому, обладал в огромной степени тем, что впоследствии научный сотрудник зоопарка назвал «ориентировочным рефлексом». В одну минуту человек учел положение, измерил расстояние между собой, преследователями и стеной, метнулся в сторону, влез на ветку, уперся голой пяткой в ствол дерева, сильно оттолкнулся и, сделав огромный прыжок, перемахнул на стену. Оттуда он соскользнул на улицу с

ловкостью ящерицы. Изумленные сторожа стояли неподвижно добрую минуту и вдруг заговорили.

Их голоса смешались с голосами зверей и птиц встревоженного парка. Неизвестно, каков был приговор зверей. Но люди единогласно решили:

— Это был сумасшедший!

Взмыленный олень, тяжело поводявший боками, стряхивал пену со рта и смотрел на людей своими большими глазами-сливами так, что даже неграмотные могли прочесть этот взгляд: с приговором людей олень был совершенно согласен.

Таково же было мнение и администрации. Да, только сумасшедший мог проделать такую штуку. Но этот «охотник за оленями» — опасный сумасшедший, тем более что он, видимо, человек ловкий, сильный и находчивый.

В парке охрана была усилена. Несколько ночей прошло спокойно. Сторожа и звери начали успокаиваться от вторжения сумасшедшего. Но когда луна была уже на ущербе и напоминала не глаз, а только коготь совы, сумасшедший вновь напомнил о себе и вызвал еще больший переполох.

II. «ПОБЕДИТЕЛЬ ЛЬВОВ»

Остров зверей на новой территории зоопарка был погружен в сон. Отгремел львиный рев, лев поиграл в охоту и растянулся на каменном ложе возле львицы. Мирно спали бурые медведи. Не слышно было и трубных звуков слонихи Джандау. Она лежала на боку и чутко дремала. Только мелкое зверье, ночные хищники возбужденно сновали в вольерах на старой территории и перекликались разными голосами. Перевалило за полночь. На востоке едва заметно намечался рассвет. Ночь протекала спокойно. Уставший сторож, медленно волоча ноги, подошел к скамье и уселся против львиного сектора острова зверей. У сторожа начали слипаться глаза. Тихо подкрадывалась дремота... Однако слух сторожа продолжал улавливать знакомые звуки. Сторож научился у зверей дремать чутко. Тихое, короткое рычание льва раздалось в тишине ночи.

И в этом рычании слышались какие-то беспокойные нотки.

«Быть может, над львами слишком низко пролетела птица», — подумал сторож сквозь сон, но на всякий случай приоткрыл глаз.

То, что он увидел, показалось ему сном. По бетонному козырьку над площадкой львов осторожно полз человек. Как он забрался туда? Что ему надо?.. Сторож открыл оба глаза и при слабом свете месяца увидел, что на человеке были одни трусики.

«Он! Сумасшедший!» — подумал сторож.

Человек подполз к самому краю козырька и, держась на руках, спустил переднюю часть туловища, внимательно рассматривая львов. Это было так необычно, что сторож замер в молчаливом наблюдении, ожидая, что будет дальше. Крикнуть?.. Но человек так низко висел над площадкой, что неожиданный окрик может испугать его и человек чего доброго слетит вниз и будет растерзан львами... А безумный, как будто играя с опасностью, выдвинулся еще дальше. Было совершенно непонятно, как он мог держаться в такой позе. Большая часть тела висела в воздухе, а руки лежали вдоль тела, одними пальцами опираясь на край козырька. Сторожем овладело волнение. Сон прошел. Надо было действовать, но страх за человека сковал все члены сторожа. И он неподвижно сидел на своей скамье, полуприкрытый ветвями дерева.

Человек начал глухо ворчать, и лев ответил сердитым ответным рычаньем. Все это было так жутко, что нервы сторожа не выдержали. Он неожиданно для себя вдруг поднялся и крикнул:

— Эй ты! Что ты там делаешь? Слезай оттуда!

Этот неожиданный окрик как будто разбудил сумасшедшего. Случилось то, чего боялся сторож: по всему телу сумасшедшего прошла мелкая дрожь, руки его ослабели, и вдруг его тело, метнувшись в воздухе, полетело вниз. У сторожа перехватило дыхание. Он бросился к каменному барьеру. Тело сумасшедшего сделало в воздухе полукруг, повернулось на ноги, как тело кошки, и сторож увидел человека уже стоящим на ногах посередине площадки. Лев и Львица находились у левой стены. Неожиданное падение напугало их. Звери вскочили на ноги и смотрели испуганными глазами на неожиданного нарушителя их покоя. А человек сто-

ял неподвижно. Только голова его была втянута в плечи, как будто он сам готовился к прыжку на льва. Лев тоже пригнул голову, сердито зарычал и начал бить себя хвостом по бедрам. Страх уступал место гневу и кровожадности. За львом стояла львица, присев на ноги, как кошка, готовая к прыжку на мышь. Эта картина навеки запечатлелась в мозгу сторожа. Еще мгновение, и лев бросится на человека... Но лев как будто раздумывал, а человек стоял по-прежнему, как окаменелый. Однако каждый мускул и каждый нерв человека был напряжен, а глаза зорко следили за зверем. Лев еще ниже опустил голову, широко открыл пасть, прорычал так громко, что задрожала земля, и несколько раз поднял вертикально свой хвост. Это было высшим проявлением гнева и сигналом к действию. Лев решительным шагом двинулся к человеку. Львица продолжала стоять в той же позе, как бы наблюдая, чем окончится поединок, готовая в каждую минуту прийти на помощь своему супругу. Лев уже был в двух шагах, а человек все еще стоял неподвижно.

«Конец!» — подумал сторож.

Но в это самое мгновение случилось нечто неожиданное. Все произошло так быстро, что сторож скорее понял умом, чем воспринял глазами, что произошло. Человек в неизмеримо малую долю секунды вдруг выбросил свою правую руку и нанес кулаком жестокий удар в нос льва. От боли и неожиданно лев как-то крякнул, низко опустил голову к земле и осел всем туловищем. Львица, очевидно, не могла перенести этого оскорбления, нанесенного ее царственному супругу. Ее стальные мышцы распрямились. И вытянутое тело львицы уже несло по воздуху по направлению к человеку. Но человек замечал все. Прежде чем лапы львицы с выпущенными огромными когтями коснулись его тела, человек сделал огромный прыжок, и львица грохнулась на каменистую почву. В ту же секунду ее тело собралось в клубок, перевернулось на месте и опять вытянулось в гигантском прыжке. Но как будто невидимая сила перебрасывала тело человека. Он прыгал по площадке, как теннисный мяч, все время увертываясь от ужасных когтей. Лев в это время уже оправился от удара и, раскрыв пасть, ринулся к человеку, ноги которого едва прикоснулись к земле. Но этого было для человека достаточно, чтобы сделать новый прыжок. Че-

человек перепрыгнул через тело льва и, наклонившись, проскользнул под летящей над ним львицей. Однако он занял неудобное положение, у самого края водоема, а лев и львица стояли на возвышенном месте справа и слева от него. И, понимая без слов друг друга, звери направились к человеку.

«Конец!» — еще раз подумал сторож.

Но и это был еще не конец. Когда звери были уже возле него, человек неожиданно бросился в воду бассейна, нырнул, выплыл и начал дразнить зверей гримасами и криками. Разозленный лев ревел и царапал когтями камни. Львица горящими глазами смотрела на человека, облизывалась и била себя хвостом по тугим бедрам.

Только теперь, когда человек был в относительной безопасности, сторож пришел в себя и бросился за шестом, чтобы помочь человеку выбраться из воды.

Когда старик вернулся с шестом к львиному острову, картина вновь изменилась. Человека в воде уже не было. Львица стояла у воды, низко склонив голову, и терла морду о плечо. Из носа у нее шла кровь. А лев с остервенением рычал и царапался у входа в свою пещеру, проделанного в стене. Он напоминал собаку, которую мальчик дразнит палкой. Лев бросался к пещере и вдруг отступал с рычаньем. У входа в пещеру сидел человек. Он держал в руке осколок бетонного козырька, отвалившийся при его падении, и храбро защищался, нанося льву короткие, меткие удары. Морда льва была окровавлена, но и человеку, видимо, досталось. На его правой руке была содрана кожа.

Сбежавшиеся сторожа горячо обсуждали положение. Скоро к ним присоединились несколько наспех одетых сотрудников и заведующий зоопарком. Человека можно было спасти, открыв внутренний проход пещеры, но надо было предупредить возможность выхода льва вслед за человеком. Решено было спустить сверху деревянный щит, чтобы закрыть вход в пещеру. Эта работа заняла более часа, и когда щит наконец был опущен, утренняя заря уже разгоралась ярким пламенем. Теперь человек был изолирован от льва и сам находился в ловушке. Оставалось только арестовать опасного сумасшедшего. Для этого был вызван целый отряд милиции. Начальник отделения приехал на мотоциклете. Он распорядился расставить на всякий случай

милиционеров вдоль всей стены новой территории зоопарка.

— Выходи! — крикнул милиционер, открывая внутренний проход в пещеру. Сумасшедший не заставил себя ждать. Он вышел и покорно отдался в руки милиционеров. Два дюжих милиционера схватили его за руки и вывели с каменного острова на дорожку сада. Три других милиционера оцепили группу. Сзади стояли сторожа и сотрудники зоопарка. Все с интересом разглядывали безумца, побывавшего в львином логове и оставшегося живым.

— Как ваша фамилия? — спросил начальник милиции.

Сумасшедший ничего не ответил и, улыбаясь, обвел глазами собравшуюся толпу. Это был еще молодой человек, лет двадцати пяти, коренастого сложения, с бритым, несколько скуластым лицом и тупым носом. Осмотрев толпу как будто небрежным, но на самом деле очень внимательным взором, человек в спортивных трусиках вдруг как-то обвис всем телом, как будто он впал в обморок. Милиционеры, державшие его, невольно ослабили руки. И вдруг сумасшедший сделал неожиданный рывок вниз, а вслед за тем — чудовищный прыжок. Десяток рук протянулись к нему, но его тело, как выпущенная из туго натянутого лука стрела, распласталось в воздухе, пронеслось над толпой, коснулось земли, еще раз подпрыгнуло — и человек уже мчался к забору. Это было так неожиданно, что толпа не успела прийти в себя, как голое тело уже мелькало вдали. Милиционеры и сторожа бросились вслед и еще раз остановились и ахнули, увидав, как неизвестный сделал второй гигантский прыжок. Он легче тура перескочил, не прикасаясь даже руками, через высокий забор, почти в три человеческих роста. Но там беглеца ждало разочарование. На Садовой-Кудринской улице, куда он прыгнул, стоял мотоцикл с милиционером. Правда, милиционер не успел схватить свалившегося с неба — как ему показалось — человека, но он тотчас пустил мотор и помчался вслед за убегавшим человеком.

Однако это оказалось нелегкой задачей.

Когда милиционер повернул свой мотоцикл на Никитскую, беглец уже приближался к Никитским воротам. Это было невероятно. Милиционер не верил своим глазам. Сумасшедший бежал с такой быстротой,

что его ног не было видно, как спиц мотоцикла на полном ходу. Милиционер развил предельную скорость, и все же расстояние между ним и беглецом видимо увеличивалось. И так мог бежать человек, только что перенесший борьбу со львами, борьбу на жизнь и смерть!

Машина все же выносливее человека, даже если он «черт, сорвавшийся с цепи». На улице Герцена милиционер, мчавшийся на мотоцикле, с радостью начал замечать, что расстояние между ним и сумасшедшим уменьшается. Беглец, видимо, начал выдыхаться. На углу Моховой расстояние между беглецом и преследователем сократилось всего до десятка метров. Милиционер уже предвкушал победу машины над этими неукротимыми мышцами. Однако и сумасшедший, очевидно, хорошо знал преимущества машины и вовремя сумел воспользоваться ими. На его счастье, с Моховой вдруг показался крытый автомобиль, ехавший по направлению к Охотному ряду с большой скоростью. Это, вероятно, какая-нибудь веселая компания «проветривалась» после бессонной ночи. Сумасшедший еще раз удивил милиционера, сделав невозможное даже для трюкового американского киноартиста: собрав остаток своих сил, сумасшедший погнался за бешено мчавшимся автомобилем и, сделав прыжок, оказался на верху автомобиля, стоя на ногах. Так он успел проехать до Охотного ряда прежде, чем перепугавшиеся пассажиры, услышавшие падение тела, не приказали шоферу затормозить машину. Но пары минут, проведенных на крыше автомобиля, было достаточно, чтобы беглецу отдохнуть. Когда он заметил, что автомобиль замедляет ход, он ловко соскочил и вновь побежал с такою скоростью, что дворник, вышедший мести улицу, оказался с метлой в руках, видя «человека без ног», как истер промчавшегося мимо него.

Милиционер на мотоцикле успел крикнуть шоферу автомобиля о том, что он гонится за опасным сумасшедшим, и просил помочь ему. Шофер пустил машину на полную скорость. Теперь за беглецом гнались мотоцикл и автомобиль. Подъем Театрального проезда был изят беглецом с такою легкостью, как будто он бежал вниз, а не вверх. Человек, автомобиль и мотоцикл промчались мимо Политехнического музея и свернули на Маросейку. У Покровских ворот стоявший на посту милиционер, видя погоню, крикнул человеку:

— Стой, стрелять буду! — Но человек продолжал бежать.

Милиционер, больше для остротки, выстрелил вслед убежавшему. Однако пуля, видимо, задела ногу: беглец споткнулся, несколько уменьшил бег и свернул в Барашевский переулок. На двух крутых поворотах переулка автомобилю и мотоциклу пришлось задержать ход, и беглец успел передохнуть.

У высокого пятиэтажного дома на углу Барашевского и Лялина переулков беглец вдруг остановился и прошмыгнул в подъезд. Следом за ним подъехал автомобиль, а затем появился и мотоцикл милиционера.

След из капель крови вел на пятый этаж. Милиционер, задыхаясь от быстрого подъема, поднялся наверх и начал стучать у двери.

Скоро дверь приоткрылась и оттуда выглянуло заспанное, взлохмаченное, бородатое лицо.

— У вас живет молодой человек, бритый?.. — спросил милиционер.

— Живет. Антипов. Его комната направо. Другого молодого человека нет. Антипов бритый. Да вот его дверь открыта...

Милиционер бросился в открытую дверь и вошел в комнату. Пуста!.. Дверь на балкон раскрыта настежь.

Милиционер вышел на балкон и увидел внизу автомобиль, милиционера, дворника и несколько случайных прохожих. Все они размахивали руками и о чем-то горячо говорили.

— Эй! Что там у вас? — крикнул милиционер с балкона.

— Бежал сумасшедший! — ответил ему дворник. — С балконов...

Но милиционер уже не слушал и бросился вниз по лестнице, прыгая через четыре ступеньки.

Когда он сбегал вниз, все начали наперебой рассказывать ему о взволновавшем их происшествии. Очевидцем был дворник (он же ночной сторож), ему и дано было слово после того, как общий гам утих.

— Я сидел на углу, около кооператива, — говорил дворник, — покуривал, и вдруг вижу: на балкон пятого этажа выскочил человек в одних трусах, спустился вниз и повис на решетке. Покончить с собой, значит, человек хочет! А он — не тут-то было! Раскачался немало да и прыг на балкон четвертого этажа! Опять

повис на руках и опять прыгнул, и так с этажа на этаж, как белка. Я и дым изо рта не успел выпустить, а он уже соскочил с последнего балкона. Эва, какая высота!

Розыску удалось установить, что сумасшедший, оказавшийся служащим почтамта Антиповым, в то утро прибежал на Курский вокзал, вбежал на платформу, сбив с ног билетера, догнал скорый поезд, вспрыгнул на буфер и укатил.

Дальнейшие следы его были потеряны.

III. ЧТО ПРОИЗОШЛО В ДОМЕ ОТДЫХА

Статья «Вечерней Москвы» под интригующим заглавием «Сумасшедший в зоопарке» и подзаголовком «Победитель львов» наделала шуму и сделала Антипова героем дня. Вскоре после появления этой статьи в «Вечерней Москве» появилось письмо в редакцию одного из сослуживцев Антипова, сообщавшего о «сумасшедшем» новые интересные данные.

Текущим летом Антипов находился вместе с автором письма в подмосковном доме отдыха, в бывшем помещицьем имении.

Здоровый, коренастый, но очень неловкий и неуклюжий, Антипов нередко служил мишенью для острот своих товарищей по дому отдыха. Он, видимо, никогда не занимался физкультурой и не любил спорта.

Однажды, проходя по доскам, не огороженным перилами, в купальню, Антипов оступился, упал в воду и начал тонуть, отчаянно призывая на помощь. Его вытащили и прочитали ему соответствующее поучение о пользе спорта вообще и необходимости изучить плавание в частности.

Антипов безнадежно махнул рукой и с тех пор перестал купаться, больше того: он стал бояться воды и всегда обходил пруд, не решаясь приблизиться даже к берегу. Несколько дней спустя после того, как его спасли из воды, и произошел случай, удививший всех. Была теплая, летняя ночь. Полная луна стояла над старым домом. Большинство отдыхающих уже покое-лось мирным сном. Только несколько любителей «лун-

ных ванн» сидели на скамье у пруда и мирно беседовали.

— Тс! Смотри... что это? — сказал один из них, показывая рукой на крышу дома. Там виднелась фигура человека.

— Антипов!

Да, это был он. Луна ярко освещала его коренастую, характерную фигуру. Но он делал вещи, не свойственные ему. Антипов смело и быстро продвигался по самому краю крыши, подошел к высокой башне и с обезьяньей ловкостью начал взбираться по отвесной стене, цепляясь кончиками пальцев за неровности и выбоины. Он взобрался на крышу башни, затем полез на высокий шпиг. Крепко сжав шпиг ногами, он протянул руки вверх, к луне, и начал раскачиваться в такой позе. Потом, не придерживаясь руками, соскользнул вниз по шпицу, подбежал к краю крыши и вдруг прыгнул в пруд с пятидесятиметровой высоты.

Свидетели этого необычайного прыжка сидели несколько секунд неподвижно, а придя в себя, бросились спасать самоубийцу. Но его тело не всплывало на поверхность. На месте падения расходились только широкие круги. Несколько человек начали нырять в поисках тела, как вдруг один из свидетелей этого происшествия увидел, что Антипов вынырнул на другом берегу, проплыв под водою не менее трехсот метров. Несколько человек побежали к нему по берегу, но Антипов вновь нырнул и, прежде чем они сделали несколько шагов, уже вынырнул около башни.

Все громко заговорили и, схватив Антипова за руки, вытащили на берег. Антипов смотрел на них широко открытыми, но невидящими глазами и молчал. Потом он вздрогнул, как будто пришел в себя и, окидывая всех уже более осмысленным, но удивленным взглядом, спросил:

— Что это? Где я?... — Испуганно посмотрев на воду, он вдруг побежал в дом и скрылся в своей комнате.

Отдыхающие в недоумении посмотрели друг на друга.

— Лунатик! — догадался кто-то.

— Не иначе, — согласились другие.

Отпуск Антипова кончился, и через несколько дней он уехал в Москву. Однако вернулся на службу он не таким, каким был до поездки в дом отдыха. Товарищи

стали замечать, что Антипов то впадал в крайнюю рассеянность, то уходил в себя и глубоко сосредоточивался. Кроме того, у него, вероятно, болели уши: они были крепко забиты ватой.

«Ненормальность его уже тогда бросалась в глаза, но никто из товарищей не предполагал, что она примет такие опасные формы», — так заканчивалось письмо в редакцию сослуживца Антипова.

IV. ВОСКРЕСШИЕ ИНСТИНКТЫ

Антипову везло. О нем появилось еще одно письмо в газете — врача дома отдыха Соболева. Письмо это раскрыло наконец тайну «безумия» Антипова.

«Я принужден признаться, — писал Соболев, — что на мне лежит вина за все злоключения т. Антипова. Он, если так можно выразиться, пал жертвой моей научной любознательности. Дело в том, что я давно работаю над вопросами изучения лунатизма*. А Антипов был весьма подходящий для моих опытов субъект, так как лунатизм проявлялся у него очень резко. Лунатизм — малоизученная болезнь. По мнению И. И. Мечникова**, к каковому мнению и я присоединяюсь, в состоянии лунатизма вскрываются те следы врожденных способностей (инстинктов), которые переданы нам по наследству от дочеловеческой ступени развития и которые сохраняются в скрытом виде в мозгу. Эти дремлющие инстинкты всплывают наружу потому, что работа более поздних по развитию механизмов мозга (деятельность сознания) заторможена и вместо нее мерцает взбудораженная подсознательная деятельность мозга. Проснувшись, лунатик большей частью совершенно не помнит того, что совершил в состоянии лунатизма.

Таким образом, наш мозг как бы представляет слои геологических «пластов». Древнейшие «пласты» скрыты более новыми «напластованиями», но продолжают существовать.

В лунатизме меня интересовало два вопроса: 1) какое действие оказывает на лунатиков луна и 2) нельзя ли «воскресить» угасшие в современном человеке первобытные инстинкты, проявляемые при лунатизме. и

«активизировать» их в бодрственном состоянии человека.

Профессор А. Сухов, на основании работ проф. Фаусека, Бехтерева и Лазарева, полагает, что разгадку здесь надо искать в воздействии движения Луны на электрические явления в воздухе. По этому пути я и вел свои опыты. Я предложил т. Антипову подвергнуть его действию различных электрических токов, стараясь таким путем «возбудить» угасшие инстинкты. Я не скрывал от Антипова, что при благоприятном исходе опыта он будет обладать остротой чувств и навыками первобытного человека, и Антипов согласился на опыт. Разумеется, на полную реставрацию этих первобытных инстинктов надеяться нельзя было, так как за сотни тысяч лет произошли большие изменения в организме человека: например, барабанная перепонка современного человека, очевидно, не обладает уже той тонкостью звуковосприятия, тем физиологическим строением, каким обладала она у первобытного человека. Но все же Антипов мог получить невероятно обостренные чувства. Мой опыт удался: Антипов мог слышать, например, тиканье карманных часов, помещенных через комнату, узнавал запахи людей не хуже собак-ищеек и тому подобное. К сожалению, я не мог продолжать своих наблюдений, так как срок отпуска Антипова окончился и он уехал в Москву. Я никак не ожидал, что пробужденные инстинкты заставят Антипова совершать такие безумные поступки, какие имели место в зоопарке. Так или иначе, Антипов не безумец и не сумасшедший. Я готов принять ответственность за последствия совершенного мною опыта, но Антипова эта ответственность не должна коснуться. Полагаю, что огромное значение для науки проделанного мною опыта явится смягчающим обстоятельством при суждении о моих действиях. Врач Соболев».

V. ТОЛСТОВКА * ИЛИ ЗВЕРИНАЯ ШКУРА?

В то время как газеты, ученый мир и рядовые граждане волновались и спорили, обсуждая опыт доктора Соболева, Антипов бродил по лесам в окрестностях Мо-

сквы, прячась от людей. Он вел первобытный образ жизни, подстерегал и ловил руками птиц и рыб, спал на дереве. Однако, на его несчастье, он уже не был первобытным человеком и толстовку от Москвошвея охотно предпочел бы звериной шкуре. Он был вполне современный человек, но с изощренными, как у первобытного человека, чувствами и инстинктами. Ему хотелось в кино, он тосковал, вспоминая своих товарищей. Притом и физически он не был закален, как первобытный человек. Он умел теперь лучше управлять своим телом, но все же его мускулы были не так развиты, как у первобытного человека. Вот почему он начал уставать во время погони. Он насиловал свое тело, свои мышцы. Нет, он не был первобытным человеком. С отращиванием ел он сырую дичь, мечтая о моссельпромовской столовке. А ночами он дрожал от холода. Тоска одолевала его, когда, сидя на суку и слушая уже пососенному завывавший ветер, он думал о манящих огнях города, уличном движении и теплой комнате на пятом этаже своего дома.

И Антипов не выдержал.

Однажды ночью он отправился в путь. Руководствуясь инстинктом, он, как почтовый голубь, направлялся по прямой линии к дому отдыха. Утром он постучал в комнату врача.

Соболев очень удивился и обрадовался этому неожиданному появлению.

— Я не могу так, — без предисловия начал Антипов, обращаясь к умывавшемуся врачу. — Я теперь ни дикарь, ни совслужащий. На войне или в экспедиции мои новые свойства, может быть, и были бы полезны, но в городе с ними беда. Уличный шум прямо оглушал меня, — я теперь понимаю, почему дикари, услышав в первый раз ружейные выстрелы, падают на землю. Это не от страха, а потому, что их уши слышат, может быть, в сто раз сильнее, чем наши. Я шатался, когда по Покровке с треском, шумом и звоном шел трамвай. На службе я с ума сходил от трескотни пишущих машинок и арифмометров. А придешь домой — все слышно, что говорят и вину, и с боков. Я весь дом слышал! Это прямо сводило меня с ума. Я живу на пятом, а в первом этаже под полом мышь скребет, и я слышу. Муха по стене ползет, и это слышу. Выйдешь вечером или ночью на двор и слышишь, как ре

вут звери в зоопарке, на другом конце Москвы. Этот звериный рев манил меня. И страшно, а тянет... Мне казалось, что только убив зверей; я смогу спокойно спать и не слышать их рева. Этот рев всю ночь преследовал меня! И запахи... Я узнал запахи всех знакомых. Едешь на трамвае, потянешь носом: Петров ехал, на бульваре Григорьевым пахнет, там Булкина прошла... голова все время этим занята... Вот только плавать, пожалуй, я не отказался бы так, как теперь умею. Это пригодится. Неровен час, упадешь в воду... Да и на спортивных состязаниях хорошо бы победить, чтобы товарищи не смеялись. А уши и нос уж пусть будут, как у всех. Не по городу такие уши...

* * *

Необычайная история Антипова приходит к концу. Доктор Соболев удовлетворил просьбу Антипова и вернул ему нормальные чувства, оставив только способность необычайно и ловко плавать. Антипов решил воспользоваться этой способностью и выступил на водных соревнованиях. Он плыл, как дельфин, далеко оставив позади себя своих соперников. Но недалеко от финиша он вдруг ощутил необычайную слабость и начал тонуть. Его извлекли из воды. Врач, присутствовавший на состязаниях, нашел у него растяжение мышц и сухожилий.

— Придется вам расстаться с вашими «лунатическими» дарами и заняться нормальной тренировкой, — сказал врач. — Это путь более медленный, но верный!

КОММЕНТАРИИ

ИНСТИНКТ ПРЕДКОВ

Впервые рассказ был опубликован в журнале «На суше и на море» (1929, № 1—2) и с тех пор не издавался.

Стр. 207. Лунатизм — так из-за ложных представлений о влиянии на человека лунного света нередко называют сомнамбулизм (в переводе с латинского — «снохождение») — расстройство сознания, при котором во сне автоматически совершаются привычные действия (ходьба, перекладывание предметов и т. д.).

Мечников Илья Ильич (1845—1916) — русский биолог и патолог, один из основоположников сравнительной патологии, эволюционной эмбриологии. С 1883 года — член-корреспондент, а с 1902 года — почетный член Петербургской Академии наук.

Стр. 208. Толстовка — широкая и длинная мужская блуза, в складках, с поясом. Названа по имени Л. Н. Толстого, носившего такую блузу.

Слепой ПОЛЕТ

Закон причинности — это бесконечно сложный механизм из зубчатых колес и шестерен. Кто бы мог подумать хотя бы о такой связи явлений: в Свердловске молодой ученый Меценко предложил своему другу — летчику Шахову осмотреть его лабораторию. Шахов осмотрел ее, похвалил работу товарища и ушел. Только и всего. А из-за этого визита старший радист в Гонолулу* едва не сошел с ума. Редактор «Нью-Йорк трибюн» разбудил по телефону среди ночи сотрудница, ведущего отдел «Новости науки и техники», заставил его писать статью, которую потом еще и не принял. Советские граждане Барташевич и Зубов целые сутки ужасно волновались, а с самим летчиком Шаховым случилось такое, чего он всю свою жизнь не забудет.

1. ЛОВЕЦ СИГНАЛОВ

Джон Кемпбелл был старшим радистом морской радиостанции США в Гонолулу. Молодые помощники называли Кемпбелла «господином эфира». Он знал позывные всех действующих радиостанций мира. Виртуозно отстраивался и настраивался. Имел эфирные знакомства во всех частях света. Для него не существовало границ и местного времени. Он жил во всех широтах и долготах. На протяжении одной минуты он успевал излучить своим друзьям и «доброе утро», и «добрый день», и «добрый вечер», и «доброй ночи». И никогда не путал, где сейчас на земном шаре день, где ночь, где утро.

Таков был Кемпбелл до второго ноября — даты пятидесятого года его рождения. И вот что случилось с ним в этот день.

Утром морская метеорологическая обсерватория США сообщила, что в Тихом океане проходит тайфун чрезвычайной силы, пересекая три морских пути между Азией и Америкой. Приходилось быть начеку.

В два часа дня Кемпбелл уже поймал первый характерный писк SOS* и быстро определил место кораблекрушения. В три часа новый сигнал о бедствии.

Кемпбелл успел сообщить в Осаку, прежде чем там узнали о крушении парохода возле японских берегов. Но с третьим SOS случилось непонятное.

Было восемь часов вечера. Небо безоблачное. Только необычайно сильный грохот прибоя напоминал о том, что где-то в океане свирепствует шторм.

«SOS!» — вновь запищало в приемнике. Призыв о помощи неся из района острова Карагинского вблизи мыса Лопатки (южной оконечности Камчатки). И Кемпбелл радировал об этом карагинской радиостанции.

Оттуда ответили: «У нас штиль. Гидропланы летят на разведку».

Через час карагинская рация сообщила, что нигде тонущего корабля не обнаружено. Что они там подумали о Кемпбелле — радисте из Гонолулу?.. Скандал!

В десять вечера Кемпбелл услышал тот же сигнал, но уже из района Берингова моря, со ста восьмидесятого градуса восточной долготы.

Сам «Моряк-Скиталец»** не мог лететь с такой чудовищной скоростью! Более полутора тысяч километров в час, если учесть сдвиг местного времени.

Кемпбелл проверил расчеты. Все оказалось правильно. Но первый раз в жизни он воздержался сообщать «всем» о принятом сигнале бедствия.

В двенадцать ночи тот же сигнал, но уже на полтора градуса восточнее. Несмотря на удушающую жару тропической ночи, Кемпбелла прошиб холодный пот. Что это, мистификация? Радисты сговорились подшутить над ним? Но сигналами бедствия не шутят. Или у него в мозгу неладно?

Кемпбелл просидел без смены всю ночь. Но этих сигналов больше не было слышно. Наутро Кемпбелл подал начальству рапорт, прося отпуск по болезни.

Так до конца своих дней Кемпбелл и не разрешил задачи: кто же посылал тогда сигналы бедствия, летя с запада на восток быстрее урагана.

2. ТАИНСТВЕННЫЙ БОЛИД *

«О. Кадьяк **. 3. XI. Четыре часа ноль минут местного времени островом Кадьяк пролетел болид ослепительной яркости направлении запада восток тчк Полет сопровождался орудийным гулом тчк Телеграфные деньги исходе тчк Жду аванса тчк Дельтон»

Вечное перо в руке ночного редактора «Нью-Йорк трибюн» быстро запрыгало по бумаге. Золотой клюв ручки, как дятел на стволе дерева, долбил телеграфные строки, оставляя темно-синие следы. Через полминуты телеграмма была обработана.

О. Кадьяк. 3. XI. В два часа утра над островом Кадьяк пролетел огромный болид такой ослепительной яркости, что все окрестности были освещены, как прожектором. Полет болида сопровождался оглушительным гулом, напоминавшим канонаду. Гул был слышен в порту Руперта и Эдмонтоне.

Редактор подумал секунду, сделал заголовок: «Небесный гость», зачеркнул, сделал новый: «Необычайный болид», сбоку приписал: «петит, шестая полоса». Лево́й рукой бросил телеграмму машинистке и принялся за новую — о морских вооружениях Японии.

Редактор справлялся с телеграммами, как с наседавшими врагами. Он разил их острием пера и бросал машинистке, а стопка не уменьшалась. Новые телеграммы падали на стол.

Через три часа редактор читал:

«Ситка***. 3. XI. Четыре часа утра. Ситкой пролетел большой ослепительной яркости...»

— Еще один болид?! — удивился редактор. — Что они так разлетались сегодня! — И вспомнил, что во вчерашнем номере газеты была заметка о том, что в середине ноября ожидается большой звездный поток Леонид****, появляющийся каждые тридцать три года. В этот прилет они запоздали — имели неосторожность пролететь слишком близко возле какой-то большой пла-

неты, — кажется, Юпитера, — потеряли на нем часть своего роя и несколько изменили свою орбиту. — Это интересно!

Редактор сорвал телефонную трубку, разбудил заведующего отделом «Новости науки и техники» и заказал ему к семи часам утра новую статью о Леонидах. На телеграмме сделал заголовок: «Первые ласточки звездной стаи» и пометку: «Объединить телеграммы о болидах. Дать в отделе «Н. Н. и Т.», перед статьей».

Редактор усиленно курил. Глаза слипались после бессонной ночи. Часы пробили семь. В кабинет быстро вошел заведующий отделом «Новости науки и техники», небритый, невыспавшийся, злой, и бросил на стол готовую статью о Леонидах.

Рядом со статьей упала новая телеграмма. Редактор прочитал ее, подумал. В ней сообщалось о болиде, пролетевшем в семь утра над озером Атабаска.

— Можете взять свою статью о Леонидах. Она не пойдет! — сказал он заведующему отделом «Н. Н. и Т.».

— Как не пойдет? Почему не пойдет? Но за каким дьяволом вы разбудили меня и заставили работать ночь?

— Статья будет оплачена! — сухо ответил ночной редактор и, обратившись к секретарю, крикнул: — Подберите и дайте мне телеграммы о болидах!

— Вот, извольте судить сами, — сказал ночной редактор, протягивая телеграммы. — Прочитайте эти две — из Кадьяка и Ситки, а вот и третья, только что полученная из Ньюфаундленда. Сравните время, обратите внимание на направление полета — с запада на восток. Может ли быть такое совпадение? Имеем ли мы три болида или же один болид? А если один, то может ли вообще болид — вам это лучше знать — пересечь пол-Америки на одной и той же высоте, в пределах земной атмосферы, не сгорев и не упав на землю?

— Что же вы предполагаете? — осторожно спросил заведующий отделом «Новости науки и техники».

— Я полагаю, что это — «болид»... земного происхождения. Быть может, ракета, реактивный стратоплан*, торпеда, черт его знает что...

— Но скорость! Почти космическая. Скорость вращения Земли... Положим, теоретически, для стратопла-

нов, не говоря о звездолетах, такие скорости возможны...

— Не «положим», а так оно и есть. Не вы ли сами давали статью о тайных вооружениях Германии, о реактивных снарядах, о воздушных торпедах, управляемых по радио? Необходимо сейчас же написать новую статью на эту тему. Садитесь! Мы еще успеем к дневному выпуску.

Редактор подобрал все телеграммы о болидах и сделал новую пометку: «1-я стр., корпус. После статьи «Таинственный болид».

3. ПРОПАВШИЙ СТРАТОПЛАН

Бригада молодых изобретателей Экспериментальной мастерской готовила стране большой сюрприз: сконструировала и построила первый советский — и первый в мире — стратоплан З-1. Директор завода Барташевич, инженер-конструктор Зубов и опытный летчик Шахов любовались своим детищем.

Крылатая рыба идеально обтекаемой формы имела винтомоторную и реактивную тягу. З-1 мог летать в тропосфере* — как аэроплан, а в стратосфере** — по принципу ракеты. «Мог летать», но еще не летал. Первый пробный полет должен был совершить Шахов. Решили, что полетит он один. Хорошо механизированное управление вполне допускало это, тем более что полет Свердловск — Хабаровск, по расчетам строителей, должен продолжаться максимум пять часов. Небывалая скорость!

Герметически закрывающаяся кабина З-1 отапливалась и освещалась электричеством и была снабжена кислородом и горючим на сутки — максимальная вместимость баков и баллонов. Больше и не нужно было, так как за сутки стратоплан мог бы облететь вокруг земного шара.

В стратоплане были установлены аппараты для определения скорости, высоты, направления полета по «слепому методу». Все до мелочей рассчитано, испытано, выверено в лабораториях. Всякая случайность исключалась.

Старт произошел второго ноября, в шесть часов утра без всякого торжества. Не было ни газетных репортеров, ни блеска юпитеров, ни суетливых кинооператоров, ни оркестра, ни речей. Все напоминало будничные облеты нового аппарата. Присутствовала только бригада, создавшая З-1.

Летчик Шахов в кожаном костюме и шлеме, высокий, здоровый, подошел к кабине. На бритом лице спокойная улыбка. Крепко пожал руки товарищам, быстро взобрался по лесенке и захлопнул за собой дверь. Через минуту заревели моторы, метнулись и превратились в трепещущие прозрачные круги пять пропеллеров. З-1 легко отделился от площадки аэродрома и начал круто забирать высоту. Рокот моторов затихал в звездных просторах неба.

— Долетит! — уверенно сказал Зубов, когда стратоплан скрылся.

— Долетит! — как эхо отозвался Барташевич.

А через десять минут они уже разговаривали с Шаховым по радио, как будто и не расставались с ним.

— Алло, Шахов! Летишь?

— Лечу! Все отлично. Аппараты действуют безукоризненно.

— Ну-ну, Шахов, делай шах королю, — острил Барташевич.

Полет продолжался. Шахов периодически сообщал: «Высота двенадцать километров. Перехожу на дюзы».

«Высота двадцать пять. Скорость — тысяча километров в час».

«Миновал Омск... Красноярск... Высота тридцать километров».

«Пролетел над Витном».

И вдруг радиопередачи прекратились.

Потекли минуты напряженного ожидания. Зубов начал нервно вызывать Шахова. Ответа не последовало. Тревога росла. Лица Зубова и Барташевича словно постарели в несколько минут. Они избегали смотреть друг на друга, чтобы на лице другого не прочесть своих собственных черных мыслей.

Время шло. Зубов нетерпеливо поглядел на часы.

— Он уже должен опуститься в Хабаровске...

Посидели еще несколько минут в гнетущем молча-

нии. Позади слышался тяжелый вздох. То незаметно вошел старый мастер Бондаренко.

— Так вызывайте же Хабаровск, — сказал он раздраженно, словно простуженным голосом. Его сумрачное лицо передергивала нервная судорога.

Зубов хотел и боялся вызвать Хабаровск. Наконец вызвал.

«Не прилетел. Ждем с минуты на минуту», — был ответ.

Старый мастер снова шумно вздохнул.

— Ждут!.. Авария, не иначе. Надо сообщить на Алдан, чтобы выслали самолеты на поиски...

Да, больше ничего не оставалось.

Настал день — тяжелый день... Зубов и Барташевич перед этим уже не спали несколько суток, готовя 3-1 к полету. И теперь они шатались от усталости, но о сне не могли и думать. Ждали вестей, каковы бы они ни были. Мучила неизвестность. Через несколько часов алданские товарщи сообщили, что в месте предполагаемого пролета обыскано все по радиусу в пятьсот километров, никаких следов не найдено, что многие жители слышали в это утро глухой, громоподобный гул, прокатившийся с запада на восток.

По запросу Зубова с Камчатки сообщили, что у них слышался вечером, около шести часов, «гул и гром», и так же от запада на восток.

Зубов и Барташевич с недоумением посмотрели друг на друга.

— Это он! Значит, Шахов не погнб! — вздохнув с облегчением, сказал Зубов.

— И пролетел дальше, — задумчиво прибавил Барташевич. — Но почему? Что с ним произошло?

— Быть может, порча аппаратов... Не мог остановить работу джоз.

— Невероятно! — возразил Барташевич. — Все испытано, проверено. И потом, не могли же сразу испортиться и реактивные двигатели, и винтовая группа, и радио. — Барташевич помолчал и сказал сквозь зубы: — А может быть...

Зубов посмотрел на хмурое и вдруг ставшее злым лицо Барташевича и понял его мысль, его подозрение: измена Родине...

— Не может этого быть! — горячо воскликнул Зубов.

Барташевич резко стукнул кулаком по столу.

— Но тогда что же, что?

Зубов только вздохнул.

Прибежал рыжий радист, с красными от усталости глазами.

— Морская радиостанция Гонолулу, — задыхаясь, возбужденно заговорил он, — принимала сигналы бедствия в продолжение трех или четырех часов с Бернгова моря...

— А почему же ты не слышал? — набросился на радиста Барташевич.

— Я принимал Алдан, Хабаровск, Сахалин...

— Это Шахов! — воскликнул Зубов. — Конечно, у него какая-то авария... А ты говорил! — прибавил Зубов, с упреком посмотрев на Барташевича.

— Я ничего не говорил, — смущенно ответил тот. — Я только подумал. А мысли всякие — и непрошенные в голову лезут.

«Лучше смерть с честью, чем бесчестье измены!» — подумал Зубов и сказал:

— Сигналов больше не было. Значит, Шахов погиб в Бернговом море у берегов Северной Америки или на самом континенте.

Зубов и Барташевич опустили головы. После острых волнений наступила реакция. Зубов едва сидел на стуле. Барташевич оперся руками на стол, положил русую голову и сонно сказал:

— Надо послать радио на Аляску. В Америку... США...

Кто-то хлопнул его по плечу:

— Уснул, что ли? Читай! — Бондаренко положил на стол вечерний выпуск «Уральского рабочего».

Барташевич вздохнул, словно пробуждаясь от глубокого сна, подняв голову, потер глаза, начал читать и вдруг взволнованно и громко заговорил:

— Он жив! Он еще жив! Летит! Конечно, это снова он, Шахов! — и протянул Зубову газету, в которой была напечатана телеграмма ТАСС из Нью-Йорка о «таинственном болиде».

Нервное напряжение прорвалось у Барташевича смехом:

— Шах королю! Задали мы им загадку... Да себе тоже, — прибавил он задумчиво и сильно тряхиул го-

ловой, выбрасывая снова лезшие непрошеные мысли.— Уж не задумал ли Шахов самовольно совершить кругосветный полет?

Шахов достаточно дисциплинирован, чтобы не делать таких мальчишеских выходов, — снова возразил Зубов. — И, потом, зачем в таком случае ему было посылать сигналы бедствия?

— А почему он замолчал?

Зубов и Барташевич снова посмотрели друг на друга. Если бы оба не были так утомлены и озабочены, они рассмеялись бы — до того комично-обалделыми были их лица.

4. СЛЕПОЙ ПОЛЕТ

Шахов, как и его друзья, снимаясь с аэродрома, не сомневался в удаче полета. Пропеллеры тянули великолепно. З-1 быстро набирал высоту. На потолке тропосферы и даже субстратосферы моторы благодаря компрессорам работали безукоризненно, перекрывая запроектованный потолок. Только поднявшись в стратосферу, они начали «задыхаться» от недостатка кислорода и давать перебои. Но это было явлением нормальным и заранее предусмотренным. Шахов выключил моторы и пустил в ход дюзы. Он полетел быстрее звука и уже не слышал громовых раскатов взрывов. Лишь при каждом ускорении — при каждом новом броске вперед — он чувствовал, как спинка кресла толкает его в спину, при этом сжималась грудь, становилось немного трудно дышать и кружилась голова — реакция кровообращения.

Но сильный организм Шахова легко справлялся с этими недомоганиями. В общем, Шахов чувствовал себя хорошо. Сверхскоростной полет сам по себе был неощутим. В кабине тихо, тепло, светло, воздух насыщен кислородом, который пьянит и веселит, как вино. Ни малейшей качки. Можно подумать, что стоишь на месте. Только подрагивание и движение черных стрелок на белых циферблатах измерительных приборов говорили об огромной высоте и скорости полета. На карте черный карандаш в рычажке отмечает курс. В

этом слепом полете Шахов чувствует себя спокойнее, чем в обычных полетах.

Весело напевает. Смотрит сквозь стекло окна на аспидно-черное небо с яркими немигающими звездами и радужным полотнищем Млечного Пути. Черная линия уже приближается к Кяхте. Шахов со свойственным ему спокойствием сообщает и об этом друзьям. Радио под рукой. Можно разговаривать, не отрываясь от пульта управления.

Шахов проголодался.

Вынимает плитку шоколада и подносит ко рту.

И вдруг чувствует такую невыносимую, режущую боль в глазах, что вскрикивает и закрывает их. «Что такое? Слово сухой горчицы под веки насыпали». С трудом открывает глаза. В кабине совершенно темно. Почему лампочка внезапно погасла? Шахов шарит рукой, находит выключатель, поворачивает — темно, поворачивает еще раз — темно. Достает лампу рукой и ощупывает. Горяча.

Лампа светит! Значит, он ослеп. Сильнейшие, режущие боли в глазах не прекращаются.

Шахов был летчиком уже второй десяток лет. И в первый раз почувствовал нечто похожее на страх. Нервный клубок застрял в гортани, холодок пробежал по спине, задрожали руки.

Что теперь будет с ним? Положим, он сумеет сообщить по радио, но что могут сделать его друзья? Другого стратоплана нет, ни один самолет не поднимется на такую высоту и не имеет такой быстроты полета. На лету Шахова не снять. Хорошо еще, что столкновение невозможно — на такой высоте никто не летает.

Он жив, пока летит, а летит — пока хватит горючего, то есть сутки. Снизиться он не может. Никакие аппараты слепому полету не помогут, если сам летчик слеп. И при посадке он неминуемо разобьется вместе с машиной.

Если бы можно было набрать скорость километров восемь в секунду, то З-1 стал бы вечно носиться вокруг Земли, как ее спутник, преодолев земное притяжение. Но такая космическая скорость для З-1 недостижима. Да это и не спасло бы Шахова. Всего через сутки кончатся запасы кислорода, и Шахов задохнется.

Радио... но где же оно?.. Шахов шарит, находит ап-

парат, пытается давать сигналы бедствия. Задевает рукой за провода, питающие от аккумулятора лампы накала. Разрывает провода. С трудом находит, связывает, снова дает сигнал. Что-то портится в аппарате. Ошупью старается найти повреждение. Ему как будто удастся еще раз оживить радиостанцию, но затем она безнадежно портится. Последняя связь с миром оборвалась. Он — пленник стратосферы.

Который час? Сколько времени прошло с тех пор, как он летит слепым полетом? Шахов бессильно откидывается на спинку кресла, опускает руки, задумывается. Глаза болят нестерпимо, словно они выжжены раскаленным железом... Встает, находит воду, промывает глаза — не легче. Снова садится в кресло. Тишина... неподвижность... слепой полет навстречу смерти!

· Проходит час за часом. Шахов сидит молча, подавленный. Где он летит сейчас?

Быть может, над Америкой, а может быть, уже над Атлантическим океаном, приближаясь к берегам Европы... День или ночь?..

...Нет, это невозможно! Надо что-то делать, искать спасения... Жажда жизни берет свое. Шахов поднимается. В движении, в действии он хочет найти выход напряжению нервов. Надо узнать, работают ли еще дюзы... Шахов пробирается в машинное отделение. Шупает руками стенки дюз, несмотря на термонизоляцию, во время работы дюз стенки бывают теплыми. Но сейчас они холодны. Дюзы не работают и уже успели остынуть. З-1, быть может, уже летит камнем с головокружительной высоты... Бензин в баках еще должен быть. Надо запустить моторы... Это он сможет сделать и вслепую...

Загудели! Работают без перебоя! Очевидно, стратоплан уже в тропосфере. Спасет идеальное автоматическое управление — машина сама выправляется. А вдруг она перейдет в штопор? Сумеет ли аппарат самостоятельно выйти из штопора? Расчеты говорят — да, но что окажется на деле? А стратоплан начинает покачиваться... Что делать?

...Остается одно — «вслепую» выброситься на парашюте...

И Шахов лихорадочно начинает готовиться к смертельному прыжку. Привязывает парашют, раскрывает окно... Чувствует, как ледяной ветер жжет лицо и руки...

5. «А ЗЕМЛЯ-ТО КРУГЛАЯ!»

Вконец истомленный, Барташевич, не раздеваясь, свалился на кушетку и тотчас уснул.

— Вставай! — будил его Зубов. — Шахов летит!

Барташевич поднялся и тупо посмотрел на Зубова.

— Говорю тебе, летит! Получено от него радио. Едем скорей на аэродром!

Радостно-взволнованные, ввалились они в автомобиль и помчались к аэродрому, глядя на восток, откуда должен был появиться стратоплан.

На аэродроме они полчаса напрягали зрение и слух. Неожиданно рокот моторов послышался с запада. Скоро появился и З-1. Он быстро снизился и сел «по-шаховски» — без единого прыжка.

Зубов и Барташевич побежали к стратоплану.

Дверь открылась, по выкидной лесенке быстро спустился Шахов и направился к ним уверенной походкой, со своей обычной спокойной улыбкой. Крепко пожал им руки и кратко рассказал о том, что случилось с ним в пути.

— Я совсем приготовился к прыжку, как вдруг прозрел. Да, зрение вернулось ко мне так же неожиданно, как появилась слепота. Я самоопределился и, к удивлению, увидел, что нахожусь в сотне километров на запад от Свердловска.

— Почему же к удивлению? Стратоплан ведь летел без управления и мог сбиться с курса.

— В том-то и дело, что он не сбился с курса. Аппараты показали мне, что он все время летел по прямой на восток.

— А Земля-то круглая, и, вылетев из Свердловска в восточном направлении, ты вернулся в Свердловск же с запада!.. — воскликнул Зубов.

— Облетев весь земной шар, — уточнил Барташе-

вич. — Стратоплан выдержал экзамен, хотя не выполнил задания — опуститься в Хабаровске. Но что случилось с твоими глазами? Мы уж все передумали, а о такой простой вещи, как болезнь, не подумали — уж очень ты здоров. Сейчас-то ты хорошо видишь?

— Отлично, как всегда. А что было с моими глазами — сам понять не могу. Быть может, это действие космических лучей. Ведь в конце концов никто еще не летал на такой высоте...

— И с такой скоростью, — прибавил Зубов. — Влияние таких скоростей также еще не изучено.

— Да, факт тот, что зрение вернулось ко мне, когда я опустился в тропосферу.

К стратоплану сбегались рабочие — его строители. Пришел и старший мастер Бондаренко, пришел и друг Шахова — молодой ученый Меценко.

Шахову пришлось еще рассказать историю своей внезапной слепоты и выздоровления.

— Ты все-таки сходи к доктору, — посоветовал Бондаренко.

— Ни к какому доктору ходить не надо! — возразил Меценко. — Каюсь, я виноват! Моя оплошность! Все посмотрели на него с недоумением.

— Помнишь, Шахов, — продолжал Меценко, — в день отлета я пригласил тебя в свою лабораторию — показать мои работы, похвалиться своими достижениями?..

— Ну, и какое же это имеет отношение?

— Увы, самое близкое! Я показал тебе фотоэлементы и разные лампы... Между ними была одна с ультрафиолетовыми лучами. Ты заинтересовался моими работами, и я часа два тебе рассказывал. Мы стояли недалеко от этой лампы. Я увлекся и не обратил внимания, а ты, слушая, вероятно, все время смотрел на свет лампы. Ну и получил поражение глазных нервов. Невидимый ожог, коварный уже тем, что обнаруживается он только через несколько часов. При таких ожогах временно теряется зрение, восстанавливается же оно тоже только через несколько часов. Да, это моя оплошность!

Барташевич поднес к лицу Меценко кулак и полушутливо-полусерьезно выругался по-украински.

— И какие же теперь выводы, товарищи? — спросил он. — Первое — летчикам перед полетами не заглядываться на лампу ультрафиолетового света. — И он заложил палец. — Второе — никогда не отчаиваться, не терять надежды на спасение, как бы положение ни казалось безнадежным...

— Третье — никогда не подозревать без достаточных оснований, — вставил Зубов.

— Так ведь были же основания, и немалые, — возразил Барташевич. — А в общем, живем, Шахов? Шах королю!..

КОММЕНТАРИИ

СЛЕПОЙ ПОЛЕТ

Впервые рассказ был опубликован в первом номере журнала «Уральский следопыт» за 1935 год; в первом номере того же журнала за 1958 год публикация была повторена. В 1978 году «Слепой полет» увидел свет на страницах сборника «Тропы «Уральского следопыта» (М.: Молодая гвардия).

Стр. 213. Гонолулу — город на острове Оаху (Гавайские острова), административный центр штата Гавайи.

Стр. 214. SOS — международный радиотелеграфный сигнал бедствия.

«Моряк-Скиталец» (или «Летучий Голландец») — по средневековой легенде призрачный корабль, обреченный никогда не приставать к берегу; среди моряков было распространено поверье, что встреча с ним предвещает гибель в море.

Стр. 215. Болид — большой и исключительно яркий метеор.

Кадьяк — остров в Тихом океане у побережья Северной Америки (штат Аляска, США).

Ситка — город и порт в США на острове Баранова (штат Аляска).

Леониды — метеорный поток, образовавшийся в результате разрушения ядра кометы и периодически встречающийся с Землей: Все подобные потоки называются по созвездию, на которое проецируется видимый центр потока (радиант) — например, Леониды из созвездия Льва, Дракониды из созвездия Дракона и т. д.

Стр. 216. Стратоплан — устаревшее название самолетов, приспособленных для полетов в верхних, разреженных слоях атмосферы (стратосфере).

Стр. 217. Тропосфера — нижний, основной слой атмосферы, в котором сосредоточено более 80 процентов всей массы воздуха: простирается на высоту 8—10 километров в полярных, 10—12 — в умеренных и 16—18 километров в тропических широтах.

Стратосфера — разреженный слой атмосферы, расположенный выше тропосферы и простирающийся до высоты 50—55 километров.

Мистер СМЕХ

НА РАСПУТЬЕ

Спольдинг вспомнил счастливые, как ему казалось, минуты, когда он положил в портфель аттестат об окончании политехнического института.

Он инженер-механик, и перед ним открыт весь мир. Для него светит солнце. Для него улыбаются девушки. Для него распускают павлиньи хвосты роскоши витрины магазинов, для него играет веселая музыка в нарядных кафе, для него скользят по асфальту блестящие автомобили.

Правда, сегодня все это еще недоступно для него, но, быть может, завтра он возьмет под руку голубоглазую девушку с ярко-пунцовыми губами, сядет с ней в блестящий автомобиль, поедет в лучший ресторан города.

Ну, понятно, это все будет «завтра» не в буквальном смысле слова. Надо найти работу. Послужить инженером у хозяина. Скопить немного денег и открыть собственное дело. А дальше все пойдет как по маслу.

Найти работу... Это, конечно, не легко. Спольдинг хорошо знает об этом. Но кризис и безработица — страшные слова не для него, Спольдинга. Разве в институте у кого-нибудь из студентов был такой рост, вес, такие мускулы, как у него? Разве во всех спортивных состязаниях он не побеждал всех своих товарищей? А голова! Разве он не кончил высшую школу одним из первых — мог бы и первым, если бы не слишком увлеклся спортом.

Главное же, ни у кого нет такой стальной воли, такого упрямого стремления к власти, такой страстной

жажды богатства, такого аппетита ко всем благам жизни и такой фанатичной настойчивости в достижении цели.

И Спольдинг ринулся головой в свалку, как изголодавшийся волчонок, пустив в ход и волю, и жажду, и зубы, и когти. Но вскоре оказалось, что всего этого мало. Когти ему понадобились только на то, чтобы однажды в сердцах сорвать висевшее на воротах завода объявление «Приема нет». Зубами он грыз от злости камышовую трость, получая очередной отказ. В большинстве случаев ему не удавалось проникнуть не только в кабинет директора, но и к секретарю. Ему оставалось лишь говорить по телефону из проходной конторы или из вестибюля. Однажды он попытался силой прорвать кордон, но был с позором, под руки, выведен из кабинета личного секретаря машиностроительного магната.

Он жил на случайные мелкие заработки, нередко недоедал и ожесточался; он со злорадством думал о том, как сам будет еще более беспощаден с неудачником, когда все же достигнет вершин земного благополучия. И если обычные пути трудны, нужно находить более быстрые, новые, необычные.

Новые пути! Где они, эти новые пути? Спольдинг начал жадно прислушиваться, ловить каждое слово о быстрых или необычайных способах обогащения.

Как-то в вагоне подземной железной дороги Спольдинг услышал разговор об удаче одного писателя-юмориста, который одной книгой сделал себе огромное состояние. Спольдинг сам читал эту веселую книгу и от души хохотал. Но ведь у него, Спольдинга, нет литературного дарования. Через несколько дней он прочитал о человеке, нажившем, несмотря на кризис, миллионы на патентованном средстве для рращения волос. Секрет заключался в том, что это средство — невероятно, но факт — действительно вызывало усиленный рост волос. А изобрести такое или подобное средство — не легкий и не скорый путь. В другой газете сообщалось о колоссальных заработках знаменитого комического киноартиста Престо. Увы, у Спольдинга не было и артистических талантов.

Усталый, раздраженный, с тяжелым грузом дневных огорчений и обид, поздно вечером возвращался Спольдинг домой. Шагал он по узкой комнате с окном во

двор и слушал, как за стеной кто-то заунывно играл на странном инструменте. Звук напоминали то флейту, то скрипку, то человеческое контральто.

Эти звуки действовали ему на нервы. Непонятен был тембр, непонятна меняющаяся мелодия — то чарующая, прекрасная, то кошмарная, нелепая. Непонятны были, как и вчера вечером, неожиданные переходы музыкальных звуков в пулеметную стрельбу, впрочем, очень скоро прекратившуюся. Непонятен, наконец, был исполнитель. Ученик не мог играть столь блестяще такие технически сложные вещи, артист не мог исполнять музыкальные нелепицы, странные по содержанию и форме.

Уже несколько дней эти звуки интригуют и беспокоят Спольдинга. Надо будет спросить у хозяйки дома, кто поселился в соседней комнате. И сегодня за стеной после певучей скрипичной мелодии вдруг послышался адский железный скрежет, свист, верещанье.

Спольдинг начал стучать в стену.

Звуки умолкли.

КОРОЛЕВА СЛЕЗ

Стучат...

— Войдите.

В полуоткрытых дверях появилась высокая краснощекая сорокалетняя хозяйка пансиона. Не входя в комнату, она сказала:

— Простите, мистер Спольдинг... Вам, кажется, мешает соседка своей ужасной музыкой? Я скажу ей, чтобы она не играла позже восьми часов вечера.

— Благодарю вас, миссис Адамс, — ответил Спольдинг. — Эта музыка действительно несколько беспокоит меня. Но я не хотел бы стеснять соседку, если для нее эти звуковые феномены не забава, а работа. Я могу приходить домой позже...

— Ах, нет, нет! Я непременно скажу мисс Бульвер. Она непозволительно молода... то есть я хотела сказать: непозволительно оригиналка по своей молодости. Изобретательница! — с долей презрения закончила миссис Адамс свою аттестацию.

Спольдинг заинтересовался:

— Оригиналка? Изобретательница? И что же она изобретает? Да вы войдите в комнату, миссис Адамс!

Но миссис Адамс не так была воспитана, чтобы заходить в комнату одинокого холостяка. Она осталась у двери.

— Благодарю вас, но я тороплюсь, — ответила она. — Я не хочу сказать ничего плохого о мисс Бульвер, но все эти изобретатели немножко того. — И Адамс повертела толстым пальцем с двумя обручальными кольцами возле лба. — Она говорит, что изобретает такую песенку, от которой заплачет весь мир: и грудной младенец, и столетний старик, и счастливая невеста, и жизнерадостный юноша, даже кошки и собаки. Она так говорит: «И тогда я буду Королевой слез», — это ее собственные слова, я ничего не прибавляю.

Миссис Адамс позвали, она извинилась, одарила на прощанье Спольдинга улыбкой и ушла.

...Во втором этаже находилась широкая застекленная веранда, выходившая в садик с чахлыми деревцами и двумя клумбами.

Веранда была своего рода клубом для жильцов миссис Адамс. Здесь стояли столики, плетеная мебель, искусственные пальмы в углах, горшки с цветами на подоконниках и клетка с зеленым попугаем, любимцем хозяйки. Вечерами здесь играли в шахматы и домино, болтали, танцевали под граммофон, читали газеты, иногда пили чай и закусывали.

До сих пор Спольдинг не посещал этого клуба, где собирались мелкие служащие, кустари, продавцы вразнос, неудачливые комиссионеры и агенты по сбыту патентованных средств, начинающие писатели, студенты, — дом был большой, жильцы часто менялись. Теперь Спольдинг зачастил в клуб и здесь встретился с мисс Бульвер.

Прежде чем познакомиться, он несколько дней изучал ее. Аттестация, данная миссис Адамс, совершенно не подходила к этой девушке. Она совсем не походила на оригиналку, а тем более на «тронутого» изобретателя. Простая, спокойная. Черты лица правильные, приятные.

— Вы называете себя Королевой слез? — спросил однажды Спольдинг.

Бульвер улыбнулась.

— Я хочу стать ею. И не только Королевой слез, но и Королевой радости, Королевой человеческого настроения, если хотите.

— Заставлять людей плакать или смеяться? Разве это возможно?

— А разве это и сейчас не существует? — ответила Бульвер вопросом на вопрос. — Разве вы не встречали впечатлительных, простых людей, которые не могут удержаться от слез, когда слышат звуки похоронного марша, исполняемого духовым оркестром? И разве у этих людей не начинают ноги сами приплясывать при звуках плясовой песни? Когда мы до конца проникнем в тайну веселого и грустного, у нас заплачут и засмеются не только самые чувствительные и впечатлительные люди. Мы заставим плясать под нашу дудку само горе, а радость — проливать горючие слезы.

Спольдинг улыбнулся.

— Да, это зрелище, достойное богов, — сказал он. — И вы полагаете, что из этого можно извлекать доллары?

— Мой патрон, мистер Гоуд, полагает, что да. Иначе он не субсидировал бы, хотя и в очень скромных размерах, моих опытов.

— Мистер Гоуд? Чем же он занимается?

— Механическим производством веселья и грусти. Он фабрикант граммофонных пластинок.

И девушка рассказала Спольдингу историю своих деловых отношений с мистером Гоудом.

Люция Бульвер окончила консерваторию по классу композиции. Уже на последних курсах консерватории она занялась теоретической работой, которая ее чрезвычайно увлекла. Она хотела постичь в музыке тайну прекрасного. Почему одна последовательность звуков оставляет нас равнодушными, другая раздражает, третья пленяет? На эти вопросы не было ответа ни в теории гармонии и контрапункта, ни в сочинениях по эстетике и психологии. Тогда Бульвер взялась за теоретические работы по акустике и физиологии.

— И какую же практическую цель вы преследовали? — спросил Спольдинг.

— В начале этой работы я не думала ни о какой практической цели. Открыть тайну прекрасного! Изучая узоры нотописн и звукозаписей, я пыталась в этих узорах найти закономерности. И кое-что мне уже уда-

лось. Потом попробовала сама составлять узоры и переводить их в звуки, и, представьте, у меня начали получаться довольно неожиданные, оригинальные мелодии.

Однажды я принесла мистеру Гоуду сочиненную мной песенку. Случайно вместе с нотами выпал из портфеля один из таких узоров. Мистер Гоуд заинтересовался, спросил меня, что это за кабалистика. Я объяснила. Мистер Гоуд сказал: «Интересно. Пожалуй, из этого может выйти толк. Вы знаете, я скупаю у композиторов новые песни и романсы... Монопольно. Только для моих пластинок. В нотном издательстве они не появляются. Но с композиторами, не обижайтесь, трудно ладить. Как только композитору удастся написать одну-две популярные песенки, он начинает зазнаваться и заламывает несуразно высокую цену. Этак и разориться недолго. И вот, если бы вам удалось изобрести аппарат, при помощи которого можно было бы механически фабриковать мелодии, ну хотя бы так, как получается итоговая цифра на арифмометре, — это было бы замечательно. Я больше не нуждался бы в композиторах, освободился бы от их капризов и чрезмерных претензий. Чудесно! Посадить за аппарат рабочего или машинистку — и пожалуйста! Одна хорошенькая мелодия за другой падают вам в руки. Только верти ручку, и деньги сами посыплются. И мир будет наводнен новыми песнями. Сможете это сделать, мисс?»

Я ответила, что у меня не было мысли о полной замене художественного творчества машиной и едва ли это возможно.

«Математические исчисления не менее сложны, чем ваши композиционные измышления, а тем не менее счетные машины прекрасно заменяют работу мозга.

Попробуйте. Я могу субсидировать ваши опыты. Если же вы добьетесь удачи, ваше будущее вполне обеспечено».

Я приняла это предложение.

— И каковы же ваши успехи? — спросил Спольдинг.

— Мне удалось уже овладеть кое-какими эстетическими формулами для математического построения мелодий. И если эта работа пойдет с таким же успехом и дальше...

По веранде прошла миссис Адамс. Был поздний час,

веранда почти опустела. Бульвер пожелала Спольдингу покойной ночи и ушла.

ЭВРИКА!

После того как Спольдинг узнал, чем занимается Бульвер, он потерял к ней всякий интерес, как к «сфинксу без тайны».

Месяц спустя после разговора с Бульвер Спольдинг однажды, возвращаясь домой в вагоне подземной железной дороги, прочитал в газете: «Концерну Бэкфорда угрожает крах».

Спольдинга интересовало все, что касалось возвышения и падения людей — от судьбы Наполеона до истории миллионов Ротшильда и Рокфеллера. И он внимательно прочитал газетную заметку. Оказалось, что Бэкфорд был одним из «гегманов» — профессионалов-шутников, нечто вроде французских кофетансье. Это Спольдинг знал. Но дальше для него были новости. Оказалось, что «торговля смехом» поставлена в Америке на широкую ногу. Выдумывание острот — такой же «бизнес», как и изготовление шляп или запонок. И крупнейшим «концерном» такого рода являлось предприятие мистера Бэкфорда — «первого гегмана в Америке». Он придумывал и продавал остроты, писал скетчи, юмористические номера для музыкальной комедии, для работников эстрады, клоунов и комиков театра. Нажив на этом небольшое состояние, он начал покупать и перепродавать чужие остроты, собирать и систематизировать «мировые запасы смехотворения» — юмористические книги, исторические анекдоты, грамофонные пластинки с юмористическими записями. Его каталог содержал более сорока тысяч острот, шуток, анекдотов. Весь материал систематизировался по темам, пронумеровывался, каталогизировался. Любую шутку можно было найти в течение двадцати секунд.

Каждый год каталог пополнялся на три тысячи номеров. Чтобы отобрать первые сорок тысяч, Бэкфорду пришлось просмотреть более трех миллионов шуток и острот. Заказчик требовал, чтобы в программах, со-

ставленных Бэкфордом, слушатель смеялся не менее восьмидесяти раз в час. Бэкфорд перевыполнил это требование: слушатели смеялись от девяноста до ста раз, а в самых лучших программах даже — рекордная цифра — сто двадцать раз в течение получаса. По теории Бэкфорда, зрители и слушатели не гонятся за новыми шутками, которые к тому же трудно изобретать.

Все, что требуется от профессионала, — умело подобрать старые остроты.

Теория эта как будто оправдывалась жизнью, по крайней мере дела «концерта» шли успешно.

Бэкфорд оброс «дочерними» предприятиями: кино, мюзик-холлами и прочими — и даже обзавелся банком. И вдруг все это солидное здание начало давать трещину за трещиной. По необъяснимой причине слушатели и зрители смеялись все реже и реже: семьдесят, шестьдесят, сорок, двадцать раз в продолжение часа вместо восьмидесяти, девяноста, ста «обязательных». Сбыт сокращался...

Почему? Спольдинг задумался. Быть может, Бэкфорд не учел изменившихся обстоятельств.

Кризис. Общее тревожное настроение в стране и во всем старом мире. Чувство неустойчивости, неуверенности. Бэкфорд был грубый практик. Он не пытался ответить на вопрос теоретически. Заглянуть, вскрыть природу смешного. Изучить психологию современного зрителя, слушателя, читателя. Меняются люди, меняется их отношение и к смешному. То, что смешило вчера, вызывает сегодня недоумение. Понятие смешного подвижно и разнообразно. Но какие-то общие принципы смеха должны существовать. Быть может, они сводятся к пяти-шести основным «формулам». И если их найти и умело применять сообразно людям и обстоятельствам, люди начнут смеяться безотказно. А почему же нет? Надеется же Бульвер найти принципы прекрасного? И если да, то... ведь это же золотые россыпи! Бэкфорд был и остался мелким кустарем. Он не понял, что смех не только валюта, но и могущественная сила. Как заманчиво обладать секретом смеха, заставлять хохотать всяких людей при всяких обстоятельствах!

У Спольдинга даже руки похолодели. Что же надо делать? Во что бы то ни стало вырвать у смеха его тайну. Изучать вопрос теоретически и практически. И

затем действовать. Нет основного капитала! Для начала можно предложить свои услуги этому гегману и банкиру Бэкфорду, а потом...

Спольдинг так увлекся, что хлопнул ладонью по газете и неожиданно для себя крикнул на весь вагон: — Эврика!

Соседка испуганно посторонилась, а Спольдинг, взглянув в окно, вновь вскрикнул, но уже от досады на себя: задумавшись, он проехал пять лишних остановок.

Под смех пассажиров он кинулся к выходу.

С того дня Спольдинг засел за работу...

ПУТЬ К СЛАВЕ

Спольдинг сделал пометку на полях толстой тетради, походил по комнате, достал с книжной полки том Марка Твена, раскрыл заложенную страницу и прочитал подчеркнутые карандашом строки:

«Есть ли у вас брат? — Да, мы звали его Билль. Бедный Билль! — Он, значит, умер? — Этого мы никогда не могли узнать. Глубокая тайна витает над этим делом. Мы были — покойный и я — близнецы, и когда нам было две недели от роду, нас купали в одной лохани. Один из нас утонул в ней, но никак нельзя было узнать который. Одни думают, что Билль, другие, что я...»

Спольдинг засмеялся, тотчас нахмурился, задумался. Бросил на стол томик Марка Твена и снова зашагал по комнате.

«В чем тут секрет смешного?»

Спольдинг открыл книгу Анри Бергсона «Смех»*. «Смешной является косность машины там, где должны быть подвижность, внимание, живая гибкость человека. Человек, действующий как мертвый автомат. Вот один из секретов смешного. Человек бежит по улице, спотыкается, падает. Прохожие смеются. Человек занимается своими повседневными делами с математической правильностью. Но вот какой-то злой шутник перепортил окружающие его предметы. Человек погружает перо в чернильницу и вытаскивает оттуда грязь,

думает, что садится на крепкий стул, и растягивается на полу...»

«А ведь это верно! — удивляется Спольдинг. — Ведь это же стандарт всех комических трюков наших американских кинокартин! Однако мне необходимо испытать действенность этого на отдельных людях. Кстати, вот стул со сломанной ножкой, вот...»

Миссис Адамс подошла к двери и с любопытством заглянула в замочную скважину. Спольдинг стоял перед зеркалом и делал страшные гримасы. Стук в дверь отвлек его внимание.

Кто бы это мог быть? Ну конечно, это миссис Адамс идет справиться, не нужно ли мне чего. Испытаем на ней.

— Войдите!

Миссис Адамс открывает дверь. Спольдинг делает навстречу ей несколько шагов. На полпути ноги у него заплетаются, и он глупо во весь рост растягивается на полу. Но миссис Адамс не смеется. Она истерически вскрикивает и бросается к Спольдингу.

— Вы ушиблись? Что с вами? Боже, я так испугалась!..

— Ничего, ничего, легкое головокружение, миссис. Садитесь, прошу вас, в кресло. Я тоже присяду. Голова еще кружится.

Спольдинг садится на стул со сломанной ножкой и, иднотски вытаращив глаза, с грохотом падает на пол. Адамс окончательно испугалась. Растерянно заматалась.

— Вы больны, мистер, это совершенно очевидно. И лицо ваше изменилось, оно страшно искажено, неподвижно. Такое лицо бывает у... очень больных!

Увы, смешная, как казалось Спольдингу, гримаса, вызвала не смех, а испуг.

Когда наконец хозяйка ушла, Спольдинг бросился к своим книгам. В чем причины неудачи?

Ему казалось, что он нашел объяснение: для смеха необходима нечувствительность к объекту смеха. Но в том-то и дело, что к нему, Спольдингу, миссис Адамс равнодушна. А можно ли рассмешить влюбленную в тебя женщину? Конечно, можно. Надо только найти секрет...

Понемногу он одолевал тайну смешного.

Скоро Спольдинг стал «душой общества», собирав-

шегося на веранде (он вновь начал появляться там). Возле него неизменно раздавался смех.

— Мы не знали, что вы такой веселый, — говорили пенсионеры.

Веселых любят, и Спольдинг чувствовал растущие к нему симпатии.

Постепенно он ставил себе все более трудные задачи: смешил угрюмых, больных, чем-либо огорченных и расстроенных людей. У него еще были неудачи, ошибки, но он все легче исправлял их, зато были и настоящие победы. В пансионе Адамс появился новый жилец, отставной офицер Баллонтайн, человек необычайно мрачного характера и исключительных жизненных неудач. Говорят, только за последний год он потерял половину своего состояния, левую ногу и жену, покинувшую его из-за невыносимого характера. Притом он болел печенью и отличался необычайной раздражительностью. Никто не видел его не только смеющимся, но и улыбающимся. И вот такого человека Спольдинг решил рассмешить. Об этом знали все, кроме самого Баллонтайна, заключались крупные пари. Спольдинг уже вступал на арену смехотворца-профессионала.

Как будто не обращая внимания на старого брюзгу, Спольдинг начал демонстрировать свои испытанные номера. Баллонтайн сидел на низкой софе, обняв скрещенными пальцами колени здоровой ноги, и смотрел на Спольдинга черными сердитыми глазами. Кругом все покатывались со смеху, у Баллонтайна хоть бы мускул дрогнул на лице. Ставившие на Спольдинга начали уже с беспокойством перешептываться: быть может, Баллонтайн глух, как никогда не смеявшийся дядюшка в рассказе Марка Твена?

Но тут неожиданно Баллонтайн взорвался. И взрыв его смеха был похож на пушечный выстрел, причем по законам отдачи его корпус откинулся назад, а затылком он так больно ударился о стену, что на несколько минут потерял сознание: ему прикладывали холодные компрессы и давали нюхать спирт.

Торжество Спольдинга было полное.

Веранда становилась тесна для его экспериментов. И он решил поработать гегманом в мюзик-холле. У него уже была солидная теоретическая подготовка, какой не имеют артисты, и у него был собран большой материал остроумия и анекдотов всех времен и народов. Не

мудрено, что успех пришел к нему сразу, а за успехом и довольно крупные заработки. Спольдинг щедро расплатился с миссис Адамс и, к ее величайшему огорчению, переехал на новую квартиру в центре города.

Получив солидную теоретическую и практическую подготовку, Спольдинг решил предложить свои услуги Бэкфорду. Спольдинг уже имел некоторую известность, и ему без особого труда удалось проникнуть к Бэкфорду, поговорить и убедить взять его к себе в качестве «научного консультанта».

Спольдинг рьяно принялся за работу. Ознакомился с каталогом «шедевров мировых остроум и шуток», с граммофонными пластинками, кинотекой. Дело Бэкфорда было рассчитано на массовый сбыт, и потому Спольдинг принялся изучать среднего американца — его вкусы, его натуру. Нужно было выяснить, почему рекордные программы Бэкфорда не вызывают прежнего смеха и чем можно вновь вызвать этот смех. От изучения толпы, массового среднего американца Спольдинг перешел к изучению отдельных людей, типичных представителей отдельных классов и групп населения. Рассмешить безработного, рабочего, служащего, находящегося под страхом увольнения; домовладельца, оставшегося без жильцов, лавочника без покупателей; антрепренера пустующего театра. Рассмешить голодного калеку, арестанта, меланхолика. Рассмешить человека, придавленного заботой, охваченного беспокойством, тревогой. Рассмешить всех их — значит рассмешить среднего американца, от природы здорового, склонного к оптимизму и юмору.

После упорного труда Спольдингу удалось разрешить задачу.

— Вы даже мертвого заставите рассмеяться, Спольдинг! — говорил довольный своим консультантом Бэкфорд.

Можно было заняться расширением производства. И здесь Спольдинг проявил большую изобретательность.

Он расширил круг клиентов, заказчиков, обновил «ассортимент товара», изобрел новые сорта и виды продукции. Рекламные проспекты с приложением «образцов товара» рассылались актерам театра и кино, драматургам, писателям, журналистам, адвокатам, конферансье, цирковым клоунам, врачам, тюремщикам, педа-

гогам, профессорам, парикмахерам, даже настоятелям церквей различных вероисповеданий.

«Смех как метод лечения!» — при этом приводились примеры и авторитетные заключения ученых. «Веселый парикмахер привлекает клиентуру!» — история мистера Гопкинса, парикмахера, разбогатевшего после того, как он стал пользоваться услугами концерна Бэкфорда. «Клиент м-ра Бэкфорда мистер Г. очаровал своими веселыми шутками мисс Н., богатую и красивую девушку, и женился на ней»; «Театр, где не перестает звучать смех, никогда не имеет пустых мест — убедительные примеры».

Рекламы производили свое действие, спрос увеличился. К некоторому удивлению самого Спольдинга, он завербовал довольно много клиентов среди церковных проповедников, которые как-то умудрились соединить земной грешный смех с небесной елейностью.

Появились в продаже новые пластинки фирмы Бэкфорд с записью неотразимых выступлений Спольдинга, пластинки — открытые письма с анекдотами и смешными песнями, коробки с вызывающими смех сюрпризами, фокусные смехотворные сигары, папиросы, конфеты, бинокли, стереоскопы, игрушки, зеркала, карлики, зверюшки, делающие неожиданно забавные движения или производящие смешные звуки. В ловких руках Спольдинга смех, подобно мифическому старику Протею*, принимавшему разнообразные облики, становился то словом, то звуком, то красками, то формами, то тем и другим вместе. Неожиданный успех — большой доход — принесло последнее изобретение Спольдинга — уличные «киоски смеха», где прохожие за дешевую плату могли в пять минут насмеяться досыта. Они выходили оттуда со слезящимися от смеха глазами и веселыми восклицаниями. Это было лучшей рекламой, и возле киосков всегда толпились очереди.

Дела Бэкфорда поправились и быстро пошли в гору. Он был вполне доволен Спольдингом, но Спольдинг не был доволен своим хозяином. В свое время между ними был заключен такой договор: Бэкфорд платит Спольдингу ежемесячную твердую плату. Сверх этого, как только доходы Бэкфорда начнут расти, Спольдинг получает два процента — всего только два процента! — с суммы новых, добавочных доходов. Но чем больше росли доходы, тем меньше желания проявлял Бэкфорд

соблюдать договор. Бэкфорд не хотел платить два процента.

Между Спольдингом и Бэкфордом уже произошло несколько крупных столкновений. Бэкфорд даже сам провоцировал их: скорее можно будет отказаться от Спольдинга, который, по мнению Бэкфорда, был уже не нужен.

— Ну, так не будьте в претензии на меня, мистер Бэкфорд! — однажды во время такого спора воскликнул Спольдинг. — Я спас вас от разорения. На моем смехе вы нажили новые капиталы и, несмотря на свои обещания, теперь отказываетесь выдать мою часть. Так знайте же, что я сумею смехом отобрать у вас свою долю смеха, превращенную в деньги!

— Поистине это самая неудачная шутка из моего пятидесятитысячного каталога шуток и острот, — презрительно улыбаясь, ответил Бэкфорд.

— Посмотрим, для кого она будет неудачной! — угрожающе возразил Спольдинг.

После этого Спольдинг надолго уединился, производя какие-то новые опыты.

И вот...

ВВЕРХ ДНОМ

Грузное тело мистера Бэкфорда, судорожно сотрясаясь, перевалилось через подлокотник кресла. Лицо искажено гримасой истерического смеха. Шея покрыта крупными каплями пота. Пухлая рука с массивным перстнем на безымянном пальце беспомощно свесилась, касаясь персидского ковра. Бэкфорд пытался сесть прямо, но припадок смеха снова свалил его на сторону.

Чрезвычайным усилием воли мистеру Бэкфорду наконец удалось приподняться и сесть прямо, откинувшись на спинку кресла.

Раскаты смеха слышались все реже, как удаляющаяся гроза. Мистер Бэкфорд начал приходить в себя, но еще не смог толком сообразить, что, собственно, произошло. Через полуоткрытую дверь из соседней комнаты, где помещался секретариат, доносились странные, нелепые, приглушенные звуки не то смеха, не то

рыданий, всхлипывания, тяжелые вздохи, стоны, отрывочные фразы и снова смех.

Наваждение какое-то!

Бэкфорд машинально посмотрел на письменный стол, покрытый толстым зеркальным стеклом. На нем лежала чековая книжка с торчащим белым корешком. Бэкфорд собственной рукой вписал в чек «десять миллионов долларов», расписался, оторвал чек от корешка и отдал Спольдингу. Бледно-синее лицо Бэкфорда становится сизым, щеки лиловыми. Новый взрыв лающего смеха вдруг переходит в неистовый рев взбесившегося осла. В ответ на этот рев в соседней комнате застонали, завывли, залаяли, зафыркали, закашляли, захохотали на разные голоса, но никто не пришел на помощь. Быть может, им самим нужна была помощь. Эта мысль помогла Бэкфорду окончательно овладеть собой — ведь он был могущественным главой фирмы, владельцем небоскреба, он был могущественным господином для всех этих подневольных безденежных людей.

Бэкфорд постарался восстановить в памяти происшедшее, но это нелегко было сделать, когда по сто первому этажу билдинга Бэкфорда пронесся тайфун безумия и все перевернул вверх дном. Был знаменитый «мертвый час» Бэкфорда — от восьми до девяти утра, когда он в полном одиночестве составлял план дневной кампании — кого пускать на дно, с кем заключить временный союз, кому нанести сокрушительный удар. Если бы одновременно провалились нью-йоркская, парижская и лондонская биржи вместе с государственными банками, если бы Луна упала на Землю, никто не мог, не смел, не имел права вторгаться в его кабинет и нарушать час священнодействия.

И вот сегодня... Бэкфорд уже ориентировался в «дислокации» международных финансовых сил и принялся избрасывать краткие, но точные приказы своим директорам, агентам, биржевым маклерам, подкупленным чиновникам министерства финансов, редакторам газет, как вдруг — он не поверил своим ушам! — в соседней комнате личного секретаря послышался непристойный шум, который мог нарушить стройное течение его мыслей, тем самым причинив Бэкфорду огромные убытки. Вслед за шумом раздался уже совершенно неприличный смех. Это было равносильно бунту, мятежу. Глава фирмы

уже протянул руку к «сигналу тревоги», как вдруг дверь резко открылась, волны безумного смеха заполнили огромный кабинет. В дверях стоял этот негодяй Спольдинг в сером костюме и соломенной шляпе. Бэкфорд немного откинул назад свою круглую голову и взглянул на незваного гостя тем испытанным ледяным, понижающим взглядом, от которого приходили в смущение самые закаленные пройдохи и прожженные дипломаты.

Спольдинг выдержал этот взгляд и вдруг сделал какую-то легкую, но невероятно смешную гримасу, какой-то легкий жест, придавший неотразимый комизм всей фигуре, и сказал всего одну фразу. Сейчас Бэкфорд не мог даже вспомнить ее — нечто совершенно неожиданное, абсолютно неподходящее к месту и времени, но, быть может, именно потому до такой степени забавное, что Бэкфорд вдруг расхохотался таким непосредственным, заразительным смехом, каким не смеялся со времени своей далекой молодости. Спольдинг, не снимая шляпы, быстро прошел по ковру расстояние от двери до письменного стола, встал возле стола, оперся рукой на стеклянную поверхность и в паузе бэкфордского смеха сказал:

— Не угодно ли, хозяин, закончить наши расчеты? Потрудитесь подписать и выдать мне чек на десять миллионов долларов!

Бэкфорд на секунду перестал смеяться и с испугом посмотрел на Спольдинга — не сошел ли тот с ума: смешить первого гегмана столь же нелепо, как угощать конфетами фабриканта конфет!

Спольдинг улыбнулся и сказал:

— Надеюсь, вы будете достаточно благоразумны. Нет? — Снова мимическая игра и какая-то новая фраза, вывавшая у Бэкфорда неудержимый смех.

— Чек пишите на предъявителя.

Бэкфорд засмеялся, забился, как птица, попавшая в силки. Протянул руку к звонку, но припадок судорожного смеха парализовал движение. Все мышцы совершенно ослабели. Тело словно обмякло. С тоской глянул в открытую дверь — оттуда помощи ожидать не приходилось: машинистки и секретари корчились в пароксизмах смеха, словно в предсмертных судорогах страшной эпидемической болезни... А Спольдинг, этот злой гений смеха, продолжал терзать тело и нервы ми-

стера Бэкфорда. Астматического телосложения босс начал задыхаться и прохрипел:

— Миллион!

— Десять и один! — ответил Спольдинг.

— Два!»

— Десять и два! — набавил Спольдинг.

Бэкфорд превращался в кисель. Он так смеялся, что глаза закатывались, губы синели, в боках кололо и не хватало дыхания. Упрямство могло кончиться плохо. Бэкфорд попросил пощады. Он готов подписать чек на десять миллионов, но не может сделать этого: у него дрожат руки. Спольдинг перестал смешить, Бэкфорд отдышался и подписал чек. В конце концов это и не так страшно. Бэкфорд успеет сообщить в банк, чтобы деньги не выдавали. Спольдинг небрежным жестом положил чек в карман, приподнял соломенную шляпу и отпустил на прощанье такую шутку, которая сделала Бэкфорда неспособным к каким-либо действиям на время, необходимое Спольдингу, чтобы спокойно уйти.

...Глубоко вздохнув, как человек, проснувшийся после кошмарного сна, Бэкфорд посмотрел на циферблат больших часов, стоявших в углу кабинета. К удивлению банкира, оказалось, что визит Спольдинга продолжался всего восемь минут и со времени его ухода прошло не больше минуты. Спольдинг должен был находиться еще в лифте. Бэкфорд схватил телефонную трубку, позвонил в банк, помещавшийся двумя десятками этажей ниже, и приказал немедленно арестовать предъивителя чека на десять миллионов долларов.

— Денег не выдавать! Чек подложный! Ха-ха-ха! О, дьявол! Вы не обращайте внимания, что я смеюсь. Это нервное... ха-ха!

Затем на тот случай, если Спольдинг не явится в банк за получением денег лично, Бэкфорд позвонил к начальнику охраны, помещавшейся в первом этаже:

— Немедленно поставить стражу у всех дверей! Ха-ха-ха-хо! — снова расхохотался Бэкфорд, вспомнив Спольдинга. — За... за... ха-ха-хо!

«Тысячу чертей! Так он успеет убежать!..»

Наконец ему удалось выговорить вторую фразу:

— Арестуйте молодого человека в сером костюме и в соломенной шляпе. Спольдинга! Знаете?! Фу, теперь можно посмеяться. Хо-хо-хо-хо! Так. Довольно. Хо-хо-хо! Довольно!

Бэкфорд позвонил личному секретарю. В кабинет вошел высокий худой человек, согнувшийся, как полураскрытый перочинный нож. Он смеялся мелким, залпчатым смехом, и тело его так дергалось, будто чья-то сильная рука трясла его, как игрушечного паяца. На полпути до стола секретарь совершенно скис от смеха и обессиленный уселся на ковер. Глядя на секретаря, Бэкфорд хмурился все больше и вдруг захохотал сам.

Секретарь поднялся. Шатаясь, как пьяный, добрался до столика с графином воды. Попытался налить воду в стакан, но руки дрожали.

Позвонил телефон. Бэкфорд снял трубку. Первое, что он услышал, был смех — буйный, неудержимый, с верещаньем. Бэкфорд побледнел. Этот серый дьявол Спольдинг, очевидно, успел заразить эпидемией смеха и первый этаж.

Басовый смех заменился теноровым — пискливым, ребячьим или женским. Видимо, разные люди пытались говорить, но смех мешал им. Бэкфорд грубо выругался и бросил телефонную трубку.

Лишь через три часа ему удалось узнать подробности происшедших событий, о которых, впрочем, он уже догадывался. И в банке и в вестибюле пытались, но неудачно, задержать Спольдинга. В банке к нему подошли три полисмена, но, словно сраженные пулей, через секунду они уже корчились на полу в судорогах смеха. Спольдинг принудил смехом кассира выдать деньги, смехом проложил себе путь в вестибюле среди многочисленных полицейских и благополучно ушел из билдинга, унося в боковом кармане серого костюма десять миллионов долларов.

— Нет, это не человек, это сатана! — прошептал Бэкфорд.

Глава фирмы был огорчен потерей крупной суммы денег, возмущен дурацкой ролью, которую ему пришлось играть, и все же он не мог не чувствовать чего-то похожего на уважение к Спольдингу. Уже то, что мистер Смех потребовал не тысячу, не миллион, а десять миллионов, поднимало его над толпой мелкотравчатых авантюристов.

Но оставить этого нельзя. Подарить ни с того ни с сего десять миллионов — не таков мистер Бэкфорд.

И Бэкфорд начал звонить в полицию, в прокуратуру, своим агентам.

КОРОЛЬ СМЕХА

В несколько часов Спольдинг — «мистер Смех», как уже прозвали его журналисты, — получил мировую известность. Вернее, мировую огласку получило необычайное происшествие в небоскребе Бэкфорда. Но о самом мистере Смехе, о его прошлом, о его личной жизни знали очень мало. Корреспонденты вспоминали, что под именем мистер Ризус (мистер Смех) подвизался на лучших эстрадах мюзик-холла некий юморист, чрезвычайно быстро делавший карьеру. При одном его выходе весь зрительный зал заливался гомерическим хохотом, и мистера Ризуса уже тогда называли Королем смеха. Однако он, пролетев ярким метеором, исчез с эстрады так же внезапно, как и появился. О нем забыли, дальнейшей судьбой его не интересовались.

И вот теперь мистер Ризус, Король смеха, так внезапно напомнил о себе.

Армия юрких корреспондентов и стая полицейских ищеек бросились по городу разыскивать следы Спольдинга. К удивлению самих следопытов, эти следы разыскивались очень просто. Оказалось, Спольдинг снимает прекрасный особняк почти в центре города. Дом стоит посреди сада, окруженного красивой железной оградой, через которую хорошо видны дом и все дорожки английского сада. Сюда и устремились толпы журналистов, фотографов, кинооператоров.

Железные ворота и калитка оказались на запоре. На звонки никто не выходил.

Не прошло и пяти минут, как юркие люди с ловкостью обезьян перелезли через железную ограду и ринулись к дому. Но тут случилось необычайное. Стены дома превратились в экран дневного кино, на экране появился Король смеха. В то же время заговорили репродукты. И «нападающие», роняя «вечные» перья, блокноты и фотоаппараты, уже катались по земле в судорогах смеха. Некоторые, закрыв глаза и уши, смогли подойти к дверям дома, но двери были закрыты. Да и невозможно же интервьюировать с закрытыми глазами и ушами!

Атака была отбита. Армия журналистов с позором ретировалась.

Столь же печальна была судьба и полицейской ата-

ки. Все полисмены падали в саду, сраженные смехом.

Старый работник полиции, предводительствовавший отрядом, выкинул белый флаг — платок. К его удивлению, экраны погасли и рупоры замолчали. Наступило нечто вроде перемирия. Начальник направился к дому. Двери перед ним открылись.

Вернулся он минут через десять, взволнованный, задумчивый, с загадочной улыбкой на лице. Карман его френча сильно оттопырился. Он отдал своей разбитой армии приказ об отступлении. В тот же день он доложил по начальству и сообщил об этом журналистам, что мистер Смех непобедим. Единственно возможная война с ним — воздушная. Но не бросать же с аэроплана стокилограммовые бомбы в центре города.

...Город взволнован. А виновник всего переполоха спокойно сидел в глубоком кожаном кресле, курил сигару, вспоминая пройденный путь, и подводил итоги.

Спольдинг наконец богат. У него прекрасный отель в городе и вилла в горах. Яхта, аэроплан, автомобили... Чего не хватает ему? Жены! Ему нужна блестящая жена. Вот если бы миссис Файт! Красавица двадцати четырех лет, вдова. Владелица миллионов, фабрик и заводов. Богатейшая невеста мира. Так пишут газеты. Почему бы не завоевать смехом ее сердце и ее состояние? Это, конечно, может быть квалифицировано как принуждение, даже насилие, разбой, вымогательство. Но не все ли равно?

И Спольдинг начал разрабатывать свой новый план. Справиться с Бэкфордом было легче: Спольдинг хорошо знал Бэкфорда. О миссис Файт он знал только по газетам. Приходилось собирать дополнительные сведения через частных агентов. Файт была крупной ставкой, и надо было сделать все, чтоб не проиграть этой ставки.

Через несколько дней все было готово. Спольдингу удалось проникнуть во дворец Файт. Удалось обезоружить, повергнуть в прах и личную стражу: лакеев, камеристок. Разыскать в бесконечной анфиладе комнат миссис Файт. Когда Спольдинг вошел, Файт курила египетскую сигару, вставленную в золотой мундштук с сапфировым наконечником. На ней было газовое платье, розовые туфли из обезьяньей кожи с бриллиантовыми пряжками.

— Не согласитесь ли вы, миссис Файт, выйти за ме-

ня замуж? — спросил Спольдинг и снабдил это предложение легкой остротой. Файт звонко рассмеялась, но тут же быстро ответила:

— Перестаньте смешить меня, Спольдинг! Вы хотите, чтобы я вышла за вас замуж? Так в чем же дело? Какая женщина откажется стать женой Короля смеха? Я согласна. Я не привыкла откладывать своих решений.

Спольдинг был так ошеломлен этим неожиданно быстрым согласием, что забыл о продолжении своей «атаки смехом». Он стоял неподвижно с полукрытым ртом и, быть может, в первый раз был смешон, не желая этого. Энергичная женщина быстро взяла инициативу в свои руки. Она позвонила. На звонок вошла седая старушка, похожая на придворную статс-даму.

— Мадам Анжело, — сказала Файт по-французски, — прошу вас немедленно вызвать сюда пастора Гоббса. Распорядитесь, чтобы подали авто. Протелефонруйте Джонсу. Через час мы вылетаем в Сан-Франциско. Три пассажира. Вес... ваш вес?

— Восемьдесят пять, — автоматически ответил Спольдинг.

— У меня семьдесят, у пастора сто. Итого двести пятьдесят пять. Багаж двадцать. Всего двести семьдесят пять. Передайте эти цифры Джонсу. Предупредите, чтобы масла и бензина хватило на весь путь.

Отпустив мадам Анжело и обратившись к Спольдингу, миссис Файт сказала:

— Пастор Гоббс повенчает нас в небе. Не правда ли, это очень оригинально? Вся Америка будет говорить об этом. А в Сан-Франциско мы пересядем на нашу яхту и...

Файт нажала вторую кнопку. Вошла камеристка.

— Мадлен! Скорее пальто и шляпу! Для авто.

Когда Спольдинг немного пришел в себя от неожиданности, мысли его лихорадочно заработали. Почему Файт согласилась так скоро? Не хитрость ли это? А почему ей и не быть искренней? Разве Спольдинг не молод, не красив? И разве он не герой дня? А миссис Файт — Спольдинг хорошо знал об этом — была в высшей степени тщеславной женщиной. Ее богатство обеспечивало выполнение всех ее прихотей. И лучшим, самым любимым ее удовольствием было читать о себе в газетах. Вся Америка должна была знать, как она выглядит в новом платье, что ей подавали на обед, ка-

кие духи она заказала в Париже, какие кружева в Брюсселе, во сколько обошлась ей новая ванная комната розового мрамора. Предложение Спольдинга могло очень подойти к ее тщеславным планам. Согласившись на брак, она может вскоре покинуть его, а потом рассказать об этом интервьюерам, и вся Америка будет смеяться над ним, Королем смеха! Как ловко миссис Файт обманула его! Или она может выйти за него замуж, а потом изобразить себя жертвой насилия. То же сенсация! И снова Спольдинг окажется в смешной роли. Или — чем не сенсация! — Файт выходит замуж за Короля смеха в небесах. Неделью, месяц газеты будут пережевывать это событие. Потом она бросит его, разведется с ним, хотя бы на том основании, что не хочет находиться под вечной угрозой быть засмеянной до смерти.

Мысли Спольдинга начали путаться. Он готовился к страшной борьбе, собрал все свои «смехотворные возможности», все силы своих нервов. Он находился в состоянии напряженной боевой готовности... И вдруг эта неожиданная разрядка. Эта столь внезапная капитуляция врага превращала его победу в поражение. Какое потрясение! Что делать, что делать! Нет, черт возьми, он не согласен! И надо просто бежать!

Спольдинг сделал уже шаг по направлению к двери, но Файт следила за ним.

— Куда же вы? — Она ловко ухватила его за рукав и посадила в низкое кресло возле себя. Спольдинг занял это унижительное положение без звука протеста. Решительно с ним делалось что-то неладное. Во всем этом есть что-то... смешное, ужасно смешное.

— Ха-ха-ха-ха-ха! — вдруг закатился Спольдинг таким залихватным смехом, каким мало кто смеялся из его жертв.

— Что с вами? — спросила Файт, с удивлением глядя на Спольдинга.

— Как это?.. — вдруг начал он, почти на каждом слове прерывая себя смехом. — Как это говорил старик Бергсон? Остроумие часто состоит в том, чтобы продолжить мысль собеседника до той точки, где она становится собственной противоположностью, и собеседник сам попадает, так сказать, в ловушку, поставленную его же собственными словами. Так у нас с вами и получилось! Вы понимаете?

— Ничего не понимаю, — ответила Файт.

Спольдинг закатился смехом еще более буйным. Затем вдруг перестал смеяться, как будто в нем что-то оборвалось. Он замолчал и стал серьезным, даже мрачным.

— Я, увы, понял сразу слишком много. И поистине я попал в ловушку, которую сам поставил. Я до конца понял секрет смешного, и смешного больше не существует для меня. Для меня нет больше юмора, шуток, острот. Есть только категории, группы, формулы смешного. Я анализировал, машинизировал живой смех. И тем самым я убил его. Вот сейчас я смеялся. Но мне удалось и этот смех анализировать, анатомировать, убить. И я, фабрикант смеха, сам больше уже никогда в жизни не буду смеяться. А что такое жизнь без шуток, без смеха? Без него — зачем мне богатство, власть, семья? Я ограбил самого себя...

— О чем вы болтаете, Спольдинг? Придите наконец в себя! Или вы пьяны? — с раздражением воскликнула Файт.

Но Спольдинг, опустив голову, сидел неподвижно, как статуя, в мрачной задумчивости, не отвечая на вопросы, не обращая внимания на окружающих. Его пришлось отвезти в больницу. Главный врач нашел у Спольдинга душевное расстройство на почве крайнего истощения нервной системы. «Величайшие артисты-комики нередко кончают черной меланхолией», — говорил врач. Но его молодой ассистент, оригинал и любитель парадоксов, уверял, что Спольдинга убил дух американской машинизации.

КОММЕНТАРИИ

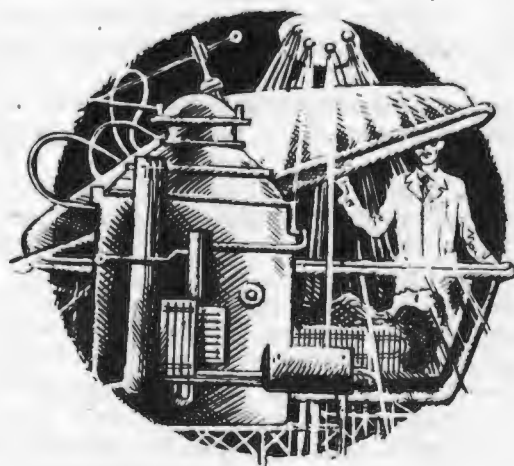
МИСТЕР СМЕХ

Впервые рассказ увидел свет в пятом номере журнала «Вокруг света» за 1937 год и с тех пор не публиковался до 1959 года, когда вошел в сборник «Невидимый свет», выпущенный издательством «Молодая гвардия». Впоследствии перенздавался неоднократно.

Стр. 237. Анри Бергсон (1859—1941) — французский философ-идеалист. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1927).

Стр. 242. Протей — в древнегреческой мифологии подчиненное Посейдону морское божество, старец, обладавший способностью принимать любой облик.

НИ ЖИЗНЬ,
НИ СМЕРТЬ

I. МИСТЕР КАРЛСОН ПРЕДЛАГАЕТ СВОЙ ПЛАН

— Что вы на это скажете? — спросил мистер Карлсон, окончив изложение своего проекта.

Крупный углепромышленник Гильберт ничего не ответил. Он находился в самом скверном расположении духа. Перед самым приходом Карлсона главный директор сообщил ему, что дела на угольных шахтах обстоят из рук вон плохо. Экспорт падает. Советская нефть все более вытесняет конкурентов на азиатском и даже на европейском рынках. Банки отказывают в кредите. Правительство находит невозможным дальнейшее субсидирование крупной угольной промышленности. Рабочие волнуются, дерзко предъявляют невыполнимые требования, угрожают затопить шахты. Надо найти какой-то выход.

И в этот самый момент, как будто в насмешку, судьба подсылает какого-то Карлсона с его сумасшедшим проектом.

Гильберт хмурил свои рыжие брови и мял длинными желтоватыми зубами ароматичную сигаретку. На его бритом озабоченном лице застыло выражение скуки. Он молчал.

Но Карлсон не из тех, кого обескураживает молчание. Неопределенной профессии и неизвестного происхождения, маленький, суетливый человечек с ирландским акцентом, коротким носом, черными волосами, стоящими, как у ежа, Карлсон вонзил свои острые глазки в усталые, выцветшие глаза Гибельта и сверлил их своей настойчивой беспокойной мыслью.

— Что вы на это скажете? — повторил он свой вопрос.

— Черт знает что такое, какая-то мороженная человечина... — наконец апатично ответил Гильберт и с брезгливой миной положил сигаретку.

— Позвольте! Позвольте! — вскочил, как на пружине, Карлсон. — Вы, очевидно, недостаточно усвоили себе мою идею?..

— Признаюсь, не имею особого желания и усваивать. Это глупость или безумие.

— Не безумие, не глупость, а величайшее изобретение, которое в умелых руках принесет человеку миллионы! А если вы сомневаетесь, то позвольте вам напомнить историю этого изобретения.

И Карлсон затараторил, как будто он отвечал заученный урок:

— Анабиоз случайно открыт русским ученым Бахметьевым*. Изучая температуру насекомых, этот ученый заметил, что при постепенном охлаждении температура тела насекомого падает, затем, достигая Цельсия, сразу поднимается почти до нуля, а затем вновь опускается уже до температуры окружающей среды, примерно на двадцать два градуса ниже нуля. И тогда насекомое впадает в странное состояние — ни сна, ни смерти: все жизненные процессы приостанавливаются, и насекомое может лежать, окоченелое и замороженное, неопределенно долгое время. Но достаточно осторожно и постепенно подогреть насекомое, и оно оживает и продолжает жить как ни в чем не бывало. От насекомых Бахметьев перешел к рыбам. Он замораживал, например, карася, который пролежал в окочении, или анабиозе, как назвал это состояние Бахметьев, несколько месяцев. Подогретый, он вериулся к жизни и плавал, как всегда.

Смерть ученого прервала эти интересные опыты, и о них скоро забыли. И, как это часто бывает, русские изобретают, а плодами их изобретений пользуются другие.

Вспомните Яблочкова, вспомните изобретателя радиотелеграфа Попова, вспомните, наконец, Циолковского... Так было и на этот раз. Изобретением Бахметьева воспользовался немец Штейнгауз для практических це-

лей: перевозки и хранения живой рыбы. Как вам известно, он нажил миллионы!

Гильберт заинтересовался и слушал Карлсона уже с некоторым вниманием.

— Благодарю вас за лекцию, — сказал он. — Я сам получаю к столу свежую рыбу, пойманную в отдаленных морях. Но, признаться, я не интересовался способом ее замораживания. Тем или другим, не все ли равно? Только бы рыба была абсолютно свежей. И вы, говорите, Штейнгауз заработал на этом деле миллионы?

— Десятки, сотни миллионов! Он теперь один из самых богатых людей Германии!

Гильберт задумался.

— Но ведь это только рыбы, — сказал он после паузы, — а вы предлагаете совершенно невероятную вещь: замораживать людей! Возможно ли это?

— Возможно! Теперь возможно! Бахметьев замораживал животных подвергающихся зимней спячке, так называемых холонокровных: сурка, ежа, летучую мышь. Что касается теплокровных животных, то их ему не удавалось подвергать анабиозу. Однако русский же ученый, профессор Вагнер, известный своей победой над сном, изобрел способ изменять состав крови теплокровных животных, приближая их к крови холонокровных животных. И ему удалось уже благополучно «заморозить» и оживить обезьяну.

— Но не человека?

— Какая разница?

Гильберт недовольно тряхнул головой, а Карлсон улыбулся.

— Я говорю лишь с точки зрения биологии и физиологии. У обезьян совершенно одинаковый с человеком состав крови. Абсолютно одинаковый. И вот вам необычайные, но вполне осуществимые перспективы: массовое замораживание людей, в данном случае э... э... безработных. Кому не известно, какое критическое положение переживает угольная промышленность, да одна ли угольная? Периодические кризисы и сопровождающая их безработица, к сожалению, постоянное бедствие нашего общественного строя. На этом играют всякие смутьяны, вроде коммунистов, предсказывающие гибель капитализма от раздирающих его внутренних

противоречий. Пусть они не спешат хоронить капитализм! Капитализм найдет выход, и одним из выходов является предлагаемый мною способ!

Разразится кризис — и мы заморозим безработных и сложим их в особых ледниках. А минует кризис, появится спрос на рабочие руки, мы подогреем их, — и пожалуйте в шахту.

Карлсон вдохновился и говорил, как на трибуне.

— Ха-ха-ха! — не удержался Гильберт. — Да вы шутник, мистер?..

— Карлсон. И я говорю совершенно серьезно, — обиделся Карлсон.

Гильберта начинал занимать этот человек.

— Да, — продолжая смеяться, сказал углепромышленник, — бывают такие мерзкие времена, когда, кажется, и самого себя охотно заморозил бы до лучших дней! Но сколько будет стоить ваш сумасшедший проект? Надо строить специальные здания, поддерживать в них специальную температуру!

Карлсон поднял палец вверх, потом приставил его к своей ключей шевелюре.

— Здесь все обдумано! Мой план проще! Вам как владельцу шахт должно быть известно, что теплота увеличивается приблизительно на один градус с каждым семьюдесятью футами в глубину Земли. Вам также известно, что в Гренландии, за Полярным кругом, в ледниках Гумбольдта найдены богатейшие залежи великолепнейшего каменного угля. Как только угольный рынок окрепнет, вы сможете начать там разработку. Вы получите ряд шахт различной глубины с различной температурой. И эта температура будет оставаться там неизменно во все времена года. Остается только ввести небольшие поправки, чтобы приспособить шахты для наших целей. Я не буду затруднять вас сейчас изложением подробностей, но могу представить, когда вы прикажете, вполне разработанный технический план и смету.

«Что за курьезный человек», — подумал Гильберт и задал Карлсону вопрос:

— Скажите, пожалуйста, да вы сами-то кто: инженер, ученый, профессор?

— Я прожектёр! Ученые и профессора умеют высидеть в своих лабораториях прекрасные яйца, но они не всегда умеют разбить их и приготовить яичницу! Надо

уметь из невещественных идей извлекать вещественные фунты стерлингов.

Гильберт улыбулся и, подумав немного, протянул Карлсону коробку с сигаретами.

«Победа», — ликовал в душе Карлсон, зажигая сигарету электрической зажигалкой, стоящей на столе.

Но Гильберт еще не сдавался.

— Допустим, что все это возможно. Однако я предвижу целый ряд препятствий. Первое: получим ли мы разрешение правительства?

— А почему бы правительству и не дать этого разрешения, если мы докажем полную безопасность применения к людям анабиоза? Социальное же значение этой меры наше правительство прекрасно учтет.

— Да, это так, — ответил Гильберт, перебирая в уме членов консервативного правительства, большинство которых имело личные крупные интересы в угольной промышленности.

— Но самый главный вопрос: пойдут ли на это рабочие? Согласятся ли они периодически «замирать» на время безработицы?

— Согласятся! Нужда заставит! — убежденно сказал Карлсон. — Люди с голоду вешаются, топятя, а тут вроде отдыха! Конечно, умело подойти надо. Прежде всего нужно найти смельчаков, которые согласились бы подвергнуть себя анабиозу. Этим первым надо посулить крупные суммы вознаграждения. Когда они «воскреснут», ими надо воспользоваться как рекламой. Затем первое время надо будет обещать денежную поддержку семьям. Но конечно, придется заткнуть глотку и кое-кому из рабочей аристократии, состоящей в лидерах так называемого рабочего движения. А дальше, вы увидите, что дальше все пойдет как по маслу. Безработные будут «замораживаться» целыми семьями. И страшное зло — безработица — будет уничтожено. У нас будут развязаны руки. Необычайные перспективы откроются для вас! Миллионы, десятки миллионов потекут в ваши сейфы и несгораемые шкафы! Решайтесь! Скажите «да», и я завтра же представлю вам все сметы, планы и расчеты.

Здравый практический смысл говорил Гильберту, что весь этот фантастический план был чистой авантюрой. Но Гильберт переживал такое финансовое положение, когда человек перед страхом неминуемого кра-

ха бросается в самые рискованные предприятия. А Карлсон рисовал такие заманчивые перспективы! Крупный коммерсант и делец стыдился признаться самому себе, что он, как утопающий, готов ухватиться за эту химерическую соломинку «мороженой человечины».

— Ваш проект слишком необычен. Я подумаю и дам вам ответ!..

— Подумайте, подумайте! — охотно согласился Карлсон, поднимаясь с кресла. — Не смею вас задерживать, — и он вышел, довольно улыбаясь. — Ключет! — весело крикнул он, окунаясь в клокочущий котел уличного движения Сити.

II. СТРАННЫЙ КЛИЕНТ

— Карлсон, вы разорили меня! — с кислой миной говорил Гильберт. — Я затратил громадные средства на оборудование подземных телохранилищ. Я бросаю деньги на рекламу и наши объявления. И тем не менее за весь месяц газетной кампании не явилось ни одного лица, желающего подвергнуть себя первому публичному опыту замораживания, несмотря на предлагаемое нами хорошее вознаграждение. Очевидно, жизнь рабочих не так плоха, Карлсон, как кричат об этом социалисты! И в конце концов, если анабиоз такая безопасная штука, почему бы вам, Карлсон, не подвергнуть себя первому опыту?

— Меня?

— Ну да, вас!

— Меня самого? — еще раз спросил Карлсон и взъерошил свои щетинистые волосы. — Я готов! Да, да! Я готов! Но что станет со всем делом? Оно уснет вместе со мной! Нет, усыпляя других, кому-нибудь надо бодрствовать! Я прожектор! Без таких, как я, весь мир погрузился бы в спячку анабиоза!

Их препирательства были прекращены стуком входной двери.

В контору вошел необычайно тощий человек с шарфом, намотанным вокруг длинной шеи. При свете сильной лампы большие круглые очки посетителя сверкали,

как автомобильные фары. Он откашлялся и протянул номер газеты.

— Я по объявлению. Здравствуйте! Позвольте представиться. Эдуард Лесли, астроном.

Карлсон шаром подкатился к посетителю.

— Очень рады с вами познакомиться. Прошу садиться! Вы желаете подвергнуть себя опыту? Условия наши вам известны? Мы уплатим вам значительную сумму и обеспечим семью пожизненной пенсией в случае... гм... Но конечно, этого случая не произойдет!..

— Не надо! Кхе-кхе... Не надо вознаграждения. Мое имя, кажется, достаточно говорит за то, что я не нуждаюсь в деньгах. — Лесли поморщился. — У меня другое... кхе-кхе, проклятый кашель...

— Из научных целей, так сказать?

— Да, научных, но только не тех, о которых вы, наверное, думаете. Я астроном, как сказал вам. Мною написан большой труд о группе Леонид*, которые падали в ноябре из созвездия Льва...

Лесли опять закашлялся, ухватившись рукою за грудь. Откашлявшись, он оживился и вдруг с жаром заговорил:

— Группа эта наблюдалась Гумбольдтом** в Южной Америке в тысяча семьсот девяносто девятом году. Он прекрасно описал это чудесное небесное явление. Затем Леониды приближались к Земле в тысяча восемьсот тридцать третьем или тысяча восемьсот шестьдесят шестом году. Их ждали через обычный период времени в тридцать три — тридцать четыре года, в тысяча восемьсот девяносто девятом году. Но тут с ними случилось несчастье... Да-с, несчастье! Они слишком близко подошли к планете Юпитер, притяжение которой отклонило их от обычной орбиты, и теперь они проходят свой путь на расстоянии двух миллионов километров от Земли, так что они почти невидимы для нас...

Лесли сделал паузу, чтобы снова откашляться.

Карлсон, давно уже выражавший нетерпение, постирался воспользоваться этой паузой.

— Позвольте, уважаемый профессор, но какое отношение имеют падающие звезды Леониды, созвездие Льва и сам Юпитер к нашему предприятию?

Лесли дернул длинной шеей и с некоторым раздражением наставительно заметил:

— Имейте терпение дослушать, молодой человек! — И он, демонстративно повернувшись на стуле, обратился к Гильберту: — Я занят сложными вычислениями, о которых не буду говорить подробно. Эти вычисления связаны с судьбою группы Леонид. Точность моих вычислений оспаривает мой почтенный коллега Зауер...

Гильберт переглянулся с Карлсоном. Не с маньяком ли они имеют дело?

Взгляд этот поймал Лесли, и, с раздражением дёрнув шеей, он окончил речь, направив свои круглые очки в потолок, будто поверяя свои мысли небу:

— Я болен... последняя стадия туберкулеза.

— Но вы не по адресу обратились, уважаемый профессор! — сказал Карлсон.

— По адресу! Извольте-с дослушать. Я болен и скоро умру. А ближайшее появление Леонид в поле нашего зрения можно ожидать только в тысяча девятьсот тридцать третьем году. Я не доживу до этого времени. Между тем я могу доказать свою правоту научному миру только в результате дополнительных наблюдений. И вот я прошу вас подвергнуть меня анабиозу и вернуть к жизни в тысяча девятьсот тридцать третьем году, потом опять погрузить в анабиоз, пробуждая в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году, затем в тысяча девятьсот девяносто восьмом году и, наконец, в две тысячи двадцать первом году. Ясно? — И Лесли устал вил свои окуляры на собеседников.

— Совершенно ясно! — ответил Гильберт. — Но, уважаемый профессор, к тому времени ваш ученый противник может умереть и вам некому будет доказывать вашу правоту!

— Мы, астрономы, живем в вечности! — с гордостью ответил Лесли.

— Это все очень занятно, — сказал Карлсон. — Я вижу, что анабиоз — очень хорошая вещь для астрономов. Вы, например, можете попросить разбудить вас, когда погаснет Солнце, чтобы проверить верность ваших вычислений. Но мы — не астрономы — интересуемся более близким будущим. Сейчас нам нужен лишь опыт в доказательство того, что анабиоз совершенно безвреден и безопасен для жизни. Поэтому мы ставим условием, чтобы пребывание в анабиозе не длилось более месяца. Второе условие: процессы погружения в

анабиоз и возвращения к жизни должны происходить публично.

— На это я согласен. Но месяц меня совершенно не устраивает! — И огорченный Лесли стал завязывать шарф вокруг своей длинной шен.

— Позвольте, — остановил его Гильберт. — Мы могли бы сделать так: мы «пробуждаем» вас через месяц, а потом опять погружаем вас в анабиоз на какое угодно вам время!

— Отлично! — воскликнул обрадованный Лесли. — Я готов!

— Вы должны подписать ряд обязательств и заявлений о том, что вы по доброй воле подвергаете себя анабиозу и не имеете никаких претензий к нам в случае неблагоприятного исхода. Это только для формальности, но все же...

— Согласен, согласен на все! Вот вам моя рука! Сообщите, когда я вам буду нужен! — И обрадованный Лесли быстро вышел из конторы.

— Ну что? Ключуло? — повторил Карлсон свое любимое выражение, когда Лесли ушел, и хлопнул по плечу Гильберта.

Гильберт поморщился от этой фамильярности.

— Не совсем то, что нам нужно. Вот если бы пару рабочих, которые раззвонили бы потом в шахтах.

— Будут и рабочие! Терпение, мой молодой друг, как говорит этот астроном!

— Можно войти? — в дверь конторы просунулась лохматая голова.

— Пожалуйста, прошу вас!

В контору вошел молодой человек в желтом клетчатом костюме. Сделав театральный жест широкополой шляпой, незнакомец отрекомендовался:

— Мерэ. Француз. Поэт.

И, не ожидая ответного приветствия, он нараспев начал:

Устал от муки ожидания,
Устал гоняться за мечтой,
Устал от счастья и страдания,
Устал я быть самим собой.

Уснуть и спать, не пробуждаясь.
Чтоб о самом себе забыть
И, в сон последний погружаясь,
Не знать, не чувствовать, не жить.

Замораживайте! Готов.

Пускай горячею слезою
Мой труп холодный оживит!

Деньги даете сейчас или после пробуждения?

— После!

— Не согласен! Черт его знает, воскресите ли вы меня. Деньги на бочку. Кутну в последний раз, а там делайте, что хотите!

Гильберта заинтересовал этот курьезный лохматый поэт.

— Я могу дать вам авансом пять фунтов стерлингов. Это устроит вас?

У поэта глаза сверкнули голодным блеском. Пять фунтов! Пять хороших английских фунтов! Человеку, который питался сонетами и триолетами!

— Конечно! Продам душу черту и готов кровью подписать договор!

Когда поэт ушел, Карлсон набросился на Гильберта:

— Вы упрекаете меня в том, что я разоряю вас, а сами бросаете деньги на ветер. Зачем вы дали аванс? Не видите, что это за птица? Держу пари на пять фунтов, что он не вернется!

— Принимаю! Посмотрим! Однако сегодня счастливый день! Смотрите, еще кто-то!

В контору входил изящно одетый молодой человек.

— Позвольте представиться: Лесли!

— Еще один Лесли! Неужели все Лесли питают склонность к анабиозу? — воскликнул Карлсон.

Лесли улыбнулся.

— Я не ошибся. Значит, дядюшка уже был. Я Артур Лесли. Мой дядя, Эдуард Лесли, профессор астрономии, сообщил мне прискорбную весть о том, что хочет подвергнуть себя опыту анабиоза...

— А я полагал, что вы сами не прочь испытать на себе этот интересный опыт! Подумайте, ведь вы станете одним из самых модных людей в Лондоне! — закидывал удочку Карлсон.

Но на этот раз рыба не клевала.

— Я не нуждаюсь в столь экстравагантных способах популярности, — со скромной гордостью проговорил молодой человек.

— В таком случае вы опасаетесь за дядюшку? Со-

вершенно напрасно! Его жизнь не подвергается ни малейшей опасности!

— Неужели? — с большим интересом осведомился Артур Лесли.

— Можете быть спокойны!

— Никакой опасности! — тихо проговорил Лесли, и Карлсону послышалось, что еще тише Лесли добавил: «Очень жаль». — А нельзя ли отговорить дядю от этого опыта? Ведь он туберкулезный, и при слабости его здоровья едва ли он годен для опыта. Вы рискуете и только можете скомпрометировать ваше дело.

— Мы настолько уверены в успехе, что не видим никакого риска.

— Послушайте! Я заплачу вам. Хорошо заплачу, если вы откажетесь от дядюшки как объекта вашего опыта!

— Мы не идем на подкуп, — вмешался в разговор Гильберт. — Но если вы скажете причину, то, может быть, мы и пойдем вам навстречу.

— Причину? Э-э... она столь щекотливого свойства...

— Мы умеем молчать!

— Как это ни неприятно, но я должен быть откровенным... Видите ли, мой дядюшка богат, страшно богат. А я... его единственный наследник. Дядюшка безнадежно болен. Врачи говорят, что его дни сочтены. Быть может, только несколько месяцев отделяют меня от богатства. Это как нельзя более кстати: я имею невесту. И в этот самый момент ему попадаетесь ваше объявление, и он решается подвергнуть себя анабиозу и уснуть чуть ли не на сто лет, пробуждаясь от времени до времени только для того, чтобы посмотреть на какие-то падающие звезды! Войдите в мое положение. Ведь не может же суд утвердить меня в правах наследства, пока дядюшка будет в анабиозе!

— Конечно, нет!

— Вот видите! Но тогда прощай наследство! Его получат мои прапраправнуки!

— Мы можем «заморозить» и вас вместе с вашим дядюшкой. И вы будете лежать мумией до получения наследства.

— Благодарю вас! Этак рискнешь пролежать до скончания мира. Итак, вы отказываетесь иметь дело с дядюшкой?

— Было бы странно с нашей стороны отказываться

после того, как мы сами опубликовали объявление о вызове охотника.

— Ваше последнее слово?

— Последнее слово.

— Тем хуже для вас! — И, хлопнув дверью, Артур Лесли вышел.

III. НЕУТЕШНЫЙ ПЛЕМЯННИК

Первый опыт анабиоза человека решено было произвести в самом Лондоне, в специально нанятом помещении, публично. Широкая реклама привлекла в огромный белый зал многочисленных зрителей. Несмотря на то, что зал был переполнен, в нем искусственно поддерживали температуру ниже нуля. Для того чтобы не производить неприятного впечатления на публику, операцию вливания в кровь человека особого состава для придания ей свойства крови холонокровных животных решили производить в особой комнате, куда могли иметь доступ только родные и друзья лиц, подвергавшихся опыту.

Эдуард Лесли явился по своему обыкновению с астрономической точностью, минута в минуту, ровно в двенадцать часов дня. Карлсон испугался, увидав его, — до того астроном осунулся. Лихорадочный румянец покрывал его щеки. При каждом вдохе кадык судорожно двигался на тонкой шее, а на платке, который профессор подносил ко рту во время приступов кашля, Карлсон заметил капли крови.

«Плохое начало», — думал Карлсон, ведя астронома под руку в отдельную комнату.

Вслед за Эдуардом Лесли шел племянник с лицом убитого горем родственника, провожающего на кладбище любимого дядюшку.

Толпа жадно разглядывала астронома. Шелкали фотографические аппараты репортеров газет.

За Лесли закрылась дверь кабинета. И публика в нетерпеливом ожидании стала осматривать «эшафоты», как назвал кто-то стоявшие высоко посреди зала приспособления для анабиоза.

Эти «эшафоты» напоминали громадные аквариумы

с двойными стеклянными стенами. Это были два стеклянных ящика, вложенные один в другой. Меньший по размерам ящик служил для помещения человека, а между стенками обоих ящиков находилось приспособление для понижения температуры.

Один «эшафот» предназначался для Лесли, другой — для Мерэ, который с поэтической неточностью опоздал.

Пока врачи готовились в кабинете к операции и выслушивали у Лесли пульс и сердце, Карлсон несколько раз в нетерпении вбегал в зал справиться, не пришел ли Мерэ.

— Вот видите! — крикнул Карлсон, в третий раз вбегая в кабинет и обращаясь к Гильберту. — Я был прав. Мерэ не явился.

Гильберт пожал плечами.

Но в этот момент дверь кабинета с шумом раскрылась, и на пороге появился поэт. Его лицо и одежда носили явные следы дурно проведенной ночи. Блуждающие глаза, глупая улыбка и нетвердая походка говорили за то, что ночной угар еще далеко не испарился из его головы.

Карлсон с гневом набросился на Мерэ:

— Послушайте, ведь это безобразие! Вы пьяны.

Мерэ ухмыльнулся, покачиваясь во все стороны.

— У нас во Франции, — ответил он, — есть обычай: исполнять последнюю волю обреченного на смерть и угощать его перед казнью блюдами и винами, какие только он пожелает. И многие, идя на смерть, насмерть и напиваются. Меня вы хотите «заморозить». Это ни жизнь, ни смерть. Поэтому я и пил с середины на половину: ни пьян, ни трезв.

Разговор этот был прерван неожиданным криком хирурга:

— Подождите! Дайте свежий раствор! Влейте его в новую стерилизованную кружку!

Карлсон оглянулся. Полураздетый Эдуард Лесли сидел на белом стуле, тяжело дыша впалой грудью. Хирург зажимал пинцетом уже вскрытую вену.

— Вы видите, — нервничал хирург, обращаясь к помогавшей ему сестре милосердия, которая высоко держала стеклянную кружку с химическим раствором, — жидкость помутнела! Дайте другой раствор! Жидкость должна быть абсолютно чистой!

Сестре быстро принесли бутылку с раствором и новую кружку. Вливание было произведено.

— Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, — ответил астроном, — терпимо.

Вслед за Лесли операции вливания подвергся Мерз.

В легкой одежде, сделанной из материи, свободно пропускающей тепло, их ввели в зал.

Взволнованная толпа притихла. По приставленной лестнице Лесли и Мерз вззошли на «эшафоты» и легли в свои стеклянные гробы.

И здесь, уже лежа на белой простыне, Мерз вдруг продекламировал охрипшим голосом эпитафию Сципиону римского поэта Энния *:

Тот погребен здесь, кому
ни граждане, ни чужеземцы
Были не в силах воздать
честь, достойной его.

И вслед за этим неожиданно он захрипел усталым сном охмелевшего человека.

Эдуард Лесли лежал как мертвец. Черты лица его заострились. Он часто дышал короткими вздохами.

Хирург, следя за термометром, начал охлаждать воздух между стеклянными стенами.

По мере понижения температуры стал утихать храп Мерз. Дыхание Лесли было едва заметно. Мерз раз или два шевельнул рукой и затих. У Лесли глаза оставались полуоткрытыми. Наконец дыхание прекратилось у обоих, а у Лесли глаза затуманились. В тот же момент стеклянные крышки были надвинуты на «гробы». Доступ воздуха был прекращен.

— Двадцать один градус по Цельсию. Анабиоз наступил! — слышался голос хирурга среди полной тишины.

Публика медленно выходила из зала.

Гильберт, Карлсон и хирург прошли в кабинет. Хирург сейчас же засел за какой-то химический анализ. Гильберт хмурился.

— В конце концов все это производит удручающее впечатление. Я был прав, настаивая на том, чтобы дать публике только зрелище пробуждения. Эти похороны отобьют у всякого охоту подвергать себя анабиозу. Хорошо еще, что этот шалопай Мерз внес комическую ноту в этот погребальный хор.

— Вы правы и не правы, Гильберт, — ответил Карлсон. — Картина получилась невеселая, это верно. Но толпа должна видеть все от начала до конца, иначе она не поверит! У наших «покойничков» установлено контрольное дежурство. Они открыты для обозрения во всякое время дня и ночи. И если мы проиграли на похоронах, то вдвое выиграем на воскресении! Меня занимает другое: операция вливания довольно неприятна и сложна. Для массового замораживания людей она негодна. Но мне писал, что профессор Вагнер нашел более упрощенный способ нужного изменения крови путем вдыхания особых паров.

— Черт возьми! Я подозревал это! — вдруг воскликнул хирург, поднимая пробирку с какой-то жидкостью.

— В чем дело, доктор?

— А дело в том, что весь наш опыт и сама жизнь профессора Лесли висели на волоске. Как вы помните, при вливании химического раствора я обратил внимание на то, что жидкость стала мутной. Этого не должно было быть ни в каком случае. Я самолично составлял жидкость в условиях абсолютной стерильности. Теперь я хотел установить причины помутнения жидкости.

— И что же вы нашли? — спросил Гильберт.

— Присутствие синильной кислоты.

— Яд!

— Один из самых сильных. Убивает мгновенно, и от него нет спасения.

— Но как он туда попал?

— В этом весь вопрос!

— Это Артур Лесли. Неутешный племянник астронома: Вы помните, Гильберт, его просьбу и потом угрозу? Какой негодяй! А ведь, смотрите, какое душевное прискорбие разыграл?

— Когда он мог это сделать? Кажется, он не подходил близко к аппаратам...

— Да, — задумчиво проговорил хирург, — возможно, что тут замешаны другие. Быть может, сестра милосердия?..

— Нужно дать знать полиции! Ведь это преступление! — воскликнул возмущенный Гильберт.

— Ни в каком случае! — возразил Карлсон. — Это только повредит нам, особенно среди рабочих, на ко-

торых мы в конечном итоге рассчитываем. И в конце концов, что может сделать полиция? Кого мы можем обвинять? Артура Лесли — заинтересованное лицо? Но у нас нет никаких доказательств, что он замешан в преступлении.

— Может быть, вы правы, — задумчиво проговорил Гильберт. — Но во всяком случае, нам надо быть очень осторожными.

IV. ВОСКРЕШЕНИЕ МЕРТВЫХ

Прошел месяц. Приближался день «воскрешения мертвых». Публика волновалась. Шли споры, удастся ли вернуть к жизни погруженных в анабиоз.

В ночь накануне оживления хирург в присутствии Гильберта и Карлсона осмотрел Лесли и Мерз. Они лежали, как трупы, холодные, бездыханные.

Хирург постучал своим докторским молоточком по замерзшим губам поэта, и удары четко разнеслись по пустому залу, как будто молоточек ударял по куску дерева. Ресницы покрылись изморозью от вышедшего из тела тепла.

При осмотре тела астронома наметанный глаз хирурга заметил на обнаженной руке небольшой бугорок под кожей. На вершине бугорка виднелось едва заметное пятнышко, как будто от укола, а ниже — замерзшая капля какой-то жидкости.

Хирург неодобрительно покачал головой. Соскоблив ланцетом замерзшую каплю, хирург осторожно отнес этот кусочек льда в кабинет и там подверг его химическому анализу. Карлсон и Гильберт внимательно следили за работой хирурга.

— Ну что?

— То же самое! Опять синильная кислота! Несмотря на все наши предосторожности, Артуру Лесли, по видимому, удалось каким-то путем впрыснуть под кожу своего обожаемого дядюшки несколько капель смертоносного яда!

Гильберт и Карлсон были удручены.

— Все погибло! — в отчаянии проговорил Гиль-

берт. — Эдуард Лесли не проснется больше. Наше дело безнадежно скомпрометировано.

Карлсон бесновался.

— Под суд его, негодяя! Теперь и я вижу, что этого преступника надо передать в руки правосудия, хотя бы скандал и повредил нам!

Хирург, подперев голову рукою, о чем-то думал.

— Подождите, может быть, еще ничего не потеряно! — наконец заговорил он. — Не забывайте, что яд был впрыснут под кожу совершенно замороженного тела, в котором приостановлены все жизненные процессы. Всасывания не могло быть. При отсутствии кровообращения яд не мог разнестись и по крови. Если ядовитая жидкость была нагрета, то она могла в небольшом количестве проникнуть под кожу, которая под влиянием тепла стала более эластичной. Но дальше жидкость не могла проникнуть. По капле, выступившей в месте укола, вы можете судить, что преступнику не удалось ввести значительного количества.

— Но ведь и одной капли достаточно, чтобы отравить человека?

— Совершенно верно. Однако эту каплю мы можем преспокойно удалить, вырезав ее с кусочком мяса.

— Неужели вы думаете, что человек может остаться живым после того, как яд находился в его теле, быть может, две-три недели?

— А почему бы и нет? Нужно только вырезать поглубже, чтобы ни одной капли не осталось в теле! Разогреть тело, хотя бы частично, рискованно. Придется произвести оригинальную «холодную» операцию.

И, взяв молоток и инструмент, напоминающий долото, хирург отправился к трупу и стал срубать бугорок, работая, как скульптор над мраморной статуей. Кожа и мышцы мелкими морожеными осколками падали на дно ящика. Скоро в руке образовалось небольшое углубление.

— Ну, кажется, довольно!

Осколки тщательно смели. Углубление смазали йодом, который тотчас замерз.

За окном начиналось уличное движение. У дома стояла уже очередь ожидающих.

Двери открыли, и зал наполнился публикой.

Ровно в двенадцать дня сняли стеклянные крышки

ящиков, и хирург начал медленно повышать температуру, глядя на термометр.

— Восемнадцать... десять... пять ниже нуля. Нуль!.. Один... два... пять... выше нуля!..

Пауза.

Иней на ресницах Мерэ стоял и, как слезинки, наполнил углы глаз.

Первый шевельнулся Мерэ. Напряжение в зале достигло высшей степени. И среди наступившей тишины Мерэ вдруг громко чихнул. Это разрядило напряжение толпы, и она загудела, как улей. Мерэ поднялся, уселся в своем стеклянном ящике, зевнул и посмотрел на толпу осоловелыми глазами.

— С добрым утром! — кто-то шутливо приветствовал его из толпы.

— Благодарю вас! Но смертельно хочется спать! — И он клюнул головой.

В публке послышался смех.

— За месяц не выспался!

— Да ведь он пьян! — слышались голоса.

— В момент погружения в анабиоз, — громко пояснил хирург, — мистер Мерэ находился в состоянии опьянения. В таком состоянии застиг его анабиоз, прекративший все процессы организма. Теперь, при возвращении к жизни, естественно, Мерэ оказался еще под влиянием хмеля. И так как он, очевидно, не спал в ночь перед анабиозом, то он чувствует потребность сна. Анабиоз не сон, а нечто среднее между сном и жизнью.

— Кровь! Кровь! — послышался чей-то испуганный женский голос.

Хирург посмотрел вокруг. Взгляды толпы были устремлены на тело Лесли. На рукаве его халата выступало кровавое пятно.

— Успокойтесь! — воскликнул хирург. — Здесь нет ничего страшного. Во время анабиоза профессору Лесли пришлось сделать небольшую операцию, не имеющую отношения к его замораживанию. Как только кровь отогрелась и возобновилось кровообращение, из раны выступила кровь. Вот и все. Мы сейчас сделаем перевязку. — И, разорвав рукав халата Лесли, хирург быстро забинтовал его руку. Во время перевязки Лесли пришел в себя.

— Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, хорошо. Кажется, мне легче дышать.

Действительно, Лесли дышал ровно, без судорожных движений груди.

— Вы видели, — обратился хирург к толпе, — что опыт анабиоза удался. Теперь подвергшиеся анабиозу будут освидетельствованы врачами-специалистами.

Толпа шумно расходилась, а Мерэ и Лесли прошли в кабинет.

V. ВЫГОДНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

При тщательном медицинском освидетельствовании Эдуарда Лесли выяснились неожиданные последствия анабиоза. Оказалось, что под влиянием низкой температуры все туберкулезные палочки, находящиеся в легких Лесли, были убиты и Эдуард Лесли, таким образом, совершенно излечился от туберкулеза.

Правда, еще при опытах Бахметьева такая возможность теоретически предполагалась. Но теперь это был неопровержимый факт, блестяще разрешивший вопрос о борьбе с туберкулезом, этим страшным врагом человечества.

Карлсон не ошибся. Эдуард Лесли и Мерэ стали самыми модными людьми в Лондоне, да и во всем мире. Их интервьюировали, снимали, приглашали для публичных выступлений. Астроном, хотя и чувствовал себя теперь совершенно здоровым, тяготился этим неприличным шумом. Он настоял на том, чтобы его вновь подвергли анабиозу до 1933 года.

— Мне надо консервировать себя для науки, — говорил он.

И его желание было исполнено. Его перевезли в Гренландию. И он первым спустился в глубокие шахты «Консерваториума», как было названо это подземное хранилище для массового замораживания людей.

Зато Мерэ прямо купался в волнах популярности. Он не удовлетворялся публичными выступлениями. Он написал стихотворную поэму «На том берегу Стикса». Он писал о том, как его душа, освободившись от оков очоченного тела, понеслась вихрем в голубом эфире

мирового пространства. Она плавала на светящихся кольцах Сатурна. Посещала планеты отдаленных звезд, «где растут лиловые люди-цветы, поющие вечную песнь счастья». Она витала в пространствах четвертого измерения, где предметы измеряются в ширину, длину, глубину.

«На земле нет подходящего выражения», — писал Мерз и путано объяснял условия существования в мире четвертого измерения, «где нет времени», где нет понятий «вне» и «внутри», где все предметы проникают друг друга, не смешивая своих форм. Он писал о необычайных встречах на Млечном Пути, уводящем за пределы известного нам звездного неба.

Его поэма, разумеется, не выдерживала ни малейшей научной критики: в состоянии анабиоза он не мог даже видеть сны своим замороженным мозгом. Но публика, падкая до сенсаций, склонная к мистицизму, увлекалась этими фантастическими картинками. Нашлись любители сильных ощущений, пожелавшие испытать на себе ощущение «полета в беспредельных пространствах», погружаясь в анабиоз. Они, конечно, ничего не чувствовали, как замороженная туша, но, «пробуждаясь», поддерживали ложь Мерз.

Сверх всякого ожидания анабиоз принес Гильберту громадные барыши. Помимо любителей острых ощущений, к Гильберту стекались со всего света больные туберкулезом. Гренландский «санаторий» работал прекрасно. Больные получали полное излечение. А скоро прибавились еще новые клиенты. Английское правительство признало более «гуманным» и, главное, дешевым подвергать «неисправимых» преступников анабиозу вместо пожизненного заключения и смертной казни.

Наконец, анабиоз был применен для перевозки скота. Вместо неуклюжего, замороженного обычным способом мяса, получаемого из Австралии, в Англию стали доставлять животных в состоянии анабиоза. Их не надо было кормить в дороге, а по привозе на место их отогревали, оживляли, и англичане получали к столу самое свежее и дешевое мясо.

Карлсон потирал руки. На его долю падала немалая часть огромных доходов, которые приносил анабиоз.

— Ну что? — говорил он самодовольно Гильберту. — Теперь вы понимаете, что значит прожектор? Ваши

деньги и мои проекты принесли вам миллионы. Без меня вы давно разорились бы с вашими угольными шахтами!

— Угольные шахты и сейчас дают мне убыток, — отвечал Гильберт. — Сбыта нет, рабочие несговорчивы, правительство отказывает в субсидиях. Да, Карлсон, жизнь — сложная штука! Вы хороший прожектор, но жизнь проводит свои проекты вопреки нашему желанию. Мы предполагали замораживать безработных вместе с их семьями, а вместо этого превратили наши холодильники в санатории и тюрьмы!

— Терпение! Придут и рабочие! Теперь у вас имеются свободные капиталы. Обещайте хорошее содержание семьям рабочих в том случае, если глава их семьи захочет подвергнуть себя анабиозу. Поверьте, они пойдут на эту удочку! А когда они попривыкнут к анабиозу, можно будет сбавить цену. В конце концов они сами будут просить, чтобы их заморозили вместе с семьями, только бы не голодать! Они придут! Нужда загонит! Поверьте мне, они придут!

И они пришли...

VI. ВО ЛЬДАХ ГРЕНЛАНДИИ

Холодный осенний ветер валил с ног. Молодой шахтер-забойщик, работавший в кардиффских шахтах, понурив голову, медленно подходил к небольшому коттеджу, видневшемуся сквозь обнаженные ветви сада.

Бенджэмин Джонсон постоял у двери, глубоко вздохнул, прежде чем открыть ее, и, наконец, несмело вошел в дом.

Его жена, Фредерика Джонсон, мыла у большого камина посуду. Двухлетний сын Самуэль уже спал.

Фредерика вопросительно посмотрела на мужа.

Джонсон, не раздеваясь, опустился на стул и тихо проговорил:

— Не достал...

Тарелка выскользнула из рук Фредерики и со звоном упала в лохань. Она со страхом оглянулась на ребенка, но он не проснулся.

— Забастовочный комитет не имеет больше средств... В лавке не отпускают в кредит...

Фредерика перестала мыть посуду, отерла руку о фартук и молча села к столу, глядя в угол, чтобы скрыть от мужа свое волнение.

Джонсон медленно вынул из кармана легкого не по сезону пальто измятый номер газеты и положил на стол перед женой.

— На вот, читай.

И Фредерика, смахивая слезу, которая застилала ей глаза, прочитала крупное объявление:

«Пять фунтов в неделю получают семьи рабочих, согласившихся проспать до весны...» Дальше шло объяснение, что такое анабиоз. Фредерика уже слыхала о нем. Агенты Гильберта уже давно вели пропаганду анабиоза среди рабочих.

— Ты не сделаешь этого! — твердо сказала она. — Мы не скоты, чтобы нас замораживали!

— Городские джентльмены не брезгают анабиозом!

— С жиру бесятся твои джентльмены! Они нам не указ!

— Послушай, Фредерика, но ведь в конце концов в этом нет ничего ни страшного, ни постыдного. Опасности для меня никакой. Я не штрейкбрехерствую, ничьих интересов не затрагиваю.

— А мои, а твои собственные интересы? Ведь это же почти смерть, хотя и на время! Мы должны бороться за право на жизнь, а не отлеживаться замороженными тушами до тех пор, пока господа хозяева не сообразоволят воскресить нас!

Она разгорячилась и говорила слишком громко.

Маленький Самуэль проснулся, заплакал и стал просить есть. Фредерика взяла его на руки, стала укачивать. Джонсон с тоской смотрел на русую головку сына. Он так побледнел за последнее время! Побледнела и Фредерика...

Ребенок уснул, и Фредерика опустилась у стола, закрыв лицо руками. Она не могла больше сдерживать слез.

Бенджамин гладил своей грубой рукой ее пушистые волосы, такие же светлые, как у сына, и ласково, как ребенка, уговаривал:

— Ведь я за вас болею душой! Пойми же! Завтра Самуэль будет иметь большие кружки дымящегося мо-

лока и белый хлеб, а у тебя на столе будет хороший кусок говядины, картофель, масло, кофе... Разлучаться трудно, но ведь это только до весны! Зацветут яблони в нашем саду, и я опять буду с вами. Я встречу вас, веселых, здоровых, цветущих, как наши яблони!..

Фредерика еще раз всхлипнула и умолкла.

— Спать пора, Бен...

Больше они ни о чем не говорили.

Но Бенджэмин знал, что она согласна. А на другой день, простившись с женой и ребенком, он уже летел на пассажирском аэроплане в Гренландию.

Серо-зеленая пелена Атлантического океана сменилась полярными картинами севера. Ледяная пустыня с разбросанными по ней кое-где горными вершинами... Временами аэроплан пролетал низко над землей, и тогда видны были хозяева этих пустынных мест — белые медведи. При виде аэроплана они в ужасе поднимались на дыбы, протягивая вверх лапы, как бы прося пощады, потом бросались убегать с неожиданной скоростью.

Джонсон невольно улыбался им, завидовал суровой, но вольной их жизни.

Вдали показались постройки и аэродром.

— Прилетели!

Дальнейшие события шли необычайно быстро.

Джонсона пригласили в контору «Консерваториума», где записали его фамилию, адрес и снабдили номером, который был прикреплен к руке в виде браслета.

Затем он спустился в подземные помещения.

Подземная машина летела вниз с головокружительной быстротой, пересекая ряд горизонтальных шахт. Температура постепенно повышалась. В верхних шахтах она была значительно ниже нуля, тогда как внизу поднималась до десяти градусов.

Машина неожиданно остановилась.

Джонсон вошел в ярко освещенную комнату, посреди которой находилась площадка с четырьмя металлическими канатами, уходящими в широкое отверстие в потолке. На площадке находилась низкая кровать, постланная белой простыней. Джонсона переодели в легкий халат и предложили лечь в кровать. На лицо надели маску, заставляя его дышать какими-то парами.

— Можно! — услышал он голос врача.

И в ту же минуту площадка с его кроватью стала подниматься вверх. Скоро он почувствовал все усили-

вавшийся холод. Наконец холод стал невыносимым. Он пытался крикнуть, сойти с площадки, но все члены его тела как бы окаменели... Сознание его стало мутиться. И вдруг он почувствовал, как приятная теплота разливается по его телу. Но это был обман чувств, который испытывают все замерзающие: в последнем усилии организм поднимает температуру тела перед тем, как отдать все тепло холодному пространству. В это короткое время мысли Джонсона заработали с необычайной быстротой и ясностью. Вернее, это были не мысли, а яркие образы. Он видел свой сад в золотых лучах солнца, яблони, покрытые пушистыми белыми цветами, желтую дорожку, по которой бежит к нему навстречу его маленький Самуэль, а вслед за ним идет улыбающаяся, юная, краснощекая, белокурая Фредерика...

Потом все стало меркнуть, и он окончательно потерял сознание.

Через какое-нибудь мгновение оно вернулось к нему, и он открыл глаза.

— Перед ним, наклонившись, сидел молодой человек.

— Как вы себя чувствуете, Джонсон? — спросил он, улыбаясь.

— Благодарю вас, небольшая слабость в теле, а в общем не плохо, — ответил Джонсон, оглядываясь вокруг. Он лежал в белой ярко освещенной комнате.

— Подкрепитесь стаканом вина и бульоном, а потом в дорогу!

— Позвольте, доктор, а как же с анабиозом? Он не удался, или в шахтах срочно потребовались рабочие? Молодой человек улыбнулся.

— Я не доктор. Будем знакомы. Моя фамилия Крукс, — и он протянул Джонсону руку. — Анабиоз удался, но мы об этом еще успеем поговорить. Нас ждет аэроплан.

Джонсон, удивляясь, что с анабиозом так скоро покончено, быстро оделся и поднялся с Круксом на поверхность.

«А Фредерика-то проплакала небось всю ночь», — думал он, улыбаясь скорой встрече.

У входа в подземелье стоял большой пассажирский аэроплан. Кругом расстилалась вечная ледяная пустыня. Была ночь.

Северное сияние полосовало небо снопами лучей нежной меняющейся окраски.

Джонсон, уже в теплой шубе, с удовольствием вдыхал чистый морозный воздух.

— Я доставлю вас до дому! — сказал Крукс, помогая Джонсону подняться по лестнице в кабину.

Аэроплан быстро взвился в воздух.

Джонсон увидел ту же пересеченную местность, те же оледенелые кратеры, появляющиеся от времени до времени на пути, как степные курганы, и тех же медведей, которым он так недавно позавидовал. Вот и древние седые волны Атлантического океана. Еще немного времени, и на горизонте в сизом тумане показались берега Англии.

Кардифф... шахты... уютные коттеджи... Вот виднеется и его беленький коттедж, утопающий в густой зелени сада. У Джонсона сильно забилося сердце. Сейчас он увидит Фредерику, возьмет на руки маленького Самуэля и начнет подбрасывать вверх.

«Еще, еще!» — будет лепетать малыш по своему обыкновению.

Аэроплан сделал крутой вираж и спустился на лужайке у домика Джонсона.

VII. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Джонсон в нетерпении вышел из кабины.

Воздух был теплый. Сбросив шубу, Джонсон побежал к домику. Крукс едва поспевал за ним.

Был прекрасный осенний вечер. Заходившее солнце ярко освещало крупные красные яблоки на яблонях сада.

— Однако, — с удивлением произнес Джонсон, — неужели я проспал до осени?

Он подбежал к ограде сада и увидел сына и жену. Маленький Самуэль сидел среди осенних цветов и со смехом бросал яблоки матери. Лицо Фредерики не было видно за ветками яблони.

— Самуэль! Фредерика! — радостно закричал Джонсон и, перепрыгнув через низкую ограду, побежал через клумбы навстречу жене и сыну.

Но малыш, вместо того чтобы броситься навстречу отцу, заплакал, увидя приближавшегося Джонсона, и в испуге бросился к матери.

Джонсон остановился и вдруг увидел свою ошибку: это были не Самуэль и Фредерика, хотя мальчнк очень походил на его сына. Молодая мать вышла из-за дерева. Она была одних лет с Фредерикой, такая же светлая и румяная. Но волосы были темнее. Конечно, это не Фредерика! И как только он мог ошибиться! Вероятно, это одна из соседок или подруг Фредерики.

Джонсон медленно подошел и поклонился. Молодая женщина выжидательно смотрела на него.

— Простите, я, кажется, испугал вашего сына, — сказал он, приглядываясь к ребенку и удивляясь сходству с Самуэлем. — Фредерика дома?

— Какая Фредерика? — спросила женщина.

— Фредерика Джонсон, моя жена!

— Не ошиблись ли вы адресом? — ответила женщина. — Здесь нет Фредерики...

— Хорошенькое дело! Чтобы я ошибся в адресе собственного дома!

— Вашего дома?..

— А чьего же? — Джонсона начала раздражать эта бестолковая женщина.

На пороге домика показался молодой человек лет тридцати трех, привлеченный, очевидно, шумом голосов.

— В чем дело, Элен? — спросил он, не сходя со ступеньки крыльца и попыхивая коротенькой трубкой.

— Дело в том, — ответил Джонсон на вопрос, обращенный не к нему, — что за время моего отсутствия здесь, очевидно, произошли какие-то изменения... В моем доме поселились другие...

— В вашем доме? — насмешливо спросил молодой человек, стоявший на крыльце.

— Да, в моем доме! — ответил Джонсон, махнув рукой на свой коттедж.

— С кем же я имею честь говорить? — спросил молодой человек.

— Я Бенджэмин Джонсон!

— Бенджэмин Джонсон? — переспросил молодой человек и расхохотался. — Слышишь, Элен? — обратился он к женщине. — Еще один Бенджэмин Джонсон и владелец этого коттеджа!

— Позвольте вас уверить, — вдруг вмешался в разговор подошедший Крукс, — что перед вами действительно Бенджэмин Джонсон, — и он указал на Джонсона рукой.

— Это становится занятно. И свидетеля с собой при-
тащил! Позвольте и вам сказать, что ваша шутка не-
удачна. Тридцать три года я был Бенджэмин Джон-
сон, родившийся в этом самом доме и его собственник,
а теперь вы хотите меня убедить, что собственник до-
ма, Бенджэмин Джонсон, вот этот молодой человек!

— Я не только хочу, но и надеюсь убедить вас в
этом, если вы разрешите зайти в дом и разъяснить вам
некоторые обстоятельства, очевидно, неизвестные вам.

Крукс говорил так убедительно, что молодой чело-
век, подумав немного, пригласил его и Джонсона в дом.

С волнением вошел Джонсон в свой дом, который ос-
тавил так недавно. Он еще надеялся встретить на обыч-
ном месте, у камина, Фредерику и сына, играющего у
ее ног на полу. Но их там не было...

С жадным любопытством окинул Джонсон комна-
ту, в которой провел столько радостных и горьких ми-
нут.

Вся мебель была незнакомой, чуждой ему.

Только над камином висели еще расписные тарелки
елизаветинских времен* — фамильная драгоценность
Джонсонов.

А у камина в глубоком кресле сидел седой, дрях-
лый старик с завернутыми в плед ногами, несмотря на
теплый день. Старик окинул вошедших недружелюбным
взглядом.

— Отец, — обратился молодой человек к старику, —
вот эти люди утверждают, что один из них Бенджэмин
Джонсон и собственник дома. Не желаешь ли заполу-
чить еще одного сынка?

— Бенджэмин Джонсон, — прошамкал старик, раз-
глядывая Крукса, — так звали моего отца... но он дав-
но погиб в Гренландии, в этом проклятом леднике, где
морозили людей!..

— Позвольте мне рассказать, как было дело, — от-
ветил Крукс. — Прежде всего, Джонсон не я, а вот
он. Я Крукс. Ученый, историк.

И, обращаясь к старику, он начал свой рассказ:

— Вам было, если не ошибаюсь, около двух лет,
когда ваш отец, Бенджэмин Джонсон, попался на удоч-

ку углепромышленника Гильберта и решил подвергнуть себя «замораживанию», чтобы спасти вас и вашу мать от голодной смерти во время безработицы. Примеру Джонсона скоро последовали и многие другие пострадавшие и отчаявшиеся семейные рабочие. Пустовавший «Консерваториум» на северо-западном берегу Гренландии быстро заполнился телами замороженных рабочих. Но Карлсон и Гильберт ошиблись в своих расчетах.

Замораживание рабочих не разрешило кризиса, который переживал английский капитализм. Даже наоборот: это только обострило разгоревшиеся страсти классовой борьбы. Наиболее стойкие рабочие были возмущены «замороженной человечинной», как называли они применение анабиоза к «консервированию» безработных, и использовали замораживание как агитационное средство. Вспыхнула революция. Отряд вооруженных рабочих, захватив аэропланы, направился в Гренландию с целью оживить своих братьев, спавших мертвым сном, и поставить их в ряды борющихся.

Тогда Карлсон и Гильберт, желая предупредить события, дали по радио приказ своим прислужникам в Гренландии взорвать «Консерваториум», надеясь объяснить это преступление несчастным случаем.

Радиотелеграмма была перехвачена, и Карлсон и Гильберт понесли заслуженное наказание. Однако радиоволны летят быстрее всякого аэроплана. И когда летчики спустились у цели своего полета, они застали только зняющие, дымящиеся пропасти, обломки построек и куски мороженого человеческого мяса. Удалось раскопать несколько нетронутых катастрофой тел, но и эти погибли от слишком быстрого повышения температуры, а может быть, и от удушья. Работы затруднялись тем, что планы подземных телохранилищ исчезли. Оставалось только поставить памятник над этим печальным местом. Прошло семьдесят три года...

Джонсон невольно вскрикнул.

— И вот не так давно, изучая историю нашей революции по архивным материалам, в архиве одного из бывших министерств я нашел заявление Гильберта с просьбой о разрешении ему построить «Консерваториум» для консервирования безработных. Гильберт подробно и красноречиво писал о том, какую пользу можно извлечь из этого средства в «деле ижития периоди-

ческих кризисов и связанным с ними рабочих волнений». Рукою министра на этом заявлении была наложена резолюция: «Конечно, лучше, если они будут мирно почитать, чем бунтовать. Разрешить...»

Но самым интересным было то, что к заявлению Гильберта был приложен план шахт. И в этом плане мое внимание привлекла одна шахта, шедшая далеко в сторону от общей сети. Не знаю, какими соображениями руководствовались строители шахт, прокладывая эту галерею. Меня заинтересовало другое: в этой шахте могли остаться тела, не поврежденные катастрофой. Я тотчас сообщил об этом нашему правительству. Была снаряжена специальная экспедиция. Приступили к раскопкам. После нескольких недель неудачных поисков нам удалось открыть вход в эту шахту. Она была почти не тронута, и мы направились в глубь ее.

Жуткое зрелище представилось нашим глазам. Вдоль длинного коридора в стенах были устроены ниши в три ряда, а в них лежали тела. Ближе к входу, очевидно, проник горячий воздух, при взрыве он сразу убил лежавших в анабиозе людей. Ближе к середине шахт температура, видимо, повышалась более медленно, и несколько рабочих ожили; но они, вероятно, погибли от удушья, голода или холода. Их искаженные лица и судорожно сведенные члены говорили о предсмертных страданиях.

Наконец в самой глубине шахты, за крытым поворотом, стояла ровная холодная температура. Здесь мы нашли только три тела, остальные ниши были пустые. Со всеми предосторожностями мы постарались оживить их. И это нам удалось.

Первым из них был известный астроном Эдуард Лесли, гибель которого оплакивал весь ученый мир, вторым — поэт Мерэ и третьим — Бенджамин Джонсон, только что доставленный мною сюда на аэроплане... Если моих слов недостаточно, в подтверждение их я могу привести неоспоримые доказательства. Я кончил!

Все сидели молча, пораженные рассказом. Наконец Джонсон тяжело вздохнул и сказал:

— Значит, я проспал семьдесят три года? Отчего же вы не сказали мне об этом сразу? — обратился он с упреком к Круксу.

— Дорогой мой, я опасался подвергать вас слишком сильному потрясению после вашего пробуждения.

— Семьдесят три года!.. — в раздумье проговорил Джонсон. — Какой же у нас теперь год?

— Август месяц, тысяча девятьсот девяносто восьмой год.

— Тогда мне было двадцать пять лет, значит, теперь мне девяносто восемь...

— Но биологически вам осталось двадцать пять, — ответил Крукс, — так как все ваши жизненные процессы были приостановлены, пока вы лежали в состоянии анабиоза.

— Но Фредерика, Фредерика!.. — с тоской вскричал Джонсон.

— Увы, ее давно нет! — сказал Крукс.

— Моя мать умерла уже тридцать лет тому назад, — проскрипел старик.

— Вот так штука! — воскликнул молодой человек. И, обращаясь к Джонсону, он сказал: — Выходит, что вы мой дедушка! Вы моложе меня, у вас семидесятипятилетний сын!..

Джонсону показалось, что он бредит. Он провел ладонью по своему лбу.

— Да... сын! Самуэль! Мой маленький Самуэль — вот этот старик! Фредерикн нет... Вы — мой внук, — обратился он к своему тезке Бенджамину, — а та женщина и ребенок?..

— Моя жена и сын...

— Ваш сын... Значит, мой правнук! Он в том же возрасте, в каком я оставил моего маленького Самуэля!

Мысль Джонсона отказывалась воспринимать, что этот дряхлый старик и есть его сын... Старик сын также не мог признать в молодом, цветущем, двадцатипятилетнем юноше своего отца...

И они сидели смущенные, в неловком молчании глядя друг на друга...

VIII. АГАСФЕР *

Прошло почти два месяца после того, как Джонсон вернулся к жизни.

В холодный, ветреный сентябрьский день он играл в саду со своим правнуком Георгом.

Игра эта состояла в том, что мальчик усаживался в маленькую летательную машину — авиетку с автоматическим управлением. Джонсон настраивал аппарат управления, пускал мотор, и мальчик, громко крича от восторга, летал вокруг сада на высоте трех метров от земли. После нескольких кругов аппарат плавно опускался на заранее определенное место.

Джонсон долго не мог привыкнуть к этой новой детской забаве, неизвестной в его жизни. Он боялся, что с механизмом может что-либо случиться и ребенок упадет и расшибется. Однако летательный аппарат действовал безукоризненно.

«Посадить ребенка на велосипед тоже казалось нам когда-то опасным», — думал Джонсон, следя за летающим правнуком.

Вдруг резкий порыв ветра отбросил авиетку в сторону. Механическое управление тотчас же восстановило нарушенное равновесие, но ветер отнес аппарат в сторону. Авиетка, изменив направление полета, налетела на яблоню и застряла в ветвях дерева.

Ребенок в испуге закричал. Джонсон, в не меньшем испуге, бросился на помощь правнуку. Он быстро вскарабкался на яблоню и стал снимать маленького Георга.

— Сколько раз я говорил вам, чтобы вы не устраивали ваших полетов в саду! — вдруг услышал Джонсон голос своего сына Самуэля.

Старик стоял на крыльце и в гнев потрясал кулаком.

— Есть, кажется, площадка для полетов — нет, непременно надо в саду! Неслухи! Беда с этими мальчишками! Вот поломаете мне яблоню, уж я вас!..

Джонсона возмутил этот стариковский эгоизм. Старик Самуэль очень любил печеные яблоки и больше беспокоился за целостность яблонь, чем за жизнь внука.

— Ну ты, не забывайся! — воскликнул Джонсон, обращаясь к старику сыну. — Этот сад был впервые разведен мною, когда еще тебя не было на свете! И покрикивай на кого-нибудь другого. Не забывай, что я твой отец!

— Что ж, что отец? — ворчливо ответил старик. — По милости судьбы, у меня отец оказался мальчишкой! Ты мне почти что во внуки годен! Старших слушаться надо! — наставительно закончил он.

— Родителей слушаться надо! — не унимался Джон-

сон, спуская правнука на землю. — И кроме того, я и старше тебя. Мне девяносто восемь лет!

Маленький Георг побежал в дом к матери.

Старик постоял еще немного, шевеля губами, потом сердито махнул рукой и тоже ушел.

Джонсон отвез авиетку в большую садовую беседку, заменявшую ангар, и там устало опустился на скамейку среди лопат и граблей.

Он чувствовал себя одиноким.

Со стариком сыном у него совершенно не сложились отношения. Двадцатипятилетний отец и семидесятипятiletний сын — это ни с чем не сообразное соотношение лет положило преграду между ними. Как ни напрягал Джонсон свое воображение, оно отказывалось связать воедино два образа: маленького двухлетнего Самуэля и этого дряхлого старика.

Ближе всех он сошелся с правнуком — Георгом. Юность вечна. Дух нового времени не наложил еще на Георга своего отпечатка. Ребенок в возрасте Георга радуется и солнечному лучу, и ласковой улыбке, и красному яблоку так же, как радовалась дети его возраста тысячи лет назад. Притом и лицом он напоминал его сына — Самуэля-ребенка... Мать Георга, Элен, также несколько напоминала Джонсону Фредерику, и он не раз останавливал на ней взгляд тоскующей нежности. Но в глазах Элен, устремленных на него, он видел только жалость, смешанную с любопытством и страхом, как будто он был выходцем из могилы.

А ее муж, внук Джонсона, носивший его имя, Бенджэмин Джонсон, был далек ему, как и все люди этого нового, чуждого ему поколения.

Джонсон впервые почувствовал власть времени, власть века. Как жителю долин трудно дышать разреженным горным воздухом, так Джонсону, жившему в первую четверть двадцатого века, трудно было примениться к условиям жизни конца этого века.

Внешне все изменилось не так уж сильно, как можно было предполагать.

Правда, Лондон разросся на многие мили в ширину и поднялся вверх тысячами небоскребов.

Воздушные сообщения сделались почти исключительным способом передвижения.

А в городах движущиеся экипажи были заменены подвижными дорогами. В городах стало тише и чище.

Перестали дымить трубы фабрик и заводов. Техника создала новые способы добывания энергии.

Но в общественной жизни и в быте произошло много перемен с его времени.

Рабочих не стало на ступенях общественной лестницы, как низшей группы, группы, отличной от выше стоящих и по костюму, и по образованию, и по привычкам.

Машины почти освободили рабочих от наиболее тяжелого и грязного физического труда.

Здоровые, просто, но хорошо одетые, веселые, независимые рабочие были единственным классом, державшим в руках все нити общественной жизни. Все они получали образование. И Джонсон, учившийся на медные деньги почти сто лет тому назад, чувствовал себя неловко в их среде, несмотря на всю их приветливость.

Все свободное время они проводили больше на воздухе, летая на своих легких авиетках, чем на земле. У них были совершенно иные интересы, запросы, развлечения.

Даже их короткий, сжатый язык, со многими новыми словами, выразившими новые понятия, был во многом непонятен Джонсону.

Они говорили о новых для Джонсона обществах, учреждениях, новых видах имущества и спорта...

На каждом шагу, при каждой фразе он должен был спрашивать:

— А что это такое?

Ему нужно было нагнать то, что протекало без него в продолжение семидесяти трех лет, и он чувствовал, что не в силах сделать это. Трудность заключалась не только в обширности новых знаний, но и в том, что ум его не был так воспитан, чтобы воспринять и усвоить все накопленное человечеством за три четверти века. Он мог быть только сторонним, чуждым наблюдателем и предметом наблюдения для других. Это также стесняло его. Он чувствовал постоянно направленные на него взгляды скрытого любопытства. Он был чем-то вроде ожившей мумии, археологической находкой занятого предмета старины. Между ним и обществом лежала непреодолимая грань времени.

«Агасфер!.. — подумал он, вспомнив легенду, прочитанную им в юности. — Агасфер, вечный странник, наказан бессмертием, чуждый всему и всем... К сча-

стью, я не наказан бессмертием! Я могу умереть... и хочу умереть! Во всем мире нет человека моего времени, за исключением, может быть, нескольких забытых смертью стариков... Но и они не поймут меня, потому что они все время жили, а в моей жизни провал! Нет никого!...»

Вдруг у него в уме шевельнулась неожиданная мысль:

«А те двое, которые ожили вместе со мной там, в Гренландии?»

Он в волнении поднялся. Его неудержимо потянуло к этим неизвестным людям, которые вдруг стали ему так дороги. Они жили в одно время с Фредерикой и маленьким Самуэлем. Какие-то нити протянуты между ними... Но как найти их? Крукс!.. Он должен знать!

Крукс не оставлял Джонсона, пользуясь им как «живым историческим источником» для своей работы по истории революции.

И Джонсон поспешил к Круксу и изложил ему свою просьбу, ожидая ответа с таким волнением, как будто ему предстояло свидание с женой и маленьким сыном.

Крукс что-то соображал.

— Сейчас конец сентября... А ноябрь тысяча девятьсот девяносто восьмого года... Ну да, конечно, Эдуард Лесли должен быть уже в Пулковской обсерватории, сидеть за телескопом в поисках своих исчезающих Леонид. В Пулковской обсерватории лучший рефрактор в мире. Лесли, конечно, там. Там же вы найдете и поэта Мерэ... Он писал мне недавно, что едет к профессору Лесли. — И, улыбнувшись, Крукс добавил: — Очевидно, все вы, «старички», чувствуете тяготение друг к другу.

Джонсон наскоро простился и отправился в путь с первым отлетавшим на Ленинград пассажирским дирижаблем.

Он сам не представлял себе, каково будет предстоящее свидание, но чувствовал, что это все, что еще может интересовать его в жизни.

IX. ПОД ЗВЕЗДНЫМ НЕБОМ

Дрожащей рукой Джонсон открыл двери зала Пулковской обсерватории.

Огромный круглый зал тонул во мраке.

Когда глаза несколько привыкли к темноте, Джонсон увидел стоявший среди зала гигантский телескоп, напоминавший дальнобойную пушку, направившую свое жерло в одно из отверстий в куполе. Труба была укреплена на массивной подставке, вдоль которой шла лестница в пятьдесят ступеней. Лестницы вели и к площадке для наблюдения на высоте трех метров. С этой площадки, сверху, слышался чей-то голос:

— ...Отклонение от формы растянутого эллипса и приближение к форме параболы происходит в зависимости от особенного действия масс отдельных планет, которому кометы и астероиды подвергаются при своем движении по направлению к Солнцу. Наибольшее влияние в этом отношении как раз оказывает Юпитер, сила притяжения которого составляет почти тысячную долю протяжения Солнца...

Когда Джонсон услышал этот голос, четко раздавшийся в пустоте зала, когда он услышал эти непонятные слова, на него напала робость.

Зачем он пришел сюда?

Что скажет профессору Лесли? Разве эти параболы и эллипсы не так же непонятны ему, как и новые слова новых людей. Но отступить было поздно, и он кашлянул.

— Кто там?

— Можно видеть профессора Лесли?

Чьи-то шаги быстро простучали по железным ступеням лестницы.

— Я профессор Лесли. Чем могу служить?

— А я Бенджэмин Джонсон, который... который лежал с вами в Гренландии, погруженный в анабиоз. Мне хотелось поговорить с вами...

И Джонсон путано стал объяснять цель своего прихода. Он говорил о своем одиночестве, о своей потерянности в этом новом, непонятном для него мире, даже о том, что он хотел умереть...

Наверно, эти, новые, не поняли бы его. Но профессор Лесли понял тем легче, что многие переживания Джонсона испытал он сам.

— Не печальтесь, Джонсон, не вы один страдаете от этого разрыва времени. Нечто подобное испытал и я, а также и мой друг Мерэ, позвольте его представить вам.

Джонсон пожал руку спустившемуся Мерэ, по ста-

рой привычке, давно оставленной «новыми» людьми, которые восстановили красивый и гигиенический обычай древних римлян поднимать в знак приветствия руку.

— Вы тоже из рабочих? — спросил Джонсон Мерэ, хотя тот очень мало походил на рабочего.

— Нет. Я поэт.

— Зачем же вы замораживали себя?

— Из любопытства... А пожалуй, и из нужды...

— И вы пролежали столько же времени, как и я?

— Нет, несколько меньше. Я пролежал сперва всего два месяца, был «воскрешен», а потом опять решил погрузиться в анабиоз. Я хотел... как можно дольше сохранить молодость! — и Мерэ засмеялся.

Несмотря на разницу в развитии и в прежнем положении, этих трех людей сближала общая странная судьба и эпоха, в которую они жили. К удивлению Джонсона, беседа приняла оживленный характер. Каждый многое мог рассказать другим.

— Да, друг мой, — обратился Лесли к Джонсону, — не один вы испытываете оторванность от этого нового мира. Я сам ошибся во многих расчетах.

Я решил подвергнуть себя анабиозу, чтобы иметь возможность наблюдать небесные явления, которые происходят через несколько десятков лет. Я хотел разрешить труднейшую для того времени научную задачу. И что же? Теперь все эти задачи давно разрешены. Наука сделала колоссальные открытия, раскрыла за это время такие тайны неба, о которых мы не смели и мечтать!

Я отстал... Я бесконечно отстал, — с грустью добавил он после паузы и вздохнул. — Но все же я, мне кажется, счастливее вас! Там, — и он указал на купол, — время исчисляется миллионами лет. Что значат для звезд наши столетия... Вы никогда, Джонсон, не наблюдали звездного неба в телескоп?

— Не до этого было, — махнул рукой Джонсон.

— Посмотрите на нашего вечного спутника Луну! — И Лесли провел Джонсона к телескопу.

Джонсон посмотрел в телескоп и невольно вскрикнул от удивления.

Лесли засмеялся и сказал с удовольствием знатока:

— Да, таких инструментов не знало наше время!..

Джонсон видел Луну, как будто она была от него на расстоянии нескольких километров.

Огромные кратеры поднимали свои вершины, черные, зияющие трещины бороздили пустыни.

Яркий до боли свет и глубокие тени придавали картине необычайно рельефный вид. Казалось, можно протянуть руку и взять один из лунных камней.

— Вы видите, Джонсон, Луну такую, какую она была и тысячи лет тому назад. На ней ничего не изменилось... Для вечности семьдесят пять лет — меньше, чем одно мгновение. Будем же жить для вечности, если судьба оторвала нас от настоящего! Будем погружаться в анабиоз, в этот сон без сновидений, чтобы, пробуждаясь раз в столетие, наблюдать, что творится на Земле и на небе.

Через двести — триста лет мы, быть может, будем наблюдать на планетах жизнь животных, растений и людей... Через тысячи лет мы проникнем в тайны самых отдаленных времен. И мы увидим новых людей, менее похожих на теперешних, чем обезьяны на людей...

Быть может, Джонсон, будущие обитатели нашей планеты изведут нас на степень низших существ, будут гнушаться родством с нами и даже отрицать это родство? Пусть так. Мы не обидчивы. Но зато мы будем видеть такие вещи, о которых и не смеют мечтать люди, отживающие положенный им жизнью срок... Разве ради этого не стоит жить, Джонсон?

По нашей просьбе меня и Мерз снова подвергнут анабиозу. Хотите присоединиться к нам?

— Опять? — с ужасом воскликнул Джонсон. Но после долгого молчания он глухо произнес, опустив голову: — Все равно...

КОММЕНТАРИИ

НИ ЖИЗНЬ, НИ СМЕРТЬ

Впервые рассказ был опубликован в журнале «Всемирный следопыт» (1926, № 5—6).

В 1928 году он увидел свет на страницах авторского сборника «Борьба в эфире», выпущенного издательством «Модная гвардия». В послевоенные годы неоднократно переиздавался.

Стр. 256. Бахметьев Порфирий Иванович (1860—1913) — русский физик и биолог, исследовавший влияние переохлаждения (гипотермии) на организм животных. Первым экспериментально вызвал анабиоз у млекопитающих (летучих мышей).

Стр. 261. Леониды — см. комментарий к стр. 215.

Гумбольдт Александр (1769—1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, иностранный почетный член Петербургской Академии наук.

Стр. 268. «...Сципиону римского поэта Энния». — Имеется в виду Сципион Африканский Старший (ок. 235—183 гг. до н. э.), древнеримский полководец времен 2-й Пунической войны, разгромивший в битве при Заме армию Ганнибала. Энний Квинт (239—169 гг. до н. э.) — известный древнеримский поэт.

Стр. 281. «...елизаветинских времен». — Подразумевается Елизавета Первая Тюдор (1533—1608), английская королева с 1558 г.

Стр. 284. Агасфер — герой средневековых сказаний, скиталец, осужденный богом на вечную жизнь и бесконечные странствия по земле.

Властелин МИРА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. КАНДИДАТ В НАПОЛЕОНЫ

— Не брызгайте мне на платье, Штирнер! Вы не умеете грести.

— Ну конечно! Женщины, отправляясь кататься на лодке, имеют обыкновение надевать платье из такой материи, на которой брызги воды оставляют неизгладимые пятна.

— Эту остроуту вы позаимствовали у Джерома Джерома, из его повести «Трое в лодке»?

— Вы очень начитанны, фрейлейн. Я не виноват в том, что это наблюдение Джером сделал раньше меня. Истина остается истиной, хотя бы в лодке ехало и не четверо, а пятеро.

— Нас только четверо! — отозвалась со своей скамьи Эмма Фит.

— Прекрасная, златокудрая кукла, — ответил Штирнер, — четвертым пассажиром в лодке Джерома была собака; первым в нашей лодке является мой Фальк...

— Почему первым?

— Потому что он гениален. Фальк! Подай носовой платок фрейлейн Фит, — видишь, она уронила его.

Фальк, красивый белый сеттер, ловко прыгнул и подал платок.

Все засмеялись.

— Вот видите! — самодовольно сказал Штирнер. — Фрейлейн Глюк, выходите за меня замуж! Мы откроем с вами бродячий собачий цирк. Я в рыжем парнке клоуна стану показывать чудеса дрессировки, а вы бу-

дете сидеть у кассы. Только представьте себе эту идиллию: публика валит к нам валом, собаки танцуют, в кассе шелестят деньги... А после сеанса мы пируем за столом в обществе прелестнейших преданнейших четвероногих друзей. Великолепно! Это гораздо веселее, чем работать у Карла Готлиба.

— Благодарю вас, но я не люблю бродячей жизни.

— Гм... При вашем капитале, для вас я слишком ничтожная партия?

— При моем капитале?.. — с недоумением спросила Эльза Глюк.

— Почему же вы удивляетесь? Вы притворяетесь, будто не знаете своего капитала. Ваши чудесные волосы тициановской Венеры... Ведь это натуральный цвет? Не делайте возмущенное лицо, я знаю, что натуральный. А тициановские женщины, было бы вам известно, красили волосы особым составом, — где-то даже сохранился рецепт этого состава. Ну вот, видите. Мировые красавицы, вдохновлявшие кисть Тициана*, искусственно создавали то, что щедрая природа отпустила вам без предъявления рецепта... А ваши синие, как небесная бездна, глаза! Уж они, конечно, не искусственно окрашены...

— Перестаньте...

— Ваши зубки — жемчужное ожерелье...

— Потом следует описание коралловых губок, не так ли? Можно подумать, что вы не секретарь скучного банкира, а коммивояжер ювелирной фирмы. Так я же вам отплачу, несносный, за эти ювелирные комплименты! А ваше длинное лицо, ваш длинный нос, ваши длинные волосы, ваши длинные руки, они, конечно, настоящие?..

— А вам больше по душе все круглое? Вот такое круглое лицо, как у Отто Зауера. Круглые глаза и, быть может, круглый капиталец через десяток лет...

— Вы договорились до пошлости, — с недовольством в голосе произнесла Эльза Глюк.

— Пожалуйста, не считайте капиталы в чужих карманах, — отозвался Зауер, юрисконсульт банкира Готлиба. Зауер был не в духе во время разговора Штир-

* Здесь и далее объяснение слов, отмеченных звездочкой, смотри в комментариях в конце романа.

нера с Эльзой и молча рассекал длинными веслами воду, розовевшую в закатных лучах солнца.

Штирнер почувствовал, что он действительно зашел далеко в своих остротах, и стал говорить более серьезно.

— Простите, я никого не хотел обидеть. Я только хотел сказать, что в любви, как и во всем, существует тот же закон борьбы за существование: побеждает сильнейший. Самцы-олени бьются смертным боем, и рогадая, четвероногая самка достается победителю. А кто сильнейший в нашем обществе? Тот, кто владеет капиталом.

— Представьте себе, фрейлейн, — обратился Штирнер к Эльзе, — что я стал бы вдруг богат, как Крез, нет, еще богаче, — как уважаемый патрон Карл Готлиб, — тогда мое лицо в глазах женщины, наверно, показалось бы уж не таким длинным?

— Еще длиннее! — смеясь, ответила Эльза.

— Э! — недовольно произнес Штирнер. — Это оттого, что с вашим капиталом красоты вы и среди Готлибов вольны выбирать себе по вкусу. А что остается делать нам — мелкой сошке, всяким секретарям и секретаришкам, которые близко стоят у стола пиршества, но принуждены только подбирать падающие крохи, глотать слюну, видя, как другие упиваются всеми благами жизни?

— Какие у вас некрасивые слова, Штирнер! — сказала Фит.

— Простите, я обращаю серьезнейшее внимание на свой лексикон... Честность, — продолжал Штирнер, — вот наш порок, которым пользуются стоящие над нами. Гейне как-то сказал: «Честность — прекрасная вещь, если кругом все честные, а я один среди них жулик». Но так как кругом — о присутствующих, конечно, не говорят — тоже сплошные жулики, то, чтобы овладеть счастьем, — и он многозначительно посмотрел на Эльзу Глюк¹, — надо, очевидно, стать таким сверхжуликом, по сравнению с которым все остальные жулики казались бы добродетельными людьми.

— Что-то вы, Штирнер, сегодня неудачно развлекаете дам, — опять вмешался в разговор Отто Зауер. —

¹ По-немецки «глюк» — счастье.

Теперь ваши шутки приобретают слишком мрачный оттенок...

— А? — машинально спросил Штирнер, вдруг понурил голову и замолчал. Лицо его стало старческим. Глубокая складка легла меж бровей. Он казался погруженным в глубокую думу, как будто разрешал какой-то трудный вопрос. Фальк положил одну лапу ему на колено и внимательно смотрел в лицо.

Весла неподвижно лежали в руках Штирнера, с них беспрерывно стекали капли воды, красные, как кровь, в лучах заходящего солнца.

Эльза Глюк, глядя на сразу постаревшее лицо Штирнера, вдруг вздрогнула и, как бы нища помощи, обратила свой взор на Зауера.

Вдруг Штирнер сильно ударил веслами о воду, бросил их и расхохотался.

— Послушайте, фрейлейн Эльза, а что, если бы я стал могущественнейшим человеком на земле? Если бы одному моему слову, одному жесту повиновались все, как повинуется Фальк?.. Фальк! Пиль! — крикнул Штирнер, бросая в воду стек. И Фальк стрелой кинулся за борт лодки. — Вот так! Если бы я стал властелином мира?

— Знаете, Штирнер, — сказала Эльза, — у вас молодое, но ужасно старомодное лицо. Такие лица встречаются среди фотографий в семейных альбомах. И о них обыкновенно говорят так: «А вот это дедушка в молодости». Нет, в Наполеоны вы решительно не годитесь! Разве биржевой наполеончик из вас выйдет.

— Ах, вот как? В таком случае я лишаю вас короны, дворца, золотой кареты, бриллиантового ожерелья и всех ваших придворных пажей и статс-дам. Я лишаю вас моей милости. И знайте, что я вас совсем не люблю. Не подумайте, что я собирался совершать подвиги, как средневековый рыцарь, только для того, чтобы удостоиться получить вашу руку и сердце. Совсем нет! Вы для меня лишь мерило моих достижений. Первая ставка — не больше, вот вам!

— Ну что же! А пока не угодно ли вам приналечь на весла? Пора домой.

Штирнер втащил в лодку мокрого Фалька, который, встряхнувшись, окатил всех брызгами. Глюк и Фит вскрикнули.

— Пропали ваши водобоязненные платья, — сострил Штирнер, сильно налегая на весла.

Лодка быстро поплыла вниз по течению. Солнце скрылось за лесом. Вверху река сверкала, как расплавленное золото, вокруг лодки легли уже синие тени. Потянуло сыростью. Эмма накинула на плечи пушистый платок.

Все замолчали. Зеркальная поверхность реки была неподвижна. Изредка мелкая рыбка прорывала спокойную гладь, сверкнув по поверхности чешуей.

— Я не знал, что вы так честолюбивы, Штирнер, — прервал молчание Зауер. — Скажите, что же тогда заставило вас бросить ученую карьеру и перейти к нам в число скромных служащих Готлиба? Ведь, если не ошибаюсь, вы довольно успешно работали в области изучения мозга, и я даже встречал в газетах несколько заметок о ваших удачных опытах... Как называется эта молодая наука, которой вы тогда увлекались? Рефлексология?

— Я очень смутно представляю, что это за наука, — сказала Элиза.

— Милостивые государыни и многостивные государи! — начал Штирнер таким тоном, будто он читал лекцию в избранном обществе. — Рефлексология есть наука, изучающая ответные реакции человека и вообще всякого живого существа, возникающие в связи с воздействием внешнего мира и характеризующие собою вообще все отношения живого существа к окружающей среде. Понятно?

— Совершенно непонятно, — ответила Эмма.

— Постараюсь выразиться проще. Рефлекс есть передача нерву возбуждения с одной точки тела на другую через посредство центра, то есть мозга. Каждое воздействие извне, — через органы чувств, — путем рефлекса через центр, вызывает к деятельности те или иные органы тела, иначе говоря, вызывает реакцию. Ребенок протягивает руку к огню. Огонь жжет. Это воздействие огня на кожу передается нервами в мозг, а от мозга идет к руке ответная реакция: ребенок отдергивает руку. Представление огня связывается у ребенка с представлением боли. И всякий раз, когда ребенок видит огонь, он начинает боязливо отдергивать руку. Получилось то, что мы называем, по-ученому, условным рефлексом... Приведу более сложный пример. Вы да-

сте собаке есть и одновременно, каждый раз, когда она ест, играете на флейте. Обед с музыкой. Во время еды у собаки обильно отделяется слюна. Через некоторое время, когда игра на флейте тесно свяжется в сознании собаки со вкусовыми ощущениями, вам довольно будет заиграть на флейте, как у собаки начнет усиленно выделяться слюна. Условный рефлекс!.. И подумать только, что самые «святые» чувства человека, как долг, верность, обязанность, честность и даже знаменитый кантовский «категорический императив», являются условными рефlekсами совершенно такого же порядка, как и выделение собачьей слюны! Процесс создания таких рефлексов сложнее, но существо то же. При таком научном освещении, признаюсь, все эти высокие добродетели не возбуждают во мне особого почтения... Вот поэтому-то мне подчас и кажется, что кому-то выгодно это слюноотечение добродетели, кто-то играет на флейте религии, морали, долга, честности, а мы, глупые, распускаем слюни. Не пора ли бросить весь этот старый хлам и перестать плясать под дудку старой морали?..

Зауер решил изменить разговор и вновь задал Штирнеру вопрос, почему он оставил ученую карьеру.

— Вы так много знаете, Штирнер, — сказал он. — Быть может, на ученом поприще вы скорее достигли бы известности и всяческих успехов.

— А вот почему оставил я ученую карьеру, уважаемый Зауер, — ответил Штирнер с лукавой искоркой в глазах. — Я анатомировал около тысячи человеческих мозгов и, представьте, нигде не нашел ума. И я решил, что с мозгами гораздо приятнее иметь дело, когда они лежат, хорошо зажаренные, на обеденном столе нашего добрейшего патрона.

— Какие гадости вы опять говорите! — услышал Штирнер за собой голос Фит.

— Тысячу извинений! Но уверяю вас, что наш Готлиб не питается человечиною. Разве только иносказательно, ха-ха! Я чувствую, например, что завтра утром он скушает банкирский дом Тёпфер и К°. Я же хотел только сказать, что средневековым властителям хорошо было заниматься наукой, когда у них под руками были горы всякой снеди и бочки вина. А теперь... вот я и Зауер всего только скромные служащие банкира, и даже вы, прекраснейшие фрейлейн, его машинистка

и стенографистка, получаете больше, чем молодой доктор великолепнейших наук. Как видите, я откровенен. Не я первый и не я последний предпочел чечевичную похлебку будущим благам первородства. Впрочем, как знать? В школе нас учили, что прямая линия — кратчайшее расстояние между двумя точками. Но ведь вся эта математика — сущая абстракция. В реальном мире нет прямых линий... Стоп! Вот мы и приехали. Ну а теперь, — обратился он к Эмме Фит, — дайте мне вашу руку и позвольте проводить до станции.

Штирнер и Фит ушли вперед.

Зауер расплатился за прокат лодки и под руку с Эльзой медленно направился к железнодорожной станции.

Стемнело. Небо усеяли звезды. Дорога была безлюдна.

— Смотрите, как мерцают звезды! Вероятно, наступит ненастье... — сказал Зауер.

— Да, но мы успеем добраться, — ответила Эльза.

— Вы довольны нашей прогулкой, Эльза?

— Не слишком ли фамильярно вы зовете меня? — улыбаясь, спросила Эльза и, не давая Зауеру говорить, продолжала: — Ну не оправдывайтесь. Я была бы довольна, если бы не этот несносный болтун, Штирнер. Бывают же такие пустые люди! Трещит как сорока, никому не дает вымолвить слова. И какие претензии!

— Да, болтун... — задумчиво сказал Зауер. — Но я бы вам посоветовал, Эльза, быть осторожнее с этим болтуном.

Эльза удивленно посмотрела на Зауера.

— Разве я была с ним неосторожна?

И, рассмеявшись, она воскликнула:

— Нет, Отто, вы просто ревнуете меня! Но не рано ли? Я еще вам не дала слова. Могу и передумать.

— Вот вы пошутили, а у меня сердце сжалось... Болтун! Конечно, болтун, но он себе на уме. Вы слышали, что он говорил про честность да про кривые линии? Это опасная философия. И я, право, боюсь его, боюсь за вас и за нашего старика Готлиба... Этот болтун говорит неспроста. В его словах что-то есть. Что он замышляет? Я не удивлюсь, если он совершит что-нибудь ужасное...

Эльза вспомнила сосредоточенное, вдруг постаревшее лицо Штирнера, освещенное багровым лучом захо-

дящего солнца, и ей опять стало жутко. Она невольно сжала крепче руку Зауера.

— И ведь как вкрался он в доверие Готлиба! Тот его теперь ни на шаг не отпускает, переселил к себе в дом... Вечерами Штирнер забавляет старика своими дрессированными собаками...

— Надо отдать ему справедливость, Отто, его собаки изумительны.

— Я этого не отрицаю. Его собаки превосходят все известное в области дрессировки животных. В особенности этот Фальк.

— А его черный пудель, — вспомнила Эльза, — который умеет считать, узнает любую букву алфавита, угадывает без слов все его приказания. Мне иногда жутко делается...

— Да, будто сам черт сидит в этом пуделе. Возможно, что Штирнер умен и талантлив. Но талантливое зло опаснее вдвойне. — И Зауер значительно посмотрел на Эльзу.

— Обо мне вы не беспокойтесь, Отто. На меня его чары не действуют. Мне он был просто безразличен. Но после сегодняшнего вечера, когда я увидела его лицо... Я не знаю, как выразить это... Впрочем, может быть, мы несправедливы к нему. Что это?.. Ах!..

Из темноты бесшумно появился Фальк и, взяв зубами за край платья Эльзы, с веселым ворчаньем потянул ее вперед.

Зауер рассердился на собаку и стал гнать ее. Но Эльза рассмеялась.

— Вы, кажется, становитесь суеверным, Отто. Штирнер, очевидно, прислал Фалька предупредить нас, чтобы мы поторопнулись.

II. ПОД КОЛЕСАМИ ПОЕЗДА

Дверь из кабинета открылась, и на пороге показался банкир Карл Готлиб в сопровождении личного секретаря Людвига Штирнера.

Утреннее солнце, заливавшее всю комнату через стены из сплошного стекла, занграло на золотых очках Карла Готлиба. Банкир сощурил глаза и улыбнулся.

Ему было около шестидесяти лет, но никто не дал бы ему столько, видя его белое, свежее лицо с румянцем во всю щеку. Гладко выбритый, пахнувший дорогим мылом, хорошими сигарами и духами, всегда довольный, веселый и живой, он воплощал в себе житейское благополучие.

— Ну как прошла ваша загородная прогулка? — спросил он, пожимая по очереди руки Глюк, Фит и Зауера. — Весело? Много наловили рыбы? Погода была прекрасная, не правда ли? Будьте так любезны, Зауер, отправить вот эти телеграммы. Биржевой бюллетень получен? Как сегодня курс доллара? Так... так... Хлопковые акции? Идут в гору? Великолечно. Опротестуйте вот эти векселя банкирского дома Тёпфер и К°. Я не могу делать дальнейших поблажек. Вы сегодня прекрасно выглядите, фрейлейн Фит... А вы о чем-то мечтаете, фрейлейн Глюк? Хе-хе!

И он с лукавым видом погрозил ей пальцем.

— Я, кажется, догадываюсь. Весна несет с собой опасные бациллы. Да-а!

Поправив букетик фиалок в петличке черного сюртука, он посмотрел на часы и сказал:

— Сейчас десять часов. Поезд отходит в десять сорок пять. Я уезжаю и буду обратно в два часа пятнадцать минут. Еду принимать завод. Мы со Штирнером живо покончим с формальностями. Кстати, проветрюсь, засиделся... Машина подана? Идем, Штирнер!

И, мягко ступая, банкир Готлиб вышел, крикнув уже за дверью:

— Где же вы, Штирнер?

— Сю минуту! — Штирнер быстро прошел в смежную комнату и крикнул: — Фальк! Брут!

Навстречу ему с веселым лаем выбежали две собаки: сеттер, бывший на прогулке, и Брут — огромный дог тигровой масти.

Проходя мимо Глюк, Штирнер склонил голову набок и насмешливо спросил:

— Вы еще не решили?

— Чего?

— Выйти за меня замуж...

Громко рассмеявшись, он бросился со своими собаками догонять патрона.

Эльза нахмурилась. Зауер что-то проворчал, сидя за своим столом.

За окном прошумел отъезжающий автомобиль. В комнате наступило молчанье. Фит трещала на пишущей машинке, Зауер нервно перелистывал какие-то бумаги.

— Собачник! — вновь тихо проговорил он.

— Что вы там ворчите? — окликнула его Глюк.

— Везде со своими собаками! — ответил Зауер. — Не могу выносить этого кривляющегося господина! Вчера еще говорил о Готлибе, что он чуть ли не питается человечинной, намекая, очевидно, на строгость Готлиба к должникам, а сегодня, видали? Так и юлит около патрона. В глаза смотрит не хуже Фалька!.. Вы думаете, зачем он собак взял? Будет развлекать ими старика на лоне природы...

— Вы, кажется, становитесь придирчивым, Зауер! — сказала Эльза. — А Тёпфера и К° Готлиб скушал — Штирнер угадал...

— Сам же и убедил Готлиба, чтобы тот предъявил векселя ко взысканию, в этом нет сомнения, — хмуро ответил Зауер.

— Зауер просто ревнует! — пропела Фит, улыбаясь.

— Будьте добры переписать эту ведомость! — сухо сказал Зауер, передавая Фит бумагу.

Фит посмотрела, как провинившийся ребенок, и робко ответила:

— Пожалуйста!

Машинка затрещала. Все погрузились в работу, прерываемую звонками телефона.

Около одиннадцати часов раздался новый телефонный звонок. Не отрываясь от делового письма, Зауер привычно слушал телефон.

— Алло! Да, да... Кабинет личного секретариата банкира Карла Готлиба. Что такое? Не слышу! Говорите громче! Случилось? Что случилось? Как? Не может быть!..

Самопишущее перо выпало из рук Зауера. Лицо его побледнело. В голосе послышались такие нервные ноты, что Глюк и Фит бросили работу и с тревожным любопытством следили за ним.

— Попал под поезд?.. Но как же так?.. Извините, но это вполне понятное любопытство!.. Так... так... слушаю... так... Все будет сделано!..

Зауер положил трубку телефона и, проведя рукой по волосам, встал из-за стола.

— Что случилось, Зауер? — с тревогой спросила Фит, поднимаясь. — Кто попал под поезд? Да говорите же скорей!

Но Зауер опять уселся в кресло и сидел молча.

— Да... Я ожидал чего-нибудь в этом роде, — сказал он после паузы и, нервно поднявшись, быстро заговорил: — Мне только что сообщили по телефону, что Карл Готлиб попал под поезд...

— Но он жив? — спросили одновременно Фит и Глюк.

— Подробности неизвестны...

— Хорошие подробности! — сказала Фит. — Жив человек или нет?

— Я просил объяснить происшедшее, но мне ответили, что теперь не до объяснений.. Надо срочно приготовить кровать и вызвать врачей.

— Значит, он жив? — сказала Глюк.

— Может быть... — Зауер нажимал кнопки электрических звонков, вызывая лакеев, отдавал распоряжения, звонил к врачам... В доме поднялась суматоха. Прибежала встревоженная экономка.

Готлиб был одинок, и все его хозяйство вела «домоуправительница», как ее звали, чистенькая старушка фрау Шмитгоф.

Она была так потрясена, что Эльзе пришлось ухаживать за ней.

Послышался гудок подъехавшего автомобиля.

— Доктор! — вскрикнула Фит.

— Нет, это рожок нашего автомобиля, — ответил Зауер. — Ганс, идите скорее к подъезду!

Лакей Ганс быстро вышел, семеня больными ногами.

В комнате сгустилось напряженное ожидание. Фрау Шмитгоф, полумертвая от страха и волнения, сидела в кресле, тяжело дыша. Из отдаленных комнат послышался тяжелый топот ног, сбивающихся с шага.

— Несут... — прошептала Фит. — Хоть бы он был жив.

Двери широко распахнулись.

Четыре человека несли обезображенный, окровавленный труп Карла Готлиба.

Шмитгоф истерически вскрикнула и упала в обморок.

У Готлиба были отрезаны ноги выше колен.

Пятый человек, в форме железнодорожного служащего, нес какой-то тюк. Фит и Глюк узнали плед Готлиба. Из-под распахнувшегося края пледа выглядывал лакированный ботинок банкира.

«Ноги. Это его ноги... Какой ужас! — подумала Глюк. — Но зачем их несут? Зачем они теперь нужны ему?» — промелькнула нелепая мысль.

Черты Готлиба мало изменились, но лицо было необычайной белизны, как лист бумаги.

«От потери крови!» — подумала Эльза.

И еще одна подробность поразила ее: в петличке черного сюртука Готлиба сохранился букетик фиалок. Почему-то этот цветок на груди мертвеца необычайно взволновал Эльзу.

Печальная процессия проследовала через кабинет в спальню Готлиба, оставляя на паркете капли крови.

Следом за трупом Готлиба шел Штирнер. Лицо его было бледнее обыкновенного, но спокойно. Он осторожно обходил капли крови на паркете, чтобы не наступить на них, с таким видом, как будто это были дождевые лужи среди дороги.

За ним по пятам шел Фальк. Нервно-расширенными ноздрями собака обнюхивала капли крови.

Глюк с непонятным ей самой ужасом посмотрела на Штирнера. Он встретил ее взгляд и, как ей показалось, улыбнулся одними глазами.

Вернувшийся из спальни Зауер подошел к Штирнеру и, глядя ему испытующе в глаза, спросил:

— Как это случилось?

Штирнер выдержал и этот взгляд — только брови его пошевелинулись — и спокойно ответил:

— Я не был очевидцем. Готлиб просил меня отправить срочную телеграмму. Это отняло у меня всего пять минут, не больше. А когда я вернулся, все было кончено. Очевидцы говорят, что моя собака, Брут, испугалась паровоза и, метнувшись в сторону, попала под ноги Готлиба. Старик не устоял на ногах и упал с дебаркадера на рельсы вместе с собакой. Брута разрезало пополам, бедная собака!.. А Готлибу отрезало ноги...

— Вы жалеете только собаку?

— Не говорите глупостей, Зауер. И не придавайте слишком большого значения официальным способам выражения «душевного прискорбня». Готлиб был слав-

ный старикашка, и мне жалко его. Но отсюда не следует, что я не могу выразить сожаления о гибели четвероногого друга.

— Как странно!.. — задумчиво проговорил Зауер, как бы придавая особый смысл своим словам. — Готлиб погиб от Брута!

— Мой Брут не человек, а собака, и Готлиб не Цезарь, а банкир, — ответил Штирнер, насмешливо улыбаясь, и прошел в спальню Готлиба.

III. ДВА ЗАВЕЩАНИЯ

Весть о трагической кончине Карла Готлиба, крупнейшего банкира Германии, взволновала весь коммерческий мир. Кабинет банкира был одним из нервных узлов финансовой и промышленной жизни страны. Готлиб финансировал не только банки, но и крупную промышленность. Не мудрено, что неожиданная смерть Готлиба явилась событием дня. Газеты обсуждали возможные последствия этой кончины для тех или иных кредиторов, гадали об изменявшемся соотношении финансовых сил и о судьбе банка, потерявшего своего главу.

Задавался вопрос: станет ли кто-либо на место Готлиба, или банк будет ликвидирован?

Газетные корреспонденты осведомляли читателей о наследниках — родственниках Готлиба: младший брат покойного, землевладелец Оскар Готлиб, имеет сына Рудольфа двадцати четырех лет и четырех дочерей. Какая-то газета высчитала даже, какой капитал придется на долю молодого человека и богатых невест, хотя точно никто не знал, как велико было имущество.

Коммерсанты волновались, газеты шумели, а в доме Карла Готлиба заканчивался последний акт трагикомедии человеческой жизни.

В доме уже распоряжались на правах законных наследников экстренно вызванные Оскар Готлиб, красный, загорелый, неповоротливый человек, и его веснушчатые лопоухие дети.

Оскар Готлиб хмурился и поджимал губы. Возможность разбогатеть разжигала искорки в его прищурен-

ных глазах. Но чувство такта и отчасти искреннее сожаление о потере брата делали его сдержанным. Зато его дети ликовали открыто, без удержу предаваясь сладкому предвкушению обладания богатством. Сын Рудольф, Луиза и Гертруда — старшие дочери Оскара — ходили из комнаты в комнату, осматривали картины, трогали дорогие безделушки, присаживались на мягкие кресла, ощупывали руками материю, делили вещи между собой, спорили, смеялись, строили планы...

Изуродованное тело Карла Готлиба, вместе с отрезанными ногами, похоронили в дорогом склепе тяжелой архитектуры. Следующий за похоронами день назначили для вскрытия завещания.

Акт этот был обставлен довольно торжественно. Были приглашены и некоторые служащие Карла Готлиба, в том числе Зауер, Штирнер, Глюк и Фит.

Штирнер со скучающим видом сидел за письменным столом и рисовал на листе бумаги собак.

— Послушайте, вы секретарь моего покойного дядюшки? — окликнул его Рудольф Готлиб. — Будьте так добры, проводите меня в верхний этаж, я хочу осмотреть...

Штирнер молча надавил кнопку звонка на столе. В дверях показался лакей.

— Ганс, проводите господина Готлиба-младшего в верхний этаж! — и Штирнер опять углубился в рисование собак.

Рудольф промолчал, но краска гнева залила его веснучатое лицо.

Зауер, который наблюдал эту сцену, сидя в углу с Глюк и Фит, усмехнулся.

— Смотрите, Эльза, Штирнер держится так, как будто он сам наследник... Признаться, я не понимаю его игры. Он точно сам напрашивается на то, чтобы новые хозяева выбросили его за дверь...

— Еще неизвестно, что будет с нами, — озабоченно сказала Эмма.

— Ну что же, увольт — придется поступить кассиршей в бродячий цирк, — рассмеялась Эльза.

— Перестаньте шутить, Эльза. Я говорю совершенно серьезно. Штирнер явно ведет какую-то большую игру.

Понизив голос, Зауер продолжал:

— Вам не кажется, что смерть Карла Готлиба произошла при странных обстоятельствах?

Эльза посмотрела на Зауера.

— Что вы хотите сказать, Отто? Ведь Штирнера даже не было в момент катастрофы...

— Ага! Значит, и вам эта мысль приходила в голову — мысль о том, что смерть Готлиба не случайна? Собака! Что, если собака действовала по необъяснимому внушению? Если я не ошибаюсь, Штирнер в своей научной работе как раз занимался вопросами внушения и передачи мыслей на расстояние... Вы знаете, какие чудеса он проделывает со своими собаками? Помните вечером, когда мы возвращались с прогулки, Фальк подбежал к вам...

— Какие ужасы! — прошептала Фит. — Вдруг он внушит собакам и они загрызут нас?..

Зауер усмехнулся.

— От этого он не получит пользы... Собаки Штирнера, простите мне, охотятся на более крупную дичь. Но какую пользу извлечет он из смерти Готлиба? Этот странный человек окружает себя глубокой тайной. Вы знаете, мы с ним служим более года и каждый день видимся, но ни я, ни кто-либо другой никогда не были в его комнате. Что он там делает? Какие замыслы обдумывает он в тиши?..

— ...И не подумаю. Ты можешь взять себе пейзаж Коро, но Святого Себастьяна я не уступа!

Сестры Готлиб прошли мимо, споря о дележе дядошкиного наследства.

Зауер замолчал.

По дому раздались звонки, сзывающие всех в большой кабинет покойного хозяина.

Там уже сидел за письменным столом нотариус, сухонький бритый старичок, в очках в черной черепаховой оправе. Он был большой формалист и категорически отказался сообщить наследникам что-либо о содержании завещания до его вскрытия.

И теперь Готлибы с невольным волнением смотрели на толстый портфель нотариуса, скрывавший тайну наследства. Нотариус не спеша извлек из портфеля пакет, предъявил его для обозрения целостности печатей, вскрыл и начал читать.

По завещанию все имущество переходило брату покойного, Оскару Готлибу, с выделением довольно круп-

ной суммы фрау Шмитгоф и более мелких — старым служащим.

Готлибы вздохнули с облегчением, выслушав завешание до конца. Но их лица вдруг вытянулись, когда нотариус среди наступившей тишины сказал:

— Это первое завешание...

— Значит, есть и второе? — с тревогой спросил Оскар Готлиб.

— Есть, и я оглашу его, — ответил нотариус. После той же процедуры осмотра печатей он вскрыл и огласил и второе завешание, сделанное всего за месяц до смерти Карла Готлиба.

— «В отмену всех ранее составленных завещаний все принадлежащее мне благоприобретенное движимое и недвижимое имущество, в чем бы оно ни заключалось, завещаю в полную собственность служащей у меня стенографисткой Эльзе Глюк. По личным обстоятельствам, я не могу открыть мотивы, по которым я лишаю моих родственников наследства и передаю его Эльзе Глюк, но дабы первые не оспаривали судебным порядком завещанных ей прав у последней, укажу, что к этому побудили меня: 1) одна услуга, оказанная мне Эльзой Глюк, — услуга, о которой я не буду говорить, но ценность которой не покрывается даже оставленным капиталом, и 2) некоторые обстоятельства совершенно личного характера, заставившие меня вычеркнуть брата моего, Оскара Готлиба, из списков близких мне людей...»

Переведенное на доллары имущество наследователя, по предварительному подсчету, определяется в два миллиарда, — закончил нотариус.

Оскар Готлиб откинулся на спинку кресла. Глаза его стали мутны. Он со свистом дышал широко открытым ртом, нервно перебирая пальцами. Казалось, его поразил удар.

Сестры Готлиб, обнявшись, рыдали, склонив головы на плечи друг друга.

Рудольф побледнел так, что все веснушки, как брызги грязи, выступили на его лице.

— Не может быть!.. Не может быть!.. — вдруг закричал он истерически. — Ложь! Обман! Преступление!.. Мы этого так не оставим! Здесь все мошенники!

Нотариус пожал плечами.

— Молодой человек, будьте осторожны в словах.

Я выполнил только свой долг. Вы можете оспаривать завешание законным порядком, если находите его неправильным. А пока я принужден передать его наследнику.

Встав из-за стола, нотариус подошел к Эльзе Глюк и почтительно передал ей завешание.

Эльза подняла брови в полном недоумении и машинально взяла бумагу.

Ошеломленный Зауер устался на Эльзу. Эмма Фит не знала, радоваться ей или плакать. И только нотариус и Штирнер сохраняли спокойствие.

Вдруг Оскар Готлиб покачнулся и стал сползать с кресла. К нему бросились на помощь.

— Доктора!..

Поднялась суматоха.

IV. СЧАСТЛИВАЯ НЕВЕСТА

До утверждения завешания Карла Готлиба над его имуществом была учреждена опека, причем Оскар Готлиб добился того, что опекуном был назначен он. Поэтому Готлибы остались жить в доме покойного банкира, и молодой Рудольф Готлиб по-прежнему держался с независимостью будущего владельца, твердо надеясь, что правосудие «восстановит права законных наследников».

Выявление огромного имущества покойного требовало присутствия всех служащих. Поэтому на другой день после вскрытия завешания к работе вернулись все, не исключая и Эльзы.

— Вы?.. — удивленно встретил ее Зауер. — В качестве кого явились вы сюда?

— В качестве стенографистки, — просто отвечала она.

— Миллиардерши не служат стенографистками! — ответил он ей. Отведя Эльзу в сторону, Зауер сказал: — Прошу вас, присядьте... Нам с вами нужно серьезно переговорить...

Они уселись. Отто, бледный после бессонной ночи, тер лоб рукой, собираясь с мыслями.

— Со вчерашнего дня у меня в голове такой ка-

вардак, что я потерял способность связной речи. Или я подозревал Штирнера в преступлении неосновательно, или... или он опаснее, чем я думал... Но одно для меня ясно, что между мною и вами воздвигается неодолимая преграда... Вы уходите от меня, Эльза!

Эльза с недоумением и упреком посмотрела на него.

— Скажите мне искренно, Эльза, положи руку на сердце, вы ничего не знали о том... счастье, которое ожидало вас?

— Ничего не знала, — твердо отвечала Эльза.

— Но должны же вы знать по крайней мере о той вашей необычайной, — подчеркнул Зауер, — услуге Карлу Готлибу, которая оценена им выше всех его богатств?

— Насколько помню, никакой услуги я ему не оказывала.

Зауер опять приложил руку к своему разгоряченному лбу.

— От этого можно сойти с ума... Допустим, что тут замешан Штирнер, — впрочем, я уже сам не уверен в этом, — допустим, он как-нибудь повлиял на старика Готлиба, ловко убедил его в этой несуществующей услуге, которая будто бы обязывала Готлиба быть вам благодарным... Но почему Штирнер тогда не употребил завещание на свое имя? Или... — Зауер вдруг весь как-то выпрямился, и лицо его исказилось болью. — Простите, Эльза, но я должен задать вам еще один крайне щекотливый вопрос: может быть, между вами и Карлом Готтлибом были близкие...

Эльза встала возмущенная.

— Ну, ну, не буду, успокойтесь! Садитесь, прошу вас... Вы же видите, что я вне себя... Мне приходят в голову совершенно нелепые мысли. Ах, это такая пытка!.. Я должен сразу высказать вам все мои сомнения, они мучили меня всю ночь. Чего я не передумал!.. Я думал, может быть, вы... дочь Готлиба...

— Послушайте, Зауер, я сейчас же уйду, если вы...

— Или, может быть... — ха-ха-ха! — вы действуете заодно со Штирнером и являетесь только ширмой для него...

Эльза встала вторично, но Зауер взял ее за руку и насильно посадил.

— Садитесь! Вы должны это выслушать. Поймите, то, что я говорю вам так резко, открыто, в лицо, бу-

дут говорить и уже говорят за вашей спиной. Неужели вы не понимаете, что это завещание бросает тень на ваше доброе имя?

— Слушайте, Зауер, я люблю вас, — видите, я говорю вам это открыто, — но всякому терпению есть конец. Если в вас говорит даже безумие, то... я не переношу таких форм безумия. Кто дал вам право оскорблять меня безнаказанно?

— Право, право! Кто дал право подвергать меня пыткам ужасных подозрений... Откуда они? — Зауер замолчал и устало опустил голову.

Эльзе стало его жалко. Она ласково коснулась его руки и тихо сказала:

— Никто вас не подвергал пыткам, вы сами мучаете себя. И для чего? Ведь поймите, Отто, что в наших отношениях ничего не изменилось, и я не понимаю, о какой стене вы говорите.

— Как, ничего не изменилось? А миллионы, миллиарды Карла Готлиба! Вы одна из самых богатых женщин в стране, а я... У меня своя, мужская гордость. Я беден и не хочу, чтобы про меня говорили, что я женился на деньгах. Деньги! Разве это не стена?

— Да кто вас убедил в том, что эта стена из мешков с золотом будет стоять между нами? Никакой стены нет и не будет!

Отто Зауер смотрел на Эльзу, еще не понимая, но уже чувствуя облегчение.

— Что вы хотите сказать, Эльза?

— Да то, что совсем не надо быть юрисконсультom Отто Зауером, не спать ночей, доводить себя до помешательства, чтобы понять всю неловкость получения этого наследства. Я и не думаю принимать дара Карла Готлиба. Я откажусь от прав на наследство, вот и все.

— Эльза! Вы! — Зауер крикнул так громко, что Эмма Фнт, работавшая в другом конце комнаты, прекратила свою трескотню на машинке.

— Что с вами, Зауер? Вы меня испугали.

— Ничего, фрейлейн, это от радости, оттого, что я вдруг стал богат! Богат безмерно!..

— Значит, вы женитесь на Эльзе? — по-своему поняла Эмма и бросилась целовать смеющуюся подругу и поздравлять сияющего Зауера.

— Что это за семейная сцена! С чем вас поздравля-

ют? — вдруг услышали они голос вошедшего в комнату Штирнера.

— Такое счастье! Эльза выходит замуж за Зауера!.. И они будут безмерно богаты! — воскликнула Эмма, обращаясь к Штирнеру.

— Это правда? — спросил Штирнер.

Эльза и Зауер переглянулись.

Эльза помедлила несколько мгновений и потом твердо сказала:

— Да, это правда. Можете нас поздравить.

Зауер был так счастлив, что крепко пожал протянутую Штирнером руку.

— Ну что ж, поздравляю вас, мои будущие хозяйка, если, впрочем, вы пожелаете воспользоваться моими услугами. А если нет, всего хорошего! Чемодан на плечи, собираю своих собак и отправляюсь с бродячим цирком... Делать нечего, придется искать другую кассиршу... Может быть, куколка согласится? Эмма, вы согласны? Что с вами, деточка? Вы плачете?

— Это... от... радости! — проговорила Эмма.

— Так ли? — смеялся Штирнер. И, погрозив ей пальцем, он сказал: — Куклы также должны уметь скрывать свои чувства. Признайтесь, вам немножечко жалко Людвига, а? Чутьочку любили его, а?..

Вошел лакей.

— Господин Готлиб-старший просит господина Отто Зауера в кабинет.

Зауер кивнул головой Эльзе и неохотно вышел из комнаты. Оставшись наедине с Эльзой, Людвиг Штирнер вдруг стал серьезным.

— Это решено, фрейлейн Глюк?

— Да, это решено.

Штирнер задумался. Потом спросил:

— А я? Я не имею у вас ни малейших шансов на успех?

— Теперь меньше, чем когда-либо... Послушайте, Штирнер, вы, как мне кажется, единственный человек, который может рассеять туман во всем этом деле. Ответьте мне на несколько вопросов.

— Я вас слушаю.

— Можете ли вы объяснить мне тайну завещания?

— Она умерла вместе с Карлом Готлибом.

— Этот ответ не совсем удовлетворяет меня. И еще один, самый тяжелый вопрос: существует ли связь...

между составлением завещания и внезапной смертью Карла Готлиба?

— Самая тесная: как только умер Готлиб, стало возможным предъявить завещание к утверждению и вступить в права наследства, — это вам скажет каждый юрист.

— Или вы не хотите меня понять...

— Или вы из деликатности выражаетесь слишком туманно. Говорите прямо: не являюсь ли я виновником смерти старика?

Эльза покраснела.

— Вы сами виноваты, Штирнер. Помните, вы называли честность пороком... И мне трудно примириться с мыслью, что среди знакомых, которымжимаешь руку...

— Есть рука, обогретьная кровью невинного младенца шестидесяти лет? И с такими руками я осмеливаюсь просить вашей руки...

— Послушайте, Штирнер, где же вы? Так нельзя. Мы давно ждем вас, — проговорил Оскар Готлиб, появляясь в дверях комнаты.

Штирнер неохотно поднялся и вышел.

— О чем он с тобой так долго говорил? — подбежала к Эльзе любопытная Эмма.

— Он мне предлагал руку, сердце и земной шар в виде свадебного подарка.

— И что же? Два предложения в один день! Счастливая!

— Эмма, ты знаешь, я отказалась от наследства, — сказала Эльза.

Эмма широко раскрыла свои глаза.

— Ну, и ты не умней Штирнера!..

V. ЗАПУТАННАЯ ИСТОРИЯ

Оскар Готлиб не умер, но неожиданная потеря наследства, которое ушло из его рук, потрясла его старый организм. С осунувшимся, почерневшим, опухшим лицом сидел он в кабинете известного адвоката Людερса и говорил, склонив голову набок и нервно покручивая в руках карандаш.

— Это дело о наследстве — какая-то сплошная чертовщина и нелепица. Может быть, мой сын Рудольф прав, утверждая, что тут одна шайка. Шайка преступников или сумасшедших. Судите сами. На другой день после вскрытия завещания я пригласил к себе Отто Зауера, юрисконсульту моего покойного брата, чтобы переговорить с ним о деле. Зауер, как близкое доверенное лицо покойного Карла, мог, как мне казалось, пролить свет на эту невероятную историю завещания. Но Зауер или действительно ничего не знал об изменении завещания, или не хотел мне говорить правды. Зато Зауер неожиданно сообщил мне другую новость, что Эльза Глюк отказывается от наследства. Я вызвал к себе Глюк, и она подтвердила это. У меня как камень свалился с сердца.

Не прошло, однако, нескольких дней, как завещание было предъявлено в суд к утверждению тем же Зауером по доверенности Эльзы Глюк. «Что же вы делаете?» — спросил я его. Зауер пожал плечами: «Наследница изменила свое намерение».

— А Эльза Глюк? С ней вы говорили еще раз? — спросил адвокат, попыхивая сигарой.

— Говорил. Она произвела на меня странное впечатление. Какое-то каменное спокойствие на лице, тусклый взгляд, вялые движения, будто она не выпалась. «Фрейлейн Глюк, — говорю ей, — ведь вы же отказались от завещания?» — «Не знаю, не помню... может быть», — вяло ответила мне она. «Так зачем же вы подали завещание к утверждению?» Она удивленно смотрит на меня и молчит, молчит как убитая. Так я мучился с ней около часа. А потом она вдруг поднялась и, ни слова не говоря, вышла.

— Может быть, она изменила свое решение под влиянием жениха? — спросил адвокат. — Ведь Зауер ее жених?

— Я тоже так думаю. Но удивительно, что и этот жених тоже выглядит каким-то помешанным. Он мрачен как туча, будто получение его невестой огромного наследства — страшное несчастье. Зауер мрачен, зол и раздражителен. Или он хороший актер, или они все там помешались...

— Но как бы то ни было, — продолжал Оскар Готлиб, положив карандаш в карман и тотчас вынув его

обратно, — завещание предъявлено, и надо бороться. Как ваше мнение, господин адвокат?

Людерс откинул на спинку кресла голову без единого волоска на розовом черепе и, следя за тающим кольцом дыма, начал говорить, как бы рассуждая сам с собой:

— Опровергнуть завещание в исковом порядке по формальным основаниям нельзя: завещание совершенно нотариальным порядком, с соблюдением всех законных требований. Протоколом судебного и полицейского дознания установлено, что смерть Карла Готлиба явилась результатом несчастного случая, исключаящего злой умысел. Что же остается нам? Доказать ненормальность завещателя в момент составления завещания. Это единственный, но и весьма шаткий путь...

Пустив новое колечко дыма, Людерс обратился к Оскару Готлибу:

— Скажите мне по чистой совести, каковы были у вас отношения с покойным братом? Не было ли у вас... э... э... размолвок, неладов?

— Никаких! — решительно ответил Оскар Готлиб.

— Но этот намек во втором завещании?

Оскар Готлиб покраснел и заерзал на стуле.

— Этот намек! Поймите, что этот намек и служит главной причиной моего желания предъявить иск о недействительности второго завещания. Этот намек позорит меня. Если нелегко примириться с лишением прав на наследство, то еще тяжелее примириться с этой инсинуацией покойного... Я не знаю, чем она вызвана, но здесь какое-то недоразумение. Возможно, что кто-нибудь злонамеренно очернил меня в глазах брата.

— Да, запутанная история... Постараюсь сделать все, что можно, но за успех ручаться трудно.

И, пустив третье колечко дыма, знаменитый адвокат перешел на более легкую и приятную для него тему о гонораре.

VI. СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Судебный процесс Оскара Готлиба с Эльзой Глюк возбудил большой шум. Головокружительный гонорар,

который должен был, в случае выигрыша дела, получить знаменитый адвокат Людерс, огромная сумма, оставленная Готлибом по завещанию, неожиданность его посмертной воли, красота новоявленной наследницы, внезапная смерть Готлиба через месяц после составления завещания — все это служило неисчерпаемой темой для газетных заметок и в еще большей степени для обывательских разговоров. Высказывались самые невероятные предположения, велись горячие споры, заключались пари. Больше всего интересовались взаимными отношениями братьев Готлиб, а также отношением Эльзы Глюк к Карлу Готлибу и Зауеру. Какие нити связывали этих людей? Что произошло между Оскаром и Карлом Готлибом? Почему покойный лишился наследства своего брата? Этот вопрос интересовал и суд.

Иск Оскара Готлиба, построенный умелой рукой адвоката Людерса, основывался на том, что завещатель в момент завещания не находился «в здравом уме и твердой памяти». К доказательству этого были приложены все старания. Труп Карла Готлиба потревожили и лучшие профессора произвели анатомирование мозга. В представленном по этому поводу в суд протоколе были очень подробно описаны вес, цвет мозга, количество мозговых извилин, начинающийся склероз, но основная задача была не решена.

Сделать прямые выводы о психической ненормальности Карла Готлиба эксперты не решались, хотя — не без влияния Людерса — и нашли «некоторые аномалии».

Но у Людерса про запас имелись еще хорошо подготовленные свидетели. С ними Людерсу оказалось управиться легче, чем с экспертами. Карла Готлиба, стоявшего во главе огромного дела, окружало много людей. Среди них не трудно было набрать свидетелей, готовых дать за приличное вознаграждение какие угодно показания. Руководимые опытной рукой, свидетели приводили много мелких случаев из жизни покойного, которые подтверждали мысль о том, что Карл Готлиб, возможно, был ненормален.

Главный бухгалтер рассмешил публику, описав одну странность покойного: его чрезмерное, доходящее до мании, увлечение рационализацией. Карл Готлиб, например, устроил особый лифт, на площадке которого

было установлено кресло, стоящее у его письменного стола. Лифт соединял три этажа. Готлиб нажимал кнопку, и из своей квартиры, находящейся во втором этаже, проваливался в первый, где помещался банк. Подписав бумаги или лично повидавшись с нужным клиентом, он возносился на своем кресле, подобно театральному божеству, во второй этаж, прямо к столу и продолжал начатую работу.

Готлиб не любил, чтобы во время его работы являлись слуги или служащие. «Это расстраивает работу мыслей», — говорил он. Поэтому по всему дому были проведены особые движущиеся бесконечные ленты — транспортеры. Если Готлибу нужна была книга из библиотеки или стакан кофе, он заказывал нужную вещь по телефону, и на бесшумно двигающейся ленте транспортера к его столу подъезжали поднос со стаканом кофе, книга, ящик с сигарами.

— Его увлечение гигиеной также граничило с манией, — говорил один из свидетелей. — Во всех комнатах были расставлены термометры, гигрометры и сложные аппараты, определяющие состав воздуха и очищающие его. Готлиб не признавал обычной вентиляции: «Наружным воздухом, отравленным пылью и бензиновой гарью, не очистишь воздух в доме», — говорил он. И воздух очищался химически. Специально приставленное лицо следило за тем, чтобы температура неизменно стояла на двенадцати градусах Цельсия: летом она искусственно охлаждалась до этого предела, чтобы воздух был не сух и не влажен, чтобы в нем не убывал кислород и не появлялась углекислота; воздух искусственно озонировался.

Новые, более покладистые или лучше оплаченные Людерсом, эксперты-психиатры, на основании этих показаний, дали свое заключение с мудрым названием психоза покойного Готлиба. Дело начало явно склоняться в пользу Оскара Готлиба. Оставался только один вопрос, осложнявший решение суда, — отношение Карла к Оскару. Правда, и по этому вопросу ряд свидетелей дал благоприятные показания, подтвердив наличие «братских чувств» между Карлом и Оскаром. Но разрыв между братьями мог произойти на какой-нибудь интимной почве, неизвестной даже близким людям. К счастью для Оскара, доказать существование происшедшей между братьями ссоры никто не мог. Лю-

дерс уже предвкушал победу, мысленно распоряжаясь крупным гонораром. Дача в Ницце... Новый автомобиль... Мариэтт... Людерс улыбнулся и сощурил глаза, как кот. Ради этого стоило повозиться с экспертами и свидетелями!.. Людерс старался вовсю, внося в дело свои недюжинные способности и ораторский талант.

В тот день, когда суд должен был вынести решение, огромный зал суда не мог вместить всех желающих услышать приговор. Любопытные искали глазами Эльзу Глюк, но ее не было. Зауер защищал ее интересы.

Людерс превзошел себя и произнес блестящую речь. Он тонко анализировал показания свидетелей и экспертов, делал неожиданные сопоставления и выводы, блестяще отпарировал выступление мрачного Зауера.

Несколько раз остроумные замечания Людерса покрывались аплодисментами публики, в большинстве, видимо, стоявшей на стороне «законных наследников», то есть Оскара Готлиба. При всей внешней беспристрастности судей было видно, что и они склоняются в пользу Готлиба.

— Что касается отношений покойного Карла Готлиба к моему доверителю, Оскару Готлибу, — сказал в конце своей речи Людерс, — то, каковы бы они ни были, какое значение могут иметь симпатии и антипатии душевнобольного? Зауер говорит, что Карл Готлиб вел крупное дело. — Людерс пожал плечами. — История знает примеры, когда безумные короли управляли огромными государствами, и народ даже не догадывался об этом...

Часть публики зааплодировала. Председатель суда позвонил в звонок.

В этот момент со своего места поднялся Оскар Готлиб. Он имел какой-то сонный вид. С безжизненным лицом, волоча ноги, он равнодушно подошел к столу, за которым сидели судьи, и вяло сказал:

— Прошу слова.

Наступила глубокая тишина.

Как бы что-то припоминая, с трудом подбирая слова, Оскар Готлиб проговорил:

— Неверно... Неверно говорил Людерс. Карл был нормален и здоров. И Карл по заслугам лишил меня наследства. Я виноват перед ним.

Зал напряженно затих. Людерс растерялся, потом

бросился к Оскару Готлибу и с раздражением дернул его за рукав.

— Что вы говорите? Опомнитесь! Вы губите все дело! Вы с ума сошли, — шипел он, задыхаясь, на ухо старнику.

Оскар отдернул руку и с неожиданным раздражением крикнул:

— Что вы тут шепчете? Не мешайте! Уйдите! Я виноват перед Карлом... Я не могу говорить, в чем моя вина... Это дело семейное... Но это и неважно...

Даже судьи были поражены.

— Но отчего же вы только теперь говорите об этом? — спросил председатель суда.

— Потому теперь... потому... — Готлиб задумался, как бы потеряв мысль, потом продолжал: — Потому что я не знал, что некоторые обстоятельства стали известны покойному брату. Я узнал об этом только сегодня. Не я, а Эльза Глюк заслужила это завещание.

Судебный зал вдруг зашумел как прорвавшаяся плотина. Звон колокольчика председателя заглушался поднимающимися криками, Людерс был бледен; покачиваясь, подошел он к пюпитру и дрожащей рукой налил воды. Стакан звенел о зубы, и вода пролилась на грудь.

Зауер казался удивленным не менее других.

А Рудольф Готлиб, красный, разъяренный, бросился к отцу и, тряся его за плечи, что-то кричал. Но Оскар был безучастен ко всему. Тогда Рудольф подбежал к судебному столу и, потрясая кулаками, покрывая шум зала, закричал:

— Неужели вы не видите, что он сошел с ума? Тут все или сумасшедшие, или преступники... Я этого так не оставлю!

Суд прекратил заседание. Председатель приказал очистить зал.

ВИ. ПРОПАВШИЙ НАСЛЕДНИК

В иске было отказано, завещание утвердили. Эльза Глюк становилась наследницей.

Ни Рудольф, ни Людерс, у которого сорвался ог-

ромный гонимый, не хотели примириться с этим. Но как быть? Освидетельствовать Оскара Готлиба, признать его ненормальным и учредить над ним опеку в лице Рудольфа, чтобы иметь возможность апелляции?

Дело осложнялось тем, что Оскар тотчас после суда исчез бесследно. Заочно объявить его недееспособным не представлялось возможным. Рудольф залезал в долги, швыряя деньги на поиски пропавшего отца, обещал крупную награду. Но отец не находился. Срок для обжалования близился к концу.

В отчаянии Рудольф бросился к Эльзе Глюк. Она еще не перебралась в дом Карла Готлиба, переходивший к ней по завещанию, но пунктуально являлась туда, не прекращая работы. В комнате личного секретариата Штирнер что-то диктовал ей, она записывала. Могло показаться странным, что она сидит за прежней работой, но Рудольф был в таком состоянии, что не обращал ни на что внимания.

— А, молодой человек, ну как ваши дела? — спросил его Штирнер с улыбкой.

— Это вас не касается, молодой человек, — с раздражением ответил Рудольф, — мне нужно переговорить с фрейлейн Глюк! — и Рудольф вспросительно посмотрел на Штирнера, как бы приглашая его выйти. Штирнер прищурил один глаз.

— Кон-фи-денциально? Пожалуйста! — и он вышел.

Рудольф, взъерошив волосы, стал бегать по кабинету:

— Фрейлейн!.. Фрейлейн!.. — начал он и вдруг, закрыв лицо руками, заплакал навзрыд.

— Что с вами? — спросила Эльза, растерявшаяся от такой неожиданности.

Рудольф подбежал к ней, бросился на колени и, ломая руки, стал просить прерывающимся от слез голосом:

— Умоляю вас!.. Не губите меня. Откажитесь от наследства! Ну на что оно вам? То есть оно громадно, кто же откажется от богатства? Но ведь оно не для вас, я хочу сказать, вы ни при чем, оно к вам пришло неожиданно. Ах, у меня мысли путаются... А я?.. Я ведь только и жил мыслью об этом... Отец скопидом, дрожит над каждым грошом. Я наделал столько долгов... Вы! Почему вы? С какой стати вы? Ведь это же нелепо, ни с чем не сообразно, чудовищно! Ведь это...

я не знаю, что говорю, но вы поймете, поймете и пожалеете меня... Откажитесь от наследства, иначе... я покончу с собой.

— Я не могу этого сделать, — спокойно ответила Эльза.

— Как не можете? Кто же вам может помешать? Разве вы не отказывались от него?

— Я не помню...

— Сжальтесь, сжальтесь, умоляю! Иначе я... покончу с... да, я уже говорил об этом... — Рудольф вскочил и, трепля рукой свою рыжеватую шевелюру, вновь забегал по комнате. Он казался безумным. Вдруг он остановился и, уставив взгляд в одну точку, сжал левой рукой подбородок.

— Проклятие! Проклятие этим рыжим волосам, этому веснушчатому лицу! — и он дергал себя за волосы и бил по щекам. — Если бы я был хоть красив... А вы, вы прекрасны... Если бы вы, если бы я... если бы я сделал вам предложение?

Эльза улыбнулась. Раскрасневшийся, с взлохмаченными рыжими волосами, он был необычайно смешон в эту минуту.

— Благодарю вас, но у меня есть жених.

— Конечно, чепуха. Я просто с ума схожу и выбалтываю свои мысли. Вы прекрасны, но не вы, ваше богатство нужно мне. Я, однако, не мог думать, чтобы такая красота могла быть такой недоброй и... корыстной! — добавил он желчно после короткой паузы.

Эльза нахмурилась.

— Я не корыстна.

— Тогда что же мешает вам отказаться от наследства и сделать меня и моих сестер счастливейшими людьми?

Подбежав к ней, он вдруг схватил ее за руку и, глядя прямо в глаза, со всей силы ненасытного желания, задышавшись, молвил:

— Откажитесь! Откажитесь! Откажитесь!..

По спокойному лицу Эльзы прошла тень. Брови нахмурились, в ней как будто поднималась борьба.

Рудольф, несмотря на все свое волнение, заметил это и начал просить с удвоенной силой.

Но в тот момент лицо Эльзы вновь приняло спокойное выражение, веки полузакрылись, и она тихо, но решительно сказала:

— Пустите, — высвободила руки и, ни слова больше не говоря, пошла к двери.

— Куда же вы? Подождите! — Рудольф бросился за Эльзой, пытаясь ухватить ее за руку. Но в этот момент дверь комнаты открылась, вбежала собака и с угрожающим ворчаньем стала между Рудольфом и Эльзой. Вслед за собакой появился Штирнер.

— Э, это уж нехорошо! — сказал он. — Кто же хватает за руки чужих невест?

Рудольф стоял, дрожа как в лихорадке, и мерил Штирнера недружелюбным взглядом. Штирнер спокойно и насмешливо смотрел на него.

Рудольф топнул ногой, быстро повернулся на каблуках и выбежал из комнаты. Прыгнув в автомобиль, он стал бормотать, как в бреду:

— Все погибло! Все погибло!..

— Куда прикажете? — спросил шофер.

— Все погибло! Все погибло! К Людерсу...

С этими же словами «все погибло!» он вбежал в кабинет Людерса, не обращая внимания на клиентку, которая сидела у адвоката.

— Людерс! Все погибло!.. Она отказала... Эльза отказала по всем пунктам, этого и надо было ожидать... Завтра истекает срок на подачу апелляции. Отец пропал... Если бы мы хоть знали, что он умер... Но нет, и тогда было бы поздно!.. Опекун не учредишь в несколько часов... Все погибло... Остается одно: подать апелляцию... Доверенность моего отца на ваше имя не уничтожена...

— Но это безнадежно при наличии в деле заявления Оскара Готлиба.

— Все равно, подавайте!.. Может быть, отец найдется к тому времени, когда дело будет пересматриваться.

Людерс пожал плечами, но подумал, что, пожалуй, это и верно. Главное — не пропустить срока, а там обстоятельства могут повернуться иначе.

Апелляция была подана. Но Оскар Готлиб по-прежнему не подавал о себе никаких вестей. Все способы проволок были исчерпаны, дело было проиграно Готлибами во всех инстанциях.

Эльза Глюк вступила в права наследства.

VIII. СТЕКЛЯННЫЙ ДОМ

Увлечение покойного банкира рационализацией сказалось и на архитектуре его дома, построенного по последнему слову американизированной строительной техники. Красота этой новой архитектуры определялась новым каноном: утилитаризмом. Весь огромный, растянутый в длину трехэтажный дом Готлиба был сделан из железа, стекла и бетона и внешне был скучно прямолинейен, как разграфленный лист грессбуха. Ни одной радующей глаз кривой линии, ни одного украшения. Огромные стекла во всю стену придавали дому вид какого-то гигантского аквариума. Казалось, стекла были слишком хрупкой защитой для миллионов, которыми ворочал банк Готлиба. Но «золотые рыбки» этого аквариума хранились глубоко на дне его — в подземном этаже. Сталь и бетон этого казнохранилища способны были выдержать налет не только земных, но и воздушных бандитов. Сотни автоматических звонков и световых сигналов, особые перископы, дающие возможность находящимся в первом этаже сторожам видеть, что делается в подвале, автоматически захлопывающиеся двери, электрические заградители и киноаппараты обрекали на неудачу всякую попытку проникнуть сюда силой или хитростью. В свое время Готлиб не мало бросил денег на то, чтобы через репортеров, описывающих все эти чудеса заградительной техники, оповестить весь мир о неприступности его банковской твердыни и отбить охоту любителей легкой наживы проникнуть в подвалы.

И действительно, за десять лет был только один случай покушения, и он окончился очень плачевно для смельчаков: двое взломщиков, лучшие специалисты своего дела, были захлопнуты автоматической дверью, как мыши в мышеловке.

Автоматически приведенный в действие киноаппарат заснял это происшествие, и картина демонстрировалась по всех кинематографах, как образец наказанного порока. Правда, злые языки утверждали, что все это ограбление было инсценировано самим Готлибом, принявшим, за приличное вознаграждение, известных «артистов» уголовного дела и обещавшим им выход на свободу, когда шум вокруг дела утихнет, но тем

не менее картина возымела действие. Банкир и его вкладчики спали спокойно.

В первом, надземном, этаже помещался банк со всеми его отделениями. Здесь же помещались вооруженные сторожа, в которых, в сущности, не было и нужды. Но банкир содержал довольно большой штат их «для декорации».

Квартира Готлиба помещалась во втором этаже, где середину занимали гостиная, приемная, личный секретариат и кабинет. Правый конец здания был разделен на две комнаты, соединенные с кабинетом; в одной помещалась спальня Готлиба, в другой жил Штирнер. Эти комнаты Штирнер держал всегда на запоре, не допуская туда служащих даже для уборки. В левом же конце этажа помещался «зверинец» Штирнера: его ученые собаки, волки, свиньи, кошки и медведь. Все они жили совместно в трогательном единении. Бросив ученую карьеру, Штирнер продолжал «полюбовительски», как говорил он, изучать психологию животных.

Почти две трети верхнего, третьего, этажа, его середину, занимала картинная галерея — гордость Готлиба и предмет шуток и острот знатоков. Здесь в таком же трогательном единении, как звери Штирнера, бок о бок уживались подлинный Андреа дель Сарто с грубо поддельным Корреджио, мазня неизвестного дилетанта с карандашным рисунком Леонардо да Винчи. Все картины были расставлены на станках, расположенных в ряд перпендикулярно стеклянным стенам; Готлиб называл это «рационализацией освещения». Середина зала была пуста, если не считать стоявшего на помосте рояля. Для торжественных обедов приносились из кладовых какие-то замысловатые раскладные рационализированные Готлибом столы, которые в сложенном виде занимали очень мало места, но собрать их было истинным мученьем: слуги выходили из себя, когда им приходилось складывать бесконечные кусочки, доски, бруски... Эта работа напоминала китайскую головоломку. Отдельные части, неверно пригнанные, рассыпались, не слушались, не входили в пазы. Слуги нервничали, Готлиб еще больше.

— Ну как же вы не понимаете? Это так просто! — и он подбегал сам, складывал, выдергивал, подставлял, ронял, ушибался и сердился больше всех

Теперь с этим было покончено. Столы мирно почивали в разобранном виде, как и их разобранный на части несчастный хозяин. Зал был пуст. Поэтому приятно было отсюда войти в смежный зимний сад. Широкие листья пальм покрывали большой аквариум. Вьющиеся растения оплетали искусственный грот. Яркие орхидеи радовали глаз пестротой красок.

Уютные диванчики между лаврами и цветущими олеандрами давали возможность отдохнуть и послушать певчих птиц, летавших на свободе.

К другому концу зала примыкала библиотека, которая находилась под двумя кабинетами Готлиба, помещавшимися во втором и первом этажах. Все эти три комнаты соединялись лифтом с установленным на нем креслом. В библиотеку, состоявшую исключительно из роскошных изданий в дорогих, тисненых золотом переплетах, Готлиб любил «взлетать» на своем подъемном кресле после работы, чтобы выкурить здесь сигару. Но книг он не читал. Изредка вынимал он какую-нибудь из них, раскрывал и разглядывал рисунки.

— Маки-домовой, *Tarsus spectrum*... бывают же такие несуразные животные! Прямо в очках! Фу, гадость, еще во сне приснится! — и он захлопывал книгу и сладко потягивался после трудового дня.

Две крайние комнаты пустовали. Одна из них находилась над спальней покойного Готлиба, другая — над комнатой Штирнера.

В эту последнюю комнату Штирнер ввел Эльзу, когда осмотр дома был закончен.

— Вот и все ваши владения. Я думаю, что вам здесь будет хорошо. Здесь много света и воздуха, как, впрочем, и во всем доме, недаром у вашего завещателя был такой прекрасный, свежий вид и румяные щеки.

При упоминании о завещателе Эльза вздрогнула, и легкая тень пробежала по ее лицу.

Штирнер нахмурился.

— Эльза, — серьезно сказал он, — неужели все это вас не радует? Ведь вы сейчас одна из богатейших женщин в мире. Вы можете исполнить всякий ваш каприз. Если вам не нравится этот дом, вы можете остановиться в любом из двадцати шести домов, принадлежащих вам теперь в городе, вы можете жить на ваших виллах в Ницце, в Ментоне, в Оспидалетти, на Майорке, в Алжире, я уж не псню где... — О чем-то

подумав, он продолжал: — Но вам здесь должно понравиться.

— Да, мне здесь должно понравиться, — как эхо прозвучал ответ Эльзы.

— В соседней комнате будет помещаться ваша прислуга. В этой комнате, как и везде, электрических звонков больше, чем в мебели обойных гвоздиков, а телефонов еще больше, чем звонков... Не сходя с кресла, вы можете потребовать все что угодно. Чашка кофе сама подъедет к вам на транспортере... До скорого свидания!

Когда он ушел, Эльза устало опустилась в кресло и, склонив голову, закрыла лицо руками. Где-то далеко пробили часы, и звон их гулко разнесся по пустому залу.

Эльза долго сидела неподвижно.

Она думала о своей жизни, так странно сложившейся. Дочь бедных родителей, круглая сирота, она рано узнала нужду. Еще девочкой она была необычайно красива. Эта красота принесла ей в жизни много радостей и много горя. Одна состоятельная старушка, фрау Беккер, одинокая вдова, увидя в приюте красивого ребенка, взяла девочку к себе. В то время Эльзе было двенадцать лет. До семнадцати она прожила у фрау Беккер. Эти пять лет были лучшими в ее жизни. Старушка любила ее, даже баловала, дала хорошее образование, и Эльза привязалась к ней, как к матери. Но старушка неожиданно умерла, не оставив завещания. Родственники бросили Эльзе подачку в такой оскорбительной форме, что она отказалась от их помощи и взялась за работу. Прошло два тяжелых года, в продолжение которых ей пришлось узнать свет с неприглядной стороны.

При ее красоте ей не трудно было получить место в магазине, и она находила эти места, но быстро бросала их из-за слишком открытых признаний ее красоты со стороны хозяев. Она решила перейти на другую работу. Вечерами изучала она стенографию, и когда изучила, ей посчастливилось поступить к Готлибу. Здесь же она познакомилась с Зауером и полюбила его за одно то, что он с уважением относился к ней и был всегда корректен и выдержан.

Получение наследства выбило ее из колеи.

Она никак не могла понять, как и почему она при-

няла наследство, после того как решила отказаться от него.

— Почему? Почему? — спрашивала она себя.

Вдруг лицо ее стало спокойным. Глаза полузакрылись. Так она просидела несколько минут. Наконец она вздохнула полной грудью, как человек, вышедший из душного помещения на свежий воздух. С удивлением она чувствовала, что от ее смутной тревоги и тоски не осталось следа. Она встала, сладко потянулась, как бы разминая затекшие члены, и с любопытством осмотрела комнату.

— Право, здесь очень занятно. Какой интересный рисунок на ковре! А сколько света! Как легко дышится!

Она глубоко вздохнула и с новым чувством какого-то обостренного любопытства стала осматривать свое новое помещение: библиотеку, картинную галерею и чудесный зимний сад.

— И это все мое!..

В первый раз она подумала: «А ведь Штирнер прав! Какая я счастливая!..»

IX. ПЯТЬДЕСЯТ ПРОЦЕНТОВ ПРИБАВКИ

Штирнер, оставив Эльзу, быстро спустился во второй этаж. В комнате личного секретариата он застал Зауера, Эмму Фит и старушку экономку фрау Шмитгоф.

Зауер смотрел на него недружелюбно, Фит и Шмитгоф — с тревогой.

После того как Эльза Глюк стала полноправной хозяйкой, все они не знали, как сложатся их дальнейшие отношения.

— Здравствуйте, господа! — оживленно сказал Штирнер. — Я от новой хозяйки! Не беспокойтесь ни о чем: мы все останемся, я уже говорил с Эльзой... фрейлейн Глюк... Работы у нас теперь будет много... Наша прекрасная хозяйка не знакома с банковским делом, и из нас — главным образом на меня и вас, Зауер, — выпадает тяжесть управления делами банка Эльзы Глюк.

— Прошу за меня не решать и не определять моих обязанностей. — желчно сказал Зауер.

— Да... Но как же иначе? Ну, мы еще поговорим. Меня ждет одно неотложное дело.

Штирнер быстро прошел в кабинет, что-то написал на письменном столе Готлиба, спрятал написанное в ящик стола, запер на ключ и прошел в свою комнату. Скоро он вышел обратно и вновь уселся за письменный стол Готлиба.

В кабинет вошла Эльза, а вслед за ней явились Зауер, Фит и Шмитгоф.

Эмма и экономка благодарили Эльзу за то, что она оставляет их у себя.

— А! Фрейлейн Глюк, очень рад, что вы пожаловали ко мне! — сказал Штирнер. — Как вы чувствуете себя?

— Благодарю вас, хорошо.

— Вам понравился дом?

— Очень! — ответила она оживленно. — Весь верхний этаж залит солнцем. Кажется, будто плаваешь в солнечном океане. А этот зимний сад — очаровательный уголок. Право, нет нужды ездить в Ниццу, имея недалеко это зеленое убежище!

— Отлично! Значит, все в порядке? — весело улыбнулся Штирнер.

На Зауера неожиданное оживление и жизнерадостность Эльзы произвели обратное впечатление. Он насторожился, подозрительно посмотрел на нее и стал кусать губы.

— А теперь будьте любезны снять с ваших плеч деловую обузу, — сказал Штирнер. — Согласно вашему желанию, я заготовил полную доверенность на мое имя... Будьте добры подписать ее.

Зауер, Шмитгоф и даже наивная Фит были удивлены. Всем казалось естественным, что доверенность будет дана Зауеру — жениху Эльзы, или по крайней мере управление делами будет разделено между ним и Штирнером.

— Да, да. — охотно ответила Эльза и взяла перо.

— Одну минутку! — Штирнер позвонил, и в комнату вошел старичок нотариус с двумя свидетелями.

— Извините, — встретил его Штирнер, — что мы беспокоим вас, приглашая, по старой памяти, на дом...

Старичок любезно закивал головой.

Эльза подписала доверенность. В несколько минут формальности были закончены.

— Надо, чтобы все было по форме. Благодарю вас! Вы свободны, — сказал Штирнер.

Нотариус, Фит и Шмитгоф вышли.

— Вы, Зауер, остаетесь юрисконсультom. Но наш новый банкир добрее старого и увеличивает ваше жалованье на пятьдесят процентов. Вы так, кажется, распорядились?

— Да, да! — ответила Эльза.

— Благодарю вас за честь, но я отказываюсь от ваших прибавок и от места... — ответил позеленевший Зауер.

— Но почему, Отто? Ты шутишь! — спросила Эльза, глядя на жениха.

— Ну, вы тут договаривайтесь с хозяйкой, а мне некогда. Надо спуститься в банк, благо старик Карл изобрел такой хороший способ сообщения.

И, нажав кнопку, Штирнер провалился в люк.

— Ты шутишь, Отто? — повторила Эльза, оставшись одна с Зауером, и ласково прикоснулась к его руке.

Зауер брезгливо отдернул руку и поморщился.

— Не знаю, кто из нас шутит... Мне кажется, что вы, фрейлейн Глюк...

— Отто!..

— Но только ваши шутки похожи на издевательство... издевательство над человеческим достоинством, любовью, доверием, дружбой.

Зауер заговорил с обидой в голосе.

— Эльза! Что с тобой, Эльза? Ты уверяла меня, что откажешься от наследства, и ты обманула меня... Зачем?

— Отто, но разве ты не понимаешь, что так надо было? И не ты ли сам выступал на суде от моего имени?

— Да, я выступал... Я не знаю, почему я выступал... Это какое-то бесовское наваждение... Впрочем, ты просила меня и я сделал... Ведь я ни в чем не могу отказать тебе... Но ты? Ты обманула меня! Ты стала миллионершей и опять разбудила во мне всех демонов сомнений, которые терзают меня. Это наследство позорит тебя, пятнает нашу любовь. И это еще не все: ты вдруг выдаешь доверенность Штирнеру!.. Какие новые черные подозрения пробуждаешь ты?.. Ты с

ним заодно. Ты... близка ему! Ты соучастница его преступлений. Ты дурачила меня как мальчишку.

— Отто!

— Молчи! Неужели ты не понимаешь, что вокруг твоего имени сплетут легенды, тебя смешают с грязью, и эта грязь долетит сюда с улиц, в эти золотые хоромы — они не защитят тебя. Ты живешь с ним в одном доме, ты...

— Успокойся, Отто, умоляю тебя!

— Нет, не успокоюсь!. Тебе всего этого оказалось еще мало. Ты хочешь унижить меня, предлагаешь пятьдесят процентов прибавки. Ха-ха-ха!.. Любовь и достоинство за пятьдесят процентов!

Зауер закатился истерическим смехом и не мог сдержаться.

Потрясенная Эльза беспомощно смотрела на него. В ней происходила ужасная борьба. Наконец нервы ее не выдержали, и она расплакалась.

Зауер утих, нервно всхлипывая, и от времени до времени тяжело вздыхал.

— Как я несчастен... как я несчастен!.. — тихо говорил он, сидя на кресле и положив голову на руки.

Эльза подошла и обняла его.

— Отто, неужели ты думаешь, что я такая дурная? Ведь я же люблю тебя! Ну успокойся, милый мой, родной.. Я все сделаю, что ты скажешь...

— Правда?

— Правда, — твердо ответила Эльза. — Не вини меня, я сама не знаю, как все это произошло...

Зауер поднялся. Вслед за ним поднялась и Эльза.

— Мне не надо богатства, я люблю тебя, только тебя, — сказал он, сжимая ее руки. — И ради моей любви я требую: завтра же, слышишь, завтра, не позже, мы обвенчаемся с тобой, и завтра же ты выгонишь из дома проклятого Штирнера со всеми его собаками!

— Я согласна.

— Эльза!

— Отто!

Площадка лифта бесшумно поднялась

— Ого! Целуются! — вдруг услышали они за собой насмешливый голос Штирнера и оторвавшись друг от друга, оглянулись. — Какая трогательная сцена!

Штирнер сидел за письменным столом, покуривая сигару.

-- Вы здесь зачем? — негодующе воскликнул Зауер.

-- По долгу службы, — насмешливо ответил Штирнер. — Доверие, которым облекла меня наша хозяйка...

— Наша хозяйка изменила свое решение и дает вам полный расчет, — перебил его Зауер, — доверенность на ваше имя будет уничтожена. В вознаграждение же за ваши заслуги вам будет выдано полностью двухмесячное содержание с надбавкой пятидесяти процентов.

— Придется мне открывать бродячий цирк, — сказал Штирнер, почесав лоб.

Но, оставшись один, он нахмурился, вынул из ящика стола какие-то чертежи, просмотрел их, сердито проворчал что-то, поспешно вошел в свою комнату и надолго заперся в ней.

Х. «ДЕВУШКА С РАЗБИТЫМ КУВШИНОМ»

Прошел месяц. Эмма Фит сидела на своем обычном месте и писала на ремингтоне.

Зауер, побледневший, небрежно причесанный, небритый, долго ходил большими шагами по кабинету, искоса поглядывая на Эмму. Потом он подошел к ней и, покачиваясь из стороны в сторону, в упор стал смотреть ей в лицо. Резвые пальцы Эммы начали делать перебои на клавишах ремингтона. Она покраснела под пристальным взглядом Зауера и, не прерывая работы, спросила:

— Почему вы так смотрите на меня, господин Зауер, как будто никогда не видали? Вы мешаете мне работать...

— Фрейлейн Эмма, а ведь вы прехорошенькая!

Эмма покраснела еще больше, но попыталась сделать вид, что не расслышала его слов.

— Странное дело! — продолжал Зауер. — Более года, как вы здесь служите, я встречаюсь с вами каждый день, но только за последний месяц у меня как будто открылись глаза: приятный овал лица, мягкие полосы, к которым хочется прикоснуться и погладить, изумительные глаза! В них детская наивность и лукавство маленького бесенка. Вы живая «Девушка с разбитым кувшином».

— Я не разбивала никаких кувшинов.

— Это картина Грёза. А вы...

— Перестаньте, Зауер.

Эмме приятно было слушать Зауера, но она скрывала свои чувства, боясь гнева Эльзы. А Эльза уже не раз заставляла их за такой беседой. Эльза с достоинством проходила мимо, но Эмма чувствовала, что ее «хозяйка», как шутя теперь она звала ее, все видит и понимает.

— Господин Зауер, я не узнаю вас!

— Я сам не узнаю себя, деточка. Философы уверяют, что познать самого себя — самая трудная задача в мире...

Зауера действительно нельзя было узнать.

Корректный, аккуратный, педантичный Зауер перестал, чего никогда не было раньше, заботиться о своей внешности, начал ходить по ресторанам, покучивать в подозрительной компании, халатно относиться к делу.

— Вот что, дорогая фрейлейн Фит, довольно вам трещать на этом неблагодарном музыкальном инструменте. Пора кончать. Идемте наверх, я покажу вам в зимнем саду новых золотых рыбок в аквариуме. Их недавно выписал Штирнер в подарок нашей хозяйке.

Эмма колебалась.

Зауер, улыбаясь, многозначительно посмотрел на дверь кабинета.

— Боятесь хозяйки?

Эмма вспыхнула и поднялась.

— Только на одну минуту! Я спешу домой...

Но эта минута длилась более получаса.

Зауер болтал и любезничал без умолку. Эмма краснела от тайного страха быть застигнутой. Посмотрев на часы, Эмма вдруг поднялась.

— Боже, я опоздала!.. — и она, поправляя прическу, вышла из зимнего сада в пустынный зал.

— Послушайте, Эмма, едем сегодня с вами в театр, а вечером поужинаем в «Континентале» и послушаем джаз-банд.

Эмма, привыкшая видеть Зауера серьезным, не могла удержаться от смеха. Зауер подхватил ее под руку и, скользя по паркету, повлек к выходу.

Эту сцену наблюдала Эльза, стоявшая меж станками картин. Она часто бродила по галерее.

Когда Зауер и Эмма удалились, побледневшая Эль-

за вышла из своего угла, прошла в зимний сад и устало опустилась на скамейку перед аквариумом.

Журчал фонтан, золотые рыбки медленно двигались за зеленью стекла, всплывали на поверхность и пускали пузырьки воздуха. Было тихо. Птицы сидели на ветвях, нахохлившись, как под дождем.

Эльза опустила голову и увидела лежащий на полу портфель из желтой кожи, с серебряными инициалами «О. З.».

В то же время она услышала приближающиеся шаги.

«Отто Зауер забыл портфель и идет за ним», — мелькнула у нее мысль. Она хотела скрыться в грот, чтобы не встречаться с ним, но, подумав, осталась на месте.

Зауер вошел, напевая шансонетку. Увидев Эльзу, он сделал удивленное лицо, немного смутился, но тотчас принял непринужденный вид.

— А! Изволите прогуливаться по садам? Как вам нравятся золотые рыбки? Я думаю, под хорошим соусом они очаровательны.

Но Эльзу не рассмешила шутка.

— Послушайте, Зауер, что все это значит?

— О чем вы говорите, повелительница?

— О том, что было здесь сейчас, и вообще о всем вашем поведении за последний месяц.

Зауер покраснел.

— Фрейлейн Глюк, я могу задать вам тот же вопрос. Что значит ваше поведение? Вы исполнили ваше обещание? Разве вы уже моя жена, а Штирнер уволен? На каком основании вы предъявляете права на свободу моих поступков?

— Никаких прав я не предъявляю. Я не отказываю от своих обещаний, хотя и не выполнила их.

— Почему?

Эльза смутилась в свою очередь. Почему? Она сама не знала. Здесь опять был провал в ее сознании. И она испытала знакомое уже ей неприятное ощущение утраты памяти. Ее мысль билась о невидимую преграду, как муха о прозрачное стекло. Эльза опустила голову и молчала.

А Зауер пытливо рассматривал черты ее лица и ее фигуру и думал, удивляясь:

«И как только я мог любить ее? Ничего особенного! Таких красивых живых манекенов сколько угодно в

любом магазине модного платья. Ее шея красива, но несколько длинна, странно, что я не замечал этого раньше. А эти узкие плечи... А родинка у левого глаза — она совсем не на месте. Эта родинка решительно портит ее!..»

— Вы не отвечаете!.. Вам нечего сказать?

Наконец Эльза ответила:

— Но ведь и вы не оставили службу. Почему?

Она попала в больное место Зауера. Он действительно не ушел по непонятной для него самой причине. Месяц тому назад, как-то неожиданно для самого себя, Зауер охладел к Эльзе и воспламенился любовью к Эмме.

Временами он чувствовал тяжесть этого, как и других своих поступков: такой разлад с самим собой выбивал его из колен. Он испытывал как бы раздвоение личности, и это мучило его. Чтобы забыться, он начал курить и вести рассеянный образ жизни.

Но ему не хотелось признаться в том, что он сам себе не может ответить на вопрос, почему он не уходит из этого дома. Это раздражало его, и он повернул вопрос в другую сторону.

— А, так вам хочется поскорее избавиться от меня? Теперь все понятно!..

Эльза с укором посмотрела на него.

— Отто, вы опять будете оскорблять меня?

— Будьте совершенно покойны! Мы в достаточной степени измучили друг друга, и нам пора прекратить эту игру. Если хотите знать, я не уйду отсюда потому, что люблю Эмму Фит. Да, люблю и сегодня же сделаю ей предложение!

Это объяснение казалось ему наиболее правдоподобным, хотя где-то в подсознании он и чувствовал, что обманывает себя: разве не мог он уйти вместе с Эммой?

Эльза откинулась на спинку и только тихо сказала:

— Отто!..

Наступило молчание.

В душе Зауера шевельнулось что-то похожее на жалость. Но тотчас промелькнула мысль: лжет, притворяется, как всегда. И он стал говорить с раздражением:

— А чего же вы от меня ожидали? Недоставало,

чтобы я согласился играть роль чичисбея *, как это во-
дилось когда-то в Венеции!.. Официальный друг дома!
От этой почетной должности отказываюсь. При вашем
богатстве найдутся другие охотники. А меня уволь-
те. Эмма Фнт с неба звезд не хватает, миллиарда-
ми не ворочает, вся ее душа состоит из одной про-
стенькой пружинки, но эта девушка сумеет быть чест-
ной женой.

Эльза не возражала, склоняя голову все ниже, как
под ударами бича.

Зауер поднял портфель.

— Зауер беден, но Зауера нельзя купить за пять-
десять процентов прибавки к жалованью! Простите, ме-
ня ждут.

И, преувеличенно любезно раскланявшись, он вы-
шел. Шаги его четко отдавались в огромном зале.

Эльза сидела, как пришибленная. Бой часов при-
вел ее в себя.

Она вздрогнула.

— Пять часов. Как поздно!

Сгущались зимние сумерки.

Эльза вышла в зал и огляделась по сторонам. Случайно ее взгляд скользнул по роялю; вдруг ей захотелось играть. Она подняла крышку инструмента, усе-
лась и заиграла.

Ей казалось, что еще никогда она не играла с та-
кой охотой...

Вдруг она вздрогнула.

Прямо перед собой она увидела лицо Штирнера.
Когда он вошел?.. Он стоял, прислонившись к роялю,
и глядел на нее. Его лицо было бледнее обыкновенно-
го, серьезно и печально. Тонкие губы дервно вздра-
гивали.

Эльза вскрикнула и прекратила игру.

— Играйте, прошу вас! — сказал он искренно и
просто. Эльза, оправившись от испуга, продолжала. Он
некоторое время внимательно слушал игру, а потом
медленно и тихо стал говорить:

— Как прекрасно вы играете! Это «Лебедь»? «Ле-
бедь» Сен-Санса...** Говорят, лебедь поет перед
смертью... Но лебеди живут долго, очень долго и преж-
десловременно умирают только смертельно раненные. Не-
ужели и вы ранены? Кем? Разве стоит он того, чтобы
из-за него умирать?

— О ком вы говорите? — спросила Эльза, переставая играть и опуская руки на колени.

— О нем, о Зауере! Разве это секрет?

В Эльзе заговорила гордость женщины.

— Господин Штирнер, — сухо сказала она, поднимаясь из-за рояля, — я вас прошу не вмешиваться в мои личные дела!

— Да ведь это и мои личные дела, фрейлейн Эльза, ведь вы знаете, что я люблю вас!

— Но вы знаете, что я не люблю вас.

— В этом, увь, все несчастье... мое и ваше, да, да, и ваше, хотя вы и не понимаете этого. Как бы все было великолепно, если бы вы любили меня! Если бы вы сами полюбили меня, — многозначительно сказал Штирнер.

— А как же иначе можно полюбить?

Штирнер не ответил.

— Послушайте, Эльза, давайте поговорим серьезно. В этом рационализированном зале негде даже присесть.. Пройдемся в зимний сад, прошу вас!

Они уселись на той же скамье, на которой только что сидела Эльза.

— Вы прошли тяжелую школу и знаете жизнь, — начал Штирнер. — Вы знаете, как трудно красивой, бедной девушке честно заработать кусок хлеба. Теперь вы богаты. Но и богатство имеет свои неприятности. Для мужчины вы становитесь приманкой вдвойне. На красоту очень часто зарятся донжуаны и ловеласы, на богатство — подлецы и проходимцы. Вы не гарантированы теперь, что ваш избранник будет любить вас, а не ваше богатство. Что ожидает вас тогда? С Зауером кончено. Вы одиноки. Посмотрите на вещи трезво. Почему бы мне и не стать вашим мужем? Вы не любите меня. Но, говорят, наиболее счастливые браки те, где сватом бывает не любовь, а разум. Вы можете полюбить меня позже, такие случаи не редки... И потом... У меня огромное дело, грандиозные планы, а ваше отношение ко мне связывает меня, не дает возможности развернуться во всю ширь, отдаться всецело работе... В последний раз говорю вам: решайте!

Эльза отрицательно покачала головой.

— Нет, нет! — поспешно сказал Штирнер. — Не говорите мне сейчас ничего. Обдумайте все спокойно, взвесьте мое предложение и дайте мне ответ... сегодня.

ня у нас четверг... в воскресенье вечером, в шесть часов. Это последний срок!

Поклонившись, Штирнер вышел.

Часы гулко пробили шесть.

XI. НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Наутро Эльза проснулась с давно уже покинувшей ее ясностью мысли. Ей надо было решить — принять ли предложение Штирнера или отказать ему. Почему ей непременно надо было решить это, она не интересовалась. После утреннего завтрака Эльза уселась в своем любимом уголке зимнего сада, перед акварнумом, чтобы принять окончательное решение.

Однако ей помешали. Вошел слуга и доложил, что ее ожидает в приемной Оскар Готтлиб, который очень просит принять его.

«Оскар Готтлиб? Откуда он взялся?» — подумала Эльза. Целый рой мимолетных воспоминаний о судебном процессе промелькнул в ее памяти.

Эльза спустилась в приемную второго этажа.

Навстречу ей с низким поклоном шел старик, в котором она не сразу узнала брата покойного банкира.

Оскар Готтлиб похудел. Он отпустил окладистую седую бороду вместо небольших бачков. Лицо стало длиннее, щеки впали, а мешки под глазами увеличились. Но перемена коснулась не только внешности. Во всей его позе и жестах чувствовалась какая-то пришибленность и приниженность, глаза беспокойно бегали.

— Приношу мои извинения за беспокойство, — сказал он, целуя Эльзе руку, — только крайняя необходимость принуждает меня к этому...

— Прошу вас, — указала Эльза на кресло.

Они уселись. Оскар Готтлиб вздыхал, вертел в руках шляпу и молчал. Несколько овладев собой, он заговорил нетвердым голосом.

— Я, право, не знаю, как начать... Прежде всего позвольте уверить вас, что я совершенно примирился с совершившимся фактом... Совершенно... Но самый факт неожиданного лишения наследства поставил меня

в необычайно затруднительное положение. Дело в том, что уже после смерти брата и... после вашего отказа от наследства я совершил... я заложил свое имение... Что делать? Молодежь так жадна на развлечения... Большой город... Наряды... Столько соблазнов... Да и хозяйство надо было поправить. Обязательство было краткосрочное. Не думал же я, что вы перемените свое решение и все так обернется! Это я говорю не в упрек, а так, в пояснение. И вот теперь, через неделю, имение пойдет с молотка за неуплату долга. И я разорен... Разорен окончательно, на старости лет, с кучей детей на руках... Их у меня пятеро да жена-старуха...

— Какова же сумма вашего долга?

Оскар Готлиб замялся.

— Большая, солидная сумма, по моим средствам конечно. Двести тысяч...

Эльза подумала.

— Будьте добры подождать, я сейчас дам вам ответ.

Готлиб не ожидал, что все устроится так просто, и стал заранее горячо и униженно благодарить.

Эльза прошла через комнату личного секретарната, в которой никого еще не было, хотя в этот час занятия уже начинались.

«Странно, — подумала Эльза, — что бы это значило?» — и она вошла в кабинет Карла Готлиба, где теперь постоянно работал Штирнер. Здесь она застала его.

— Штирнер, сюда явился Оскар Готлиб...

Штирнер поднял брови.

— Нашелся? Или воскрес из мертвых? Ну что ж, лучше поздно, чем не вовремя. Что ему надо?

— Он просит денег... Его имение продают с молотка.

— Сколько?

— Он говорит, что имение заложено за двести тысяч.

Штирнер поморщился.

— Врет! Имение со всем инвентарем не стоит ста тысяч. Песок да кочки... Дадим ему сто тысяч и пусть проваливается!

— Послушайте, Штирнер, я все-таки чувствую себя невольной виновницей его несчастий и потом... он так жалок... Ему не легко было явиться сюда. Дайте ему двести тысяч... Пожалуйста!

Штирнер рассмеялся.

— Пожалуйста! Это великолепно! Глава банкирского дома почтительнейше просит своего приказчика! Фрейлейн Глюк, все принадлежит вам и ваше слово — закон. Мое дело маленькое: вертеть колесо и исполнять приказания начальства.

Он быстро подписал чек на двести тысяч, положил чековую книжку в стол и запер на ключ.

— Вот чек.

— Благодарю вас.

— Опять! Когда вы научитесь быть хозяйкой?

Эльза вышла из кабинета и протянула Готлибу бумагу

— Вот чек на двести тысяч...

Оскар Готлиб взял чек трясущейся от волнения рукой и стал вновь благодарить и извиняться.

— Пожалуйста, не благодарите меня, — смущенно ответила Эльза, — лучше расскажите мне, что с вами случилось. Куда вы пропали после судебного заседания?

Они опять уселись.

— Болел... болел, да и очень странной болезнью. Когда я вышел из суда, меня вдруг охватила боязнь людей и стыд. Мне стыдно было показаться им на глаза... Вы знаете, что портреты всех участников судебного процесса печатались во многих газетах. И мне казалось, что каждый встречный, каждый проезжающий извозчик, даже мальчишки указывают на меня пальцами и говорят: «Вот человек, лишенный братом наследства за неблаговидный поступок!» И так как никто не знал, в чем состоит этот неблаговидный поступок, то каждый мог думать, что ему угодно: может быть, я совершал подлоги — делал на векселях подписи брата, а может быть, и покушался отравить его. И я бежал... — Старик вздохнул. — Да, я много пережил горьких минут, фрейлейн... Бежал я совсем недалеко. Меня искали по всему свету, а я жил в этом же самом городе. Я укрылся в надежном месте у своего старого одинокого друга «Если ты выдашь тайну моего пребывания хоть одному человеку, я покончу с тобой», — сказал я ему. Но об этом не надо было и говорить, он не выдал бы и так.

— Но, простите. — Эльза засмеялась, — вам не было стыдно этого друга?

— Нет! И что удивительно, я не знал его адреса, но нашел его квартиру по какому-то непонятному наитию... Так, шел и пришел... Еще не менее удивительно: друг встретил меня так, как будто ожидал этой встречи, хотя мы несколько лет не видались и даже не переписывались с ним; долгое время я не удосуживался разыскать и навестить его. «Вот ты и пришел», — сказал он мне просто. У него я и прожил. И все время я испытывал чувство страха и стыда. Иногда, вечерами, я как будто приходил в себя. И даже подумывал о том, чтобы выйти на другой день подышать свежим воздухом. Но ночью вдруг я чувствовал, что страх и жгучий стыд вновь наполняют меня так, что на голове шевелятся корни волос... прямо наваждение какое-то! Я плотнее, с головой, укрывался одеялом и лежал притаившись, боясь пошевелиться. А наутро не выходил в столовую, отговариваясь головной болью. Окна в моей комнате были завешены наглухо.

— Как это странно, — задумчиво сказала Эльза.

— Я читал газеты и, холодея от страха, следил за поисками. Но, к счастью для меня, они шли по ложному пути. За все время я только один раз смеялся: когда прочитал в газетах, что «меня» нашли где-то в Аргентине, забыл сейчас, в каком городе. Конечно, это оказалось ошибкой. Мой «двойник» был фермером, приехавшим в город по своим делам. Судя по портрету в газете, он действительно похож на меня.

— И долго у вас продолжалось это состояние?

— Ровно до того самого дня, когда последняя судебная инстанция окончательно и бесповоротно решила дело в вашу пользу. Тогда мне все сразу стало безразлично, и я вернулся домой, где и жил, пока не получил извещения о предстоящих торгах. И я решил, что единственный человек, который может спасти меня...

Он не закончил своего рассказа, так как в комнату вошли Зауер и Эмма Фнт. Готлиб поднялся и поспешил уйти.

Вид Зауера и Эммы поразил Эльзу. Зауер был во фраке, Эмма в белом платье с букетом белых цветов на груди. Лица их сияли.

Зауер вел Эмму под руку.

— Позвольте вам представить, фрейлейн Глюк, мою жену Эмму Зауер. Поздравьте нас, мы обвенчаны!

Эльза побледнела и поднялась.

Эмма бросилась целовать ее, но, видя смущение Эльзы, остановилась в нерешительности. Эльза поборола волнение, холодно поцеловала Эмму и протянула руку Зауеру. Она стала лепетать, сложив по-детски руки на груди:

— Этот Отто, — и она бросила лучистый взгляд на мужа, — такой забавный. Вчера мы были с ним в театре, и вдруг он говорит: «Сейчас мы должны с вами обвенчаться. Едем!»

— И ты так сразу решилась? — спросила Эльза.

Эмма сделала уморительную гримаску, которая говорила: «Кто же отказывается от счастья?»

— Все вышло как-то само собой. И мы, не ожидая окончания спектакля, хотя было очень интересно... шла пьеса... господи, я уже забыла!.. но это все равно какая... поехали искать пастора. Отто чуть не с кровати поднял его! Такой смешной, заспанный старикашка! Он что-то прочитал, раз-раз и готово! Ты не сердишься на меня, Эльза? — с неожиданной робостью вдруг спросила она.

Невольная улыбка проскользнула по лицу Эльзы при виде этой детской наивности. И уже с искренимым чувством она обняла свою подругу и поцеловала ее.

— Можно ли сердиться на куколку? Ведь ты счастлива?

— Ужасно! — ответила Эмма и даже нахмурила брови.

Но улыбка сошла с лица Эльзы, когда ее взгляд остановился на Зауере. Он смотрел на Эмму влюбленными глазами.

«Нет, этот брак не месть со стороны Зауера, — подумала она, — Зауер действительно любит Эмму... Какое-то наваждение. Наваждение! Кто сказал это слово? Да, Оскар Готлиб... и он говорил о наваждении. Что же все это значит? Я чувствую, что у меня опять начинают путаться мысли...»

— А-а, новобрачные! — голос Штирнера, стоявшего в дверях кабинета, прервал вереницу ее мыслей.

«Он уже знает?» — с удивлением подумала Эльза.

Ей трудно было еще раз переживать сцену поздравления, в особенности при Штирнере, и она незаметно вышла.

— Поздравляю, поздравляю, — весело сказал Штирнер.

Зауер самым радушным образом крепко пожал руку Штирнера. Казалось, от прежнего недоброжелательства не осталось следа.

— Мы думаем сегодня же вечером выехать в свадебное путешествие, — говорила Эмма, — вы и Эльза не будете против?

На лице Штирнера промелькнуло недовольное выражение, но он тотчас любезно улыбнулся Эмме.

— Конечно, разумеется, прекрасная куколка!.. Куда вы думаете ехать?

— В Ниццу или в Норвегию, мы еще не решили. Он хочет в Норвегию, а я в Ниццу...

— Значит, вы будете совершать свадебное путешествие каждый поодиночке? — смеясь, сказал Штирнер. — В Норвегии сейчас вы отморозите ваш маленький носик! — продолжал он. — Надо беречь ее, Зауер. Конечно, вы поедете в Ниццу!

— Ну, прощайте, нам надо собираться в дорогу! — И, схватив мужа за руку, она потащила его к выходу. — Скорей, скорей, Отто, ты такой мешок! Я уверена, что мы везде будем опаздывать с тобой на поезд!

Зауер жил во флигеле, в небольшой уютной квартире.

Молодые вбежали с веселой оживленностью и поспешно стали укладываться, говоря без умолку.

— Итак, в Ниццу?

— Ну что ж, в Ниццу так в Ниццу.

— Господи, все это так скоро, как на пожаре!.. Какой тяжелый чемодан!..

— Можем не ехать... Из него надо выбросить книги... Подай мне несессер...

— Не ехать? Да ты с ума сошел! Конечно, мы едем! Но дорожное платье?..

— Мы купим его в дороге. А для начала твое серое прекрасно подойдет.

Они уселись на полу перед большим чемоданом и стали выбрасывать книги.

Вдруг на минуту они застыли, будто прислушиваясь к какой-то мысли, потом удивленно посмотрели друг на друга.

— Что мы сидим, как китайские болванчики, на полу? — наконец спросила Эмма. — Зачем ты вытащил этот чемодан? Тебе нужно ехать по делу?

— Я никуда не собираюсь ехать, — ответил Зауер. — Я не знаю, зачем мы вытащили этот чемодан. Может быть, тебе хотелось посмотреть эти книги?

— Книжки? Эти скучные книги? Какие мы глупые! Мы помешались от счастья!

Звонко рассмеявшись, она поднялась, перепрыгнула через чемодан и поцеловала Зауера.

Зауер хмурился. Случай с зачем-то выдвинутым чемоданом заставил его призадуматься.

— Что ты надулся? Недоволен мною? — и она так плутовски склонила голову, что Зауер вновь стал весел.

— Конечно, недоволен, — сказал он, смеясь. — Ты не успела поселиться у меня, а уже вносишь беспорядок!

— Честное слово, это не я! Это он сам! — указала она ногой на чемодан.

— Куш на место! Куш! Да помоги же, несносный!

Эмма и Зауер задвинули чемодан под кровать. О поездке никто из них больше не вспоминал...

ХII. В ШЕСТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА

— Не забудьте, Эльза, что завтра воскресенье. В шесть часов вечера я получу ваш ответ. А сейчас я уезжаю из города по срочному делу. Вернусь ночью или утром. Всего хорошего!

Штирнер вышел из зимнего сада.

Эльза осталась одна. Но она думала не об ответе Штирнеру: мысли ее были направлены в другую сторону. Она не могла оправиться от удара, который причинил ей Зауер своей неожиданной женитьбой на Эмме Фит.

Она чувствовала себя одинокой, как никогда.

Золотые рыбки медленно двигались в аквариуме, блестя на поворотах и плавно помахивая мягкими хвостиками.

Эльза завидовала им. Эти рыбки жили в неволе, в стеклянном ящике, как и она. Но у них было свое маленькое игривое общество, и они не знали мучительных сомнений. Она себя чувствовала более несчастной

чем в самые тяжелые дни своей трудовой жизни. Что дало ей богатство?

Судебный процесс, в котором была какая-то тайна и богатство отделили ее от шумной толпы простых людей, которые живут, как им нравится, гуляют по улицам, ходят в кинематограф. Каждый ее выезд обращал внимание, тысячи любопытных взглядов встречали ее. И она отказалась от выездов. Не было удовольствия, которого она не могла бы себе разрешить, и вместе с тем она была лишена их всех. Только прозрачная стена из стекла отделяла ее от широкого мира, переливающегося всеми красками, но эта стена была непреодолима для нее. С тоской в голосе она шептала:

— Какая я несчастная, какая я несчастная!

Вот, как вчера, как третьего дня, как много дней тому назад, пробили часы, гулко отдаваясь в пустынных комнатах. Где-то внизу прорычал автомобиль. Это отъехал Штирнер...

Штирнер! Завтра ему нужно дать ответ. Она чувствовала — это последний срок.

— Почему нужно?

Время шло. И странно: после отъезда Штирнера мысли ее все больше прояснялись. Будто какая-то пелена спадала с глаз. Оскар Готлиб, его болезнь, похожая на «какое-то наваждение», любовь Зауера к Эмме, странная и неожиданная, как наваждение...

Вся цепь нелогичных, нелепых, противоречивых поступков окружавших ее людей с того самого момента, как погиб Карл Готлиб, — разве не похоже все это на «наваждение»? Вот слово, которое дает ключ к тайне! Но откуда оно, это наваждение? Кто устоял против него? Штирнер! Он один.

Штирнер!..

А что, если он и есть причина всего этого? Его странный разговор в лодке, его намеки на какое-то могучее орудие, при помощи которого он может покорить мир. Неужели это не пустая болтовня? Неужели он обладает этим средством и играет людьми, как кошка с полупридушенными мышами? Но откуда у него эта сила? В чем она? Кто он, кудесник, новый Калиостро? Свенгали?..*

Эльзе вдруг сделалось так холодно, что она задрожала.

Штирнер представился ей коршуном, который носится над птицей в степи. И эта птица — она. Не уйти, нет, никуда не уйти от этого человека. Он не упустит ее из цепких когтей.

Эльза поднялась, тяжело дыша, и вновь опустилась на диван.

Ее охватил ужас.

— Нет, нет, нет! — вдруг вскрикнула она так, что птицы в испуге вспорхнули с веток.

В зале эхо отчетливо повторило ее слова. И странно, это неожиданное эхо как-то ободрило ее, как будто кто-то подкрепил ее, как будто невидимый друг вторил ей: «Конечно, нет!» Нельзя сдаваться без борьбы, нельзя сделаться безвольной игрушкой другого, отдать себя нелюбимому человеку.

Она вошла в зал, чтобы успокоиться.

«Что делать? Что делать?» — подумала она, блуждая по залу. Случайно одна картина бросилась ей в глаза. Какой-то всадник бедуин на арабской лошади мчится по пустыне, в развевающемся белом плаще с капюшоном, спасаясь от нагонявших его преследователей.

«Вот как надо встречать смертельную опасность! Быть может, он погиб, но он боролся до конца... Бежать! Бежать во что бы то ни стало!»

Эльза подошла к роялю и села на табурет. Перед ней вдруг пронеслась недавняя сцена, когда Штирнер стоял и слушал ее музыку. Никогда еще его длинное, бледное лицо с иронической улыбкой не возбуждало в ней такого содрогания и отвращения.

«Бежать немедленно! Но как! У нее нет даже денег!»

— Миллиардерша! — с горечью прошептала она. — Миллиардерша — нищая!.. — Вчера еще она подарила Готлибу двести тысяч, но для себя она никогда не брала денег у Штирнера. Что-то, быть может гордость, удерживало ее. Да и для чего ей нужны были деньги? Она почти никогда не выезжала в город. Если же и делала какие-либо покупки, то ей доставляли их на дом, и Штирнер расплачивался.

Она вспомнила вдруг, что у нее в сумочке должны были остаться деньги от последней полочки жалованья. Она быстро пошла в свою комнату и лихорадочно раскрыла сумку.

Деньги на месте. Их не много, но выехать хватит. А дальше? В каждом городе любой банк открыл бы ей неограниченный кредит, но вексель отошлют для оплаты в ее банк, и тогда Штирнер узнает, куда она уехала.

Эльза задумалась.

— Ах, все равно! Лучше быть нищей, чем покориться тому, что ожидает ее здесь...

И она наскоро оделась и спустилась во второй этаж. У входной двери лежал пятнистый дог. Он ласково помахал хвостом, увидя ее. Эльза погладила его и хотела сдвинуть с места, но дог не трогался. Она сделала попытку обойти его и открыть дверь. Дог вдруг вскочил, встал на дыбы, положил ей передние лапы на плечи и угрожающе зарычал, отодвигая ее назад.

Она была испугана этой неожиданной выходкой собаки и отступила.

— Буцефал! Что с тобой? — ласково сказала она. Собака завиляла хвостом, но при новой попытке Эльзы зарычала на нее еще более грозно. Штирнер оставил верных сторожей! Позвать на помощь? Она не хотела подымать шума. Вдруг у нее мелькнула мысль. Она быстро прошла в кабинет Готлиба. Дверь оказалась открытой. Сестра в кресло, стоявшее на площадке лифта, нажать кнопку — дело одной минуты. Она спустилась в отделение банка, радуясь удаче.

«Я перехитрила вас, Штирнер!»

Сторожа с удивлением посмотрели на ее необычное появление, но почтительно пропустили. Она боялась, что им дан приказ от Штирнера не выпускать никого.

С сильно бьющимся сердцем переступила Эльза порог дома, ставшего ей ненавистным, вдохнула полной грудью весенний воздух и замесалась в уличной толпе. Какое счастье! Она была свободна. Завернув за угол, она наняла таксомотор и приказала ехать на ближайший вокзал. Только бы скорее подальше отсюда!

На вокзале она удивила носильщика, спросившего, куда ей взять билет.

— Все равно. Сколько можно проехать вот на эти деньги...

Эльза сделала неосторожность: удивив носильщика, она оставила след в памяти этого человека и тем са

мым давала нить для розыска, но она была как в лихорадке и не обдумывала своих слов.

Ее нервное напряжение улеглось только после того, как паровоз прогудел последний раз и вагон плавно качнулся. До последней минуты она боялась погони Штирнера, хотя и знала, что его нет в городе.

Когда промелькнули предместья города и открылись поля, она готова была плакать от радости. Вечернее солнце золотило здания ферм. Стада паслись, медленно бродя по изумрудно-зеленой весенней траве.

Все приводило ее в восторг. Она, не отрываясь, смотрела в окно и весело напевала:

«Я вольная птица, хочу я летать...»

О будущем она не думала. Она упивалась свободой. Только когда зашло солнце, ландшафт затянули сумерки и в вагоне зажгли свет, она задумалась...

— Э, хуже не будет! — она быстро разделась и, утомленная пережитыми волнениями, крепко уснула.

Она не помнила, долго ли спала.

Но вдруг проснулась, как от толчка, и с недоумением оглянулась вокруг. Вагон... Как попала она в вагон? В душе быстро нарастало смутнение и какое-то еще не оформившееся чувство. Это чувство росло, крепло, прояснялось...

Назад! Она немедленно, сейчас же должна вернуться. Назад! Штирнер! Милый Штирнер! Он ждет ее! И перед нею предстало печальное, бесконечно дорогое лицо, каким она видела его, когда играла на рояле.

Она быстро оделась и вышла в коридор. Заспанные пассажиры с полотенцами в руках направлялись умыться. Был ранний час утра.

— Проводник, скажите, скоро остановка?

Толстый проводник с возмутительной медлительностью вынул большие серебряные часы, не спеша открыл крышку и, подумав, ответил:

— Через двенадцать минут, фрейлейн.

Эльза топнула каблуком.

— Возмутительно! Как долго ждать! А обратный поезд когда пойдет?

— Встречный пойдет в одно время.

Эльза от нетерпения кусала губы.

Когда поезд наконец подошел к станции, она почти на ходу выбежала из него и вошла в вагон встречного поезда, идущего назад.

Она не имела билета, и контролер составил протокол, но Эльза даже не заметила этого, механически отвечая на все вопросы.

Когда она назвала свою фамилию, контролер с почтительностью и любопытством посмотрел на нее.

Эльза от нетерпения не находила места. Она вышла из купе, ходила от окна к окну и привлекала внимание пассажиров своим странным видом и беспокойными движениями. Она готова была плакать от досады, что скорый поезд идет так медленно.

— Скоро мы приедем? — спрашивала она ежеминутно, и пассажиры, которым надоело отвечать на ее вопросы, стали сторониться ее. Тогда она пошла в свое купе, легла ничком на диван и, сжав виски до боли, как в бреду, твердила:

— Людвиг! Людвиг! Людвиг!.. Когда же я увижу тебя?

Наконец поезд остановился.

Эльза, толкая пассажиров, пронеслась по дебаркадеру и по залу, выбежала из вокзала и прыгнула в автомобиль.

— Банк Эльзы Глюк! Скорей, скорей, скорей! Как можно скорей!..

Штирнер стоял среди кабинета, ожидая Эльзу.

С растрепанными волосами ворвалась она в кабинет, бросилась к нему и с рыданием крепко обняла его.

— Людвиг, милый, наконец-то!..

На лице Штирнера отражались счастье и печаль.

— Моя!.. — тихо произнес он, целуя Эльзу в закрытые глаза.

Часы пробили шесть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. БИРЖЕВАЯ ПАНИКА

Коммерческий мир переживал панику.

Начиная с мая, биржа вступила в полосу жесточайших потрясений. За месяц было зарегистрировано более двух тысяч конкурсов*. В июне число их поднялось до пяти. Пока гибли мелкие предприятия, финансовые газеты пытались ослабить впечатление надвигающейся катастрофы и успокаивали общественное мнение тем, что кризис лишь очистит экономическую жизнь страны от «несолидных и лишних предприятий, выросших на почве валютной спекуляции». Но в июне жертвою кризиса сделалось несколько старейших и крупнейших предприятий. Этот удар тяжело отразился на промышленности и на массе мелких держателей акций. И газеты уже не скрывали тревоги. Надвигалась настоящая катастрофа, тем более страшная, что само возникновение кризиса не поддавалось обычным объяснениям «экономической конъюнктуры». Как будто новая, неведомая болезнь страшной эпидемией прокатилась по финансовым предприятиям, захватывая все новые жертвы. В начале июля во всей стране осталось только три крупнейших банка, которые устояли: Мюнстерберга, Шумахера и Эльзы Глюк. Первые два понесли уже потерю до тридцати процентов своего капитала. Банк Эльзы Глюк не только не понес потерь, но почти утроил свой капитал. Последняя борьба за существование должна была произойти между этими тремя финансовыми колоссами.

Банк Эльзы Глюк имел капитал, превышающий капиталы Мюнстерберга и Шумахера, взятые в отдельности. Но при объединении этих банков против банка Эльзы Глюк перевес мог оказаться на стороне двух против одного.

Правда, могла быть и иная комбинация: войти в соглашение или даже слить капиталы, выговорив себе известные права, с банком Эльзы Глюк. И Мюнстерберг и хитрый Шумахер, каждый в отдельности, тайком друг от друга, делали эту попытку, подсылая верных людей к Штирнеру «позондировать почву». Но этот «злой гений», как называли Штирнера в биржевых кру-

гах, не шел ни на какие соглашения. Он был оскорбительно насмешлив, беспощаден и неумолим к своим соперникам. Необычайное счастье в биржевой игре, безошибочное предугадывание биржевых курсов, совершенно непонятное влияние на окружающих делали Штирнера страшным.

Банкиры и биржевые маклеры рассказывали друг другу пониженным голосом, как бы боясь, что их подслушает неведомый враг, о многочисленных случаях странной гибели банкиров, обращавшихся лично к Штирнеру. О чем говорил с ними Штирнер, они никому не рассказывали. Но, побывав у него, эти банкиры будто лишались рассудка и всего своего опыта, совершали нелепые сделки, которые лишь ускоряли их разорение, а их капиталы переливались в подземные кладовые банка Эльзы Глюк. Несколько этих разорившихся людей покончили жизнь самоубийством. Поэтому Мюнстерберг и Шумахер и решили действовать через целую цепь посредников, опасаясь личного свидания.

Когда переговоры со Штирнером не привели ни к чему, для Шумахера и Мюнстерберга стало ясным, что только слияние этих двух банков, враждовавших между собою более полустолетия, даст возможность если не победить, то продолжать упорную борьбу со «злым гением».

Борьбу эту им казалось вести тем легче, что они обладали большинством акций крупнейших торгово-промышленных предприятий страны: каменноугольные шахты, производство анилиновых красок, автомобильные и радиозаводы, электрическое освещение, городские железные дороги, судостроительные заводы... Акции этих предприятий находились в руках миллионов мелких держателей — небогатых фермеров, канцелярских служащих, паровозных коков и даже мальчиков, поднимающих лифты. Все они связали судьбу своих небольших сбережений с судьбой банков Мюнстерберга и Шумахера. За банкирами было широкое «общественное мнение».

Утром пятнадцатого июля Зауер, преданнейший и усерднейший помощник Штирнера, вошел в кабинет с очередным докладом.

Зауер крепко пожал протянутую Штирнером руку.
— Здравствуйте, Зауер! Как здоровье вашей куколки?

— Благодарю вас. Мой испуг оказался напрасным. Вчера был врач.

— И что же он нашел у фрау Зауер?

Зауер со счастливым и несколько смущенным лицом ответил:

— Она готовится стать матерью...

— Вот как? Поздравляю! Передайте ей мой привет. А на бирже что творится? Есть новости?

— Есть, и крупная новость. Мюнстерберг и Шумахер создают единый фронт против нас. Они подали заявление об образовании акционерного общества, и, как говорят в биржевых кругах, правительство пойдет им навстречу.

— Я знал это.

Зауер сделал удивленное лицо. Штирнер усмехнулся.

— Что же им остается делать? — ответил Штирнер. — Звери всегда сбиваются в кучу для защиты от более крупного врага. А правительство? Оно само хочет иметь прослойку между государственным банком и мною. Потому что если треснут толстый Мюнстерберг и худой Шумахер, то в государстве останутся только две финансовые силы, только две, Зауер: я, то есть банк моей жены, и Государственный банк. И еще не известно, кто кого победит.

Даже Зауер, привыкший к головокружительным успехам своего друга, был удивлен.

— Не слишком ли высоко залетаете, Штирнер?

— Друг мой, мы живем в мире неустойчивого равновесия. Для нас только два пути: или вверх, или вниз. При остановке катящееся колесо должно упасть набок. Как реагирует биржа на предстоящее слияние банков?

— За один день бумаги Мюнстерберга и Шумахера поднялись на пятьдесят пунктов, — ответил Зауер.

— Бросьте наших маклеров скупать эти бумаги.

— Вы играете на Мюнстерберга и Шумахера?

— Я играю на Глюк. Неужели вы не понимаете еще моей игры? Накручивайте, Зауер, накручивайте. Чем они будут выше, тем лучше. Мне надоело охотиться на мелкую дичь, и я хочу кончить всю эту биржевую возню одним ударом.

Подписав бумаги, Штирнер отпустил Зауера, но потом, что-то вспомнив, окликнул его.

— Послушайте, Зауер, узнайте домашние адреса

министра торговли и промышленности и министра финансов.

— Их адреса вы можете найти вот в этом справочнике.

— Ах, да... Благодарю вас. Как вы думаете, Зауер, не удалось бы нам пригласить их ко мне под каким-нибудь предлогом?

— Не думаю.

— Они не удостоят этой чести Людвиг Штирнера? Посмотрим, что будет через месяц-два, а пока обойдемся и без этого визита. Дайте мне, пожалуйста, план города.

Зауер подал.

— Благодарю вас. Вы свободны, Зауер.

Штирнер разложил большой план на столе, положил компас и повернул план так, чтобы север на нем точно соответствовал стрелке компаса. Затем он тщательно отметил точками на плане места, где жили министры, и банк Эльзы Глюк, соединил эти точки линиями и записал в блокнот углы.

— Так... Ну-с, господа министры, если гора не идет к Магомету...

Не договорив, он прошел в свою комнату, смежную с кабинетом, и заперся на ключ.

Минут через десять в кабинет вошла Эльза и уселась в глубокое кресло у письменного стола. Щелкнул замок, и Штирнер вышел из своей комнаты. Эльза быстро поднялась и пошла к нему навстречу, протягивая руки. Штирнер поцеловал обе руки.

— Ты хотел меня видеть, Людвиг?

Он взял ее под руку и повел.

— Да, мой друг, я кончил свою утреннюю работу и хочу позавтракать с тобою в зимнем саду.

Эльза была обрадована.

— Ты так мало со мной видишься, Людвиг.

— Что делать, дорогая, у нас идут бои... Знаешь ли ты, что твое состояние утроилось, а через несколько дней в твоих руках будут капиталы всех частных банков страны?

Они уселись за большим столом, накрытым для завтрака. Штирнер налил в бокалы вина.

— Ты будешь королевой биржи.

Он отпил глоток.

— Да и биржи никакой не будет. Вся биржа будет

здесь. Если бы ты уже не была моей женой, с каким удовольствием многие принцы крови предложили бы тебе руку и сердце! И если во всем этом богатстве, во всем твоим могуществе немножко виноват и я, то признайся, что Штирнер не такой уж пустой болтун!

— Я этого никогда не говорила! — горячо возразила Эльза.

— Да? Тем лучше.

Они чокнулись.

— Людвиг, я была бы более счастлива, если бы ты устроил не мое состояние, а время, которое ты уделяешь мне. Если бы ты знал, как я томлюсь в одиночестве. Я только и живу ожиданием, когда увижу тебя.

— Еще немного терпения, моя дорогая! Я скручу по рукам наших последних соперников, брошу их к твоим ногам, как военную добычу, и тогда...

Вошел Зауер и почтительно поклонился Эльзе. Она ответила ему любезным кивком головы.

— Простите, пожалуйста, что я беспокою вас. В гостиную вас, Штирнер, ждет какой-то господин, говорит, что явился по неотложному делу. Я сильно подозреваю, что это агент Шумахера. Он лично желает переговорить с вами.

Штирнер вышел.

— Ну как Эмма? — спросила Эльза.

— Благодарю вас... Все хорошо...

— А что я вам говорила? Ведь я была права! Напрасно волновались. У Эммы будет ребенок!.. Подумать только. Ей самой в куклы еще играть. Я непременно найду к ней сегодня...

— Она будет очень рада вас видеть.

Штирнер вернулся.

— Вы не ошиблись, Зауер. Старая лиса Шумахер готов в последнюю минуту предать своего союзника, если только я приму его к себе на правах компаньона... И запугивает и сулит всякие выгоды — словом, пускает весь арсенал своей спекулятивной мудрости.

— Что же вы ответили?

— Я сказал: передайте господину-Шумахеру, что мне ни компаньоны, ни гувернантки не нужны. Садитесь, Зауер, с нами завтракать.

Они весело болтали, как люди, связанные искренней дружбой и взаимным уважением. От прежних бурь не осталось и следа.

II. ПОБЕЖДАЕТ СИЛЬНЕЙШИЙ

В тот день, когда правительство должно было утвердить новое акционерное общество, объединявшее банки Мюнстерберга и Шумахера, Штирнер вызвал к себе Зауера рано утром и отдал приказ:

— Продайте все акции Мюнстерберга и Шумахера, спустите все до последней бумаги.

— Но они поднялись за одну ночь на двадцать шесть пунктов. Получены достоверные сведения, что утверждение акционерного общества обеспечено. Мне кажется...

— Не беспокойтесь ни о чем и выполните точно мой приказ. Поезжайте сейчас же на биржу сами и сообщите мне обо всем по телефону.

Зауер пожал плечами и уехал.

А через час уже звонил телефон.

— Акции берут нарасхват. Они идут в гору.

— Отлично, Зауер. В котором часу заседание правительства?

— В два часа дня.

— Успеете за это время продать все акции?

— Для этого достаточно часа.

— Тем лучше. Телефонировать мне через час.

Не прошло получаса, как Зауер сообщил:

— Акции проданы все до единой. На бирже творится что-то невероятное. Толпа запруживает всю площадь перед биржей. Уличное движение приостановлено. С большим трудом проезжают трамваи, автомобили не могут...

— Это мне неинтересно. Как наши акции?

— Увы, понижаются.

— Великолепно. Выждите, когда они понизятся еще больше, и тогда начинайте скупать...

— Людвиг, ты очень занят? — спросила Эльза, входя в кабинет.

— Скупите все, что будут предлагать, — продолжал Штирнер говорить в телефон. — Звоните почаще. — И, обратившись к Эльзе, сказал: — Да, я очень занят, дорогая. Завтракай одна. Сегодня я не отойду от телефона весь день и, вероятно, всю ночь.

Эльза сделала недовольный жест. Штирнер положил трубку телефона и подошел к Эльзе.

— Что делать, милая, потерпи. Сегодня я даю генеральное сражение. Я должен его выиграть, а завтра ты будешь некоронованной королевой, в твоих руках будут богатства...

— Людвиг! — с упреком сказала Эльза.

— Ну хорошо, не буду говорить об этом. Как Эмма? Ты была у нее?

— Врач сказал, что у нее почки не в порядке — кто бы мог подумать? — и ей опасно иметь ребенка...

— Так, так, — рассеянно слушал Штирнер.

— Но она говорит, что умрет, но не откажется от ребенка.

— Так, великолепно.

Опять затрещал звонок. Штирнер вздрогнул и, наскоро поцеловав Эльзу в лоб, сказал ей:

— Будь умница, не скучай. Когда все это кончится, мы с тобой поедem на Ривьеру. Алло! Я слушаю.

Эльза вздохнула и вышла.

— В двенадцать часов? То есть через час? Тем лучше! Как только вы узнаете о решении правительства, непременно сообщите...

Бросив трубку, Штирнер в волнении зашагал по кабинету.

— Вместо двух правительство решит этот вопрос в двенадцать. Значит, действует! Теперь я верю в успех, как никогда. А если здесь победа, то победа во всем! И Штирнер всесилен!

Он закинул голову назад, полузакрыв глаза и застыл на минуту с улыбкой на лице.

— Однако не время упиваться властью. Надо собрать все силы для последнего удара.

Штирнер пошел в свою комнату и заперся на ключ.

Через час он вышел усталый, побледневший, поправил нависшую на лоб прядь волос, опустил в кресло и полузакрыв глаза. Звонок. Штирнер вскочил, как на пружине, и сорвал телефонную трубку.

— Алло! Да, да, я... Это вы, Зауер?

Но звонил не Зауер, а один из агентов Штирнера, Шпильман.

— Ошеломляющая неожиданность! Только что кончилось заседание. Правительство отклонило утверждение устава акционерного общества. Шумахер, бывший на заседании, крикнул в лицо министру: «Предатель». Мюнстерберга хватил удар, и он в бессознательном со-

стоянии отвезен домой. — Штирнер не дослушал. Дрожащей от волнения рукой он опустил телефонную трубку и так громко крикнул на весь кабинет: «Победа!», что проснулся лежавший у его кресла Фальк и, вскочив, с недоумением посмотрел на своего хозяина.

— Победа, Фальк! — Бросив в угол кабинета платок, Штирнер приказал: — Пиль!

Собака в несколько прыжков добежала до платка, схватила его и принесла хозяину.

— Вот так все они теперь! Ха-ха-ха!.. — Нервно смеялся Штирнер. Он поднял собаку за передние лапы и поцеловал ее в лоб. — Но их я не буду целовать, Фальк, потому что они глупее тебя и они меня ненавидят. О, тем приятнее заставить их носить поноску!

Опять звонок.

— Зауер? Да, я уже знаю. Мне сказал Шпильман. Как реагирует биржа?

— Взрыв бомбы произвел бы меньшее впечатление. Биржа превратилась в сумасшедший дом.

— Акции Мюнстерберга?

— Головокружительно падают. Вы гений, Штирнер!

— Теперь не до комплиментов. Когда акции крахнувших банков будут котироваться по цене оберточной бумаги, можно будет купить их... Мы сумеем вернуть им ценность. Но это успеется. Дело сделано, и вы можете уехать, Зауер!

— Я не могу выйти. Люди превратились в обезумевшее стадо. Сюда не могут даже пробраться санитары скорой помощи, чтобы унести упавших в обморок и смятых толпой.

— Ну что ж, если вы лишены свободы, сообщите мне, что у вас делается.

И Зауер сообщил. Фондовые маклеры устроили десятиминутное совещание, на котором решили, что удерживать бумаги Мюнстерберга, Шумахера и всех связанных с ними банков нет никакой возможности. Крах совершился. Каждая минута приносила разорение целых состояний. Бумаги ежеминутно переходили из рук в руки. После полуночи нервное напряжение достигло наивысшей точки. Не только площадь перед биржей, но и соседняя площадь были запружены автомобилями крупных держателей бумаг. Они сидели в своих лимузинах всю ночь, бледные и утомленные, с блуждающими глазами. Бюллетень за бюллетенем приносили ве-

сти о непрерывном понижении курсов. Эти курсы передавались по телефону, но уже в момент отправки телефонограммы не соответствовали действительности. Толпы людей, как во время стихийного бедствия, разбили лагерь на соседнем бульваре и платили за право сидеть на бульварной скамейке больше, чем стоит номер в лучшей гостинице. Под утро два маклера и один банкир впали в буйное помешательство.

— Смерть Штирнеру! — кричал маклер.

С большим трудом удалось отвезти помешанных в больницу.

Только когда забрезжил рассвет, волнение улеглось, как пламя догоревшего пожара. Вчерашние богачи выходили из биржи постаревшими на десять лет, сгорбленными, поседевшими, с дрожащими ногами. Толпа поредела. Зауер, наконец, получил возможность выйти из здания биржи и, шатаясь от усталости, вдохнул полной грудью свежий воздух.

«Такая же паника царит сейчас во всей стране... — подумал он. — В эту ночь разорились сотни тысяч людей — миллионы мелких вкладчиков потеряли свои сбережения. Этот сумасшедший кричал о Штирнере, винил во всем его. Но Штирнер не виноват. Побеждает сильнейший. Штирнер молодец. Гениальная голова!»

Зауер улыбнулся и тотчас устало зевнул.

А Штирнер, получив от Зауера последнее сообщение по телефону, встал из-за стола и сладко потянулся. Его волнение улеглось. Он испытывал чувство той приятной усталости, которое охватывает человека, когда он хорошо поработал и доволен результатами труда. Он победил. И его победа больше, чем победа над банкирами и министрами. Он победил сопротивляемость человека! Готлибы, Эмма, Зауер, Эльза... Теперь вот они!..

— Никто в мире больше не может сопротивляться мне, весь мир скоро будет моей собственностью! — гордо сказал он.

Ему не хотелось спать.

Он прошел наверх и постучал в комнату Эльзы.

Она была одета и не спала. Быстро открыла дверь и, сияя, протянула ему руки.

— Наконец-то ты вспомнил обо мне, Людвиг!

III. БЕЛАЯ ВИЛЛА

Банк Эльзы Глюк, он по-прежнему назывался по девичьей фамилии Эльзы, сделался неограниченным владыкой финансового мира.

Впрочем, сама Эльза никак не почувствовала увеличения своего могущества. По-прежнему бродила она одиноко в своих пустых комнатах, живя мыслью о коротких свиданиях со Штирнером. Но он все еще был слишком занят, чтобы уделять ей больше времени. Эльза всегда чувствовала, когда он хочет ее видеть. Сладкий трепет пробегал по ее телу, и она без зова спешила вниз, зная, что Штирнер свободен и не отошлет ее от себя. Но, бывало, тянулись дни, протекала неделя, а Штирнер только по утрам показывался к ней, рассеянно здоровался и исчезал. Иногда он отлучался из города на несколько дней. И тогда на нее нападала какая-то апатия, и она даже не хотела его видеть. А если встречала его тотчас после возвращения, то была холодна. Штирнер недовольно морщился и спешил в свою запретную даже для нее комнату. После нескольких минут пребывания Штирнера в его комнате она вдруг замечала, как горячее чувство любви начинает наполнять ее. И когда Штирнер выходил из своей комнаты, она встречала его взглядами, полными нежности.

Штирнер еще хмурился, будто какая-то мысль тяготила его. Но искреннее чувство Эльзы скоро захватывало и Штирнера. Он был внимателен и любезен, и она жадно ловила эти редкие минуты...

Их отъезд затягивался.

Штирнер поставил себе новую задачу: прибрать к своим рукам всю промышленность страны, пользуясь тем, что большинство предприятий было должниками банка Эльзы Глюк.

Заводчики и фабриканты боролись упорно, но Штирнер методически захватывал в свои руки их фабрики и заводы.

И только когда борьба была решена в пользу Штирнера, он позвал Зауера и Эльзу и сказал:

— Наконец я могу отдохнуть и совершить с некоторым опозданием наше свадебное путешествие. Вы, Зауер, справитесь с делом. Борьба, в сущности, кончена. Остается только легализовать наши права: опро-

гестовать векселя «последних могикан», объявить торги на их фабрики и заводы и закрепить за собой предприятия, потому что кто же купит их, кроме нас? Завтра утром мы вылетаем. Как здоровье жены?

Зауер сокрушенно покачал головой.

— Вы бы ее не узнали, Штирнер, она очень изменилась к худшему.

— Ну еще бы, это в порядке вещей, — улыбаясь, ответил Штирнер.

— Нет, я не о том, — несколько смутившись, ответил Зауер, — у нее очень опухли ноги и лицо: почки. Она не послушалась врачей, а теперь уже роды неизбежны. — И с искренней озабоченностью он сказал: — Я очень беспокоюсь за свою куколку...

— Теперь уже приходится заботиться о двух куколках сразу. Не бойтесь, Зауер. К вашим услугам будут лучшие профессора. Не забывайте телеграфировать мне обо всем. Передайте мой привет вашей жене.

В ночь перед отлетом Штирнер не спал. Он чем-то занимался в своем кабинете. Эльза дремала у себя. Но и сквозь сон она чувствовала, что по ней как будто проходят какие-то нервные или электрические токи, и все уснивающаяся любовь к Людвигу переполняла ее. Несколько раз она в полусне протягивала руки и нежно шептала:

— Людвиг! Милый Людвиг!..

А с первыми лучами солнца она уже вылетела вместе с ним на собственном самолете.

Они летели в Ментону, на одну из принадлежавших ей вилл, купленную Карлом Готтлибом незадолго до его смерти.

После долгой жизни взаперти и полуодинокства этот полет в обществе Людвига казался ей сказочно прекрасным.

Ей одновременно хотелось смотреть на Людвига и любоваться разворачивающейся внизу панорамой. Глядя на открывавшийся перед нею необъятный простор, она весело напевала:

Я вольная птица, хочу я летать!..

— Глупая песенка, — обратилась она со смехом к Штирнеру, — «хочу я летать». Надо петь: «Я вольная птица, с тобой я лечу». Смотри, как смешно: отсюда мы видим только черепичные крыши, и дома кажутся

красивыми квадратиками на зеленом ковре. А это что за муравьи? Да ведь это стадо! Какое крохотное! Что там за снежные горы сияют вдали?

— Альпы.

— Уже Альпы! Мы будем лететь выше орлов!..

Никогда она не чувствовала себя такой счастливой.

Спуск совершился благополучно на небольшом аэродроме около Ниццы. Через час они были в своей вилле.

Вилла была расположена недалеко от Вентимильи, у границы, разделяющей здесь владения Франции и Италии.

Прекрасная белая вилла, стоявшая почти у берега моря, облицованная мрамором, вся утопала в зелени. Апельсиновые деревья были покрыты крупными плодами. На площадке перед виллой росли пальмы. Красная гвоздика ярким ковром покрывала эту площадку.

Единственным неудобством виллы было то, что близко проходило полотно железной дороги. Поезда шли почти беспрерывно, громяхая над головой. Но Эльза даже не замечала этого неудобства: ночью она хорошо спала, и шум не будил ее, а днем они совершали прогулки в горы, катались на своей яхте или летали на гидроплане вдоль берега, к Ницце и обратно. Замок игрушечного княжества Монако, прилепленный к желтым скалам, как ласточкино гнездо, сам казался игрушкой. Белой ниточкой протянулся у берега прибой. На пляже видны были гуляющие величиною менее булавки. А когда пилот, поворачивая обратно, направлял серый нос гидроплана в открытое море, зрелище было еще более изумительным. Края горизонта, высоко поднятые благодаря оптическому обману, превращали море в синюю чашу, над которой была опрокинута голубая чаша неба. И казалось, что гидроплан находился в центре шара. Внизу проплывали игрушечные парусники... Эльзе хотелось смеяться от радости и счастья.

Она возвращалась на виллу бодрая и жизнерадостная, как никогда.

После рационализированного, холодного, полупустого стеклянного ящика — дома Готлиба — вилла казалась необычайно уютной и «жилой». Здесь Готлиб не успел еще ввести своих чудачеств. Вся обстановка была несколько старомодна, но красива и удобна. Не ночью, но хороший рояль очень понравился Эльзе, и она

играла на нем в теплые вечера. Дверь на балкон была открыта, над водной гладью поднималась луна, бросающая на море серебряную полосу, а ожившие от ночной прохлады туберозы дышали сладкой истомой.

И пьесы, которые она играла, были такими же красивыми, полнозвучными и спокойно-радостными, как эти южные ночи.

Казалось, отдыхал и Штирнер. Даже очертания лица его стали мягче, и ироническая улыбка не кривила губы. Только иногда, останавливая взгляд на Эльзе, Штирнер вдруг становился задумчив и печален.

Две недели прошли незаметно.

Но в начале второй недели Эльза почувствовала в себе какую-то перемену. Она как будто стала пробуждаться от сна. Эльза уходила к себе и подолгу сидела одна. Непрошенные мысли снова начали беспокоить ее. И, чему она сама удивлялась, Людвиг как будто становился ей менее дорог. Она глядела на его лицо, и оно становилось как будто все более длинным и неприятным.

Штирнер замечал это и хмурился все больше. Не радовали его и телеграммы Зауера. Он сообщал о ряде неудач. За время отсутствия Штирнера возродилось несколько банков. Некоторые крупнейшие заводчики и шахтовладельцы сумели получить заграничный кредит и оплатили векселя, выйдя таким образом из-под финансовой кабалы Штирнера. Но главное — с отъездом Штирнера против него поднялась большая газетная кампания. Объединение в руках одного банка Эльзы Глюк всего финансового и промышленного богатства страны признавалось опасным для государства и интересам населения. Правительственные газеты были так же вооружены против Штирнера, как и частные.

Необычайный, беспримерный успех Штирнера давал тему для самых различных предположений и толкований, причем большинство газет склонялось к тому, что чем бы ни был вызван этот успех, он выходит из обычных рамок, а потому необходимо бороться с этим могуществом также необычными мерами, не предусмотренными в законе. Возможно, что правительство издаст специальное законодательное постановление, направленное против Штирнера. Министры, не утвердившие устава акционерного общества Мюнстерберга и Шумахера, принуждены были под влиянием общественного мнени-

ния подать в отставку, хотя негласное следствие, которое велось против них, не могло установить наличия корыстных мотивов в их поведении, иначе говоря — подкупа их Штирнером. Мюнстерберг не перенес удара и умер. Шумахер делал попытку покончить с собой, выжил и уехал в Америку.

Таковы были новости последней недели. О Штирнере знал уже весь мир. Имя его было у всех на устах. Здесь, в Ментоне, он с женой держался особняком. Каждый их выход возбуждал такое любопытство, смешанное со страхом, что Штирнер сам избегал показываться в обществе.

Пока Эльза была нежна с ним, он не чувствовал особого одиночества. Но за последние дни она становилась все холоднее к нему, а он делался все более мрачным.

Потом он вдруг принялся за работу, заказал железные листы, проволочную сетку, изоляторы, целый ворох электротехнических материалов, приказал отнести все это в отдельную комнату и там заперся на целый день.

На другое утро Эльза была вновь нежна и переполнена любовью к нему. Но казалось, и это уже не радовало его.

Чтобы рассеяться, он предложил ей прогуляться в горы, — они уже давно не выходили из дому. На этот раз Эльза охотно согласилась.

Они зашли далеко и остановились отдохнуть в небольшом, белом, чистеньком домике. Гостеприимная, словоохотливая и любопытная старушка принесла им молока и, осведомившись, откуда они, заговорила:

— Вот вы откуда! Там, говорят, теперь появился какой-то человек — Штирнер. Чего только у нас про него не говорят! Они с женой теперь самые богатые люди во всем мире, но только темное это богатство! Сколько народу погибло из-за него, сколько разорилось, сколько крови и слез пролилось...

В дверь постучались, и тотчас, не ожидая ответа, в комнату вошел запыхавшийся слуга с виллы.

— Простите, господин Штирнер, вы приказали все срочные телеграммы доставлять немедленно... — и, утирая пот со лба, он подал телеграмму. — Вот, только что получена.

Старушка от волнения выронила из рук полотенце, задрожала, с ужасом уставившись на Штирнера. Штир-

нер раскрыл и прочел телеграмму. Затем он вдруг поднялся и нахмурился.

— Вы можете идти, Жан! — сказал он слуге и, бросив золотой ошеломленной старухе, подал руку Эльзе.

— Идем! Нам надо немедленно собираться в дорогу.

Старушка долго смотрела вслед, потом осторожно взяла двумя щепочками золотой и, шепча молитву, выбросила монету в выгребную яму.

— Проклятые деньги!

— Что случилось, Людвиг? — тревожно спросила Эльза. — Милый, неужели опять туда? Так скоро! — И она, как бы прощаясь, с грустью окинула взглядом небо, берег и море.

— Мое присутствие необходимо. Зауер телеграфирует, что мои враги воспользовались моим отсутствием и вновь начали борьбу.

Лицо Людвига вдруг стало жестким.

Высвободив свою руку из-под руки Эльзы так резко, что она в испуге отшатнулась, он со злостью крикнул, потрясая кулаком:

— Куш на место, проклятые!

Фальк, услышав знакомое слово, покорно улегся на дороге, положив морду на протянутые лапы.

По приезде домой Штирнер нашел положение дел серьезнее, чем он ожидал. Десятки разорившихся банкиров объединились, создали новые банки, успешно конкурировавшие с банком Эльзы Глюк. Им удалось не только отвлечь часть банковской клиентуры, но и выкупить несколько крупных фабрик и заводов, находившихся в финансовой кабале у Штирнера. Вдобавок правительство уже был подготовлен закон «О банковских учреждениях», явно направленный против Штирнера. И Штирнер, забыв об Эльзе, вновь погрузился в борьбу, целыми днями не выходя из своей комнаты. На этот раз, однако, Штирнеру удалось скоро справиться со своими противниками. Конкурировавшие банки были вновь прибраны к рукам, об издании законов, ограничивающих свободу операций Штирнера, не было и речи. Больше того, был издан ряд новых законов, легализовавших новые порядки, введенные Штирнером в банковской практике.

Для него вновь наступила полоса относительного спокойствия.

Он чаще виделся с Эльзой, возобновил свои научные занятия, посещал свой «зверинец» и строил какие-то сложные приборы.

Но, несмотря на все это, он чувствовал себя утомленным. Он жил слишком нервной жизнью, растрачивал много нервной энергии. Приглашенный врач нашел у него психастению. Это болезненное состояние обостряло у него чувство одиночества, в особенности теперь, когда жизнь протекала относительно спокойно. Даже ласки Эльзы не успокаивали, а иногда и раздражали его.

— Не то, не то! Ты ли ласкаешь меня, или я сам ласкаю себя твоей рукой? — говорил он непонятные Эльзе фразы.

Но ее музыка действовала на него еще благотворно. Вечерами злой дух одиночества особенно мучил его, как Саула, и Штирнер бежал к своему Давиду* — как называл он в такие минуты Эльзу, — и просил ее:

— Играй, играй, Эльза! Я хочу музыки, она успокаивает меня...

И Эльза садилась за рояль и играла овечьими тихой тоской ноктюрны Шопена**

Перед ними вставляли картины их безоблачного счастья в первые недели поездки на юг.

Из зимнего сада доносился запах цветов, окутывало очарование южной ночи. Но теперь к этому очарованию примешивалась печаль об утерянном счастье.

— Простите, что я помешал вам, — вдруг услышали они голос Зауера. — Поздравьте меня, сегодня утром у меня родился сын!

Штирнер и Эльза поднялись, почему-то взволнованные этой вестью.

— Я даже не мог сообщить вам об этом по телефону, — продолжал Зауер. Он выглядел очень усталым, но счастливым. — Не спал всю ночь... волновался. Сейчас она спит.

— Благополучно?

— Роды были трудные. Жена очень слаба. Осложнения с почками. Врачи говорят, что ей необходимо будет поехать на юг и, вероятно, надолго. Но она не соглашается ехать без меня. Вы отпустите меня?

И Зауер просительно смотрел на Штирнера и Эльзу. Штирнер задумался.

— Конечно, Людвиг? — сказала Эльза.

— Дня через два я дам ответ. Думаю, что это будет возможно. А пока позвольте поздравить вас с Зауером-младшим!

Зауер поклонился.

— Простите, но я спешу. — И, быстро попрощавшись, он вышел. А Эльза и Штирнер стояли, облокотившись о рояль, погруженные в свои думы.

IV. МАССОВЫЙ ПСИХОЗ

Прошла неделя, а Зауер с женой еще не уезжали. Последние дни Штирнер почти не выходил из своей комнаты и был очень мрачен. Даже музыкальные вечера в большом зале были отменены. Эльза иногда пыталась повидаться со Штирнером, но что-то удерживало ее. Одинокó бродила она по залу, останавливалась, заламывала руки и тихо шептала:

— Как я несчастна!..

В конце недели образ Штирнера начал как-то тускнеть в ее сознании. Иногда перед нею проносилось его лицо, и оно казалось ей чужим и страшным.

Все чаще окидывала она взором окружающую обстановку с недоумением, как будто в первый раз видела ее. А в конце недели ее начал преследовать образ Зауера. Милый Зауер, как она могла забыть его? О том, что Зауер женат, что у него родился ребенок, она совершенно не думала, как будто этого и не было. Случайно встретившись с Зауером, она окинула его таким нежным взглядом, что он посмотрел на нее с недоумением, потом вдруг смутился и задумался, как будто припоминая какую-то ускользавшую мысль.

— Отто, — сказала она, вновь называя его по имени, — я так давно не видалась с вами... Отчего вы избегаете меня. Отто?.. — И, потянувшись к нему, она тихо добавила: — Я так одинока... Мне не хватает нас, Отто...

Они были одни.

Отто присял на стул рядом с Эльзой и усиленно тер лоб ладонью. Нежные слова Эльзы разбудили спавшие воспоминания. Лицо Зауера выражало мучительную борьбу. И вдруг какая-то мысль прорвалась и ос-

ветила его лицо. Он схватил Эльзу за руку и, глядя на нее влюбленными глазами, заговорил прерывающимся от волнения голосом:

— Да, да, мы так давно не видались! Эльза, милая Эльза! Как я мог забыть о вас? Я не знаю, что происходит с нами, но сейчас как будто рассеялся туман, и я увидел вас после долгой разлуки. Где вы были, Эльза? Что было с вами?

Они сидели, будто и в самом деле встретились после долгой печальной разлуки, и не могли насмотреться друг на друга.

Перебивая друг друга, они стали говорить о своей любви, о тоске одиночества, о радости этой встречи.

Часы с башенным боем били час за часом, гулко раздавались удары в пустых комнатах, а они, не замечая времени, продолжали сидеть и говорить...

Они не строили никаких планов, не вспоминали прошлого, не думали о будущем. Они просто упивались настоящей минутой, упивались этим лучом, так неожиданно разорвавшим мрак, окружавший их настоящие мысли и чувства. Еще раз пробили часы.

— Уже двенадцать, как поздно! — сказала Эльза. — До завтра, мой милый. — И она первая обняла и поцеловала Зауера долгим и крепким поцелуем.

Но это «завтра» не пришло.

Штирнер на время выпустил их из-под своего влияния только потому, что был с головой погружен в новые заботы. Он работал над каким-то сложным аппаратом, который должен был расширить его мощь, его власть над людьми. К созданию же этого аппарата его побуждали новые осложнения и новые огромные задачи.

Благодаря принятым им мерам продукция находившейся в его руках промышленности возросла необычайно, товары подешевели, внутренний рынок был уже перенасыщен ими. Штирнер стоял перед катастрофическим кризисом перепроизводства. Его могло спасти только завоевание иностранных рынков. Но на пути к этому стояли огромные препятствия. Иностранные государства, опасаясь конкуренции его дешевых товаров, установили высокие заградительные пошлины. Нужно было сломать во что бы то ни стало этот барьер. Экономическая война, которую он вел с иностранными конкурентами, находилась в том перноде, когда

она неминуемо должна была перейти в вооруженное столкновение. Но объявить настоящую войну было делом сложным. Правда, с правительством он делал, что хотел. Но все же правительство было средостением между его волей и действием. И он решил, что настал момент уничтожить правительство. Он сам станет единым, неограниченным правителем страны. Он подчинит своей воле миллионы людей, внушит им мысль о необходимости войны. и они с радостью пойдут умирать, как умирали солдаты Наполеона.

Но для этого должно быть орудие необычайной мощности, «дальнобойности», покоряющее мысли и волю людей, орудие массового внушения, радиоволны... И он усиленно работал над этим, позабыв на время об окружающих его людях.

В тот самый день, когда Эльза и Зауер с поцелуем расстались друг с другом, задача Штирнера была разрешена. И только ночью он вспомнил об Эльзе и Зауере. Он вспомнил. И в их душах все переменялось. Зауер вновь любил свою маленькую «куколку» Эмму и боготворил ребенка, а Эльза уже в предутреннем сне с нежностью повторяла имя Людвиг.

Наутро она пришла к нему в кабинет и, поцеловав в лоб, сказала:

— Милый Людвиг, у меня к тебе две просьбы!

— Здравствуй, дорогая... Целых две! Приказывай, повелительница.

— Здесь Готлиб.

— Опять Готлиб?

— Это молодой Готлиб, Рудольф.

— Но молодой как две капли воды похож на старого. Ему нужны деньги, не так ли?

— Рудольф поссорился с отцом, когда узнал, что старик получил от нас двести тысяч и ничего не дал ему, и Рудольф Готлиб просит...

— Ни в коем случае!

— Но мы так богаты, Людвиг!

— Именно потому, что мы так богаты. Бросить подачку старику куда ни шло. Но дать этому мальчишке — значит дать ему повод думать, что мы не совсем ладно оттягали у него лакомый кусок и сами сознаем это. Тогда от него не отвяжешься. Он начнет шаантажировать нас. Старику немного надо, и он удовлетворен. А Рудольф... Он еще опасен. Нет, нет, доро-

гая. Я не могу этого сделать в твоих же интересах.

— Но я почти обещала ему...

Штирнер подумал. Он был в хорошем настроении. Какая-то мысль заставила его улыбнуться.

— Я сам поговорю с ним. Садись, Эльза, одну минутку.

Штирнер скрылся в своей комнате и скоро оттуда вернулся.

— Я сыграю над ним шутку, которая отведит его от этого дома. Я просто мог бы заставить его забыть наш дом, но мне совсем не улыбается брать его в число «опекаемых», — сказал Штирнер непонятную Эльзе фразу.

Штирнер позвонил и приказал вошедшему лакею пригласить Рудольфа Готлиба.

Готлиб вошел. Он не был похож на просителя. Жадность, приведшая его сюда, боролась в нем с напыщенной гордостью.

— Садитесь, молодой человек, — сказал Штирнер, — вам нужны деньги?

Рудольфа передернуло от этого обращения, но он сдержался. Только веснушчатое лицо его вспыхнуло.

— Да, мне нужны деньги, — сказал он, оставаясь стоять, — и, как мне кажется, моя... просьба не совсем безосновательна.

«Дурак! — подумал Штирнер. — Этим началом он сам обезоруживает себя!»

— Господин Готлиб, если вы ставите так вопрос, то обратитесь в надлежащие судебные учреждения и доказывайте там основательность ваших «законных» претензий.

— Кроме норм юридических, есть нормы моральные, — ответил Рудольф заранее приготовленную фразу. — Мне нечего доказывать мои моральные права.

— Моралью ведает благотворительность, а здесь не благотворительное учреждение.

— Довольно вывертов! — вдруг вспыхнул Рудольф. — Или вы удовлетворите меня, или я...

— Ах, вы угрожаете? Таких посетителей я имею обыкновение выводить с особым почетом.

Штирнер свистнул. Из смежного кабинета послышались мягкие, но тяжелые шаги. В кабинет, переминаясь с ноги на ногу, вошел на задних лапах бурый медведь. Он молча приблизился к Рудольфу и, упер-

нишь лапами в грудь, стал толкать его к выходной двери.

Рудольф побледнел и полуживой от страха дошел до двери, потом вдруг с истерическим криком бросился бежать от преследующего его медведя.

Эльза была испугана, Штирнер хохотал, откинувшись в кресле.

— Вот лучший способ отвадить нежелательных посетителей. Больше не явится, будь покойна!

И он опять засмеялся.

Позвонил телефон.

— Алло! Штирнер, да, я вас слушаю. А, опять вы, господин Готлиб? Вы этого так не оставите? Ого! А вы хорошо стреляете? Так, так. Только не советую охотиться на меня вблизи дома! Имейте в виду, что я отдал приказ моим четвероногим друзьям о том, что если вы еще раз попадетесь им на глаза, то они должны разорвать вас на части, как глупого козленка!.. Что смерть вашего дядюшки? Убийца? Скажите пожалуйста!.. Так, так... Желаю успеха!

— Дурак, — сказал Штирнер, кладя трубку телефона.

— Людвиг, можно ли так пугать людей?

— Дорогая моя, это наиболее безобидное орудие в арсенале человеческой борьбы. Но у тебя была еще вторая просьба?

— Теперь уж я не знаю...

— Не беспокойся. Твой второй протеже не попадет в объятия медведя. Кто он?

— Это Эмма. Я была у нее. И она умоляла меня отпустить с ней Зауера на юг. Ей необходимо лечиться, а без мужа она не поедет.

— Да, можно. Теперь можно. Я обойдусь без Зауера. — И, взяв в руки утренний выпуск газеты, Штирнер повторил: — Теперь можно! Кстати, ты не читала сегодняшней газеты? Вот прочти, любопытная заметка. Читай вслух.

Эльза взяла газету, на которой Штирнером было подчеркнуто красным карандашом заглавие:

«МАССОВЫЙ ПСИХОЗ

Вчера вечером в городе наблюдалось странное явление. В одиннадцать часов ночи, в продолжение пяти минут, у многих людей — чи-

сло их пока не установлено, но, по имеющимся данным, оно превышает несколько тысяч человек — появилась навязчивая идея, вернее, навязчивый мотив известной песенки «Мой милый Августин». У отдельных лиц, страдающих нервным расстройством, подобные навязчивые идеи встречались и раньше. Необъяснимой особенностью настоящего случая является его массовый характер. Один из сотрудников нашей газеты сам оказался жертвой этого психоза. Вот как он описывает событие:

— Я сидел со своим приятелем, известным музыкальным критиком, в кафе. Критик, строгий ревнитель классической музыки, жаловался на падение музыкальных вкусов, на засорение музыкальных эстрад пошлыми джаз-бандами и фокстротами. С грустью говорил он о том, что все реже исполняют великих стариков: Бетховена, Моцарта, Баха. Я внимательно слушал его, кивая головой, — я сам поклонник классической музыки, — и вдруг с некоторым ужасом заметил, что мысленно напеваю мотив пошленькой песенки: «Мой милый Августин». «Что, если бы об этом узнал мой собеседник? — думал я. — С каким бы презрением он отвернулся от меня!..» Он продолжал говорить, но будто какая-то навязчивая мысль преследовала и его... От времени до времени он даже встряхивал головой, точно отгонял надоедливую муху. Недоумение было написано на его лице. Наконец критик замолчал и стал ложечкой отбивать по стакану такт, и я был поражен, что удары ложечки в точности соответствовали такту песенки, пронесившейся в моей голове. У меня вдруг мелькнула неожиданная догадка, но я еще не решался высказать ее, продолжая с удивлением следить за стуком ложечки.

Дальнейшие события ошеломили всех!

— Зуппе, «Поэт и крестьянин», — анонсировал дирижер, поднимая палочку.

Но оркестр вдруг заиграл «Мой милый Августин». Заиграл в том же темпе и в том же тоне... Я, критик и все сидевшие в ресторане поднялись как один человек и минуту стояли, будто пораженные столбняком. Потом вдруг все сразу заговорили, возбужденно замахали руками, глядя друг на друга в полном недоумении. Было очевидно, что эта навязчивая мелодия преследовала одновременно всех. Незнакомые люди спрашивали друг друга, и оказалось, что так оно и было. Это вызвало чрезвычайное возбуждение. Ровно через пять минут явление прекратилось.

По наведенным нами справкам, та же навяз-

чаявая мелодия, охватила почти всех живущих вокруг Биржевой площади и Банковской улицы. Многие напевали мелодию вслух, в ужасе глядя друг на друга. Бывшие в опере рассказывают, что Фауст и Маргарита вместо дуэта «О, ночь любви» запели вдруг под аккомпанемент оркестра «Мой милый Августин». Несколько человек на этой почве сошли с ума и отвезены в психиатрическую лечебницу.

О причинах возникновения этой странной эпидемии ходят самые различные слухи. Наиболее авторитетные представители научного мира высказывают предположение, что мы имеем дело с массовым психозом, хотя способы распространения этого психоза остаются пока необъяснимыми. Несмотря на невинную форму этого «заболевания», общество чрезвычайно взволновано им по весьма понятной причине. Все «необъяснимое», неизвестное пугает, поражает воображение людей. Притом высказываются опасения, что «болезнь» может проявиться и в более опасных формах. Как бороться с нею? Как предостеречь себя? Этому никто не знает, как и причин появления «болезни». В спешном порядке создана комиссия из представителей ученого мира и даже прокуратуры, которая постарается раскрыть тайну веселой песенки, нагнавшей такой ужас на обывателей. Будем терпеливы и сохраним спокойствие. Быть может, все окажется не столь серьезным и страшным, как кажется многим.

Эльза окончила чтение и посмотрела на Штирнера.

— Что же все это значит, Людвиг? — спросила она.

— Это значит, что все великолепно! Идем завтракать, дорогая!

V. КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

Веселая немецкая песенка, всполошившая население огромного города, вопреки успокоительным уверениям газет, оказалась делом серьезным, внушающим большие опасения.

Не прошло и недели с тех пор, как тысячи людей вынужденно пели эту песенку, случилось событие, которое еще в большей степени взволновало не только общество, но и правительство.

Ровно в полдень в части города было приостановлено на одну минуту все движение. Можно было подумать, что происходит какая-то «минутная забастовка протеста». Но забастовка небывалая по своей организованности и своеобразию.

Работа учреждений вдруг приостановилась, как по мановению волшебного жезла.

Чиновники перестали писать, будто мгновенный паралич сковал их руки. Приказчики в магазинах замерли с протянутым покупателю товаром и стояли без звука, с раскрытым ртом и застывшей улыбкой, как в столбняке.

В ресторанных оркестрах музыканты превратились в статуи с остановившимися смычками в руках. Замерли в своих позах и посетители — кто с поднятой чашкой в руке, кто с куском мяса на поднесенной к открытому рту вилке.

Но особенно поражал вид улиц и площадей, охваченных странным столбняком. Вот конвойные с арестованным посередине. Арестованный легко мог бы убежать от своих окаменевших стражников, если бы и сам не застыл с поднятой ногой. На базаре голодный мальчик, с расставленными на бегу ногами и сильно наклонившимся телом, протягивает руку к пирожку. Торговка бросается на него с видом курицы, защищающей цыплят от налетающего коршуна. В этой окаменевшей группе столько движения, выразительности, живости, что скульптор дорого бы дал, чтобы иметь возможность приводить в такое состояние своих натурщиков. Будто моментальный фотографический снимок закрепил мгновенную игру мимики лиц и движений мускулатуры.

Тою же каталепсией были охвачены и прохожие на тротуарах. Удивительнее всего было то, что это странное явление захватило городское движение полосой. Всякий прохожий, вступая в таинственную зону, мгновенно каменел, а по ту и другую стороны этой зоны обычное движение не прекращалось. Автомобили, въезжавшие с разгона в эту «мертвую зону», проскакивали ее. Вернее, их выносила машина. Шофер же и пассажиры на целую минуту теряли способность не только двигаться, но и думать.

И автомобили не заворачивали на поворотах, врезались в дома, наезжали один на другой, нагроможда-

ясь целыми поездами. Произошло крушение двух поездов городской железной дороги, причем один поезд, разбив упор, свалился на улицу.

Не успело общество прийти в себя от этого потрясения, как город постиг новый удар.

Полосой через город прошла волна какого-то массового пятиминутного помешательства. Крайнее возбуждение охватило всех. И пунктом помешательства на этот раз было слово «война».

— Война, война до победы! Смерть врагам! — кричали мужчины, размахивая палками и зонтами, кричали женщины, старики и дети в необычайном задоре и нестройно пели национальные гимны. Лица всех были страшны. Казалось, эти люди уже опьянены кровью и видят перед собой смертельного врага.

— Смерть или победа! Война! Да здравствует война!

Жажда действия, борьбы, крови была так сильна, что на улицах произошел ряд побоищ.

Мужчины и дети дрались между собой. Женщины окружили полную даму, показавшуюся им иностранкой, и били ее зонтиками так, что от зонтиков остались одни изогнутые прутья. Их лица были бледны, глаза горели ненавистью, шляпы падали на землю, волосы распускались. А они продолжали избивать несчастную женщину с каким-то садизмом, почти сладострастным упоением жестокостью. Везде им чудились иностранные шпионы. Толпа мужчин, остановив проезжающий автомобиль «скорой помощи», вытащила воображаемого шпиона. Мужчины сорвали бинты с обожженного тела несчастного. Больной кричал, а обезумевшие люди рылись в перевязках в поисках секретных бумаг.

Все они, и мужчины, и женщины, старики и дети, были в таком состоянии, что действительно пошли бы умирать на поля сражений и умерли бы, думая не о себе, а только о том, чтобы убивать.

Припадок безумия прошел так же внезапно, как и начался.

Ошеломленные, потрясенные люди смотрели на избитых и раненых, на следы крови на земле, на свои истерзанные, растрепанные костюмы и волосы и не могли понять, что все это значит.

Комиссия, созданная для расследования причин массового помешательства людей на мотиве веселой песен-

ки, скоро была преобразована в комитет общественного спасения.

Спасения от кого? Комитет не знал этого. Но что обществу угрожала огромная, небывалая в истории опасность от неизвестного, невидимого врага — будь то человек или неизвестный микроб, — в этом никто больше не сомневался. Новый неведомый враг казался правителям опаснее войн и революций именно потому, что он был неведом. Неизвестно было, откуда придет новая опасность и как бороться с нею. Возбуждение общества было необычайно. Каждый день десятки людей сходили с ума и кончали жизнь самоубийством, не будучи в состоянии переносить напряженное ожидание новых неведомых бед. С величайшим трудом правительство и печать поддерживали обычное течение жизни. Казалось, еще немного, и распадется не только государство, но и все основы общежития, и общество превратится в сплошной сумасшедший дом.

В столице это чувствовалось особенно сильно. Находились проходимцы, которые, однако, не поддавались в такой степени панике. Они сами поддерживали эту панику, распространяя чудовищные слухи.

— Скоро наступит новый приступ болезни, и люди начнут перегрызать друг другу горло...

— Люди перестанут дышать и умрут в страшных мучениях от удушья...

— Наступит внезапный сон, и никто больше не проснется...

И всему этому верили.

После того, что было, все казалось возможным.

Люди за бесценок распродавали свои дома и вещи тем, кто спекулировал на панике, и уезжали из города в места, еще не захваченные эпидемией.

Комитет общественного спасения заседал почти беспрерывно. Заседания эти, из опасения быть открытыми невидимым врагом, — если он живое существо, — происходили в глубоком подвальном помещении городской ратуши и обставлялись большой тайной. Несмотря на то, что члены комитета попеременно совещались день и ночь, тайна оставалась нераскрытой.

Среди приглашенных экспертов-ученых существовало разногласие.

Психиатры высказывали мысль о массовом психозе и гипнозе. Вспышка кровожадных воинственных

чувств еще поддавалась этому научному объяснению, но труднее было объяснить одновременное исполнение массами людей одной и той же песенки. Эта песня, несмотря на невинность «заболевания», казалась ученым более страшным явлением, чем внезапное возбуждение уличной толпы. Наука знает примеры заразительности эмоций, ярко выраженных внешним образом, знает примеры «преступности толпы», массового гипноза. Но формы массового «скрытого» гипноза ей неведомы.

Ссылка на факиров, будто бы способных производить нечто подобное, казалась неубедительной. Все их чудеса, совершаемые будто бы с помощью массового гипноза, не проверены, не изучены и переплетены с выдумкой фантазеров-путешественников.

«Микробная гипотеза», пытавшаяся объяснить таинственные явления действием нового микроба, также не привела ни к чему.

Сотни лиц, подвергшихся новой «болезни», были тщательно исследованы, врачи произвели анализ их крови, но никакого микроба не нашли.

— Вопрос будет решен совершенно в иной области, — говорили инженеры-электрики. — Вероятнее всего, мы имеем дело с радиоволнами, которые непосредственно воспринимаются организмом человека.

— Люди-радиоприемники? — с иронией спрашивали их старые инженеры. — Это что-то из области фантастики!

— А само радио разве не из области фантастики? — отвечали первые.

Старики пожимали плечами.

— Докажите!

— И докажем!

И, подобно своим коллегам-медикам, инженеры усаживались за опыты. В то время как ученые сидели в своих лабораториях над микроскопами и катодными лампами, желая раскрыть тайну, над раскрытием этой же тайны усиленно работал Иоганн Кранц.

Иоганн Кранц не принадлежал к почтенной корпорации ученых. Он был всего только полицейским сыщиком. Человек с большим профессиональным опытом и неплохой головой, Кранц не задавался даже вопросом, кто враг: микроб или человек. Кто бы он ни был, врага нужно найти по тому методу, который не раз приводил Кранца к цели. Следы преступления! Вот что ин-

тересовало сыщика. Их было более чем достаточно, надо только умело пользоваться ими. И Кранц усиленно принялся за работу, возбужденный ее важностью и таинственностью, а также и тщеславным желанием опередить многодумных очкастых ученых.

В большом кабинете за письменным столом, заваленным трофеями его «побед» — снимками преступников, дактилоскопическими оттисками, отмычками, вещественными доказательствами, он сидел ночи напролет над большим планом города, систематизируя все сообщения газет и полицейские донесения о последних событиях.

Он буквально плавал в табачном дыму, изредка проветривал комнату, вновь дымил и наносил на план какие-то пунктирные линии, как будто он уже преследовал по пятам опознанного им преступника.

— Готово! — воскликнул он, сведя две линии в тупой угол на карте города.

Был четвертый час утра. Кранц спешно сложил план города, всунул в потрепанный портфель, вызвал автомобиль и помчался в комитет.

— Срочное сообщение! Тайна раскрывается! — крикнул он, влетая в сводчатый зал.

Собрание, несмотря на поздний час довольно многочисленное, всполошилось.

— Вы открыли тайну? — спросил взволнованно один из членов комитета.

— Тайна раскрывается, сказал я, и она будет раскрыта, — ответил Кранц. — Я нашел местопребывание преступного микроба или человека. Я нашел тот фокус, откуда исходят таинственные влияния, — продолжал Кранц, спешно вынимая план и раскладывая его на столе.

• Все обступили его, и он начал объяснять:

— Метод мой очень прост: я систематизировал весь материал о необъяснимых происшествиях, чтобы точно определить районы, захваченные «эпидемией помешательства». И вот что случилось. Случай с песенкой дал мне немного. Эта эпидемия захватила часть города по кругу радиусом около двух километров. Дальше двух километров навязчивый мотив наблюдался все слабее и на третьем километре он никого не затронул. Центр этого круга находился приблизительно около Биржевой площади и Банковской улицы. Именно вблизи этого

места отмечалась такая сила навязчивости мотива, что о нем не только думали, но и пели его вслух. К сожалению, определить математически точно этот центр не удалось, так как установить убывающую градацию силы навязчивости на основании опросов не удалось. Лица, бывшие в одном и том же месте, дают довольно разные показания; очевидно, субъективные особенности представляли каждого воспринимать по-разному.

— И только-то? — сказал кто-то разочарованно.

— Совсем не только-то. Следующая эпидемия дала гораздо больше. Эта эпидемия шла по известному направлению, захватив сравнительно узкий сектор, и заканчивалась в определенном месте. Получилось нечто вроде луча, который начинался от здания банка Эльзы Глюк.

Толпа зашумела.

— Штирнер! Это, конечно, он! Я говорил!

Имя Штирнера не раз уже упоминалось в комитете.

— Не спешите с выводами, господа, — прервал Кранц. — Я также был уверен, что нити привели меня к Штирнеру. Но для проверки я с нетерпением ожидал следующего «сеанса». «Военное помешательство» и было этим сеансом. Оно также прорезало город, как луч, и подошло к дому Готлиба — теперь Эльзы Глюк. Получился тупой угол. Но если свести концы, то исходная точка окажется за домом Эльзы Глюк. Она падает на смежный дом. Вот, изволите ли видеть.

И он показал план, давая объяснения.

— Что же помещается в этом смежном доме, где вершина угла?

— Ресторан «Ампир». Вот куда должны быть направлены наши поиски. — И Кранц шлепнул по карте жирной ладонью, как будто прихлопнул муху.

Доводы Кранца были просты и убедительны.

После небольшого совещания комитет решил произвести в ресторане «Ампир» и номерах помещавшейся в том же доме гостиницы повальный обыск.

Тотчас была по телефону поставлена на ноги вся полиция.

Большой отряд солдат сплошным кольцом окружил дом. Обыскивали перепуганных жильцов, перевернули все вверх дном от чердака до подвала, но, несмотря на все старания, не нашли ничего подозрительного.

Кранц был смущен, но не сдавался.

— Всю эту фантасмагорию мог производить кто-либо из посетителей ресторана.

Это также было невозможно.

Всем жившим в доме строжайше запретили говорить кому-либо о ночном обыске.

Нескольких лиц, возбудивших подозрение, арестовали, а за посетителями ресторана решили установить негласное наблюдение.

Однако весть разнеслась по городу.

Возбужденная толпа разгромила ресторан, и его пришлось закрыть.

Кранц кряхтел и ругался, раздосадованный неудачей.

— Ну, мы еще поборемся! — говорил Кранц. — Кто бы ни был наш противник, он теперь знает, что мы на верном следу. Посмотрим, осмелится ли он еще раз напомнить о себе! Третья линия решит его судьбу.

VI. НЕУДАВШЕЕСЯ ПОКУШЕНИЕ

— Счастье! Радость! Блаженство! Как прекрасна жизнь! Какое наслаждение!

Молодой человек с отуманенным взглядом и широкой улыбкой на лице обнял уличный фонарь, как будто это был его близкий друг.

— Милый фонарь! Счастлив ли ты так же, как я...

— Дорогая моя, как я люблю вас! Как все вы мне милы и дороги! — обнимал изможденный, плохо одетый старик молодую женщину в дорогом костюме.

И она целовала старика в жесткую щетину щек и шептала в ответ:

— Я так счастлива! Мне кажется, я нашла своего покойного отца... Он был похож на вас... Отец, дорогой отец!..

А рядом обнимались старые политические враги: монархист и анархист.

— Довольно борьбы! Жизнь так прекрасна!

Какой-то оборванец сорвал цветок на соседнем бульваре и, как сокровище, преподнес полицейскому.

— Друг мой, возьми! От меня!..

Толстый полицейский с сизым носом нежно поцеловал бродягу и взял у него цветок.

— Душевно благодарен! Цветы — радость жизни!.. Я так люблю цветы и песни!..

— Споем?

— Споем.

Они уселись на травке и, обнявшись, запели сентиментальную песенку, проливая слезы умиления.

— Берите, все берите!.. — кричал в иступленном восторге хозяин ювелирного магазина, набивая карманы посетителей кольцами и драгоценными камнями, жемчужными ожерельями и золотыми часами. — С собой в могилу все равно не возьмешь! Пусть радость наполнит ваши сердца, как она наполняет мое! К черту торгашество! Да здравствует всеобщее счастье!

В суде был оправдан важный политический преступник. И прокурор, известный своей жестокостью, отказавшись на этот раз от обвинения, обнял преступника, томно положил ему на грудь свою голову и, плача от умиления, бормотал:

— Друг мой, брат мой!.. Хорошо прощать и любить!..

Даже на бойне профессиональные скотобойцы обнимали приведенных на убой быков и нежно целовали их между глаз.

— Мордашка моя!.. — гладили они руками животных. — Испугался? Испей водички, отправляйся щипать травку в соседнем парке. Довольно крови! Дыши!..

Это произошло всего через несколько дней после разгрома ресторана. Злой гений, овладевший городом, казалось, бросал вызов и смеялся над попытками комитета бороться с ним. Как бы в вознаграждение за минувшее мрачное помешательство и за жертвы внезапной остановки городского движения неведомый враг подарил людям небывалое блаженство. Состояние блаженства было так велико, что люди, испытавшие его, готовы были на все, чтобы еще раз вкусить неведомого наслаждения. На этот раз все сохранили полное воспоминание о пережитом. И толковали о потерянном рае.

Это было едва ли не более страшно, чем вспышка кровожадности и жестокости. Какою властью над человеческими душами обладал этот неведомый враг? Он мог отравить людей ядом наслаждения или страдания, сделать их слепым орудием своих желаний, сделать

блаженными или измучить, искалечить, убить, убить без единого выстрела, тихо, бесшумно, неизвестно откуда... Есть от чего прийти в отчаяние!

В глубоком подземном помещении ночью члены комитета сидели подавленные, молчаливые, тоскливо поглядывая на Кранца, который подводил итоги, систематизируя донесения о последнем происшествии, чтобы определить сектор города, охваченный безумием блаженства.

Изредка слышались нетерпеливые голоса:

— Как идет дело, Кранц?

— Прекрасно!

Кто-то сердито фыркнул.

— Хуже некуда!

— Напротив, — отвечал Кранц, — все идет великолепно. Никогда еще у меня не было столь увлекательной задачи. И почтенной, да, да, да!

Кранц быстро шевелил своими красными, толстыми пальцами, перебирая листки, и отмечал от времени до времени новый пункт на плане города.

— Кранц, как древний рыцарь, — продолжал он, — освобождает город от дракона, и ему ставят памятник. Кранцу, конечно, а не дракону, хе-хе! Или, вернее, нам вместе: Кранц с копьём в руке, а у его ног — пронзенный дракон.

— Как вы можете шутить? — спросил прокурор, недавно плакавший на груди преступника. — Кругом сплошной ужас. Если я буду отказываться от обвинения, государство погибнет...

— Я всегда шучу, даже перед дулом бандита. Что делать? Профессиональная привычка. Встречая опасность, можно только или смеяться, или убегать. А дела идут отлично, говорю я. Поветрие безумия опять носило характер направленной волны, и пусть меня изрежут бандиты, если вершина этого луча не идет опять к тому же месту. Еще пяток рапортов просмотрю — и готово...

Члены комитета в волнении обступили Кранца.

Наступило напряженное молчание.

Кранц нанес последние штрихи на карту.

— Есть!

— Опять к дому Эльзы Глюк! — вскрикнул чиновник министерства внутренних дел.

— Да-с, опять. Извольте посмотреть на план. —

Кранц отодвинул план от себя на середину стола и стал объяснять:

— Вот, извольте ли видеть, пучок номер первый, полоса безумия, когда остановилось все движение, а вот пучок номер второй — безумие войны. Здесь углы не сходились на доме Эльзы Глюк. Вершина падала на соседний дом, где помещался ресторан. Туда мы и направили поиски.

— И ошиблись.

— Вполне понятно: мы полагали, что источник воздействия один. Но третий пучок, поистине «счастливый» пучок — сектор безумного счастья, открыл нам ошибку. Оказывается, воздействие было из двух точек. Но обе эти точки находятся в доме Эльзы Глюк. Дом этот, как видите, очень длинен. Точки воздействия, очевидно, находились на двух противоположных концах дома. Вот почему и казалось, что вершина тупого угла, если источник воздействия один, должна пасть на соседний дом. Третий сектор дал нам другую вершину, где сошлись линии номер первый и третий. Ясно?

Все зашевелились.

— Я же говорил, что это дело Штирнера!

— Я еще раньше утверждал это.

— Злодей! Изверг! Теперь он в наших руках!..

— Кранц, мы успеем арестовать этого преступника еще сегодняшнюю ночь!

— Арестовать недолго, — отвечал Кранц, — но не лучше ли отложить до утра?

— Почему же до утра? — нетерпеливо спросил прокурор, который не мог простить Штирнеру свой отказ от обвинения и постыдную сцену братания с преступником.

— Очень просто, — отвечал Кранц. — Мы имеем дело не с обычным преступником, поэтому должны принять все меры предосторожности и обдумать каждый шаг, чтобы бить наверняка. Банк крепко запирается на ночь и хорошо охраняется. Если мы пойдем ночью, то, несмотря на все предосторожности, мы поднимем суматоху, которая предупредит врага. Лучше пойти утром, в час открытия банка, когда там еще немного клиентов. Прийти в штатском, вооружившись только револьверами. Войти по одному, не возбуждая подозрения банковских сторожей и служащих, а потом сразу броситься наверх, застать врага врасплох и захватить.

Несмотря на все нетерпение, прокурор принужден был признать эти соображения опытного сыщика правильными и отложить арест Штирнера до утра.

— Но я думаю, — продолжал Кранц, — что нам может быть, придется отложить и еще на один день...

— Этого не доставало! — воскликнул сухой старик в очках, министр внутренних дел, лично прибывший в комитет.

Кранц поднял брови.

— Что делать, ваше высокопревосходительство, я уже изволил докладывать, что надо обдумать каждый шаг, буквально каждый шаг. Мы должны хорошо знать все расположение дома Эльзы Глюк, все входы и выходы, точно знать комнату, где помещается Штирнер, и прочее. Надо собрать эти сведения, а на это потребуется время.

Все вновь приуныли.

Вдруг начальник полиции ударил ладонью себя по лбу:

— Позвольте! Я, кажется, нашел выход. Поистине сама судьба благоприятствует нам! Только на днях я зачислил в мою канцелярию одного молодого человека — Рудольфа Готлиба; известна вам эта фамилия?

— Еще бы! Неудавшийся наследник. Племянник покойного банкира!

— Вот вам проводник, Кранц, — улыбаясь, сказал начальник полиции. — Лучшего не найти. Он на правах будущего наследника изучил весь дом сверху донизу. К Штирнеру питает самое искреннее чувство ненависти. Словом, человек вполне подходящий.

— Отлично, но где его достать?

— Нет ничего легче! — Начальник полиции позвонил по телефону и отдал распоряжение.

Не прошло часа, как заспанный Рудольф Готлиб сошел в подвал, где заседал комитет.

Сонливость Рудольфа прошла сразу, когда он узнал, зачем его вызвали. У него загорелись глаза. Сжимая кулаки, Готлиб воскликнул:

— Теперь я посчитаюсь с вами, господин Штирнер! Начальник полиции сиял.

— Господин начальник, — обратился к нему Рудольф, — я убедительно прошу вас не отказать в одной покорнейшей просьбе!

— В чем дело, мой друг?

— Разрешите мне собственноручно убить эту гадину!

— Ну как же так, без следствия и суда? — замялся министр юстиции. — Ведь у нас пока нет прямых улик.

— А знаете, господа, — вдруг вмешался в разговор прокурор, — молодой человек прав. Дело слишком серьезное, чтобы играть в правосудие. Что все это проделал Штирнер, едва ли кто из нас сомневается. Крапц прав, говоря, что мы имеем дело не с обычным преступником. Значит, к нему должны быть применены необычные меры. Этого требует охрана государства и граждан. Если мы будем возиться со Штирнером, я не уверен, что во время суда над ним он не заставит меня вместо обвинительной речи целоваться с ним и предложить ему папироску. Когда на карте стоит судьба страны, — а это так и есть, — с нашей стороны было бы прямо преступно рисковать и, быть может, выпустить врага из рук во имя соблюдения формальностей. И потом... гм... мы в своем кругу... Разве Штирнер не может быть убит при попытке к бегству? Как ни осуждают такой способ, по существу, в нем нет даже обмана, потому что какой же преступник не желает избежать наказания и не воспользуется всяким случаем к бегству? Таким образом, мы одним ударом отделаемся от врага.

— Совершенно верно! — отозвался начальник полиции. — Кто попирает законы общества и государства, тот вне закона!

— Вы метко стреляете, Готлиб? — спросил Крапц.

— Пуля в пулю, весь заряд.

— Ну что ж, в добрый час! — сказал начальник полиции.

До наступления утра обсуждался план нападения. Было решено идти только четверым: Рудольфу Готлибу, Крапцу и двум надежным агентам полиции. Эти двое брались как резерв.

— Чем меньше, тем лучше, — говорил Крапц.

В девять часов утра отряд был в сборе, вооружен парабеллумами, снабжен точными инструкциями.

— В добрый час! — еще раз сказал начальник полиции.

Отряд благополучно проник в банк, поднялся во второй этаж и, руководимый Рудольфом, направился к кабинету. Встречавшимся лакеям тихо, но повелительно

приказывали стоять на месте. Кабинет был пуст. Один из агентов стал у входной двери, другой — у двери, смежной с комнатой Штирнера, а Рудольф в сопровождении Кранца приоткрыл дверь таинственной комнаты Штирнера и бегом осмотрел ее. Комната была почти лишена мебели. Кровать с тумбочкой, небольшой шкаф и туалетный столик составляли всю обстановку. Половина комнаты была отгорожена дубовой, довольно массивной перегородкой. Штирнер сидел у зеркала за туалетным столиком и брился. На весь этот осмотр потребовалось не больше нескольких минут. Штирнер еще не успел повернуть головы на шум открываемой двери, как две собаки Штирнера бросились на Рудольфа прежде чем он успел вынуть револьвер. В то же время Штирнер, сидевший задом к двери, увидел Рудольфа в отражении зеркала и, вскочив со стула, в два прыжка был у перегородки, открыл дверь и скрылся за нею. Рудольф и Кранц, отбиваясь от собак, — им дана была инструкция стрелять только по Штирнеру, чтобы не поднимать раньше времени шума, — бросились к перегородке и стали стучать.

— Откройте, Штирнер! — кричал Готлиб. — Откройте, чего вы испугались?

Дверь открылась назад так неожиданно, что Рудольф, напиравший на нее, споткнулся.

— Осторожнее, не упадите! — спокойно сказал Штирнер. — Куш, Фальк! Куш, Бич!

Собаки покорно улеглись, положив морды на протянутые лапы, но продолжая внимательно следить глазами за посетителями.

— Я к вашим услугам, господин Рудольф Готлиб! — сказал Штирнер, усаживаясь опять за туалетный столик.

Рудольф Готлиб положил на этот же столик револьвер, взял кисточку и стал намыливать шею и щеки Штирнера.

Потом Рудольф взял бритву и начал ею брить.

Штирнер откинул голову назад, и Рудольф внимательно и осторожно брил горло.

— Немного беспокоит, Готлиб... Поточите бритву!

Рудольф направил бритву на ремне и продолжал брить.

Кранц стоял возле как на часах.

— Благодарю вас, Готлиб. Вы прекрасно бреете. У

вас талант, и я советую вам не зарывать его в землю. Открывайте парикмахерскую. Вы? — вопросительно обернулся Штирнер к Кранцу.

— Кранц! Иоганн Кранц! К вашим услугам! — вдруг ожил Кранц. И, бросив револьвер, схватил платяную щетку и начал чистить платье Штирнера.

— Благодарю вас, вот вам за труды! — и Штирнер дал им по мелкой монете.

Они униженно раскланялись и пошли к двери.

Выйдя из дома, все они разошлись в разные стороны.

Агенты пропали без вестн.

Кранц явился в тюрьму и потребовал, чтобы его засадили в одиночную камеру. Начальник тюрьмы принял это за шутку, но Кранц весь покраснел от гнева и затопал ногами.

— Я имею распоряжение от самого министра арестовать всех, кого найду нужным, и прошу не рассуждать! Вы не смеете не доверять словам служебного лица!

Начальник тюрьмы пожал плечами и отдал распоряжение. Кранца увели и заперли. Начальник тюрьмы справился по телефону, но получил ответ, что никто не давал приказаний арестовывать Кранца, что, наоборот, его очень ждут в комитете. Кранц, однако, категорически отказался выходить из тюрьмы.

— Если вы попытаетесь вывести меня силой, я буду стрелять! — угрожающе кричал он. — Меня сам Кранц засадил, сам Кранц только и может выпустить! Начальник тюрьмы махнул рукой.

— С ума спятил или напился!

Так как Кранц никогда не расставался с оружием, то было опасно применять к нему силу.

— Черт с ним, пусть сидит!

И Кранц сидел, наблюдая из дверного волчка за часовым в коридоре.

— Ты что плохо смотришь? — кричал он часовому. — Разве можно надолго останавливаться в одном конце? Службы не знаешь? Иди сюда, проверь замок, чтобы я не убежал.

Кранц, очевидно, составлял исключение из правила, о котором говорил прокурор: Кранц не обнаруживал никаких попыток к бегству.

Из всех участников неудавшегося нападения в коми-

тет вернулся только один Рудольф Готлиб! Но от него трудно было добиться толку. Он был растерян и мрачен. На все вопросы, нетерпеливо задававшиеся ему членами комитета, он отвечал какой-то несусазицей.

— Выбрил!

— Кто выбрил? О чем вы говорите?

— Я выбрил Штирнера.

Члены комитета переглянулись в недоумении.

— Может быть, это иносказательно, преступный жаргон, обозначающий убийство? — тихо спросил министр начальника полиции.

— Что-то не слыхал такого выражения, — ответил начальник.

— Да вы скажите толком, жив Штирнер или убит?

Рудольф обвел всех мутным взором, потом, горько улыбнувшись, ответил:

— Живей нас! Начисто выбрил! Надо будет открыть парикмахерскую!

VII. «ТРИЛЬБИ»

— Людвиг, наконец-то! — встретила Эльза Штирнера обычными словами и протянула руки. — Ты совсем забыл меня!

Они стояли в зимнем саду, разглядывая друг друга как после долгой разлуки. В самом деле, они не виделись уже почти месяц, и за это время оба несколько изменились. У Штирнера лицо стало как-то суше, глаза запали, взгляд сделался беспокойным, и резкие переходы настроения стали появляться чаще.

Эльза похудела так, что выступали ключицы и удлинился овал лица. Но ее взгляд стал неподвижным, больше затуманился, движения сделались вялыми и автоматическими. Внутренне она изменилась еще больше. Под влиянием ненормальной душевной жизни, в которой она жила, казалось, начинался распад ее личности. Она думала отрывками, неожиданно, без связи переходя от мысли к мысли. Так же неожиданно ломалось ее настроение. Из живого человека она все больше превращалась в автомат. Это отражалось и на характере

ее свиданий со Штирнером. Их разговор то обрывался на полуслове, то вспыхивал необычным оживлением...

Штирнер усадил Эльзу рядом с собой и прижал щеку к ее щеке. Она провела рукой по другой его щеке.

— Гладенький? Это Рудольф Готлиб выбрил меня!

— Готлиб? — удивленно спросила Эльза.

— Да, Готлиб, он хочет открыть парикмахерскую и тренируется, брея своих друзей.

Штирнер трескуче рассмеялся.

— Я не понимаю, Людвиг, ты шутишь?

— И не нужно понимать. Забудь о Готлибе.

Наступила пауза.

— Ты так изменился, Людвиг. Ты утомлен...

— Пустяки!

— Зачем ты так много работаешь? Может быть, у тебя есть неприятности?

Штирнер поднялся и стал нервно ходить.

— Неприятности? Наоборот. Все идет прекрасно. Но я устал... да... Я смертельно устал, — тихо проговорил он, полузакрыв глаза. — Забыться... Ты холодна ко мне, Эльза!

Открыв опять глаза, он скрестил руки и внимательно стал смотреть в глаза Эльзы.

Под этим взглядом она вдруг побледнела и стала тяжело дышать полуоткрытым ртом. Как в опьянении, она с протяжным стоном бросилась к Штирнеру, обвиняла руками его голову и, задыхаясь, стала покрывать поцелуями глаза, лоб, щеки. Наконец до боли, до крови впиалась в его губы.

Штирнер неожиданно оттолкнул ее.

— Довольно! Иди на место! Успокойся!

Эльза покорно уселась на диван. Порыв ее прошел так же внезапно, как и начался, оставив лишь утомление.

— Не то, не то... проклятие! — бормотал Штирнер, быстро шагая между пальмами.

— Чем занималась ты, Эльза, последнее время? — спросил он, успокоившись.

— Я думала о тебе... — вяло произнесла она.

Штирнер кивнул головой с видом доктора, предположения которого оправдываются.

— А еще что ты делала?

— Я читала. В библиотеке я нашла старинный роман «Трильбн» * и перечитала его. Ты читал?.. Свенга-

ли гипнотизирует Трильби, и она делается игрушкой в его руках. Мне было жаль Трильби. Я подумала, какой ужас потерять свою волю, делать, что прикажут, любить, кого прикажут.

Штирнер хмурился.

— И я подумала: как хорошо, что мы любим друг друга свободно и что мы счастливы.

— Ты счастлива?

— Да, я счастлива, — по-прежнему вяло говорила Эльза. — Свенгали, какой это страшный и сильный человек!..

Штирнер вдруг резко расхохотался.

— Почему ты смеешься?

— Ничего, так. Вспомнил одну смешную вещь... Свенгали — шенок. — И, направив на нее опять сосредоточенный взгляд, он сказал: — Забудь о Свенгали! Так что ты читала?

— Я ничего не читала.

— Мне казалось, ты говорила про какой-то роман?

— Я не читала никакого романа.

— Музницровала?

— Я давно не играла.

— Идем, сыграй мне что-нибудь. Я давно не слышал музыки...

Они вышли в зал. Эльза уселась за рояль, начала играть «Весну» Грига. Играя, она тихо говорила:

— Эта вещь напоминает мне Ментону. Тихие вечера... Восходящая из-за моря луна... Запах тубероз... Как мы были счастливы тогда, в первые дни!

— Разве теперь ты не счастлива?

— Да, но... я так мало вижу тебя. Ты стал нервным, переутомленным. И я думала, зачем это богатство? Много ли нужно, чтобы быть счастливым? Уйти туда, к лазурным берегам, жить среди цветов, упиваться солнцем и любовью.

Штирнер вдруг опять трескуче, резко рассмеялся.

— Завести огород, иметь стадо коз. Я пастушок, ты прекрасная пастушка; Поль и Виргиния... Любимая белая козочка с серебряным колокольчиком на голубой ленте. Венки из полевых цветов у ручья. Идиллия!.. Ты еще слишком много думаешь, Эльза. Идиллия!.. Людвиг Штирнер в роли доброго пастыря козлиного стада! Хе-хе-хе!.. Ты, может быть, и права, Эльза. С четвероногим стадом меньше забот, чем с двуногим. За-

будь о Ментоне, Эльза! Надо забыть обо всем и идти вперед, все выше, выше, туда, где орлы, и еще выше... достигнуть туч, похитить с неба священный огонь или... упасть в пропасть и разбиться. Оставь! Не играй эту сладкую идиллию. Играй что-нибудь бурное. Играй пламенные «Полонезы» Шопена, играй Листа, играй так, чтобы трещали клавиши и рвались струны.

Покорная его словам, Эльза заиграла с мощью, превосходящей ее силы, «Полишинель» Рахманинова. Казалось, мятущаяся душа Штирнера переселилась в нее.

Штирнер ходил по залу большими шагами, нервно ломая пальцы.

— Так!.. Вот так!.. Крушить! Ломать!.. Так я хочу!.. Я один в мире, и мир — моя собственность!.. Теперь хорошо... Довольно, Эльза... Отдохни!..

Эльза в изнеможении опустила руки, тяжело дыша. Она почти теряла сознание от сверхъестественного напряжения.

Штирнер взял ее под руку, провел в зимний сад и усадил.

— Отдохни здесь! У тебя даже лоб влажный...

Он вытер ей носовым платком лоб и поправил спутившиеся пряди волос.

— Что пишет Эмма? Ты давно получала от нее письма?

Эльза несколько оживилась.

— Да, забыла тебе сказать. Вчера я получила от нее большое письмо.

— Как ее здоровье?

— Лучше. Но врачи говорят, что ей нужно еще побыть на юге месяца два. Ребенок тоже здоров.

— Чтобы сообщить это, ей потребовалось большое письмо?

— Она много пишет о муже. Она жалуется, что у Зауера стал портиться характер. Он сделался мрачен, раздражителен. Он уже не так внимателен к ней. Эмма боится, что его любовь к ней начинает охладевать...

Штирнер с тревожным любопытством выслушал это сообщение Эльзы. Казалось, любовь Зауера к Эмме интересует его больше, чем любовь Эльзы к нему самому. Штирнер задумался, нахмурился и тихо прошептал:

— Не может быть!.. Неужели я ошибся в расчетах?

огромное расстояние... Но ведь ошибка... Нет! Не может быть!.. Надо проверить...

Он вдруг быстро встал и, не обращая на Эльзу никакого внимания, не простившись с нею, быстро вышел из зимнего сада.

— Людвиг, куда же ты? Людвиг! Людвиг!..

В большом зале замирали удаляющиеся шаги.

Эльза опустила голову и задумчиво смотрела на рыбок, плавающих в аквариуме.

Беззвучно двигались они в зелёном стеклянном кубе, помахивая мягкими хвостиками и открывая рты. Маленькие пузырьки, блестящие, как капли ртути, всплывали на поверхность.

VIII. ПАНИЧЕСКАЯ ЗОНА

Прокурор посетил лично Кранца в его «самовольном» заключении, желая узнать подробности неудавшегося налета на Штирнера.

— Послушайте, Кранц, — начал прокурор вкрадчиво, — вы всегда были образцовым служащим. Скажите мне, что произошло у Штирнера и почему вы подвергли себя одиночному заключению.

Кранц стоял навывтяжку, руки по швам, но не поддавался на увещания.

— Преступник, оттого и сижу. А в чем мое преступление, сказать не могу. Отказаться от дачи показания — мое право. Можете судить!

— Но как же вас судить, если мы не знаем вашего преступления?

— А мне какое дело? Буду сидеть в предварительном заключении, пока не узнаете. Если Кранц сказал «нет», значит, нет. Дело кончено, не будем говорить. Но я, заключенный, имею жалобу на тюремный режим.

— В чем дело, Кранц? — заинтересовался прокурор.

— Безобразия! Подали к обеду борщ. Зачерпнул я ложкой и выловил кусок мяса, граммов на двести. А поверх борща — жирок. Если такими борщами в тюрьмах начнут кормить, то и честные люди станут разбойниками. Непорядок! Я вам заявляю категорически, господин прокурор: если только пищу не ухудшат, я объявляю голодовку, так и знайте! Или такое, например,

здесь водится: конвойные провожают преступников из одиночных камер в уборную, расположенную в конце коридора, вместо того чтобы ставить парашу. Разве это порядок? Им, может быть, парашни выносить лень, а я из-за этого сбежать захочу, а меня при попытке к бегству... того... Прошу принять меры к неуклонному выполнению тюремных правил внутреннего распорядка!

Прокурор даже рот приоткрыл от удивления.

Правда куску мяса в двести граммов и жирку в борще он не удивился: прокурор хорошо знал, что другие заключенные не вылавливают кусков мяса из жидкой, вонючей похлебки. Но требование об ухудшении пищи! Таких требований еще никогда не приходилось выслушивать прокурору.

«Бедняга, — подумал прокурор, — у него совсем мозги набекрень после визита к Штирнеру!» И, желая быть как можно мягче, прокурор заговорил:

— Я вас очень прошу, Кранц, скажите мне обо всем, как старшему товарищу. Ведь мы так много работали вместе... Ну дайте хоть какое-нибудь показание!

— Дать вам показание? Вот вы чего захотели! Если преступники будут давать показания, то что останется делать нам, сыщикам? По миру идти? Вы хотите оставить нас безработными? Нет-с, я не сделаю подлости против своих товарищей! Пусть они раскроют мое преступление и получат награду!

Прокурор был ошеломлен этой неожиданной логикой и огорчен неудачей.

Кранц заметил это.

Казалось, ему стало жалко прокурора. Кранц порылся в карманах, извлек оттуда мелкую серебряную монету и протянул ее прокурору, как нищему.

— Вот все, что могу вам дать!

Прокурор машинально протянул руку, взял монету и с недоумением смотрел на нее.

— Приобщите к вещественным доказательствам. Деньги, полученные преступным путем...

Это была монета, полученная Кранцем от Штирнера «на чай».

Прокурор молча удалился, вертя меж пальцами вещественное доказательство.

«Какого ценного работника мы потеряли! — думал он. — И все Штирнер! Неужели нам не удастся покончить с ним?»

Когда члены комитета, с нетерпением ожидавшие прокурора, спросили его, чем кончился его визит к Кранцу, прокурор только рукой махнул и безнадежно опустился в кресло.

— Что же делать? Неужели Штирнер непобедим? — спросил министр внутренних дел.

Поднялся начальник военного округа, которого называли «железный генерал», — сухой, бодрый старик с щетинистыми фельдфебельскими усами.

— Что делать? — начал он неожиданно громким и молодым для его лет голосом. — Я вам скажу, что делать. Объявить Штирнеру настоящую войну. Простите мне, старику, господин министр, но у вас, штатских, должно быть, нервы слишком слабы. Послали пару полицейских, они проворонили дело, и вы уже говорите о непобедимости какого-то проходимца, едва ли даже нюхавшего порох. Вот что надо делать, — и «железный генерал» начал кричать, как будто он уже командовал на поле сражения миллионной армией, — объявить в городе осадное положение. Оцепить дом Эльзы Глюк сплошным кольцом линейных войск и идти на приступ. Да, на приступ! На всякий случай подвезти артиллерию. И если, — чего я не допускаю, — пехотная атака почему-либо не удастся, смести с лица земли весь дом. Картечи и гранаты еще никому заговаривать не удалось. Вот что надо делать, а не паникерствовать!

Энергичная речь «железного генерала» внесла струю бодрости и оживления.

Против проекта генерала раздавались отдельные голоса, но и они возражали не по существу самого проекта.

— Могут пострадать соседние дома...

— Чем виноваты живущие со Штирнером, — хотя бы его жена...

— Я сказал, что до бомбардировки, по всей вероятности, не дойдет, — отвечал генерал. — Но если бы и так: война без жертв не бывает. Лучше пусть погибнет несколько сот человек, чем все государство.

— Нельзя ли хоть предупредить граждан и эвакуировать их?

— Нельзя! Предупредить их, значит предупредить врага. Лучше этого дела не откладывать. Сегодня ночью, если на то будет ваше согласие, я сам поведу

моих обстрелянных солдат, и посмотрим, что запоет этот непобедимый!

— Но только без артиллерийского огня! — сказал военный министр.

— Почему?

— Потому что он уничтожит не только Штирнера, но и его орудие, а оно... может пригодиться и нам.

С этим все согласились.

В окрестностях города на совещании штаба «железный генерал» изложил свой план.

— Перед нами не легкая задача. Мы ограничены директивами правительства — не прибегать к артиллерийскому огню. Я имею приказ — захватить Штирнера живым; если это будет невозможно, убить его, но сохранить в неприкосновенности дом со всеми находящимися в нем предметами. Мы имеем дело с необычайным врагом. Мы должны вести борьбу в центре города. И тем не менее тактика уличных боев едва ли здесь применима. Какой же это уличный бой, когда мы не можем нащупать врага, его слабые стороны? Если же нам удастся благополучно проникнуть в дом и только там столкнуться со Штирнером, то это... гм... это уже будет «домашний бой». Первое, о чем мы должны позаботиться, это исключить всякую возможность бегства Штирнера. Далее. Нам известно, что Штирнер излучает лучи, или направляя их по известному сектору, или охватывая ими определенную окружность. Притом, по-видимому, его лучи, — будем так называть его орудие, — не на всех действуют одинаково. Все это заставляет нас распределить наши силы по всему району боя и иметь резервы. Пусть пехота движется по улицам к месту боя сплошной массой. Если первые ряды будут поражены и, скажем, в панике бросятся назад, задние должны напирать, силою подвигая головные отряды вперед. Так, может быть, нам удастся попасть к самому дому Штирнера. Кто знает, может быть, таким путем они окажутся в «мертвой зоне», вне «обстрела», как это имеет место при артиллерийских боях. Я буду сопровождать головной отряд.

— Ваше превосходительство, — сказал адъютант Корф, — это было бы крайне неосмотрительно с вашей стороны.

— Господин полковник, — довольно резко ответил генерал, — разрешите мне самому определить свое ме-

сто на поле сражения. Подчеркиваю, для данного случая.

Полковник, привыкший к грубостям генерала, смолчал и только густо покраснел.

— Я сам знаю, что это рискованно, — продолжал генерал. — Но всякая война — риск, а не игра в домино. Чтобы руководить боем, я должен знать оружие врага. Я должен испытать на себе действие враждебного «огня», чтобы убедиться, так ли он смертоносен для закаленного бойца, как и для слабонервного обывателя.

Наступило молчание. Штабные офицеры стояли хмурые. Адьютант прервал это тяжелое молчание. Он знал, что спорить с упрямым генералом невозможно. Адьютанту не нравился весь этот план наступления, «с генералом на белом коне впереди», напоминающий старинные банальные олеографин. Но делать было нечего. Оставалось только подумать о последствиях.

В двенадцать часов ночи из разных частей города к Банковской улице и Биржевой площади потянулись отряды солдат в полном боевом снаряжении. С головным отрядом ехал сам «железный генерал» на прекрасной арабской лошади золотистой масти.

— Целая армия на одного, да еще на штатского!.. Это позор, но, черт возьми, лучше такой позор, чем гибель страны!

Генерал проехал улицу, примыкающую к Биржевой площади. Дом Эльзы Глюк одной стороной выходил на эту площадь, а другой — на Банковскую улицу.

— Посмотрим, что он у нас запоет! — сказал генерал, зорко всматриваясь в видневшийся дом Эльзы Глюк, и прищипил коня.

Арабский скакун, красиво перебирая тонкими ногами, пошел на площадь, но лошадь вдруг без видимой причины захрапела, прижала уши и сразу подалась корпусом назад, задрожав всем телом. Генерал был озадачен.

Что могло испугать Абрека, который не дрожал даже от рева пушек? Генерал похлопал лошадь по шее.

— Что ты, Абрек, дурачишься? — сказал он и дал шпоры.

На этот раз Абрек, вступив на площадь, поднялся на дыбы и, повернувшись на задних ногах, бросился назад. В тот момент, когда лошадь поворачивалась и задние ноги ее на мгновение переступали черту, отде-

лявшую улицу от площади, генерал почувствовал, как холодок жути пробежал и по его спине. А Абрек находился уже в нескольких десятках метров от площади.

— Что за чертовщина? — проворчал генерал. Его вдруг охватил тот порыв гнева и ярости, который, бывало, находил на него в самые опасные минуты. Генерал повернул лошадь к площади и изо всех сил вонзил шпоры в бока. Абрек, не привыкший к такому жестокому обращению, мотнул головой, прижал уши и бросился вперед полным карьером. С разгона он влетел на площадь и тут, страшно захрипев, сделал такой прыжок в сторону, что генерал — лучший кавалерист во всей армии, — как срезанный, свалился с лошади. Но он, казалось, даже не заметил этого. Его сознание, нервы, весь его организм, так же как и у его лошади, были потрясены необычайным, сверхъестественным ужасом. Он пришел в себя только на улице, куда вытащил его Абрек, волоча за ногу, запутавшуюся в стремях. Отряды пехотинцев уже подошли к этому месту.

«Видали!.. Какой позор!..» — думал генерал. Он поднялся, отряхнулся и, подавляя смущение, сказал подъехавшему адъютанту:

— Ничего... Не беспокойтесь, пустяки! Проклятый Абрек, чего-то испугавшийся, выкинул такой фокус, что сам дьявол не усидел бы.

Генерал не сказал о том паническом ужасе, который испытал он сам, чтобы «не понижать боевого настроения» и не опозориться еще больше перед офицерами и солдатами.

— Все части стянуты?

— Все на местах. Улицы, ведущие на площадь, и даже проходные дворы заняты...

— Банковская улица?

— Вход в эту улицу также занят.

— Хорошо! Ждите сигнала!

Как только по приказу генерала сияющие дуги ракет склонились над домом Глюк, войска двинулись на приступ.

Тут произошло нечто невероятное.

Такой паники не приходилось видеть генералу за всю свою долгую боевую жизнь.

Генерал стоял недалеко от площади на площадке автомобиля и кричал своим громовым голосом:

— Вперед! Вперед! Стрелять буду!..

Но его никто не слушал. С солдатами творилось что-то необыкновенное. В смертельном ужасе метались они, бросая винтовки, давя друг друга. Стон и крики стояли над площадью. Задние ряды напирали, вступившие на площадь рвались назад... Генерал отдал приказ — теснить беглецов. Сплошные ряды войск, запрудившие улицу, выдавливали на площадь головные колонны. Площадь превратилась в беснующийся ад, но она по-немногу наполнялась.

Вдруг какая-то новая волна разлилась более широким кругом, и паника охватила также войска, шедшие по улице. Волны эти набегали, как ледяное дыхание смерти, прокатываясь по рядам, и стройные колонны солдат превращались в дикое стадо обезумевших животных. Солдаты бросались друг на друга, спасались в подъездах, воротах домов, а оттуда им навстречу в паническом ужасе выбегали граждане.

Паника наполнила и дома. Люди прятались под кровати, залезали в шкафы. Некоторые выбрасывались из окон на головы солдат, на штыки. Женщины хватали детей и с дикими воплями метались по комнатам, как будто весь дом был объят пламенем. По коридорам и лестницам домов бурлили потоки людей, потерявших голову. Одни бежали вверх, другие — вниз, катились по лестнице, топтали упавших женщин и детей. Ужаснее всего было то, что никто не знал причины паники, никто не знал, от кого нужно спастись. Но постепенно в этом хаотическом, бурлящем потоке образовалось движение в одну сторону; возможно, что солдаты задних рядов, до которых еще не докатились волны паники, видя картину всеобщего смятения, побежали назад и увлекли за собой других. Этот поток обратного движения все рос. Казалось, люди нашли путь к спасению, и они побежали все в одном направлении с такой бешеной скоростью, как будто их преследовали тысячи пулеметов.

Пробежав три улицы, адъютант увидел своего «железного генерала» — человека, не знавшего страха. Генерал без каски, в разорванном мундире, с безумными глазами, перескакивал через груды упавших тел, пробивая дорогу огромными кулачищами.

А «заградительная паническая зона», как после называли это явление, все ширилась. Она захватила собой и здание, в котором заседал комитет общественного

спасения. Члены комитета и все правительство бежали.

Только к утру паника утихла, но комитет не решался возвращаться в город.

Столица была потеряна. Оставалось спасать страну. Но в это уже почти никто не верил. Когда члены комитета разыскивали друг друга, в соседней деревушке был устроен военный совет. «Железный генерал» был совершенно подавлен неудачей и находился в полном отчаянии...

— Перед чертом штыки бессильны, — сказал он и мрачно опустил голову.

Штирнер победил. Он мог распоряжаться страной по своему желанию, как ни один деспот в мире.

IX. «ДРУЖЕСКАЯ ПОМОЩЬ»

Иностранные государства с интересом следили за исходом борьбы немецкого правительства со Штирнером. Французские и английские банкиры не скрывали своего удовольствия, когда телеграф и радио приносили известия о разорении и гибели крупнейших немецких банкиров — конкурентов на международном денежном рынке.

— Отлично! Молодец Штирнер! — говорили иностранные банкиры и уже подсчитывали будущие барыши.

Они считали Штирнера необычайно удачливым финансистом, но были уверены, что он в конце концов сорвется, как сорвался когда-то выросший как на дрожжах концерн Стиннеса. Могущество Штирнера росло, превосходя все ожидания, всякую меру. История капитализма не знала такой быстрой и головокружительной карьеры, какою оказалась карьера этого финансового Наполеона. «Солнце Аустерлица» разгоралось над ним все ярче, и не было никаких признаков, указывающих на приближающееся «Ватерлоо».

Все чаще, все упорнее стали проникать слухи о том, что успех Штирнера имеет какие-то необычайные причины, что в его руках есть какие-то таинственные средства воздействия на людей, которых он обезволивает, подчиняет своему влиянию, делает игрушкой в своих руках.

Когда Штирнер стал на путь борьбы с правительством, опасливо зашевелились не только иностранные банкиры, но и государственные деятели.

Поражение «железного генерала» и бегство правительства произвели ошеломляющее впечатление во всем дипломатическом мире.

Один против всех! Один против государства! Без армии, пушек, без единого выстрела — и он вышел победителем из борьбы!..

Оставаться пассивными зрителями больше было нельзя. Иностранным государствам приходилось определить свое отношение к узурпатору.

Во Франции Штирнер на время заслонил собой вопросы и внутренней политики и даже колониальных войн. Событиям в Германии были посвящены специальные закрытые заседания совета министров и палаты депутатов. Собрания эти носили бурный характер.

Незначительным большинством голосов в конце концов было принято решение: принципиально участие в борьбе со Штирнером признать необходимым, предложить свою помощь Германии, но активно выступить, только обезопасив себя со стороны Англии.

Англия относилась к событиям в Европе более спокойно, хотя внимательно наблюдала за ходом борьбы со Штирнером. Английский кабинет министров довольно скоро установил единство мнения.

— Германия достаточно обессилена европейской войной, и дальнейший развал Германии может нарушить европейское равновесие. Штирнер, по мнению кабинета, непосредственной угрозы для других стран в настоящий момент не представляет, может быть, его властолюбие не идет так далеко. Если во Франции смотрят иначе, это их дело. Но нельзя допускать, чтобы Франция единолично вмешалась во внутренние дела Германии, хотя бы и с согласия последней. Кроме того, хотя Штирнер и узурпатор, но он, по-видимому, не плохой хозяйственник. Нужно посмотреть, как он поведет дело. А как вывод из всего этого: следует предложить Франции обождать с выступлением. Если же Штирнер проявит намерение вмешаться в дела иностранных государств или затронет их интересы, выступить совместно с Францией.

Ответ этот, сообщенный Франции, вызвал негодова-

ние среди милитаристов, которые зывали к достоинству нации.

— Нельзя вечно идти на поводу Англии! — говорили они, призывая к немедленному выступлению, хотя бы уже только для того, чтобы доказать независимость французской политики.

Однако к немедленному выступлению встретились препятствия дипломатического свойства. Германское правительство, не без основания опасавшееся, что «искренняя помощь» со стороны Франции обойдется слишком дорого, не торопилось принять руку этой помощи.

Притом немецкое правительство еще не теряло надежды покончить со Штирнером собственными силами.

Несмотря на неудачный исход сражения, «железный генерал» пользовался еще большим авторитетом в военных и министерских кругах, а он был решительным противником иностранного вмешательства.

— Что нам даст это вмешательство, — говорил он, — кроме нового унижения и новых налогов? Я уже предлагал на военном совете пустить в ход дальнобойные пушки, чтобы снести с лица земли проклятое гнездо... Но мне возражали: это поведет к напрасной гибели, быть может, нескольких тысяч наших граждан, ни в чем не повинных мирных жителей. Такой сентиментализм вреден! Лучше обречь на гибель несколько тысяч, чем все государство!

— И не только это, ваше превосходительство, — прервал его речь военный министр, в душе завидовавший популярности «железного генерала». — Решающим мотивом, который заставил нас отказаться от применения артиллерийского огня, было выдвинутое мною соображение, что, уничтожив тяжелой артиллерией до основания дом Готлиба, мы вместе со Штирнером начисто уничтожим и его изобретение. А оно... Его жалко уничтожить! Если бы нам удалось овладеть орудием Штирнера, ого! — министр даже мечтательно закрыл глаза. — Мы посчитались бы с Францией, мы уничтожили бы всех наших врагов, мы...

— Правил бы миром? — резко ответил «железный генерал». — Остановка за малым: захватить живьем Штирнера. Я уже пробовал. Пусть попробуют другие!

После долгих прений атака Штирнера из тяжелых дальнобойных орудий была решена.

И когда огромная дальнобойная пушка выпустила

из чудовищного жерла снаряд в два человеческих роста длиною и он, разрезая воздух с потрясающим шумом, понесся по направлению столицы, «железный генерал» не мог скрыть своего восторга. Для него этот громовой удар был сладок, как симфония.

— Ого! — и он расхохотался. — Летит! Ну-те, господин Штирнер, заставьте свернуть этот гостинец с пути!

— Теперь огонь батарен! Скорее, пока он там не одумался, если еще не переселился на небо.

Казалось, обрушилась земля. От сотрясения воздуха солдаты не могли устоять на ногах. И только «железный генерал», как бог войны, стоял с сияющим лицом. Казалось, он стал еще выше. Морщины около глаз собрались в хищно-веселую улыбку.

— Огонь! — крикнул он. Но, несмотря на звучный голос, его никто не услышал: потрясенные барабанные перепонки отказывались воспринимать слабые звуки человеческого голоса.

Генерал в нетерпении махнул рукой, показывая на орудия.

Прислуга занялась подготовкой к следующему выстрелу, но вдруг, будто обессилев, артиллеристы склонились и стояли неподвижно на своих местах.

— Что же вы? — крикнул «железный генерал». — Огонь!

Солдаты не двигались.

«Железный генерал» подбежал к одному из них и дернул за плечо, но солдат как будто даже не заметил этого.

«Железный генерал» стал неистово ругаться и топтать ногами. Его сознание леденила мысль о том, что Штирнер жив и уже пустил в ход свое невидимое оружие.

Так же неожиданно артиллеристы ожили и стали вдруг поворачивать орудия, стоявшие на круглых площадках, в обратную сторону. Никогда еще они не делали этого так четко, автоматически и быстро. Ошеломленный генерал не успел прийти в себя, как пушки были повернуты и грянул залп, один, другой, третий... Залпы не смолкали, пока не был расстрелян весь запас снарядов. И снаряды летели один за другим, неся смерть соседним городам и мирным селениям.

«Железный генерал» уже не кричал, не волновался.

Он понял все, понял, что его приказы напрасны перед этой неведомой силой, сковавшей волю солдат. Сознание катастрофы подавило, ошеломило его. Он сам чувствовал себя скованным неведомой силой.

В изнеможении опустил он на землю и низко склонил побледневшее лицо.

А когда последний залп замолк и наступила звенящая тишина, генерал вынул из кобуры револьвер и приставил к виску. Кто-то выбил револьвер из его рук.

— Стыдно, ваше превосходительство! — сказал адъютант.

Генерал как будто даже не заметил этого. Он продолжал сидеть, тупо глядя на землю. Кругом, как трупы, валялись упавшие от изнеможения солдаты.

Вечерело. Молодой месяц пробирался по светлому еще небу между клубами облаков. Но люди не видали месяца, не слышали свиста птицы в соседнем лесу. Они были полумертвы.

Только адъютант еще бодрился. Он даже нашел в себе силы послать из походной радиостанции телеграмму правительству об исходе сражения, хотя в этом едва ли была нужда: снаряды, падавшие на город и селения, сами разнесли весть о катастрофе.

— Скверно... — тихо сказал адъютант, уселся недалеко от генерала на походный стул и закурил папиросу, рассеянно глядя на небо.

Его внимание неожиданно было привлечено точкой на горизонте, то появлявшейся, то исчезающей между туч. Опытный глаз адъютанта скоро определил, что это летит аэроплан. И летит, по-видимому, прямо на Берлин. За ним следовал другой, третий, целая эскадрилья.

«Чьи это могут быть аэропланы? — подумал адъютант. — Мы не отдавали распоряжения нашим летчикам... Может быть, военный министр распорядился, узнав об исходе сражения? Но было бы безумием посылать людей на верную гибель после того...» Не окончив мысли, он подошел к генералу и осторожно тронул его за плечо.

— Ваше превосходительство!

— Да, да... Все кончено! Корф, зачем вы отняли

у меня револьвер? — вспомнил вдруг генерал. — Отдайте мне. Все равно я не переживу этого позора.

— Ваше превосходительство, на Берлин летит эскадрилья аэропланов.

— Глупость... чушь... вам мерещится.

— Извольте посмотреть!

Рокот аэропланов уже ясно был слышен среди вечерней тишины.

Генерал устало повернул голову.

— Черт! Действительно! Дурачье! Этого еще не доставало. Запросите по радио, чьи?

Адъютант послал радиogramму, но ни один аэроплан не ответил.

Генерал начал ругаться: он оживал.

«Наконец-то пришел в себя!» — подумал адъютант, улыбаясь.

Генерал быстро поднялся на ноги и как-то весь встрепенулся, словно его окатили бодрящим, холодным душем.

— У вас молодые глаза, Корф, чьи аэропланы, вы не видите?

Аэропланы уже были довольно близко, но летели они на значительной высоте, притом быстро темнело от сгушавшихся туч. Над местом канонады собиралась гроза. Ветер крепчал. Он качал аэропланы, но, видимо, руководимые опытной рукой, они хорошо справлялись с ветром...

— Трудно разобрать...

— Осветите аэропланы прожекторами.

Через несколько минут яркие лучи света залили аэропланы. Генерал и адъютант вооружились биноклями.

— Или мне мерещится, — сказал генерал, — или...

— Вам не мерещится. Я совершенно ясно вижу... Это американские аэропланы.

— Час от часу не легче! — Генерал грузно опустил-ся на стул и, положив бинокль на колени, смотрел на удаляющиеся аэропланы.

— Вы понимаете, что происходит? — спросил он адъютанта.

Корф, продолжая смотреть в бинокль, пожал плечами.

— По-видимому, они держат путь на Берлин... Значит, Америка.

— Но как? Почему?

— Их, кажется, ветром относит несколько в сторону.

Вмешательство Северо-Американских Соединенных Штатов в борьбу со Штирнером было неожиданностью, не только для «железного генерала», но и для всей Европы.

Пока между европейскими государствами происходили дипломатические переговоры, в Вашингтоне, который зорко следил за всем происходящим, быстро было принято решение.

Америка не могла оставаться безучастной. Мало того, что разрушительная работа Штирнера понижала платежеспособность одного из европейских должников, Вашингтон еще раньше военного министра Германии учел все те последствия, которые могут произойти, если германское правительство, покончив с самим Штирнером, сумеет овладеть его средством борьбы. Америка раньше других оценила все значение этой новой могучей силы. Если овладеть этой силой самой Америке было трудно, то нужно было уничтожить орудие Штирнера вместе с ним, чтобы его тайна не попала в другие руки. И чем скорее это сделать, тем лучше. Но как? Американская техника уже значительно овладела способом управления аэропланами по радио, и они могли пролетать большие пространства без летчиков, по установленному в месте отправки направлению, и автоматически сбрасывать разрывные снаряды большой разрушительной силы на заранее определенном месте. Единственно, что еще не было закончено, это механизм для получения с летящих аэропланов съемки всего пролетаемого пути, чтобы все время следить за полетом и корректировать его. Но откладывать выступление до окончания этих работ было признано рискованным. Точность механизмов и тщательно составленные военные географические карты, казалось, могли обеспечить успех... Америка также рано поняла и то, что со Штирнером возможна лишь борьба механизмами, направленными без людей с большого расстояния от него. Правда, Атлантический океан и путь по Европе от западного берега Франции был слишком велик. На таком большом протяжении воздушные течения могли изменить первоначальный полет аэропланов, несмотря на все автоматические «выпрямители». Поэтому необходимо было отправить их в путь по крайней мере с тер-

ритории Франции, но для этого требовалось ее согласие, равно как нужно было и согласие Германии на этот налет на Берлин. Для американской дипломатии не составило труда получить от европейской дипломатии нужный ответ.

Американским правительством были посланы по этому поводу Франции и Германии очень почтительные ноты, составленные в самых изысканных формах дипломатической вежливости. А одновременно с почтительными нотами были посланы короткие, но энергичные напоминания о немедленной уплате задержанных платежей государственного долга.

Ответ не замедлил: Франция и Германия ответили такими же любезными нотами, с выраженным согласием на вмешательство Америки, и одновременно до унижения почтительно они просили об отсрочке платежей.

Америка великодушно согласилась на отсрочку и послала свои аэропланы. Она даже не дождалась замедлившегося ответа Германии, будучи в нем вполне уверена, и американские аэропланы, которые увидели «железный генерал» и его адъютант, летели над Германией в тот момент, когда министр только еще подписывал ответ.

Однако Америка была обманута в своих расчетах. Буря отнесла аэропланы в сторону. Только один из них сбросил бомбы на столицу, снесши до основания королевский дворец. Остальные аэропланы посбрасывали свои смертоносные грузы в окрестностях города, производя значительные опустошения.

Американцев не смутила неудача, они отправили новую эскадрилью. Но тут немцы, видя плачевные результаты воздушной экспедиции, сначала взмолились, прося извинить их от такой сокрушительной помощи, а потом, видя, что им нечего терять, послали энергичный протест, взывая вместе с тем к общественному мнению Европы. Америка не обратила бы на этот протест внимания, если бы не изменилось положение на театре военных действий.

Штирнер, очевидно, все усовершенствовавший свое необычайное орудие, вдруг послал направленное мыслеизлучение, прорезавшее не только Германию, но и всю Францию до самого океана.

Все попавшие в полосу этого луча узнали, что думал Штирнер.

«Вы хотите поднять мировую войну против меня? Я принимаю вызов! Ваши орудия ничтожны по сравнению с моим. Оставьте поэтому борьбу. Если же безумие овладело вами, я сделаю вас еще безумнее. Шлю последнее предупреждение!»

И, очевидно изменив несколько угол луча, Штирнер послал новое мыслензлучение. Все, кто попал в этот луч в Германии и Франции, действительно обезумели. Буйное помешательство охватило даже экипаж и пассажиров парохода, плававшего у берегов Франции. Люди бросались в безумии в волны, кочегары взрывали котлы, пароход потонул. Больницы для душевнобольных переполнились. Буйнопомешанные бродили по улицам, бросались на прохожих, наводя панику. Несколько человек особенно опасных и сильных пришлось застрелить.

Вся Европа переживала панику. В Вашингтоне царило непривычно-подавленное настроение. Несколько американцев-инженеров, участников экспедиций, подпавших под действие лучей Штирнера, привезенные из Франции, производили удручающее впечатление. Впервые Америка переживала такой удар, тем более чувствительный национальному самолюбию, что он был нанесен могущественному государству одним человеком, да еще европейцем.

На время пришлось прекратить военные действия, и Штирнер отдыхал от того постоянного огромного напряжения, в котором он находился во время «боев».

Х. В ПОИСКАХ РАВНОГО ОРУЖИЯ

Зауеры жили на побережье Средиземного моря, в Ospidaletti, недалеко от Ментоны.

Эмма имела основание жаловаться в своем письме к Эльзе на мужа. В первое время по приезде Отто Зауер был очень нежен и внимателен к своей больной жене. Он сам выносил ее на руках на широкую веранду, заботливо усаживал в кресло и вывозил в колясочке ребенка. Целыми днями просиживали они так, любуясь лазурным морем, следили глазами за проходящими пароходами и легкими, изящными яхтами, за глэд-

ропланами, с воркованием летавшими вдоль побережья. Они почти не говорили друг с другом, но это молчание было легким молчанием счастливых людей.

Изредка Эмма с радостной улыбкой протягивала Зауеру руку, он пожимал ее и не выпускал из своей.

Южное солнце оказывало на ее здоровье благотворное влияние. Скоро румянец вернулся на ее щеки, силы прибывали, и через три недели она уже была на ногах.

Но радость выздоровления стала скоро омрачаться тем, что Зауер начал относиться к жене все более холодно. Она уже не находила, проснувшись, на столике у кровати свежего букета окропленных водой гвоздик, ницких фиалок и темно-красных душистых роз. Зауер все реже сидел с нею на веранде. И молчание их стало тягостным. Оно уже не сближало, а отдаляло их.

— Ты уходишь? — тоскливо спрашивала Эмма, видя, что Зауер поднимается.

— Не могу же я торчать здесь целый день, — грубо отвечал он и уходил к себе в комнату или из дому.

Однажды, войдя неожиданно в комнату мужа, она застала такую картину.

Зауер с грустью и нежностью смотрел на портрет Эльзы, сидя у письменного стола с открытым ящиком.

Будто тонкая игла пронзила сердце Эммы. Эмма вспыхнула, хотела выйти незамеченной. Но Зауер увидел ее в отражении большого зеркала. Их взгляды встретились, Эмма смутнулась еще больше. А Зауер нахмурился, лицо его стало злым. Он бросил карточку в стол, со стуком задвинул ящик и, не оборачиваясь, глядя в ее зеркальное отражение, раздраженно сказал:

— Что у тебя за манера врываться в комнату, когда я... занимаюсь?

— Прости, Отто, я не знала...

И она тихо вышла из комнаты.

Она забралась в свою комнату и долго плакала, склонившись над колыбелью сына.

— Бедный мой мальчик, крошка моя! — плакала она, осторожно целуя головку ребенка, и несколько слез упало на его волосы.

Вечером она не спала и думала, думала... Это было так не похоже на маленькую Эмму.

«Так вот почему охладел ко мне Отто! — думала она, ломая руки. — Он любит другую. Эта другая —

Эльза! Это так естественно. Ведь они любили друг друга. Как я могла забыть об этом? Почему я согласилась стать женой Зауера? Почему Зауер женился на мне, если он любит Эльзу? Но он любил и меня, мое сердце не обманешь. А Эльза?..»

Все это было слишком сложно для Эммы. Тяжелые мысли, неразрешимые вопросы, как горная лавина, обрушились на нее и сразу раздавили нежный цветок ее счастья.

— Отто, Отто! — шептала она в отчаянии и плакала бессильными слезами.

Бороться? Она не создана для борьбы.

К утру она приняла решение: написать Эльзе то самое письмо, которое Штирнера взволновало больше, чем Эльзу.

Женское чутье подсказало Эмме верный тон письма: она ни слова не упомянула в письме о случае с карточкой. Она только делилась с Эльзой, как с подругой, своим горем.

Полусознательно Эмма ставила этим письмом ловушку своей сопернице, надеясь, что та как-нибудь выдаст себя, если она продолжает любить Зауера.

С нетерпением Эмма ожидала ответа Эльзы и, наконец, получила его.

Руки не повиновались, когда она вскрывала конверт, сердце замирало, а строки прыгали перед ее глазами.

Но, прочитав письмо, Эмма вздохнула с облегчением.

— Нет, Эльза не умеет лгать!

Эльза утешала Эмму, уверяла, что Отто опять будет нежен к «своей маленькой куколке», главное же, что успокоило Эмму, — Эльза больше писала о себе, о своей любви к Штирнеру, о своем счастье, о своих тревогах... Она искренно выражала беспокойство, что Штирнер стал плохо выглядеть, что он переутомлен и чрезвычайно нервен. У Эммы отлегло от сердца. Конец письма даже рассмешил ее.

«Ты не узнала бы теперь Штирнера. Он отпустил бороду и теперь стал похож на пустытника-монаха...» — писала Эльза.

— Представляю себе! Вот чудовище-то!

Эмма повеселела.

Но Зауер скоро заставил ее вновь погрузиться в безысходное отчаяние.

После случая с портретом Эльзы Зауер стал с Эммой еще больше резок и груб.

Он приходил теперь на веранду, когда там сидела Эмма, только для того, чтобы посмотреть на сына. Не обращая внимания на Эмму, Зауер усаживался у детской коляски и начинал возиться с малышом.

Эмма с волнением следила за мужем, ловила его взгляд, но Отто не замечал ее. Иногда решалась заговорить.

— Эльза писала, что Штирнер плохо выглядит и очень переутомлен...

— Мир только выиграет, если подохнет эта скотина, — сквозь зубы отвечал Зауер.

Эмма была удивлена резкой переменой Зауера к Штирнеру. Теперь Зауер не мог слышать его имени. Но Эмма не решалась спросить о причинах этой перемены. И они сидели молча.

Как-то Эмме показалось, что Зауер в хорошем настроении. По крайней мере он был спокойнее обычного. Над морем летала стая аэропланов.

— Отто, а почему аэропланы не падают? — спросила вдруг Эмма.

— До какой степени ты глупа, Эмма! — ответил Зауер. — Поразительно, как я этого не замечал раньше!..

Эмма побледнела от горя и обиды.

— Ну что ж, можешь оставить меня, — ответила она дрогнувшим от слез голосом. — Возьму маленького Отто и уйду...

— Пожалуйста! Удерживать не буду. Но сына я тебе не отдам! — И, поправив одеяльце на ребенке, он вышел.

Эмма, уже не сдерживая слез, подошла к ребенку и склонилась над ним.

— Неужели я лишусь и этого?

На дорожке сада заскрипел под чьими-то ногами песок.

— Могу я видеть господина Зауера?

Эмма наскоро вытерла лицо платком и обернулась. Перед нею стоял молодой человек в летнем белом костюме, с рыжими волосами и веснушками на лице.

«Где я видела это лицо?» — подумала Эмма.

— Вы не узнаете меня? Мы, кажется, встречались.

— Ах, да, да, господин Готлиб!

— Рудольф Готлиб, вы не ошиблись.

На голоса вышел Зауер. Готлиб поклонился.

— Господин Зауер, мне нужно с вами поговорить по весьма важному делу.

Они прошли в кабинет.

— Надеюсь, вам известно из газет, — начал Готлиб, — о всех событиях последнего времени.

— Я не читаю газет, — ответил Зауер.

Готлиб поднял с изумлением брови.

— Но об этом говорит весь мир!

Зауер был несколько смущен. С самого приезда на Ривьеру он совершенно не читал газет, как будто забыл об их существовании. Почему? Он сам не знал этого. И теперь вопрос Готлиба заставил его самого задуматься.

— Я хотел отдохнуть, — ответил Зауер, чтобы как-нибудь объяснить странность, — а в газетах всегда есть что-нибудь, что волнует или расстроит... все эти политические дразги...

— В таком случае я должен вам осветить положение вещей. Дело идет уже не о политических дразгах, а об опасности, которая угрожает целой стране, быть может, всему миру.

Готлиб рассказал Зауеру о необычайной войне между комитетом спасения и Штирнером и о бесславном поражении «железного генерала».

Зауер слушал с возрастающим вниманием, прерывая иногда рассказчика ругательствами по адресу Штирнера.

Эти реплики, видимо, очень нравились Готлибу.

— Я чрезвычайно доволен, — сказал Готлиб, окончив рассказ, — что вы, кажется, так же мало расположены к Штирнеру, как и я. Каждый из нас имеет свои причины ненавидеть Штирнера. Но вы с ним работали, были его правой рукой, и я, признаюсь, опасался, что вы и сейчас на его стороне. Тогда моя миссия не увенчалась бы успехом... Я послан комитетом, — собственно, это была моя идея, — но я имею полномочия... Мне казалось, что вы единственный человек, который может открыть тайну необычайного влияния Штирнера на людей, тайну той силы, которою он обладает. В настоящее время большинство ученых склоняется к тому, что Штирнер овладел тайной передачи мысли на расстояние. Но секрет этой передачи не открыт. И если бы вы захотели... вы могли бы оказать нам огромную услугу... и награда...

Зауер поднялся и в волнении прошел по комнате.

— Награда? Свалить этого изверга Штирнера — лучшая награда для меня!

В этот момент Зауер подумал об Эльзе.

Ему вспомнилась сказка о принцессе, попавшей в руки злого волшебника. Штирнер — этот волшебник. А он, Зауер, рыцарь, который должен освободить принцессу от чар. Освободить! Но как?..

— Я охотно помог бы вам, господин Готлиб, если бы хоть что-нибудь знал наверняка. Собственно говоря, у меня имеются только догадки. Насколько мне известно, Штирнер до поступления на службу к вашему покойному дядюшке занимался научной деятельностью в области изучения мозга и передачи мыслей на расстояние. Он делал опыты над животными, и я сам видел, что эти животные проделывали чудеса. Я лично думаю.. — Зауер помолчал, как бы колеблясь, затем продолжал, — что ваш дядюшка, Карл Готлиб, погиб не естественной смертью... Это собака, бросившаяся под ноги старика в момент приближения поезда, — пусть Штирнера не было в этот момент, — она могла действовать по его внушению.

Рудольф Готлиб привстал и вытянул вперед голову. От волнения он тяжело дышал.

— Я всегда думал, что в деле наследства скрыто преступление! — воскликнул он. — Но почему вы не высказали своих подозрений во время процесса? Больше того, на суде вы защищали интересы Эльзы Глюк...

Зауер пожал плечами.

— Я думаю, что я, как и все окружающие Штирнера, находился под влиянием этого ужасного человека. Я не ученый и не знаю, каким путем Штирнер внушает людям свои мысли. Но я думаю, что власть его ограничена известным кругом воздействия. Сужу я об этом потому, что только здесь, вдали от него, я почувствовал, как стал постепенно освобождаться от какого-то гипноза, «размагничиваться» от того заряда, который, очевидно, получен мною перед отъездом. Или Штирнер не достиг еще возможности действовать на большие расстояния, или же он сделал мне, при моем отъезде, недостаточно сильное внушение, и оно со временем ослабело.

— Вы правы, — сказал Готлиб. — Но Штирнер, по-видимому, непрерывно совершенствуется, круг, сила

и длительность его воздействия все увеличиваются. И кто знает, может быть, уже завтра мы не будем в безопасности и здесь.

Зауер вздрогнул.

— Опять? Опять подпасть под власть этого человека? Сделаться игрушкой в его руках? Нет, лучше бежать на край света! А еще лучше уничтожить Штирнера. Освободить себя и других!..

— И если это так, если тайна успеха Штирнера в этом, то бороться с ним можно только равным оружием. Кто даст нам его?

Они молчали. Зауер что-то обдумывал.

— Да, вы правы, — сказал он. — Бороться можно только равным оружием. Мне сейчас пришла мысль. Не может же быть, чтобы только один Штирнер занимался разрешением проблемы о передаче мысли на расстояние. Надо поискать среди ученых...

— Мы искали, — сказал Готлиб, — обращались к ученым, работавшим в этой области. Но их так мало. Мы запрашивали одного итальянского ученого. Он ответил, что то, что делает Штирнер, еще недоступно современной науке. Или Штирнер гений в этой области, ушедший вперед, или тут что-нибудь иное.

— Но не один же итальянец...

— Мне приходилось читать об опытах еще одного ученого. Правда, он даже не имеет профессорского звания.

— И потому вы не обратились к нему? — с иронией спросил Зауер.

— Признаюсь...

— А Штирнер разве гнет нас в дугу своим профессорским званием? Надо непременно найти этого ученого! Нельзя упускать ни одного шанса.

Подумав немного, Зауер сказал:

— И нельзя упускать ни одной минуты. Вот что: я еду с вами, мы разыщем этого ученого и послушаем, что он нам скажет. Да, еще одно. Штирнер жил на вилле в Ментоне, это рядом. Надо заглянуть туда, не оставил ли он после себя каких-нибудь следов.

Зауер быстро собрался в дорогу.

— Эмма, — сказал он, встретив жену на веранде, — я уезжаю.

— Надолго? — тревожно спросила Эмма.

— Не знаю, но думаю, что надолго. — Холодно про-

стившись с нею, он быстро вышел в сопровождении Готлиба.

А Эмма не знала, плакать ли о том, что Зауер покинул ее, или радоваться, что он не лишил ее ребенка.

Зауер, имевший доверенность от Штирнера, беспрепятственно проник в виллу Эльзы Глюк и внимательно осмотрел все помещение.

В одной из комнат, почти пустой, был найден огромный кусок металлического сплава. На полу валялись обрывки проволоочной спирали, обломки фарфоровых изоляторов, клеммы, зажимы.

— Чистая работа! — сказал Готлиб, разглядывая сплавленную глыбу металла. — Штирнер умеет прятать концы в воду. Ясно, что здесь стоял какой-то аппарат. Но как удалось ему расплавить весь металл, не обуглив даже пола?

— Ну что ж, нам здесь делать больше нечего, Готлиб. Едем искать противоядное оружие. Где находится ваш недипломированный ученый?

— В Москве.

XI. МОСКОВСКИЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Месяц спустя Зауер и Готлиб входили во двор-колодец на Тверской-Ямской, недалеко от Триумфальных ворот. Шестиэтажные дома плотно обступали асфальтированную площадку. Голоса игравших детей гулко отдавались среди высоких стен.

— Кажется, здесь, — сказал Готлиб, просматривая номера квартир у входной двери дома. — Идем, Зауер. Пока все идет хорошо.

— Фу, черт возьми, когда же кончится эта лестница? Удивительно, как это могут люди жить без лифта! — ворчал Зауер, тяжело дыша. — Какой номер квартиры?

— Двадцать девятый.

— А это двадцать пятый. Значит, на самый верх.

— Ничего, вам полезен моцион, вы слишком быстро полнеете, Зауер, — сказал Готлиб и нажал кнопку.

Зауер был разочарован тем, что он увидел, войдя, наконец, к Качинскому. Ни обстановка комнаты, ни

сам изобретатель не соответствовали тому, что представлял себе Зауер.

Он ожидал увидеть кабинет, заваленный и заставленный всякими машинами, с тем беспорядком, который присущ изобретателям.

Жилище Качинского не напоминало лаборатории современного Фауста.

Это была небольшая комната, с широким венецианским окном. У окна стоял большой письменный стол с пишущей машинкой. Другая машинка помещалась на небольшом столике, примыкавшем к узкой стороне письменного стола.

Эти машины, одна с русским, другая с латинским шрифтом, да небольшой чертеж ветряного двигателя по системе Флетнера на стене у стола были единственными неясными указателями характера работ владельца комнаты.

Над широким турецким диваном висела неплохая копия с картины Грёза, изображающая девушку с характерным «грёзовским» наивно-лукавым выражением глаз.

Зауер посмотрел на эту головку и поморщился. Ему вспомнилась Эмма. Он сравнивал ее с грёзовскими девушками, когда так неожиданно влюбился в нее.

Рядом с головкой Грёза висели два пейзажа. На отдельном маленьком столике помещалась чугунная статуэтка, изображавшая одну из конных групп Клодта, стоящих в Ленинграде, на Аничковом мосту.

Небольшой буфет, шкаф с зеркалом, стол посреди комнаты, застланный чистой скатертью, и несколько оббитых кожей стульев с высокими спинками дополняли обстановку.

На всем лежала печать чистоты и аккуратности. И это тоже сбивало с толку Зауера. Сидя в этой комнате, можно было представить, что находишься в Берлине, Мюнхене, но никак не в Москве.

Совсем иначе представлял он себе и русского изобретателя. Эта порода людей, по мнению Зауера, должна отличаться особыми чертами. Но перед Готлибом и Зауером стоял скромный на вид, еще молодой человек, со светлыми зачесанными назад волосами, светлыми глазами, гладко выбритым лицом, правильным носом и со скульптурно очерченной линией рта. Он был одет в темно-коричневую вельветовую блузу и брюки

покроя галифе, заправленные в сапоги с узкими голенищами.

Рядом с ним стояла жена, в белой блузке, радушная и приветливая.

«Уж не ошиблись ли мы?» — подумал Зауер. Но они не ошиблись. Гости представились, и скоро завязалась оживленная беседа.

«И этот человек, — подумал Зауер, — быть может, обладает такой же могучей силой, как Штирнер, но живет и выглядит так просто! Неужели он не чувствовал соблазна использовать эту силу в личных интересах, как Штирнер? Стать необычайно богатым, могущественным. Или здесь люди действительно мыслят и чувствуют иначе?..»

Зауер постарался косвенно получить ответ на интересующий его вопрос.

— Скажите, — обратился он с шутливой улыбкой к жене Качинского, — а вам не страшно иметь такого мужа, который может внушить окружающим все, что ему захочется, вам, например?

Качинская удивленно подняла брови.

— Зачем? Что особенного он мне может внушить? Мне и в голову никогда не приходила эта мысль. Для опытов у него есть лаборатория.

Качинский улынулся.

— Но все-таки это опасная сила, — сказал, несколько смутившись, Зауер.

— Как всякая другая, — ответил Качинский. — Нобель изобрел динамит, для того, чтобы облегчить человеческий труд в борьбе с природой — взрывать гранит. А человечество сделало из этого изобретения самое страшное орудие истребления. И огорченному Нобелю оставалось только учредить на «динамитные доходы» премию мира, чтобы хоть немного искупить свой невольный грех перед человечеством. Штирнер в этом случае не исключение. Он только использовал эту новую силу в своих единоличных целях.

— Все зависит от того, в чьих руках находится топор, — продолжал Качинский. — Одни рубит им дрова, другой — человеческие головы. Опасность такого использования предвиделась еще до того, как Штирнер бросил вызов обществу. Когда первые мои опыты сделались известны широкой публике, меня прямо осаждали взволнованные обыватели. Несколько женщин

приходили ко мне и уверяли, что злые люди уже подвергают их внушению на расстоянии. В отчаянии эти несчастные просили меня спасти их от «злых чар». Одна из них говорила мне, что какие-то студенты Харьковского университета так «заряжают» ее электрическими токами, что, когда она проходит мимо железных фонарных столбов, от нее с треском отлетает искра. «А когда я иду в калошах и шелковой шляпе, — говорит она, — то искры нет. Что мне делать? Я ложусь спать и чувствую, что электроволны наполняют меня, и слышу голос: «Теперь ты в нашей власти!» Я посоветовал ей накрываться шелковым одеялом, а в руку брать металлический предмет, соединенный с трубами отопления: заземлитесь, как в радиоприемнике. И она уверяла потом, что это помогло ей. Как только она «заземлялась», ее «крючило», ток уходил в землю. Она спокойно засыпала. Что мог я еще сделать? Это была просто нервно- или душевнобольная. Несколько мужчин угрожали убить меня, если я стану применять свое изобретение.

«Я не желаю, — кричал один из них, — чтобы вы начинали мой мозг вашими мыслями!»

— И они правы в своих опасениях, — сказал Готлиб, желая скорее перевести разговор на практическую почву. — Ужасы, которые Штирнер сеет вокруг себя...

— Да, да, я тоже предвидел эту возможность, — сказал Качинский, — и поэтому я с самого начала работал в двух направлениях: над тем, как усовершенствовать передачу мысли на расстояние и как оградить людей от причинения им вреда.

— И что же, вам удалось это? — с интересом спросил Готлиб.

— Я думаю, что я разрешу задачу, — ответил Качинский.

— Позвольте мне задать один вопрос, — сказал Зауер. — Весь мир сейчас говорит о передаче мыслей на расстояние. Но, к стыду моему, я не знаю, в чем тут дело и почему только теперь вдруг люди открыли то, что, по-видимому, должно было существовать всегда?

Качинский оживился, а Готлиб недовольно вздохнул.

«Пойдет теперь теория, когда надо действовать!» — подумал он.

— В кратких чертах дело сводится вот к чему: каждая наша мысль вызывает ряд изменений в мельчай-

ших частицах мозга и нервов. Эти изменения сопровождаются электрическими явлениями. Мозг и нервы во время работы излучают особые электромагнитные волны, которые расходятся во все стороны совершенно так же, как и радиоволны.

— Но почему же мы до сих пор не могли мысленно разговаривать друг с другом?

— Эти электроволны небольшой мощности и притом своеобразной природы. Поэтому в другом сознании отмечается излученная кем-либо мысль только в том случае, если эта мысль попадает в мозг, если можно так выразиться, одинаково настроенный.

— Словом, если «приемник»-мозг может принимать волны той же длины, какие посылает «передающая станция», то есть излучающий мозг?

— Совершенно верно. И случаи таких передач наблюдались давно между близкими людьми. Но так как эти случаи невозможно было проверить и тем более объяснить научно, то наука их чаще всего просто отрицала, тем более что этими загадочными случаями пользовались всякие спириты, «телепаты», теософы и прочие мистики, пытавшиеся на этих научно необъясненных фактах доказать существование «духа», который может проявлять себя независимо от тела.

Качинский сделал паузу и продолжал:

— Один из таких «таинственных» случаев и натолкнул меня самого заняться вопросом о передаче мыслей на расстоянии.

— Это интересно! — сказал Зауер.

Готлиб в нетерпении повернулся на стуле.

— Дело было в Тифлисе. Мой друг болел тифом в тяжелой форме, и я часто навещал больного. Однажды я вернулся от него поздно ночью, потушил огонь и лег в кровать. Пробило два часа. И вслед за боем часов я услышал совершенно отчетливо звук... как будто кто-то ложкой ударил несколько раз о край бокала из тонкого стекла. «Кошка!» — подумал я и зажег свет. Но, осмотрев комнату, я не нашел ни кошки, ни какого-либо стеклянного предмета, который мог бы дребезжать. Я не придал значения этому случаю и скоро уснул.

Наутро, войдя в дом друга, я увидел ту особую сущность, которая без слов сказала мне все. Друг мой умер

в эту ночь. Его труп еще лежал в кровати, и я стал помогать убирать его.

«Когда он умер?» — спросил я.

«Ровно в два часа ночи», — ответила его мать.

Подходя к кровати, я толкнул ногой тумбочку, на которой стояли лекарства. Ложка, лежавшая в большом бокале тонкого стекла, повернулась, и я услышал знакомый звук.

«Где я слышал его?» — с недоумением подумал я. — Вчера ночью. Нет никакого сомнения, что это тот же звук». И я спросил у матери моего друга, как умер ее сын.

«Ровно в два часа ночи я поднесла к его губам ложку с лекарством. Он только слабо шевельнул губами, но не мог уже пить. Я положила ложечку в стакан и наклонилась над ним. Он был мертв».

Случай этот заставил меня глубоко задуматься. Я, конечно, совершенно не допускал никакой сверхъестественности. Но чем же можно тогда объяснить этот случай? В то время я читал курс лекций по радио в одной из школ. Я, как вам, вероятно, известно, по профессии инженер-электрик. И первая мысль, которая у меня мелькнула, подсказала мне, что странное явление передачи звука должно быть электрического порядка, схожее с радиопередачей. Не излучил ли мозг умирающего друга электроволны, которые дошли до меня? Я стал изучать работу мозга и нервов уже здесь, в Москве. К моему удивлению, я нашел ряд очень близких аналогий в строении нервной системы и мозга с конструкцией радиостанции. Частицы мозга играют роль и микрофона, и детектора, и телефона; фибриллярные нити нейронов имеют на конце виток, удивительно напоминающий проволочную спираль — соленоид, вот вам самонадукция. Интересно, что с физиологической точки зрения даже профессор-физиолог, с которым я работал, не в состоянии был удовлетворительно объяснить значение этой спирали. В свете же электротехники она получает вполне логичное объяснение. Природа, очевидно, создала этот виток для усиления электротоков. Есть у нас в теле даже лампы Раунда — это ганглиозные колбочки сердца. Источник энергии сердца соответствует батарее аккумуляторов, а периферическая нервная система — заземлению. Так, изучая строение человеческого тела с точки зрения электротехники, я пришел к пол-

ному убеждению, что наше тело представляет собой сложный электрический аппарат — целую радиостанцию, способную излучать и принимать электромагнитные колебания. Вот, пожалуйста, посмотрите чертеж.

— Но мне не легко было, бесспорно, доказать наличие электромагнитных волн. Я вел свои опыты в лаборатории Дугова, который успешно занимается опытами внушения животным. Свой опыт я поставил таким образом: я собственноручно смастерил клетку из густой железной сетки, стоящую на изоляторах; сетка могла, по желанию, заземляться. Перед клеткой мы сажали собаку, а в клетке помещался Дугов. Когда клетка не была заземлена, собака удачно выполняла мысленные приказы Дугова. Но достаточно было заземлить металлическую оболочку клетки — и никакого внушения не доходило до собаки. Я думаю, вы понимаете почему: электромагнитные волны, попадая на металлическую сетку, уходили в землю, не достигая собаки. Таким образом задача была разрешена. Наличие электромагнитных волн, излучаемых мозгом, было установлено. Иными методами электромагнитная природа мозговых и нервных колебаний была доказана и работами наших ученых: академиком Лазаревым, профессором Бехтеревым, а в Италии профессором Казамали.

Готлиб окончательно терял терпение.

— Это все чрезвычайно интересно, — наконец сказал он, — но, признаться, мы интересуемся не столько научной стороной, сколько практическими результатами ваших работ. Вы изволили сказать, что вам удастся разрешить задачу охраны населения от преступного использования нового средства воздействия на людей. Но вы еще не разрешили этой задачи. Короче говоря: сможете ли вы обезвредить Штирнера?

— Теоретически для меня вопрос решен, но опытной проверки в большом масштабе я еще не делал. Мы ограничивались опытами передачи мысли животным на коротком расстоянии. Моя «машинна-мозг» вполне осуществима для современной техники. Я изучаю природу электромагнитных волн, излучаемых мозгом человека, устанавливаю их длину, частоту и так далее. Воспроизвести их механически уже не представляет труда. Усилите их трансформаторами, и мысли-волны потекут, как обычная радиоволна, и будут восприниматься людьми.

Машина моя строится и состоит из антенны, усили-

тельного устройства с трансформаторами и катодными лампами и индукционной связи с колебательным контуром антенны. Вы можете излучить определенную мысль на антенну моей «передающей радиостанции», она усилит это излучение и пошлет в пространство. Вот новая «пушка», при помощи которой мы будем обстреливать Штирнера.

Готлиб вздохнул с облегчением.

— И скоро можно будет пустить эту пушку в дело?

— Недели через две, я думаю, удастся послать первый выстрел.

— В чем же он будет состоять?

— Мы застанем Штирнера врасплох и внушим ему, чтобы он вышел из дома и приехал к нам. И он будет в наших руках.

— Но где вы установите вашу «пушку»?

— Я думаю, что нам придется поехать возможно ближе к нашей цели. Повторяю, пушка не испытывалась на опыте, и я не ручаюсь за ее действие на большом расстоянии.

— Но не опасно ли вступить в сферу влияния Штирнера? Ведь он обладает орудием более дальнобойным, совершенным и испытанным?

— Другого выхода нет, мы должны пойти на риск.

— А изолироваться мы не можем? Ведь вы говорили, что думали и над защитительными средствами? — спросил Зауер.

— Конечно. Можно покрыть себя тонкой металлической сеткой, и электроволны, излученные мыслями Штирнера, будут осаживаться на сетку и проходить в землю. Мы будем нечувствительны к его излучениям, но в то же время такая изоляция лишит нас самих возможности излучить мысль. Правда, мы можем действовать механически, при помощи «машины-мозга». Но мною еще недостаточно изучены электромагнитные волны мозгового излучения, и потому пока придется рисковать собой. Я буду передавать мысли на антенну без изоляционного костюма. Если же почувствую влияние излучения Штирнера, вы накинете на меня сетку. Сами же вы будете в изолированных костюмах.

— А что, если прямо идти в этих защитных костюмах в дом Штирнера и расправиться с ним? Авось на этот раз он не заставит меня щекотать его бритвой, вместо того чтобы перерезать ему горло?

— Это значит идти на убийство...

— Туда ему и дорога!

— ...не только Штирнера, но и тех, кто пойдет его убивать. Штирнер, конечно, дорого продаст свою жизнь. Постараемся захватить его живым. Так будет лучше, и победа будет полней.

Готлиб встал. За ним поднялись Качинский и Зауер.

— Позвольте вас поблагодарить... — начал Готлиб.

— Не за что, — ответил Качинский. — Поблагодарите, когда Штирнер будет в наших руках.

XII. НЕМАЯ ВОЙНА

Штирнер сидел в кабинете за столом над чертежами и вдруг почувствовал неудержимое желание выйти из дома. Он уже поднялся и направился к двери, как промелькнувшая мысль заставила его остановиться: что, если он сам оказался под воздействием чужой воли? Неужели они открыли его секрет и действуют тем же орудием? Очевидно, их воздействие еще не обладало достаточной силой: Штирнер не потерял способности рассуждать. Но непреодолимое желание выйти на улицу он ощущал совершенно ясно. Легкий холодок прошел по спине Штирнера. Он погиб, если сейчас же не освободится от влияния чужой мысли! Что делать? Как спасти себя? А его ноги непроизвольно уже донесли его до двери. У двери висело шелковое драпри. Рядом проходили радиаторы отопления. С чрезвычайным усилием воли Штирнер сделал шаг в сторону, сорвал шелковое драпри, накинул его на голову и уцепился руками за металлическую трубу отопления. Тотчас же он почувствовал, как желание выйти на улицу уменьшилось. Посылаемые неведомым врагом электромагнитные токи быстро уходили в землю. Штирнер вздохнул с облегчением. Но это еще не спасение. Надо было обдумать создавшееся положение.

«В моей комнате, — думал Штирнер, — есть железная клетка, в которой я делал первые опыты. Если бы пробраться туда, войти в клетку, заземлиться... Как-нибудь отсижусь, а там видно будет. Но успею ли я добежать? Не разобьет ли противник мой волевой им-

пульс, как только я отойду от заземления? Если бы еще не этот линолеум на полу! Черт возьми! Меня начинают бить моим же оружием. Это скверно. Прежде всего надо изолироваться. У меня есть металлическая сетка. Можно будет накинуть ее на себя... Потом я сделаю настоящий костюм. Но как достать ее? Эльза! Надо вызвать Эльзу.

Между Штирнером и Эльзой давно установился такой полный контакт, что довольно ему было подумать, даже без применения каких-либо усиленных излучений мысли, как она немедленно являлась. Штирнер начал мысленно призывать ее, как всегда ясно представляя весь путь, который должна та пройти. Но Эльза не шла. Шелковая материя на голове Штирнера задерживала излучения...

— Проклятие! — Штирнер приоткрыл шелк и полюбощал голову. В ту же минуту он почувствовал желание выйти из дому. Штирнер поспешно натянул на голову шелк и задумался. Одним глазом через шелк в шелковой материи он увидел недалеко на стене кнопку электрического звонка.

— Спасибо покойному Готлибу, он везде насажал этих звонков. Может быть, мне удастся вызвать слугу...

Звонок находился на расстоянии двух метров. Скользя рукой по металлической трубе, он стал приближаться к звонку. Труба окончилась. Следующий сектор отопления находился на расстоянии семидесяти сантиметров. Штирнер нагнулся, левой рукой ухватился за конец трубы, а правую протянул к трубе следующего сектора, следя в то же время, чтобы шелк не сполз с головы. Для этого он закусил края материи зубами. Так перебрался он к следующему сектору и, держась за трубу, нажал звонок.

— Что, если они послали внушение и слугам? Я пропал...

Штирнер с облегчением вздохнул, когда вдали слышались шаркающие шаги старика Ганса.

Ганс вошел в кабинет и с невозмутимым лицом вышколенного лакея, который умел скрывать удивление за маской почтительности, стал перед закутанным в шелк Штирнером.

— Ганс, в моей комнате... — сказал Штирнер и запнулся. Он еще никого не пускал в свою комнату. «Э, теперь не до того, — подумал он. — Я смогу ему вну-

шить, чтобы он забыл все, что увидит там». — В моей комнате находится металлическая сетка. Принесите ее немедленно сюда. Вот вам ключ...

Придерживая одной рукой шелк, как будто стыдливо закрывая свою наготу, Штирнер вынул другой рукой ключ и подал его Гансу.

Ганс молча удалился и принес тонкую металлическую сетку.

— Набросьте на меня!

Старик исполнил приказание с таким привычным видом, как будто он подавал пальто.

— Благодарю вас, Ганс. Теперь идите... Постойте! Вы ничего не испытываете, Ганс? Никаких особенных желаний? Ну, например, выйти на улицу?

— Куда там на улицу! Если правду сказать, господин Штирнер, я чувствую желание полежать... больные ноги отдыха просят!..

— А давно появилось у вас это желание?

— Да уж лет двадцать к кровати стало тянуть...

— Идите, Ганс!

Штирнер быстро прошел в свою комнату, помещавшуюся позади кабинета.

— Ну погодите! — сердито ворчал он, приводя в движение машины. Внизу загудели мощные моторы, загорелись лампы, машина заработала. «Выстрел» был послан, и он достиг цели.

В окрестностях города стоял большой грузовой автомобиль, на площадке которого была установлена радиостанция не совсем обычного устройства. Это была станция, спроектированная по схеме Качинского, для передачи с усилением излучений мысли.

Шофер, Зауер и Готлиб были в особых костюмах, сделанных из тончайшей проволоочной сетки, прикрывавшей все тело, не исключая лица.

— Наряд не совсем обычный, — смеялся Качинский, — но если мода узаконит его, он покажется даже оригинальным. В будущем мы просто станем делать в наших костюмах тончайшую металлическую подкладку. К сожалению, я не знаю, как обойтись без вуали. Но ведь носили же вуаль женщины! А мы будем изготавливать наши вуали не толще и не тяжелее шелковых.

— Снаряд послан, — говорил Качинский. — Я послал Штирнеру приказ выйти из дома и идти сюда.

— А как мы узнаем, что снаряд попал в цель? — спросил Готлиб.

— Я думаю, он так или иначе известит нас, если и не явится, — сказал Качинский. — Дело в том, что мы имеем и механическую приемную радиостанцию, кроме нашего собственного «приемника» — мозга. А в ней имеется прибор, автоматически записывающий излучения другой станции.

И Штирнер действительно «известил» их, хотя и совершенно неожиданным для нападающих образом.

В тот момент, когда Качинский без изолирующего костюма отправлял новую «мысль-снаряд», он вдруг упал на площадку автомобиля, сделал попытку подняться и упал снова. Он хотел сесть, но голова, а за ним и все тело свалилось на сторону.

Зауер и Готлиб бросилась к Качинскому.

— Вы ранены? Контужены? Как вы себя чувствуете? — спрашивали они его. — Что у вас болит?

— Ничего не болит и чувствую себя вполне здоровым, — отвечал Качинский, делая новую попытку сесть и вновь падая на сторону, — но, черт возьми, я совершенно потерял чувство равновесия!..

Зауер, Готлиб и шофер были поражены. Готлиб поспешил накинуть на Качинского металлическую сетку, чтобы оградить его от новых излучений.

— Ну да, конечно!.. Чему же вы удивляетесь? Штирнер, очевидно, парализовал мозговые центры, которые управляют равновесием. Однако он далеко ушел в своих работах! Чувство равновесия — один из сложнейших и наименее разработанных вопросов. Профессор Бехтерев...

«А все-таки эти изобретатели совсем особая порода людей, — думал Зауер. — Его свалили с ног, и он беспомощно копошится на земле, как раздавленный червь, а сам рассуждает о своей рефлексологии!..»

— Это он нарочно, — продолжал Качинский, — чтобы показать своему противнику, с каким опасным врагом нам приходится иметь дело. Чувство равновесия...

— Это все очень интересно, господин Качинский, но сейчас нам надо позаботиться о вашем здоровье. Я думаю, — обратился Готлиб к Зауеру, — нам придется на этот раз отступить и эвакуировать нашего первого раненого в этой необычайной войне, чтобы подать ему медицинскую помощь.

Несмотря на протесты Качинского, который хотел продолжать дуэль на расстоянии, Зауер и Готлиб решились отступить.

— Помните, что на вас лежит ответственность за миллионы людей. Что, если Штирнер убьет вас или, скажем, лишит разума?

— Ну что ж, едем... — со вздохом согласился Качинский.

— Да, Штирнер — опасный противник, — продолжал Качинский, лежа в автомобиле. — Он обладает более мощным оружием. И сила его передачи так велика потому, что он, очевидно, пользуется направленной волной. Попробуем и мы действовать направленными волнами!..

— Вы лучше скажите, как вы теперь будете жить без чувства равновесия?

— Может быть, мне удастся найти его! — ответил Качинский.

Готлиб с сомнением покачал головой.

Качинский выглядел совершенно беспомощным. Он не мог даже протянуть руки, она тотчас падала в сторону как плеть, хотя все члены его тела были совершенно невредимы.

— Посмотрите, Зауер, нет ли какой-нибудь записи на ленте аппарата.

Зауер посмотрел. Лента была испещрена кривыми линиями.

— Здесь что-то начерчено, но я ничего не понимаю.

— Я скоро сделаю прибор, который будет переводить эти знаки на буквы. — Качинский сделал безуспешную попытку протянуть из-под сетки руку. — Поднесите к моим глазам ленту, Зауер! Так... гм... он хочет напугать меня!.. Вот какую мысль он излучил:

«Вы проиграли сражение, так как потеряли свой единственный шанс: застать меня врасплох. Штирнер».

— Посмотрим, кто победит! — крикнул Качинский, в волнении поднял голову, которая тотчас же упала назад.

— О дьявол! Но вы не запугаете меня этим, Штирнер!

Подъехали к больнице. Качинского перенесли на руках. Стены комнаты завесили металлическими сетками.

Врачи ничего не могли понять в болезни Качинского, и ему пришлось с улыбкой объяснить им.

— К сожалению, медицина бессильна помочь вам, — сказал старший врач, разводя руками.

— Я знал это, — ответил Качинский. — Придется создавать новую медицину или прибегнуть к гомеопатии.

Врач недовольно тряхнул головой.

— Гомеопатия — шарлатанство.

— Не всегда, — улыбаясь, ответил Качинский. — Принцип гомеопатии — лечить подобное подобным. Вот в каком смысле я говорю о гомеопатии.

Зауер первый понял мысль Качинского.

— Вы хотите применить для лечения ваш мыслеподающий аппарат?

— Ну конечно. Я передам моей «машине-мозгу» мысль, что мои мозговые центры, ведающие чувством равновесия, должны восстановить свою деятельность, потом сам восприму это излучение, усилив его. Так как Штирнер действовал на расстоянии, а я буду подвергать себя контрвоздействию возле самого источника излучения, то думаю, что мне удастся вернуть потерянное чувство равновесия... Сделаем опыт!

Врачи с недоверчивым интересом следили за опытом. Но когда Качинский неожиданно поднялся с земли и начал размахивать руками, стоя на одной ноге, все зааплодировали.

— Это прямо чудо! — крикнул молодой врач.

— Если не была симуляцией сама «болезнь» Качинского, — тихо проворчал старый врач.

Так было положено начало новой медицины, получившей впоследствии широкое применение в самых различных областях — от лечения нервных болезней до совершения безболезненных операций без применения наркоза.

— Скажите, — спросил Зауер Качинского, когда они остались одни, — почему «удар», посланный Штирнером, поразил только вас? Ведь если Штирнер сумел точно определить направление, откуда послано вами мыслеизлучение, то его ответный луч мог встретить на пути других людей, не защищенных сетками. Почему же луч не задел их?

Качинский подумал.

— Я думаю, это уж не так трудно объяснить. Штирнер, получив мое мыслеизлучение, мог тотчас проанализировать его длину, частоту волн — словом, все те ха-

ракетные особенности, которыми отличается моя передающая радиостанция, то есть мой мозг. Ведь каждый мозг излучает электроволны, несколько отличающиеся от излучения мозга других людей. Установив характерные особенности моего мыслеизлучения, Штирнер послал ответную «пулю», поразившую меня, на волне той же длины и частоты. И она воспринята была только мною. Это самое естественное объяснение. Но я думаю, что он мог послать излучение и «на предъявителя», если так можно выразиться.

— То есть?

— То есть он мог послать мысленное внушение: «у человека, излучившего мысль против меня, должны парализоваться двигательные-волевые центры». Я человек, пославший это излучение, значит у меня...

— Но разве можно делать такие внушения? Были такие случаи в практике гипноза?

— Не помню, хотя ничего невозможного в этом нет. Во всяком случае, первое объяснение мне самому кажется проще и логичней. Ну, с этим кончено. Теперь за дело! — бодро сказал Качинский. — На этот раз мы попытаемся действовать иначе. Мы окружим Штирнера целым кольцом наших «пушек» и будем действовать на него сразу со всех сторон. Конечно, он может парировать наши удары, обходя круг своим направленным лучом. Но пока он будет делать этот круг, каждая наша «пушка» успеет излучить по снаряду мысли.

— А что, если нам направить наши излучения и на слуг в доме? Ведь если мы заставим их уйти из дому, Штирнеру некому будет приносить пищевые продукты, он будет обречен на голод и принужден будет сдаться, — сказал Готлиб.

— Прекрасно. Мы применим и этот способ, — согласился Качинский.

Срочно были изготовлены радиомашинки, излучающие мысль. Когда все было готово, «главнокомандующий» выехал на позицию с тридцатью «орудиями», которые были расставлены вокруг города на расстоянии нескольких километров.

Качинский отправил Штирнеру ультиматум:

«Наши мыслеизлучения должны убедить вас в том, что настал конец вашему исключительному использованию новой силы — передачи мысли на расстояние. Наравне с вами этой силой владеют другие. Дальнейшая

борьба при таких условиях бессмысленна. Она только усилит общественные бедствия и страдания масс. Если даже вы изолируете лично себя от влияния наших мыслензлучений, мы парализуем вашу разрушительную деятельность; на всякое ваше мыслензлучение массового характера мы ответим контризлучением, контрприказом. Мы можем гарантировать оставление вас живым при немедленном выполнении следующих условий:

1. Немедленно вернуть нормальное состояние и свободу воли всем подвергшимся действию ваших мыслензлучений.

2. Совершенно прекратить в дальнейшем всякое мыслензлучение с вашей стороны.

3. Сдать все машины и электроустановку, обслуживающие мыслензлучения.

В случае вашего отказа или неполучения ответа я не остановлюсь перед крайними средствами.

Качинский».

В то же мгновение он отправил и мысленный приказ всем слугам Штирнера бежать из дома.

Но Штирнер был наготове.

Он прочитал автоматически записанную мыслерадиограмму и тотчас отправил ответ:

«Я сложу оружие тогда, когда сам найду это нужным».

Вдруг он заметил, что слуги бегут из дома. Он сразу понял причину этого бедствия и послал сильнейшее излучение с приказом вернуться.

Слуги заматались, как в пламени пожара. Перекрешивающиеся излучения двух противоположных мыслей бросали их из стороны в сторону, и они металась по дому. Два «желания» раздирали их одновременно: бежать из дома во что бы то ни стало и ни в коем случае не покидать его.

Люди то бросались к дверям, то бежали обратно. Некоторые из них цеплялись за мебель, косяки дверей, отопительные трубы, чтобы удержаться на месте. И вся эта необычайная суeta происходила без единого звука.

Излучения Штирнера были ближе и, очевидно, сильнее. Они удерживали слуг. Постепенно слуги вернулись на свои места.

А в это время Штирнер уже послал новое излучение мысли. Он поднял поголовно все население, еще остав-

шееся в городе, и дал приказ идти и разрушить машины врагов.

И люди бросились из города, как при землетрясении, выполнять приказ Штирнера. Эта атака была неожиданной. И толпе удалось разбить несколько мыслепередатчиков. Но большинство бойцов Качинского вовремя поняли значение бегущей толпы и излучили волны паники. И люди замесались в бешеном хороводе, смешались в водовороте двух излучений, не будучи в силах ни вернуться, ни наступать...

Штирнер и не надеялся на полный успех этой атаки. Ему нужно было только отвлечь внимание для главного удара. Он направлял волны в разные стороны, по кругу, и враги, не защищенные сеткой или неосторожно открывавшие этот неудобный наряд, падали, пораженные параличом, безумием. Этих раненых отвозили в тыл или лечили довольно успешно по способу Качинского.

Нападающие не унимались. Их было больше, они поспешно заменяли выбывших из строя, становились у своих мыслеотправительных машин и излучали мыслеволны день и ночь.

Штирнер засыпал на несколько часов в своем изолирующем костюме, но спать долго было опасно. Можно было ожидать физического нападения. Он одел в изолирующие костюмы всех слуг и вооружил их.

Штирнер устал, но не сдавался. Он спешно заканчивал новое усовершенствование своей передаточной машины, которая, по его мнению, должна была привести в негодность машины его врагов.

Война продолжалась несколько дней.

Однажды, передавая мыслеизлучения, парализовавшие воздействие Штирнера, Качинский стоял на автомобиле без изоляционного покрывала. Вдруг он соскочил с автомобиля и куда-то побежал. Зауер, закрывшись с головой изоляционной сеткой, спал на брезенте, а дежуривший Готлиб в первую минуту не придавал значения бегству Качинского.

Была темная ночь.

Прожекторы не зажгались, чтобы не обнаружить местонахождения мыслепередатчика. Прошло несколько минут, а Качинский не возвращался. Готлиба стало охватывать чувство беспокойства. Он разбудил Зауера и сообщил ему о бегстве Качинского.

— Что вы наделали! — закричал Зауер. — Неужели вы не поняли, что Качинский попал под направленный луч Штирнера? Он погиб. Сколько времени прошло с тех пор, как он убежал?

— Минут десять. Он спокойно сошел с автомобиля, — оправдывался Готлиб. — Я думал, может быть, он пошел по делу.

— Ну можно ли так опростоволоситься, Готлиб? — Зауер сбросил покрывало — для скорости работы они накрывали на себя только металлические покрывала — и излучил мысль:

«Качинский, вернитесь! Качинский, вернитесь!..»

В тот же момент Зауер соскочил с автомобиля и побежал в темноту.

— Мы пропали!.. — услышал Готлиб удаляющийся голос Зауера.

Готлиб догадался отдать приказ шоферу переехать в другое место, чтобы выйти из зоны воздействия направленного излучения. Спешно он дал мыслеприказ всем передатчикам излучать мысль:

«Качинский и Зауер, вернитесь!..»

Мысль была излучена одновременно двадцатью мыслепередатчиками. Минут через десять из темноты показалась темная, качающаяся вперед и назад согнутая фигура, как будто она шла против сильнейшего ветра. Это был Зауер. Его удалось спасти. Но Качинский, очевидно, слишком близко подошел к очагу лучеизлучения со все усиливающейся мощностью воздействия, и рассеянное излучение идущих наугад мыслепередатчиков уже не смогло вернуть его.

— Скорей покрывало! — вскрикнул Зауер.

Готлиб накинул на Зауера металлическую сетку.

— Спасибо, Готлиб. На этот раз вы хорошо сделали. Вы спасли меня... Но если бы вы знали, что я пережил, когда меня дергало!.. Шаг вперед, два назад... Препогоное чувство! Качинский вернулся?

— Увы, нет.

— Бедный Качинский! Он погиб... Погиб не вовремя... Без него мы не справимся со Штирнером.

— Будем продолжать борьбу, Зауер. Мы умеем обращаться с машинами. Наконец, если нам не удастся захватить Штирнера в плен мыслительным приказом, попытаемся напасть на него со старым оружием в руках. Оденем в изоляционные одежды большой отряд.

вооружимся до зубов и проникнем к нему в дом. Изоляция сохранит нас от излучения, а пули, к счастью, не поддаются внушению... И мы прикончим его!

ХIII. «ЧЕРТОВСКИ ИНТЕРЕСНАЯ НОЧЬ»

Качинский, почти падая от усталости, подбежал к дому Эльзы Глюк.

Его, очевидно, ждали. Перед ним раскрылись двери. Прыгая через несколько ступеней, Качинский вбежал на второй этаж и, тяжело дыша, вытирая пот со лба, вошел в кабинет и в изнеможении опустился в кресло.

Дверь из комнаты Штирнера открылась. На пороге появился человек, весь покрытый металлической сеткой с густой металлической вуалью на голове, совершенно скрывавшей черты лица. Это был Штирнер.

— Ваша фамилия? — спросил он.

— Качинский.

— Поляк?

— Русский.

Штирнер помолчал.

— Вы мой пленник, — начал он после паузы. — Вы знаете, что я могу остановить ваше дыхание и вы умрете мучительной смертью от удушья. Я могу сделать из вас покорного раба. Я все могу сделать с вами.

— Я знаю, — ответил Качинский. — И это доставит вам удовольствие?

Штирнер опять помолчал.

— Война не знает пощады, — продолжал Качинский. — Я обречен и знаю это, но вы тоже обречены. И уж если со мной покончено и я лично больше не опасен вам, то позвольте мне, как ученому, обратиться к вам с просьбой.

— Говорите.

— Я хочу осмотреть ваши изобретения. Мне интересно узнать, каким путем шли вы в ваших изысканиях, как сконструированы ваши аппараты.

Штирнер был удивлен. Он подумал немного, потом подошел к Качинскому и протянул ему руку.

Но Качинский не принял рукопожатия.

Штирнер отступил назад и спрятал руку под сетку — Вот как! У вас там, в России, все такие герон? — с насмешкой спросил он.

— Я не вижу геройства в том, что отказался пожать вашу руку, — просто ответил Качинский. — Мы стоим на двух полюсах, и моя рука слишком далека от вашей, вот и все.

— Хорошо. Я удовлетворю вашу просьбу и, пожалуйста, оставлю вам жизнь до утра, если вы согласитесь дать приказ своим соратникам прекратить излучения до девяти часов утра.

Качинский подумал.

В конце концов несколько часов «перемирия» не имеют значения. И потом ему хотелось сообщить своим, что он жив.

— Я согласен.

Штирнер провел Качинского в свою комнату, где была установлена мыслензлучающая станция.

— А это что такое? — спросил Качинский, обращая внимание на небольшой ящик из проволоочной сетки, в котором мог поместиться человек в сидячем положении. — Вы также прошли через это?

— Да, — ответил Штирнер. — Это моя железная клетка, которой я пользовался в своих опытах, чтобы установить наличие электромагнитных волн, излучаемых мозгом.

— Удивительно! — сказал Качинский. — Мы шли одинаковым путем!

— Но разошлись в пути. Извольте излучить приказ вашему штабу.

Качинский сосредоточился перед аппаратом и передал приказ. Штирнер тотчас проверил верность передачи по автоматической записи.

Через четыре секунды та же лента дала ответ.

«Дайте доказательства, что это говорит Качинский», — излучил мысль Зауер.

Качинский передал содержание их последних разговоров, а также бесед в Москве. Видимо, Зауер удовлетворился.

«До девяти часов утра ни одного излучения и нападения не будет.

Зауер».

— Ну вот и прекрасно, — сказал Штирнер. — А теперь я запру вас в кабинете и покажу все свои чер-

тежи. Вы проведете интересную ночь! — Штирнер закрыл дверь кабинета на замок и положил ключ себе в карман. — Садитесь вот здесь, у стола. Мне нужно кое-что передать из моей комнаты.

— Но я надеюсь, что вы не используете перемирия во вред нам?

— Не беспокойтесь. Эта мыслепередача будет частного, так сказать, семейного характера. — Штирнер усмехнулся и прошел в свою комнату.

Где-то внизу зашумел мотор. Через четверть часа Штирнер вышел из комнаты.

— Ну, вот и я! — И, вынув из шкафа пачку с чертежами, он бросил их на стол. — Наслаждайтесь! Здесь вы найдете все, вплоть до плана дома. Вы видите, я не скрываю ничего. Мощные динамо-машины я установил в подвале.

Штирнер замолчал, походил по кабинету, потом, круто обернувшись, спросил Качинского:

— Вы не удивлены моим поведением? Я не убил вас, предложил вам, моему врагу, ознакомиться с моими военными тайнами — вот с этими чертежами.

— Нет, не удивлен. Если вы не убили меня и предоставили возможность ознакомиться с этими планами, значит, на это у вас есть свои соображения. Поэтому я и не спешу выражать ни удивления, ни благодарности за ваш «великодушный» поступок.

— Вы правы. Я поступаю так не из великодушия... — Штирнер помолчал. Он будто колебался, раскрыть ли ему перед Качинским причину своего поведения. Потом он медленно, как бы через силу, сказал: — Я проиграл сражение.

— Разумеется, — быстро ответил Качинский, — вы проиграли. С тех пор как ваша тайна открыта, — а известна она теперь не одному мне, — ваша монополия кончена. Ваша власть раскололась надвое, и дальнейшая борьба...

— Неправда! — крикнул Штирнер и топнул ногой. — Я еще не пустил в ход всех моих средств. Я ушел далеко по сравнению с вами по пути усовершенствования моих приборов. Я имею еще неведомое вам изобретение. Аккумуляция волн и мысли миллионов людей, чудовищные усилители... Если бы я пустил сейчас все это в ход, то я раздавил бы вас, заглушил бы комариное жужжание ваших мыслей, излучений, как сверхмощная

радиостанция глушит слабое лепетание радиоприемников. Я пятидесяти тысячная киловаттная станция, а ваши ресурсы по сравнению с моей мощностью...

— И все-таки вы побеждены!

— Не там, где вы думаете. Не в технике...

— А в чем же?

— Я взял на себя ношу не по силам. То, что я затеял, было бессмыслицей. Чтобы властвовать над миром так, как хотел это сделать я, надо было стать излучающей волю машинной. Я же всего только человек. И я изнемог. Я истощил свою волю, истощив чисто физический запас своей нервной энергии. Вот вам одна из причин моего поражения. Теперь все равно. Конечно! Возьмите эти чертежи, используйте их, как хотите, сделайте их общим достоянием.

Штирнер посмотрел на часы и вздрогнул.

— Вот и все. Выполните строго наши условия. Это совершенно необходимо для меня. На всякий случай — уж не посетуйте — я запрю вас и, кроме того, оставляю вот этих сторожей. — И Штирнер показал на трех огромных догов тигровой масти. — Они умеют исполнять приказания. Имейте в виду, что при первой вашей попытке проникнуть в мою комнату или попытке к бегству они разорвут вас на части. — И Штирнер вышел из кабинета, заперев дверь снаружи.

Качинский раскрыл большую папку. В ней хранились листки, испещренные математическими вычислениями и формулами, планы, чертежи, схемы. Весь этот условный язык, непонятный для непосвященных, был ясен и понятен Качинскому. Цифры и формулы превращались в мысли, мысли — в образы. Стройные колонны цифр и букв отражали работу железной логики ума, их создавшего. Качинский восхищался оригинальностью замысла, красотой мысли, смелостью построения, как шахматный игрок восхищается партией шахматного мастера. Качинский скоро углубился в чертежи и забыл обо всем на свете.

Среди вороха бумаг Качинский нашел записную тетрадь. Это было нечто вроде дневника, который вел Штирнер. Беглые заметки, без дат. Отрывки мыслей, наброски схем, сделанные торопливой рукой. Выписки из книг. Домашние счета.

Качинский просмотрел несколько страниц.

— Однако это интереснее, чем я думал, — прошеп-

тал он и стал поглощать страницу за страницей...

«Новый год. Что принесет он? Был у Гере! Профессор не в духе. Шимпанзе Фриц заболел и поранил Гере руку (укусил).

Читал «Гусеницы на дереве». Если начать раздражать одну гусеницу так, что она начнет сокращаться, то соседние гусеницы также начнут сокращать мышцы и корчиться. Чем объяснить?

Фрицу лучше. Рука Гере поджила. Старик, кажется, боялся заражения крови. Говорил ему о гусеницах. Только туману напустил в своих «объяснениях» и ничего не объяснил. Условный рефлекс. Так же, как плачут дети, видя другого плачущего ребенка. Но в том-то и дело, что гусеницы извиваются, если верить сообщению, не видя той, которую раздражают пальцами.

Прачка ограбила: три марки двадцать пять пфеннигов за стирку! Надо будет поискать прачку подешевле. Не хватило на книгу.

Аррениусу* (книгу которого я не могу купить из-за прачки) удалось обнаружить в растворах, содержащих в своем составе соли, кислоты или основания и проводящих хорошо электрический ток, распадение нейтральных в электрическом отношении молекул растворенных солей на заряженные электрические части, которые получили название ионов (вот он, ион, — «странник», отщепившийся электрон)...

Хозяин требует за квартиру. Обещает выселить. Надо будет опять взяться за переводы.

Кормили пуделя под музыку. Я играл на флейте. Закреплял условный рефлекс. После работы профессор Гере совершал свою обычную прогулку и проводил меня. Дорогой он рассказал мне любопытную вещь. Он уверяет, что если взять пару насекомых, самца и самку, разделить их — самку посадить в маленькую клеточку, а самца вынести за город на значительное расстояние и там выпустить, — то самец прилетит к самке. Как он найдет дорогу? Профессор Гере говорит, что у насекомых хорошо развита зрительная память и что в этом нет ничего удивительного. Многие насекомые (пчелы) обладают такой памятью. Но мне кажется это неправдоподобным. Как только появятся насекомые, сделаю такой опыт, причем я самца понесу за город в закрытой коробочке.

Гере вырезал собаке одно мозговое полушарие. Опе-

рация, кажется, не совсем удачно прошла. Бедная собака! Воет еще жалобнее, чем выла с обеими половинками мозга. Я впрыснул ей морфий — успокоилась. Я заметил, что успокаивающее действие морфия было периодическим: собака затихала постепенно, паузы между припадками становились все длиннее. Когда же морфий перестал действовать, такая же периодичность наблюдалась и в возобновлении болевых ощущений.

Мне посчастливилось: получил книгу для перевода. Химию. Трудную. Но зато мне выдали аванс, и я удовлетворил своих самых назойливых кредиторов: хозяина квартиры, в том числе и нашей конуры, и лавочника. В химии, оказывается, есть не мало любопытного. Сегодня, переводя, узнал, что во многих химических процессах наблюдается периодичность. Например, если влить в склянку ртуть, а на ртуть налить перекись водорода известной концентрации, то между ртутью и перекисью водорода начнет происходить химический процесс, заключающийся в том, что перекись водорода разлагается на воду и кислород. И как показывает запись, периодически наблюдается замедление и ускорение выделения кислорода.

Самое же любопытное то, что на эти периодические реакции яды и наркотики производят своеобразное действие, как и на человеческий организм! Не говорит ли это за то, что в организме человека и животного происходят, по существу, совершенно такие же химические реакции? Неудивительно ли — морфий производит на реакцию в склянке лаборатории такое же успокаивающее действие, как и на собаку, которую мы оперировали?

Разные науки иногда неожиданно сближаются.

Мы производили с профессором Гере опыты, изучая процессы утомления. Утомление глаза. Пурпур, разложившийся на свету, восстанавливается в темноте.

Раздражение нерва можно доводить повторными возбуждениями до известного предела, затем наступает реакция, и нерв просто перестает реагировать на раздражения. Период чувствительности нерва зависит от полного разложения чувствительного вещества в нем. (Таким чувствительным веществом, например, в глазу оказывается пурпур.)

Что касается нервных центров, расположенных выше спинного мозга, то раздражение их электричеством

вызывает периодические «реакции», не зависящие от периода действующего тока и характера раздражения. Двигательные возбуждения, передаваемые от центра мышцам, происходят от 16 до 30 раз в секунду. (Тоже периодичность, как и в химических процессах.)

Гере находит у меня замечательные способности к дрессировке собак. Пожалуй, если бы я начал выступать в цирке, то заработал бы больше, чем переводами. А до профессуры еще далеко! Да и что даст профессура? Надоела нужда.

12 мая — великий день! Я оставил у себя в маленькой клеточке у открытого окна бабочку-самку, а самца в закрытой коробочке отнес за город и там выпустил. Я очень боялся, что самец попортит крылышки и не в состоянии будет лететь. Они действительно немного пострадали, но бабочка-самец полетела по направлению к городу. Я вернулся, ее еще не было. Но примерно через час бабочка прилетела и начала кружиться перед своей плененной подругой. Я отпустил обеих на свободу. Я был поражен. Как унесенная мною за город бабочка нашла дорогу обратно? Она была наглухо закрыта и не видела дороги. Гере ошибается. Бабочка вернулась, руководствуясь каким-то неведомым нам чутьем. Что это за чутье? И еще мне вспомнились гусеницы. А они каким чутьем знают, что одна из них судорожно извивается в чьих-то пальцах? Я думал весь день...

И вдруг мне показалось, что я отгадал загадку, что я у порога какого-то огромного открытия. Может быть, это и есть то, что зовут интуицией? Непосредственное, внезапное постижение. Впрочем, постиг я позже. Когда меня «осенила» мысль, это было еще не «озарение», а радость, безмерная радость от предчувствия, что сейчас я узнаю что-то важное. В интуиции нет, конечно, ничего таинственного, хотя не все понятно нам. Мне кажется, что интуиция есть тот момент, когда целый ряд впечатлений, мыслей, отрывочных знаний, накопленных, быть может, за большой срок, вдруг ассоциируется — вступает между собой в связь; эта связь устанавливается в мозгу. И все мысли приводятся в систему, объединяются и дают какой-то вывод, какую-то новую мысль. Так по крайней мере было у меня. Теперь я могу проследить, как дошел я до своего открытия. Думая о мотыльках и гусеницах, я, скорее в шутку, подумал о том,

что, может быть, они сообщаются по радио. Конечно, у них должна быть своя собственная «природная» радиостанция. Их усики, быть может, их антенна. Аналогия мне понравилась, и я продолжал думать об этом. Почему бы нет? Две разлученные бабочки могут общаться сигналами. Но какая энергия может передавать их? Хотя бы и электричество! Вспомним аррениусовские химические растворы, производящие ионы, то есть электричество. В организме живых существ происходят сложные химические процессы, сопровождающие работу мышц и главным образом нервов и мозга. В этой работе наблюдается известная периодичность. Значит, нервные центры периодически освобождают или излучают ионы. Эти ионы летят, воспринимаются нервной системой другого существа, и... вот вам и радиосообщение!

Я еще не сделал всех выводов, но чувствовал, что мое открытие глубже, важнее, значительнее, чем простое объяснение того, как встретились две разлученные бабочки. Бабочки только дали новое направление моим мыслям.

Быть может, бабочки нашли дорогу друг к другу и без участия радио. Может быть, у них развито обоняние или имеется неведомое нам чувство направления. Бабочки теперь могут улетать, разлучаться и встречаться, находя друг друга каким угодно способом. До бабочек мне нет дела. У меня есть более интересные объекты для изучения: животные, человек...

«Удивительно, — подумал Качинский. — Я и Штирнер пришли к одному и тому же выводу, хотя шли различными путями. Вернее, у нас с ним были различные исходные точки. Но и он и я воспользовались новейшими изысканиями в области химии, физиологии, физики. Если бы мы ничего не знали о радио, об ионной теории, о рефлексологии, то ни он, ни я ничего не изобрели и не открыли бы. Теперь мне понятно, почему ученые, иногда живущие на противоположных концах земли, делают одно и то же открытие, можно сказать, день в день, час в час...»

«...Несколько дней я ходил как помешанный, — писал далее Штирнер в своем дневнике. — Я сделал научное открытие. Говорить или не говорить о нем профессору Гере? Я не утерпел и рассказал, быть может, не совсем связно и толково. Но он, по-видимому, усво-

и самую главную мою мысль. Профессор насмешливо посмотрел на меня поверх своих маленьких очков, и его беззубый рот сжался в улыбке, отчего его усы и часть бороды под нижней губой приподнялись, как иглы ежа.

— Вы утверждаете, — сказал он, — что вы, хе... что работающий, то есть мыслящий, человеческий мозг излучает радиоволны и что поэтому можно передавать мысли на расстояние?

— Точнее говоря, передаются на расстояние не сами мысли, а те электроволны, которые излучаются мозгом. Каждая мысль, каждое настроение «выделяет» свою особую волну, определенной длины и частоты. Эти радиоволны воспринимаются другим мозгом и «проявляются» в сознании, как та же мысль или то же настроение, что и у отправителя.

Гере слушал внимательно, утвердительно качал головой и, когда я кончил, отчеканил:

— Чепуха! Не сердитесь, но это чепуха, мой молодой друг. Вы всегда были склонны к поспешным заключениям. И если вы дальше пойдете по этой дороге, то из вас никогда не выйдет серьезного ученого.

— Но почему же чепуха? — обиделся я.

— Потому, что это ненаучно. А ненаучно потому, что это не доказано на опыте. Ну, вот мы стоим с вами в двух шагах друг от друга. Попытайтесь передать какую-нибудь мысль мне!

Я немного смутился.

— Для этого надо, чтобы наши «станции» — мозг и нервы — были одинаковы настроены.

— Ну что же, настройте!

— Настроить их нельзя. — Гере сделал торжествующий жест. — Позвольте, я еще не кончил. Настроить нельзя так, как настраивается радиоприемник. Но у близких людей одинаковая настройка бывает. Разве мало рассказывают случаев...

— О видении на расстоянии, телепатии, спиритизме, столоверчении и прочей чепухе? Берегитесь, мой молодой друг. Вы вступили на очень скользкий путь.

— Но ведь между моей теорией и всей этой чепухой нет ничего общего!

Я был огорчен, но не обескуражен.

Опять безденежье... Неужели хозяин выселит меня?

А все-таки я прав. Я не успокоюсь, пока не докажу

этому старому грибу, Гере, что я прав. Но как поставить опыт?

Завтра обещают уплатить за перевод.

Эврика! Гере удивляется моей способности дрессировать собак. Он не знает секрета моей дрессировки. Я не строю свою дрессировку на условных рефлексах. Я иду иным путем. Я внушаю собакам.

А секрет этого внушения в том, что я стараюсь очень четко, очень ясно для самого себя представить весь путь и каждое движение, которое должна делать собака, выполняя мой приказ. Вчера был курьезный случай. Гере так надоед мне своей воркотней и своими поучениями, что я подумал: хоть бы Вега (белый шпиц, который до безумия любит Гере) покусала его. Я по привычке ясно представил себе, что Вега бежит к Гере и хватает его за ногу. И что же? Вега действительно подбежала с громким лаем к Гере и разорвала ему брюки. Разве это не передача мысли на расстоянии? Гере огорчен и испуган. Поведение Веги настолько резко выпадает из круга всех рефлексов, которые мы привили ей, что Гере серьезно предполагает у Веги начинающееся бешенство. Он посадил бедняжку в изоляционную камеру и наблюдает за ней. Ставит ей воду и очень удивляется, что Вега пьет, как всегда. Мне смешно, а Вега скучает в своем карцере. Но не могу же я объяснить причину ее поступка. Курьезно! Я искал способа доказать Гере возможность передачи мысли на расстоянии, а теперь приходится ждать другого случая. Впрочем, этот случай можно создать. Поставлю опыт внушения в присутствии Гере. Пусть Гере сам даст задание, например, чтобы собака пролаяла определенное число раз.

Занял двадцать марок. Уплатил за комнату.

Вега еще сидит. Я пробовал внушить ей через стенку, чтобы она пролаяла три раза. Обычно она верно выполняла мои мысленные приказы. Но теперь мое внушение не действует. Что бы это значило?

Нашел причину. Стенка «карцера» обита железным листом, а лист прикасается к канализационной трубе, уходящей в землю. Великолепно. Сама судьба помогает мне и «ставит опыт», мое мысленное излучение попадает на железную стенку и уходит в землю через канализационное заземление, не достигая собаки. Если сделать железную клетку, которую можно будет по желанию

заземлять или же изолировать от земли, засесть в эту клетку и оттуда делать внушения собаке, то...»

— Удивительно! — прошептал Качинский. — Вот как возникла у него мысль сделать железную клетку!

В дневнике Штирнера был, очевидно, значительный пропуск, так как следующие записи уже относились ко времени службы автора у Карла Готлиба.

«Мой почтенный патрон, Карл Готлиб, — писал далее Штирнер, — очень любит собак. Как это ни странно, собаки «сосватали» нас и сделали мою карьеру у Готлиба. Я познакомился с ним у Гере. Оказывается, они школьные товарищи и однолетки, чего никак нельзя предположить, глядя на них вместе: Гере — старый гриб, а Готлиб цветет как херувим. Готлиб очень заинтересовался моими дрессированными собаками и просил заходить к нему. У Гере Готлиб бывает не более раза в год. Поэтому я и не встречался ранее с банкиром. И вот я личный секретарь Карла Готлиба! Он доволен мною, я — им.

Со стариком Гере давно покончено. Я так и не доказал ему на опыте возможности передачи мысли на расстояние. И к лучшему. Я решил работать самостоятельно.

Эти старики с именем имеют обыкновенно присваивать себе труды молодежи. «В лаборатории Гере были произведены опыты... Под руководством Гере...» — и кончено. Вся слава Гере. Впрочем, меня интересует сейчас не слава, а кое-что поважнее. Для себя я проделал опыт внушения через железную клетку и бесспорно убедился в том, что мысль сопровождается излучением электроволи. Теперь нужно приняться за изучение природы этих электроволн.

Занят по горло. Вечерами конструирую аппарат для улавливания радиоволн, излучаемых человеческим мозгом. Это должен быть приемник необычайной чувствительности для приема радиоволн очень короткой длины. Приемник будет с диапазоном настройки на длину волны от сорока сантиметров до метра.

Вот схема!

Эльза Глюк! Необычайно интересная девушка. Между нею и нашим юрисконсультom — никак не запомню его фамилию — что-то не то горькое, не то кислое. А, вот! Зауер! Между Глюк и Зауером существуют какие-то отношения, вполне корректные, но... Жених,

может быть? Что нашла она в этом круглолицем?

Неудачи! Приемник не воспринимает радиоволн моей мысли. Переделываю. Теперь работаю по ночам. А вечерами изучаю в университете анатомию и физиологию, но изучаю с точки зрения радиотехники. Необычайное! Человеческое тело, как приемная и отправительная радиостанция! Очень интересно.

Но для того чтобы изучить эту радиостанцию, мне пришлось взяться за изучение радиотехники. Черт возьми, может быть, завтра окажется крайне необходимым взяться за изучение астрономии! Хорошо еще, что теперь квартирный хозяин не надоедает мне своими напоминаниями о долгах. Живу у Готлиба и получаю хорошее жалованье. После своего полуголодного существования чувствую себя Крезом. Имею возможность приобретать необходимые материалы для моих машин.

Эльза Глюк. Глюк — счастье. Кому достанется Глюк? Неужели круглому?

Опять незадача. Слышу какой-то свист, завывания. Неужели это «музыка мысли»? Надо лучше отызолировать комнату от внешнего мира, чтобы не было никаких посторонних влияний.

Наконец-то!..

Глюк не обращает на меня внимания.

Фит — живая кукла, хорошенькая, но пустая. Она, кажется, влюблена в Зауера. Но его сердце занято Эльзой. В этом уже нет сомнения. А Эмма? Трагедия!

Идет, идет дело на лад!

Ничего нет удивительного. Выражаем же мы свои мысли знаками-буквами в письме, газете. Для меня теперь мысли и чувства имеют иной язык и иную номенклатуру. Длина волны — эи. Частота икс — страх. Чувство страха имеет такую радиоволну. Радость — иную. Я, кажется, скоро буду искусственно изготавливать чувства и рассылать их по радио. Не хотите ли поселиться или поплакать? Любопытно, что чувства животных имеют электроволны, очень близко напоминающие соответствующие электроволны (страха, радости и пр.) людей.

Нет, это было бы слишком необычайно!!!

Черт возьми! Это же гениально! Я сам себя возвожу в гении. Я сделал маленькую передающую радиостанцию и начал излучать волну, которая соответствует чувству горя у собак. Теперь мой аппарат очень

точно регистрирует электроволны, излучаемые мозгом человека и животных, и у меня составилась целый «словарь» волн — чувств — мыслей. Так вот, я завел мой «граммофон» — маленькую передающую станцию — на печальный лад. Она излучала радиоволны собачьей печали. Рядом со станцией я посадил моего Фалька на изоляционном стуле, чтобы радиоволны лучше воспринимались им. И что же? Мой Фальк вдруг загрустил и завыл! Радиоволны собачьей грусти были восприняты им! От радости я схватил моего пса в объятия и закружился с ним по комнате.

Когда я, наконец, пришел в себя, то решил повторить опыт, и посадил пса за перегородкой. Но Фальк уже не выл. Очевидно, радиоволны воспринимаются им только на близком расстоянии. А что, если усилить мощность моей передающей радиостанции?

Я решительно не понимаю Эльзы Глюк. Но почему она так интересуется меня! Быть может, я влюблен в нее? Глупости! Мне не до этого.

Необычайный курьез! Я настроил себя на грустный лад. Мой аппарат записывал излучаемую моей грустью волну. Волна имеет довольно сложное колебание. Затем я ту же волну излучил из моего передающего аппарата, значительно усиливающего передачу. Я настроился на самый веселый лад и начал ждать результатов. Поразительно! Я загрустил и, право же, готов был завывать, как Фальк. Я сам себе передал волны грусти. И ведь удивительнее всего то, что я прекрасно сознавал, что никаких причин грустить у меня нет, что эта грусть «искусственного происхождения». Можно ли это назвать самогипнозом? Мне кажется, в данном случае имеется нечто иное, чем внушение или самовнушение. Общее с гипнозом только то, что в данном случае, как и в гипнозе, имеется налицо, так сказать, влияние той или иной мысли или настроения. Но здесь это вызывается механически: в нервных волокнах искусственно вызываются те же электрохимические процессы, которые всегда сопровождают данное настроение или мысль, и в результате сознание регистрирует возникновение этого настроения или мысли.

Удивительная механика!

Однако как же я буду проделывать дальнейшие опыты? Как мне влиять на других, не подпадая самому под влияние излучения? Для этого два пути: во-первых,

направленное излучение и, во-вторых, изоляция (металлическая сетка на голове).

Сетка помогает. Начну работать направленными волнами. Какие антенны для этого удобнее? Пожалуй, вот такого вида. Необходимо построить антенну по типу «фокусных зеркал», собирающих лучи в определенном фокусе. Таким путем я могу значительно усилить действие излучения.

Я не даю воли своим мыслям, но иногда у меня голова кружится: какие перспективы открываются передо мною! Эльза!..

Вчерашний опыт. Я излучил мысленный приказ Фальку принести мне книгу из другой комнаты. Приказ этот восприняла передающая станция и излучила. Фальк выполнил приказ. Я отнес книжку на место и повторил механически излучение, то есть сам я мысленно уже не давал никакого приказа, но излучил при помощи передатчика ту же волю, что и при мысленном приказе. Фальк вновь принес книгу. Эти радиоволны записываются аппаратом, как голос на пластинке граммофона. И теперь мне можно будет отдавать повторные приказания одним поворотом рычага.

Сегодня я сделал любопытный опыт. Я попытался мысленно передать свой приказ человеку. У Карла Готлиба живет старый слуга, Ганс. Я мысленно приказал ему прийти в мою комнату. Я сосредоточивал всю силу своей мысли и как бы представлял себя на месте Ганса, мысленно проделывал весь путь от его комнаты до моей — словом, я поступал так, как будто внушал Фальку. Но старик Ганс не шел. Это меня не удивило. Между мною и Фальком давно установился полный «рапорт» — связь, как говорят гипнотизеры. При этом Фальку я делал мысленные приказания на близком расстоянии. Излучаемые моим мозгом радиоволны слишком ничтожной мощности, чтобы они могли дойти и возбудить аналогичные электроколебания (то есть мысли или образы) в мозгу другого человека. С Гансом мы слишком различные люди. Не мудрено, что его мозг — его приемная станция — не мог воспринять сигналы, посылаемые моим мозгом. Тогда я тот же мысленный приказ отправил, усилив мощность передачи, через мою передающую радиостанцию. Признаюсь, я с большим волнением ожидал, что будет дальше. И, к своему неизъяснимому удовольствию, я услышал шар-

кающие шаги Ганса: у него большие ноги, и он всегда ходит в мягких туфлях. Он открыл мою дверь, не постучав, чего с ним никогда не было, и вдруг с недоумением и смущением остановился. Что делать дальше, я не приказывал ему, и теперь он не знал, чем объяснить свое появление.

— Простите, но... мне послышалось, что вы звали меня... — сказал он, переминаясь с ноги на ногу.

— Да, да, — поспешил я успокоить старика. — Я хотел узнать, вернулся ли из клуба господин Готлиб.

— Они еще не возвращались, — ответил повеселевший Ганс. Теперь он не сомневался в том, что явился на мой зов. Неприятное ощущение от необъяснимости своих поступков у него прошло.

— Благодарю вас, можете идти, Ганс.

Старик поклонился и вышел. А я?.. Я готов был догнать его и от радости схватить и кружиться с ним по комнате, как я делал это с Фальком, завывшим от грусти.

Опыт удался! А что означает он? То, что я могу повелевать и другими людьми. Я могу заставлять их делать все, что мне хочется. Я могу! Я все могу! Разве это не всемогущество?

Захочу, и люди принесут мне свое богатство и сложат у моих ног. Захочу, они выберут меня королем, императором. К черту корону! Захочу, и меня полюбит самая красивая женщина... Эльза! Нет, нет... Этого я не сделаю. Штирнер, ты теряешь голову! Возьми себя в руки, Штирнер, иначе ты наделаешь глупостей! Штирнер! Давно ли нищий студент, потом аспирант профессора Гере... Средний, рядовой человек, с довольно некрасивым, длинным лицом... И ты мечтаешь о власти, славе, любви только потому, что тебе посчастливилось случайно напасть на интересное научное открытие?!

Вчера мы были на прогулке: я, Эльза Глюк, Эмма Фит и Зауер. Я, кажется, наговорил много лишнего. Полушутя-полусерьезно я делал Эльзе предложение. Этого и следовало ожидать... Но пусть она не шутит со мной! Впрочем, она и не шутит. Зачем только Зауер смотрит победителем? У меня чешутся руки испытать на нем силу моих мыслепередатчиков».

«Как давно я не писал! Жена опять хандрит. Надо еще и еще усилить мощностъ моих передатчиков.

Я затеял крупную игру. Или сверну себе шею, или...

Зачем я не послушался голоса благоразумия? Теперь уже поздно останавливаться, но игра завела меня слишком далеко. Я устал, измотался от вечного напряжения.

Черт бы меня побрал! Лучше бы мне не бросать профессора Гере!

Война!..

Довольно! Устал смертельно. Пора кончать игру...»

XIV. ИГРА ОКОНЧЕНА

Эльза Глюк сидела в зимнем саду, вся укутанная тонкой металлической вуалью.

Приближалась гроза, и дальние раскаты грома глухо отдавались в соседнем зале. Было душно. Эльза, как всегда, думала о Людвиге и вся встрепелась, услышав его шаги. Она очень удивилась, когда Штирнер, войдя в зимний сад, вдруг сбросил с себя металлическое покрывало и, подойдя к ней, сбросил такое же покрывало и с нее.

— Сегодня можем отдохнуть, Эльза, от этого неприятного убора. Уф! — и он с облегчением вздохнул.

Эльза давно не видела лица Штирнера и удивилась, как оно изменилось. Нос обострился еще больше, как у тяжелобольного, и еще глубже запали глаза. А волосы на голове и борода сильно отросли.

— Ты так изменился, Людвиг! Тебя трудно узнать! Штирнер усмехнулся.

— Тем лучше. Не правда ли, я похож теперь на старца пустытника? Пойдем, Эльза... Ты сыграешь мне... Я давно не слышал музыки... В последний раз...

Они вошли в зал. Эльза уселась за роялем и стала играть ноктюрн Шопена.

— Подожди, Эльза... Перестань... не то... Можно ли играть эту грустную ласкающую мелодию, когда приближается гроза?.. Ты слышишь раскаты грома? Гроза!.. Она возрождает, освежает одних и несет гибель другим... Сегодняшней ночью Штирнер умрет...

Эльза в волнении поднялась.

— Людвиг, что с тобой? Ты пугаешь меня!

— Ничего... Не слушай меня... Ты еще слушаешь...

ся в эту ночь... Нам о многом надо переговорить с тобой... Играй скорей... Играй Бетховена — похоронный марш на смерть героя. Герой! Ха-ха-ха!

Эльза занграла.

Штирнер ходил большими шагами по залу, ломая руки.

— Похоронный марш на смерть развенчанного героя... Говорят, Бетховен писал его на смерть Наполеона, но потом разочаровался в нем и назвал марш просто: «На смерть героя». О чем я хотел говорить? — Штирнер посмотрел на часы и сказал: — Довольно, Эльза. Минуты сочтены. Теперь поцелуй меня, поцелуй крепко, как ты не целовала еще никогда.

...Штирнер оторвался от губ Эльзы.

— Сладкий самообман!..

Часы пробили двенадцать ночи.

— Конеч! — тихо прошептал Штирнер.

И в то же мгновение Эльза почувствовала, что с нею творится что-то необычайное.

Как будто сползла с нее какая-то пелена, подобная металлической сетке, которую носила она последнее время. Мысли необычайно прояснились.

Она вдруг стала снова прежней Эльзой, какой была до смерти Карла Готлиба. Какие-то чары рушились. С удивлением смотрела она на большой, неуютный зал, утопающий в полумраке. Молния осветила лицо Штирнера, и она вздрогнула, увидев перед собой незнакомое, бородатое лицо.

— Что это? Где я? — спросила она с недоумением. — Кто вы?

Штирнер с болезненным любопытством следил за этой переменной.

— Это зал Карла Готлиба, покойного банкира. Стенографистка Эльза Глюк никогда не была здесь... А перед вами Людвиг Штирнер. Вы не узнали меня? Эльза!.. Я виноват перед вами и не прошу прощения. Единственно, что оправдывает меня, это то, что я действительно любил и... люблю вас... люблю глубоко и искренно...

Эльза опустилась на круглый стул у рояля и, откинувшись назад, почти с ужасом смотрела на Штирнера.

— Не смотрите так на меня, Эльза! — Штирнер потер ладонью лоб, как бы собираясь с мыслями. — Да,

я люблю вас. И разве любовь меня первого толкнула на преступление? Я долго боролся с собой. Вы помните наш далекий разговор на прогулке, в лодке? Я тогда говорил о могучей силе, которой владел я. Это были не пустые слова. Я действительно обладал этой силой. Я прежде других открыл способ передачи мыслей на расстоянии. В моих руках оказалась сила, которой не владел еще ни один человек в мире. И у меня... закружилась голова. Самые грандиозные планы носились в моей голове. Пользуясь этой силой, я внушил вам любовь ко мне...

Эльза с ужасом отшатнулась от него.

— Я внушил Зауеру любовь к Эмме. Я двигал людьми, как марионетками, я дергал их за ниточку, и они плясали по моему желанию. Я хотел богатства, и оно пришло ко мне. Но пока я не убедился вполне в моем всемогуществе, я был осторожен. Я шел окольными путями. Кривая! Она вернее ведет к цели. И об этом я говорил тогда, в лодке. Чтобы не возбудить подозрения против себя, я сделал так, что наследство Готлиба получил не я, а получили его вы, а я... получил вас с хорошим приданым! Ха-ха-ха!..

Расширенными глазами Эльза смотрела на Штрнера.

— Я наделал много зла людям. Но не думайте, что зло само по себе доставляло мне удовольствие. Я хотел стать великим. Мне казалось, что власть моя беспредельна. Довольно было мне захотеть славы, и люди стали бы рукоплескать мне, воспевать мои самые бездарные произведения. Но ведь это было бы в конце концов самовосхвалением, тем же самым самообманом, как и внушенная вам любовь ко мне.

И вдруг, опустив голову, с тою же горечью в голосе он продолжал:

— Я похож на Тора. Эльза, вы помните скандинавскую сагу о боге Торе? Он считал себя всемогущим, как я. Как-то забрел он в страну, где жило племя великанов. Они стали смеяться над его небольшим ростом. Тор рассердился и предложил им испытать его силу. Великаны сказали: «Выпей воду из этого рога». Он пил без конца и не мог выпить. Великаны предложили ему бороться со старухой, но он не мог победить ее, хотя от напряжения по колена ушел в землю. Рог был соединен с морем, даже бог Тор не в силах выпить море.

А старуха была сама смерть. И я, как Тор, хотел выпить море, я один хотел повернуть историю человечества, навязать свою волю миллионам «капель» человеческого океана. При помощи своих машин я хотел создать нечто вроде «фабрики счастья», но я создавал только грубые суррогаты.

Штирнер нервно посмотрел на часы.

— Я, кажется, говорю не то... Так много надо сказать... Эльза, если бы вы знали, как я страдал, загнанный как зверь в темный угол, окруженный бесчисленными врагами, всегда настороже, в постоянном, неослабевающем нервном напряжении.

Если бы хоть один друг, — искренний, преданный друг был около меня... Если бы вы любили меня не искусственной, мною созданной любовью! Быть может, я бы еще боролся. Но я был одинок. Я устал... Я бесконечно устал!..

Штирнер умолк, опустив голову.

Эльза смотрела на Штирнера и думала, что в этом бледном, измученном лице нет ничего таинственного, страшного. Это лицо неврастеника, переутомленного человека. Что же представляет собой Штирнер? Быть может, талантливого изобретателя и экспериментатора, но заурядного человека, который случайно открыл способ подчинять себе волю других людей и почти обезумел от своего «могущества». Он наделал тысяч глупостей и, не победив «мира», сам был раздавлен непосильной тяжестью, которую он взвалил на себя. Это Эльза поняла скорее чувством, чем умом. Она видела перед собою не героя трагедии, не сверхчеловека, а просто страдающего человека, который жестоко расплачивается за свои ошибки. Такой Штирнер был понятнее ей и возбудил в ней жалость.

— Вы должны были очень страдать! — тихо сказала она.

— Благодарю вас! Эти слова участия для меня дороже, чем искусственно внушенные поцелуи!.. Да, я смертельно устал. И я... — Штирнер сделал паузу и глухо проговорил: — Я решил отказаться от борьбы. Я решил покончить со всем, покончить и с самим Штирнером.

Он снова вынул часы и посмотрел на них.

— Штирнеру осталось жить всего несколько минут.

Эльза в ужасе смотрела на него.

— Вы приняли яд?

— Да, принял, но яд не совсем обычный. Сейчас вы узнаете об этом... Но прежде чем покончить со Штирнером, я решил хоть немного искупить вину перед вами. Я вернул вам ваше прежнее сознание. Я внушил вам в одиннадцать часов ночи, что ровно в двенадцать вы станете прежней Эльзой. Вся искусственная жизнь спадет с вас, как шелуха. Будьте свободны, будьте сами собой. Устраняйте жизнь, как хотите, любите кого хотите, будьте счастливы.

Эльза глубоко вздохнула.

— А Штирнер? Что делать со Штирнером, которому честные люди отказываются пожать руку? — продолжал он. — Штирнер должен умереть. Я отдал приказ моей мыслепередающей машине. Я поставил ее на полную мощность. Ровно в час ночи, — Штирнер опять посмотрел на часы, — всего через шесть минут, она излучит этот приказ, посланный от Штирнера — Штирнеру. И Штирнер забудет о том, что он Штирнер. Он потеряет свою личность. Он забудет обо всем, что было в его жизни. Это будет новый человек, наделенный новым сознанием. Это будет Штерн. Штерн уйдет отсюда туда, куда ему приказал идти Штирнер. И Штерн даже не будет подозревать, что в железной клетке его подсознательной жизни будет влачить существование скованный Штирнер!.. Это смерть... Смерть сознания!

— Но вас могут поймать? — с невольной тревогой спросила Эльза.

— Кто узнает в этом анахорете Штирнера? В таком виде, с бородой, меня никто не видал. Я все обдумал заранее. Сегодня ночью излучения врагов не будет. А если бы они и были, они не опасны для какого-то Штерна. Излучения направлены и должны поражать сознание Штирнера. Его больше не будет!..

Эльза расширенными глазами смотрела на Штирнера. Перед ней должна была произойти тайна какого-то перевоплощения.

— Еще одно, Эльза. Когда я уйду, здесь все пойдет вверх дном. От вас, наверно, отберут все ваше имущество. Я позаботился, чтобы вы не нуждались. Вот здесь, — Штирнер протянул Эльзе пакет, — вы найдете деньги на дорогу и адрес одного человека, на имя которого я перевел крупную сумму денег. На ваше имя держать их опасно. Он получил крепкое внушение,

и деньги будут в целости. Поезжайте туда. Это очень далеко. Но тем лучше. Вам надо отдохнуть от всего пережитого. Пора! Прощайте, Эльза!..

— Подождите, один вопрос... скажите, Штирнер, вы... виноваты в убийстве Карла Готлиба?

Часы пробили час. Вдруг по лицу Штирнера прошла судорога. Глаза его закатились, стали мутными. Он ухватился за край рояля, тяжело дыша.

Эльза с замиранием сердца следила за этой переменной.

Штирнер вздохнул и постепенно стал приходить в себя.

— Ответьте же, Штирнер, на мой вопрос!

Штирнер посмотрел на нее с полным недоумением и сказал каким-то новым, изменившимся, спокойным голосом:

— Простите, сударыня, но я не имею чести вас знать и не знаю, о каком вопросе вы говорите. — Потом Штирнер поклонился и размеренным, незнакомым шагом вышел из зала.

Эльза была потрясена. Штирнера больше не было.

XV. У РАЗБИТОГО АКВАРИУМА

Эльза совсем не спала в эту ночь. Уже рассветало, а она все сидела на том же месте, у рояля. События этой ночи потрясли ее. Она разбиралась в том сложном запутанном клубке, в том хаосе, который внес в ее сознание Штирнер. Она вспомнила все, что пережила со времени смерти Карла Готлиба: свое неудачное бегство от Штирнера, неожиданную любовь к нему, поездку в Ментону. Но вспомнила, как о чем-то чужом, как будто все это прочла она в романе. Так же ясно вспомнила она и то время, когда она была невестой Зауера. Но что-то и в этой картине прошлого изменилось. Думая о Зауере, она чувствовала, что еще любит его. Но любит как-то иначе: образ Зауера потускнел. Что с ним стало? Изменился ли он? Что он вообще за человек?.. К своему удивлению, Эльза поймала себя на мысли, что в сущности она не знала Зауера. Как сложатся теперь их отношения? Ее размышления были

прерваны неожиданным появлением Эммы. Эмма была в дорожном костюме, усталая, побледневшая.

— Эльза! — крикнула она и бросилась со слезами к подруге.

— Здравствуй, Эмма! Отчего же ты плачешь? Почему не предупредила о приезде? Где твой мальчик? — забросала Эльза вопросами плачущую Эмму.

— Малютка там, внизу, с няней. Отто бросил меня и не оставил даже денег. Я продала платье и кое-какие безделушки и собрала на дорогу.

— Оставил без денег, с ребенком?

— Он совсем сошел с ума. Я чувствовала себя такой несчастной и одинокой. У меня никого нет, кроме тебя... — И вдруг с новым припадком истерического плача Эмма прерывающимся голосом заговорила: — Не отнимай у меня Отто! Он любит тебя. Он хранит твою карточку и смотрит на нее. Я совсем не следила за ним, я вошла случайно, но он грубо прогнал меня... Он любит тебя!.. Не отнимай его. У тебя все есть, ты такая счастливая. У тебя есть богатство, ты любишь Людвига, зачем тебе еще Отто?..

Эльза улыбнулась краем губ, но глаза ее оставались печальными.

«Бедная Эмма, — думала Эльза, глядя на изменившееся, похудевшее лицо подруги. — Куда девался ее румянец во всю щеку, серебристый смех? Бедная куколка, что сделал с нею Отто? Неужели он такой бессердечный?»

— Я не счастливей тебя, — серьезно сказала Эльза, глядя рукой растрепавшиеся волосы Эммы, — у меня нет богатства, я больше не люблю Штирнера, и Штирнера больше нет...

Эмма от удивления на минуту забыла о своем горе.

— Он умер? Почему же ты не писала мне об этом? И разве мертвых не любят? Сколько новостей!..

Эльза опять улыбнулась.

Лицо Эммы сделалось печальным.

— Это значит, — всхлипывая, начала она, — это значит, что ты призналась ему в любви к Стто, и Штирнер в отчаянии убил себя. Значит, ты отнимешь у меня Отто?

— Успокойся, глупенькая девочка, — ласково сказала Эльза, — я не отниму у тебя твоего Отто. Ведь он твой муж и отец твоего ребенка.

— Это ничего не значит! — ответила Эмма. — Он говорил, он говорил не раз, что вся его любовь ко мне была одним чертовским наваждением, что если бы не это наваждение, он никогда не полюбил бы такую дуру. И такой брак, говорит он, можно расторгнуть. А если Отто говорит, это верно. Ведь я действительно глупенькая. Но только... ведь и глупенькие хотят счастья! — И она опять заплакала. — Ведь любил же он меня такую, какая я есть! А потом... потом он стал будто мстить мне за то, что любил меня.

И Эмма, прерывая разговор плачем, подробно рассказала Эльзе историю своей любви. Она слишком долго страдала в одиночестве и теперь говорила обо всем, что наболело, о грубости, придирчивости Отто, о его насмешках, издевательствах, оскорблениях.

Эльза слушала, и ее сердце невольно холодело. Отто вставал перед нею в новом свете. Это уже не было «наваждением». Он так поступал уже после того, как освободился от власти Штирнера.

Он мог разлюбить Эмму. Но неужели у него не хватало такта, корректности, наконец, простой порядочности, чтобы удержаться от такого обращения с женой? И, вспоминая уже о своей любви к Зауеру, Эльза подумала: «Неужели прав Штирнер в том, что мы лишь слепые игрушки инстинкта, который может заставить полюбить человека с ослиной головой? Ужасно!..»

Эльза слушала подругу, думая о своем, и прислушивалась ко все увеличивающемуся шуму во втором этаже. «Что бы там могло быть?»

А там происходил последний акт борьбы.

Вооруженный отряд в защитных металлических костюмах, во главе с Зауером и Готлибом ворвался в дом Эльзы.

Зауер ударял рукояткой парабеллума в дверь кабинета и кричал:

— Откройте, Штирнер, или мы взломаем двери!

Неожиданно нападающие услышали доносившийся из кабинета голос Качинского и лай собак.

— Штирнера нет, а я открыть дверь не могу. Штирнер, уходя, запер ее снаружи и приставил собак.

— Это вы, Качинский? Вы еще живы? — Обратившись к солдатам, Зауер приказал: — Ломайте двери!

Несколько дюжих плеч навалились на дверь, и она затрещала. За дверью послышался неистовый лай до-

гов. Доги просунули в образовавшиеся проломы оскаленные, покрытые пеной морды.

Несколько выстрелов уложили собак на месте.

— Зачем же убивать животных? — слышался спокойный голос Качинского.

— А вы предпочли бы, чтобы собаки разорвали нас? — проворчал Зауер, пролезая в образовавшуюся брешь. Он был удивлен, увидев, что Качинский спокойно сидит за столом; подперев голову руками, изобретатель сосредоточенно рассматривал чертежи.

— Где Штирнер? — спросил Зауер.

— Не знаю, — ответил Качинский, не поднимая головы, — он обещал меня утром ослепить, удушить или что-то в этом роде, но, вероятно, забыл или занят чем-нибудь... — Хлопнув рукой по чертежам, Качинский воскликнул: — Вот великолепная штука! Штирнер не обманул. Я провел чертовски интересную ночь! Этот Штирнер прямо гениален. Схемы антенны усилительного устройства с трансформаторами и катодными лампами и схема индукционной связи с колебательным контуром антенны...

Зауер и Готлиб переглянулись: неужели Штирнер отнял у Качинского разум?

— Нужно обыскать все здание сверху донизу и поставить караулы у мыслепередающих станций, — сказал Зауер.

Осмотр начали с комнаты Штирнера, где помещалась одна из мыслензвучающих станций. Вторая такая же станция находилась в другом конце дома, рядом со «зверницей».

Станция не работала.

— Ну что ж, господа, я думаю, теперь безопасно. Можно снять наши защитные маски, — сказал Готлиб и первый снял со своей головы сетку. Его примеру последовали другие. Среди пришедших было несколько старых знакомых Готлиба: прокурор, начальник полиции и «железный генерал», который принимал участие в военной экспедиции против Штирнера «в целях изучения новых методов ведения войны».

Он разводил руками, как бы оправдываясь в своих прежних неудачах военной экспедиции против Штирнера, и говорил:

— Кто же его знал, что на Штирнера надо идти с дамскими вуалями на голове? — И, нахмутив свои

большие седые брови, он печально сказал, указывая на Качинского: — Теперь вот они будущие полководцы, вы, господа инженеры. Наша песенка спета! Что мы сделаем штыком, если эта штука может повернуть штык в любую сторону? — и он с недоброжелательством указал на машину, видневшуюся через дверь комнаты Штирнера.

— Однако надо оповестить всех, что орудия мысленного воздействия нами захвачены. — И Зауер прошел в комнату Штирнера. — Фу, черт, — проворчал он, глядя с недоумением, на незнакомую конструкцию машины. — Качинский, — позвал он на помощь изобретателя, — вы понимаете в этом что-нибудь?

Качинский подошел к машине и стал уверенно поворачивать рычаги. Машина заработала.

— Нужно послать излучение, которое освободило бы всех пораженных Штирнером, — сказал Качинский.

— Правильно! — ответило несколько голосов. И Качинский принялся «лечить на расстоянии», как выразился кто-то из стоящих в комнате.

— Ну что? — спросил Зауер одного из солдат, обыскивавших подвальное помещение.

— Штирнер не найден! — ответил он.

— Ищите в первом этаже! Обыщите каждую щель!

— Виноват, господин прокурор, — обратился Качинский к прокурору, — могу ли я взять эти чертежи? Штирнер передал их мне...

— Сейчас я ничего не могу разрешить трогать и брать отсюда. Все это является следственным материалом. Потом, может быть...

— Очень жаль! — ответил Качинский.

«Хорошо, однако, что я успел ознакомиться со всем этим и записать важнейшие формулы. Обойдемся и без чертежей! — подумал Качинский. — А они, пожалуй, и в формулах не все поймут».

— Я также хочу обратиться к вам с просьбой, господин прокурор, — сказал Готлиб. — Необходимо вызвать дополнительный отряд для охраны подвала, в котором хранятся огромные ценности. Я полагаю, что настаивать на этом я имею право, поскольку я являюсь законным наследником. Думаю, что теперь вопрос о нашем праве на наследство ни в ком не вызовет сомнения.

— Ваши права — вопрос будущего, — ответил про-

курор. — Но против усиленной охраны я ничего не имею.

Зауер все больше хмурился, слушая этот разговор. Он подошел к Готлибу и язвительно произнес:

— Не слишком ли вы забегаете вперед, господин Готлиб? Как вам должно быть хорошо известно, суд присудил наследство в пользу Эльзы Глюк, и решение вошло в законную силу.

— Но оно может быть пересмотрено ввиду вновь открывшихся обстоятельств! — И, вдруг вспыхнув, недавний союзник крикнул: — Да вы с какой стати вмешиваетесь в это дело? Довольно морочили всех! Если вы еще раз станете на моей дороге к наследству, я потребую, чтобы вас арестовали. Вы выступали от имени Глюк и, значит, являетесь соучастником преступления!

— Но вопрос о причинах лишения наследства вашего почтенного родителя... — горячился Зауер.

Спор их был прекращен появлением Кранца.

— Ого! — в волнении размахивал он руками. — Вот оно самое! Вот где мы с вами, Готлиб, брили господина Штирнера, и чистили его платье, и, кхе... получили на чаек с его милости! Помните, ваше превосходительство, вещественное доказательство, которое я преподнес вам в тюрьме, — обратился он к прокурору, — монетку помните? Это самое и есть мое преступление. Цена крови, так сказать. Вместо того чтобы убить, я почистил платьице у господина Штирнера!

— Никто не поставит вам в упрек этого преступления, Кранц. Довольно вы насиделись, теперь вас ждет серьезная работа. Клетку мы захватили, но птичка улетела. Штирнера нет.

— Найдем, найдем! Из-под земли выроем! — весело сказал Кранц, потирая руки.

— Печальные новости, — услышался голос Качинского. Он отложил трубку телефона и сказал: — Сейчас телефонировали с одного завода, что как только прекратилось действие влияния Штирнера, сотни рабочих упали замертво, очевидно наступила реакция после ужасного переутомления, в котором держал их все время Штирнер. Требуется немедленная помощь.

Зауер, хмурый и злой, вышел из комнаты и поднялся на третий этаж.

В зимнем саду он застал Эльзу и свою жену.

Эмма бросилась к нему с радостным криком:

— Отто!

Но он грубо оттолкнул ее.

— Откуда ты? — хмуро спросил он жену. — Уйди, мне надо поговорить с фрау... Штирнер.

Эльза с упреком посмотрела на него, Эмма со слезами на глазах — на Эльзу, как бы говоря: видишь, как он относится ко мне?

— Ну? — сказал Зауер, сурово глядя на жену.

Эмма вздохнула и послушно вышла.

— Отто Зауер, я не узнаю вас, — с упреком сказала Эльза.

— Она мое несчастье! Я не знаю, как отделаться от нее, — с раздражением сказал Зауер. — Вы должны знать, что моя любовь к ней была искусственно вызвана Штирнером.

— Это не дает вам права так относиться к ней. Она не виновата ни в чем, и она любила вас раньше не по приказу Штирнера.

— Какое мне дело до нее? — так же раздраженно ответил Зауер. — Где Штирнер?

— Он ушел.

— Куда?

— Я не знаю. Он не сказал мне, но в доме его нет наверно.

— Вы лжете! Вы скрываете его!

Эльза встала.

— Послушайте, Зауер, если вы не оставите этот тон, я сейчас же уйду.

Зауер заставил себя успокоиться и сел рядом с Эльзой.

— Простите меня, Эльза, — почти ласково сказал он. — Я слишком изнервничался за это время. Вы говорите, Штирнера нет. Вы, значит, свободны?

Эльза в ответ кивнула головой.

— Что же мешает нам теперь быть вместе?

— Зауер, но ведь у вас ребенок, жена...

— Не говорите мне о ней, Эльза!

Он взял ее руку. Эльза нахмурилась и тихо, но решительно отняла свою руку. Не только жена и ребенок отдаляли ее теперь от Зауера.

Новые черты характера Зауера делали его чужим. А может быть, это и не новые черты; может быть, эта грубость и черствость всегда жили в нем под покровом

холодной корректности, и она раньше только не замечала их?

И еще одно удерживало Эльзу. Штирнер, каким она узнала его в последнюю ночь, порастил ее воображение. Он был преступен. Он учинил насилие над свободой ее воли и чувств, но он прошел через ее жизнь, оставил след. И та бездна страдания, которую он открыл перед нею в последнюю ночь, не могла не взволновать ее. Вернув ей свободу, он показал, что доля порядочности еще сохранилась в нем.

Зауер не понимал, что творится в душе Эльзы, и думал, что в ней говорит лишь женская стыдливость.

Он сделал новую попытку взять ее за руку и начал говорить, все более увлекаясь:

— Скажите «да», Эльза, и мы будем счастливы. Мы оба много страдали и заслужили право на счастье. И еще, Эльза, вы помните, я радовался, когда вы отказались от наследства, потому что я боялся потерять вас? Я думаю, что теперь оно не будет стоять стеной между нами, Штирнера нет. Что мешает вам воспользоваться вашим правом? Готлиб? Мне не страшен этот щенок!

Эльза посмотрела на Зауера и вновь отняла свою руку. Во взгляде Эльзы Зауер заметил удивление и страх.

— Не думайте, что во мне говорит корыстолюбие! — поспешил он оправдаться, по-своему поняв этот страх. — Нет, я люблю вас, только вас, а не ваше богатство. Но будьте же практичны. Поймите, что рай в шалаше — мечта поэтов. Подумайте о своем будущем. Дайте мне доверенность, и я ручаюсь, что спасу по крайней мере часть вашего состояния в размере оставленного вам наследства.

Эльза встала и подняла руки, как бы защищаясь.

— Нет, Зауер, нет! Не говорите мне о наследстве! Я не хочу переживать еще раз все эти ужасы, всю эту грязь... Прекратим этот разговор... Я так устала... Я не спала всю ночь и еле стою на ногах...

— Но это не последнее ваше слово? — спросил Зауер вслед удаляющейся Эльзе.

Она быстро ушла, ничего не ответив.

Эльза вбежала в свою комнату и обняла плачущую Эмму.

— Не плачь, моя девочка! Я не отниму от тебя

Отто, но боюсь, что тебе не удастся вернуть его.

— Ты думаешь? — спросила Эмма, беспомощно взглянув на Эльзу.

— Может быть, потом... — сказала Эльза, чтобы утешить подругу, хотя и не верила в это возвращение.

— А теперь нам с тобой надо отдохнуть. Я не оставляю тебя. Мы поедем далеко, чтобы забыть обо всем. Не плачь! Тебе надо беречь себя. И ты совсем не одинока. У тебя есть сын, мы будем вместе воспитывать его. В нем ты найдешь свое счастье.

— Да, поедем. Не оставляй меня, Эльза!

Зауер продолжал сидеть в змием саду, перед аквариумом, опустив голову, хмурый и злой.

— О черт!.. — вдруг крикнул он и неожиданно для себя ударил кулаком в стеклянную стенку аквариума.

Стекло разбилось, вода вылилась, и рыбки, опустившись на дно, жадно открывали рты и били хвостами по сырому песку...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1. ДОМИК У МОРЯ

Листья пальм, колеблемые ровным береговым ветром, мерно покачивались, как огромные веера, приводимые в движение невидимой рукой. Несмотря, на ранний час, солнце палило немилосердно. От пальм ложились на землю иссиня-черные тени.

Небольшой дом с плоской крышей и широкой верандой, выходящей на берег океана, стоял на склоне горы. За домом начинался тропический лес. Пальмы густо обступили дом, укрывая его от зноя широкими листьями. Живая ограда из колючих растений опоясывала участок вокруг усадьбы.

Дом стоял особняком. За невысоким горным кряжем находился небольшой городок.

На веранде за утренним кофе сидела молодая русоволосая женщина в летнем белом костюме и в плетеных туфлях местного изделия на босу ногу.

— Еще чашку прикажете? — спросил старый слуга в белой блузе, белых шароварах и таких же плетеных туфлях.

— Нет, Ганс, благодарю вас. Можете убирать кофе. Как ваши ногн, Ганс?

— Благодарю вас, отлично. Это солнышко прекрасно излечило меня. Еще немножко, и я буду танцевать.

— Фрау Шмнтгоф дома?

— Ушла за провизией. Скоро должна прийти. Вам что-нибудь нужно, фрау?

— Нет, благодарю вас, ничего.

Ганс вышел.

Эльза вздохнула, взяла веер, сделанный из пальмового листа, повернула легкое плетеное кресло к океану и, тихо махая веером, стала смотреть на сверкающую в утренних лучах солнца поверхность воды.

Прошло три года с тех пор, как поселилась она здесь вместе с Эммой, ее маленьким сыном и фрау Шмитгоф, которая упростила взять ее с собой.

Первое лицо, которое она встретила здесь, был Ганс, старый слуга Карла Готлиба. Он и был тем доверенным человеком, которому Штирнер перед своим уходом вручил заботы об Эльзе.

Штирнер постарался «закрепить» верность Ганса мыслензлучением большой силы. Штирнер тогда достиг большого успеха в мысленном внушении на продолжительный срок, — он сам готовился внушить себе «перевосхождение личности» на всю жизнь. Ганс был первым опытом в этом направлении. Когда опыт с Гансом был закончен и по испытанию дал вполне прочные результаты, Штирнер улыбнулся, довольный своей работой.

«Как легко теперь делать людей верными и честными!» — подумал он, отпуская Ганса.

Но эта искусственно закрепленная внушением верность была только предосторожностью. Ганс, по всей вероятности, и без внушения остался бы верен и точно выполнил бы все приказания Штирнера. На имя Ганса была положена крупная сумма в банке ближайшего города. Но полной хозяйкой денег и дома была Эльза.

Ей очень нравился этот укромный уголок, далекий от шумных центров и всего, что могло ей напомнить прошлое. Она хотела одного: чтобы о ней скорее забыли.

Их переселение сюда было похоже на бегство. Они никому не сказали, куда едут, уехали внезапно, без предупреждения, а здесь даже переменили свои фамилии. Эльза стала называть себя Беккер — по фамилии доброй старушки, приютившей и воспитавшей ее в детстве. Эмма приняла девичью фамилию своей покойной матери — Шпильман. Только Шмитгоф оставила прежнюю фамилию.

— Я слишком привыкла к своей фамилии и буду путаться, если перемену ее. И потом... может быть, это незаконно, и я боюсь ответственности, — говорила она.

Маленькая колония жила тихой и мирной жизнью. Боясь быть открытыми, они ни с кем не переписывались и даже не получали газет. Шмитгоф и Ганс вели небольшое хозяйство. Чернкожая нянька помогала Эмме ухаживать за ребенком. Два негра работали в саду и в огороде и присматривали за парой лошадей и ослом. Но в лошадях почти не было надобности. Изредка Эмма ездила с сыном кататься. Обычно же они ограничивались пешими прогулками по берегу океана.

Все так загорели, что их трудно было узнать. Особенно маленький Отто, или Крепыш, как его звали. Темноволосый, курчавый, почти всегда голый, бронзовый от загара, он совсем походил бы на мальчика-туземца, если бы не европейские черты лица.

Эмма в первое время несколько скучала без привычной обстановки большого города, но скоро втянулась в новую жизнь. Сквозь загар на ее щеках проступал прежний румянец, и ее смех теперь часто сплетался со смехом ее ребенка, как два звонких колокольчика, наполнявших звоном весь небольшой дом.

Вечером Эльза иногда играла на рояле: от этой культурной привычки она не могла отказаться. Ребенок засыпал. Эмма усаживалась у ног Эльзы на циновке и замолкала.

Каждая из них думала о своем.

Эльза вставала позже.

За утренним кофе она с немой улыбкой прислушивалась к веселым голосам, звеневшим у берега океана.

Крепыш пропадал на берегу все дни.

Он собирал раковины и камешки, ловил крабов, бросал обратно в воду мелкую рыбку, выкидываемую на берег волнами океана.

Труснха Эмма первое время боялась всего. Боялась, что океан в бурю смочит их домик, боялась скорпионов, змей, которые могли вползти в дом, боялась львов. Львы действительно водились здесь, но далеко, в глубине леса. Они никогда не подходили близко к дому. Только раз или два обитатели дома слышали их отдаленный рев. И Эмма в ужасе будила Эльзу... Но потом она привыкла ко всему.

Эльза медленно махала веером, следя за белой яхтой, показавшейся в океане, у входа в залив. По заливу нередко шныряли пироги туземцев-рыболовов. По-

явление европейского судна было событием для обитателей этого уголка.

Океанские пути лежали в стороне. Небольшие суда появлялись иногда на горизонте, но они или шли мимо, или заходили в порт соседнего городка. На этот раз белая яхта заворачивала в залив.

Эльза испытала неприятное чувство человека, опасющегося, что его покой и обычный уклад жизни могут быть нарушены.

Яхта, мерно покачиваясь, приближалась к берегу.

На яхте развевался красный флаг.

«Странно», — подумала Эльза.

Между тем яхта пристала к берегу.

Слышно было, как заворачала якорная цепь; паруса опустились, и яхта закачалась на месте. В шлюпку спустились два матроса и три человека в белых костюмах с пробковыми шлемами на голове. Шлюпка отчалила. Вот трое в белом вышли на берегу у того места, где находилась Эмма с ребенком и черной няней. Голоса-колокольчики умолкли. Крепыш прижался к матери и с испугом смотрел на незнакомых людей. Матросы вынимают из шлюпки тюки и по пояс в воде переносят и складывают их на берегу. Мужчина в белом подходит к Эмме с поклоном, снимает пробковый шлем, что-то говорит и показывает на тюки. Эмма кивает головой. Матросы и трое в белых костюмах развязывают тюки, вынимают колья, брезент, веревки. Они разбивают палатку. Этого еще не доставало! Почему именно здесь?

Эмма что-то говорит няне, которая берет ребенка на руки, и они трое быстро поднимаются по каменной дорожке к дому.

Эльза все быстрее машет веером и в нетерпении ожидает их. Эмма опережает няню с ребенком и почти бежит к веранде. Эльза видит взволнованное, побледневшее лицо Эммы и неизвестно почему начинает волноваться сама.

— Кто это? Что им здесь нужно? — спросила Эльза подругу, взбегавшую по легким ступеням лестницы в густую тень веранды. От быстрого подъема на гору, усталости и волнения Эмма не смогла справиться с дыханием. Пряди волос прилипли к ее влажному лбу.

— Птицы сегодня не достала, но купила хорошей

рыбы! — услышала Эльза за собой голос фрау Шмитгоф, вернувшейся с провизией.

— Кто эти люди? — повторила свой вопрос Эльза, не отвечая Шмитгоф.

— Приехал Штирнер и с ним еще двое каких-то... — ответила Эмма, глядя испуганно на подругу.

Эльза побледнела, выронила веер из рук и откинулась на спинку.

— Не может этого быть! Ты ошиблась, Эмма.

— Он, он! Уверяю тебя, это он! У него, правда, сильно изменилось лицо, но это он. Его глаза нельзя забыть! А с ним двое каких-то неизвестных. Один помоложе, а другой пожилой, с усами.

Наступила пауза. Эльза была глубоко взволнована.

Она стала дышать так часто, будто не Эмма, а она только что вбежала на гору.

— О чем он говорил с тобой? — спросила Эльза.

— Они приехали на охоту и просили разрешения разбить палатку. Штирнер почему-то назвал себя Штерн.

— Штерн! — вскрикнула Эльза. — Да, это он, сомнения нет.

— Почему Штерн он? — спросила Эмма.

Эльза на минуту задумалась, потом сказала:

— Он переименовал имя, так же как и мы...

— Ты знала это и молчала? — с упреком сказала Эмма.

— Я не думала, что мы встретимся когда-нибудь с ним. У него больше оснований забыть свое прошлое и не открывать его, чем у нас. И потому я прошу тебя, Эмма, и вас, фрау Шмитгоф, предупредите также и Ганса, что если Штирнер явится сюда, никто из нас не должен называть его прежним именем и не подавать виду, что мы знали его. Как бы он ни был виноват, он уже не тот. Он покончил со своим прошлым, и мы должны сохранить его тайну.

— А если эта тайна известна его спутникам?

— Не думаю.

— А если Штирнер сам выдаст себя, узнав нас? Я думаю, что, увидя тебя, Эльза, он не сохранит спокойствия. Это будет так неожиданно! — И, всплеснув руками, она по-детски воскликнула: — Как интересно! — И тут же озабоченно добавила: — Если только он опять не наделает никаких бед...

— Не беспокойся. Он не наделает бед. И он никого из нас не узнает, в этом ты можешь быть совершенно уверена. Ведь не узнал же он тебя. Разве только меня... немножко... как случайную знакомую, — добавила она, как будто вспоминая о чем-то. Но, может быть, они и не придут сюда?

— Придут, наверно придут, — сказала Эмма. — И вот почему. Штирнер сказал мне: «Надеюсь, что мы вас ничем не побеспокоим. Но если среди ваших слуг есть туземец, знающий местность, мы будем очень просить вас разрешить нам взять его в проводники на день-два». Идут, идут сюда! — вдруг закричала она. — Меня уж все равно они видели такой растрепанной дикаркой, — безнадежно махнула рукой Эмма, — а ты иди хоть переодень туфли да чулки натяни! Нельзя же так. Ведь Штирнер, тьфу, Штерн, Штерн, Штерн как-никак был твоим...

Эльза не дослушала, быстро поднялась и ушла к себе. Не забота о наряде заставила ее уйти, а желание наедине справиться со своим волнением.

Сейчас она опять встретится лицом к лицу со Штирнером, с этим загадочным человеком, который ей сделал столько зла, но который искренне любил ее.

Эльза быстро ходила из угла в угол. Рой воспоминаний кружил ей голову. Она сама удивилась силе своего волнения. Ей казалось, что ею все было забыто, все стало невозвратным прошлым. Только одна тайна осталась нераскрытой и изредка мучила ее: виновен ли Штирнер в смерти Карла Готтлиба? Эту тайну Штирнер унес с собой. Эльза подошла к зеркалу и начала бессознательно поправлять волосы.

«Какая я стала черная!» — подумала она, глядя на свое лицо.

— Впрочем, он все равно не узнал бы меня, — прошептала она со вздохом.

Около дома слышались голоса.

— Однако что же я? — И она вдруг бросилась к шкафу и стала перебирать платья. «Вероятно, все это покажется им ужасно старомодным», — подумала она. Наконец выбрала легкое белое платье, быстро оделась, осмотрела себя еще раз в зеркало и, глубоко вздохнув, вышла на веранду.

II. ОХОТНИКИ НА ЛЬВОВ

К Эльзе подошел пожилой человек с пушистыми седыми усами.

— Позвольте мне, как самому старшему из нашей компании, представить других, — сказал он с поклоном. — Дугов, заведующий зоологическими садами в Москве. А это вот Качинский. Он стоит во главе всего дела передачи мыслей на расстояние.

Качинский поздоровался.

— Ну-с, а это, — Дугов указал на Штирнера, — это мой ближайший помощник Штерн.

Штирнер протянул руку Эльзе, и они несколько церемонно поздоровались.

Все уселись за стол. Эльза позвонила и попросила принести завтрак. Поднос заметно дрожал в руках старого слуги, когда он подходил к столу, искоса поглядывая на Штирнера. Эмма вдруг улыбнулась, глядя на дверь. Эльза оглянулась, чтобы посмотреть, что рассмешило Эмму, и увидела испуганное лицо фрау Шмитгоф, выглядывавшее из-за дверей.

Дугов выпил бокал вина за здоровье хозяек и сказал:

— Мы очень просим извинить нас за то, что нарушили ваше одиночество, но, право, это вышло случайно, фрау Беккер. Мы, пользуясь отпуском, решили поохотиться в здешних местах на львов. В наших зоологических садах недостает нескольких экземпляров этих прекрасных животных той породы, которая встречается только здесь. Вот мы и отправились со Штерном сюда, а к нам присоединился и Качинский, который хочет испытать на деле то оружие, которым он сам нас вооружил.

— Что же это за оружие? Где оно? — спросила любопытная Эмма.

Дугов засмеялся.

— А вот пойдемте с нами на охоту и увидите!

— На львов? Ни за что! — в ужасе воскликнула Эмма. — Я дрожу, когда слышу отдаленный рев...

— Ого! Значит, нас не обманули, и охота должна быть удачная! — сказал Дугов, потирая руки. — А вас мы побеспокоили потому, — продолжал он, — что не хотим своим прибытием в городок возбуждать лишний шум. Толпа зевак всегда мешает. И мы решили завер-

нуть в ваш залив. — Дугов протянул руку к берегу. — Жить мы будем в палатке. Вас же мы попросим только об одном: если среди ваших служащих имеются туземцы, разрешите использовать их в качестве проводников.

Эльза охотно согласилась на просьбу Дугова. Она старалась не глядеть на Штирнера, но не могла удержаться, чтобы не скользнуть несколько раз взглядом по его лицу. Наконец она не выдержала и обратилась к нему:

— Скажите, господин Штерн, если я не ошибаюсь, вы не русский?

— Да, я не русский, — ответил Штерн.

— А вы... давно живете в России?

— Около трех лет.

Вежливость не позволяла продолжить этот разговор, похожий на допрос. И все же Эльза неожиданно для себя спросила:

— А раньше где вы жили?

Штирнер рассмеялся самым добродушным образом. И этот смех удивил Эльзу: так не похож он был на прежний, иронический, сухой и злой, смех Штирнера. Действительно, перед нею был другой человек.

— Где я жил раньше и вообще что было со мною раньше — это загадка для меня самого. Не верите? Спросите моих товарищей. Я абсолютно не помню ничего, что было со мной до приезда в Москву, и «забвение» в первое время крайне угнетало меня. Я обращался за советами к профессорам, и они находили у меня какое-то сложное психическое заболевание с мудреным названием, что-то вроде шизофрении. При этом заболевании человек может как бы утратить свою личность, память о прошлом. Вот товарищ Качинский предлагал мне испытать его собственный метод лечения. — Штирнер, улыбаясь, развел руками. — При всем моем доверии и уважении к Качинскому я отказался. Это лечение что-то вроде гипноза, а я чувствую к нему органическую неприязнь.

Эльза посмотрела на Качинского. Он утвердительно кивнул головой и сказал:

— Я предлагал Штерну свои услуги. Но он отказался. А без его согласия я, конечно, не стал делать опытов.

— В Москве я служил рабочим на заводе «Динамо», — продолжал Штирнер. — Потом поступил в зоо-

логический сад — я очень люблю животных — и там познакомился с заведующим Дуговым, который был так любезен, что скоро сделал меня своим ближайшим помощником.

— Вы стоили того, дорогой мой, — ответил Дугов.

— А через Дугова я познакомился и с «передатчиком мыслей», как шутя зовут у нас Качинского. Вот и все, что я могу рассказать о себе.

— А у вас так широко поставлено теперь это дело передачи мысли на расстояние? — спросила Эмма.

— Ого! — отозвался Дугов. — Что-то необычайное! Передача мысли на расстояние действительно достигла широкого применения. Через несколько десятков лет вы не узнаете мира.

— И то, что уже достигнуто, изумительно, — сказал Штирнер. — Неужели вы не читали в газетах?

— Мы не выписываем газет.

Штирнер посмотрел на Эльзу и нахмурился, как бы стараясь что-то вспомнить.

— Странно, — сказал он, — мне кажется, что я как будто где-то когда-то мельком видел вас. Может быть, случайная встреча в пути?..

— Возможно, — ответила Эльза, смутившись. — Так вы говорите, что передача мыслей творит чудеса?

— Да, чудеса. Чудеса, фантазии и химеры мы воплотили в жизнь. — И, вдруг вдохновившись, Качинский стал быстро говорить: — Вы не узнали бы Москвы, если вам когда-нибудь приходилось бывать в ней. Первое, что вас поразит, — это то, что Москва стала городом великого молчания. Мы почти не разговариваем друг с другом с тех пор, как научились непосредственно обмениваться мыслями. Каким громоздким и медленным кажется теперь нам старый способ разговора! Возможно, что со временем мы и совсем разучимся говорить. Скоро и почту, и телеграф, и даже радио мы сдадим в архив. Мы научились уже разговаривать друг с другом на расстоянии. Вот сейчас, если хотите, я могу обменяться мыслями с моим приятелем в Москве.

Качинский замолчал, полужакрыл глаза и сосредоточился, приложив к виску какую-то коробочку. Эльза и Эмма с удивлением следили за игрой его лица, отражавшей этот молчаливый разговор. Качинский открыл глаза и улыбнулся.

— Друг здоров, но очень занят — он на заседании. В Москве идет снег. Ивин шлет нам всем привет. Присылают нас, чтобы мы привезли его жене попугая.

Эмма даже рот приоткрыла от удивления.

— Но как же, — спросила она, — не перемещают все эти мысли?

— Взаимные мешания существуют, но не в такой степени, как в радиопередаче. Наши «радиостанции» более точны, чем старые; мы всегда знаем, как настроен приемник нашего собеседника, и быстро устанавливаем нужную связь.

— Где же ваша радиостанция? — спросила Эльза.

— Вот здесь! — ответил Качинский, с улыбкой показывая на свой лоб. — Наш мозг — наша радиостанция. У нас есть и настоящие усилительные машины, но теперь мы пользуемся ими только для передачи мыслей, так сказать, массового восприятия: новостей дня, лекций, концертов. Отдельные же лица для общения друг с другом имеют усилители, которые помещаются в кармане. Вот он! — и Качинский показал коробочку, которую только что держал у виска. — На близком расстоянии усиления не нужно и сейчас. А скоро мы и вообще обойдемся без искусственного усиления. Постепенным упражнением мы достигаем все большей мощности нашей природной «радиостанции».

— И вы можете передать концерт, как по радио?

— Лучше, чем по радио. Мы просим наших лучших композиторов мысленно импровизировать и излучать импровизацию. Какой восторг слушать свободный полет фантазии! Или, например, шахматы, которыми у нас так увлекаются. Сотни тысяч людей мысленно следят за игрой шахматных маэстро. Особенно интересна игра «в открытую», когда шахматисты излучают весь процесс обдумывания ходов. Да всего не расскажешь!

— Присажайтесь и посмотрите своими глазами, — сказал Штирнер, поймав взгляд Эльзы.

— Да, это лучше всего, — согласился Качинский. — Мысленно мы передаем не только звуки, но и краски, образы, сцены — словом, все, что может вообразить человек. Когда передача мыслей станет общим достоянием, больше не будет театров, кинематографов, школ, душных помещений, скопления людей. Знания, развлечения, зрелища станут доступны каждому. Чрезвычайно полезной оказалась мыслепередача и в нашей рабочей

жизни. У нас теперь идеальные трудовые коллективы, которые выполняют работу со стройностью лучшего оркестра.

Дело сводится к координированию при помощи мыслепередачи деятельности нервных систем. Сочетание движений само по себе чрезвычайно важно в тех случаях, где применяется коллективный труд. Для этого, например, во все времена, начиная с глубочайшей древности, употреблялись песни. У нас когда-то распевалась песня «Эй, дубинушка, ухнем». На слоге «ух» работавшие как бы слагали общие усилия в одной точке времени и пространства. Но этот способ годился и помогал только в тех случаях, где приходилось применять грубую физическую силу. В более сложных процессах пытались применять иные способы координирования трудовых движений. Устраивались так называемые конвейерные системы, когда все процессы шли «лентой» так, что остановка в одном месте производила остановку всей ленты. Волей-неволей приходилось применяться к общему темпу работ. Эта система заставляла работать в одинаковом темпе людей с различной нервной и физической организацией. На смену механическому принуждению пришла наша мыслепередача, которая не принуждает, а помогает рабочим координировать работу своей нервной системы и мышц с работой коллектива.

Когда-то в Москве удивлял так называемый Персимфанс: первый симфонический оркестр без дирижера. Это была действительно первая попытка создать коллектив, связанный внутренней спайкой — координированием работы нервных систем многих людей. Но все же и в Персимфансе было больше механической спайки: члены его подчинялись больше заранее установленным музыкальным темпам, чем единой воле коллектива. Иное дело, когда невидимый «дирижер» воздействует непосредственно на волевые центры. Слаженность работы получается изумительная, и, конечно, и производительность труда максимальная.

— Но разве все это не подавляет личность, ее свободу? Ведь могут же быть люди, которые захотят использовать эту силу во зло другим!

— Был такой человек, его звали Штирнером, мне о нем приходилось кое-что слышать, — сказал Штирнер. — Этот человек действительно наделал много вре-

да, использовав в личных целях мощную силу мысли. Но вот Качинский сумел обезвредить Штирнера.

— А вы не знаете, где теперь Штирнер? — не удержалась Эльза от жуткого вопроса, обращаясь к Штирнеру.

— Не знаю, и пусть он благодарит судьбу, что я не знаю, где он... Если бы я встретил этого человека, не поздоровилось бы ему.

Качинский улыбнулся.

— Зачем мстить Штирнеру? У нас есть более мягкие способы вырвать ядовитое жало. Правда, мы прибегаем к ним лишь в исключительных случаях. И потом надо же быть справедливым: Штирнер оставил нам огромное наследство. Без его изобретений мы не имели бы таких успехов в области передачи мысли. Наконец, он сохранил мне жизнь. В нем было свое благородство.

— В России не может быть того, что натворил Штирнер, — продолжал Штирнер. — С тех пор как передача мысли на расстояние сделалась общим достоянием, произошло, так сказать, уравнивание сил. Если вы не желаете воспринимать чужие мысли, вы всегда можете «выключить ваш приемник», и дело с концом.

— Собственно говоря, возможность внезапного «мысленного нападения» не исключена, — сказал Качинский. — Но мы строго следим за этим и своеобразно караем. При помощи сверхмощных усилителей, которые у нас имеются, мы делаем преступнику соответствующее «внушение», и он навсегда делается безопасным, так как самая мысль о повторном преступлении не может уже возникнуть в его сознании. Нам не нужны теперь тюрьмы, мы делаем из всякого преступника полезного члена общества.

Эльза о чем-то задумалась.

Дугов заметил это и, опасаясь, что своими разговорами они утомили хозяев, отвыкших от посещения посторонних людей, посмотрел на часы и сказал:

— Однако мы заговорились. Пойдемте, Штерн, нам надо готовиться к охоте.

Простившись с дамами, Дугов и Штирнер спустились с террасы.

— Надеюсь, вы будете у нас обедать? — спросила Эльза вслед.

— Если это не очень беспокоит вас, — ответил с поклоном Дугов.

Где-то заплакал маленький Отто. Эмма извинилась и вышла.

III. ШТИРНЕР И ШТЕРН

Эльза осталась одна с Качинским.

Ее охватило волнение. Из всего, что рассказывал Качинский, ее больше всего поразило и заинтересовало одно: Качинский может вернуть Штирнеру его прежнее сознание, сделать хоть на несколько минут из Штерна прежнего Штирнера. Ей очень хотелось этого. Почему? Она сама едва ли отдавала себе в этом отчет. «Я хочу узнать тайну смерти Готлиба», — думала она. Но не только это возбуждало ее желание увидеть прежнего Штирнера. Быть может, в ней бессознательно говорило чувство женщины, которое не могло примириться с тем, что человек, который любил ее и решил так своеобразно покончить с собой, вместе со своей личностью убил и чувство любви к ней. Быть может... Быть может, она странными изгибами чувства начинала любить этого человека.

Она сидела молча, не зная, как приступить к своей цели.

— Скажите, господин Качинский, — начала она нерешительно, — вы не могли бы здесь же, у нас, испробовать ваш способ, чтобы вернуть прежнее сознание Штерна. Возможно ли это?

— И да и нет. Вообще говоря, восстановление памяти вполне возможно. Медицина знает много таких случаев. Их бывает немало на войне, когда от сильной контузии люди совершенно теряют память о прошлом и даже забывают свое имя, но потом память возвращается. Известны такие случаи и при гипнозе. Окончательная потеря памяти может быть только тогда, когда органически разрушаются самые центры памяти в мозговом веществе. Это, так сказать, травматическая потеря памяти. Она безнадежна. Но в данном случае разрушение мозговой ткани едва ли было, иначе оно отразилось бы на всей психической деятельности. А Штерн

во все остальном, кроме воспоминания прошлого, вполне нормален. Я могу в пример привести себя. Во время моей борьбы со Штирнером он поразил мои мозговые центры, управляющие равновесием. Я был совершенно беспомощен и тем не менее сумел восстановить чувство равновесия.

— Значит, можно? — оживилась Эльза. — Почему же вы ответили «и да и нет»?

— Да вообще можно, но... вы же слышали, что сам Штерн не желает подвергаться этому опыту? Это в первых... Но почему вас так интересует прежнее сознание Штерна?

— Дело в том, что мне кажется... я была знакома с этим человеком... даже наверно очень хорошо знакома... Но он забыл обо мне, как обо всем прошлом. Мне хотелось бы пробудить в нем одно воспоминание. И потом... узнать одну тайну, очень важную тайну, которую он хотел мне сказать, но не имел возможности...

Качинский посмотрел на нее с удивлением. «Роман?» — подумал он.

— Против его желания я, к сожалению, лишен возможности удовлетворить ваше любопытство, — ответил он.

Эльза нахмурилась.

— Это не любопытство. Это очень серьезно, — сказала она с некоторой обидой в голосе. — Настолько серьезно, что я просила бы вас сделать опыт, не спрашивая его разрешения. Всего на десять минут. И кто бы он ни был в прошлом, он опять станет Штерном и ничего не будет знать о вашем опыте. Ведь в этом же нет ничего преступного. Я прошу вас, очень прошу!

На этот раз нахмурился Качинский.

— Если я сам первый начну изменять нашим принципам охраны свободы чужого сознания, то вряд ли это будет похвальным, — сурово ответил он. Эльза начала раздражаться. «Качинский не понимает важности дела. Так я же покажу ему, что тут нечто более серьезно, чем женское любопытство!» — подумала она и сказала:

— Штерн говорил, что вы обезвредили некоего Штирнера. Как это было? Я прошу рассказать мне.

Качинский рассказал.

— Значит, вы видели в лицо Штирнера в том стеклянном доме?

— Нет, в лицо я его не видел. Он был в густой металлической маске.

— Если вы так упрямы, что не хотите исполнить мою просьбу, то я принуждена открыть тайну: Штерн и есть Штирнер, а я его жена, урожденная Эльза Глюк, по мужу Штирнер.

Качинский был поражен.

— Неужели Кранц был прав? — сказал он после паузы.

— Кто такой Кранц?

— Кранц — сыщик. Он поставил целью своей жизни отыскать Штирнера. Не так давно он встретил в Москве Штерна и стал уверять меня, что это и есть Штирнер. Тогда мне стоило больших трудов убедить Кранца, что он введен в заблуждение внешним сходством.

— Теперь, надеюсь, вы признаете мою просьбу основательной? — спросила Эльза, довольная произведенным эффектом.

— Штерн — это Штирнер! — мог только произнести Качинский и глубоко задумался.

Эльза выжидательно смотрела на него.

— Ну что же, да или нет?

— Нет!

— Но если Штерн-Штирнер согласится на опыт?

— Он не согласится.

— Посмотрим! Я сама поговорю с ним. Подождите здесь, я сейчас приду.

Качинский остался на террасе, следя за удаляющейся Эльзой.

Она спустилась вниз к палатке на берегу и стала о чем-то говорить со Штирнером, который внимательно слушал ее, потом кивнул головой.

«Неужели ей так скоро удалось уговорить его? — подумал Качинский. — Ведь он всегда с ужасом отказывался, когда я предлагал ему сделать попытку вернуть память о прошлом».

Эльза пригласила Штирнера идти за собой.

— Он согласен, — сказала Эльза, поднимаясь на веранду, — согласен и даже сам просит вас об этом.

— Вы согласны? — спросил, еще не веря, Качинский.

— С большим удовольствием. Ничего не имею против, — ответил Штирнер.

Качинский задумался: «В конце концов я ведь каждую минуту могу погасить у Штирнера память о прошлом. Я буду следить за ним».

— Ну что ж, пусть будет по-вашему, — сказал Качинский. Он вынул из кармана коробочку — аккумулятор-усилитель, приложил к виску и мысленно приказал, фиксируя Штирнера глазами:

— Садитесь и усните!

Штирнер покорно уселся и тотчас уснул, закрыв глаза и опустив голову.

— Обычно к усыплению мы не прибегаем, — сказал Качинский, обращаясь к Эльзе, — но это трудная операция. Я верну ему прежнее сознание всего на десять...

— На двадцать! — сказала Эльза.

— Ну, на пятнадцать минут, не больше. Надеюсь, за это время он не натворит больших бед. На всякий случай я буду следить за ним из комнаты, уже с этим вы должны примириться. Ровно через пятнадцать минут он вновь станет Штерном.

Качинский замолчал и стал сосредоточенно смотреть на Штирнера.

— Сейчас он проснется. Я уйду.

Качинский ушел в дом и стал у двери так, что с веранды его не было видно.

Штирнер несколько раз глубоко вздохнул, приоткрыл глаза и вдруг опять закрыл их, ослепленный ярким солнцем. Переход от полумрака большого зала в доме Готлиба к сверкающей поверхности океана был слишком резким. Наконец, щурясь, он открыл глаза.

— Что это? Где я? Эльза? Ты?.. — он бросился к ней и стал целовать ее руки. — Милая Эльза! Но что это значит? Я не соберусь с мыслями...

— Садитесь, Людвиг, — ласково сказала она, — слушайте и не перебивайте меня. У нас только пятнадцать минут на это свидание... Я вам все объясню. Вы ушли в ту бурную ночь, превратившись в Штерна. И вот мы опять встретились с вами. Как? Я вам скажу потом, если у нас останется время. А теперь я прошу вас скорее сказать мне то, что мучило меня все это время, эти три года.

— Три года? — удивленно повторил Штирнер.

— Скажите мне правду: вы не виноваты в смерти Карла Готлиба?

— Я же вам говорил, Эльза. Смерть Готлиба действительно произошла от несчастной случайности.

— Но второе завещание было составлено всего за месяц до смерти. Это тоже случайность?

— Нет, это не случайность. В этом я, если хотите, виновен. Я действительно поторопился Готлиба составить последнее завещание, так как дни его были сочтены. Несмотря на свой цветущий вид, он был смертельно болен сердечной болезнью. Ему врачи не говорили об этом, но мне, как доверенному лицу, сказали, что дни его сочтены, больше месяца он не проживет. Поэтому я и внушил ему мысль скорее составить завещание. Почему на ваше имя, а не на свое, я, кажется, уже говорил вам. Эта «кривая» была ближе к цели, — сказал он со знакомой иронической улыбкой.

— Но моя услуга Готлибу, о которой упоминается в завещании?..

— Она была, хотя я, пожалуй, несколько преувеличил ее. Я как-то передал вам несколько полученных нами для оплаты векселей, подписанных Карлом Готлибом, и вы, может быть случайно, заметили и обратили мое внимание на то, что почерк не похож на обычный. Я не подал вам тогда виду, но потом произвел тщательное расследование и нашел с десяток таких векселей. Это были подложные векселя. Откуда они появились? Кто их подделал? После долгих и осторожных разведок я пришел к убеждению, что это дело рук Оскара Готлиба — брата покойного Карла. Я собрал уничтожающие улики и представил их нашему старичку Карлу. Таким образом, вы оказали ему услугу, хотя я не говорил ему, что вы первая заметили подлог — вы открыли ему глаза на недостойное поведение брата; Карл страшно рассердился, тогда же сказал мне, что лишит Оскара наследства — эта мысль не была внушена мною — и послал Оскару резкое письмо. Оскар ответил письмом, в котором униженно просил о прощении, сознался в вине, но оправдывался своим тяжелым материальным положением. Письмо это должно храниться в одном из несгораемых шкафов Готлиба...

— И оно нашлось! — воскликнула Эльза. — Это правда... Теперь я верю вам!

— Кто же его нашел?

— У Зауера были ключи. Когда вы ушли, Зауер поссорился с Рудольфом Готлибом, который вновь предъ-

явил свои права на наследство. А Зауер, видимо, хотел во всем заменить вас и решил бороться с Готтлибом, чтобы сохранить имущество за мной. Прежде чем шкафы были опечатаны, Зауер успел вскрыть один из них, нашел пачку подложных векселей и письмо Оскара Готтлиба и предъявил их прокурору, чтобы доказать правильность завещания Карла Готтлиба, лишившего брата наследства. Раздраженный Рудольф Готтлиб выстрелил в Зауера, ранил его в живот, и Зауер скончался от перитонита, а Рудольф Готтлиб был присужден к десяти годам заключения и отбывает теперь наказание. Дело о подлоге Оскаром векселей пришлось прекратить в самом начале, так как Оскар при первом же допросе внезапно умер от апоплексического удара...

— Сколько несчастий! — сказал Штирнер. — Но ведь в них я не виноват, Эльза?

— Да, хотя косвенно, быть может, и виноваты. Но не будем говорить об этом. Теперь скажите мне, почему вы оказались в Москве?

Штирнер пожал плечами.

— Когда я обдумывал свое бегство, то решил, что врагам менее всего придет в голову искать меня в Москве. Да и московская милиция, уж конечно, не имела контакта с нашей. И я решил «отправить» Штерна туда. Что было со Штерном, я не знаю.

— Об этом я могу сказать немного из того, что я узнала от Штерна.

И Эльза рассказала Штирнеру обо всем, что произошло со Штерном, не упоминая только фамилии Качинского, вплоть до того момента, как он прнехал.

— Но как вам удалось вернуть мое прежнее сознание? — спросил Штирнер.

— Я попросила об этом одного из ваших новых друзей. Я хотела поговорить с прежним Штирнером хотя бы несколько минут, чтобы узнать то, что вы мне сказали.

— И я согласился на то, чтобы мне вернули сознание?

— Да, вы согласились.

— Странно, — сказал Штирнер. — Я предвидел такую возможность и, внушая себе изменение личности, отдал приказ Штерну, чтобы он ни в коем случае не соглашался подвергать себя внушению.

— Ну, значит, Штерн не послушался вас, а послушался меня, — улыбаясь, ответила Эльза.

— Эльза, Эльза, зачем вы это сделали? Как тяжело почувствовать опять на своих плечах груз пережитого! — с тоскою сказал Штирнер.

— Он скоро опять спадет с вас, — ответила Эльза.

— Да, но мне теперь труднее расстаться с вами, чем раньше. Забыть вас опять...

Штирнер встал, протянул руку к ней, глядя на нее с любовью, сказал:

— Эльза!.. — В этот момент вдруг глаза его и лицо сделались спокойными, и он, несколько смутившись тем, что держал ее за руки, сказал: — Так как же, фрау Беккер, едете вы с нами на охоту? Я согласен, думаю, что и мои товарищи будут не против. Наша охота будет вполне безопасной.

Эльза поняла, что перед нею стоит опять Штерн. Время истекло. Качинский с часами в руках вошел на террасу и спросил Штирнера:

— Скажите, Штерн, о чем вы говорили с фрау Беккер на берегу, только об охоте?

— Ну да, — ответил Штирнер, с удивлением глядя на Качинского. — А о чем же иначе? Фрау Беккер подошла ко мне и просила взять ее с собой на охоту. Она говорила, что вы и Дугон согласны, если я также соглашусь. Я согласен. Вот я и пришел сказать об этом. Ведь так? — обратился он к Эльзе.

— Да, так, — ответила она, улыбаясь.

Качинский посмотрел на Эльзу укоризненно и покачал головой.

— Почему вы качаете головой, Качинский? — спросил Штирнер.

— Но ведь все обошлось благополучно, — сказала Эльза Качинскому.

— Что благополучно? О чем вы говорите, господа? — недоумевал Штирнер.

— Так, пустяки. Фрау Беккер схитрила, желая принять участие в охоте... — сказал он, поглядывая с упреком на Эльзу. — А вы... серьезно хотите идти? — спросил Качинский Эльзу.

— Конечно, серьезно! — ответила она, смеясь.

Качинский опять развел руками.

— Итак, завтра утром идем? — спросил Эльзу Штирнер.

IV. «ЛЕБЕДЬ» СЕН-САНСА

Вечером после ужина все сидели на веранде и оживленно разговаривали.

Гости рассказывали о Москве, о чудесах, которые творит передача мысли на расстояние, о необычайных возможностях, которые развернет это мощное орудие, когда человечество овладеет им в совершенстве.

Эмма слушала с увлечением, вздыхала и поглядывала на Эльзу, как бы говоря: «Как там интересно! А мы-то живем здесь!..»

Огромный шар луны поднялся из-за горизонта, проливая серебро бликов через весь океан до самого берега. И волны бережно качали этот подарок неба. Океан дышал вечерней влажной прохладой. Цветы пахли сильнее пряным, сладковатым запахом.

Где-то недалеко пели туземцы. Напев их был так же ритмичен и однообразен, как прибой. Под впечатлением этой южной ночи разговор на веранде становился все медленней и, наконец, затих.

Слышнее стал доноситься шорох гальки, обтачиваемой волнами.

— А мы-то тут живем!.. — с тоской вдруг докончила вслух свои мысли Эмма.

— Вы несправедливы, фрау, — отозвался Дугов и провел широко рукой вокруг. — Разве все это не очаровательно?

— Да, но... сегодня и завтра — одно и то же... Хочется нового! Здесь хорошо, и все-таки чего-то не хватает.

— Я знаю, чего не хватает! — сказал, улыбаясь, Дугов. — Музыки! По крайней мере нам для полноты впечатлений. Фрау Беккер, ведь вы играете? Я видел у вас инструмент. Сыграйте нам что-нибудь этакое... лирическое! Мы будем слушать, молчать и созерцать.

— Просим, просим! — поддержал Качинский Дугова.

— С удовольствием, — просто ответила Эльза, вошла в комнату и села у рояля.

«Сегодня я хорошо буду играть», — подумала она, прикоснувшись пальцами к прохладным, чуть-чуть влажным от вечерней сырости клавишам и чувствуя нервный подъем.

— Что бы такое сыграть? — И прежде чем она успела подумать, ее пальцы, как бы опережая ее мысль и повинаясь какому-то тайному приказу, начали играть «Лебедь» Сен-Санса.

Ласковые, тихие звуки полетели в ночь, по серебристой дороге океана, к луне, сливая очарование звуков с очарованием ночи.

— Как прекрасно вы играете!

Эльза вздрогнула.

Опершись на рояль, перед ней стоял Штирнер и внимательно смотрел на нее. Когда он вошел?

— Простите, я помешал вам? Но я не мог не прийти сюда... Эти звуки... Продолжайте, прошу вас!..

Эльза, не прерывая музыки, с волнением слушала Штирнера и думала о своем. «Лебедь», это «Лебедь» Сен-Санса... — так говорил он когда-то там, давно, в стеклянном зале. Нет, он не мог быть злым до конца. И тогда его голос был так же нежен, как и теперь.

— «Лебедь»... «Лебедь» Сен-Санса!.. Десятки раз я слышал эту пьесу в исполнении лучших музыкантов, — говорил Штирнер, глядя на Эльзу, — но почему эта музыка, ваша музыка так волнует меня? Мне кажется, я когда-то слышал ее так же, как иногда мне кажется, что где-то я встречал вас.

От волнения грудь Эльзы стала подниматься выше.

— Это не только кажется. Мы действительно встречались с вами, — быстро ответила она, продолжая играть.

— Где? Когда? — так же быстро спросил Штирнер.

— Ночью, в грозу, в большом зале со стеклянными стенами и потолком...

Штирнер потер лоб рукою и сосредоточенно вспоминал о чем-то.

— Да... действительно... Я вспоминаю что-то подобное...

— И еще раньше мы виделись с вами... часто... в той жизни, о которой вы забыли... — по-прежнему быстро и нервно продолжала Эльза бросать фразы. — Вы забыли меня... и когда вы стали Штирнером, то на один мой вопрос вы ответили: «Простите, сударыня, но я не знаю вас».

— Как? Неужели? И мы... были очень хорошо знакомы с вами?

Эльза колебалась. Пальцы ее начали путаться. Потом она решила и, оборвав музыку, посмотрела Штирнеру прямо в глаза.

— Очень... — и тотчас она заиграла «Полишинель» Рахманинова, чтобы в браурной музыке скрыть свое волнение. Вволнован был и Штирнер.

— Но тогда... тогда вы знаете, кем был я раньше?

Эльза молчала. Звуки «Полишинеля» росли, ширились, крепились.

— Фрау Беккер, умоляю, скажите мне! Здесь какая-то тайна, я должен ее знать!

Эльза неожиданно оборвала музыку и, серьезно, почти с испугом глядя на Штирнера, сказала:

— Я не могу вам сказать этого, по крайней мере сейчас.

— Что же вы не играете? — слышался голос Дугова.

Эльза начала играть снова.

Штирнер молчал, склонив голову. Потом он опять тихо начал:

— Ваша музыка... вы сами... Почему?.. — Он не договорил свою мысль, как бы ища подходящего выражения. — Почему вы так волнуете меня? Простите, но я должен высказать. Я не донжуан, легко увлекающийся каждой красивой женщиной. Но вы... поворот вашей головы, складки вашего платья, легкий жест — все это необычайно волнует меня, вызывает какие-то смутные, даже не воспоминания, а... знакомые нервные токи, если так можно выразиться...

И вдруг с горячностью, которой она не ожидала, Штирнер подошел к Эльзе, взял ее за руку и сказал:

— Фрау Беккер, я не буду настанвать на том, чтобы вы сказали, кем я был раньше. Но если мы были с вами знакомы, вы все же должны мне рассказать об этом времени... о нашей дружбе... быть может... больше, чем дружбе... Это... это так важно для меня!.. Пойдемте туда, на берег моря, и там вы расскажете мне.

Они вышли на веранду.

— Концертное отделение кончилось? — спросил Дугов. — Очень жаль, мы только настроились слушать.

— У фрау Беккер болит голова, — ответил за нее Штирнер, — мы пройдемся к берегу моря подышать прохладой.

Штирнер и Эльза спустились к берегу.

Качинский провожал их внимательным и задумчивым взглядом.

Весельчак Дугов усмехнулся в усы. Эмма подметила эту улыбку и рассердилась на него.

«Ничего не знает, не понимает, а тоже — улыбается!» — подумала она. И, глядя на две фигуры, сидящие на прибрежных камнях, Эмма вздохнула...

V. УКРОЩЕННЫЕ

Небольшой отряд выступил в поход.

Впереди шли два проводника-негра, вслед за ними — Дугов, Эльза, Штирнер и Качинский.

— Где же ваши ружья? — с недоумением спросила Эльза.

— Вот здесь! — ответил Дугов, стукнув себя по лбу.

— Как, опять здесь? Ваш мозг? Это и радиопередатчик, и ружья, и, может быть, собственная электрическая лампочка? — шутя спросила Эльза.

— Не только может быть, но так оно и будет. Человеческая мысль — величайшая сила, или, как это там, Качинский, сказано у Аррениуса?..

— «Самый великий источник энергии это — человеческая мысль... Электромагнитные колебания, которые возникают в клеточках человеческого мозга, — это величайшая сила, которая владеет миром».

— Видите, какое могучее оружие заключено в нашем мозгу! — сказал Дугов.

Они вошли в чашу тропического леса. Здесь стоял полумрак. Пестрые птицы порхали среди ветвей и паутины лиан. Пробивающиеся кое-где лучи солнца, как луч прожектора, выхватывали из полумрака группы листьев разнообразной окраски и зажигали радугу на цветном оперении птиц. Дорожка исчезла. Идти по преющим листьям и гнилым стволам упавших деревьев становилось все труднее. Штирнер помогал Эльзе преодолевать препятствия пути.

Со вчерашнего вечера Штирнер стал необычайно внимателен и любезен к Эльзе.

— Сколько продлится наше путешествие? — спро-

сила Эльза, которая начала уже уставать. — Я думаю, звери живут далеко в глубине леса.

— А зачем нам искать их? — сказал Дугов. — Зверь сам должен бежать на ловца. Вот найдем полянку и покличем их.

Скоро они вышли на лесную поляну, ярко освещенную солнцем. Все невольно сощурились после полумрака чащи. Огромные красные и желтые, пятнистые цветы, вроде тюльпанов, покрывали поляну сплошным ковром.

— Какая прелесть! — воскликнула Эльза.

Все уселись, беспечно беседуя.

— Ну, пора, — сказал Дугов. Он вышел на самую середину поляны и остановился. Выдвинул несколько голову вперед и вверх. Лицо его сделалось серьезным и сосредоточенным. Он медленно стал поворачиваться во все стороны, как бы пронизывая взором чащу леса.

Вдруг Эльза вздрогнула. Где-то далеко она услышала рычание льва, как отдаленный раскат грома. Ему ответило другое, третье...

— Клюет! — улыбаясь, сказал Качинский.

А Дугов продолжал медленно поворачиваться в той же сосредоточенной позе.

Рычание все приближалось. В ветвях испуганно завопили и закричали обезьяны. Волнение охватило даже птиц: они вспорхнули с ветвей и перелетели выше.

Вот послышался хруст веток под мягкими, но тяжелыми шагами зверей.

Они идут отовсюду, окружают безоружных, беззащитных людей... Эльзе сделалось страшно. Что, если новое оружие окажется бессильным?.. Все они погибнут ужасной смертью!..

Штирнер заметил ее испуг, взял за руку и, глядя в ее глаза, сказал:

— Успокойтесь!

Ее волнение улеглось.

В это время огромный лев, ломая заросли, выбежал на поляну, зажмурился от яркого света и остановился. Потом он тихонько подошел к Дугову и, ласково рыча, потерся головой о его ноги. Дугов почесал его между ушей, и лев растянулся у ног укротителя. Послышалось что-то вроде мяуканья, и на поляну выбежала львица с двумя львятами. Они также улеглись у ног

Дугова. Еще один лев прыгнул из леса огромным прыжком.

— Однако довольно! — сказал Дугов. — Наша яхта не поднимет всех этих гостей. Пожалуй, ты лишний, — обратился он к первому льву, похлопывая его по голове, — ты уже не так красив, иди назад, старина!

Лев лизнул огромным языком руку Дугова и побежал в чашу.

— А вот этот красавец, — продолжал Дугов, проводя рукой по спине огромного льва, прыгнувшего через всю поляну, — посмотрите, не шерсть, а настоящее золотое руно!.. А ты чего плачешь, маленький? Лапу занозил? Бедный малыш! Дай я тебе вытащу занозу.

Дугов вытащил из лапы звереныша большой шип колючего растения.

Львица спокойно смотрела на эту операцию.

— У них очень нежные лапы, — сказал Дугов, обращаясь к Эльзе, — и они часто страдают от заноз. Но почему же вы не подходите, фрау? Вы видите, они безопасны, как дети!

Эльза подошла и стала гладить львов. Они ласково ворчали, терлись головами и норовили лизнуть руку.

— Ну, пора и домой. Уже солнце склонилось на вечер. Где же наши проводники?

Одного из них нашел Качинский в густой траве. Бедный негр лежал как мертвый, парализованный страхом. Другой сбежал при первых звуках львиного рева. Но и тот, которого нашли, был мало способен служить проводником. Он дрожал так, что ожерелье из раковин, висящее на его шее, непрерывно звенело. При виде львов он боялся шевельнуться. Качинский стал фиксировать его взглядом. Негр успокоился и пошел вперед.

На этот раз Дугов шел позади, а вслед за ним послушно, как собаки, следовали лев и львица с двумя детенышами.

Впереди шел проводник, за ним — Эльза со Штирнером, за Штирнером — Качинский.

В самой густой чаще, где было почти темно, над ними вдруг затрещали ветви деревьев. Штирнер вскрикнул и заслонил собой Эльзу. Огромный ягуар, прыгнувший на нее, упал на Штирнера и сбил его с ног. В ужасе вскрикнула и Эльза. Однако ягуар не растер-

зал Штирнера, как ожидала она, а внезапно убежал в чашу, поджав хвост, как побитая собака.

— Однако и наша охота не совсем безопасна! — слышался голос Дугова. — Вы не ранены, Штерн?

— Цел и невредим, — отвечал Штирнер, поднимаясь с земли. — Только изорван костюм.

— Вы можете теперь убедиться в силе нашего оружия, фрау Беккер, — сказал Качинский, подходя к Эльзе. — Ягуар не подверглся воздействию мысли и пытался напасть на нас. Но прежде чем он упал на Штерна, я уже успел дать зверю мысленный приказ убираться подобру-поздорову. И, как видите, он позорно бежал. Электромагнитные волны при излучении мысли летят со скоростью трехсот тысяч километров в секунду, то есть со скоростью света. Вы видите, что мы обладаем самым скорострельным оружием в мире. Довольно было стотысячной доли секунды, чтобы обезвредить врага.

— Но все же нам надо быть осторожнее, — сказал Штирнер, поглядывая на Эльзу. Он испугался не столько за себя, сколько за нее.

— Теперь не опасно, чаша редест, мы скоро выйдем из леса, — ответил Дугов.

— Какие прекрасные попугаи! — воскликнула Эльза, когда ее волнение несколько улеглось.

— Ах, чуть было не забыл! — воскликнул Качинский. — Я обещал Ивину привезти его жене попугая. — И, выбрав на ветке самого красивого, он послал мысленный приказ.

Попугай уселся на плечо Качинского.

Негр смотрел на Качинского с суеверным почтением.

Качинский заметил этот взгляд и рассмеялся.

— Для него, — он указал на негра, — мы высшие существа, всемогущие боги, способные творить чудеса. Так уж устроен человек: он или обожествляет, или отрицает то, чего не может понять.

— Это может показаться чудом не только для негра, — ответила Эльза.

— А между тем здесь нет никакого чуда, — сказал Дугов. — Всякая дрессировка животных основана на том, что мы вызываем и закрепляем у животных так называемые условные рефлексy. Наши успехи в передаче мысли на расстояние сделали только возможным

сразу закреплять в сознании все, что мы желаем. Да, — продолжал он после паузы, — вспомните, Качинский, наши первые опыты, это была детская забава по сравнению с тем, что мы делаем теперь!

— Будьте справедливы к нашим первым опытам, — ответил Качинский. — Без них мы не имели бы нашего зоологического сада, которым восхищается весь мир.

— Что это за сад? — спросила Эльза.

— О, это стоит посмотреть! Огромная площадь в окрестностях Москвы остеклена и превращена в зимний сад необычайных размеров. Тропическая растительность привольно растет в этом саду. А среди цветов и растений расхаживают на воле львы, тигры, козы, антилопы, пантеры и дети — множество детей, которые проводят там целые дни, играя со зверями, катаясь на тиграх, возясь с молодыми львятами. Однако вот и конец нашего путешествия. Уже виден наш дом...

Появление необычайного шествия взволновало всех обитателей дома. Эмма, увидя приближавшихся львов, в ужасе вскрикнула и, ухватив ребенка, бросилась в дом, запирая двери и окна. Старая негритянка побежала с отчаянным криком к берегу. Шмитгоф упала в обморок. Ганс еле стоял на ногах. В конюшне хрипели и бились лошади, почуя диких зверей, а осел неистово ревел.

Но постепенно все улеглось. Эльза уговорила Эмму выйти на веранду и, чтобы ободрить подругу, стала возиться со львами. В конце концов даже маленький Отто осмелел и близко подошел к молодым львятам, не решаясь еще прикоснуться к ним.

— Не желаете ли, фрау Шпильман, — обратился Дугов к Эмме, — я оставлю вам одного льва? Он будет развлекать вашего сына и сторожить ваш дом.

— Благодарю вас, но... пожалуйста, уберите скорее их отсюда!

Дугов засмеялся, посмотрел на львов и перевел взгляд на матросов, сидевших у палатки.

Матросы тотчас поднялись выполнять мысленное приказание. Они стали складывать палатку и готовить лодки к отплытию. Львы, медленно и осторожно ступая по каменистой дороге, спустились к берегу и улеглись на песке. Матросы перевезли их по одному на яхту.

— Вы уже уезжаете? — спросила Эльза печально.

— К сожалению, мы не можем оставаться дольше.

Нас ждет большой дирижабль. Но мы надеемся, что наше приятное знакомство этим не закончится. Мы будем изредка навещать вас, нам нужно будет много новых зверей для пополнения филиалов нашего сада, которые мы открыли в Харькове, Тифлисе и других городах. А еще лучше, если бы вы побывали у нас и посмотрели наши чудеса.

Эльза поклонилась.

Дугов подошел к Эмме.

— А вы, фрау, очень много потеряли, что не пошли с нами на охоту. Вы увидали бы много чудес. — Посмотрев на небо, где над заливом кружилось множество птиц, Дугов продолжал: — Впрочем, чтобы вознаградить вас за то, чего вы не видели на охоте, я могу показать вам одно «чудо».

Дугов стал смотреть на птиц.

Они тотчас изменили свой полет, выстраиваясь в треугольник. В таком порядке подлетели они к дому. Треугольник превратился в круг. Круг все расширялся и, отдаляясь, как бы растаял в воздухе, сливаясь с далью.

Эмма с восхищением всплеснула руками.

— Еще! Еще! — закричал мальчик.

Пока Дугов на прощанье потешал Эмму и ребенка, Штирнер, отойдя с Эльзой в сторону, горячо о чем-то говорил с нею. Эльза смущалась, краснела, но, видимо, была довольна словами Штирнера.

— Ну, нам пора! — сказал Дугов.

Все спустились к берегу. Качинский, Дугов и Штирнер уселись в шлюпку и взялись за весла.

— До свидания! — крикнул Штирнер, глядя на Эльзу, и взмахнул веслами.

В заходящих лучах солнца капли воды стекали с его весел, как капли красного хосского вина. Вот шлюпка достигла яхты, и путешественники поднялись на нее. Паруса натянулись от попутного ветра. Гремит якорная цепь...

— До свидания! — еще раз донеслось до Эльзы. С яхты махали платками. Эмма, Эльза и мальчик махали в ответ.

У самого борта выстроились все львы, положив лапы на перила. Шерсть зверей в лучах заката казалась золотым руном. Новые аргонавты отплывали...

Дугов посмотрел на львов, и все они вдруг закива-

ли головами и замахали лапами, как бы прощаясь с обитателями маленького домика. Мальчик и Эмма засмеялись. Улыбнулась и Эльза, хотя лицо ее было грустно.

Уже паруса яхты скрылись вдаль, солнце опустилось в изумрудную гладь океана, которая быстро подергивалась пепельным оттенком, а две женщины и ребенок все еще стояли на берегу и глядели в ту сторону, где на поверхности океана переливался след от яхты.

— Да, пожалуй, действительно нам нужно поехать туда и посмотреть все эти чудеса, — наконец задумчиво сказала Эльза.

— Разумеется! — живо ответила Эмма. — Мы слишком засиделись здесь!

Эльза долго не могла уснуть в эту ночь. А когда под утро она задремала, то ей казалось, что она слышала голос Людвига, который звал ее.

— Да, да, милый Людвиг! — прошептала она сквозь сон.

Но Эльза ошиблась.

Не Штирнер, а Штерн думал в это время о ней.

Штерн сидел на палубе яхты, под южным звездным небом, на низком плетеном стуле, облокотившись на голову спящего льва. Луна уже зашла, от воды тянуло предутренним свежим ветерком, а он все еще не спал и думал о фрау Беккер, живущей в одиноком домике на берегу океана.

Мерная волна укачивала. Штерн склонил голову на косматую гриву льва и незаметно уснул.

Первый луч солнца осветил их — человека и льва.

Они мирно спали, даже не подозревая о тайниках их подсознательной жизни, куда сила человеческой мысли загнала все, что было в них страшного и опасного для окружающих.

КОММЕНТАРИИ

ВЛАСТЕЛИН МИРА

Впервые сокращенный вариант романа с предисловием автора был опубликован в октябре — ноябре 1926 года в газете «Гудок». Полный текст выпущен в издании «Красной газеты» в 1929 году. В послевоенные годы переиздавался неоднократно.

В сносках, обозначенных цифрами, даны примечания автора.

Стр. 296. Тициан (подлинное имя Тициано Вечеллио, ок. 1476 или 1489—1576) — великий итальянский живописец, глава венецианской школы Высокого Возрождения.

Стр. 337. Чичисбей. — В Италии, преимущественно в XVIII веке, постоянный сопровождающий (на прогулках, балах, карнавалах и так далее) состоятельной замужней женщины.

Сен-Санс Камиль (1835—1921) — известный французский композитор, дирижер, пианист, музыкальный критик, «Лебедь» — инструментальная пьеса, на музыку которой впоследствии была создана хореографическая миниатюра; в наше время — одно из наиболее известных произведений композитора.

Стр. 346. Калиостро — одно из имен, под которым выступал знаменитый авантюрист XVIII века Джозеппе Бальзамо, по преданию, обладавший даром внушения и гипноза.

Свенгали — гипнотизер из романа Дж. Дюмуре «Трильби».

Стр. 351. В буржуазном торговом праве порядок удовлетворения интересов кредиторов после финансового краха (банкротства) предприятия. Для этого все имущество банкрота в судебном порядке передается под управление специальной комиссии — конкурсного управления, состоящего из нескольких кураторов, которые рассматривают требования кредиторов.

Стр. 366. Саул и Давид — здесь: библейские персонажи. Царь Саул в битве с филистимлянами потерпел поражение и, оставшись один, закололся. Давид, воцарившийся после Саула, одержал решительную победу над филистимлянами. Иносказательно Саул и Давид — побежденный и победитель.

Шопен Фридерик (1810—1849) — композитор и пианист, крупнейший представитель польского музыкального искусства. Народное в основе, патристическое, романтическое творчество Шопена принесло польской музыке мировое признание.

Стр. 389. «Трильби» — роман английского художника-графика и писателя Дж. Дюмуре (1834—1896), изданный в 1894 году.

Стр. 436. Аррениус Сванте Август (1859—1927) — известный шведский ученый, физико-химик, автор теории электролитической диссоциации. Иностраный член-корреспондент Петербургской Академии наук (1903) и иностранный член АН СССР (1925). Лауреат Нобелевской премии (1903).

Человек, потерявший лицо

I

В большом саду, посредине молодой эвкалиптовой рощи стояла китайская беседка. К этой беседке ровно в девять часов утра подошел молодой человек в белом фланелевом костюме и в панаме.

Наружность молодого человека невольно привлекала внимание. Очень короткие руки и ноги, непомерно большая голова, большие отвислые уши и нос. Нос поражал больше всего: у корня нос западал, а к концу расширялся и даже загибался немного вверх «туфлею». Все движения молодого человека были очень быстры, угловаты, неожиданны. Он никак не мог быть причислен к красавцам. И тем не менее ничего отталкивающего в его внешности не было. Даже наоборот: молодой человек вызывал симпатию необычайной комичностью жестов и мимики лица, а своим уродством мог возбудить только жалость.

Молодой человек в панаме и с носом «туфлею» вошел в китайскую беседку и оказался в кабине лифта. Лифт среди сада мог бы вызвать удивление у всякого непосвященного, но молодой человек, видимо, был хорошо знаком с этим странным сооружением. Кивнув головой в ответ на приветствие мальчика, обслуживающего лифт, человек в панаме бросил короткое приказание.

— На дно! — и сделал такой выразительный жест рукой, как будто он хотел проткнуть землю до самой преисподней. Мальчик не удержался и коротко засмеялся. Молодой человек в панаме грозно посмотрел на мальчика. Это было так смешно, что мальчик засмеялся еще громче.

— Простите, мистер, но я не могу, право же, не могу, — оправдывался мальчнк.

Мистер тяжело вздохнул, подняв глаза вверх с выражением покорности судьбе, и сказал:

— Не оправдывайся, Джон. Ты виноват так же, как и я. Мне суждено возбуждать смех, а тебе — смеяться над мною... Гофман приехал?

— Двадцать минут тому назад.

— Мисс Гедда Люкс?

— Нет еще.

— Ну разумеется, — сказал с неудовольствием человек в панаме. И нос его неожиданно зашевелился сверху вниз и обратно, как маленький хоботок. Мальчик взвизгнул от смеха. В этот момент кабина лифта остановилась.

— Бедный Джон! Еще пять минут — и я был бы виновен в смерти невинного младенца. Но твои мучения окончились, — сказал молодой человек, быстро выскакивая из кабины.

Он прошел широкий коридор и оказался в большой круглой комнате, освещенной сильными фонарями. После горячего, несмотря на утренний час, солнца здесь было прохладно, и молодой человек вздохнул с облегчением. Он быстро пересек круглую комнату и открыл дверь в соседнее помещение. Как будто «машина времени» сразу перенесла молодого человека из двадцатого века в немецкое средневековье. Перед ним был огромный зал, потолок которого замыкался вверх узкими сводами. Узкие и высокие окна, узкие и высокие двери, узкие и высокие стулья. Через окно падал солнечный свет, оставляя на широких каменных плитах пола четкий рисунок готического оконного переплета.

Молодой человек вошел в полосу света и остановился. Среди этой высокой и узкой мебели фигура его казалась особенно мала, неуклюжа, нелепа. Большую дисгармонию трудно было представить. И это было не случайно: в этом контрасте был строго продуманный расчет режиссера.

Старый немецкий готический замок был сделан из фанеры, клея, холста и красок по чертежам, этюдкам и макетам выдающегося архитектора, который мог с честью строить настоящие замки и дворцы. Но мистер Питч — «Питч и К°» — владелец киногородка платил

архитектору гораздо больше, чем могли бы уплатить ему титулованные особы за постройку настоящих замков, и архитектор предпочитал «строить» замки из холста и фанеры, получая за них большие доходы.

В средневековом замке, — вернее, в углу зала и за стенами — шла суета. Рабочие, маляры, художники и плотники под руководством самого архитектора заканчивали установку декораций. Необходимая мебель — настоящая, а не бутафорская — уже стояла в замке. Инженер-электрик и его помощник возились с юпитерами — огромными лампами, во много тысяч свечей каждая. Кинофильм рождается из света — немудрено, что свет составляет главную заботу постановщиков. Мистер Питч и К° могли позволить себе такую роскошь: устроить огромный павильон под землей, чтобы не зависеть от капризов дневного освещения.

Из-за декораций выглядывали статисты и статистки, уже наряженные в средневековые костюмы и загримированные. Все они с любопытством, почтением и в то же время невольной улыбкой смотрели на молодого человека, стоящего в «солнечном» луче посредине залы.

— Сам...

— Антонио Престо...

— Боже, какой смешной! Си даже в жизни не может постоять спокойно ни одной минуты.

Да, это был сам Антонио Престо, неподражаемый комический артист, затмивший славу былых корифеев экрана: Чаплиных, Китонов, Пренсов *.

Антонио, или Тонио, Престо, итальянец по рождению, немец по воспитанию и теперь, во славу американской кинематографии, «американец» по договору, он был «куплен» мистером Гофманом. О доходах Тонио Престо ходили баснословные слухи, и доходы эти были действительно баснословны. Его артистический псевдоним чрезвычайно метко определял его стремительную сущность¹. Престо ни секунды не оставался спокойным. Двигались его руки, его ноги, его туловище, его голова и его неподражаемый нос.

Тонио был своего рода чудом природы. Какая-то лейденская банка, неиссякаемый аккумулятор смеха.

¹ Presto — итальянский музыкальный термин, означающий «очень быстро» (темп исполнения музыкального произведения).

Трудно было объяснить, почему каждый его жест возбуждает такой неудержимый смех. Но противиться этому смеху никто не мог. Даже известная красавица леди Трайн не могла удержаться от смеха, хотя, как утверждают все знавшие ее, она не смеялась никогда в жизни, скрывая свои неровные зубы. По мнению американской критики, смех леди Трайн был высшей победой гениального американского комика.

Свой природный дар Престо удесятил очень своеобразной манерой игры. Престо играл исключительно трагические роли. Для него специально писались сценарии по трагедиям Шекспира, Байрона, даже Софокла... Тонио — Отелло, Манфред, Эдип...* Это было бы профанацией, если бы Престо не играл своих трагических ролей со всей искренностью и горячностью истого итальянца.

Комизм Бестера Китона заключался в противоречии его «трагической», неподвижной «маски» лица с комичностью положений. Комизм Тонио Престо был в противоречии и положений, и обстановки, и даже его собственных внутренних переживаний с его невозможной, нелепой, немыслимой фигурой, с его жестами паяца. Быть может, никогда еще комическое не поднималось до таких высот, почти соприкасаясь с трагическим, но зрители этого не замечали.

Только один человек, крупный, европейский писатель и оригинальный мыслитель, на вопрос американского журналиста о том, как ему нравится игра Антонио Престо, ответил: «Престо страшен в своем безнадежном бунте». Но ведь это сказал не американец, притом сказал фразу, которую даже трудно понять. О каком бунте, о бунте против кого говорил писатель? И об этой фразе скоро забыли. Только сам Антонио Престо бережно сохранил в своей памяти этот отзыв о нем иностранца. Антонио Престо казалось, что единственному человеку удалось заглянуть в его душу.

— Гофман, Гофман! Ты находишь, что этот свет дан под хорошим углом?

Оператор Гофман, флегматичный немец в клетчатом костюме, внимательно посмотрел в визир аппарата. Свет падал так на лицо Престо, что вполовину носа недостаточно ярко обозначалась тенью.

— Да, свет падает слишком отвесно. Опустите софит и занесите немного влево.

— Есть! — ответил рабочий.

Резкая тень пала на «седло» носа Антонио, отчего лицо сделалось еще более смешным. В луче этого света у окна должна была произойти сцена трагического объяснения неудачного любовника, которого играл Престо, — бедного мейстерзингера * со златокудрой дочерью короля. Роль королевны исполняла звезда американского экрана — Гедда Люкс.

Тонио Престо обычно сам режиссировал фильмы, в которых участвовал. И на этот раз до приезда Гедды Люкс он начал проходить со статистами некоторые масовые сцены. Одна молодая неопытная статистка прошла по сцене не так, как следовало. Престо простонал и попросил ее пройти еще раз. Опять не так. Престо замахал руками, как ветряная мельница, и закрнчал тонким, детским голоском:

— Неужели это так трудно ходить по полу? Я вам сейчас покажу, как это делается.

И, соскочив со своего помоста, Престо «показал». Показал он очень наглядно и верно. Все поняли, что требуется. Но вместе с тем это было так смешно, что статисты не удержались и громко засмеялись. Престо начал сердиться. А когда он начинал сердиться, то был смешон, как никогда. Смех статистов сделался гомерическим **. Бароны и рыцари хватались за животы и катались по полу, придворные дамы смеялись до слез и портили себе грим. У короля слетел парик. Престо смотрел на это стихийное бедствие, произведенное его необычайным дарованием, потом вдруг топнул ногой, схватился за голову, побежал и забился в кулисы. Успокоившись, он вернулся в «замок» побледневшим и сказал:

— Я буду отдавать приказания из-за экрана.

Репетиция продолжалась. Все его замечания были очень толковы и обличали в нем большой режиссерский опыт и талант.

— Мисс Гедда Люкс приехала! — возвестил помощник режиссера.

Престо передал бразды правления помощнику и отправился одеваться и гримироваться.

Через двадцать минут он вышел в ателье уже в костюме мейстерзингера. Костюм и грим не могли скрыть его уродства. О, как он был смешон! Статисты с трудом удерживали смех и отводили глаза в сторону.

— Но где же Люкс? — нетерпеливо спросил Тонно. Партнерша заставила себя ждать. Для всякой другой артистки это не прошло бы даром, но Люкс могла позволить себе такую вольность.

Наконец она явилась, и ее появление произвело, как всегда, большой эффект.

Красота этой женщины была необычайна. Гедда Люкс тоже могла быть названа аккумулятором, но иного рода. Природа как будто накапливала по мелочам сотни лет все, что может очаровывать людей, копила по крохам, делала «отбор» у прабабушек и прадедушек, чтобы наконец вдруг собрать воедино весь блистательный арсенал красоты и женского очарования.

У Антонио Престо нервно зашевелился туфлеобразный нос, когда он посмотрел на Люкс. И все, начиная от режиссера и кончая последним плотником, устремили свои глаза на Гедду. Статистики смотрели на нее почти с благоговейным обожанием.

Нос Престо приходил все в большее движение, как будто он вынюхивал воздух.

— Свет! — крикнул Престо тонким голосом, ставшим от волнения еще пронзительнее и тоньше.

Целый океан света разлился по ателье. Казалось, будто Гедда Люкс принесла его с собой. Ее псевдоним¹ так же хорошо шел к ней, как «Престо» — к ее партнеру.

Перед съемкой Престо решил прорепетировать главный кадр — объяснение мейстерзингера с дочерью короля.

Люкс уселась на высокое кресло у окна, поставила ногу в расшитой золотом туфельке на резную скамеечку и взяла в руки шитье. У ног ее улегся великолепный дог тигровой масти. А в почтительном расстоянии от Люкс стал Престо и «запел» о высокой любви к даме. Дочь короля не смотрит на него. Она все ниже склоняет голову и чему-то улыбается. Быть может, в этот момент она думает о прекрасном рыцаре, который на последнем турнире победил всех соперников во славу ее и был удостоен ее небесной улыбки. Но мейстерзингер понимает эту улыбку по-своему, — недаром он поэт.

Он приближается к ней, он поет все более страстно,

¹ Люкс — по-латински «свет».

он... падает перед нею на колени и начинает говорить о своей любви.

Неслыханная дерзость. Невероятное оскорбление. Ужасное преступление...

Королевна, не поднимая головы от шпты, хмурится. Глаза ее мечут искры, и она три раза топает маленькой ножкой в золоченой туфельке по резной скамеечке. Входят слуги, хватают мейстерзингера и уводят в тюрьму. Мейстерзингер знает, что его ожидают пытки и казнь, но он не жалеет о том, что сделал, и посылает своей возлюбленной последний взгляд, исполненный любви и преданности. Он охотно примет смерть.

Сцена прошла прекрасно. Престо удовлетворен.

— Можно снимать, — говорят он Гофману. Оператор уже стоит у аппарата. Всю сцену он наблюдал через свое визирное стеклышко. Престо вновь становится в почтительную позу у кресла Люкс.

— Снимаю! — говорит Гофман.

Ручка аппарата завертелась. Сцена повторялась безукоризненно. Мейстерзингер поет, королевна наклоняет свое лицо все ниже и чему-то улыбается. Мейстерзингер подходит к королевне, бросается на колени и начинает свою страстную речь. Для придания актерам большего настроения в ателье играет хороший струнный оркестр. Престо увлечен. Он не только играет жестами и богатой мимикой своего подвижного лица. Он говорит, как заправский драматический актер, он шепчет страстные признания с такой искренностью и силой, что Люкс, забывая десятки раз проделанную последовательность движений и жестов, чуть-чуть приподнимает голову и с некоторым удивлением взглядывает на своего партнера одним уголками глаз.

И в этот момент происходит нечто, не предусмотренное ни сценарием, ни режиссером.

Престо, коротконогий, большеголовый, со своим туфлеобразным подвижным носом признается в любви. Это показалось Гедде Люкс столь несообразным, нелепым, комичным, невозможным, что она вдруг засмеялась неудержимым смехом.

Это был гомерический смех, который охватывает вдруг человека, как приступ страшной болезни, и держит, не выпуская из своих рук, потрясая тело в судорожном напряжении, обессиливая, вызывая слезы на глазах. Люкс смеялась так, как не смеялась никогда в

жизни. Она едва успевала переводить дыхание и снова заливалась бесконечным серебристым смехом. Вышивание выпало у нее из рук, одна из золотистых кос спустилась до пола. Испуганный дог вскочил с пола и с недоумением смотрел на свою хозяйку. Растерянный Престо также поднялся на ноги и, мрачно сдвинув брови, смотрел на Люкс.

Смех так же заразителен, как зевота. Не прошло и минуты, как перебаты смеха уже неслись во всем ателье. Статисты, плотники, монтеры, декораторы, гримеры — все были во власти смеха.

Престо стоял еще несколько секунд, как громом пораженный, потом вдруг поднял руки и с искаженным лицом, сжав кулаки, сделал шаг к Люкс. В эту минуту он был скорее страшен, чем смешон.

Люкс посмотрела на него, и смех ее вдруг оборвался. И так же внезапно замолк смех во всем ателье. Оркестр давно прекратил игру, так как у смеявшихся музыкантов смычки выпали из рук. И теперь в ателье наступила тишина.

Эта внезапная тишина как будто привела Престо в чувство. Он медленно опустил руки, медленно повернулся, волоча ноги, дошел до большого дивана и кинулся ничком.

— Простите, Престо! — вдруг сказала Люкс, нарушив тишину. — Я вела себя, как девочка, и из-за моего глупого смеха испорчено столько метров пленки.

Престо скрипнул зубами. Она думала только об испорченной пленке...

— Вы напрасно извиняетесь, — вместо Престо ответил ей Гофман. — Я нарочно не прекращал съемки и совсем не считаю пленку испорченной. С моей точки зрения этот новый вариант кадра у окна великолепен. В самом деле, смех, уничтожающий смех, который не оставляет никаких надежд, смех любимой женщины в ответ на страстное признание, — разве он не ужаснее для влюбленного самых страшных мук? Разве этот смех не превратил на один момент любовь мейстерзингера в жгучую ненависть? Престо был неподражаем, гениален. О, я знаю нашу американскую публику, — закончил Гофман, — публика будет смеяться, как никогда. Эти выпученные глаза мейстерзингера, раскрытый рот... Ты не сердись, Престо, но еще никогда ты не был так эффектен. И если бы я не «закалнул» себя, то я не в со-

стоянии был бы вертеть ручку аппарата. Но я потом дам волю смеху.

Престо поднялся и сел на диван.

— Да, ты прав, Гофман, — сказал он медленно и глухо. — Это вышло великолепно. Наши американцы подохнут со смеху.

И вдруг, чего еще никогда не было, сам Тонио Престо засмеялся сухим, трескучим смехом, обнажив ряд кривых зубов... В этом смехе было что-то зловещее, сатанинское, и никто не отозвался на него.

После этой злополучной репетиции Престо сел в автомобиль и, по словам шофера, «загнал машину на-смерть».

— Вперед! Вперед! — кричал Престо и требовал, чтобы шофер дал полную скорость. И они мчались по дорогам, как преступники, за которыми гонится полиция. А за ними и в самом деле гнались. Пролетая мимо ферм, они давили гусей и уток, шествующих с соседнего пруда, и обозленные фермеры гнались за ними с палками, но, конечно, не могли догнать. Два раза за автомобилем гнались на мотоциклетах полицейские, так как автомобиль мчался с недопустимой скоростью и не желал остановиться, несмотря на энергичные требования полицейских. Но одна погоня отставала за другой: трудно было угнаться за автомобилем Престо. Это была одна из лучших во всей стране, сильнейших машин, сделанная по особому заказу Тонио. Он любил скорость во всем.

В пять часов вечера Престо, пожалев шофера, решил сделать остановку у придорожного кабачка и пообедать. Сам Престо не притронулся ни к чему и только выпил кувшин холодной воды.

И снова началась та же бешеная езда весь вечер и всю ночь. Они мчались по шоссе берегом океана.

Шофер валился от усталости и наконец заявил, что он засыпает на ходу и не ручается, если разобьет машину вместе с седоком.

— Вперед! — крикнул Престо. Он поднялся со своего места, отстранил шофера и сам взялся за руль. — Вы можете отдохнуть, — сказал Тонио шоферу. Тот завалился на широкое сиденье автомобиля и тотчас крепко уснул.

Когда шофер проснулся, было семь часов утра. Автомобиль стоял у виллы Гедды Люкс.

— Выспались? — ласково спросил Престо шофера. — Я зайду сказать доброе утро мисс Люкс, а вы подождите здесь. Потом мы поедем домой.

Семь часов утра — слишком ранний час для визита, но Тонио знал, что Гедда Люкс встает в шесть. Она вела чрезвычайно регулярный образ жизни по предписанию лучших профессоров-гигиенистов, чтобы на возможно больший срок сохранить обаяние молодости и красоты — свой капитал, с которого она получала такие большие проценты.

Она уже приняла ванну, покончила с массажем и теперь делала легкую гимнастику в большой квадратной комнате, освещенной через потолок. Среди белых мраморных колонн стояли огромные зеркала, отражавшие Гедду. Во фланелевом утреннем костюме, полосатых шароварах, коротко остриженная и гладко причесанная, она напоминала очаровательного мальчика.

— Тонио? Так рано? — сказала она приветливо, увидав в зеркале приближающегося к ней сзади Тонио Престо. И, не прекращая выгибаться, наклоняться и распрямляться, она продолжала: — Садитесь! Сейчас будем пить кофе.

Она не спросила его, что привело его в такой ранний час, так как привыкла к странностям Престо.

Тонио подошел к большой удобной кушетке, присел на край, но тотчас вскочил и заходил большими кругами вокруг Гедды, как зверь, преследующий добычу.

— Престо, перестаньте ходить, у меня голова кружится, глядя на вас! — сказала Люкс.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал Престо, не прекращая своей круговой прогулки. — По делу, по очень серьезному делу. Но я тоже не могу так, когда вы раскачиваетесь и приседаете. Прошу вас, садитесь на диван!

Люкс посмотрела на Престо, в несколько прыжков добежала до дивана и уселась с ногами, оставив маленькие туфли на мозаичном полу. Престо подошел к ней и сказал:

— Вот так.

Видимо, он делал невероятные усилия, чтобы сохранить полное спокойствие, держать в повиновении свои руки и ноги, не двигать туфлеобразным носом.

— Гедда Люкс! Мисс Гедда... Я не умею говорить... Мне трудно. Я люблю вас и хочу, чтобы вы были моей женой!

Предательский нос его начал подниматься кверху и двигаться. Гедда опустила глаза и, сдерживая поднимающуюся волну смеха, сказала как можно серьезнее и спокойнее:

— Антонио Престо! Но я не люблю вас, вы это знаете. А если нет обоюдной любви, то что же может нас сосватать? Коммерческий расчет? Он говорит против такого брака. Посудите сами. Мой капитал и мои доходы равняются вашему. Я не нуждаюсь в деньгах, но и не желаю уменьшать своих доходов. А брак с вами понизил бы мой заработок...

Престо дернул головой:

— Каким образом?

Люкс, продолжая упорно смотреть на пол, ответила:

— Очень просто! Вы знаете, что публика боготворит меня. Вокруг моего имени создан своего рода культ. Для сотен тысяч и миллионов моих зрителей я являюсь идеалом женской красоты и чистоты. Но поклонники требовательны к своему божеству. Их преклонение должно быть оправдано. Толпа зорко следит за малейшими подробностями моей частной жизни. Когда я на экране, последний нищий имеет право любоваться мною и даже воображать себя на месте героя, завоевывающего мое сердце. И именно поэтому-то я никому не должна принадлежать. Толпа, пожалуй, примирилась бы еще, если бы я вышла замуж за героя, за мужчину, который получил всеобщее признание как идеал мужской красоты или мужских добродетелей. Достойным мужем для богини может быть только бог или в крайнем случае полубог... Если бы толпа узнала, что я вышла замуж за вас, она пришла бы в негодование. Она сочла бы это преступлением с моей стороны, издевательством над самыми лучшими и «святыми» чувствами моих поклонников. Толпа отвернулась бы от меня. А толпа делает успех...

— И деньги...

— И деньги, разумеется. И я не удивилась бы, ес-

ли бы мистер Питч расторгнул контракт со мною. Я лишилась бы и денег, и славы, и поклонников...

— За сомнительное удовольствие иметь мужем такого уроды, как я? — закончил Престо. — Довольно, мисс Люкс. Я понял вас. Вы правы. Брак со мной оскорбляет и оскверняет человека, как прикосновение отвратительного гада. — Престо вдруг топнул ногой и крикливым женским голосом закричал: — А если этот гад наделен горячим любящим сердцем? Если этот гад требует своего места под солнцем и своей доли счастья?..

Эта неожиданная вспышка заставила Гедду невольно приподнять глаза на Престо. Нос его двигался, как маленький хоботок, кожа на лбу то собиралась в морщины, то растягивалась до блеска, волосы ерошились, уши двигались, руки походили на поршни паровой машины, работающей на самом скором ходу.

Гедда Люкс уже не могла оторвать своего взора от Престо, как маленькая птичка от гипнотизирующего блестящего взгляда змеи. Она начала смеяться, сначала тихо, потом все громче и громче.

Как будто повторилась вчерашняя «сцена у окна» дочери короля с мейстерзингером. Но там все было «нарочно», — так по крайней мере думала Люкс, — а здесь страдания и чувства «мейстерзингера» были самые настоящие. Гедда понимала всю неуместность и оскорбительность для Тонно ее смеха, но ничего не могла поделать с собой. А Престо как будто даже обрадовался этому смеху.

— Смейтесь! Смейтесь! — кричал он. — Смейтесь так, как вы еще не смеялись никогда. Смейтесь, потому что страшный уродец Антонно Престо будет вам говорить о своей любви.

И он говорил. Он кривлялся самым невероятным образом. Он пустил в ход весь свой многообразный арсенал ужимок и прыжков, жестов и мимик.

Люкс смеялась все больше, глубже, сильнее. Этот смех уже походил на истерический припадок. Гедда корчилась на диване в припадке смеха и умоляюще смотрела на Престо. На глазах ее были слезы. Прерывающимся от смеха голосом она проговорила с трудом:

— Перестаньте, прошу вас!..

Но Престо был неумолим и неистощим.

Люкс задыхалась, обессилела, почти теряла созна-

ние. Она схватилась руками за судорожно колыхающуюся от смеха грудь, как человек в жесточайшем припадке астмы, и уже с расширенными от ужаса глазами.

— Люди беспощадны к безобразию, пусть же и безобразие будет беспощадно к красоте. Моя душа почернела, как черный скорпион, и стала злее злого горбуна, — кричал Престо. А Гедда Люкс поняла: он хочет убить ее — «засмеять до смерти». Руки ее тряслись, она шаталась, теряя сознание.

Собрав всю силу воли, Гедда протянула руку к звонку, стоящему на столике возле дивана, и позвонила. Вошла горничная и увидала, что госпожа ее смеется мелким, захлебывающимся смехом, глядя на Престо. Горничная также посмотрела на него и вдруг схватила себя за бока, как будто ужасные колки сразу огнем прожгли ее внутренности, и, присев на пол, засмеялась неудержимым смехом. Увы, она также была во власти Тонио, как и ее хозяйка! К Гедде Люкс никто больше не мог прийти на помощь...

III

Гофман сидел в глубоком кожаном кресле и курил трубку, когда в комнату вбежал Престо с воспаленными после бессонной ночи глазами, обветренным лицом и возбужденный более обыкновенного.

— Я ждал тебя до трех часов ночи, — сказал Гофман.

Гофман «по долгу службы» жил вместе с Тонио Престо на его вилле в окрестностях Сан-Франциско, недалеко от подземного киногородка мистера Питч и К°. Известный кинооператор Гофман был тенью Престо. Он следил за каждым движением, каждым новым поворотом киноартиста, чтобы переносить на пленку самые оригинальные позы и наиболее удачные мимические моменты в игре подвижного лица. Тонио и Гофман были большими друзьями.

— Где ты пропадал? — спросил Гофман, пуская изо рта клубы дыма.

— Я только что от Гедды Люкс. Уморил ее со смеху

— Это твоя специальность.

— Да, да... За грехи отцов я награжден этим проклятием.

— Почему же проклятием, Тонио? Это прекрасный дар! Смех — самая ценная валюта. И это было всегда.

— Да, но чем вызывается этот смех? Можно смешить людей остроумными мыслями, веселыми рассказами. А я?.. Я смешу их своим безобразием...

— Леонардо да Винчи* сказал, что великое безобразие встречается так же редко, как и великая красота. Он с величайшей заботливостью разыскивал всюду людей, отличающихся исключительным безобразием, и зарисовывал их лица в свой альбом. А ты... ты, в сущности, даже не так уж безобразен. Необычайный комизм вызывается не столько твоей внешностью, как противоречием «высокой» настройки твоей души с мнзерностью телесной оболочки и с этими жестами картонного паяца. Ты прекрасно зарабатываешь, пользуешься колоссальным успехом.

— Вот, вот, это самое! Высокая настройка души... Ах, Гофман, в этом все мое несчастье! Я человек с нормальной душой, но с телом кретинна. Я глубоко несчастен, Гофман. Деньги... слава — все это хорошо, пока добиваешься их. Любовь женщины... Я получаю сотни писем в день от «поклонниц» со всех концов света. Но разве любовь руководит моими корреспондентками? Их привлекает мое богатство, моя слава. Это или сентиментальные старые девы, или продажные душонки, которым надо богатство и которые жаждут проявить свое чванство в роли жены столь знаменитого человека, как я. А вот Гедда Люкс... Сегодня я сделал ей тринадцатое предложение. И она отвергла его... Но теперь довольно. На чертовой дюжине можно остановиться. Уморил ее со смеху... Самое большое мое горе — в том, что я по натуре трагический актер, а принужден быть паяцем. Ты знаешь, Гофман, ведь я вкладываю в исполнение своих трагических ролей всю душу, а толпа смеется...

Престо подошел к зеркалу и погрози кулаком собственному отражению:

— О проклятая рожа!..

— Ты великолепен, Тонио! — сказал, усмехнувшись, Гофман. — Этот жест — что-то новенькое. Позволь мне сходить за аппаратом.

Престо обернулся и посмотрел на Гофмана с укором.

— И ты, Брут!.. Послушай, Гофман, подожди, не ходи никуда. Побудь хоть один раз только моим другом, а не кинооператором... Скажи мне, — почему такая несправедливость? Имя и фамилию можно переменить, костюм, местожительство можно переменить, а свое лицо никогда... Оно, как проклятие, лежит на тебе.

— Недосмотр родителей, — ответил Гофман. — Когда будешь родиться следующий раз, потребуй сначала, чтобы родители показали твою карточку, и, если она не будет похожа на херувима — не родись.

— Не шути, Гофман! Для меня это слишком серьезно. Вот из несчастного уродца, голыша, я превратился в миллионера. Но на все мое богатство я не могу купить себе пять миллиметров переносицы.

— Почему же не можешь? Поезжай в Париж, там тебе сделают операцию. Вспрыснут парафин под кожу и сделают из твоей туфли прекрасную грушу дюшес. Или еще лучше, — сейчас носы переделывают хирургическим путем. Пересаживают косточки, кожу. Говорят, в Париже много таких мастерских. На вывеске так и написано: «Принимаю в починку носы. Римские и греческие на пятьдесят процентов дороже».

Тонио покачал головой.

— Нет, это не то... Я знал одну девушку. В детстве она перенесла какую-то тяжелую болезнь, кажется дифтерит, после которой у нее запал корень носа. Ей не так давно сделали операцию. И надо сказать, что операция мало помогла ей. Нос остался почти таким же безобразным, как был. Притом кожа на переносице выделяется беловатым пятном.

— Может быть, делал плохой хирург?.. Постой, постой... да чего лучше. На днях я читал в газете, что в Сакраменто приехал какой-то чудесный доктор, русский доктор — Цорокин, Зорокин, не помню его фамилии, — и он делает настоящие чудеса, воздействует на какую-то железу, копьевидную или щитовидную — не помню, и у человека изменяются не только лицо, но и все тело: прибавляется рост, удлиняются конечности. Впрочем, может быть, все это газетная утка.

— В какой газете ты читал это? — возбужденно спросил Престо.

— Право, уж не помню. В Сакраменто в редакции любой газеты тебе сообщат его адрес, если это не газетная утка.

— Гофман, я еду немедленно. Себастьян! Себастьян! Вошел старый слуга, итальянец, которого Престо всюду возил с собою.

— Себастьян, скажи шоферу, чтобы он готовил машину.

— Шофер спит, вы вчера замучили его, — ворчливо сказал Себастьян.

— Да, правда, пусть спит. Из Сан-Франциско в Сакраменто каждый день ходят пароходы. Себастьян, укладывай белье и костюмы в чемодан. Я еду.

— Не сумасшествуй, — завтра съемка!

— Пусть отложат. Скажи, что я заболел.

— Не теряй рассудка, Тонно! Ведь если доктор действительно изменит твою наружность, то ты уже не в состоянии будешь кончить роль мейстерзингера в фильме «Любовь и смерть». А ты обязан сделать это по контракту.

— К черту контракт!

— И ты уплатишь неустойку? *

— К черту неустойку! Скажи, Гофман, могу я на тебя полагаться как на друга? — Гофман кивнул головой. — Так вот что. Я не знаю, насколько задержит меня доктор. Если не выйдет дело в Сакраменто, я еду в Париж. На всякий случай я назначаю больше времени, чем может понадобиться: я пробуду в отъезде четыре месяца. Ты давно хотел побывать на Сандвичевых островах **. Поезжай! Отдохни, проветришь и привези великолепный видовой фильм. Без аппарата ведь ты, как без глаз, существовать не можешь. Мою виллу прекрасно сбережет Себастьян. На него вполне можно положиться. Себастьян! Чемодан готов?

— В последний раз говорю тебе: одумайся. Ведь твой нос — твое богатство!

— Да где же ты, Себастьян? Вызови по телефону таксомотор!

IV

На этот раз газеты не солгали: доктор Сорокин действительно существовал и «творил чудеса». Престо без особого труда разыскал его лечебницу. Она находи-

лась недалеко от города Сакраменто в живописной долине. Прекрасный сосновый парк окружал целый городок белых зданий. Весь этот городок принадлежал местному врачу, известному хирургу Круксу, пригласившему Сорокина для постановки новых методов лечения.

Престо очень понравились лечебница и весь распорядок жизни в ней. Сорокин не устанавливал для больных строго больничного режима, предоставляя им значительную свободу. Отчасти этому способствовал и самый метод лечения. Больные принимали в определенные часы порошки или микстуру, некоторые из них подвергались рентгенизации и все должны были являться на освидетельствование через каждые три дня. Их взвешивали, измеряли рост, длину конечностей, фотографировали. В остальное время больные чувствовали себя совершенно свободными: взрослые вели свой обычный образ жизни, ели любимые блюда и распоряжались своим временем, как хотели. Им только не позволялось выходить за пределы больничного парка без разрешения врача.

Престо предоставили отдельный небольшой коттедж, окруженный прекрасным цветником. Запах цветов и сосны наполнял комнаты.

После огромной и роскошной виллы коттедж показался Престо очень маленьким и даже бедно обставленным. Но это несколько не огорчало его. Ведь он собирался начать новую жизнь, поэтому и вокруг него все должно быть совершенно новым.

Первое свидание Престо с доктором Сорокиным произошло в кабинете врача во время приема. Доктор удивился, увидев Престо в качестве своего пациента, но сумел хорошо скрыть свое удивление, и, главное, не рассмеялся, что сразу расположило Тонио к врачу.

— На что вы жалуетесь, мистер Престо?

— На судьбу, — ответил Престо.

Сорокин с видом понимающего человека молча и сочувственно кивнул головой и сказал:

— «Неумолимая судьба» для нас, современных людей, — всего только закон причинности. Поэтому мы больше не умоляем судьбу. Мы сгибаем ее в бараний рог. Вы — последний больной. Прием у меня окончен. Пойдемте в парк и там побеседуем, — добавил он, посмотрев на часы.

Был прекрасный летний вечер. Престо и Сорокин

шли по дорожке, усыпанной желтым песком, направляясь в отдаленную часть парка.

— Итак, вы жалуетесь на судьбу? — повторил Сорокин.

— Да, — горячо ответил Престо. — Почему человек может переменить фамилию, местожительство, профессию, подданство, но не может переменить свое лицо? Оно, как проклятие, как печать Каина*, неизменно, если не считать медленного возрастного изменения от младенчества до старости.

Доктор покачал головой.

— Вы не правы. Вы совершенно не правы! Не только наше лицо, но и формы всего нашего тела не представляют собою чего-либо стойкого, неподвижного. Они подвижны и текучи, как река. Тело наше непрерывно сгорает, улетучивается, и на месте уплывшего все время строится новое. Через мгновение вы уже не тот, что были, а в продолжение нескольких лет в вашем теле не останется ни атома из тех, что составляют сейчас ваше тело.

— И тем не менее сегодняшний я, как две капли, похож на вчерашнего, — со вздохом сказал Престо. Сорокин улыбнулся. Но это была не обидная для Престо улыбка. Доктор улыбнулся его словам, а не жестам.

— Да, иллюзия постоянства форм имеется. Но эта иллюзия получается оттого, что формы тела строятся вновь по тому же самому образцу, как и тело «уплывшее», сгоревшее в обмене веществ, исчезнувшее. И строится тело в том же самом виде только потому, что органы внутренней секреции своими гормонами направляют строительство по раз намеченному плану.

— Но разве это не говорит о постоянстве форм?

— Ни в коем случае. Отлитая из бронзы статуэтка не изменяется, пока время не разрушит ее. Она имеет устойчивые формы. Иное дело — формы нашего тела. Довольно одной из желез внутренней секреции начать работать с малейшим отступлением от определенного плана, — и формы нашего тела начнут изменяться, как воск от пламени. Наши текучие формы начнут плыть, — и в конце концов создадутся совершенно новые формы. Да вот не угодно ли посмотреть на этих больных?

Навстречу Престо по дорожке сада шел человек гигантского роста. Пропорции тела его были неправиль-

ны. Он имел чрезмерно длинные ноги и руки при коротком туловище и маленькой голове. Несмотря на свой огромный рост, великан имел совершенно детское выражение лица и при приближении доктора начал оправлять свой костюм, как мальчик, который бонется получить замечание от взрослого.

Гигант поклонился врачу и прошел мимо.

— Видите, какой гигант! Нормальный рост европейца колеблется между ста шестьюдесятью двумя сантиметрами (таковы ваши компатриоты итальянцы) и ста семьюдесятью семью — у норвежцев. А этот великан имеет двести тридцать сантиметров. Ему всего восемнадцать лет. До десяти лет он рос совершенно нормальным ребенком, а потом вдруг начал неудержимо тянуться вверх. Почему? Потому что у него передняя доля придатка мозга — гипофиза начала развиваться слишком быстро или, как говорим мы, врачи, — это результат гиперфункции передней доли гипофиза. А вот карлица, — смотрите вправо. Ей тридцать семь лет, а рост ее всего девяносто семь сантиметров. Задержка роста у нее произошла потому, что функция той же передней доли гипофиза была ослаблена.

— Но эти все изменения произошли в детстве?

— Да, однако они могут происходить и в зрелом возрасте. Пойдемте вот к тому домику у холма. Может быть, нам удастся посмотреть на мисс Веде.

У веранды домика сидела женщина, откинувшись на спинку большого кресла. Не поднимая головы, она посмотрела на проходящих, улыбнулась доктору и приветствовала его.

— Добрый вечер, мисс Веде! — любезно ответил Сорокин.

Престо посмотрел на женщину и содрогнулся. Это было какое-то чудовище с удлинненным лицом, резко выдавшимся подбородком и затылком, с утолщенным носом и губами, с уродливо большими руками и ногами.

— Страшна, как химера на башне собора Нотр-Дам *, — сказал Престо, когда они прошли мимо больной.

— Да, некрасива, — ответил доктор. — Но поверьте ли вы, что эта женщина еще недавно блистала красотой, что всего год тому назад она взяла в Чикаго приз красоты? И она действительно была очарователь-

на. У меня есть ее фотография. Я покажу вам ее:

— И что же так изуродовало ее?

— Без видимой причины у нее начали уродливо разрастаться кости лица — главным образом подбородка, — концы пальцев рук и ног, а также ребра и остистые отростки позвонков. Болезнь началась с общей слабости. Акромегалия — так называется эта болезнь — и зависит она от болезненного увеличения передней доли гипофиза. Если бы это случилось в детстве, она стала бы великаншей, а в двадцать лет получилось вот такое уродство. Впрочем, искусственно я мог бы создать великана и из взрослого человека.

— Она безнадежна?

— Нисколько! Как только нам удастся привести в норму ее придаток мозга, формы ее тела сами изменятся.

— Вы хотите сказать, что вновь укоротятся ее кости и она станет похожа на самое себя?

Сорокин кивнул головой.

— Не правда ли, разве это не кажется чудесным? А вы говорите о незыблемости форм человеческого тела. Нет ничего незыблемого. Все течет, всё изменяется!

V

В первый вечер, когда Престо остался один в своем домике, он долго не мог заснуть. Впечатления от всего виденного слишком поразили его. Очаровательная женщина, превращенная злым недугом в какую-то страшную ведьму, карлики, великаны и среди этих уродцев и чудовищ доктор Сорокин, как волшебник, который собирается «расколдовывать» злые чары и вернуть всем уродцам вид нормальных, здоровых людей.

Престо начинал дремать, и тогда ему казалось, что женщина — чудовище с огромным подбородком — поднимается со своего кресла, идет к Тонно и, простирая свои уродливо-большие руки, говорит:

— Я люблю тебя, Тонно! Жених оставил меня. Но ты мне нравишься больше, чем жених. Мы оба уроды. Мы стоим друг друга. У нас будут дети-уроды, каких не видал еще свет. Они будут так смешны, что все

люди подохнут со смеха. И тогда землю наследуют наши потомки. Над ними уже никто не будет смеяться, потому что все будут ужасающе-уродливы. И уродство будет признано красотой. И самый уродливый будет признан самым красивым...

Тонни проснулся в холодном поту.

«Какой отвратительный сон!..» — подумал он.

И вдруг он быстро сел на кровати и схватился за голову. Одна мысль поразила его.

— Я бежал во сне от страшной мисс Веде. А разве я сам не кажусь таким же страшным? Да, Гедда Люкс была права, тысячу раз права, отказав мне! Как несправедливо жесток я был с нею в последний раз!.. Что, если в самом деле Гедда умирала от смеха?! Я оставил ее без памяти. Быть может, у нее слабое сердце?

Тонни соскочил с кровати и зашагал по комнате.

— Надо будет дать телеграмму Гофману, спросить его. Впрочем, нет, он, наверно, уже уехал... Если я в самом деле убил ее смехом, то начнется следствие, меня арестуют, быть может обвинят в убийстве и казнят. И я умру уродом... Нет, нет! Если Гедда умерла, этого не исправишь. Кроме Гофмана, никто не знает о том, куда я уехал. Сначала надо излечиться от уродства. Однако как расшатались у меня нервы!.. Надо взять себя в руки...

Тонни заставил себя лечь в кровать, но до самого утра не мог уснуть. «Безобразие — самая тяжелая болезнь!» — повторил он в бреду. Только когда первые утренние лучи позолотили верхушки сосен, Тонни начал дремать, повторяя во сне известные мудрые слова, которые звучали, как отрывки заклęcia: «Гипофиз. Гормон. Акромегалия. Гиперфункция...»

— Нет, право, от этого можно с ума сойти, — говорил Престо, проснувшись в одиннадцать часов утра. — Я должен знать совершенно точно, что такое представляют собой гормоны и гипофизы; я должен знать всю механику, тогда туман рассеется и в голове будет порядок.

Умывшись, Престо подошел к большому зеркалу в ванной комнате и внимательно рассмотрел свое лицо. О, не даром он был киноартистом! Он знал каждый миллиметр этого лица, безобразного и смешного.

— Лопухий, туфленосый уродец, — сказал Престо, обращаясь к своему отражению в зеркале. — Ско-

... тебе придет конец. Ты сгоришь, утечешь, улетишь... а тебе смену тебе придет... хотел бы я знать, как будет выглядеть после лечения! — сказал Престо уже другим тоном.

Быстро одевшись, он пошел к доктору Сорокину, но тот был занят с больными, и Престо отправился бродить по парку.

У содержателя ярмарочного балагана глаза разгорелись бы при виде всех этих уродцев. Их хватило бы на составление не одной труппы карликов и великанов. Престо встречались толстые, как бочки, мужчины и женщины, едва передвигающиеся на ногах-тумбах, жердеобразные скелеты, мужчины с женским бюстом, бородатые женщины... Все это были жертвы игры неведомых сил, скрывающихся в недрах человеческого организма. Это был брак, отбросы великого производства природы.

Вот уродец с огромной головой и маленькими ногами. Это — кретин. Он внимательно осмотрел Тонио и вдруг засмеялся смехом идиота.

— Джим, Джим! Иди скорее, посмотри на это чудо! Тонио Престо соскочил с экрана и пожаловал к нам. Иди, иди, посмотри бесплатный кинематограф! — закричал он, обращаясь к другому больному.

Престо узнавали все, кто только видел его на экране. А кто же не бывает в кино? Кретины и младенчески недоразвитые великаны, привлеченные «живым» героем кино, шли следом за Престо. Это раздражало его. Он сделал крутой поворот и отправился к себе домой. До вечера он никуда не выходил. И только с наступлением темноты, когда большинство больных разбредлось по своим домам, Престо вновь направился к дому доктора.

Сорокин повстречался ему на полдороге.

— А я к вам, — сказал доктор. — Идемте гулять. Перед сном это полезно. Как спали вы прошлую ночь?

— Плохо. Я думаю, в этом виноваты ваши гипнофизы. Я хочу знать, что это за звери, иначе мне будет казаться, что я хожу окруженный злыми демонами, как это казалось моему далекому предку.

— Ну что же, давайте знакомиться с «демонами». Одни и те же «демоны» могут быть то злыми, то добрыми.

— Если можно, доктор, пойдем вот этой дорож-

кой! — И Престо показал на крайнюю глухую дорожку, по которой почти никто не ходил.

Сорокин кивнул головой.

— Когда мы примемся за лечение, вас никто не узнает, и вам не придется ходить по глухим дорожкам, — сказал Сорокин. — Так вот, слушайте.

Вы, конечно, знаете, что человеческое тело состоит из многих миллиардов живых клеток, то есть мельчайших комочков живого вещества. Эти маленькие живые существа, составляющие части нашего тела, делятся как бы на отдельные производства, причем все они живут и действуют в удивительном содружестве и в полном согласии друг с другом. Чем больше изучаешь жизнь тела, тем больше удивляешься этой гармонии частей, этому порядку и согласию, царящему между всеми клетками и частями организма. Кто устанавливает этот порядок? Вопрос, который давно интересовал ученых. В течение девятнадцатого века ученые полагали, что все части и клетки организма связываются и объединяются нервной системой, а мозг является, так сказать, неограниченным монархом, которому слепо подчиняются все клетки-подданные. Однако монархам вообще не повезло в двадцатом веке.

Слетел со своего трона и мозг, этот «царь в голове». Мозгу отведено более скромное, хотя и очень важное место. Мозг является центром передачи возбуждения с одной точки тела на другую. Такая передача носит название «рефлекса». Эта деятельность мозга так же важна, как работа какой-нибудь центральной станции телефона. Лампочка вспыхивает под номером, — и телефонистка соединяет один номер с другим. Но было бы ошибочно считать, что телефонистка — это неограниченный монарх, который по своей воле заставляет одного абонента говорить с другим. Ее роль чисто служебная. Такая же служебная роль и нервной системы и мозга. По крайней мере теперь ученые пришли к убеждению, что рефлексами вовсе не исчерпывается проявление жизни организма, что нервная система не есть главная система, а мозг не есть центр всего тела. Как оказалось, наше тело управляется не монархическим образом, а, если так можно выразиться, «рабочим самоуправлением». Рабочие — клетки — вырабатывают особые химические вещества, которые и называются «гормоны». Вот эти-то вещества и играют роль актив-

ных деятелей. Их значение в деле установления порядка и гармонии гораздо большее, чем значение мозга.

Почти все части человеческого тела вырабатывают гормоны, или, как мы иногда зовем их, «химические посланцы».

— Рабочие депутаты? — с иронией спросил Престо.

— Да, рабочие депутаты, — серьезно ответил Сорокин. — И если уж продлить аналогию, то взаимный обмен гормонами по крови и составляет как бы голос клетки, а сумма этих голосов образует своего рода «совет рабочих депутатов», дающих гармонию всему организму. Это интересно, хотя и похоже на агитацию фактами. Миллиарды клеток живут самым идеальным общественным порядком. Но не будем отвлекаться аналогиями. Итак, почти все части тела вырабатывают гормоны. Но некоторые места выделяют эти гормоны особенно обильно. Эти места называются органами внутренней секреции. Таким образом, бесконечно сложный внутренний организм не управляется из всезнающего центра, а самоуправляется, и органы внутренней секреции играют в этом самоуправлении очень видную роль. Их не мало, этих органов внутренней секреции, или желез: щитовидная железа, эпителиальные тельца, зубная железа, гипофиз и другие. Вот, кстати, о зубной железе. Вы где родились?

— В горах итальянской Швейцарии.

— Я так и полагал. В ваших местах, вероятно, есть что-нибудь ядовитое в воде, и этот яд действует губительно на щитовидную железу. Поэтому-то в ваших местах так много кретинизма и зубных больных*. Ведь зуб — это ненормальное развитие ослабленной щитовидной железы. Организм как бы количеством желает заменить качество. Ваша «болезнь» для меня была ясна с первого взгляда. Вы представляете собой тип кретина, но с некоторым отступлением от нормы. Дело в том, что у кретинизма обычно наблюдается замедленность движений и всех процессов душевной жизни. Кретинизм вялый, тяжелодумный, спокойный. Они напоминают добродушных животных. Правда, живой ум встречается между ними. Но у вас не только живой ум. У вас повышенная чувствительность нервов. Приступы усиленного сердцебиения у вас бывают?

— Да, — ответил Престо.

Сорокин кивнул головой.

— Вы чуткий, нервный, впечатлительный, легко возбудимый. В вашем организме как будто действуют две взаимно противоположные силы. Возможно, что у вас имеется ненормальная деятельность как щитовидной железы, так и гипофиза. Я умышленно несколько дней не приступал к медицинскому освидетельствованию, чтобы познакомиться ближе с вашим темпераментом, характером и умственным складом. С вами придется познакомиться. Вы хотите иметь нормальный рост, нормальные пропорции и лицо, которое у вас должно было бы быть, если бы кретинизм не наложил на него свою печать?

— Ну разумеется, — ответил Престо.

— Вы так и не видали никогда своего «настоящего» лица? Постараемся выяснить его. Я делаю то, чего еще не делают другие врачи. Меня называют кудесником, колдуном. Так же называли знаменитого селекциониста Бэрбанка*. А я делаю не больше его. Он делал «чудеса», изменяя формы и всю «конституцию» плодов и овощей, я же работаю над изменением человеческого тела. Пройдемте ко мне в кабинет, я покажу вам кое-какие мои трофеи.

Я обогнал своих коллег, — продолжал Сорокин, направляясь к дому. — Мне удалось сделать удивительный препарат из гормона гипофиза; этому гормону придаю самое крупное значение как «строителю» нашего тела. И при помощи этого препарата мне удастся изменять формы и рост взрослых людей в очень короткий срок. Посмотрите, — сказал Сорокин, когда они вошли в кабинет. — Вот как выглядит гипофиз, который произвел все эти чудеса...

Доктор показал Престо альбом фотографий. На левой стороне были сняты ужасные уроды, на правой стороне — вполне нормальные люди, среди которых были даже очень красивые. Между лицами левой и правой стороны не было ни малейшего сходства.

— Это до лечения, а это после лечения, — сказал с гордостью Сорокин, показывая на левую, потом на правую страницу альбома.

И он имел право гордиться. Казалось, он мог лепить тела и лица людей по своему желанию, как из глины.

— Это все мои европейские трофеи, — сказал он. — Полагаю, что и здесь, в Америке, я получу те же ре-

зультаты. К сожалению, официальные представители американской медицины, как мне пришлось слышать от Крукса, не очень доброжелательно относятся к моим опытам. В духовных кругах также раздается ропот. Впрочем, пока мне не мешают. А вот! — Сорокин показал на шкаф со стеклянными дверцами. На полках виднелись большие фарфоровые аптечные белые банки с номерами вместо надписей. — Средневековый кудесник много дал бы за эти банки. В них содержатся порошки... Номер первый прибавляет рост, номер второй — убавляет...

— Неужели вы в состоянии уменьшить или увеличить рост уже взрослого человека?

— Да, смогу сделать даже такое «чудо». Дальше, номер третий радикально излечивает от ожирения, номер четвертый худых людей превращает в полных. Словом, живи я пятьсот лет тому назад, я мог бы «заколдовывать» и «расколдовывать» людей, получая за это огромные деньги.

— И покончив дни свои на костре?..

Сорокин улыбнулся.

— Возможно. Теперь меня не сожгут живьем. Но все же допечь могут очень сильно. Косность человеческая переживает века...

Докторский приказ «разденьтесь» не ушел от Престо. Сорокин тщательнейшим образом исследовал каждый квадратный сантиметр его тела, измерил, взвесил и, наконец, снял фотографический портрет Тонио во весь рост и лицо в профиль и анфас.

— Необходимо запечатлеть всю последовательность ваших превращений, — сказал Сорокин. — Одного больного я снимал в одной и той же позе каждый день киноаппаратом. Получился изумительный фильм: превращение на глазах зрителя уроды в красавца. Но такие снимки отнимают слишком много времени.

На другой день после этого Престо принял первую пилюлю. Пилюля должна была начать невидимую работу в его организме по перестройке его тела. В этот день Престо долго стоял перед зеркалом, как бы прощаясь с «собой».

Дни шли за днями, пилюля следовала за пилюлей; каждое утро и каждый вечер Престо внимательно наблюдал себя в зеркале, но измененный не замечал. Все тот же туплеобразный нос, те же уши-лопухи, тот же овал черепа, расширенного кверху. Престо терял терпение и уже начинал сомневаться в «магин» доктора Сорокина.

Чтобы не быть мишенью для смеха, он давно отказался от прогулок по парку и выходил подышать воздухом только ночью. Время шло однообразно и довольно скучно. Он выписал сан-францисские газеты, желая узнать, что делается в городе.

Газеты сообщали о тяжелой болезни мисс Гедды Люкс. У нее произошел странный припадок, едва не окончившийся смертью. Врач, вызванный горничной, нашел Люкс без чувств, посиневшей, с признаками асфиксии (удушья). Пульс едва можно было прощупать. Врачу стоило больших трудов вернуть Люкс к жизни. Горничная Гедды Люкс также чувствовала себя очень плохо, хотя она оправилась от непонятного припадка раньше своей госпожи и нашла силы вызвать врача по телефону. Никаких следов угара или присутствия какого-нибудь газа, могущего вызвать асфиксию, врачом обнаружено не было. О причинах, вызвавших странный припадок, ни Гедда, ни ее горничная не говорили.

Только несколько дней спустя после этого события репортеру маленькой газетки удалось собрать кое-какие сведения, проливающие свет на то, что произошло в доме Люкс. По его словам, горничная мисс Люкс сообщила своему знакомому шоферу, что ее госпожа едва не умерла со смеху, потому что Престо имел дерзость сделать ей, Люкс, предложение.

— Престо был так смешон, что я сама едва не умерла со смеху, — говорила горничная.

Другие газеты не перепечатали этого сообщения, считая его слишком неправдоподобным. Престо мог сделать предложение и получить отказ. Но умереть со смеху — это неслыханная вещь!

Еще через день в той же газетке была напечатана заметка о том, что к странному припадку мисс Люкс Тонно Престо безусловно имеет отношение. Несколько

свидетелей подтвердили, что видали Престо в то злополучное утро выходящим из виллы Люкс. Вскоре после его отъезда была вызвана карета «скорой помощи». Возможно, что Престо, огорченный отказом, пытался отравить Люкс. Во всяком случае от мисс Люкс не поступало никакой жалобы, и следственные власти не могли открыто приступить к производству следствия. Подозрения, падающие на Тонио Престо, усиливались тем, что он неожиданно исчез, быть может, опасаясь ответственности за свой поступок. По словам его кинооператора Гофмана, Тонио Престо уехал в Европу лечиться. Сам Гофман почти одновременно с Престо также выехал на Сандвичевы острова.

Еще через день та же маленькая газетка, собирающая сплетни, оповестила мир о том, что факт «кошунственного» и «святотатственного» поступка Престо подтвердился. Тонио Престо действительно имел дерзость оскорбить Люкс предложением брака. Эта весть была подхвачена другими газетами, и поклонницы и поклонники Люкс слали в редакцию тысячи писем с выражением негодования на поступок Престо и выражением сочувствия и соболезнования «оскорбленной и оскверненной Люкс».

О, если бы он, Престо, попался сейчас в руки толпы! Она разорвала бы на части своего недавнего любимца. Как все-таки хорошо, что Престо скоро сбросит свою ужасную личину!

Престо подошел к зеркалу и еще раз внимательно осмотрел свое лицо. Никаких перемен!

«А Люкс все-таки не хотела выдавать моей тайны! — думал Престо. — Вероятно, горничная разболтала. Люкс! Как-то она встретит меня, когда я предстану перед нею в новом виде!»

Престо вдруг обуяло такое нетерпение, что, несмотря на присутствие в саду многих больных, он побежал к доктору Сорокину, оставляя позади себя взрывы смеха, как пенистый след от быстроходного парохода.

— Послушайте, доктор! Я не могу больше терпеть. Ваше лекарство не оказывает на меня никакого действия, — сказал Престо.

— Не волнуйтесь, — спокойно ответил Сорокин. — Мое лекарство оказывает нужное действие. Но все делается не так скоро, как у вас в фильме. Лекарство действует на гипофиз и щитовидную железу. Они дол-

жны выделять нужное количество гормонов. Гормоны действуют на клетки. Видите, сколько здесь передач! Притом не забудьте, что вам не десять лет от роду и кости ваши не столь податливы, как у ребенка. Когда железы, если так можно выразиться, наберутся сил, процессы изменения пойдут гораздо скорее.

Престо оглянулся и увидел красивую молодую даму или девушку, сидящую в кресле. Только сейчас он сообразил, что вбежал в кабинет врача без предупреждения во время приема.

— Простите, — сказал он смущенно, обращаясь к даме. Пациентка улыбнулась и сказала:

— Мы уже обо всем переговорили с доктором. — И, кивнув головой, дама вышла из кабинета легкой походкой.

— Новенькая? — спросил Престо.

— Наоборот, старенькая! — ответил, улыбаясь, Сорокин.

— Но я не заметил, не видал такой среди больных...

— Да, вы не видали такой и все же вы видали ее. Это та самая девушка, которая сидела у своей веранды в кресле, — помните?

— Страшная химера, слетевшая с башни собора Нотр-Дам? — с удивлением спросил Престо.

— Она самая.

Престо бросился к доктору и начал жать его руки.

— Простите, доктор, что я усомнился в вашем всемогуществе...

— До всемогущества далеко, но все же современная медицина кое-что может сделать. Идите и терпеливо ждите.

Прошло еще целых десять дней после этого разговора, дней, похожих на все минувшие. И вот на одиннадцатый день началось «чудо перевоплощения», как сказал Престо, окончив утренний осмотр своего лица.

Зеркало не могло обмануть: провал у корня носа начал приподниматься. Престо успокоился и сразу повеселел. Теперь уже не могло быть никакого сомнения: порошки доктора Сорокина пробудили «подземные силы» его организма, началось образование «складчатых гор» и другие «геологические» преобразования в его организме.

Каждый день приносил что-нибудь новое. Переносица увеличивалась очень быстро. А мясистый, туфле-

образный конец носа как будто «подсыхал», втягивался, — словом, заметно уменьшался. Сжимались и уменьшались и уши. Весь череп принимал более пропорциональный вид. И удивительное дело! Престо начал расти. Пальцы, руки и ноги удлинялись; это было заметно по брюкам и рукавам, делавшимся все короче.

Внутренние силы действовали чем дальше, тем энергичнее. Раз прорвав застывшие формы, эти силы начали перестройку организма с необычайной быстротой. Тонио скоро потерял счет всем новым приобретениям и изменениям. И когда, в конце первого месяца «метаморфоз», он вынул свою фотографическую карточку и сравнил с теперешним своим лицом, то сначала обрадовался, а потом даже испугался: зеркало отражало новое, чужое лицо.

Это уже не был Антонио Престо, каким он знал себя с детства. Тонио Престо потерял свое прежнее лицо!.. Это было жутко. Как будто сознание Тонио Престо переселилось в тело неизвестного человека. Престо пробовал делать движения руками, — получалось что-то новое, довольно плавное, даже изящное, но чужое. Физические ощущения были новыми и странными. Как будто все «шарниры» тела Престо смазали маслом и сделали хорошие шарикоподшипники. Каждый жест удавался ему удивительно легко. Члены тела сделались гибкими, подвижными. Не было больше угловатости движения. Походка Престо, напоминавшая движение летучей мыши, сделалась теперь плавной и легкой. Все это было бы чрезвычайно приятно, если бы не было так ново, — ново до жутки.

Тонио часами не отходил от зеркала. Он изучал свое обновленное тело. Он любовался им и удивлялся чудесам науки. Да, теперь он верил, что человеческое тело не представляет собой отлитых «на век» форм, что эти формы текучи и подвижны, как вода. Надо только уметь разбудить «подземные силы», строителей живого тела — гормоны.

«Гормоны», «гипофиз», «щитовидная железа» — теперь эти слова уже не казались Престо непонятными обрывками колдовского заговора.

— И все же это очень странно, — говорил он, глядя в зеркало. А из зеркала на него смотрел изящный молодой человек с красивым тонким носом, довольно высокий, очень стройный, худощавый.

И на этом новом теле был надет новый костюм, старые костюмы Престо были слишком малы и коротки. Престо посмотрел на прежний костюм, брошенный на стул, — маленький костюм в клеточку, с короткими, почти детскими брюками. И этот костюм вдруг показался Престо жалким и трогательным. Как будто этот костюмчик остался от умершего подростка — сына или брата.

— Тонно Престо умер. Нет больше Тонно, — тихо сказал Престо. Неожиданно ему стало жалко этого уродца, в теле которого он прожил больше двух десятков лет. Знал нужду, не согретое лаской детство, жизнь на улице.

Тонно вспомнил, как он мальчиком в поисках хлеба оставил родные горы и отправился в Неаполь. Там вместе с такими же полуголыми мальчуганами, каким был и он, собирал навоз и мусор на улицах прямо руками, черными от грязи по локоть, накладывал мусор в тележку, запряженную ослом, и отвозил на свалку, получая за это гроши. А на свалке, вывернув мусор, рылся в нем, выскивая апельсиновую корку или полусгнившую головку рыбы. Спал он на берегу Неаполитанского залива — одного из красивейших в мире издали... Берег был засорен всякими отбросами: гниющей рыбой, раковинами, бутылками; от ближайших лачуг нестерпимо несло кислыми запахами дубленой кожи, луком, чесноком... Но здесь было тепло, и мальчик чувствовал себя, как дома...

Потом поездка с бродячим цирком в Германию, неожиданный успех на ярмарках, случайное участие на съемке в кино, еще более неожиданный успех — и волшебный поворот судьбы... И со всем этим покончено...

Престо старался вспомнить всю свою жизнь. Ему хотелось проверить, знает ли новый Престо все то, что пережил старый. Не нарушило ли физическое «переплощение» единства сознания. Нет, память его действует нормально. Престо-новый является преемником всего психического наследства Престо-старого. И все же в психике Престо произошли немалые изменения. Престо-новый стал спокойнее, положительнее. Он лучше владеет собой, не горячится, не мечется. И это тоже очень страшно. В существе Престо как будто осталась только тоненькая ниточка, соединяющая его прошлое «я» с настоящим, — ниточка единства сознания. По-

рвись эта ниточка, и Престо-старый умер бы окончательно, а новый молодой человек «родился» бы на свет в возрасте двадцати трех лет.

А что, если в самом деле эта ниточка порвется? Тонио забудет все, что было с ним до начала лечения? Кто же он тогда будет? Тонио потер свой лоб, отошел от зеркала и опять посмотрел на себя.

— Да, Тонно Престо потерял лицо!..

VII

«Чудо перевоплощения» совершилось. Вместо безобразного уродца зеркало отражало внешность молодого человека, стройного, немного худощавого. Доктор Сорокин осмотрел свое произведение с чувством скульптора, удовлетворенного своей работой.

— Кончено! — сказал он. — Желаю вам жизненного успеха! Внутренние процессы переустройства вашего тела закончились, но все же вы еще недельки две внимательно наблюдайте за своей внешностью. Если заметите в лице хоть малейшее изменение, немедленно приезжайте ко мне.

Восхищенный Престо жал руку доктора и на прощанье даже расцеловался с ним. Тонио щедро расплатился с Сорокиным, оставив у него почти все деньги, которые взял с собой, — а их было несколько десятков тысяч долларов. У Престо осталась только мелочь, но ее было достаточно, чтобы добраться до дому. Тонио послал телеграмму Себастьяну с уведомлением о том, что приедет завтра утром, и с приказом приготовить к его приезду кабинет и спальню...

В назначенный час наемный автомобиль подкатил к подъезду виллы Престо. Старый слуга выбежал на широкую лестницу, отлого, полукругом спускавшуюся к усыпанной песком дороге, и вдруг с недоумением остановился. Вместо своего хозяина он увидел изящного молодого человека. Молодой человек рассмеялся, видя недоумение старика, и сказал приятным баритоном, ничуть не напоминавшим визгливый фальцет Престо:

— Что, не узнал меня, старина? Это я, Антонио Престо, но я побывал у врача, и он, понимаешь ли

ты изменил меня, переделал заново. Бери чемодан!

Но Себастьян не двинулся с места. Он был преданный слуга, даже больше чем слуга. На Престо он смотрел, как на сына, и оберегал его интересы, как свои собственные. Себастьян знал, каким опасностям подвергается личность и имущество миллионера в Америке, а Престо был крупным миллионером. Себастьян с замиранием сердца читал в газетах о тех уловках и хитростях, к которым прибегают преступники, чтобы овладеть не принадлежащим им богатством. И в данную минуту Себастьян не сомневался в том, что имеет дело с одним из молодчиков, которые хотят провести его, старика, и обобрать дом Антонио Престо. Но не на такого напали! Не только Себастьян, выдавший вида, но и глупый молокосос не попался бы на такую удочку. Обман был слишком очевиден. Мыслимое ли дело, чтобы человек так изменился!

— Ну что же ты стоишь? — нетерпеливо спросил Престо.

— Уезжайте, откуда приехали! — сказал Себастьян, поднимаясь на несколько ступеней, чтобы занять на всякий случай более удобную оборонительную позицию около двери. — Хозяина нет, а без него я никого не пушу в дом. Мне дан строгий приказ.

— Вот чудак. Я же говорю тебе, что я сам и есть хозяин, Тонно Престо.

Шофер заинтересовался этим разговором. Он иска са поглядел на Тонио. Разумеется, это не Престо. Кто же не знает Престо? Шофер был явно на стороне Себастьяна и незаметно мигнул тому, как бы предупреждая: «Не впускай в дом этого человека, опасайся его!»

Себастьян понял этот жест и поднялся еще на несколько ступеней. Теперь он стоял у самой двери. Престо уже терял терпение. Он открыл дверцу автомобиля и начал подниматься по лестнице. Но Себастьян зорко следил за злоумышленником. С неожиданной для своего возраста быстротой он вбежал в дверь и закрыл ее на железный засов, на ключ, на крюк, на цепочку. В отсутствие Престо Себастьян сам придумал все эти сложные запоры и заказал их слесарю. Теперь старик был в полной безопасности и мог выдержать осаду целой шайки бандитов.

— Что, не удалось, мальчик! — со злорадной усмешкой сказал он, стоя за дверью. Тонио начал сту-

чать, но Себастьян не открыл дверь. Ни просьбы, ни уговоры не помогали. Себастьян был тверд, как скала.

— Упрямый, глупый старик! — проворчал Престо.

Под насмешливым взглядом шофера он медленно сошел с лестницы, обдумывая свое положение. Быть может, его собственный шофер окажется толковее? Престо пошел к гаражу, рядом с которым стоял небольшой домик, где жил шофер.

На двери висел большой засов.

— Вероятно, пустил мою машину в прокат, мошенник! — выбранился Престо. Ему ничего не оставалось больше делать, как остановиться в номере гостиницы. Он назвал один из лучших отелей в городе. У Престо едва хватало денег, чтобы расплатиться с шофером. Хорошо еще, что Престо был в дорогом, прекрасно сшитом костюме и имел отличные чемоданы, с внушительными ярлыками лучших европейских и американских отелей. Наметанный глаз швейцара отеля сразу оценил этот чемодан, три раза переплывавший океан, и швейцар с почтительным уважением посмотрел на собственника этой почтенной вещи. Но уже в вестибюле отеля, где записывали новоприбывших, произошел маленький инцидент, оставивший у Антонио Престо весьма неприятный осадок.

— Ваша фамилия? — спросил у Тонио молодой человек в больших очках, похожий на Гарольда Ллойда *, сидевший за конторкой.

— Тонио Престо, киноартист! — выпалил Тонио по привычке.

Раньше ему не нужно было называть себя. Подавляя улыбку, швейцары, лакеи и метрдотели первые почтительно называли его по имени. Его знали лучше, чем подданные знают своего короля. Теперь ему пришлось назвать себя. Но этого мало. Слова «Тонио Престо» вызвали у конторщика неожиданный эффект. Он вдруг откинулся назад и несколько минут смотрел на Престо изумленным взглядом. Потом любезно, но холодно сказал:

— Вероятно, вы изволите быть однофамильцем известного Престо?

И вот тут Престо допустил малодушие. Он не захотел убеждать молодого человека в том, что противоречило очевидности: этот юноша в очках также не поверил бы Престо в том, что «он есть он», как и Себастьян.

Зачем ставить себя в глупое положение человека, который явно присваивает чужое имя?

— Да, однофамилец! — ответил Престо и поспешно подняться на лифте и скрыться в свой номер.

«Что же будет дальше? — озабоченно подумал он. — Оказывается, потерял свое лицо — предпринять...

Престо преголодался. Хорошо еще, что в отеле можно завтракать и обедать, не платя каждый раз. Престо позвонил и заказал завтрак. От внимания Престо не ускользнуло, что лакей как-то особенно смотрит на него. Видимо, весть о неизвестном молодом человеке, который имел бестактность присвоить себе прогремевшее имя, уже обошла весь отель.

Престо позавтракал и повеселел. В конце концов все объяснится и он сам будет смеяться над своими злоключениями.

Теперь он решил осуществить свою давнишнюю мечту, которую лелеял все время, пока находился в лечебнице Сорокина. Престо решил сделать первый визит Гедде Люкс. Он извинится перед ней... и... Как-то она теперь примет его?..

Престо еще раз критически посмотрел в зеркало и нашел, что он настоящий красавец. Вот когда он сможет играть роли в высоких трагедиях! Мечта его осуществится... Он — Ромео, Гедда — Юния...* Престо стал в позу и протянул руки к воображаемой Юнии. «Великолепно!.. Неотразимо! Она не устоит. Теперь она не откажет мне!» — подумал он и, переодевшись в новый костюм, отправился вниз.

Вилла Гедды Люкс находилась за городом, недалеко от киногородка мистера Питча, в полумиле от его собственной виллы. У Престо не осталось денег, чтобы нанять автомобиль.

«Придется идти пешком», — думал он. И тут же утешил себя, что моцион — очень полезная вещь. Однако он скоро убедился, что даже самые полезные вещи приятны только тогда, когда их имеешь в меру.

Жара стояла нестерпимая. Белое шоссе блестело так, что глазам было больно. Вдобавок, по шоссе все время туда и обратно сновали автомобили, которые так пылили, что Престо задыхался. Он никогда не думал, что автомобили оставляют позади себя так много пыли и что они могут доставлять столько неприятности че

ловеку, который принужден плестись по дороге. А автомобилисты как будто издевались над пешеходом и, проезжая мимо, так вызывающе ревели в свои гудки и пускали столько пыли в глаза, что Престо сжимал кулаки от негодования.

Никогда еще путь до киногородка не казался ему столь длинным.

Когда Престо добрался, наконец, до виллы Люкс, то вид у него был очень непрезентабельный. Лицо и воротничок почернели от грязи и пота, волосы слиплись, костюм и ботинки покрылись тонким слоем пыли. Он осмотрел себя и начал колебаться, показываться ли ему перед Геддой в таком виде. Но желание скорее увидеть ее заставило Тонио решительно нажать кнопку звонка. Дверь открылась, и Престо увидел ту самую горничную, которую он едва не уморил со смеху вместе с ее госпожой. К счастью, девушка не узнала его. Она осмотрела несколько презрительно его костюм, но, взглянув на лицо, приветливо улыбнулась. Эта улыбка ободряла и окрыляла Престо.

— Я хотел бы видеть мисс Люкс.

Тысячи молодых людей, мечтающих о славе киноартистов и артисток, желают видеть мисс Люкс в надежде воспользоваться ее протекцией. Десятки тысяч людей всех возрастов и обоих полов сочли бы за счастье лицезреть «божественную» Люкс. Но у нее не хватило бы времени на работу, если бы она начала принимать всех, проходящих к ее дверям.

— Мисс Люкс нет дома! — ответила горничная обычной фразой.

Но Престо знал эти уловки.

— Для меня она должна быть дома! — сказал он многозначительно. — Я ее старый друг, и она будет очень рада видеть меня. — Девушка усмехнулась при слове «старый». — Да, да, не смейтесь, — продолжал Престо. — Я знал Гедду, когда она была еще совсем маленькой девочкой. Я приехал на несколько дней по делам в город и решил повидаться с нею. Но по дороге мой автомобиль сломался и... — он многозначительно показал на свой костюм, — мне пришлось идти пешком.

— Как о вас прикажете доложить? — уже совсем любезным тоном спросила горничная. Опять этот роковой вопрос!

— Видите ли, — замялся Престо, — я хочу сделать мисс Люкс сюрприз. Скажите мисс, что ее хочет видеть старый друг.

Горничная приоткрыла дверь,пустила Престо в большую приемную и отправилась доложить своей госпоже, попросив Престо подождать ответа. Это была уже полупобеда.

«Женщины любопытны, — думал Престо, — Гедда, наверное, захочет посмотреть старого друга, в особенности после того, как горничная опишет ей мою наружность. А она, наверное, сделает это...»

— Пожалуйста, мисс просит вас пройти к ней в будуар, — сказала горничная, и Престо, волнуясь, прошел в знакомую комнату, утопавшую в мягких коврах, на которых были разбросаны пуфы, подушки, львиные и медвежьи шкуры.

Люкс полулежала на кушетке и при входе Престо поднялась и с недоумением посмотрела на него. Опять обман?! К каким только ухищрениям не прибегают эти поклонники и охотники за славой!

— Что вам угодно? — сухо спросила она.

Престо поклонился.

— Мисс, я не обманул вас. Я — ваш старый друг, хотя вы и не узнаете меня. — Его приятный баритон и искренность тона произвели благоприятное впечатление.

— Прошу вас! — сказала Люкс, указывая на маленькое кресло.

Престо сел в кресло, Люкс опустилась на кушетку. Минуту длилось молчание. Потом Престо начал говорить, многозначительно поглядывая на Люкс.

— Чтобы убедить вас в том, что я не обманул вас, я могу рассказать вам то, чего никто не знает, кроме вас и... еще одного человека. Я повторю вам, что говорил вам Тонно Престо в последнее свидание с вами, а также и то, что вы отвечали ему. Повторю от слова до слова.

— Он вам передавал это? — спросила Люкс. Тонно улыбнулся.

— Да, он мне передал это. Он очень извинялся, что причинил вам... беспокойство, заставив вас смеяться так много...

— Я едва не умерла...

Престо утвердительно кивнул головой.

— Я знаю это.

— Но при чем тут вы? — спросила Гедда. — То ли просит вас передать его извинения?

— Да, он... звешал мне это!

— Он умер? — с испугом спросила Гедда. Престо покраснел, как будто она чувствует себя виноватой в его смерти. Тонио не ответил на ее прямой вопрос.

— Позвольте напомнить вам, что вы ответили ему на его предложение.

— Боже мой, но я не могла предполагать, что мой отказ убьет его! Он был вашим другом? И теперь вы как будто явились мстить за него...

— Прошу вас, не спешите делать выводы и выслушайте меня! Итак, вы тогда сказали Престо, что между ним и вами стоит непреодолимая преграда. И эта преграда — его уродство. Ведь так? Значит, если бы не было этой преграды... он имел бы шансы?

— Да, — ответила Гедда.

— Так вот, — сказал Престо, — теперь этой преграды не существует. Антонио Престо не умер, но переменил свою внешность. Антонио Престо — это я. Ведь вы не можете сказать, что я безобразен? — И Престо поднялся с кресла и сделал несколько шагов, как «модель» в магазине модных костюмов. Люкс невольно откинулась назад. В глазах ее отразился ужас. Мысль ее напряженно работала. Кто этот странный человек? Сумасшедший? Преступник?..

— Что вам надо? — спросила Гедда, едва владея собою.

— Я пришел за ответом и уже получил его, — ответил Престо. — Вы сказали «да».

— Но вы не Престо!.. Прошу вас, не мучьте меня. Что вам надо?

— Успокойтесь, мисс Люкс! Вам не угрожает опасность. Я не сумасшедший и не бандит. Я знаю, что вам трудно поверить в то, что вот этот неизвестный молодой человек, разговаривающий с вами, есть действительно отвергнутый вами Антонио Престо. Но я постараюсь убедить вас в этой невероятной вещи.

И Престо рассказал Гедде все, что произошло с ним после их свидания, показывал вырезки из газет о «чудесных превращениях» доктора Сорокина, наконец, вынул фотографии, отметившие все этапы «эволюции», происшедшей в теле Престо. Эти фотографии были убе-

дительнее всего. И все же, когда Гедда, оторвав взгляд от фотографий, посмотрела на красивого молодого человека и мысленно представила себе старого Тонно Престо, ее разум отказывался верить, что такие превращения возможны.

Она задумалась. Наступило молчание, которого Престо не нарушал. Он ждал ответа Гедды, как приговора. Наконец Люкс подняла голову и сказала:

— Мистер... Престо!.. — Это начало не понравилось Тонно. Раньше Гедда не называла его так официально, обращаясь к нему по-товарищески — Тонно. — Допустим, что все это так, как вы говорите. «Стена уродства» не стоит перед нами. Но...

— Какое же может быть но?.. — нетерпеливо спросил Престо.

— Я выслушала вас, выслушайте теперь вы меня. Вспомните и вы хорошенько наш разговор, когда вы еще были уродом, Тонно. Я вам говорила с том, что положение обязывает. Преклонение толпы много дает, но и много требует. Я возвеличена волею той толпы, которая посещает кино. И я не должна ссориться с толпой. Я говорила, что толпе было бы приятнее всего, если бы я осталась «вечной невестой». И тогда каждый клерк, каждый метельщик улиц, хранящий мой портрет, мысленно представлял бы себя моим «героем». Толпа еще простит мне, если я выйду замуж за подлинного героя.

— За бога или полубога?

— Да, за тех, кого превозносит сама толпа.

— Но разве Престо не бог? — гордо спросил Тонно.

— Вы больше не Престо. В этом-то и весь вопрос. Вы были бог-страшилище, но вы были неподражаемы в своем безобразии. Теперь вы красивы, как Аполлон, но таким вас не знает толпа. Вы превратились в безвестного красивого юношу. А безвестная красота — это еще хуже, чем прославленное безобразие Престо.

Я не хочу, не могу допустить, чтобы про меня сказали, что стареющая Люкс, — а я ведь старше вас на два года, вы это знаете, — что стареющая Люкс купила себе на свои миллионы молодого мужа, — бездарного, неизвестного, но смазливового юношу. Да едва ли и вы сами согласитесь быть «мужем знаменитости». Для мужчины с самолюбием это непривлекательная роль. А вы избалованы славой и успехом.

— Кто вам сказал, что я никому не известен? Разве я не Тонно Престо? Престо надел на себя новую маску. Но разве он перестал быть Тонно? Разве мой талант, мой гений не остался тем же? Раньше я смешил людей, теперь буду потрясать их сердца. Я был комик, паяц, теперь буду трагик. О, как я буду играть! Поверьте мне, зрители будут потрясены до глубины души, когда увидят на экране Престо-трагика. Толпа захлебнется в слезах. И я стану еще выше. Если я был полубогом, то стану богом!..

— «Буду, будет, стану»... Это все только мечты. Путь до экрана очень тернист, труден, чаще всего непроходим для тех, кто мечтает о славе...

— Зачем вы говорите мне все это? Разве я не знаю, что стать знаменитостью нелегко. Но ведь я... допустим даже, что я — никому не известный юноша. Но у меня есть хорошее «наследство», оставленное мне Тонно Престо: общепризнанный талант, великолепное знание артистической техники, наконец, связи...

— Но у вас нет главного: невероятно смешного, туфлеобразного носа Тонно Престо. И толпа не признает вас.

— Я заставляю ее признать. Смотрите же, это последняя оговорка. И если я приду к вам, увенчанный славой и преклонением толпы?..

— Я буду ваша.

VIII

Пробраться к мистеру Питчу обновленному Тонно Престо оказалось еще труднее, чем к Гедде Люкс. Драгоценнейшее время мистера Питча охраняло несколько церберов, немых и глухих ко всяким доводам, мольбам и убеждениям. Отчаявшись в словесном оружии, Престо решил прорвать блокаду силой. Он оттолкнул лакея и быстро пошел вперед. К счастью, Тонно хорошо знал расположение комнат и потому без особого труда добежал до кабинета мистера Питча и успел скрыться за дверь.

Престо увидел знакомый ему кабинет, уставленный глубокими кожаными креслами, устланный ковром и ук-

рашенный по стенам фотоснимками и портретами кино-артистов. На видном месте, в центре стены, красовался его собственный портрет. Тонио Престо был снят в натуральную величину и изображал Отелло с платком Дездемоны в руках. Сколько раз Престо бывал в этом кабинете! Питч всегда был неизменно любезен с ним, предлагал хорошую сигару, усаживал в кресло, ухаживал за ним, как за дорогим гостем.

Мистер Питч сидел на своем обычном месте, у открытого американского бюро, положив протянутые ноги на шкафчик для деловых бумаг, и разговаривал с юрисконсультантом мистером Олкоттом.

— В контракте обусловлена неустойка в пятьсот тысяч долларов, — говорил мистер Питч, не обращая внимания на Престо. — Если мистер Тонио Престо сбежал неведомо куда, не закончив съемку начатого фильма «Любовь и смерть», то он, Престо, обязан уплатить неустойку и убытки. Коммерческая часть даст вам справку, во сколько обошлась нам постановка незаконченного фильма по день исчезновения Престо. Подготовьте иск!

— Но к кому мы будем предъявлять его? — спросил юрисконсультант. — Не лучше ли подождать возвращения Престо? Быть может, его и в живых нет. Ходят разные слухи.

— Тем более. Мы назначим опеку для ответа на суде и наложим арест на его имущество. Неужели вы не понимаете моей цели?

Разговор этот был прерван появлением лакея, который, потоптавшись за дверью, решил нарушить строгий регламент и войти в кабинет без доклада, чтобы оправдать себя за свое невольное упущение.

— Простите, мистер, — сказал лакей, — вот этот мистер, — и лакей глазами указал на Престо, — самовольно вошел в ваш кабинет, несмотря на все мои...

Мистер Питч посмотрел на Престо. У мистера Питча были свои правила. Он строжайше наказывал своим слугам не пропускать к нему «шляющихся молодых людей», но уж если кто-либо из этих людей так или иначе пробирался в его кабинет, мистер Питч был с ним очень любезен и не подавал вида, что это вторжение неприятно ему.

Мистер Питч кивнул головой, приказывая лакею вый-

ти, и очень любезно спросил мистера, пожаловавшего к нему, что мистеру угодно.

— Я могу сообщить вам кое-какие сведения об Антонио Престо, — сказал Тонио.

— Ах, вот как! Это интересно! Говорите скорее — он жив?

— И да, и нет. Вот такого Тонио Престо, — и Тонио показал на свой портрет в золотой раме, — такого Престо нет. Тонио Престо жив, и он стоит перед вами в своем новом облике. Я — Тонио Престо!

Питч вопросительно посмотрел на Олкотта.

— Вы не верите мне — это вполне понятно! Родная мать не узнала бы меня, но я сейчас докажу вам, что я — Тонио Престо.

— Пожалуйста, не трудитесь доказывать; я вполне верю вам, — поспешно ответил мистер Питч. — Что же вам угодно, ээ... мистер Престо?

— Я слышал отрывок разговора о том, что вы хотите предъявить ко мне иск за то, что я уехал, не закончив сниматься в фильме «Любовь и смерть». Можете не предъявлять иска. Я уплачу вам неустойку. Но этот фильм должен быть заснят вновь. И я опять буду играть в нем роль мейстерзингера. Но только новый фильм будет уже не комедией, а трагедией.

— Да-с, трагедия... — неопределенно подтвердил Питч. — Вы хорошо осведомлены в наших делах. Но... Это не пройдет, молодой человек!

— Значит, вы не верите мне, что я Тонио Престо?

— Верю, верю, но... но вы Тонио Престо совсем из другого теста. Вы нам не нужны, кто бы вы ни были. Такими штампованными Аполлонами, как вы, хоть пруд пруди, а Тонио Престо был неподражаем, неповторим в своем уродстве. Это был уникум! И если вы действительно перевоплотившийся Тонио Престо, чему я... верю, то по какому праву вы могли делать это? Вы заключили с нами генеральный контракт на десять лет и ряд отдельных договоров на ваше участие в тех или иных фильмах. Ни один цивилизованный лист * не стоил столько ни одному государству, сколько стоили нам вы. За что мы платили вам эти сумасшедшие деньги? За ваш неподражаемый нос! Мы купили его у вас дороже, чем на вес золота. Где же она, эта драгоценность? Что вы сделали с ней? Бриллиант величиной в туплеобразный нос Тонио Престо — бесценная побрякушка

по сравнению с носом мистера Престо. Вы не имели ни морального, ни юридического права лишать нас вашего носа. Это был наш нос, а не ваш! Да, да! Нос Тонио Престо принадлежал всем, как чудный дар природы. Как смели вы лишить общество этого дара? Вы видите, я обращаюсь к вам, как к Тонио Престо. Что же вы скажете в свое оправдание?

— Я найду свое оправдание не в словах, а в делах. Дайте мне выступить перед объективом, и вы увидите, что новый Престо дороже старого!..

Питч подскочил на кресле.

— Вы не Престо! Теперь я вижу, что вы не Престо! Вы — молодой человек, мечтающий стать кинознаменитостью. Вы подслушали наш разговор с Престо и повели рискованную нгру. Тонио Престо не сказал бы того, что говорите вы. Тонио Престо знает, что талант — дело второстепенное. Главное — реклама. С талантом люди погибают под забором, в неизвестности, никем не оцененные и не признанные, а реклама может вознести бездарность на вершину славы. Престо был бесподобен, великолепен, очарователен. Но пусть черти сожгут меня, как старую киноплёнку, если таких же Тонио не найдется десятков в ярмарочных балаганах...

— Вы сами только что говорили о том, что Престо и его нос — уникам.

— Да, говорил и буду говорить! Потому что на рекламу этого носа мною затрачено больше миллиона долларов, прежде чем этот нос показался на экране. Слава всякого киноартиста прямо пропорциональна суммам, затраченным на рекламу. Это хорошо знал Тонио Престо, как бы он ни ценил себя. Не делайте трагических жестов! Допустим, что вы самый настоящий Тонио Престо, то есть, что вы были им. Допустим, что «душа», «талант» у вас остались престовские. Что я, аппаратом душу снимаю? Как бы вы ни были гениальны, будь вы трижды гений, — публика не знает вас, и в этом все ваше несчастье. А делать из вас нового Престо, Престо-трагика, — это слишком хлопотливо, накладно, скучно. Довольно! Я временно прекращаю производство кинозвезд и гениев. Слишком дорого! Вы не нужны нам, молодой человек! Кланяйтесь нашему старику Тонио Престо, если вы знаете и увидите его, и скажите, что мы с нетерпением ожидаем его и отечески облобызаем его святейшую туфельку!

— Я все же настанваю...

— И напрасно! Я допускаю, что вы — гений. Но публика поверит в вашу гениальность только тогда, когда я окружу вашу голову радугой банковских билетов. Желаю вам успеха на каком-нибудь другом поприще! Может быть, вам удастся поступить к адвокату или в банк и заделаться клерком. Это даст вам немного, — но кто же виноват? Вы сами изгнали себя из рая, если вы действительно были Тонио Престо. — Питч позвонил и приказал лакею проводить молодого человека.

Игра была проиграна.

— Кто этот молодой человек? — спросил юрисконсульт мистера Питча, когда дверь закрылась за Тонио. — Вы говорили с ним так, как будто вы наполовину верили, что он действительно был Тонио Престо.

— Не наполовину, а почти на все сто процентов. Дело в том, что Гедда Люкс звонила мне по телефону. Она уверяла меня, что видела фотографии и разные документы, бесспорно подтверждающие, что Тонно Престо изменил свой внешний вид при помощи какого-то лечения. И только когда Тонио заговорил об испытании его как киноартиста я, признаюсь, немного усомнился в том, что он бывший Престо. Осел! Он сам загубил себя. Он конченный человек. Он слишком избалован деньгами и успехом, чтобы перейти на более скромное амплуа в жизни. Привыкнув широко жить, он быстро пустит в трубу свое состояние, движимое и недвижимое. Вот почему я и спешу предъявить иск и в обеспечение его наложить арест и запрещение на имущество.

— О, вы дальновидны, как всегда! — польстил Олкотт своему патрону.

Мистер Питч закурил новую сигару, пустил струйку дыма вверх и, когда она растаяла, сказал глубоко-мысленно:

— Слава — дым. Когда оканчиваются деньги на сигары, исчезает и дым славы.

Олкотт почтительно выслушал этот неудачный афоризм, как перл мудрости.

Тонно был огорчен неудачей, жажда томил его. Выйдя от Питча, он почувствовал слабость в ногах. А ему еще предстоял длинный и томительный обратный путь в город. Тонно шел по прекрасно шоассированной

широкой дороге киногородка мимо надземных надстроек, где помещались лаборатории, мастерские и квартиры для служащих.

На правой стороне дороги, возле громоздкого здания — склада декораций — находился небольшой ресторан, который охотно посещался в дни съемок статистами, проводившими здесь томительные часы ожидания. Тонио машинально опустил руку в карман, в надежде найти мелочь. Но, кроме измятого носового платка, в кармане ничего не было. Престо вздохнул и хотел пройти мимо ресторана, однако соблазн был так велик, что Престо в раздумье замедлил шаги и, наконец, вошел в ресторан.

За мраморным столиком сидели двое начинающих киноартистов, блондин и брюнет. Брюнет недавно выдвинулся из статистов в буквальном и переносном смысле: он еще играл в толпе, но режиссер выдвигал его вперед, так что зрители могли выделить его из массы статистов. Еще немного, и ему дадут маленькую эпизодическую роль. Тогда он будет настоящим киноартистом. А режиссером, выдвинувшим молодого человека, был сам Тонио. Этот молодой человек, — как его фамилия? Смит! Один из миллионов Смитов... ради Престо бросился бы в огонь и в воду... Но, увы! Тонио не был похож на самого себя. И Смит, конечно, не поверит Тонио... Молодые люди пили оранжад. Невыносимо! Престо, как бы невзначай, остановился у столка двух молодых людей.

— Кажется, мистер Смит? — спросил Престо брюнета, приподнимая шляпу. — Не узнаете? Я Джонсон. Снимался в толпе в фильме «Любовь и смерть».

Смит сухо отклонялся. Он не может знать фамилии всех тех, кто составляет безликую толпу!

— А я привез вам привет от Тонио Престо; вчера я видел его! — продолжал Тонио. Это известие произвело необычайное впечатление. Молодые люди оживились. Смит любезно поставил стул и позвал лакея.

— Неужели? Где вам удалось видеть его? Что вы хотите? Коктейль

— Оранжад, два, три оранжада!.. Ужасно жарко, — сказал Престо. — Да, я видел его вчера.

— И он действительно помнит обо мне? — интересовался Смит.

— Как же, он сказал, что из вас выйдет толк. А ес-

ли Престо сказал! Уф!.. Прекрасный напиток! Еще? Не откажусь, благодарю вас!

— Но где он? Что с ним?

— Лечится. Я навещал свою сестру и случайно увидел его в лечебнице доктора Сорокина.

— Престо болен? Надеюсь, ничего серьезного? Я читал, что он уехал лечиться. Но чем он болен?

— Престо решил поменять ампула. Из комика перейти в трагика. Сделаться настоящим трагиком. И для этого он решил поменять внешность. Сорокин делает чудеса. Из Престо он сделал молодого человека... как две капли воды похожего на меня!

Смит даже рот раскрыл от изумления.

— Сумасшедший! — наконец убежденно проговорил он, покачивая головой.

— Безумец! — подтвердил его товарищ.

— Но почему же? — спросил Престо.

— Потому, что ему теперь цена такая же, как... нам с вами!

Престо, утолив жажду, отправился пешком в город, мимо своей виллы и белой виллы Гедды Люкс.

«Однако как быстро и низко я падаю! — думал он, шагая по пыльному шоссе. — Я начинаю жить за счет былой славы, побираюсь в трактирах, как последний бродяга, вызывая расположение к себе тем, что я знаком с самим собой!.. Нет, так дальше не может продолжаться... Но что же делать?.. Как хочется есть!.. Человек, потерявший лицо!..»

У предместья Сан-Франциско Престо привел в порядок, насколько мог, свой запыленный костюм, чтобы не привлекать к себе подозрительного внимания отельной прислуги. Он незаметно проскользнул к себе в номер, вымылся и переоделся. Он заказал обед, как в былые времена, обильный, изысканный, дорогой. Плотно пообедав, он улегся спать, попросив не беспокоить его, и проснулся только в одиннадцать часов вечера.

В его голове, где-то в недрах подсознательного, уже был разработан план дальнейших действий, и теперь этот разработанный план в готовом виде предстал перед судом его сознания. Сознание утвердило и одобрило работу подсознательного «я».

— Другого пути нет! — сказал Престо. Он оделся и, передав ключ от номера коридорному, вышел из отеля.

Огни города остались позади. Престо предстояло в третий раз измерить расстояние от Сан-Франциско до киногородка, вблизи которого находилась его вилла. Но теперь идти было легче. Вечерняя прохлада бодрила. С полей доносился аромат душистых горьких трав. Автомобили встречались реже и как будто меньше пылили. Престо бодро шагал вперед. Время от времени ему встречались прохожие — плохо одетые люди, бродячая, бездомная Америка. «Неужели скоро и я стану одним из них?» — подумал Престо.

В стороне от шоссе, на пригорке, в тени эвкалиптов стояла красивая вилла. Сколько раз вот на этом самом повороте автомобиль круто сворачивал вправо и через несколько минут Престо подкатывал к подъезду! За сотню метров шофер криком сирены предупреждал о приезде, и хозяин Престо неизменно встречал у широко открытой двери его верный слуга, старый Себастьян. И вот теперь... Престо вздохнул и направился к дому, медленно поднимаясь в гору.

Было около одиннадцати часов вечера. В боковом окне светился огонек. Себастьян еще не спал. Еще рано!.. Тонно осторожно прошел возле решетки сада до группы маленьких сосен и улегся на теплый песок. Звезды ярко светили над его головой. Пахло сосной. Время от времени на шоссе виднелись огни автомобилей и звучали гудки.

Двенадцать.

Огонек в крайнем окне все еще светился. Неужели Себастьян сторожил ночи напролет? С него хватит!

Все реже пролетали, как светящиеся жуки, освещенные фонарями автомобили. Престо не терпелось. Он поднялся и начал медленно и осторожно перелезть через высокую железную ограду. Он знал, что ворота запираются на ночь. Хорошо, что во дворе нет собак. Престо не любил их потому, что собакам не по вкусу были его суетливые движения и они всегда лаяли на него. Несмотря на все уговоры Себастьяна, Престо запретил держать дворовых собак. Теперь он был очень рад тому: он мог безопасно подойти к дому. Престо прилегло к окну, в котором еще светился огонек. Тонно осторожно подкрался к нему. Штора была опущен-

на. Спит или не спит Себастьян? Быть может, светящееся окно — только его военная хитрость, которая должна была отпугивать от дома злоумышленников? Тонно подождал еще полчаса.

Наконец в час ночи он решил, что пора действовать.

Престо прошел к противоположному углу дома и приткнулся к окну. Рама была закрыта. Надо выдавить стекло. Но как это сделать бесшумно? Престо пробовал осторожно нажимать на стекло, чтобы оно треснуло. Но оно не поддавалось. Разбить? Это может привлечь внимание старика, если он не спит. Престо нажал стекло легонько плечом. И вдруг стекло с треском разбилось.

«Кончено!» — подумал Престо и побежал от дома. Он перелез через ограду, лег на землю и начал смотреть, выжидая, что Себастьян выбежит из дома или откроет окно. Но дом по-прежнему был молчалив. Прошло несколько минут. Никаких признаков жизни. Престо вздохнул с облегчением. Себастьян сладко спит! Окно разбито — главное сделано!

Престо вновь перелез через ограду и подошел к разбитому стеклу. Он осторожно начал вынимать осколки. Когда осталось вынуть всего несколько кусков, Престо поторопился и порезал себе указательный палец на правой руке. Замотав его носовым платком, Престо влез в окно и уверенно пошел по комнатам. Странное чувство овладело им. Он был у себя, в своем собственном доме, где каждая вещь была знакома ему, и тем не менее он должен был красться, как вор! Да, он был «вором», он пришел сюда за тем, чтобы украсть деньги из своего собственного несгораемого шкафа. 3-6-27-13-9 и под ними: 32-24-7-8-12. Так нужно повернуть номера на двух кольцах, чтобы ключом открыть замок. Сложная система. Великолепно! Хорошо, что новый Престо получил в наследство память старого Престо и эта память не изменила ему. Разве это не доказательство того, что он тот же Престо или по крайней мере законный наследник его капитала и всего имущества?

Престо начал набивать карманы банковскими билетами.

И вдруг ему показалось, что в соседней комнате слышатся крадущиеся шаги... Престо окаменел и за-

таил дыхание... Нет, все тихо... Померещилось. Престо вновь принялся за свою работу.

Неожиданно вспыхнувший свет электрического фонаря ослепил Престо и парализовал его движения.

— Руки вверх!

В дверях стояли четыре полисмена с револьверами. Престо растерянно посмотрел на них. Он был безоружен. Кабинет имел только один выход. Выпрыгнуть в окно? Но Престо по своей неопытности не позаботился открыть его. А пока он будет открывать окно, полисмены успеют схватить его или убить... Сопротивление невозможно... Престо покорию поднял руки вверх. И в это время из другой комнаты, за спиной полисменов, послышался чей-то злорадный раскатистый старческий смех.

— Я говорил вам, — узнал Престо голос Себастьяна, — что этот молодчик пожалует сюда!

Через несколько минут Престо уже сидел со стальными наручниками в полицейском автомобиле.

В полиции с Престо сняли предварительный допрос и очень смеялись, когда узнали, что он называет себя Тонио Престо. Тонно был так возмущен грубостью обращения, что не стал доказывать своей правоты, но потребовал, чтобы завтра же утром ему устроили свидание с прокурором.

— Не спешите! Свидание с прокурором всегда предшествует свиданию с палачом. А за вами, вероятно, найдутся такие делишки, за которые вам придется пять минут посидеть на электрическом стуле, — сказал допрашивавший Престо сержант.

Наутро Престо предстал перед лицом не прокурора, а судьи, который оказался большим буквоедом. Несмотря на то, что Престо очень убедительно доказывал, что он есть Антонио Престо, только изменивший свой вид, что о краже поэтому не может быть и речи, судья стоял на своем.

— Допустим, что ваши фотографии настоящие, а не ловко подобранная коллекция похожих людей; допустим, что доктор Сорокин, если я удовлетворю вашу просьбу и вызову его в качестве свидетеля, подтвердит все сказанное вами; допустим, что знаменитый киноартист, который и мне самому доставлял немало веселых минут, и вы, совершенно непохожий на него молодой человек, — одно и то же лицо, хотя и лица у вас раз-

ные. Все это не изменяет положения. Еще древние римские юристы находили, что слово «кража» — «фуртум» происходит от слова «фурве» — «тьма», так как кража обыкновенно совершалась «клям обскуро эт плэрумквэ ноктэ». О! — Судья поднял палец вверх. — Это значит: тайно, во мраке и преимущественно ночью. Вы совершали тайно, во мраке, ночью.

— Но позвольте! — возражал Престо. — Насколько мне известно, при краже всегда предполагается похищение чужого имущества, а это имущество мое.

— Вы не доказали и этого. Вы должны законным путем восстановить вашу личность.

— Вернуть мой прежний вид?

— Это было бы лучше всего. По крайней мере судебным порядком, на основании всех имеющихся у вас данных доказать ваше тождество с исчезнувшим Тонио Престо.

— Но для этого я должен собрать документы, навести справки и прочее. Я прошу освободить меня до суда из-под ареста.

— Под залог. Пять тысяч долларов!

— Разве того, что отняли у меня в полиции, недостаточно? Там было около ста тысяч долларов.

— Это еще спорное имущество.

— Другого я не имею. Но послушайте, — взмолился Престо, — какое же вам еще нужно обеспечение? Разве я могу убежать от вас, если от разрешения этого дела зависит все мое благосостояние? Мое имущество превышает три сотни миллионов! Неужели же я уйду от них?

Судья задумался. Довод показался ему убедительным. Но в этот момент судье был подан срочный пакет от прокурора, который просил отложить разбор дела гражданина, именующего себя Тонио Престо, и не принимать никаких действий, так как в этом деле имеются некоторые обстоятельства, вызвавшие вмешательство его, прокурора.

Судья прочитал письмо и, махнув бумажкой, сказал:

— Не могу, ничего не могу сделать! Ваше дело будет слушаться с участием прокурора. А пока вы должны отправиться в тюрьму.

Никакие доводы больше не помогали. И из полицейского участка Престо был переведен в тюрьму.

Начался один из самых запутанных, курьезных процессов, которые когда-либо слушали в американских судах. Процесс этот оказался настоящей золотой жилой для газетных корреспондентов. Не только газеты, но и толстые журналы обсуждали казуистическое сплетение обстоятельств.

Имел ли человек право изменить свой внешний вид?

Будет ли кражей похищение собственного имущества?

Действительно ли Престо превратился в новую личность?

Нужно ли Престо-новому утверждаться в правах наследства к имуществу Престо-старого, или же Престо-новому достаточно показать идентичность свою с прежним Престо?

Имела ли бы право жена Престо, если бы он был женат, требовать развода на том основании, что ее муж изменился до неузнаваемости?

Не получают ли преступники «шапку-невидимку», скрывающую их от преследователей власти?

Как смотрит на такие превращения церковь с точки зрения норм религии и морали?

Не угрожают ли эти метаморфозы всем устоям нашего социального строя?

Каждый из этих вопросов открывал необозримые возможности блеснуть своим остроумием и показать свою эрудицию.

Прокуратурой были собраны новые данные не в пользу Престо.

Служащий отеля, в котором остановился Престо по возвращении из лечебницы доктора Сорокина, сообщил, что Престо сам по прибытии в отель признался в том, что он Престо, не настоящий Престо, а однофамилец киноартиста. Кроме того, из гражданского отделения суда была послана справка о том, что мистер Питч успел наложить арест на капиталы и запрещение на недвижимое имущество Престо в обеспечение иска по договору в день, предшествующий краже. Таким образом, Престо мог обвиняться в попытке скрыть имущество, служащее обеспечением иска. Престо мог утешаться только тем, что показания Сорокина и нескольких больных, лечившихся у него, были в его пользу. Престо — не обманщик, а действительно Тонни Престо, изменивший свой прежний вид. Однако это мало по-

могло ему. Прокурор, самолично побывавший в лечебнице Сорокина, был поражен всем виденным. Вопреки обычаю, он дал интервью газетным корреспондентам и высказал свой взгляд на вещи.

— Основой нашего государственного строя является право частной собственности. Но всякая собственность предполагает не только объект, но и субъект права собственности, проще говоря, — собственности без собственника не бывает. Будь это индивидуальная собственность или групповая, как акционерные общества, первичным носителем собственности всегда является физическая личность, человек, лицо. Что же будет с обществом, если обладатель собственности, станет менять свое физическое лицо, как перчатки?

К кому мы будем предъявлять иски? С кого получать взыскание, как станем бороться со злостными банкротствами? Главное же — как сможем мы вести борьбу с преступниками, которые начнут подделывать лица под лица миллионеров так, как они сейчас подделывают чужие подписи? Как отличим мы настоящего капиталиста от поддельного? Произойдет ужасный хаос. Деловая жизнь остановится. Страна погибнет в анархии. Нет, в нашей стране мы не можем допустить свободы изменения внешности человека. Это, быть может, не опасно было бы сделать там, где у человека нет стимула для корыстных преступлений, — в стране, где не будет капитализма. Но это утопия. Мы не собираемся хоронить капитализм и потому не можем допустить опасную игру метаморфоз.

В детском возрасте с лечебными целями применение методов Сорокина, пожалуй, еще можно допустить. Но для взрослых — ни в коем случае. И потому я вхожу в Конгресс с законодательным предложением: немедленно издать закон, воспрещающий взрослым людям изменять свой внешний вид какими бы то ни было способами, за исключением случаев неизбежного хирургического вмешательства для спасения жизни.

Что же касается мистера Престо, то, хотя обычно закон и не имеет обратной силы, я полагал бы распространить на Престо санкцию закона, который имеет быть издан, и лишить мистера Престо всех имущественных прав. Это послужит предупреждением для других. Я уже не говорю о вредном, разлагающем влиянии на умы такого рода превращений. Опасные теоретики,

сторонники дарвинского учения, не преминут воспользоваться этими превращениями для доказательства теории изменчивости видов. А эта теория прямым путем ведет к безбожию.

— Будете ли вы держать Престо в тюрьме, или же найдете возможным выпустить его?

— Поскольку выяснилось, что Престо есть Престо, то субъективно его вина уменьшилась. Он мог искренне заблуждаться относительно своих прав на похищение имущества у самого себя. Это, конечно, не уменьшает, с моей точки зрения, тяжести его преступления, но все же дает мне возможность выпустить его под расписку на свободу, пока Конгресс не рассмотрит моего предложения и не проведет новый закон. В зависимости от того, как будет формулирован этот закон, Престо будет оправдан или обвинен в краже.

Прокурор готовился стать дипломатом и потому говорил так туманно.

Престо был выпущен на свободу без денег, без имени и без надежд.

Х

Тонио Престо вернулся в отель. К нему в номер явился метрдотель и вежливо напомнил о том, что номер все время числился за ним, Престо, так как в номере находились его вещи (чемодан), и что необходимо заплатить по счету.

— Хорошо, завтра утром я вам уплачу, — ответил Тонио, расхаживая по номеру.

Метрдотель поклонился, не очень доверчиво взглянул на Престо и ушел.

— Однако где же я достану денег? — спросил Тонио валявшийся на полу чемодан.

Но чемодан безмолвствовал. Тонио подошел к чемодану, открыл его и начал вытряхивать костюмы, в надежде найти в кармане завалившиеся случайно деньги. Денег не оказалось. Но из одного кармана выпала чековая книжка. Как Тонио мог забыть о ней? В банке Тонио хранил свои миллионы. Стоит только написать чек!..

Тонио быстро подошел к столу, взял перо в руки и приготовился надписать чек, но вдруг его охватило ко-

лебание. Тонио отложил чековую книжку в сторону и, взяв газету, начал писать на ней свою фамилию. Его опасение оправдалось. Почерк Тонио изменился! С такой подписью ему не выдадут денег и еще, пожалуй, арестуют за подделку подписи и попытку получить «не принадлежащие» ему деньги. Да, впрочем, эти деньги и с настоящей подписью не выдали бы ему. Ведь на них наложен арест... Тонио вздохнул и бросил перо. А деньги ему необходимы. Если дать телеграмму Гофману и просить его прислать деньги телеграфом?.. Но при получении их опять: могут встретиться затруднения. Впрочем, Гофман может выслать деньги на имя владельца отеля.

Престо думал и рассеянно просматривал газету, на которой пробовал расписываться. Одна заметка привлекла его внимание. В отделе театра и кино сообщалась самая последняя новость: мисс Гедда Люкс выходит замуж за мистера Лоренцо Марра. Лоренцо, кинематографический артист, игравший не раз в одном фильме с Престо. Престо — несчастный, Лоренцо — счастливый любовник. Так было на экране, так случилось и в жизни. Вот он, тот полубог, которому Люкс отдала свою руку и сердце!.. Но разве он более красив, чем перевоплощенный Престо? Тонио посмотрел в зеркало. Да, он, Престо, красив. Не менее красив, чем Лоренцо. Но у Лоренцо есть имя, а Престо потерял свою славу вместе со своим лицом.

Престо должен повидаться с нею. Проклятие! У него не осталось даже приличного костюма! Выходной истрепался в тюрьме. Престо вновь взял перо и быстро написал телеграмму Гофману: «Пришли десять тысяч долларов на имя мистера Грин, отель «Империяль», Сан-Франциско, Престо».

Затем Тонио попросил к телефону владельца и сказал ему:

— Вы знаете, мистер, что я вполне платежеспособен, только случайно попал в затруднительное материальное положение. Меня может выручить мой друг Гофман. Он пришлет десять тысяч долларов на ваше имя. Прошу из этих денег взять, что вам следует по моему счету, а остальные деньги вы передадите мне.

Владелец ресторана охотно пошел на эту сделку, и скоро в кармане Престо лежали деньги, за вычетом долга более четырех тысяч долларов. Гофман вместо десяти

ти прислал только пять. В отеле Тонни опять был открыт кредит, и лица лакеев вновь сделались почтительными. Престо купил себе новый костюм и, наняв автомобиль, отправился к Гедде Люкс.

— Мисс Люкс, — сказал Престо, увидев Гедду. — Я пришел поздравить вас. Вы нашли своего бога?

— Да, нашла, — ответила она.

— Еще раз поздравляю вас и желаю всяческих радостей... Я примирился со своей участью человека, потерявшего лицо. Вы верите мне, — верите, что я действительно Антонио Престо, ваш старый товарищ и друг? — Люкс кивнула головою. — Так вот... к вам у меня есть одна большая просьба. Я хотел бы устроить... прощальный ужин и пригласить на него моих бывших друзей. Их это ни к чему не обяжет. Просто мне хотелось бы еще раз, в последний раз, побывать в их милой компании, а потом... потом Престо займет подобающее ему скромное место в жизни.

Она охотно приняла приглашение.

— Но этого мало, — продолжал Престо. — Я прошу вас обеспечить успех моему прощальному ужину. Вот список приглашенных. В нем вы найдете фамилии мистера Питча и счастливица Лоренцо Марра и Драйтон, Гренли и Пайн, декоратора Вудинга, осветителя Мориса и кое-кого из второстепенных киноартистов. Мне хотелось бы, чтобы вы взялись за это дело. Когда вы получите принципиальное согласие приглашенных, я разошлю им пригласительные карточки. Итак, в понедельник, в восемь часов вечера в круглом зале отеля «Империаль»!

Вечер удался на славу. Все приглашенные явились полностью. Престо мог убедить самых недоверчивых людей, что он, хоть и в новой оболочке, но все тот же старый Престо, не только изумительный актер, но и прекрасный режиссер. «Новую» актерскую игру Престо гости оценили, впрочем, только впоследствии. Зато режиссерские способности были в полной мере оценены во время самого ужина, который был обставлен чрезвычайно декоративно. Зал освещался нежным розоватым светом, а через открытую на веранду широкую дверь падал настоящий лунный свет, создавая красивый световой контраст. Все было заранее рассчитано. Невидимый оркестр играл прекрасные мелодии. На ужин было приглашено и несколько представителей печати,

для которых нашлось немало материала и работы.

На почетном месте были усажены Гедда Люкс, ее жених по левую сторону и мистер Питч по правую. Мистер Питч был в духе. Ему нравилась затея Престо. Попивая тонкое вино, мистер Питч наклонился к Гедде Люкс и с улыбкой говорил:

— Кто бы он ни был, этот новый Престо, он неплохо начинает свою новую жизнь. Пожалуй, из него выйдет толк! И притом... — Питч отхлебнул из бокала, — его сказочное превращение и его фантазмагорический судебный процесс послужили для него отличной рекламой. Такую рекламу не сделаешь и за полмиллиона долларов! Да, он-таки сделал себя! И если он действительно обладает талантом старого Престо, то с ним, пожалуй, стоит повозиться, чтобы сделать из него достойного заместителя самого себя!

Люкс слушала, с интересом поглядывая на Престо, а ее жених прислушивался к словам Питча со скрытым беспокойством. Престо мог оказаться опасным конкурентом, и не только на экране, но и в жизни. Лоренцо казалось, что Люкс смотрит на Престо не только с любопытством, но и с нежностью.

Престо поднял бокал вина, желтого и прозрачного, как янтарь, и сказал маленький спич:

— Леди и джентльмены! Известно ли вам, что в Китае существует такое выражение: «Человек, потерявший лицо»? Так говорят про какого-нибудь человека, совершившего неблагоприятный поступок и потерявшего из-за этого всю свою репутацию. «Человек, потерявший лицо» — это гражданская смерть. Правда, — в Китае... Но ведь Китай — азиатская страна... У нас, в культурнейшей стране мира, совершенно иное. У нас наше лицо крепко спаяно с нашим кошельком. И, пока кошелек толст, нам не грозит потеря лица в китайском смысле слова, какими бы проделками мы ни занимались. Я надеюсь скоро показать вам это! Но горе тем, кто, как я, осмеливаются изменить свое физическое лицо. Тогда их лишают всего: денег, имени, дружбы, работы, любви. Да и может ли быть иначе в стране, где царит доллар?

Да не подумают мои почтенные гости, что я критику прекрасные законы нашей великолепной страны. О нет! Я вполне признаю разумность этих законов и обычаев. Я подчиняюсь им! Я преклоняюсь перед ни-

ми! Я сделал ошибку, роковую ошибку, переменив свое лицо, и теперь приношу публичное покаяние. Я едва ли смогу даже с помощью доктора Сорокина вернуть себе мой прежний вид. Но я торжественно обещаю не менять больше своего лица и прошу общество простить мне мою ошибку, сделанную по неопытности, и принять меня в свое лоно, как отец принял блудного сына!

Речь эта, несколько странно звучащая в середине, под конец понравилась всем. Все аплодировали. Корреспонденты быстро строчили.

Престо выпил бокал, поклонился и вышел на веранду.

— Нет, прямо молодец! — говорил восхищенный Питч. — Такой способности к саморекламириванию я не знавал даже у старого Престо. Решительно из него сто́ит сделать человека с именем! Да где же он? Я хочу с ним чокнуться!

— Я тоже! — неожиданно подхватила Гедда Люкс и поднялась вместе с Питчем. Они прошли на веранду. Там Престо не было.

— Престо! Тонио Престо! Да где же вы? — кричал мистер Питч, расплескивая вино в бокале. — Тонио! Мальчик мой!

— Тонио! — мелодично звала и Люкс.

Но Престо не было. Он как сквозь землю провалился. Обошли весь сад, принадлежащий отелю, на этот вечер предоставленный в полное исключительное распоряжение пирующих. Тонио не было. Вернулись в зал. Наконец гости, потерявшие терпение, начали незаметно расходиться один за другим, обсуждая странное поведение хозяина.

— Может быть, это тоже для рекламы, — сказал Питч, возвращавшийся домой в своем автомобиле вместе с Люкс. — Но он перестарался, этот проказник Тонио! Все надо делать в меру. — И, не смущаясь присутствием Люкс, Питч сладко зевнул.

Тонио исчез. Мистер Питч и Люкс ждали его появления, но в конце концов должны были примириться с мыслью о том, что Тонио Престо пропал бесследно. Газеты и общество также мало-помалу забыли о Тонио. Притом новые события привлекли общественное внимание — события, вызвавшие у полиции Сан-Франциско удивление и даже возмущение. Дело в том, что неизвестные бандиты совершили несколько дерзких ограблений.

Одною из жертв бандитов был банкир Курц. Среди похищенных ценностей бандиты унесли несколько пачек писем, которыми банкир, видимо, дорожил. В этих пачках были собраны банкиром документы, компрометирующие крупных политических деятелей. Если банкиру нужно было устроить какое-нибудь выгодное дельце, он очень осторожно намекал влиятельному лицу, что у него, Курца, находится такое-то письмо, подписанное влиятельным человеком и адресованное такому-то (или такой-то), и влиятельный человек быстро устраивал Курцу выгодное дельце, получая взамен этого письмо, подлежащее немедленному уничтожению.

Курц долго и любовно собирал свою коллекцию, не жалел средств и трудов. Некоторые письма были куплены им, большинство, по поручению Курца, выкрадены у разных лиц специалистами своего дела. Лишение этой «валюты» огорчило Курца гораздо больше, чем потеря сотни тысяч долларов. Курц пригласил начальника полиции и обещал огромную сумму за розыск и возвращение похищенных документов.

— Что же касается денег, которые бандиты захватили у меня в сейфе, то вы можете себя и не затруднять розыском их, — и Курц сделал многозначительный жест.

Начальник полиции понял: Курц разрешал полиции оставить у себя деньги, отобранные у бандитов. Банкир и начальник полиции любезно раскланялись, начальник заверил Курца, что не пройдет нескольких дней, как пачки с письмами будут лежать вот на этом бюро.

Начальник полиции подкатил к полицейскому управлению на своем огромном, длинном, как подвод-

ная лодка, автомобиле, и весело посвистывая, вбежал в кабинет. На звонок начальника явились его помощники. Начальник рассказал им о своем свидании с Курцем и наметил план действий.

Узнать, кто похитил у Курца деньги и документы, для полиции не представляло особенного труда. Весь преступный мир был у сан-францисской полиции на строгом учете. Этого требовали те деловые отношения неофициального порядка, которые давно установились между уголовным миром и полицией. Воры и бандиты были великолепно организованы. Весь город был поделен между отдельными бандами на участки. Во главе каждой банды стоял «староста», на обязанности которого лежало распределять «работу», делить добычу и иметь сношения с полицией. Бандитская бухгалтерия была поставлена образцово. Все поступления заприходовались в книгах, которые время от времени проверялись полицией. Со всех доходов полиция получала довольно высокий процент.

Начальник позвонил по телефону и кого-то вызвал. Через пятнадцать минут к подъезду здания полиции подкатил автомобиль и из него вышел джентльмен в изящном костюме. Это был староста бандитов ближайшего района. Приехавший джентльмен, прозванный «лордом Радклифом», за то, что ему шесть раз удалось жениться на титулованных старых девах, настоящих леди, которых он обирал, с достоинством вошел в кабинет.

— Дом банкира Курца в районе Короля? — спросил начальник у лорда Радклифа, небрежно кивая ему головой. — Ты видался с ним? Курцу необходимо вернуть деньги и документы. Приказ министра юстиции! — дипломатично солгал начальник, не желая говорить о своей материальной заинтересованности.

— Дом банкира Курца находится в районе Короля, сэр, Король со своей шайкой не совершал налета на дом банкира Курца, сэр. Король возмущен дерзким нарушением его территориальных прав.

— Вызвать немедленно Короля! — распорядился начальник полиции.

Через пятнадцать минут прогудел у подъезда красный автомобиль Короля. Король с треском открыл дверь и вошел в кабинет.

— Звал? Что тебе надо?

— Кто совершил кражу у Курца?

— Сэр!

— Кто совершил кражу у Курца? Я тебя спрашиваю.

— Сэр!

— Кто совершил кражу у Курца, сэр! Провались ты сквозь землю!-

— Провались ты сквозь землю вслед за мною, и там я о том же спрошу тебя самого.

— А может быть, вы, сэр?

Бледное лицо Короля налилось кровью. Он сжал кулак и двинулся на начальника.

— Договаривайте! — зловеще прошипел Король.

— Может быть, кто-нибудь из ваших?

— За каждого из своих я отвечаю, как за самого себя. У нас было собрание старшин, и мы выяснили это дело. Никто из наших не причастен к ограблению банкира Курца. Не та работа, не те приемы. Видно, что это делал новичок, но новичок с головой.

— Один?

— В том-то и дело, что не один, а с целой шайкой.

Лица начальника полиции и его помощника выразили крайнее удивление и негодование.

— Шайка, неизвестная мне и вам? Шайка, которая не признает ни организации, ни начальства? Да это анархисты какие-то!

— Совершеннейшие бандиты и анархисты! — согласился Король. — Вторгнуться на мою территорию!..

— И остаться безнаказанными, — подзадорил начальник.

Лицо Короля из бледного снова стало красным.

— Ну нет! Еще никому не удалось безнаказанно посягнуть на мои священные права, — сказал Король. — Они не уйдут от карающей руки правосудия! — И он потряс своим огромным кулаком.

— Да, да! Они должны быть наказаны, но это надо сделать скорее. Если нужно, я могу дать в помощь несколько своих агентов.

Король презрительно фыркнул.

— Не беспокойтесь! Я дам знать, когда дело будет сделано, и тогда вы можете прислать их пожинать лавры. Прощайте! — Король повернул к выходу, и мимоходом кивнув головой, кратко и повелительно сказал:

— Лорд, фюиты!

Лорд Радклиф послушно, как собака, последовал за Королем.

И вот тут-то начальник полиции дал волю своему негодованию, — он сердился не на Короля и Лорда. О, нет, — эти были честные бандиты, — а на того неизвестного, который имел дерзость организовать собственную шайку и работать, не признавая ни бандитской, ни полицейской власти и не платя полиции никаких налогов. Это было похоже на революцию, на потрясение незыблемых устоев.

Неизвестный должен был отличаться не только дерзостным непризнанием авторитета власти, но и большой личной храбростью. Бандиты были беспощадны, как самые заправские американские судьи, ко всем, кто нарушал их конституцию, их неписанные законы, устанавливающие порядок ограбления граждан. Ослушнику грозила смерть за каждым углом. Тысячи глаз должны были наблюдать за ним. Он был обречен.

И тем не менее проходил день за днем, а карающий меч Короля не опускался на голову преступника. Больше того, неизвестный бандит проявил себя необычайным образом. Он, видимо, прекрасно разобрался в ценности захваченных им в сейфе Курца писем. Бандит рассортировал их на две пачки: в одну положил письма и документы, изобличающие в различных преступлениях и неблагоприятных проделках крупных чиновников, сановников и политических деятелей, принадлежащих к демократической партии, а в другую — документы, компрометирующие сановников и лидеров республиканской партии. Букет демократических «добродетелей» он отправил в республиканскую газету, а республиканских — в демократическую. Правда, этим поступком он наживал врагов в обеих партиях, но бандит, видимо, не очень-то заботился о приобретении друзей где бы то ни было. Газеты очень обрадовались возможности свести счеты со своими партийными противниками. Поднялась неслыханная газетная полемика. Вслед за этим началась настоящая эпидемия судебных процессов, рожденных газетными статьями: за диффамацию*, за клевету, за взяточничество, разглашение служебных тайн, подлог и тому подобное. Произошло настоящее извержение грязевого вулкана, в котором, казалось, утонули все столпы общества, весь цвет денежной и служилой аристократии.

В конце концов обе стороны ужаснулись, когда увидели, что зашли слишком далеко. Незвестный спровоцировал их и сыграл с ними злую шутку, заставив их срывать маски друг с друга и обнажаться во всей своей неприглядности.

Куриц негодовал, видя, как вся «атомная энергия» украденной у него пачки писем взорвалась впустую, не принося никому материальной выгоды.

Этот поступок неизвестного еще более беспокоил начальника полиции. Из уголовной фигуры неизвестный превращался в какого-то идейного врага общества. Ведь он мог нажать на письмах целое состояние, шантажируя их авторов, но он не стал делать этого. Его неуловимость беспокоила еще более. Лорд Радклиф разводил руками, Король рвал и метал от негодования, а неизвестный продолжал существовать, и, что было совершенно непонятно, даже на следы его шайки не удалось напасть. Незвестный бандит не прекращал своей деятельности. Вскоре он со своей шайкой произвел налет на квартиру прокурора, перевернул все вверх дном, сжег в камине уголовные дела и совершил неслыханное по своей странности насилие над прокурором: прокурор был связан по рукам и ногам сообщниками неизвестного, сам неизвестный кончиком ножа раскрыл стиснутые зубы прокурора и влил в рот несколько капель какой-то жидкости, причем не отпускал прокурора до тех пор, пока тот не проглотил жидкость.

Прокурор не сомневался в том, что неизвестный преступник отравил его, и ждал своей кончины. Однако минута проходила за минутой, а отравленный прокурор не чувствовал ни тошноты, ни начинающихся судорог, ни позывов ко сну.

Словом, физически он чувствовал себя вполне здоровым и даже с некоторым любопытством наблюдал за работой бандитов. От внимания прокурора не ускользнуло то обстоятельство, что сам главарь шайки, полный человек среднего роста, не принимал участия в грабеже ценностей, находившихся в квартире. Однако он и не препятствовал делать это своим сообщникам. Отсюда прокурор вывел заключение, что главарь шайки — не простой бандит, грабящий с целью наживы, а бандит с какой-то идейной подкладкой. Судя по тому, что бандит уничтожил уголовные дела, можно было предположить, что сам он уже судился и, быть может,

теперь мстит прокурору за прошлое обвинение. Хотя прокурор, имевший очень хорошую зрительную память, не мог вспомнить, чтобы ему приходилось судить или даже когда-нибудь встречаться с главарем шайки. Только одного из соучастников — очень маленького шустрого человечка, обвинявшегося когда-то в контрабандной продаже спиртных напитков, — прокурор узнал. К крайнему удивлению самого прокурора и полиции, прокурор остался не только жив, но и невредим. Врач, прибывший вскоре после ухода бандитов, сделал прокурору промывание желудка и тщательно исследовал его содержимое. Никаких следов отравы в прокурорском желудке найдено не было. Несколько капель неизвестной жидкости, влитой в рот и проглоченной прокурором, всосались желудком без следа и без видимых последствий для организма. Цель этой непонятной операции осталась совершенно невыясненной.

Как бы то ни было, в руках Короля и полиции теперь были некоторые нити для того, чтобы выследить шайку неизвестного. Маленький спиртной контрабандист был известен в уголовном мире. Его удалось разыскать и привести перед грозные очи Короля. Король учинил спиртоносу допрос с таким пристрастием, что спиртонос выболтал вдвое больше того, что знал. А между тем и одной правды было бы довольно, чтобы заставить Короля задуматься и даже удивиться, хотя Король любил повторять, что удивление — чувство дураков. Маленький спиртонос не знал своих сотоварищей по шайке и не знал, где кто живет. Его приглашал на «дело» «лысый барни», а где он живет, — спиртонос не знает. Во всем этом еще не было ничего удивительного, спиртонос говорил правду, похожую на ложь, или же правдоподобно лгал, — все это было в порядке вещей. Но когда он начал говорить о главаре шайки, то понес такую околесину, что Король схватил щупленького спиртоноса в свои лапши и, сильно встряхнув, прорычал:

— У тебя в голове мутится. Пусть муть отстоится, и потом начинай сначала. Я забыл, что тебя перед употреблением надо взбалтывать.

Но и это энергичное вмешательство не внесло ясности в мысли и слова спиртоноса. Он клялся, божился и ударял себя в грудь, уверял, что говорит истинную правду, что атаман шайки не иначе как колдун,

оборотень и черт его знает что. А если не колдун и не оборотень, то атаман шайки не один, а их несколько. Каждый раз новый и все же один и тот же.

— Переодевается? Гримируется? — спросил Король.

— Нет, совсем не то. Он уходит после дела и говорит: «Смотрите, ребята, я приду к вам другой, но это буду я. Вот вам пароль». И действительно в другой раз приходит как бы не он. То худой, то толстый, то высокий, то как будто ниже.

Король усмехнулся.

— Почему же ты думаешь, что один и тот же, если приходят совсем другие люди?

— А пароль?

— Пароль передать другому нет ничего легче.

— Не только пароль. Он знает все, что может знать один только атаман. Нет, это оборотень!

— Кто бы он ни был, мы поймаем его. Ты должен нам донести, как только тебя пригласит твой лысый барин на новое дело. И смотри у меня: если не донесешь, не ходить тебе больше ни на какое дело! Ты знаешь меня!

Спиртонос затрепетал. В его покорности не приходилось сомневаться.

Король сообщил начальнику полиции, что зверь выслежен и что скоро полиция сможет оповестить мир о своем новом триумфе.

Начальник полиции повеселел. Дело оборачивалось так, что поймать неизвестного нужно скорее. Взаимно оплеванные лидеры политических партий, придя в себя после скандальных разоблачений, обрушили весь свой гнев на неизвестного, выкравшего документы у Курца и пославшего их в газеты. И губернатор, и прокурор, и судья, пострадавшие от газетных разоблачений, и виновники, смещенные со своих постов после того, как некоторые их проделки были оглашены в печати, — словом, все потерпевшие (а их было немало) настоятельно требовали от полиции, чтобы дерзкий преступник был немедленно пойман и передан в руки правосудия.

Несколько дней спустя после того как Король сообщил начальнику полиции обнадеживающие вести, в кабинете начальника ровно в полночь затрещал звонок и чей-то тонкий голос сказал по телефону:

— Ограбление! Налет на дом. Спешите! Сообщил спиртонос... Передайте об этом Королю.

Полиция была наготове, и большой отряд, вооруженный до зубов, помчался на двух автомобилях к дому судьи. Второй и третий отряды, вызванные по телефону из соседних отделений полиции, также спешили к месту ограбления.

Дом судьи был ярко освещен огнями, как будто там происходил званый ужин. Начальник полиции расставил пикеты вокруг дома и отправился в дом во главе большого отряда по широкой мраморной лестнице. На ее ступенях он заметил валявшийся футляр от коле и еще несколько футляров, в которых обыкновенно помещаются драгоценные вещи: кольца, браслеты, броши. Очевидно, преступники уже бежали, выбрасывая на ходу футляры, чтобы плотнее набить карманы драгоценностями. Начальник поспешил наверх и, пройдя ряд комнат с перевернутой мебелью и открытыми ящиками бюро и шифоньеров, вошел в кабинет.

Судья, связанный по рукам и ногам, лежал на своем большом письменном столе, как покойник. Но он был живехонек. По крайней мере мертвые еще никогда не отпускали таких ругательств и проклятий, какими разразился судья, увидав начальника полиции.

— Можно подумать, что вы в стачке с этими бандитами; сначала даете им возможность ограбить и безнаказанно скрыться, а потом являетесь со своими молодцами!.. — закричал он.

Начальник полиции молча выслушал оскорбительное замечание и брань судьи и быстро снял веревки, связывавшие судью. И только после того, как гнев судьи несколько утих, начальник объяснил, что он явился немедленно, после того как получено было сообщение о налете.

При нападении на дом судьи повторилась картина налета на квартиру прокурора. Бандиты громили шкафы и столы, набивая карманы драгоценностями, но атаман не брал себе ничего. С помощью нескольких бандитов он связал судью, положил его на «операционный стол» и... влил в рот несколько капель неведомой жидкости.

Судья оказался более мнительным человеком, чем прокурор. Он очень боялся вредных последствий «эликсира сатаны».

— Если я, как и прокурор, до сих пор жив и как будто невредим, то это только доказывает, что ника-

кой ошибки атаман не допустил, потчуя нас своим зельем. Оно безвкусно, ни кисло, ни горько. Проглотив, я не почувствовал никаких неприятных ощущений, не чувствую и теперь, — говорил судья своим знакомым несколько дней спустя после налета. — Но это ничего не доказывает. Есть яды, убивающие чрезвычайно медленно. И кто знает, может быть, через месяц-два... — судья вздрогнул. — Этому надо положить конец! Преступник должен быть пойман и казнен во что бы то ни стало. И он будет пойман и будет казнен. Теперь у полиции собраны в руках все нити.

Полиция была на верном следу. Поймать шайку на месте преступления не удалось потому, что спиртонос, одинаково боявшийся и атамана шайки, и Короля, избрал средний путь: сообщил полиции о налете, но с таким расчетом, чтобы шайка успела скрыться, прежде чем явится полиция. И тем не менее начальник полиции считал, что атаман шайки находится в его руках. Во-первых, у начальника полиции теперь был портрет атамана шайки. Этим подарком начальник полиции был обязан предусмотрительности судьи. Судья рассудил так: если неизвестный преступник сделал нападение на прокурора, то это, вероятно, один из тех осужденных, которые пытаются мстить своим судьям. Одни из этих мстителей выбирают предметом своей мести прокурора, другие — судью, иные пытаются мстить всем судебским. И после нападения на прокурора судья имел основание ждать подобного же визита и к себе, и он принял свои меры. Правда, многие из этих мер не помогли: электрическая сигнализация по неизвестным причинам отказалась действовать в момент нападения, и только потом было обнаружено, что провода кем-то перерезаны. Автоматические револьверы выстрелили, но никому не причинили вреда, разбив только вазу и прострелив картину. Зато скрытый в стене фотографический аппарат с автоматической съемкой сделал свое дело. Приведенный в действие судьей, когда бандиты уже ложились в кабинет, аппарат заснял с десяток бандитов при свете тысячесвечевой лампы, и в том числе был заснят атаман, небольшой человек, худощавый брюнет, с очень бледным лицом, острым носом и ввалившимися глазами. Портрет этот был клиширован, отпечатан в тысячах экземпляров и разослан по всем полицейским участкам и управлениям. Все газеты также поместили

этот портрет. Едва ли в городе остался человек, которому бы не был теперь известен этот портрет. Теперь не только полиция и «верноподданные» Короля, но и все граждане зорко присматривались к каждому подозрительному лицу. Неизвестный бандит не мог ступить шагу без риска быть пойманным.

Но о самом главном полиция умалчивала, прибегая к главному эффекту для себя. После нападения на дом судьи начальник полиции не терял времени даром. Лучшие сыщики были брошены по горячим следам, и им удалось выследить, куда скрылся автомобиль атамана шайки. Следы автомобильных шин привели к небольшому, на вид жилому дому, стоявшему в четырех милях от города, на пути к Сакраменто. Так как на стук никто не отвечал, то сыщики выломали дверь дома и произвели обыск, но, к удивлению, никого не нашли. Между тем не было никакого сомнения, что преступник скрылся в этом доме. У самой двери стоял брошенный автомобиль — тот самый, который видел слуга судьи во время бандитского налета.

Старый сыщик задумался и сказал:

— Дом старинный, с очень запутанным расположением комнат. Очень вероятно, что здесь есть замаскированные комнаты, в которых и прячется преступник. Но черт возьми, даже я не в состоянии открыть этого потайного логова! В конце концов это не так уж и важно. Если только из дома не проведен подземный ход, чего я не допускаю, то преступник долго не усидит взаперти. В доме нет никаких запасов пищи. Преступник выйдет, и мы схватим его. Установим наблюдение за домом на приличном расстоянии.

Двери были закрыты, и сыщики «ушли».

Несмотря на то, что дом находился под неослабным их наблюдением, сыщикам не удалось в продолжение нескольких дней заметить ни одного человека, выходящего из дома. Нетерпение начальника полиции было так велико, что он готов был сжечь дом, чтобы только покончить с преступником, и, наверно, сделал бы это, если бы только не боялся уничтожить доказательства того, что ему удалось покончить именно с тем, с кем надо.

— Тогда разрушим дом, — подсказал помощник начальника, — или по крайней мере разберем все внутренние перегородки.

Начальник одобрил эту мысль, и на другой день с утра было решено приступить к работам.

В тот же день вечером один из дежуривших у дома рапортовал, что за время его дежурства ничего не случилось. Из дома никто не выходил. Вокруг дома ничего подозрительного замечено не было. Только в восемь часов вечера, при закате солнца, из-за дома вышел какой-то негр среднего роста и прошел мимо сыщика, направляясь к Сан-Франциско. Этот рапорт ничем не отличался от десятка других, и на него не обратили внимания. На другой день рабочие разобрали в необитаемом доме все внутренние перегородки, причем предположения старого сыщика оправдались: внутри дома оказалась небольшая, хорошо замаскированная комната, имеющая сообщение с другими комнатами через переборку в стене. В комнате был найден запас сухарей, воды и консервов. Но птичка улетела из клетки...

Спиртонос, получивший «хорошее внушение» от Короля за то, что не донес своевременно о покушении на дом судьи, сообщил Королю новые и довольно необычайные сведения. Атаман шайки вернулся, но теперь он — негр. И все же это он, прежний атаман шайки. Спиртонос случайно видел его проходящим по улице с лысым барином. А лысый барин, увидев спиртоноса, подозвал его, спиртоноса, к себе, и сказал:

— Сегодня ночью — дом губернатора.

Король протелефонировал начальнику полиции, который немедленно отправил в роскошный особняк губернатора сильный отряд полиции. Хорошо укрытые полицейские разместились во всех комнатах дома.

Точно в двенадцать часов ночи бандиты подъехали на двух больших автомобилях, поставили лесенку у одного окна, быстро выдавили стекло и ввалились в комнату. Полицейские проявили большую выдержку. Только убедившись, что последний из бандитов вошел в дом, полицейские, как свора спущенных собак, вдруг выскочили из своих укромных уголков и отрезали путь к отступлению. Произошла неопишуемая свалка. Трещали револьверные выстрелы, звенели разбитые стекла, грохотала мебель, которую обе стороны скоро пустили в ход, как орудие защиты и нападения в рукопашном бою. Обе стороны проявили большое профессиональное хладнокровие в привычной работе, и людские тела шпиговали пулями, как зайца шпигом. Как во всяком сра-

женин, были герои, павшие «смертью храбрых», были трусы, бежавшие с поля сражения, были пленные. А так как численный перевес был за полицией и победа осталась за нею, то роль пленных выпала на долю оставшихся в живых бандитов.

Атаман шайки, негр, первый прыгнувший через окно в комнату, успел пробежать в кабинет губернатора, прежде чем выжидавшие полицейские появились на сцене, и между атаманом и губернатором, который оказался мужчиной недюжинного десятка, завязалась отчаянная борьба. Конец этой борьбы положил появившийся из-за портьера начальник полиции. Ему очень хотелось поймать атамана шайки живым. Однако, когда начальник увидел перед глазами дуло револьвера, то поспешил разрядить свой «кольт», направив его в голову атамана. Два выстрела прозвучали одновременно, однако губернатор успел ударить по руке атамана, и выстрел его револьвера не причинил начальнику вреда. А пуля начальника пронзила навывлет череп атамана с такой легкостью, как будто это был арбуз.

Начальник полиции и губернатор нагнулись над убитым.

— Как жалко, что человека можно убить только один раз! — прочувствованно сказал губернатор. И, осмотрев лицо убитого, прибавил: — Негр!

Утверждение спиртоноса о том, что атаман был один и тот же человек, но принимавший разные внешние образы, было отвергнуто, как противное здравому смыслу. Правда, некоторые из арестованных также утверждали, что атаман являлся на новое дело в новом виде, — то худой, то толстый, то бледный, то загоревший, но их словам вообще мало верили. Возможно, что все они были в заговоре, «заметали следы». Так или иначе, после разгрома шайки и убийства бандита необычайные нападения на крупных чиновников прекратились, равно как и «отравления» неизвестным «ядом», который по-прежнему не проявлял себя. Личность убитого бандита, несмотря на все усилия, установить не удалось. В деле осталось много невыясненного. Публика осуждала действия начальника полиции, который не сумел захватить зверя живым и тем лишил толпу удовольствия наслаждаться судом и казнью преступника.

Общество осталось разочарованным и неудовлетво-

ренным, как будто последний, самый интересный акт, раскрывающий тайные интриги, не состоялся «по независящим от дирекции театра обстоятельствам».

Дни идут за днями, каждый день несет что-нибудь новое, заставляя забыть то, что волновало людей еще только вчера. Забыт Тонио Престо, забыты бандитские нападения и безвредные отравления судьи и прокурора. Жизнь течет своим чередом. На смену неоконченного фильма «Любовь и смерть» мистер Питч ставит новый фильм «Торжество любви» с Лоренцо Марром и Геддой Люкс в главных ролях. Мистер Питч деятельно готовится к новой постановке. В его кабинете с утра совещаются главные персонажи, режиссеры, операторы, архитекторы.

Мисс Люкс только что приехала. Она вошла в кабинет, подошла к столу мистера Питча и, протягивая ему руку через стол, сказала:

— Здравствуйте, мистер. Вы все полнеете!

— Чертовски полнею, — ответил мистер Питч.

С ним действительно творилось что-то необычайное. Каждый день он прибавлял в весе несколько фунтов и теперь выглядел настоящим ожиревшим боровом.

— А вы, кажется, перещеголяли моду? — спросил Питч, оглядывая короткую юбку мисс Люкс. А юбка была действительно слишком коротка, — не прикрывала колен пальца на четыре. Гедда смущенно посмотрела на свою юбку.

— Я не укорачивала ее, — ответила она. — Я сама не понимаю, что случилось с моими платьями. Они как будто сели, укоротились.

— Да, или вы выросли, — шутя сказал Питч. — А вы, Лоренцо, худеете не по дням, а по часам!

Лоренцо тяжело вздохнул и развел руками. Он выглядел очень плохо, похудел так, что костюм висел на нем мешком. Красавец Марра даже как будто меньше стал ростом, брюки его удлинились и ложились буфами на ботинки.

— Я уже обращался к врачу. Прописал усиленное питание.

— Да, у вас щеки провалились. Если так пойдет дальше, вы не в состоянии будете сниматься. Никакой грим не поможет! Вам придется взять отпуск и полечиться.

Поговорив еще о делах и ролях, они отправились в ателье.

Оператор Гофман хлопотал около аппарата. Он попросил Люкс стать у отмеченной черты на полу, посмотрел в визирку и заявил:

— Вы режетесь!

Люкс посмотрела на аппарат и на пол вокруг себя. Этого не могло быть. Она стояла почти в центре фокуса.

— Ваша голова не видна в таком крупном плане. Вы выросли, мисс Люкс! — В ателье послышался смех.

— Я не шучу, — ответил Гофман. — В пятницу я снимал вас на этом самом месте; вот черта, аппарат стоит неподвижно. Тогда вы входили в кадр, а теперь режетесь вверх почти до половины лба.

Люкс побледнела. Она с испугом посмотрела на свою короткую юбку. Неужели она, Гедда, начала расти? Но ведь это немыслимо! Она не девочка. И тем не менее не только юбка, но и укоротившиеся рукава говорили о том, что она вырастает из своего платья, как подросток.

Наметанный глаз Гофмана сделал еще одно открытие. Гофман заявил, что Лоренцо не только похудел, но что он стал меньше сантиметра на три. Это уже было совершенно невероятным, и тем не менее Гофман доказал, что это так.

Все с недоумением переглянулись. Артисты на вторые роли, бывшие на ужине у Престо, осмелились заявить, что с ними также происходит что-то непонятное. Одни из них пополнили с такою же быстротою, как и мистер Питч, другие худели, новые начинали расти, другие уменьшались. Всех «пострадавших» охватил панический ужас. Люкс упала в обморок. Лоренцо хныкал, сидя в кресле с резными ручками.

Срочно был вызван врач, и все стали в очередь — по рангу: впереди Питч (он даже Гедде не уступил свою очередь), за ним Гедда, приведенная в чувство, Лоренцо, за ним прочие артисты.

Врач внимательно осмотрел своих пациентов, но не нашел никаких органических заболеваний. Он неопределенно кивал головой и разводил руками. Все органы здоровы. Как будто все в порядке.

Только у мистера Питча доктор нашел ожирение сердца, что неизбежно при такой полноте.

— Надо лечиться от ожирения. Диета, гимнастика. прогулки...

— Пробовал. Не помогает, — безнадежно отвечал Питч. — Уж не отравил ли меня чем-нибудь на ужине Престо? — Доктор протестующе махнул рукой. — Ничего нет удивительного! — продолжал Питч. — Обратите внимание, заболели полнотой или худобой все, кто был на ужине у Престо.

— Но медицине неизвестны такие яды, — ответил доктор.

Мистер Питч не удовлетворился советами врача и через несколько дней созвал консилиум. Но и консилиум немногим больше утешил Питча. Ему посоветовали уехать на воды и лечь в специальную лечебницу, где лечат от ожирения.

Мистер Питч интересовался, как чувствуют себя Гедда Люкс и Лоренцо, и позвонил им. Гедда Люкс голосом, прерывающимся от слез, ответила, что она растет, растет неудержимо и не знает, чем это кончится. Она не успевает переделывать платья. В конце концов она приспособила что-то вроде тоги, которую каждый день надшивает.

— О съемках нечего и думать, — говорила она, всхлиывая. — Меня теперь только на ярмарках показывать. Вы не можете себе представить, как я изменилась!..

— Вы тоже не можете представить, как я изменился, — хрипел мистер Питч. — Я уже не могу сесть в кресло и сижу на трех стульях. Тело мое напоминает студень. Нос свисает на губы, губы — на подбородок, подбородок — на живот, живот сползает с колен. Я засыпаю во время разговора, меня душит жир.

Голоса Лоренцо мистер Питч не узнал в телефон. Лоренцо говорил таким пронзительным тонким голосом, что Питч два раза переспросил, кто говорит с ним. У Лоренцо было свое горе. Он сделался настоящим карликом. И что хуже всего, — его лицо изменилось: переносица впала, кончик носа сделался широким и приподнялся, уши оттопырились, рот сделался широким.

— Я похож на жабу! — пищал Лоренцо. — Это Престо заколдовал меня.

— Я о том же говорю. Но как он мог это сделать?

— Может быть, ему помогал доктор Сорокин, у которого Престо лечился!

— Сорокин! — закричал Питч. — Помогал ли он Престо околдовывать нас, — я не знаю, но Сорокин может помочь нам! И никто, кроме Сорокина. Я сейчас же позвоню ему по телефону. Едем к нему.

XII

Станный кортеж приближался к лечебнице доктора Сорокина. Целая вереница автомобилей ввозила необычайных уродцев, как будто переезжал бродячий цирк. Минстер Питч едва вмещал свое разбухшее шарообразное тело в кузове огромного автомобиля. Мисс Люкс была видна за милю, как жираф с высоко вытянутой шеей. Зато Лоренцо, потерявшего все свое величие, совсем не было видно. Он сделался так мал, что голова его не поднималась над краем открытого автомобиля. В одном автомобиле ехало страшное чудовище — подававший виды молодой актер с признаками акромегалии.

Новые пациенты были быстро размещены в домиках.

Как и всюду, мистер Питч был первым на приеме Сорокина. Врач сообщил мистеру Питчу очень интересную новость. Накануне злополучного вечера кто-то похитил из его лаборатории банки, в которых хранились вытяжки из различных желез. Эти вытяжки, подмешанные в вино, и могли произвести все метаморфозы с участинками ужина. Теперь ни мистер Питч, ни доктор Сорокин не сомневались в том, что все злоключения мистера Питча и его киноартистов — дело рук Престо, который, очевидно, хотел отомстить таким своеобразным способом тем, кто легкомысленно отвернулся от него.

— Но есть надежда на излечение? — спросил мистер Питч. -

— Полная, — уверенно ответил Сорокин. — Довольно будет воздействовать на ваш мозговой придаток, как вы быстро станете сбавлять в весе.

И доктор оказался прав. В три недели Питч потерял треть своего веса, причем Сорокин заявил, что «до жира мы еще не добрались, а спустили только воду».

Вообще с мистером Питчем было меньше всего хлопот. Болезнь его легко поддавалась лечению. Более сложною была болезнь Лоренцо и Гедды Люкс. Доктор Сорокин измерил их рост и в удивлении опустил сантиметр на землю. Лоренцо был ростом всего в сто двенадцать сантиметров. Это еще не так удивительно. Но Гедда! Сорокин, не доверяя себе и глазам, измерил ее дважды. Ошибки не было. Люкс имела рост двести восемьдесят семь сантиметров. Она могла бы свободно сесть верхом на слона или верблюда, не прибегая ни к каким подставкам.

— Это изумительно! — воскликнул Сорокин. — Совершенно небывалый в практике случай. Наибольший рост, известный науке, — двести пятьдесят пять сантиметров. Правда, русский великан Махнов, говорят, был еще выше и достигал двухсот восьмидесяти пяти сантиметров. Но цифра эта считалась явно преувеличенной. А вы, мисс, имеете рост выше, чем у мифического великана Махнова.

И задрав голову вверх так, что у него упала бы шляпа с головы, если бы она была надета, Сорокин продолжал, обращаясь к голове мисс Люкс, раскачивающейся где-то вверху, как на телеграфном столбе:

— Не правда ли, мисс, высокий рост имеет свои преимущества? Для вас открываются новые, обширные горизонты.

— Увы, очень печальные! — услышал Сорокин голос с неба.

— Но почему же? В толпе вам никто не будет мешать видеть, что делается вокруг. Вы нигде не затеряетесь. Вас очень удобно встречать на вокзале...

— Я буду счастлива только тогда, когда мне вернут мой рост.

— Постараемся, — успокоил ее Сорокин.

Похудевший мистер Питч уговаривал Лоренцо и Люкс остаться такими, какими их сделали «яды», влитые Престо в вино.

— Вы будете производить фурор не меньше, чем производил старый Престо. — Питч сулил им миллионы, и Лоренцо уже начал колебаться. Но, посмотрев на Люкс, отказался от заманчивого предложения.

Прошло еще две недели, и все начали понемногу приходить в свой прежний вид. Гедда Люкс уменьшилась в росте, малыш Лоренцо заметно подрастал, а

Питч уже почти дошел до своей обычной полноты. Все поговаривали уже о скором отъезде.

За несколько дней до выписки в лечебницу прибыли новые больные: судья, прокурор и губернатор. Но в каком виде! Прокурор сделался малышом наподобие Лоренцо, судья растолстел, как мистер Питч, а губернатор выглядел настоящим негром. А быть негром в Америке совсем не весело, в особенности губернатору. Он перенес кучу всяких неприятностей, прежде чем добрался до Сорокина.

Губернатору пришлось познакомиться со всеми престестями джимкроуизма¹.

Возмущенные дерзостью «негра», пассажиры едва не выбросили губернатора в окно, когда он явился в вагон-ресторан. На вокзале также произошел ряд столкновений.

Губернатор ужасно боялся того, как бы ему не остаться негром на всю жизнь. Он не отпускал от себя двух преданных слуг, на глазах которых он постепенно превращался в негра, и во всех столкновениях и недоразумениях они свидетельствовали, что губернатор не негр. Да, Престо сделал большую неприятность губернатору, заставив его побыть в шкуре негра! Губернатор заставлял мыть себя, опрокидывая целые бочки воды и горы мыла, но кожа его не белела. Приглашенный врач нашел, что кожа губернатора не окрашена сверху, а имеет темную пигментную окраску, как у негров.

— Может быть, ваши предки?.. — высказал доктор предположение.

Губернатор едва не убил его.

Метаморфоза с губернатором, судьей и прокурором произошла несколько недель спустя после того, как неизвестный бандит напал на них и, связав, влил в рот какой-то жидкости. Так как смерти после этого не последовало и в дальнейшем никаких признаков от-

¹ Неграм на юге США запрещается пользоваться общественными библиотеками и парками; для них устроены отдельные ожидающие комнаты на железнодорожных станциях. Они не могут обедать в ресторанах, останавливаться в приличных гостиницах, театры для них закрыты. На железных дорогах и в городах на трамвайных линиях для них имеются отдельные грязные вагоны, за которыми установилось прозвище «джим-кроу». Отсюда «джим-кроуизм» называются все подобные ограничения, установленные для негров.

равления они не испытывали, то потерпевшие начали уже успокаиваться и уверять себя, что все обойдется благополучно. Однако они были обмануты в своих надеждах: скоро один из них стал полнеть, другой уменьшаться в росте, и третий превратился в негра.

— Но почему в негра? Как это могло произойти? — с недоумением спрашивал губернатор. — Ведь бандит дома не вливал мне яду в рот.

— Он мог подкупить слугу и слуга влил жидкость в питье, — отвечал Сорокин. — Это все работа гипофиза — мозгового придатка. Гипофиз выделяет особое вещество, обладающее любопытным свойством. Ничтожное количество этого вещества, впрыснутое в кровь, вызывает расширение клеток, содержащих красящее вещество. Ученые уже несколько лет тому назад делали такой опыт: вспрыскивали вытяжку в кровь светлокостей лягушке — и кожа лягушки очень быстро темнела. Лягушка становилась «негром».

Губернатор сделал гримасу; ему не понравилась эта шутка.

— Гипофиз оказывает действие и на цвет кожи человека, — продолжал Сорокин.

— А лечение?

— Воздействие на тот же гипофиз.

— Так воздействуйте на него! — вскричал губернатор с таким жаром, как будто гипофиз был его смертельным врагом.

И Сорокин воздействовал. Все больные были на пути к полному выздоровлению. Мисс Люкс уменьшилась до своего нормального роста и вернула былую красоту. Подрос и Лоренцо. Но он был огорчен тем, что нос его стал как будто несколько толще прежнего. Он опасался, что ему не удастся доснять в начатом фильме и что вообще публика не признает его. Однако скоро исчез и этот недостаток. К Лоренцо вернулся его прежний нос. Все больные решили выписаться в один день. Сорокин одобрял это решение. Он мог проверять результаты лечения взаимным сравнением; к тому же излечившимся не мешало побыть несколько контрольных дней для того, чтобы проверить стойкость достигнутых результатов.

Наконец настал и этот желанный день. Все исцеленные из группы пострадавших от Престо собрались в курзал. Несмотря на то, что Сорокин был косвенно

виноват в их злоключениях, больные очень горячо благодарили его за успешное лечение.

Особенно прочувствованную речь сказал губернатор, который был бесконечно рад своему превращению из негра в белого человека, губернатора и капиталиста. Но окончание речи губернатора было несколько неожиданным.

— Мы никогда не забудем услуги, оказанной вами. Ваши знания, ваш талант вернули нас к жизни. Мы, — губернатор посмотрел на судью и прокурора, — не будем возбуждать преследования за тот вред, который причинил всем нам ваш гипофиз, ваши вытяжки, ваши опыты, ваши лягушки, светлокожие и темнокожие. Я взял на себя уладить ваше дело. Вам придется всего только покинуть нашу страну в возможно короткий срок. Сорок восемь часов — больше я не могу вам дать на сборы и на отъезд.

— О, благодарю вас! — ответил Сорокин. — Мне вполне достаточно двенадцати, чтобы покинуть вашу гостеприимную страну...

* * *

На палубе океанского парохода, отходившего из Нью-Йорка в Европу (Нью-Йорк — Лондон), сидел доктор Сорокин и без сожаления смотрел на уходящий берег.

Рядом с доктором сидел молодой человек в клетчатом пальто. Этого человека Сорокин заметил еще в вагоне, когда он пересекал континент с запада на восток.

— В Европу изволите ехать? — спросил молодой человек и, не ожидая ответа, повторил: — В Европу?

— Вы меня знаете? — удивился Сорокин.

— Да, я один из ваших пациентов.

— Пострадавших от Тонио Престо? Но я не помню вас. Счастье Престо, что он убит! Губернатор так зол на него за свое превращение в негра, что, попадись Престо ему в руки, губернатор сжег бы его на медленном электрическом огне!

— Да, счастье мое, — ответил молодой человек. — Счастье мое, что я не на берегу Америки. Позвольте мне пожать вашу руку и извиниться за похищение ваших чудодейственных склянок и за неприятности, до-

ставленные вам по моей вине... Я — Тонио Престо. Я принял самую гомеопатическую дозу вашего лекарства и, как видите, несколько изменил свою внешность.

— Но ведь вы... ведь Тонио Престо убит в виде негра?

— Увы, бедный негр убит в самом настоящем своем виде. В то время я действительно «переделал» себя в негра при помощи ваших лекарств, но в моей гм... шайке было два негра: поддельный — это был я, и был настоящий. Настоящего убили, я остался жив и очень успешно, как видите, превратился опять в белого. Я хорошо запомнил назначение склянок, — помните, вы объясняли мне? — и вот... Воздух Америки мне вреден, а их всех я, кажется, недурно проучил!

И Тонио засмеялся так заразительно-весело, как никогда не смеялся уродец Престо.

КОММЕНТАРИИ

ЧЕЛОВЕК, ПОТЕРЯВШИЙ ЛИЦО

Впервые роман был опубликован в журнале «Вокруг света» (1929, № 19—25), а на страницах книги увидел свет лишь в 1958 году, в составе авторского сборника «Остров Погибших Кораблей». В 1964 году он был включен в 4-й том Собрания сочинений А. Беляева, выпускавшегося издательством «Молодая гвардия».

В «Человеке, потерявшем лицо» Беляев продолжал последовательно развивать в своем творчестве «биологическую» тему (вспомним «Голову профессора Доуэля», «Человека-амфибию», «Властелин мира» и т. д.), еще раз демонстрируя тем самым прозорливость писателя-фантаста: в наш дни это направление является одним из ведущих в советской научной фантастике (например, «Гость из бездны» Г. Мартынова, «Открытие себя» В. Савченко, а также отдельные рассказы и повести К. Булычева, Дм. Биленина, П. Амнуэля, С. Другалы и др.).

В работе над романом Беляев опирался на реальные работы врачей и физиологов своего времени. Даже фамилия Сорокин дана «чудесному доктору» не случайно: в восприятии современников она ассоциировалась с деятельностью Сергея Александровича Воронова (1866—1951), известного своими опытами по омолаживанию животных и человека.

Впоследствии Беляев значительно переработал роман — его не удовлетворяла прежняя концовка.

Существенно изменился и образ Тонио Престо. Вместо бунтаря-одиночки, мстителя, вставшего во главе гангстерской шайки, в новой редакции он — сознательный борец за социальную справедливость. Произведение получило и новое название, отразившее

изменение авторской позиции, — «Человек, нашедший свое лицо». Впервые этот вариант романа был выпущен Ленинградским отделением издательства «Советский писатель» в 1940 году. В послевоенное время дважды перенздавался.

Идея преобразования живых организмов при помощи гормональных препаратов нашла последователей в отечественной научной фантастике (упомянем повесть А. Палея «Остров Таусена», фантастический памфлет Л. Лагинна «Патент АВ» и др.).

Стр. 495. «...Ч а п л и н ы х, Китонов, Пренсов». — Чаплин Чарлз Спенсер (1889—1977) — великий американский актер, кинорежиссер, сценарист, создатель трагикомического образа «маленького человека»; лауреат Международной премии Мира (1954). Китон, Бестер (1896—1966) — известный американский актер и кинорежиссер. Пренс (подлинное имя — Шарль Сеньер, более известен как Пренс-Ригаден) — популярный французский комик начала XX века.

Стр. 496. «...Отелло, Манфред, Эдип...» — «Венецианский мавр» Отелло — герой трагедии великого английского драматурга Уильяма Шекспира (1564—1616) «Отелло» (1604). Манфред — герой драматической поэмы великого английского поэта Джорджа Ноэля Гордона Байрона (1788—1824) «Манфред» (1817). Эдип — герой трагедии великого древнегреческого поэта-драматурга Софокла (ок. 496—406 гг. до н. э.) «Царь Эдип».

Стр. 497. Мейстерзингеры — немецкие средневековые поэты-певцы из ремесленно-цеховой среды, в XIV—XV веках пришедшие на смену миннезингерам — поэтам-певцам из рыцарского сословия.

Гомерический смех — неудержимый, громовой смех, подобный тому, каким, согласно «Илиаде» Гомера, смеялись на своих пиршествах олимпийские боги.

Стр. 506. Леонардо да Винчи (1452—1519) — великий итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер, имя которого стало символом эпохи Высокого Возрождения.

Стр. 508. Неустойка — заранее оговоренное в соглашении (контракте) взыскание (штраф), выплачиваемое стороной, нарушившей взятые на себя обязательства.

Сандвичевы острова — одно из названий Гавайских островов, архипелага в центральной части Тихого океана, с 1959 года являющегося пятидесятым штатом США.

Стр. 510. Печать К а н н а — по библейской мифологии Канн, сын первых людей Адама и Евы, убил своего брата Авеля. За это бог обрек его на вечные скитания, а чтобы никто не мог, убив Канна, тем самым сократить ему срок наказания, бог отметил его особым знаком. Иносказательно «каннова печать» — символ проклятия.

Стр. 511. Башни Нотр-Дам де Пари (собора Парижской богородицы), выдающегося памятника готической архитектуры XII—XIII веков, украшают химеры — скульптурные изображения фантастических чудовищ.

Стр. 516. «...так много кретнинов и зобных больных». — Как установлено современной наукой, причина распространения упомянутых Беляевым болезней в отдельных районах земли заключена не в присутствии там в питьевой воде каких-то ядов, а в недостатке или избытке йода и других микроэлементов.

Стр. 517. Бэрбанк (ныне принято написание Бербанк), Лю-

тер (1840—1926) — американский селекционер-дарвинист, автор многих сортов плодовых, овощных, полевых и декоративных культур.

Стр. 526. Л л о й д Гарольд (1893—1971) — известный американский киноартист.

Стр. 527. «Он — Ромео, Гедда — Юлия...» — Имеются в виду герои трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» (1595); «Джульетта — уменьшительная форма имени Юлия (Джулия).

Стр. 534. Цивильный лист — определенная законом конституционной монархии сумма, предоставляемая ежегодно монарху в личное пользование и на содержание его двора.

Стр. 553. Д и ф ф а м а ц и я — опубликование в печати соответствующих или не соответствующих действительности сведений, порочащих кого-либо.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ АТЛАНТИДЫ

Научно-фантастический роман

Как была открыта Атлантида

I.	Подводная экспедиция	5
II.	Атлантида и Мэри	8
III.	В поисках Атлантиды	10
IV.	Неожиданная помощь	12

Последний человек из Атлантиды

I.	Атлантида	15
II.	Сель	20
III.	Гуан-Атагуераган, царь Атлантиды	23
IV.	Адиширна-Гуанч	26
V.	При свете звезд	29
VI.	Праздник солнца	34
VII.	Акса-Гуам-Итца и Ата	38
VIII.	В магическом круге	47
IX.	Змееныш	53
X.	В старых шахтах	56
XI.	Аиро-Шану и Кризна	61
XII.	Восстание рабов	66
XIII.	Конец восстания рабов	72
XIV.	Гибель Аты	76
XV.	Обреченные	78
XVI.	Крылатый змей	83
XVII.	«Золотой век»	86
XVIII.	Гибель Атлантиды	91
XIX.	Корабль мертвецов	98
XX.	Последний человек из Атлантиды	104

МЕРТВАЯ ГОЛОВА

Рассказ

I.	В погоне за славой	109
II.	Человек и паук	112
III.	Сновидения наяву	116
IV.	«Сумасшедшая» пума	120

V.	Воздушное жилище	.	.	.	124
VI.	Неудачное отплытие	.	.	.	128
VII.	«Небоскреб» в лесу	.	.	.	132
VIII.	Человек без имени	.	.	.	135
IX.	Бессловесное существо	.	.	.	138
X.	Фессор	.	.	.	144
XI.	Неведомые богатства	.	.	.	149
XII.	«Дух леса»	.	.	.	153

ДЕРЖИ НА ЗАПАДЕ	Рассказ	.	.	.	161

НЕВИДИМЫЙ СВЕТ.	Рассказ	.	.	.	175

ИНСТИНКТ ПРЕДКОВ

Фантастический рассказ

I.	Сумасшедший	.	.	.	195
II.	«Победитель львов»	.	.	.	198
III.	Что произошло в доме отдыха	.	.	.	205
IV.	Воскрешение инстинкты	.	.	.	207
V.	Толстовка или звериная шкура?	.	.	.	208

СЛЕПОЙ ПОЛЕТ

1.	Ловец сигналов				213
2.	Таинственный боцд				215
3.	Пропавший стратоплан				217
4.	Слепой полет				221
5.	«А земля-то круглая!»				224

МИСТЕР СМЕХ

На распутье	.	.	.	229
Королева слез	.	.	.	231
Эврика!	.	.	.	235
Путь к славе	.	.	.	237
Вверх дном	.	.	.	242
Король смеха	.	.	.	247

НИ ЖИЗНЬ, НИ СМЕРТЬ

Научно-фантастический рассказ

I.	Мистер Карлсон предлагает свой план	.	.	.	255
II.	Станный клиент	.	.	.	260
III.	Неутешный племянник	.	.	.	266
IV.	Воскрешение мертвых	.	.	.	270
V.	Выгодное предприятие	.	.	.	273
VI.	Во льдах Гренландии	.	.	.	275
VII.	Возвращение	.	.	.	279
VIII.	Агасфер	.	.	.	284
IX.	Под звездным небом	.	.	.	288

ВЛАСТЕЛИН МИРА

Научно-фантастический роман

Часть первая

I.	Кандидат в Наполеоны	295
II.	Под колесами поезда	302
III.	Два завещания	307
IV.	Счастливая невеста	311
V.	Запутанная история	315
VI.	Судебный процесс	317
VII.	Пропавший наследник	321
VIII.	Стеклянный дом	325
IX.	Пятьдесят процентов прибавки	329
X.	«Девушка с разбитым кувшином»	333
XI.	Несостоявшееся свадебное путешествие	339
XII.	В шесть часов вечера	345

Часть вторая

I.	Биржевая паника	351
II.	Побеждает сильнейший	356
III.	Белая вилла	360
IV.	Массовый психоз	367
V.	Комитет общественного спасения	373
VI.	Неудавшееся покушение	380
VII.	«Трильби»	388
VIII.	Паническая зона	392
IX.	«Дружеская помощь»	399
X.	В поисках равного оружия	407
XI.	Московский изобретатель	414
XII.	Немая война	422
XIII.	«Чертовски интересная ночь»	432
XIV.	Игра окончена	447
XV.	У разбитого акварнума	452

Часть третья

I.	Домик у моря	461
II.	Охотники на львов	467
III.	Штирнер и Штерн	473
IV.	«Лебедь» Сен-Санса	480
V.	Укрощенные	483

ЧЕЛОВЕК, ПОТЕРЯВШИЙ ЛИЦО

Научно-фантастический роман	493

Беляев Александр Романович

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ**

ТОМ 2

**Ответственный редактор
В. В. Борисов**

**Художественный редактор
Л. Р. Карюков**

**Технический редактор
Н. М. Жарикова**

**Корректоры
Г. Н. Витухиновская, Г. Ф. Тихонова**

ИБ 2

Сдано в набор 30.07.91 г. Подписано к печати 4.11.91 г.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная книжно-журнальная.
Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24.
Уч. изд. л. 29,9. Усл. кр.-отт. 60,48. Тираж 110 000. Заказ
4216. Цена договорная.
Издательский центр «Анна», г. Воронеж, пр. Революции, 39.
394746, типография издательства «Коммуна», г. Воронеж,
пр. Революции, 39.

Беляев А. Р.

- Б44** Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. Романы,
повесть, рассказы. Рис. Л. Карюкова — 1992. —
576 с., ил.

В том входят: романы «Последний человек из Атланти-
ды», «Человек, потерявший лицо», «Властелин мира» и рас-
сказы «Мертвая голова», «Держи на западе!», «Невидимый
свет», «Ни жизнь, ни смерть», «Мистер Смех», «Слепой полет».

4702010201—002
Б **В89(03)—91** Подписное

